ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
САРАТОВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ

Сборник научных трудов

Выпуск 12-13

Саратов 2019

ББК 63.3 я 43 В63
УДК [930.9 + 355.48] (082)
В63

Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов. – Саратов, «Техно-Декор», 2019. – Вып. 12-13. – 484 с.

ISSN 1819-3145

Выпуск «Военно-исторических исследований в Поволжье» №12-13 продолжает серию, издающуюся в формате ежегодника в Саратове. Издание посвящено военной истории, как всеобщей, так и отечественной. Среди авторов сборника специалисты из Москвы, Петербурга, Саратова и многих других городов России, из Франции и Белоруссии. Выпуск построен по проблемно-хронологическому принципу, а также содержит работы по историографии, рецензии на вышедшие книги, информацию о книжных новинках. Темой выпуска избраны события 1917 – 1922 гг. в России.

Для специалистов в области всеобщей и отечественной военной истории, учителей, студентов, курсантов и слушателей военно-учебных заведений, всех, интересующихся военной проблематикой.

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук, доц. *А. В. Посадский* (отв. редактор),
докт. ист. наук, проф. *А. А. Герман*, докт. ист. наук, проф. *В. Н. Данилов*,
канд. ист. наук, доц. *А. А. Симонов* (отв. секретарь).

ББК 63.3 я 43
УДК [930.9 + 355.48] (082)

© Институт истории
и международных отношений
СГУ им. Чернышевского

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 9

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Жевахов А.Б. (Париж, Франция) Французские СМИ
и столетие 1917 года 13

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Замулин В.Н. (Белгород) «Подавай им чёрный хлеб правды.
На кой чёрт она нужна, если она нам невыгодна!»
Отечественная историография Курской битвы 1957 - 1970 гг. 16

ВОЙНЫ СРЕДНИХ ВЕКОВ: ЮБИЛЕИ СРАЖЕНИЙ И ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Галямичев А.Н. (Саратов) «Тряслися грозно Пиренеи…»
(К 1300-летию битвы при Ковадонге) 36
Нуждин О.И. (Екатеринбург) Робер III Артуа: частный конфликт
ставший войной 41
Нуждин О.И. «Если я и была военачальником, то только чтобы
сражаться с англичанами» (к вопросу о месте Жанны д'Арк
в армии Карла VII) 49
Галямичев А.Н. (Саратов) Первые победы гуситского оружия
(к 600-летию начала гуситских войн) 57

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XVII – XVIII ВВ.

Волков В.А. (Москва) Освобождение Москвы ополченским войском
Пожарского, Трубецкого и Минина, и избрание на царство
Михаила Федоровича Романова 63
Рабинович Я.Н. (Саратов) Служилые люди по отечеству
Климовы в левобережном Саратове (третья четверть XVII в.) 70
Соловьев Ю.П. (Брянск) Начало карьеры генерал-фельдмаршала
С.Ф. Апраксина 81

НА ОКРАИНАХ: СОСЕДИ, СЛУЖБА И БУНТ

Соловьев Ю.П. (Брянск) Комарицкие драгуны.
Об одной неудавшейся служилой корпорации 102
Рабинович Я.Н. (Саратов) Калмыки и левобережный Саратов
во второй – третьей четвертях XVII века: от вооруженных конфликтов
к мирным торговым связям 126
Усенко О.Г. (Тверь) О характере булавинского восстания 135
Усенко О.Г. (Тверь) Идеология Булавинщины: динамика
целей и планов повстанцев 152

РОССИЯ В РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1917 – 1922 гг.

РУССКАЯ АРМИЯ В 1917-М ГОДУ

Тарасов К.А. (Санкт-Петербург) Антропология солдатского митинга. Общеполковые собрания в Петроградском гарнизоне в 1917 году 180
Бажанов Д.А. (Санкт-Петербург) Деятельность революционных органов власти Балтийского флота по решению хозяйственных вопросов (март – июнь 1917 г.) 192

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Хохлов И.В. (Великий Новгород) Формирование частей Красной армии на территории Новгородской губернии в годы Гражданской войны 200
Герман А.А. (Саратов) Военные мероприятия на территории Области немцев Поволжья в годы Гражданской войны 208
Посадский А.В. (Саратов) Полковник В.К. Манакин и волонтеры-ударники 1917-го года в Белой борьбе 213
Яковенко В.А. (Москва) Из деятельности реабилитационных комиссий ВСЮР..... 218
Хайрулин М.А. (Москва) - Действия авиации красных и белых во время Уфимской операции 2 - 10 июня 1919 г..... 226
Герман А.А. (Саратов) **-** Кавалерийская бригада немцев Поволжья на фронтах Гражданской войны (1919 – 1921 гг.). 236
Чернякевич А.Н. (Гродно, Республика Беларусь) – Организация и деятельность польской Самообороны на территории Беларуси, конец 1918 -начало 1919 гг. 242

ПОВСТАНЦЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Ренев Е.Г. (Ижевск) Крестьянство и Ижевско-Воткинское антибольшевистское восстание 263
Грищенко А.Н. (Новочеркасск Ростовской области) – «Временное советское правительство» в отдельно взятой волости: крестьянское восстание в Ефремово-Степановской волости в декабре 1920 года 279
Булгаков А.О. (Балашов Саратовской области) «Народные армии» 1919 года на территории Балашовского Прихопёрья: первые результаты Исследования 290

О ПОВСТАНЧЕСТВЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ЯЗЫКОМ ДОКУМЕНТОВ

«У меня имеется поручение государственной важности»: документы о подпольной деятельности в 1918 г. члена Учредительного собрания от Тамбовской губернии И.И. Рябова *(публ. М.И. Вебера, Екатеринбург)*..... 295

Оттенки зеленого. К истории восстания полковника Сухенко в апреле 1920 г. *(публ. С.И. Дробязко, Москва)* 308

«Говорю, если деревни не будут заняты, будет расстрелян комсостав»: эпизод из истории подавления Западно-Сибирского восстания 1921 г. *(публ. М.И. Вебера, Екатеринбург)* 316

Краткий обзор борьбы против банд Серова в Приволжском военном округе за время с августа 1921 года по апрель 1922 года *(публ. А.А. Симонова, А.Н. Рыбакова, Саратов)* 322

О поддержке повстанцев. Письмо Г.А. Алексинского И.К. Окуличу *(публ. Ф.А. Попова, Москва).* 333

РУССКИЕ СУДЬБЫ XX ВЕКА

Абинякин Р.М. (Орел) Генерал-лейтенант И.П. Романовский: страницы дореволюционной биографии 336
Зайцева М.Ю. (Тамбов) Николай Матвеевич Изофатенко 343
Самцевич А.А. (Владимир) Леонид Байдак: солдат шести армий 349
Шулдяков В.А. (Омск) Начальник Войскового снабжения Сибирского казачьего войска Григорий Евлампиевич Грязнов: материалы к биографии казака, предпринимателя, общественного деятеля 357

Солдат на войне: из автобиографии Ф.Г. Иванова *(публ. М.Н. Луночкина, р.п. Чернышковский Волгоградской области)* 373

ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ

Бондарь С.А. (Саратов) Военные церкви и военное кладбище Саратова 377
Лапин В.В. (Санкт-Петербург) Исторические мифы в именах кораблей военного флота 382

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ПАРТИЗАНЫ И КОЛЛАБОРАНТЫ

Боярский В.И. (Москва) – «В боевом содружестве с патриотами Польши» 394
Ермолов И.Г. (Брянск) – Коммунисты и комсомольцы под оккупацией: патриоты или пособники нацистов? 410
Цветков А.В. (Тверь) – Коллаборационистские формирования на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны 423
Грибков И.В. (Москва) «Направление всей пропагандной работы – это участие в борьбе по свержению большевизма»: военная печать власовцев
Приложение. Список изданий власовской военной прессы 438
Андрюхин В. (Нижний Новгород) История «русского отряда» при абвергруппе-209 (по материалам органов государственной безопасности СССР) 446

ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Завьялова А.А., Завьялова С.В. (Нижний Новгород) «Афганцы» – уроженцы Шахунского района Горьковской области
Приложение. Список ветеранов боевых действий – уроженцев Шахунского района, проходивших службу в Республике Афганистан 456

РЕЦЕНЗИИ. КНИЖНАЯ ПОЛКА 472

CONTENTS

Introduction 9

HISTORICAL JOURNALISM

Zhevakhov A.B. (Paris, France) French media and the centenary of 1917. 13

THE ISSUES OF HISTORIOGRAPHY

Zamulin V.N. (Belgorod) «Give them the black bread of truth. Why the hell do we need it if we can't afford it?». Domestic historiography of the battle of Kursk 1957-1970. 16

WARS OF THE MIDDLE AGES: BATTLE ANNIVERSARIES AND HISTORY IN PERSONS

Galyamichev A.N. (Saratov) «The Pyrenees shook terribly...» (To the 1300 anniversary of the battle of Covadonga) 36
Nuzhdin O.I. (Yekaterinburg) Robert III Artois: a private conflict that became a war 41
Nuzhdin O.I. «If I was a military leader, it was only to fight with the British» (to the question of the place of Joan of Arc in the army of Charles VII) 49
Galyamichev A.N. (Saratov) The first victories of Hussite weapons (to the 600-th anniversary of the Hussite wars) 57

MILITARY HISTORY OF RUSSIA XVII - XVIII CENTURIES

Volkov V.A. (Moscow) Liberation of Moscow by the militia army of Pozharsky, Trubetskoy and Minin, and election to the Kingdom of Mikhail Fedorovich Romanov ... 63
Rabinovich Ya.N. (Saratov) Serving people noblemen Klimovs in the left-bank- Saratov (the third quarter of the XVII century). 70
Solovyov Yu.P. (Bryansk) The beginning of the career of field Marshal S.F. Apraksin 81

ON THE OUTSKIRTS: NEIGHBORS, SERVICE AND RIOT

Soloviev Yu.P. (Bryansk) Komaritsky Dragoons. About a failed employee of the service corporation 102
Rabinovich Ya.N. (Saratov) Kalmyks and left-Bank Saratov in the second – third quarters of the XVII century: from armed conflicts to peaceful trade relations 126
Usenko O.G. (Tver) About the nature of the Bulavin uprising 135
Usenko O.G. (Tver) The ideology of Bulavin uprising: dynamics of goals and plans of the rebels 152

RUSSIA IN THE REVOLUTION AND CIVIL WAR 1917-1922

THE RUSSIAN ARMY IN 1917-M TO YEAR

Tarasov K.A. (St. Petersburg) Anthropology of soldiers' rally.
General regimental meetings in the Petrograd garrison in 1917 180
Bazhanov D.A. (St. Petersburg) The economic issues in the activities
of the revolutionary authorities in the Baltic Fleet in March - June 1917 192

ON THE FRONTS OF THE CIVIL WAR

Khokhlov I.V. (Veliky Novgorod) Formation of red army units
on the territory of Novgorod province during the Civil war 200
German A.A. (Saratov) Military activities in the region
of the Volga Germans during the Civil war 208
Posadsky A.V. (Saratov) Colonel V. K. Manakin and volunteers-strikers
of 1917 in the White struggle 213
Yakovenko V.A. (Moscow) From the activities of the rehabilitation
commissions of the VSSUR 218
Khairulin M.A. (Moscow) - the effects of aviation
red and white during a Ufa operation 2 - 10 Jun 1919..... 226
German A.A. (Saratov) - Cavalry brigade of the Volga Germans
on the fronts of the Civil war (1919-1921). 236
Chernyakevich A.N. (Grodno, Republic of Belarus) – organization
and activity of the Polish self-Defense in the territory of Belarus,
the end of 1918-the beginning of 1919. 242

THE REBELS OF THE CIVIL WAR

Renev E.G. (Izhevsk), the Peasantry and the Izhevsk-Votkinsk
anti-Bolshevikuprising 263
Grishchenko A.N. (Novocherkassk, Rostov region) – «Provisional
Soviet government» in a separate parish: peasant uprising
in Efremovo-Stepanovskaya parish in December 1920 279
Bulgakov A.O. (Balashov, Saratov region) «People's armies»
of 1919 on the territory of Balashov Hoper river region:
the first results of the study 290

ON THE INSURGENCY OF THE CIVIL WAR IN THE LANGUAGE OF DOCUMENTS

«I have a Commission of national importance»: documents
on underground activities in 1918 of a member of the Constituent
Assembly from the Tambov province I.I. Ryabov *(Weber M.I., Yekaterinburg, publ.)* . 295
Shade of green. On the history of the uprising of Colonel Sukhenko
in April 1920 *(S.I. Drobyazko, Moscow, publ.)*..... 308
«I say, if the villages are not occupied, the Communist staff will be shot»:
an episode from the history of the suppression of theWest Siberian
uprising of 1921 *(Weber M.I., Yekaterinburg, publ.)* 316

A brief overview of the struggle against Serov's gangs in the Volga military district during the period from August 1921 to April 1922
(publ. Simonov A.A., Rybakov A.N., Saratov, publ.) 322
Support for the rebels. Letter of G.A. Aleksinsky to I.K. Okulich
(Popov F.A., Moscow, publ.). 333

RUSSIAN FATES OF THE TWENTIETH CENTURY

Abinyakin R.M. (Orel) Lieutenant-General I.P. Romanovskiy: pages of pre-revolutionary biography 336
Zaitseva M.Y. (Tambov) Nikolai Matveevich Isofatenko 343
Samtsevich A.A. (Vladimir) Leonid Baidak: soldier of six armies 349
Shuldyakov V.A. (Omsk) Head of Military supply of the Siberian Cossack army Grigory Yevlampievich Gryaznov: materials for the biography of a Cossack, entrepreneur, public figure 357
Soldier at war: from the autobiography of F.G. Ivanov
(Lunochkin M.N., the village of Chernyshkovskiy, Volgograd region, publ.) 373

MEMORY SPACE

Bondar S.A. (Saratov) Military churches and military cemetery of Saratov 377
Lapin V.V. (St. Petersburg) Historical myths in the names of ships of the Navy 382

THE GREAT PATRIOTIC WAR: PARTISANS AND COLLABORATORS

Boyarsky V.I. (Moscow) «In combat cooperation with the patriots of Poland» 394
Ermolov I.G. (Bryansk) Communists and Komsomol members under occupation: patriots or Nazi collaborators? 410
Tsvetkov A.V. (Tver) - Collaborationist formations on the territory of Kalinin region during the great Patriotic war. 423
Gribkov I.V. (Moscow) «The Direction of all propaganda work is participation in the struggle to overthrow Bolshevism»: Vlasov military press
Application. List of publications of the Vlasov military press 438
Andriukhin V.I. (Nizhny Novgorod) History of the «Russian detachment» at the abergruppe-209 (based on the materials of the state security agency of the USSR) 446

FROM MODERN MILITARY HISTORY

Zavyalova A.A., Zavyalova S.V. (Nizhny Novgorod) «Afghans» – natives of Shakhunsky district of Gorky region
Application. List of combat veterans - natives of Shahun district who served in the Republic of Afghanistan 456

REVIEWS, BOOKSHELF 472

ВВЕДЕНИЕ

Читатель держит в руках очередной, 12-й выпуск альманаха «Военно-исторические исследования в Поволжье». Он был основан в Саратовском университете и издается в формате ежегодника.

Наши авторы – исследователи из Москвы, Саратова, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, белорусского Гродно и других городов. Альманах посвящен военной истории в целом, его поволжское имя определяется местом издания и инициаторами – саратовскими военными историками, а не географическими приоритетами. Хотя сюжеты военной истории собственно Поволжья присутствуют в данном выпуске и, надеемся, будут появляться на страницах следующих выпусков нашего издания.

Альманах, как всегда, обращается к различным темам и историческим периодам как отечественной, так и всемирной военной истории.

Открывает книгу публицистический очерк А.Б. Жевахова, русского парижанина, об отношении французов к собственной и русской истории, прежде всего – к столетней годовщине русской революции. Автор делает вывод, что трагическая судьба императорской семьи вызывает больший интерес, чем октябрьские события 1917-го года.

Первая рубрика посвящена проблемам историографии. В ней помещен объемный материал В.Н. Замулина – хорошо известного военным историкам многолетнего исследователя Курской битвы. Он подробно освещает перипетии научного и официально-партийного осмысления этого сражения в конце 1950-х – 1960-х годах.

Далее рубрикация выдержана в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Сюжеты средневековой военной истории представлены не очень известными, но оказавшимися чрезвычайно важными в «большой» истории событиями. Саратовский медиевист А.Н. Галямичев посвятил свою работу сражению при Ковадонге – отправному пункту испанской Реконкисты, и его историческому значению. О.И. Нуждин предлагает два сопряженных материала. В одной статье он развивает свой взгляд на исход знаменитой тяжбы XIV века за графство Артуа, в которой проигравший и посчитавший себя несправедливо обиженным граф Робер стал одним из «моторов» начала Столетней войны, столь круто изменившей и политическую карту, и взаимоотношения Франции и Англии. В другой речь идет о настоящих роли и статусе такой знаменитой персоны той самой Столетней войны, как Жанна д`Арк. А.Н. Галямичев во втором своем материале заставляет вспомнить внушительный юбилей – 600-летие начала вооруженной борьбы гуситов. Его статья посвящена обстоятельствам начала и первым успехам собственно вооруженной борьбы гуситов против католиков.

Следующая рубрика посвящена русской военной истории XVII - XVIII столетий. В.А. Волков предлагает новую оценку военно-политических событий вокруг известного сюжета – освобождения ополченцами Москвы в 1612 г., а саратовский историк Я.Н. Рабинович прослеживает судьбы служилых людей в Саратове, когда город находился на левом, «азиатском», берегу Волги. Брянский историк Ю.П. Соловьев демонстрирует несправедливость распространенного предвзятого отношения к елизаветинскому генерал-фельдмаршалу С.Ф. Апраксину. Начало ка-

рьеры С.Ф. Апраксина рассматривается в контексте его родственных и семейных связей.

Следующая рубрика объединяет события тех же столетий на обширных окраинах Русского государства. Ю.П. Соловьев предлагает обширный материал о судьбе комарицких драгун и показывает, почему государству так и не удалось превратить небедных и своенравных жителей пограничья в управляемую воинскую силу. Я.Н. Рабинович уделяет внимание военной истории левобережного Саратова. Тогдашняя крепость имела значение форпоста против калмыков, и автор показывает, как хозяйственные связи соседствующих народов постепенно побеждали вражду и хищничество. О.Г. Усенко публикует два больших материала, посвященных выступлению К. Булавина. В первом исследуется вопрос о характере восстания. Действительно, добулавинский Дон и Дон после жестокого подавления восстания – это очень разные жизни и даже разный состав населения. В другой статье речь идет об идеологии движения и ее трансформациях под воздействием развития вооруженной борьбы.

Следующие четыре рубрики объединены темой номера – «Россия в революции и Гражданской войне 1917 – 1922 гг.»

Материалы К.А. Тарасова и Д.А. Бажанова посвящены революционной армии 1917-го года. Тарасов исследует солдатский митинг как форму самоорганизации вчерашних крестьян по образцу схода, Бажанов – способы решения хозяйственных вопросов на флоте в новых условиях – после приказа №1.

А.А. Герман и И.В. Хохлов рассказывают об эпизодах строительства РККА, соответственно, в Области немцев Поволжья и Новгородской губернии. А.В. Посадский показывает присутствие в белых рядах кадров волонтеров-ударников 1917-го года и описывает настойчивые попытки энтузиаста данного начинания полковника В.К. Манакина собрать ударников вместе, причем как в 1919 г., так и много позднее, уже в эмиграции. Молодой московский историк В.А. Яковенко затрагивает малоразработанный сюжет – деятельность печально известных реабилитационных комиссий ВСЮР. М.А. Хайрулин, известный специалист по истории авиации Гражданской войны, дает детальный разбор работы авиации сторон во время Уфимской операции Красной армии в первой декаде июня 1919 г. А.А. Герман обрисовывает еще и судьбу малоизвестного соединения РККА – Немецкой кавалерийской бригады, и показывает, почему бригада из немцев Поволжья недолго могла удерживать свой национально-немецкий облик. А.Н. Чернякевич описывает сюжет, совсем мало известный российскому читателю. Это самооборона польского населения на западнобелорусских и литовских землях в 1918 – 1919 гг., один из эпизодов становления «Второй Речи Посполитой» в условиях конца Первой мировой войны и денонсации Брестского мирного договора.

Судьбы повстанчества в годы Гражданской формируют самостоятельную рубрику. Е.Г. Ренев обращается к очень важному сюжету – крестьянскому участию в Ижевском восстании. Этому автору уже приходилось показывать, что представления о масштабах этого участия могли очень преувеличиваться в мемуарных источниках, и выяснение истинной картины представляется важной научной задачей. А.Н. Грищенко характеризует локальное восстание в одной из крестьянских волостей Области Войска Донского в конце 1920 г. Статья А.О. Булгакова рассказывают о событиях, развивавшихся в Прихоперье летом 1919 г. Они являлись эпизодами обширной «зеленовщины», сотрясшей губернии промышленного Центра, Севера, Прихоперья, отчасти Среднего Поволжья.

В следующую рубрику сгруппированы документальные материалы по истории повстанческого движения. Открывает раздел документальная публикация,

подготовленная екатеринбургским историком М.И. Вебером. Она представляет собой подборку документов, связанных с деятельностью И.И. Рябова, эсера и депутата Учредительного собрания от Тамбовской губернии. Он давал показания колчаковской контрразведке в начале 1919 г. и характеризовал в них настроения крестьян в Тамбовской и Саратовской губерниях, предлагал способы поддержать крестьянское недовольство большевиками и развить его в большое повстанческое движение. С.И. Дробязко предлагает документальную публикацию, посвященную недлительному и не очень, казалось бы, рельефному событию – мятежу двух кубанских полков РККА в апреле 1920 г. Мятеж не разросся, многие из восставших просто разошлись. Однако контекст этих событий интересен именно в отношении казачьего поведения в критических обстоятельствах. Боевой и удачливый кубанец, урядник Великой войны и уже полковник в Вооруженных Силах Юга России и кавалер британского ордена к весне 1920 г., Антон Сухенко, сменил фронт в конце марта 1920 г., огнем встретил отступающие к морю добровольческие части. В результате два его полка вошли в состав наскоро сформированной красными из вчерашних деникинцев кавалерийской дивизии. Менее чем через месяц тот же Сухенко поднял свои полки на мятеж, выдвинув лозунги против коммуны и за Учредительное собрание. Документальная подборка показывает, как это происходило, глазами красных командных инстанций. М.И. Вебер предлагает также публикацию выразительных документов о настроении бойцов и командиров красных частей, подавлявших Западносибирское восстание 1921 г. А.А. Симонов и А.Н. Рыбаков публикуют интересный документ о действиях повстанческого формирования Серова с августа 1921 г. по апрель 1922 г. Отряд Серова – последнее крупное повстанческое формирование в Европейской России, действовавшее почти до конца 1922 г. Между тем, эпопея эта описана лишь фрагментарно. Публикуемый документ позволяет оценить масштаб и географию деятельности большого отряда, объединявшего в своих рядах недавних солдат как белых, так и красных соединений. Заключает рубрику публикация Ф.А. Попова; это короткое письмо, касающееся помощи эмиграции повстанцам Карелии. Автор и адресат весьма характерны и показывают, как сдвинулись после революции традиционные представления о левом и правом.

За темой номера следует рубрика «Русские судьбы XX века». Из множества офицерских судеб со сложными перипетиями читатель увидит начало офицерской карьеры И.П. Романовского – известного деятеля и, для многих, «злого гения» Добровольческой армии, обрисованной исследователем из Орла Р.М. Абинякиным. М.Ю. Зайцева (Тамбов) предлагает основные вехи судьбы Н.М. Изофатенко – офицера по выслуге, Георгиевского кавалера, который волею судеб некоторое время находился на видных ролях в Повстанческой армии Тамбовского края. А.А. Самцевич (Владимир) прослеживает весьма бурный жизненный путь русского военного летчика Л.И. Байдака. Омский исследователь В.А. Шулдяков показывает судьбу казака, крупного омского предпринимателя, оказавшегося на ответственном интендантском посту в Войсковом Сибирском казачьем корпусе в 1919 г. М.Н. Луночкин предлагает публикацию отрывка из автобиографии солдата – уроженца Камышинского уезда Саратовской губернии, в которой речь идет о войне, пленении и возвращении уже в советскую Россию.

Два материала объединены в рубрику «Пространство памяти». С.А. Бондарь из Саратова рассказывает о военных церквях и, несуществующем ныне, военном кладбище Саратова. Известный петербургский военный историк В.В. Лапин публикует статью о том, как в названиях военных кораблей проявлялись и трансли-

ровались исторические мифы, и поддерживавшие, и искажавшие память о реальных событиях.

Завершает выпуск раздел о Великой Отечественной войне. Все помещенные в нем работы посвящены событиям на оккупированной территории – проблемам партизанского движения и коллаборационизма. В.И. Боярский повествует о рейде партизанского отряда Прокопюка, о взаимоотношениях советских партизан на территории Польши с местными польскими вооруженными формированиями различной направленности. И.Г. Ермолов отвечает на интереснейший вопрос: как можно оценить коммунистов и комсомольцев под оккупацией – как безусловную силу сопротивления или же как ресурс, вполне доступный для использования оккупантами. А.В. Цветков предлагает, опираясь в основном на партизанские источники, оценить вооруженные силы коллаборационистов на Тверщине – в Калининской области, которая находилась в оккупации, а потом длительное время оставалась прифронтовой. И.В. Грибков (Москва), продолжая свою давнюю тему, представляет статью о военной печати власовцев. При этом автор предлагает критерии отнесения того или иного печатного органа именно к власовской печати. В качестве приложения публикуется перечень указанных печатных изданий. В.И. Андрюхин (Нижний Новгород) повествует о судьбе русского отряда при немецкой абвергруппе и дальнейших судьбах коллаборационистов.

В заключительной рубрике А.А. и С.В. Завьяловы делают провинциальный срез изучения Афганской войны. Речь в их материале идет об уроженцах Шахунского, Нижегородской области, района – участниках этой войны. Авторы привлекли семейные документы, воспоминания, учетные документы погибших.

Завершает выпуск отдел рецензий и сообщения о книжных новинках.

Ряд статей снабжен фотографиями.

Альманах предназначен как для профессиональных историков, так и широкого круга любителей военной истории.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

ФРАНЦУЗСКИЕ СМИ И СТОЛЕТИЕ 1917-ГО ГОДА

Аннотация: В статье обрисована общая ситуация с исторической наукой во Франции, в частности, ее ориентированности по политическим убеждениям самих историков. В центре внимания автора – интерес французских средств массовой информации к русской истории вообще и русской революции в свете недавнего столетия этого события.

Ключевые слова: Франция, историческая наука, средства массовой информации, русская революция.

Abstract: The article describes the General situation with historical science in France, in particular, its orientation on the political beliefs of historians themselves. The author focuses on the interest of the French media in Russian history in General and the Russian revolution in the light of the recent century of this event.

Key words: France, historical science, mass media, Russian revolution.

А.Б. Жевахов (Париж, Франция)

Французы любят историю. В последние годы программы, посвященные истории, увеличивались в числе на радио и телевидении. Телеканал «История», который принадлежит первой французской телегруппе ТФ-1, пользуется большим успехом, а франко-немецкий телеканал «Артэ» еженедельно представляет документальные фильмы по историческим сюжетам. Уже в пятидесятых годах прошлого века французское телевидение, тогда государственное и с единственным каналом, передавало очень популярную историческую программу «Камера исследует прошлое»; режиссер был коммунистом (их было тогда много на телевидении) а исторические специалисты - из правых!

Идеологический отпечаток важен в связях французов с историей, особенно в нынешнее время, когда главные идеологические влияния XX-го века отошли на второй план. Проект Николя Саркози, как президента Республики, предполагавший своего рода музей «Французской национальной истории», был встречен сильным сопротивлением, окончившимся отменой президентского проекта. Напротив, в прошлом году в список исторических бестселлеров попала «Международная история Франции». Ее главный редактор Патрик Бушерон ясно объясняет, что историю Франции можно понять и оценить только благодаря вкладу иностранцев.

Не преувеличивая, можно считать, что сегодня история представляет собой одно из полей самых энергичных сражений между левыми и правыми. До недавнего времени телеканалом «История» руководил бывший полемический советник Саркози Патрик Бюссон, блестящий интеллектуал из яро-правых. А ежедневная газета «Ле Монд», например, еще очень влиятельная во многих кругах, никогда не возьмет интервью у «правого» историка и не опубликует рецензии на его книгу. Исторические издательства также разделяются на «правые» и «левые».

Другая характеристика французской публики - большой интерес к французским историческим сюжетам. Воспоминания иностранцев, даже очень известных, или их биографии редко привлекают французов. Есть, конечно, исключения, наверное, самое известное – Уинстон Черчилль, но я хочу напомнить и успех биографии маршала Г. Жукова (2013), написанной французским историком. Очень часто издаются биографии царей (Петра Первого, Екатерины Второй, Павла, всех трех Александров, Николая Второго), также как и Ленина, Троцкого, Сталина и В.

Путина, но я объясняю успех книги о Жукове продолжительным интересом французов ко Второй мировой войне.

Благодаря этому «франко-французскому» уклону, особенно в 2017 году, когда в мае месяце все только и интересовались выборами президента, столетний юбилей 1917 года был фактически отменен. Нельзя даже сравнить с 1967 годом. Тогда французская коммунистическая партия была настоящей политической силой, марксисты интеллектуально атаковали интеллигенцию всеми возможными способами, да и события 1917 года еще казались сравнительно недавними.

Итак, как же французские СМИ перешагнули столетний рубеж 1917 года?

Коротко говоря, пережили они его гладко. Радио и телепрограммы напомнили основные факты, используя архивы и привлекая историков. «Ле Монд» и ее соперник «Ле Фигаро», ежедневная газета консервативной направленности, опубликовали особые выпуски. «Ле Монд» дала заглавие «1917, русская революция» и поместила Ленина на обложку. Половина статей была посвящена России сто лет спустя. В предисловии главный редактор напоминал, как в 1957 году Н. Хрущев объявлял о конце гнилого мира, которому шел на смену «новый» мир. «Ле Фигаро» же выбрала для обложки портрет последнего царя, а сам выпуск называется «Девять тайн русской революции».

Теперь скажем несколько слов о книгах. Среди них - несколько переводов с английского (например, Катрин Мэрридаль, автора книги о возвращении Ленина в легендарном поезде) и с русского (интересная книга Софьи Чуйкиной о «бывших» людях). Вышел ряд переизданий, например, американского историка Ричарда Пайпса или последнего французского посла в Петербурге Мориса Палеолога. И, конечно, появились новые книги. Список мой не претендует на полноту, но, думаю, даст русскому читателю ясное представление о французских изданиях по поводу 1917-го года.

«Русские, дух народа» представляет собой размышление-завещание Марка Ферро, очень известного французского историка, которому уже исполнилось 90 лет. Доктор «гонорис кауза» Московского университета, М. Ферро является автором книг о событиях 1917 года (1967), о Николае Втором и, в 2012 году, «Правды о трагедии Романовых», в которой он хочет доказать, что царицу и великих княжон удалось спасти.

Александр Сумпф, молодой историк, написал в 2014 году книгу по интересной теме: восточный фронт во время Первой Мировой войны («Забытая Великая Война, Россия 1914 – 1918»). По этому поводу и Ассоциация бывших слушателей Института Национальной Обороны опубликовала журнал «Россия: октябрь 1917 – 2017 с предисловием председателя Ассоциации под заглавием: «1914: Россия спасла Францию»). Сумпф особое внимание уделяет изучению роли пропаганды, прежде всего кинопропаганды.

«Ленин, изобретатель тоталитаризма» - заглавие последней книги Стефана Куртоа не нуждается во многих комментариях. Куртоа, в 1960-ых годах сторонник маоизма, уже почти сорок лет изучает зло коммунизма. Он составил журнал «Коммунизм» (1982), подготовил «Черную книгу коммунизма» (1997), которая переведена на примерно 25 языков и представляет собою теперь неумолимое осуждение Ильича.

«Война Белых: неудача скрытого восстановления (1917-1920)» и «Русская Гражданская война (1917 - 1922)» - еще две книги по теме, которая на протяжении полувека, казалось, была забыта французами: не считая известного романа Б. Пастернака и других исторических романов, вышло по теме не более пяти книг! Обе названные книги изданы в 2017 году, при этом написаны они совсем поразному. Жан-Жак Мари, автор «Войны Белых», а до этого - многих других сочинений по русской истории, совсем не скрывает свою близость к троцкистским

идеям. Между прочим, он посвятил Троцкому одну из своих книг. Его издатель принял очень смелое решение, просто вызов: такой автор - для такой книги! Но и Перрэн, издатель «Русской Гражданской войны», тоже принял вызов по-своему. Книга написана председателем Кружка Русского Императорского Флота, кроме того, членом Союза Русского дворянства, - как указывает главный редактор журнала «Война и история» в своей рецензии. Можно было бы опасаться ангажированности, - продолжал рецензент, - однако нет, текст вполне выдержанный и читается как русский роман.

Как автор этой книги и автор данной статьи, я не в праве комментировать обрисованное мнение. Как историк же, я имел целью представить читателю факты, с помощью архивных собраний - в Париже, в Лондоне, в Москве, - и с помощью произведений нового поколения русских историков, таких, как Р.Г. Гагкуев, А.В. Ганин, А.В. Посадский.

2017-й год ушел, наступил 2018-й, и пришло время вспомнить об убийстве Царской семьи. Во Франции эта столетняя годовщина возбуждает, может быть, больше интереса, чем «1917» год. Но только ли во Франции? Страдания Царской семьи, их убийство без судебного процесса, возраст Цесаревича и Великих Княжон, тайны «дома особого назначения», - все это привлекает широкую публику, вызывает глубокие человеческие чувства. Каждый может вывести свое заключение, но уже ясно: сто лет спустя, между интересом к 1917-му году и убийством в Екатеринбурге французское общественное мнение выбрало второе.

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

«ПОДАВАЙ ИМ ЧЁРНЫЙ ХЛЕБ ПРАВДЫ. НА КОЙ ЧЁРТ ОНА НУЖНА, ЕСЛИ ОНА НАМ НЕВЫГОДНА!».

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КУРСКОЙ БИТВЫ 1957 – 1970 гг.

Аннотация. В статье предпринят анализ тенденций развития историографии Курской битвы с 1957 по 1970 гг. На основе рассмотрения научных публикаций, монографий и диссертационных исследований авторами предпринята попытка оценить проблемы и перспективы объективного отражения событий отечественной военной истории.

***Ключевые слова*:** Великая Отечественная война. Курская битва, историография, исследование, монография.

Abstract. The article analyses the development trends in the historiography of the battle of Kursk from 1957 to 1970 On the basis of a review of scientific publications, monographs and dissertation research the authors attempted to evaluate the problems and prospects of objective reflection of the events of Russian military history.

Key words: the Great Patriotic war. The battle of Kursk, historiography, research, monograph.

В.Н. Замулин (Курск)

История Курской битвы, несмотря на минувшие 75 лет, продолжает привлекать пристальное внимание ученых и общества. Однако за весь послевоенный период в нашей стране так и не был проведён её комплексный, а главное, объективный анализ на базе документальных источников противоборствующих сторон. Одна из крупнейших стратегических операций Красной Армии (как, впрочем, и вся Великая Отечественная война) стала важнейшим элементом пропаганды, её события плотно окутали мифы и легенды. Некоторые из них не удаётся окончательно развеять даже сегодня.

В отечественной историографии битвы под Курском, на мой взгляд, выделяются четыре основных периода. Первый, начальный, продлившийся с 1943 по 1956 гг., носил характер обобщения и осмысления тех событий (прежде всего военными). Второй (1957 – 1970 г.г.), стал наиболее продуктивным. За эти четырнадцать лет учёным и участникам войны, хотя и с большим трудом, но удалось заложить основу для написания истории битвы. Третий (1971 - 1993 гг.), хотя и был самым продолжительным за время существования СССР, оказался безликим и малосодержательным в силу начавшейся «управляемой деградации» военно-исторических исследований, из-за бездумной и безудержной идеалогизации этой сферы научной деятельности. Началом отсчёта четвертого этапа, который продолжается и сегодня, можно считать 1993 г. В это время начался процесс рассекречивания документов советских войск за 1943 г., и одновременно с этим у российских ученых появилась реальная возможность получать из зарубежных архивов и использовать в своих работах материалы штабов вермахта, без которых невозможен комплексный анализ тех событий.

Начало второго периода было связано с XX съездом КПСС, который открыл недолгий, но динамичный и интересный отрезок в общественной жизни СССР, получивший название «хрущёвская оттепель»[1]. В исторической науке это время характеризовалось разнонаправленностью тенденций в изучении как всей войны, так и отдельных её битв и сражений. С одной стороны, заметно увеличился масштаб и качество военно-исторических исследований, начали формироваться новые подходы к анализу событий 1941-1945 г.г., расширились направления работы советских учёных, обогатилась проблематика их публикаций, в научный оборот начали вводиться новые документальные источники, в том числи и трофейные материалы, что способствовало накоплению значительного объема знаний о переломном этапе войны**.** Важной чертой этого периода стал некоторый отход отечественных историков от одностороннего показа событий, анализ боевых действий в их развитии с привлечением западных источников, изучение проблем и просчётов, допущенных при планировании и проведении крупномасштабных операций как политическим руководством страны, так и армейским командованием на всех уровнях. С другой стороны, к завершению этого этапа чётко обозначилась тенденция отхода от принципов, выработанных в период «оттепели». Вместо вскрытия проблем, анализа их причин и того, как они исправлялись (или нет), историки перешли к «сглаживанию острых углов» и наведению «победного лоска». Эти тенденции найдут отражение и в противоречивых выводах по крупным проблемам событий лета 1943 г. под Курском.

Изменения в жизни страны сразу после съезда, несмотря на широкий резонанс и довольно существенную поддержку его решений в широких слоях общества, шли робко, с оглядкой, под жёстким неусыпным контролем коммунистической партии и её идеологических органов. Все серьезные проблемы, в том числе и в области общественных наук, как и раньше, решались только директивным путём. Поэтому и ключевую роль в активизации исследований о Курской битве сыграло заявление первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва, сделанное им на партийном пленуме в октябре 1957 г. В выступлении на этом представительном форуме, где глава государства наглядно продемонстрировал свою силу в борьбе за абсолютную власть, отправив в отставку обладавшего большим авторитетом Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, он коснулся и проблем исторической науки. Никита Сергеевич, сам участник войны, в том числе и битвы на Огненной дуге, тогда счёл необходимым высказать своё мнение и о том, «в каком ключе» теперь следует рассматривать крупные вопросы истории Великой Отечественной, которая по-прежнему оставались важным фактором общественно-политической жизни СССР, а значит, и идеологической работы партии. *«После Сталинграда началось наступление наших войск, по-другому протекала битва по окончательному разгрому врага,* - подчеркнул он. - *Но мне кажется, что окончательное превосходство и перелом в войне были достигнуты в 1943 году в сражении на Курской дуге».*[2] (подчеркивание – З.В.)

Если сравнивать Н.С. Хрущева с его преемником Л.И. Брежневым, то Никита Сергеевич был человеком довольно скромным: полководческими орденами «Победа» себя не награждал, как получил в 1943 г. персональное воинское звание генерал-лейтенанта, так в этом звании и ушёл на заслуженный отдых. Однако к

[1] Этот термин вошёл в обиход после выхода в 1954 г. книги И.Эренбурга «Оттепель» и обозначил ндолгий период реформ, проводимых первым секретарём ЦК КПСС Н.С. Хрущевым и его сторонниками.

[2] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф.2. Оп.1. Д.272. Л.37об.

своему боевому прошлому и участию в битвах минувшей войны тоже относился с большим трепетом. Ревностно следил за тем, как оно освещается в печати, даже в закрытых брошюрках, изданных крохотными тиражами. И если считал, что его вклад в победу недостойно отмечен, разносы устраивал нешуточные, на уровне правительства[3]. Зная эту особенность, не только его «ближний круг», но и вся бюрократическая система после октябрьского пленума 1957 г. уже без дополнительных напоминаний активно заработала в указанном направлении. С учётом мнения первого секретаря в 1958 г. было оперативно подготовлено Постановление ЦК КПСС об издании шеститомной истории Великой Отечественной войны, в которой теме Курской битвы будет придано подобающее значение. Кроме того, было принято решения об усилении освещения её событий в печати, издании ряда научно-популярных книг на эту тему и сборников воспоминаний участников боёв.

Что касается развития военно-исторической науки в целом, то в это время, как и в прежние годы, оно шло по двум направлениям - в военной и гражданской сфере, которые между собой соприкасались редко. Военные ученые, безусловно, лидировали, но широкой общественности результаты их труда были недоступны. В условиях секретности в подчиненных Министерству обороны СССР научно-исследовательских учреждениях и учебных заведениях для нужд армии анализировался и обобщался богатый опыта войны, хотя и не в таких масштабах, как в конце 1940-х гг. При рациональном подходе к делу часть разработок военных без ущерба для обороноспособности государства могли быть переданы гражданским историкам. Это, несомненно, дало бы положительный толчок для исторической науки в целом. Однако ещё в годы войны всё, что касалось действующей армии, засекречивалось, и в первую очередь то, что было связанно с решениями её командования. Осознавая масштаб катастрофы первого периода Великой Отечественной и понимая свою ответственность за колоссальные потери, высшее политическое и военное руководство СССР делало всё, чтобы скрыть от народа её реальные события. Эта тенденция сохранялась вплоть до развала СССР, так как организаторы и творцы провальных операций и сражений долгие годы после Победы продолжали находиться на важных партийных и государственных постах. Тотальная секретность считалась простым и надёжным средством сокрытия правды о неудобном прошлом и стирания из памяти народа целых десятилетий, которые не вписывались в идеологическую концепцию власти.

Понимая, что дальнейшее развитие военно-исторической науки в закрытом режиме малоэффективно, стремясь привлечь для активной творческой работы по военной тематике более широкий круг офицеров и генералов, а главное, создать официальный (а значит, подконтрольный) канал распространения военно-исторических знаний, руководство СССР учреждает (восстанавливает) периодическое издание - «Военно-исторический журнал». Его первый номер вышел в свет в январе 1959 г. Как вспоминали некоторые члены редколлегии, они пришли на работу с большим желанием создать интересное, подлинно научное издание. И уже в первые годы он действительно стал лидером в борьбе за правдивое и всестороннее освещение истории Великой Отечественной войны, распространение военно-исторических знаний; его публикации способствовали повышению общего методологического уровня советской исторической науки. Именно в этом журнале впервые начали печататься статьи, в которых авторы освещали Курскую битву по-новому, используя более широкую, чем раньше, источниковую базу для рассмотрения её ключевых сражений и проблем. Уже в шестом номере были опубликованы воспоминания бывшего командующего Центральным фронтом

[3] РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.184. Лл.98,99.

Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского о боях на Огненной дуге. Их ценность заключалась в том, что непосредственный участник тех событий рассказал, как вырабатывалось и принималось советским командованием решение на переход к преднамеренной обороне, какие факторы на это влияли, и какие цели ставила Ставка ВГК на первом этапе битвы.

Стремясь уйти от одностороннего освещения темы коренного перелома и ввести в научный оборот значимые источники германской армии, редакция журнала уже в шестом номере за 1959 г. впервые в СССР публикует документ командования вермахта - телеграмму командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Г. фон Клюге в адрес начальника штаба сухопутных войск от 18 июня 1943 г. с просьбой передать ее содержание А. Гитлеру[4]. В нём давалась оценка преимуществам, которые, по мнению фельдмаршала, получала советская сторона из-за того, что операция «Цитадель» неоднократно откладывалась, и предлагалось как можно быстрее начать наступление. А через три года журнал публикует основополагающий документ операции «Цитадель»: оперативный приказ А. Гитлера №6 от 15 апреля 1943 г[5]. Он сопровождался комментарием полковника Б.Г. Соловьева. Б.Г. Соловьев детально излагал общий замысел наступления, цели и задачи войск групп армий «Центр» и «Юг», привлекавшихся для его реализации, а также варианты их дальнейших действий в случае успеха.

Идея подобных публикаций нашла живой отклик у читателей и специалистов, поэтому получила дальнейшее развитие. В 1966 г. «Военно-исторический журнал» напечатал ещё один важный источник - выдержку из стенограммы совещания в Ставке А. Гитлера от 26 июля 1943 г.[6], которая наглядно свидетельствовала не просто о тяжёлом положении Берлина после срыва «Цитадели», а даже о некотором смятении. А ещё через два года журнал публикует блок из пяти документов с комментарием полковников Г.А. Заставенко и Б.Г. Соловьева[7]. Эти источники были почерпнуты из сборника документов, подготовленного западногерманским исследователем Н.А. Якобсеном[8], и относились непосредственно к планированию удара на Курск: «Проект операции «Цитадель» группы армий «Центр» от 12 апреля 1943 г.», «Оценка обстановки для проведения операции «Цитадель» и ее продолжения» командование 4-й танковой армии, приказы на операцию «Цитадель» 4-й танковой армии и армейской группы «Кемпф», а также обращение Гитлера к офицерам армии перед началом наступления[9].

Трофейные материалы, напечатанные в «Военно-историческом журнале» с 1959 по 1968 г., стали для отечественных историков бесценным источником, существенно расширили их представление об истинных замыслах гитлеровского командования. Они позволили переосмыслить ряд устоявшихся представлений, в частности, о планах Берлина в случае успешного завершения первой фазы наступления, и оказали определённое влияние на исследование истории Курской битвы в целом. Следует отметить, что и сегодня эти источники не потеряли своего значения.

---

[4] Военно-исторический журнал // 1959. №6. С.90-91.

[5] Соловьев Б. О плане операции «Цитадель» // Военно-исторический журнал. 1962. №1. С.80-84.

[6] Военно-исторический журнал // 1966. №6.С.78-82.

[7] Заставенко Г., Соловьев Б. Новые документы немецко-фашистского командования о Курской битве // Военно-исторический журнал. 1968. № 8.

[8] Jacobsen H. A. 1939-1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959.

[9] Военно-исторический журнал // 1968. №8.С.67-76.

Эту серию документов существенно дополнил вышедший в 1967 г. сборник *«Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы».*[10] Статья об источниках по Курской битве, включенных в него, оказалась не просто кратким научным комментарием об истории их появления, а относительно подробным анализом плана германского командования на лето 1943 г. и процесса подготовки войск к удару на Курск, который был впервые проведен на широкой базе трофейных источников. Вплоть до распада Советского Союза эта работа была наиболее полной и достоверной по данной проблематике. Она оказала серьёзное влияние на дальнейшие работы отечественных историков.

Содержательными, наполненными новыми данными, явились публикации ведущего советского военного специалиста по Курской битве полковника Г.А. Колтунова, печатавшиеся в это время в «Военно-историческом журнале». Одной из особенностей работ Г.А. Колтунова был критический подход к обсуждавшимся проблемам, в частности, в оценке уровня изученности ключевых проблем лета 1943 г. Так, в статье «Военно-историческая литература о битве под Курском», он впервые осуществил довольно подробный анализ историографии Курской битвы с 1943 по середину 1960-х г. и очертил круг вопросов, не решённых отечественной наукой на тот момент. В качестве наиболее значимых им были отмечены следующие проблемы: отсутствие описания рубежа обороны Степного военного округа, планирование операций «Кутузов» и «Полководец Румянцев», их увязка с оборонительной фазой Курской битвы (Курской оборонительной операцией), оценка советской глубоко эшелонированной обороны и применение опыта её использования войсками Красной Армии в операциях 1944 - 1945 г.г. Именно он первым из советских учёных в открытой печати высказал важную мысль о том, что оборона под Курском не была типичной для Великой Отечественной войны: *«Здесь была сосредоточена крупная наступательная группировка советских войск. Это один из редчайших случаев в истории военного искусства, когда обороняющаяся сторона имела превосходство в силах и средствах…Всё это не дает никакого основания считать эту оборону, прежде всего группировку сил и средств, инженерное обеспечение и др., образцом достойным для подражания»*[11].

Особо следует остановиться на статье Г.А. Колтунова «Курская битва в цифрах (Период обороны)», напечатанная в том же «Военно-историческом журнале»[12]. Она стала одной из наиболее важных публикаций по данной тематике за весь второй период историографии. В ней был приведён ранее не вводившийся в научный оборот большой массив статистического материала по численному составу, количеству вооружения и техники советских (Центрального и Воронежского фронтов) и германских войск, развернутых в начале июля 1943 г. в районе Курской дуги. Кроме того, были представлены сводные данные по оперативной плотности войск Центрального и Воронежского фронтов перед битвой, дана тактическая плотность и соотношение противоборствующих сил на участках прорыва советской обороны, а также приводились средние темпы продвижения германских войск в ходе операции «Цитадель» по дням. Информация была сведена в 14 таб-

[10] «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука,1967.С.488-516.

[11] Колтунов Г.А. Военно-историческая литература о битве под Курском // Военно-исторический журнал. 1963. №7. С.105.

[12] Колтунов Г.А. Курская битва в цифрах (Период обороны) // Военно-исторический журнал.1968. №6. С.58-68.

лиц и сопровождалась комментарием. В тот момент она имела важное значение. Однако следует отметить, что автором был допущен и ряд грубых ошибок, - прежде всего, в отношении войск противника, так как почти все данные были расчётными и, как сегодня стало понятно, далёкими от реальности. Вместе с тем, внимательный анализ немецких данных наводит на мысль, что цифры составлены таким образом, чтобы скрыть ошибку, которая была допущена советской стороной при подготовке Курской оборонительной операции. Как известно, тогда Москва сосредоточила значительно большие силы в полосе Центрального фронта, где вражеская группировка (9-я армия) была заметно слабее, чем перед Воронежским. Таблицы же Г.А. Колтунова говорят о другом, что якобы 9-я армия была более многочисленна, чем её соседи – 4-я танковая армия и армейская группа (АГ) «Кемпф» группы армий «Юг». Непонятно, на каком основании, но в своих расчётах автор использовал также и данные по 2-й танковой армии, которая, как известно, не участвовала в операции «Цитадель». При подсчёте оперативной плотности войск в полосе АГ «Кемпф» на 5 июля 1943 г., автор также допустил ошибку: два её корпуса (3-й танковый и 11-й армейский (ак)), участвовавшие в наступлении, были развернуты на участке не в 170 км, как он указал, а всего в 32 км[13]. Сегодня трудно понять, сделано ли это было под давлением цензурных органов, или же автор был вынужден пользоваться цифрами, которые готовились задолго до него на основе ошибочных разведданных из-за отсутствия достоверной информации. В любом случае, в этой части его статья работала не в пользу научного подхода к проблематике, а на обоснование одного из мифов, сформированных советской пропагандой.

Тем не менее, это был первый в открытой советской печати столь значительный массив статистического материала о Курской битве. Он, безусловно, расширял кругозор гражданских историков, позволял, опираясь не на слова, как это было в значительной мере ранее, а на сухие цифры, представить реальный масштаб оборонительной фазы Курской битвы, оценить силы и средства Красной Армии, которые были развернуты на севере и юге Курского выступа. К сожалению, статья стала не только первой, но и единственной статьей подобного рода в советской историографии Курской битвы, поэтому часть отечественных исследователей использует данные из неё даже сегодня, причём часто без критического анализа[14].

Происходившие в СССР перемены не оказывали заметного влияния на фундаментальные исследования в исторической науке. Примером этого может служить начавший выходить с 1958 г. четырехтомник *«Операции советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.»*, подготовленный сотрудниками Генерального штаба. В нём не только излагались прежние, в том числе и ошибочные, взгляды и представления о битвах и сражениях (например, об участии 1500 бронеединиц в сражении под Прохоровкой), но и была допущена недооценка действий некоторых армий в крупных операциях, неверно указаны причины ряда неудач Красной Армии. Так, например, его авторы утверждали, что невыполнение задач войсками 5 гвардейской танковой армии 12 июля 1943 г. было связано с *«отсутствием достаточного времени для подготовки контрудара»* и *«пассивностью действий 1-й танковой, 5-й, 6-й и 7-й гвардейских армий,*

[13] National Archives and Records Administration USA (NARA USA). T.312. R.54. T.7569611

[14] Огненная дуга. Белгород-Курск-Орёл. М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2003. С.598,599.

участвовавших в контрударе»[15], хотя это не соответствовало действительности. Войска Ротмистрова начали сосредотачиваться в районе Прохоровки во второй половине дня 9 июля 1943 г., следовательно, для приведения себя в порядок после марша и подготовки боевых действий армия имела в запасе двое суток. По фронтовым меркам этого было вполне достаточно. Что же касается упрёка в адрес других армий, якобы не участвовавших в контрударе, то и это утверждение далеко от исторической правды. Во-первых, именно активные действия 10-го танкового корпуса 1-й танковой армии 12 июля сорвали разворот под Прохоровку на помощь 2-му танковому корпусу СС моторизованной дивизии «Великая Германия», одного из самых сильных соединений 48-го танкового корпуса 4-й ТА. Во-вторых, 5-я гвардейская арми генерал-лейтенанта А.С. Жадова, действовавшая правее армии Ротмистрова, хотя и не выполнила задачу контрудара, а её стрелковые дивизии в излучине Псла по объективным причинам были вынуждены несколько отойти на восток, тем не менее, не допустила прорыва своего рубежа, а моторизованная дивизия СС «Мёртвая голова», по признанию самих немцев, потеряла здесь больше бронетехники, чем войска СС на направлении главного удара 5-й гвардейской танковой армии.

Важной особенностью военно-исторических изданий начала 1960-х г. было описание общего хода боевых действия в полосе Центрального фронта летом 1943 г. и отдельных сражений его войск без особых перекосов и откровенных преувеличений, как это наблюдалось в отношении событий на юге Курской дуги. Например, оборонительные бои у станции Поныри, которые в 1970-е г. станут сравнивать по масштабу с Прохоровским сражением, в книге *«Операции советских Вооружённых сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.»* оценивались лишь как *«поучительный пример упорства в обороне»*[16] 307-й стрелковой дивизии, а победа в них справедливо была отнесена на счёт высокой плотности наших сил, правильного использования частей и соединений различных родов войск и умело налаженного взаимодействия.

Одной из существенных негативных особенностей историографии Курской битвы этого периода, да и последующих лет было выпячивание заслуг отдельных армий, корпусов и даже дивизий в её победе. Эта тенденция зародилась ещё в 1943 г. и была связана как с желанием высокопоставленных генералов Красной Армии поучаствовать в «наградном марафоне», так и с определенной косностью в работе военно-исторических подразделений Генштаба. После войны она продолжила развиваться, но на неё влияли уже иные факторы. Во-первых, военно-педагогическая и военно-научная деятельность П.А. Ротмистрова[17]. Во-вторых, участие Н.С. Хрущева в Курской битве в качестве члена Военного Совета Воронежского фронта. Безудержным восхвалением деятельности Н.С. Хрущёва в годы Великой Отечественной войны были переполнены практически все публикации конца 1950-х и начала 1960-х г.г. В угоду активно формировавшегося культа главы государства искажались важнейшие события, вымарывались целые пласты истории минувшей войны, вычёркивалась многомесячная кропотливая творческая работа коллективов армейских и фронтовых штабов по планированию и под-

[15] Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. Т.2. М.: Воениздат, 1959. С.248

[16] Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. Т.2.М.: Воениздат, 1959. С.241.

[17] С 1948 г. по 1968 г. он возглавлял кафедру в Военной академии им. К.Е. Ворошилова, Бронетанковую академию, являлся помощником Министра обороны СССР по учебным заведениям.

готовке битв и сражений. Стремясь «идти в ногу со временем», некоторые авторы включали в свои труды целые абзацы, в которых описывалось, как Никита Сергеевич фактически выполняет функции командующего фронтом, без прямого на то распоряжения или хотя бы рекомендации последнего. Ярким примером подобного «творческого осмысления прошлого» могут служить статьи и брошюры П.А. Ротмистрова и книга бывшего члена Военного Совета 1 гвардейской танковой армии Н.К. Попеля *«Танки повернули на запад»*[18], опубликованные в этот период.

Для раздувания значения деятельности Н.С. Хрущёва в годы войны идеологические органы уже в начале 1960-х г. стали использовать и мемуары полководцев. Хотя в их узком кругу он, как военный специалист, мягко говоря, авторитетом никогда не пользовался. Тем не менее, все чаще в статьях и воспоминаниях бывших командующих фронтами, а затем и армиями стали появляться хвалебные оды о его масштабной и кипучей работе. Так, например, К.К. Рокоссовский в сборнике «На Огненной дуге. Воспоминания и очерки о Курской битве» «рассказал» о том, как в период подготовки к летним боям 1943 г. в штаб Центрального фронта, которым он командовал, несколько раз приезжал член Военного совета (соседнего!) Воронежского фронта Н.С. Хрущев, чтобы проинформировать *«о сложившемся к тому времени вокруг Советского Союза положении»*[19]. Как правило, полководцы и военачальники обладали непростыми характерами. Поэтому во избежание скандалов, которые они могли учинить, такие вставки согласовывались с ними «под роспись». Г.К. Жуков, не один год боровшийся против подобных «вкраплений» в рукопись своей книги (не понимая, как это можно маршалу и коммунисту так врать и пресмыкаться), в личном письме К.К. Рокоссовскому очень жёстко указывал по этому, конкретному эпизоду: *«Я внимательно слежу за Вашими выступлениями в печати. И всегда жду от Вас правдивого описания истории операций. Но, увы! И Вы, Константин Константинович, оказывается не лишены желания пококетничать перед зеркалом истории, некоего украшательства своей личности и искажения фактов. Напомню лишь некоторые. Описывая подготовку войск Центрального фронта к Курской битве. Вы писали о выдающейся роли Хрущева Н.С. в этой величайшей операции. Вы писали, что он приезжал к Вам на фронт и якобы давал мудрые советы, «далеко выходящие за рамки фронтов». Вы представили в печати его персону в таком виде, что Хрущев вроде играл какую-то особо выдающуюся роль в войне. А этого-то, как известно, не было, и Вы это знали. Как Вам известно, с Хрущевым приезжал и я. Напомню, что было на самом деле: был хороший обед, за которым Хрущев и Булганин крепко подвыпили. Было рассказано Хрущевым и Булганиным много шуток, анекдотов, а затем Хрущев уехал в штаб Воронежского фронта, а я остался во вверенном Вам фронте, где отрабатывались вопросы предстоящей операции с выездом в войска. Надеюсь этого Вы еще не забыли ?»*[20].

Но наиболее масштабно и зримо эта пагубная тенденция проявилась в шеститомнике «История Великой Отечественной войны 1941-1945 г.». Вот как оценивал это издание бывший начальник Генерального штаба Красной Армии Маршал Советского Союза А.М. Василевский: «…*Читаешь многотомную Историю Великой Отечественной войны…и иногда удивляешься. В период подготовки Сталинградской операции и в период самой операции, в том числе в период самых ожесточенных боев с Котельнической группировкой немцев, я ездил из одной армии в другую, из одних частей в другие буквально все время в одной ма-*

[18] Попель Н.К. Танки повернули на запад. М. Воениздат, 1960.
[19] На Огненной дуге. Воспоминания и очерки о Курской битве. М.: Воениздат,1963. С.25.
[20] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.41107. Оп.2. Д 13. Л.30.

шине с Хрущевым. Он не вылезал из моей машины, всегда, где был я, был и он. Но вот читаешь эту историю, и в ней написано: "Товарищ Хрущев приехал туда-то", "Товарищ Хрущёв прибыл на командный пункт в такой-то корпус", "Товарищ Хрущев говорил там-то и с тем-то" и так далее, и так далее. А где начальник Генерального штаба, так и остается неизвестным.

Ещё более странно описано в этой Истории планирование операции на Курской дуге. Из этого описания может создаться ощущение, что эта операция была в основном спланирована на Воронежском фронте, тогда как на самом деле для планирования этой операции съехались и участвовали в ней Жуков, Рокоссовский, я, Ватутин подъехал туда во время этой работы и Хрущев. Это действительно так, но не сверх того»[21].

Ему вторил Г.К.Жуков: *«...Лакированная эта история. Я считаю, что в этом отношении описание истории, хотя тоже извращенное, но всё-таки более честное у немецких генералов, они правдивее пишут. А вот «История Великой Отечественной войны» абсолютно неправдивая. Это не история, которая была, а история, которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо прославить, о ком надо умолчать»*[22].

В словах ключевых фигур Красной Армии минимум личного и обид за забвение. Действительно, издание получилось откровенно ангажированным, в нём были упущены или задвинуты в историческое небытие ряд важных событий, крупных персонажей и существенных факторов, в том числе и те, что реально влияли на решение советского и германского командование при планировании летней кампании 1943 г.

Так, в третьем томе при изложении событий на Украине в феврале - марте 1943 г. был сделан упор на срыв советскими войсками планов противника. Однако умалчивалось о поражении Воронежского и Юго-Западного фронтов, больших потерях их войск, оставлении значительной части - 150 км, уже освобожденной территории, в том числе и о сдаче врагу Харькова - крупного индустриального и административного центра. «Забыли» авторы упомянуть и о том, что не получили развития и начавшиеся в это время наступательные операции Центрального и Брянского фронтов. Крупные неудачи в районе Курской дуги не только были замолчаны, но, что самое важное, до конца не были вскрыты их причины. Хотя, как известно, верные выводы из уже проведенных масштабных операций, даже неудачных, весьма продуктивны, так как не теоретически, а в ходе боевой работы выявляют наиболее слабые места в планировании и подготовке войск.

А ведь весной 1943 г. Ставка и Генеральный штаб анализировала и итоги трёхмесячного контрнаступления на юге советско-германского фронта, и обстановку, сложившуюся после отхода двух фронтов с Украины. Выводы оказались неутешительными: результаты боевых действий после Сталинграда могли быть более весомыми. По крайней мере, при правильном расчёте своих сил, трезвой оценке противника и складывавшейся ситуации, была реальная возможность удержать уже освобожденные Харьков и Белгород. В то же время контрудар группы армий «Юг» продемонстрировал, что вооруженные силы Германии ещё сохраняли высокий боевой потенциал. В ходе тех сражений Красная Армия не только лишилась значительной части живой силы, вооружения и техники, но удар был нанесён и по её престижу, что в тот момент имело немаловажное значение для имиджа СССР в мире. Этот трагический опыт заметно повлиял на настроение

---

[21] Симонов К.М. Глазами человека моего поколенияю.М.АПН,1988. С.464, 465.

[22] Никоноров А.В., Звонов В.И., Карпов В.В., Светлишин Н.А. Маршал Советского Союза Г.К.Жуков (Хроника жизни). М.: Русская книга, 1998. С.323.

политического и военного руководства Советского Союза. Оно начало более осторожно и взвешенно оценивать собственные возможности и потенциал неприятеля. Это особенно ярко продемонстрировал процесс планирования обороны под Курском. Обладая численным превосходством во всех основных родах войск, накопив значительные оперативные и стратегические резервы, Москва сознательно передала инициативу противнику с тем, чтобы измотать его в оборонительных боях и лишь потом перейти к решительным действиям по окончательному освобождению страны от оккупантов. Гитлер же из трагедии на Волге и последовавшего затем отступления не извлёк должных уроков. Успех Э. фон Манштейна в какой-то мере снял остроту «Сталинградской катастрофы», благодаря чему, несмотря на серьёзный риск, он все-таки решился на проведение авантюрной, по сути, операции «Цитадель».

Ещё один существенный урок, который был извлечён советским командованием, касался средств и форм борьбы с бронетехникой противника. Танки попрежнему определяли успех и при ведении обороны, и в ходе наступления. А операции «Скачок», «Звезда» и, особенно, оборонительные бои в марте 1943 г. под Харьковом и Белгородом ярко продемонстрировали, что бронетанковые войска вермахта сохранили высокую боеспособность. Поэтому в период стратегической паузы огромные усилия Москвы были направлены на создание новых образцом вооружения, совершенствование организационных форм артиллерии, ликвидацию «танкобоязни» личного состава действующей армии, на его обучение методам борьбы с новыми немецкими танками. И самое главное - вся оборона под Курском строилась как противотанковая и организовывалась на всю глубину армейской обороны. Это явилось одним из определяющих факторов успеха летом 1943 г., особенно на Воронежском фронте. К сожалению, все эти вопросы не нашли отражения в книге.

Кроме того, в шеститомнике не были освещены должным образом важные, но неудобные для советской стороны проблемы, возникшие уже в ходе Курской битвы. Например, причины прорыва главной армейской полосы Центрального фронта на всю глубину уже 5 июля 1943 г., хотя в этот момент его 13-я армия обладала колоссальными силами, невыполнение замысла контрудара 12 июля 1943 г. на Воронежском фронте, ошибки в использовании танковых армий однородного состава на обоянском и прохоровском направлениях, низкий темп продвижения войск Центрального и Брянского фронтов в Орловской наступательной операции. Не были вскрыты и проанализированы сложности, возникшие в первые дни оборонительной операции, с управлением войсками во 2-й танковой армии, которая действовала на направлении главного удара группы армий «Центр».

Кроме того, авторы фундаментального труда допустили и ряд фактических ошибок. Например, утверждали, что командование группы армий «Юг» к 10 июля 1943 г. отказалось от наступления через Обоянь и начало сосредотачивать большую части соединений 4-й танковой армии под станцией Прохоровка, благодаря чему здесь к 11 июля 1943 г. была создана якобы небывалая за годы войны плотность бронетехники – 100 танков и сау на 1 км фронта[23]. В действительности же от наступления из района Белгорода строго на север руководство группы армий «Юг» отказалось ещё в мае 1943 г., и в указанное время никакой перегруппировки в район Прохоровки не проводилось. На дальних подступах к станции попрежнему продолжали действовать только дивизии 2-го танкового корпуса СС, которые не являлись основными силами танковой армии Гота, а их численность

[23] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. М.: Воениздат, 1961. С.272.

авторы явно завысили, поэтому указанная плотность бронетехники не соответствовала действительности. В шеститомнике также безосновательно утверждалось, что при проведении контрудара 12 июля 1943 г. 1-я танковая, 6-я гвардейская, 7-я гвардейская и 5-я гвардейская армии участвовать в нём *«в той мере, в которой ранее предполагало командование Воронежским фронтом… не могли»,* поэтому, якобы, *«основная тяжесть сражения пала на 5-ю гвардейскую танковую армию»*[24]. Это не только искажало суть одного из самых значимых оборонительных мероприятий командования Воронежского фронта при отражении удара группы армий «Юг» на Курск, но и умаляло роль воинов остальных пяти армий, задействованных в контрударе. Редакционная коллегия книги явно попала под влияние П.А. Ротмистрова, который выдвинул этот далекий от исторических реалий тезис ещё в 1960 г. в своей первой работе о Прохоровке. Чем-то иным объяснить совпадение точки зрения, изложенной в его мемуарах, и мнения авторского коллектива книги, трудно. *«Во время подготовки советских войск к контрудару*, - писал Павел Алексеевич, – *противник неожиданно нанёс сильный танковый и авиационный удар по этим армиям и теснил 1-ю гвардейскую танковую и 6-ю гвардейскую общевойсковую армии в направлении Обояни, а часть левофланговых соединений 5 гвардейской общевойсковой армии отбросил к Прохоровке. В результате эти армии не успели подготовиться к проведению контрудара 12 июля и в нём в этот день не участвовали. Противник не преминул этим воспользоваться»*[25].

Эта откровенная выдумка вновь повторяется через несколько страниц, свидетельствуя о том, что бывший командарм не просто заблуждался, а целенаправленно принижал роль соседей в контрударе. Подобные утверждения, часто встречавшиеся и в других публикациях П.А. Ротмистрова, стали причиной острого конфликта, вспыхнувшего в середине 1960 г. в среде ветеранов Курской битвы. Откровенное игнорирование подвига сотен тысяч воинов этих армий и непомерное выпячивание своих заслуг надолго поссорили не только Павла Алексеевича, но и Советы ветеранов 5-й гвардейской танковой армии с товарищами по оружию - ветеранской организацией 1-й гвардейской танковой армии. Впоследствии, в работах, опубликованных в начале 1970-х гг., маршал пытался скорректировать свою точку зрения об участии в контрударе 5-й гвардейской армии.

К сожалению, не обошлось в шеститомнике без ошибок при изложении хода боевых действий и в северной части Курской дуги. Так, в нём утверждалось, что 18-й гвардейский стрелковый корпус к 5 июля 1943 г. находился в резерве Центрального фонта[26]. В действительности же он был передан командованию 13-й армии ещё 29 марта[27] и к началу боёв составлял её второй эшелон. Подобные ошибки, безусловно, досадны, хотя и простительны для монографий или новых исследований, но не для таких фундаментальных изданий, каким была «История Великой Отечественной войны 1941-1945 г.», которую готовили лучшие в то время научные силы страны.

Ещё одной существенной негативной особенностью этого труда стало нивелирование индивидуальности (особенностей характера, стиля работы, полко-

---

[24] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. М.: Воениздат, 1961. С.273.

[25] Ротмистров П.А. Танковое сражение под Прохоровкой. М.: Воениздат,1960. С.69.

[26] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. М. Воениздат, 1961. С.249.

[27] Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф.62. Оп.321. Д.5. Лл.150, 151.

водческого почерка и т.д.) всех более или менее заметных и значимых фигур минувшей войны. Как точно подметил американский журналист А. Верт, работавший в 1941 - 1945 г.г. в СССР, многотомник *«страдает тем недостатком, общим для многих, хотя и не для всех советских книг о Второй мировой войне, - что он показывает, по существу, всех русских в точности похожими один на другого»*[28]. Подобный подход свидетельствовал не только о непонимании авторским коллективом значения индивидуальности личностей, находившихся в системе стратегического и оперативного планирования боевых действий, управления войсками, но, прежде всего, указывал на стремление тогдашнего руководства Советского Союза всеми средствами выделить особую роль Коммунистической партии и советской системы, лишить отдельного человека (советского солдата, полководца или рабочего на оборонном заводе) права на способность самостоятельно, по велению собственной совести, совершать подвиг или выдающийся поступок при защите своего Отечества.

Подвергнутые справедливой критике сразу же после выхода из печати отдельные тома редколлегия была вынуждена срочно дорабатывать[29]. Однако государственная система, выстроенная под «одного человека», была неспособна к трансформации. Поэтому никаких принципиальных изменений в переизданных книгах не произошло, удалили лишь технические ошибки и несколько расширили отдельные разделы. Глава о событиях на Огненной дуге тоже претерпела лишь «косметические» изменения.

Следует подчеркнуть, что в первой половине 1960-х г. тема Курской битвы была одной из самых обсуждаемых в советских СМИ. И причина этого крылась не только в личной заинтересованности Н.С. Хрущева и его ближайшего окружения, хотя, безусловно, она имела существенное влияние. Но, на мой взгляд, определяющим все-таки был идеологический фактор. Дело в том, что в период «хрущевской оттепели» советскому народу впервые было рассказано о трагических событиях 1941 - 1942 г.г., хотя и в очень урезанном виде. Тем не менее, для большей части общества эффект был ошеломляющий. Целью этого было желание окружения Н.С. Хрущева усилить процесс развенчания культа личности закреплением в общественном сознании тезиса, будто бы «И.В. Сталин командовал войсками по глобусу», и тем самым усилить свою власть и влияние. Когда же результат был достигнут, то потребовался «антидот», то есть мощный противовес первому периоду войны, чтобы негативные последствия поднятой информационной волны, нацеленной на имя Верховного Главнокомандующего, в общественном сознании не были перенесены на КПСС и государство в целом. Для этого как нельзя лучше подходила Курская битва. Во-первых, она была и масштабной, и победоносной. Во-вторых, проходила летом, которое до этого считалось неудачным временем года для Красной Армии. В-третьих, многие из её участников (генералов, крупных политработников и партийных функционеров) не только ещё находились «в строю», но и занимали высокие посты в государстве и армии. Поэтому появилась возможность решить идеологическую задачу и при этом себя не забыть. В результате три месяца до начала июля и 49 огненных суток июля и августа 1943 г. стали «дежурной» темой не только в преддверии юбилеев, но в той или иной форме годами присутствовали на страницах советской прессы и в радиоэфире.

Нельзя не признать, что помимо отсутствия у руководства СССР заинтересованности в глубоком научном изучении Великой Отечественной войны, на каче-

---

[28] Верт А. Россия в войне 1941 - 1945. М., 1966. С.302.

[29] Например, исправленный третий том вышел в 1964 г.

ство исторических исследований в это время оказывал влияние и ряд объективных факторов. Во-первых, недостаточные знания советских историков о военной стратегии Советского Союза в годы войны и их неподготовленность к работе по данной проблематике. Во-вторых, база доступных архивных источников была крайне скудной. Как и в прежние годы, вся оперативная и значительная часть отчётной документации фронтов и армий за 1941-1945 г.г. по-прежнему находилась на секретном хранении и не была доступна исследователям. Вместе с тем, много архивных дел периода войны находилось в беспорядке, документы были не систематизированы и разбросаны по различным военным учреждениям и ведомствам. А.М. Василевский свидетельствовал: *«Удивительное дело, как мы мало пользуемся документами. Прошло 20 лет со времени окончания войны, люди вспоминают, спорят, но спорят часто без документов, без проверки, которую легко можно провести. Совсем недавно, разыскивая некоторые документы, я обнаружил в одном из отделов Генерального штаба огромное количество документов. Донесения, переговоры по важнейшим операциям войны, которые с абсолютной точностью свидетельствуют о том, как в действительности происходило дело. Но с самой войны и по сегодняшний день как эти документы были положены, так они и лежат. В них никто не заглядывал»*[30].

Следует назвать и ещё одну важную проблему, касавшуюся источников. Бывший член редакции «Военно-исторического журнала» полковник В.М. Кулиш писал: *«Ставка ВГК и ГКО в области стратегического управления войсками оставили мало документов. И.В. Сталин, озабоченный соблюдением секретности, а, может быть, и по другим соображениям запрещал участникам совещаний вести записи без его указания. Они, как вспоминал Жуков, Василевский и другие, должны были запоминать принятые решения и указания, а затем, возвратившись в свои кабинеты, по памяти записывать их в секретные тетради. А такие тетради, согласно правилам о секретном делопроизводстве, периодически уничтожались специальной комиссией. Так эта группа источников исчезла, другие важные оперативные документы были просто потеряны»*[31].

Сложности с документальными источниками стратегического характера были известны не только военным историкам, но и руководству ЦК КПСС и МО СССР, как и то, что они создавали существенную проблему в их работе. Поэтому в середине 1960-х г. было принято решение издать специальный многотомный труд *«Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны»*[32]. Такой шаг, безусловно, мог бы повысить уровень знаний ученых и положительно повлиять на качество их исследований. Однако этого не случилось, первые книги начали печататься в тот момент, когда стрелка барометра общественно-политической жизни страны отошла от значения «оттепель» и чётко указывала на «заморозки». Настоящие научные исторические труды не только перестала интересовать власть, но более того, она сочла их вредными. Однако вышедший в 1969 г. третий том указанного издания, посвященный в том числе и Курской битве, все-таки сыграет свою положительную роль. Ровно через 30 лет собранные в нём материалы войдут в тематический сборник, который будет опубликован издательством «ТЕРРА» в 1999 г. и станет событием в научной жизни нашей страны.

---

[30] Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М.: Новости,1988. С.465.

[31] Военно-исторический журнал // 2009. №8. С.66.

[32] Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны / под редакцией А.Н. Грылёва. В 4 тт. М.: Воениздат, 1968-1969.

И, тем не менее, несмотря на перечисленные проблемы, оценивая достижения советской исторической науки в части изучения событий лета 1943 г., как, впрочем, и минувшей войны в целом за весь послевоенный период, следует признать, что 1960-е годы были наиболее продуктивными. Большой по объёму и довольно результативный труд военных и гражданских историков, безусловно, способствовал воспитанию советских людей в духе преданности не столько КПСС, а, прежде всего, своей Родине и народу. Вместе с тем лучшие представители научного сообщества не без основания считали, что обобщенный опыт прошлого не только важен для защиты государства, повышения боеспособности его военной организации и формирования идеологии. *«Знание истории*,- писал А.Г. Грылёв, - *в том числе и военной, духовно обогащает человека, расширяют его кругозор, способствует широте мышления»*[33]. Можно с уверенностью утверждать, что ряд работ, опубликованных в это время, в полной мере отвечали этим целям. Некоторые из них даже сегодня не потеряли своей актуальности, потому что их авторы с большим уважением относились к славным делам военного поколения советского народа, насколько это было возможным, старались не заниматься демагогией и пустым славословиям, а честно анализировать достижения и промахи, собирая по крупицам бесценный опыт и знания о минувшем.

Активно в это время развивалась и мемуарная литература. Из всех авторов воспоминаний наиболее откровенным в изложении и оценке событий под Курском (учитывая исторические реалии того времени), последовательным в отстаивании своих взглядов на отдельные ключевые моменты битвы был Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. В его книге *«Воспоминания и размышления»,* опубликованной в 1969 г., как и в трудах почти всех советских военачальников и полководцев, чётко прослеживается желание задвинуть в тень неудавшиеся операции, в которых он выступал как ключевая фигура, например, «Марс» и «Полярная звезда». Что же касается летней кампании 1943 г., то о ней Георгий Константинович пишет настолько откровенно, насколько это тогда было возможно, учитывая, с каким трудом шло согласование с властными структурами вопроса издания его мемуаров[34]. Во-первых, он откровенно признал, что при планировании обороны под Курском Ставка ВГК (в том числе и он лично) допустила серьезный просчёт в определении направления главного удара вермахта. Ожидалось, что основные силы германское командование бросит против Центрального фронта (группа армий «Центр»), в действительности же наиболее мощная группировка вермахта была сосредоточена перед Воронежским фронтом (группа армий «Юг»). Эта ошибка имела существенное негативное влияние на ход первого этапа битвы. По сути, все, что делали первые две недели июля 1943 г. фронт Ватутина и Ставка, было нацелено на исправление этого просчёта.

Во-вторых, маршал довольно самокритично отметил, что проведённая вечером 4 июля и в ночь на 5 июля 1943 г. контрартиллерийская подготовка, ранее официально признававшаяся успешной[35], ожидаемого результата не принесла. Раскритиковал он и попытки авиации Воронежского и Юго-Западного фронтов

---

[33] Советская военная историография в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Военно-исторический журнал. 1968. № 3. С.86.

[34] См.: Миркина А.Д. Не склонив головы / Маршал Жуков: полководец и человек. М.: АПН, 1988. С.47-78

[35] Например, История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. М., 1964. С.257,263.

нанести удары по немецким аэродромам на рассвете 5 июля, отметив, что они *«полностью не достигли своей цели»*[36].

В-третьих, Г.К.Жуков открыто выступил против самовосхваления П.А. Ротмистрова и созданного им мифа, будто его армии в ходе боев под Прохоровкой сыграла решающую роль в срыве наступления всей группы армий «Юг». Хотя впервые об этом читатель узнал лишь в 1990 г. из опубликованного уже без купюр десятого издания его мемуаров[37].

В-четвёртых, он объективно оценил результаты оборонительной фазы Курской битвы в полосе Воронежского фронта и отмёл необоснованное утверждения, будто бы его руководство неверно спланировало оборону и действие своих войск, поэтому немцы прорвали его рубеж на глубину до 35 км, в то время как силы группы армий «Центр» увязли в обороне Центрального фронта на первых 12 - 15 км[38]*.* Эта точка зрения впервые была изложена маршалом в статье в «Военно-историческом журнале»[39], а затем развита в книге воспоминаний.

С приходом к власти в СССР в октябре 1964 г. нового руководства в общественно-политической жизни начался отход от принципов, которые пытались во время «оттепели» внедрить в науку передовые советские учёные. Брежневское руководство взяло курс на сворачивание возникшей в научной среде и в печати (на страницах «толстых» журналов, «Военно-исторического журнала») относительно свободной дискуссии по важным проблемам истории минувшей войны. Переломным в этом отношении стал 1967 год. В Постановлении ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. *«О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»* перед советскими историками была поставлена главная задача: сосредоточить усилия на разработке проблем, раскрывающих решающую роль КПСС и народных масс в разгроме нацизма в годы Великой Отечественной войны[40]. Для достижения этой цели партийными и государственными органами был принят ещё ряд руководящих документов, детализировавших их дальнейшую деятельность. На первом этапе главные усилия были нацелены на ликвидацию начатого XX съездом КПСС процесса десталинизации. Правящая элита стремилась полностью сохранить государственную систему управления, созданную И.В. Сталиным. Поэтому она не была заинтересована в том, чтобы преступления власти того периода, колоссальные людские и материальные потери Красной Армии, ошибки, допущенные по вине политического и военного руководства СССР, стали достоянием гласности. Наоборот, имя Верховного Главнокомандующего стали всё чаще извлекать из исторического небытия, а всё, что было связано с трагическими страницами истории, замалчиваться или активно «ретушироваться». О том, какие настроения в отношении этой важной проблемы доминировали в руководстве страны, свидетельствует высказывание Министра обороны СССР Д.А. Устинова на заседании Политбюро ЦК КПСС 12 июля 1984 г., когда бывшие соратники Н.С. Хрущева пошли на беспрецедентный шаг, восстановив в партии В.М. Молотова, одного из главных организаторов политических репрессий в стране. *«Ни один враг не принёс столько бед,-* заявил тогда Дмитрий Федорович,- *сколько принёс нам Хрущев*

---

[36] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Новости, 1969. С.483

[37] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3.Изд. 10-е. М.: Новости,1990. С.57.

[38] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Новости,1969. С.490,491.

[39] Военно-исторический журнал. 1967. .№ 9.С.88.

[40] Косицын А.П, Недавний А.Л., Помынаева Т.А. Основные законодательные акты по государственному строительству и праву. Т.1. М.: Мысль,1972. С.75,76.

своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также в отношении Сталина»[41].

Идеологическим и цензурным органам была дана установка: усилия средств массовой информации, издательств и редколлегий сосредоточить на освещении выдающейся роли КПСС в организации отпора гитлеровским захватчикам, массового героизма советских людей в годы войны и описании победоносных операций Красной Армии. Коллективам учёных, занимающимся общественными науками, было «рекомендовано», опираясь на метод исторического материализма и принцип партийности в исторической науке, сделать упор на раскрытие передового характера советской военной науки, выдающейся организаторской роли Коммунистической партии в борьбе за победу и т.д. *«Откуда же сейчас, в шестидесятые годы, опять возник миф, что победили только благодаря Сталину, под знаменем Сталина?-* задавал вопрос в своей книге фронтовик, автор пронзительных воспоминаний о Великой Отечественной профессор Н.Н. Никулин. – *У меня на этот счёт нет сомнений. Те, кто победил, либо полегли на поле боя, либо спились, подавленные послевоенными тяготами. Ведь не только война, но и восстановление страны прошло за их счёт. Те же из них, кто ещё жив, молчит, сломленный. Остались у власти, сохранили силы другие – те, кто загонял людей в лагеря, те, кто гнал в бессмысленные кровавее атаки на войне. Они действовали именем Сталина, они и сейчас кричат об этом. Не было на передовой: «За Сталина!». Комиссары пытались вбить это в наши головы, но в атаках комиссаров не было. Всё это накипь…»*[42]**.**

Ситуацию с изучением событий 1941-1945 г.г. усугубили и решения, принятые ещё в период нахождения у власти Н.С. Хрущёва. В начала 1960-х г. в руководстве СССР возобладала точка зрения о том, что будущая война, если она разразится, будет носить характер ракетно-ядерной дуэли. Поэтому традиционная структура военной организации страны с опорой на обычные виды вооружения будет якобы постепенно себя изживать. Следовательно, опыт прежних войн (в первую очередь Великой Отечественной), который изучался военными историками и воплощался в новые уставы, наставления и другие регламентирующие документы, должен был остаться в прошлом. После оглашения в 1963 г. новой военной доктрины тенденция на сворачивание Генштабом научных военно-исторических исследований Великой Отечественной и передача этой функции гражданским учёным начала усиливаться. Её кульминацией стало создание в августе 1966 г. Института военной истории (ИВИ), который должен был стать в стране головным научно-исследовательским учреждением в области военной истории. По форме он был военным (относился к Министерству обороны СССР), но по содержанию работы стал придатком Главного Политуправления Советской Армии (Главпур СА), читай ЦК КПСС. Раньше для военных историков при изучении битв и сражений главным критерием оценки были новые знания, поэтому в ходе исследований и побед, и поражений должен был быть извлечён в первую очередь полезный опыт, который помогал бы командирам выработать методы рационального мышления, находить в трудных условиях боя правильные решения и т.д. Теперь же во главу угла ставилась политическая целесообразность. В научную жизнь активно внедрялся тезис: «История в первую очередь мощное средство политической борьбы и в прошлом десятилетии её недооценили». Поэтому ИВИ стал главным инструментом по наведению «должного порядка в этой запущенной за время правления Хрущева отрасли пропагандистской работы».

---

[41] Артизов А., Сигачёв Ю. Реабилитация // Родина. 2003. №2. С.48.

[42] Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. Санкт-Петербург, 2008. С.46.

На многие значимые издания и публикации по военной проблематике в период пребывания у власти Н.С. Хрущева было наложено клеймо «субъективизма». Поэтому в 1966 г. ЦК КПСС принял Постановление об издании двенадцатитомной «Истории Второй мировой войны». Параллельно с этим при Главпуре СА формируется специальная группа для редактирования рукописей и контроля за издаваемой военно-исторической литературой, в первую очередь воспоминаниями полководцев и военачальников Великой Отечественной войне. Из мемуаров, готовившихся к печати, начали вымарываться целые абзацы и даже разделы, как не соответствующие современным подходам, и дописывались новые, далёкие от исторической правды, но «нужные» для пропагандистской работы.

Однако деятельность «брежневского» руководства по переписыванию истории войны сразу же вызвала резкое неприятие ещё находившихся «в строю» фронтовиков, в том числе генералов и маршалов. Далеко не все, но многие из них справедливо оценили эти шаги власти не как возвращение к исторической правде, а как попытку создать «новую историю под нового Генерального секретаря ЦК КПСС». В письме, направленном в 1967 г. начальнику ИВИ генерал-майору П.А. Жилину, маршал артиллерии Н.Д. Яковлев писал: *«Лично мне кажется, что пытливые читатели ожидают от ученых-историков не только описание хода боевых действий с нашей стороны. Их уже немало опубликовано и публикуется. К сожалению, большинство их, т.е. статей, бесед, воспоминаний, мемуаров как-то схожи между собой. Они во многих случаях носят налёт некоторой приедающейся хвалебности в адрес ряда военачальников, описания подвига отдельных бойцов, политработников, командиров, партизан… Нужны ведь не только хвалебные реляции, но и кропотливое исследование малого, на чём покоится большое и где присутствует наука»*[43].

Своё нежелание мириться с расширявшимся процессом мифологизации некоторые военачальники выражали в попытках написать и опубликовать честные мемуары. Однако в сложившихся условиях добиться этого было практически невозможно. Большинство же фронтовиков, кому было что сказать о той войне, уже не верили в возможность донести правду до советского человека через печатное слова. *«Я лично крайне сомневаюсь в том, что возможно восстановить истинный ход событий* (Курской битвы - З.В.)…- писал в 1969 г. директору музея Курской битвы при Доме офицеров Курска М.П. Бельдиеву участник боев на Огненной дуге подполковник Е.И. Шапиро[44].- *Процесс фальсификации истории принял такие страшные размеры, что восстановить истинный ход событий не только не по силам одному человеку, но и любому Обществу* (имеется в виду военно-историческое общество, которое в это время существовало в Курске - З.В.)*, какими бы добрыми намерениями оно не было преисполнено. В извращении исторических событий заинтересовано большое количество людей, поэтому я не верю, что Ваши благие намерения увенчаются сколь-нибудь серьёзным успехом»*[45].

К сожалению, это мнение человека, прошедшего горнило Великой Отечественной, точно отражало ситуацию, сложившуюся к тому времени в Советском Союзе. Об этом же свидетельствует и бывший член редколлегии «Военно-исторического журнала» В.М. Кулиш, которому по долгу службы приходилось по-

---

[43] Яковлев Н.Д. «Советские вооруженные силы значительно превосходили вермахт по боевому обеспечению» // Военно-исторический журнал. 2012. №5. С.19,21.

[44] С середины июля 1943 г. - командир 507-го стрелкового полка 148 сд 13А Центрального фронта.

[45] Личный архив автора.

лучать указания от людей, проводивших политику КПСС в Советской Армии. *«В беседе с генералом Н.Г. Павленко* (главный редактор журнала – З.В.) *и мной*, - пишет бывший журналист, - *начальник Главпура СА генерал А.А.Епишев сам принцип партийности перевёл на более доступный язык. Он сказал: «Там, в «Новом мире»[46], говорят: подавай им чёрный хлеб правды. На кой чёрт она нужна, если она нам невыгодна». Идея деления исторической правды на выгодную и невыгодную нашла широкое распространение в партийно-пропагандистской и исторической литературе. Истолкование партийности в науке, таким образом, было сведено к тому, что принцип научности исследования стал противопоставляться принципу политической целесообразности»[47].* А.А.Епишеву принадлежит и ещё один «бессмертный» тезис, определявший цель тогдашней власти и практически закрывший путь к поступательному развитию советской военно-исторической науки. Вот как он прозвучал из уст начальника Главпура СА в ходе беседы с генералами и маршалами 17 января 1966 г.: *«Мы не можем допустить, чтобы в открытой печати критиковали военачальников»[48]*.

И, тем не менее, в это время некоторые военные историки ещё пытались достучаться до мыслящей части партии и общества. Осознавая, что поколение победителей уходит, а важные проблемы войны не находят отражения в трудах отечественных учёных, к тому же начался активный процесс свёртывания научных разработок, составители сборника материалов военно-практической конференции, посвящённой 25-й годовщине победы на Огненной дуге, под редакцией генерал-майора И.В. Паротькина, высказали смелое и вместе с тем актуальное для того времени пожелание: *«При изучении Курской битвы необходимо обращать внимание не только на положительный, но и отрицательный опыт, поскольку последний бывает не менее ценным для изучения практических вопросов… При исследовании… крайне желательно подвергнуть специальному рассмотрению вопрос о потерях, показав при этом соответствие затрат достигнутым результатам. Всестороннее раскрытие этого важного вопроса позволило бы сравнить вклад фронтов и армий в общее дело разгрома врага под Курском, дало бы возможность более объективно оценить роль отдельных объединений и военачальников в достижении победы в Курской битве»[49]*. К сожалению, этот призыв историков-фронтовиков так и остался не реализован вплоть до конца минувшего столетия.

Помимо официальной цензуры существенное влияние на правдивость, информативность и степень детализации событий в книгах высокопоставленных участников войны, в том числе и Курской битвы, оказывал ещё один важный фактор, о котором редко пишут историки - самоцензура, то есть «нежелание выносить сор из избы». Это качество характера у многих авторов сформировалось не только под воздействием общественной атмосферы, но и суровых условий долгих лет службы в армии. Из воспоминаний генерала армии Г.И. Обатурова: *«В 1986 г. мне пришлось на эту тему* (о неудачных боевых действиях под Никополем в 1944 г. - З.В.) *беседовать с Д.Д. Лелюшенко.*

---

[46] Старейший ежемесячный литературно-художественный журнал («толстый»), выступавший против замалчивания преступлений сталинской эпохи и пропагандировавший идеи демократического социализма.

[47] Кулиш В.М. Военно-исторический журнал в 1959-1967 г.г. // Военно-исторический журнал. 2009. №8. С.69.

[48] «Мы напрасно сейчас дерёмся» // Родина. 2005. .№5. С.97.

[49] Курская битва / под ред. И.В. Паротькина. М.: Наука, 1970. С.456.

- Почему Вы, Дмитрий Данилович, в своей книге ничтожно мало написали об ожесточенных боях 3-й гвардейской армии на Никопольском направлении? – просил я.

- А кому интересно писать о неудачных боях? Описывая неудачи, я должен бы сказать, как расплачивался за грехи соседей и начальников повыше.

- Неудачи часто учат больше, чем удачи, что и нужно нашей офицерской молодежи – упорствовал я.

- Если тебе, Обатуров, нравится копаться в дерьме, то ты и пиши, а я этим заниматься не намерен.

Жаль, что во многих воспоминаниях описание проигранных боёв и операций не делается»[50].

Дискуссия, развернувшаяся после XX съёзда КПСС, издание большими тиражами разнообразной военно-исторической и мемуарной литературы, публикация подлинных документов, выход в свет третьего тома «Истории Великой Отечественной войны» не только расширили знания нашего общества о событиях коренного перелома в борьбе с фашизмом, но и подготовили почву для появления в 1970 г. наиболее известной и долгие годы широко использовавшейся, как учёными, так и публицистами книги военных историков Г.А. Колтунова и Б.Г. Соловьёва «Курская битва»[51]. Она была написана на основе ранее не использовавшихся в открытой печати отчётов офицеров Генштаба при штабах фронтов и армий. В беседе со мной полковник Г.А. Колтунов вспоминал, что изначально она задумывалась как упрощенный вариант исследования офицеров Генштаба, подготовленного в конце 1940-х г. с расчётом на более широкую аудиторию, в помощь гражданским историкам и идеологическим работникам. Именно это обстоятельство и предопределило её направленность. Наряду с довольно подробным рассмотрением ряда проблем планирования Курской оборонительной операции и летней компании в целом, подготовки войск к обороне, строительства рубежей, хода боевых действий, её авторы значительное внимание уделили критике западных исследований и мемуарной литературе, а также партийно-политической работе в войсках.

Вместе с тем, в этом издании была предпринята попытка научно обосновать ряд уже устоявшихся в общественном сознании и историографии мифов о событиях на Огненной дуге. В частности, подробно рассматривалась проблема численности бронетехники, участвовавшей в бою 12 июля 1943 г. под Прохоровкой, и анализировалось то, из чего складывалась огромное число - 1500 танков. Кроме того, в книге Г.А. Колтунова и Б.Г. Соловьёва была продублирована легенда, сформированная ещё в 1943 г. в отчёте Военного совета Воронежского фронта, о том, что окружения 5-го гвардейского танкового корпуса, выдвинутого в ночь на 6 июля 1943 г. на прохоровское направление, не было. Кроме того, в их труд были включены и ещё ряд незначительных, но, как показало время, очень живучих мифов. Например, об огненном таране, который якобы совершил командир взвода срединах танков 1-й гвардейской танковой бригады 1-й танковой армии лейтенант В.С. Шаландин. *«Героически сражался экипаж комсомольца москвича гвардии лейтенанта В.С. Шаландина… в составе механика-водителя гвардии старшего сержанта В.Г. Кустова, заряжающего гвардии сержанта П.Е. Зеленина и стрелка-радиста гвардии старшего сержанта В.Ф. Лекомцева,* - читаем мы в книге. - *Экипаж подбил два немецких танка «тигр» и один средний танк. Вскоре от вторичного прямого попадания загорелась машина наших танкистов. За-*

[50] Обатуров Г.И. Дороги ратные крутые.1995. С.240.

[51] Колтунов Г.А, Соловьёв Б.С. Курская битва. М.: Воениздат, 1970.

дыхаясь в дыму, Шаландин еще пытался стрелять прямой наводкой, но поврежденная пушка плохо повиновалась раненому командиру. Тогда он решил таранить вражеский «тигр». Объятая пламенем тридцатьчетверка пришла в движение и врезалась всей своей массой в борт «тигра». Вражеский танк загорелся, его бензобаки взорвались. Объятый пламенем, погиб и экипаж гвардейцев»[52].

В 1970-е г. таран экипажа Шаландина советской пропагандой был превращён в символ стойкости наших солдат в Курской битве. О нём публиковали очерки, снимали фильмы и слагали стихи. Широко известны строки из произведения белгородского поэта В. Татьянина «После боя»: *«…Здесь Шаландин в грозном сорок третьем / вёл свой танк, горящий на врага…/ Ты спроси – и скажут даже дети, / что такое Курская дуга»*[53]. Но если обратиться к документам, например, к наградному листу В.С. Шаландина, который подписал его прямой начальник – командир 2-го танкового батальона бригады майор С.И. Вовченко (в таких материалах командиры не упускали возможности поярче описать подвиг представляемого к награде), то мы из него действительно узнаем о примере настоящего героизма и стойкости танкистов, отдавших жизнь в борьбе с врагом. Однако в нём нет даже упоминания о таране. *«Несмотря на беспрерывную бомбёжку и артиллерийский огонь противника, тов. Шаландин в течение 10 часов героически вёл бой*,- отмечается в документе. *–… Тов. Шаландин сгорел в танке на том самом месте, где было приказано держать оборону его взводу»*[54].

Если следовать логике авторов книги, то погибнуть в танке, до конца выполнив приказ, ещё не подвиг, а погибнуть, совершая таран, – это пример для потомков. Подобный подход к оценке героических дел, по сути, девальвировал тяжевый каждодневный солдатский труд. Поэтому после войны фронтовики недобрым словом поминали подобного рода выдумки и их творцов - политработников.

Тем не менее, нельзя не согласиться с доктором исторических наук К.В. Яценко, который подчёркивал, что *«появление этой книги знаменовало собой важную веху в развитии исследований истории Курской битвы»*[55]. Вместе со сборником статей под редакцией И.В. Паротькина она явилась существенным успехом советских ученых, который дал импульс для развития нашей военной исторической науки. Эти издания стали добротным фундаментом, они во многом определили вектор развития исследований Курской битвы вплоть до начала 1990-х г. Несмотря на значительную идеологическую составляющую и ошибочное толкование ряда событий, их авторы уже в новых общественно-политических реалиях сумели чётко закрепить достигнутый к тому времени уровень научных знаний по данной проблеме. Тем самым был поставлен некий барьер на пути процесса переписывания истории войны брежневским руководством, начавшегося в середине 1960-х г. Хотя в последние двадцать лет существования СССР научный подход к изучению Курской битвы практически полностью был вытеснен. Как точно заметил В.А. Золотарёв, историография войны *«…постоянно находилась под контролем ЦК КПСС и во многом превратилась в отрасль партийной пропаганды»*[56].

---

[52] Колтунов Г.А, Соловьёв Б.С. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С.148,149.

[53] Третье поле. Крестьянское дело. Белгород,1998. С.110

[54] ЦАМО РФ. Ф.33. Оп.793756. Д.54. Л.42

[55] Яценко К.В. Курская область в период Великой Отечественной войны: историография. Курск, 2006. С.20.

[56] Золотарев В.А.Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. №2. С.3.

ВОЙНЫ СРЕДНИХ ВЕКОВ: ЮБИЛЕИ СРАЖЕНИЙ И ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

«ТРЯСЛИСЯ ГРОЗНО ПИРЕНЕИ…» (К 1300-ЛЕТИЮ БИТВЫ ПРИ КОВАДОНГЕ)

Аннотация. Статья посвящена сражению, которое можно считать отправной точкой Реконкисты. Битва между астурийскими и арабскими войсками поразному оценивалась в литературе. Автор показывает, что эффект от победы, своего рода миф этой битвы стал мощным стимулом к продолжению борьбы, которая, в конце концов, вернула христианам Пиренейский полуостров.

Ключевые слова: Пиренейский полуостров, арабские завоевания в Европе, Астурия, король Пелайо.

Abstract. The article is devoted to the battle, which can be considered the starting point of the Reconquista. The battle between the Asturian and the Arab armies has been variously estimated in the literature. The author shows that the effect of the victory, a kind of myth of this battle was a powerful incentive to continue the struggle, which, in the end, returned to the Christians of the Iberian Peninsula.

Key words: The Iberian Peninsula, the Arab conquests in Europe, Asturias, king Pelayo.

А.Н. Галямичев (Саратов)

Цель настоящей публикации — напомнить любителям военной истории об одной из юбилейных дат 2018 года: 1300 лет назад на северо-западной окраине Пиренейского полуострова, в долине Ковадонга в скалистых горах Астурии, произошло одно из сражений, обозначивших важнейшую поворотную веху в истории Испании.

Битва при Ковадонге, в которой сражались, с одной стороны, арабы, успевшие с 711 г. завоевать почти всю территорию Пиренейского полуострова, а, с другой — местные жители и бежавшие сюда, спасаясь от арабского завоевания, представители вестготской аристокрцатии во главе с Пелайо, не оставила о себе даже скупых упоминаний в современных источниках.

Гораздо позже, в труде арабского историка Ахмеда ибн Мохаммед аль-Маккари (1578 – 1632) «История мусульманских династий в Испании», основанном на средневековой традиции, битва при Ковадонге была представлена следующим образом: «Во времена Анбасы ибн Сухайм Аль-Кальби, поднялся в земле Галисии дикий осел по имени Пелайо». К этому времени арабы «завоевали Памплону в Галисии, и не осталось никого, кроме скалы, где прятался он с 300 своих...». Возглавляемые Пелайо воины неожиданно напали на один из арабских отрядов, после чего попытались скрылся в горах. Арабы преследовали Пелайо и, сражаясь в горных теснинах, почти полностью истребили его сподвижников. Когда у Пелайо оставалась всего лишь «30 диких ослов» (т.е. воинов - авт.), арабы пре-

кратили сражение, полагая, что со столь ничтожными силами Пелайо не будет представлять для них опасности[1].

Таким образом, интересующее нас событие предстает малозначительным эпизодом в истории арабского завоевания Испании, хотя, с другой стороны, приведенные строки свидетельствуют о том, что память о нем сохранялась в арабской литературе в течение почти тысячелетия.

Совершенно иную картину битвы при Ковадонге рисует составленная, по-видимому, в конце X в. при дворе короля Астурии Альфонсо III Великого «Хроника». В ней битва при Ковадонге предстает как крупное столкновение арабов и христиан.

Согласно ее рассказу[2], «охваченный безумной яростью» завоеватель Испании Тарик «приказал собрать со всей Испании огромную армию и послать в Астурию, во главе ее он поставил своего товарища Алькама». Последний, как сообщает хроника, привел в Астурию войско численностью почти в 187 000 человек. Оно должно было привести к повиновению, а в противном случае «захватить силой и доставить в Кордобу» непокорного Пелайо.

Как сообщает хроника, Пелайо был меченосцем последних вестготских королей Витицы и Родерика (Родриго). «Удрученный властью Исмаилитов», Пелайо бежал в Астурию, откуда правивший там арабский наместник Муннуса направил его к двору Тарика в Кордову[3]. Пользуясь отсутствием Пелайо, Муннуса женился на его сестре, что переполнило чашу терпения Пелайо, который по возвращении из Кордовы открыто выразил свое негодование.

Когда сообщение об этом достигло Кордовы, «злобный Тарик послал к Муннусе солдат с приказом схватить Пелайо и отправить в Кордобу, закованного в цепи». Узнав об их прибытии, «видя, что будет невозможным сопротивляться такому великому числу Сарацин, Пелайо прорвался через их ряды, бежал и прибыл на берега реки Пилоны. Он обнаружил, что она широко разлилась, переплыл ее с помощью лошади, на которой сидел, и скрылся в горах. Сарацины закончили погоню. Как только Пелайо достиг гор, он присоединился к людям, которые там собрались. Он взобрался на высокую гору, называемую Аусеба, и отправился в пещеру на той стороне, которую считал самой безопасной. Из этой огромной пещеры течет поток, называемый Энна. После того, как Пелайо послал свои приказы всем Астурийцам, они собрались вместе и избрали его своим главой».

Эти действия Пелайо и астурийцев и вызвали «безумную ярость» Тарика, направившего против мятежников огромное войско.

Ход битвы при Ковадонге «Хроника Альфонса III» описывает следующим образом: «Алькама приказал своим людям начать сражение. Они подняли оружие. Были заряжены катапульты. Были приготовлены пращи. Засверкали клинки. Заколыхались копья. Стрелы полетели непрерывным потоком. Однако Господь

---

[1]Ахмед ибн Мохаммед аль-Маккари. История мусульманских династий в Испании // URL:http://www.vostlit.info/Texts/rus4/AlfonsoIII/primtext.htm(Дата обращения: 28.03. 2018).

[2] Хроника Альфонсо III // URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus4/AlfonsoIII/frametext.htm (Дата обращения: 28.03. 2018).

[3] Как полагает выдающийся испанский историк Р. Альтамира-и-Кревеа, бежавший в Астурию Пелайо, возможно, первоначально платил дань мусульманам, назначившим в Хихон берберского правителя Мунусу. Он мог посетить Кордову во время правления настроенного относительно благожелательно к христианам эмира Абд-аль-Азиза, которого сменил воинственный Аль-хурр, во время правления которого и произошла битва при Ковадонге (*Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. М., 1951. Т. I. С. 88-89).

продемонстрировал свою силу. Когда камни катапульт приближались к святилищу святой девы Марии, что было внутри пещеры, они поворачивали обратно и поражали Халдеев. Поскольку Господь не считает копья, а дарует победу тому, кому пожелает, то когда Астурийцы вышли из пещеры на бой, Халдеи обратились в бегство, разделившись на две части. Епископ Оппа был захвачен в плен, а Алькама убит. В том месте полегло 124 000 Халдеев. А те 63 000, которые остались живы, отправились к перевалу горы Аусеба и затем к Либане через Амьюэсу. Но они не смогли избегнуть Божьего гнева. Когда они достигли перевала – который находится за рекой называемой Дева, сразу за деревней называемой Косгайя – случилось так, что гора задрожала у основания и сбросила 63 000 человек в реку, где они все погибли. Даже ныне, когда река наполняется менее возможного, она открывает следы этого события. Не думайте, что это безосновательно и выдумано. Помните, что Тот, Кто однажды разверз воды Красного Моря, дабы дать проход детям Израиля, ныне уничтожил огромной горой Арабов, которые преследовали Божью церковь».

Таким образом, «Хроника Альфонса III» представляет битву в ином свете: с Божьей помощью немногочисленные храбрецы смогли отразить и обратить вспять огромное войско завоевателей, долгое время не знавших поражений[4].

Что касается масштабов битвы, то, по всей вероятности, «Хроника Альфонса III» их значительно преувеличивает. Ее подробности неизвестны. До сих пор вызывает много вопросов ее датировка, 718 год — дата ориентировочная, основанная на уходящей вглубь веков традиции.

Однако, с другой стороны, повествование «Хроники Альфонса III» трудно не признать достоверным: отделявшее правление этого короля от битвы при Ковадонге время позволило увидеть ее важнейшее историческое значение, которое не могли в полной мере оценить современники.

Историческое значение битвы при Ковадонге ясно и образно представлено в составленной хронистом речи Пелайо, будто бы произнесенной им перед началом сражения при Ковадонге. Когда вражеская армия «расставила неисчислимое множество шатров у входа в пещеру», где укрывался Пелайо, Епископ Оппа поднялся на холм перед Ковадонгой и обратился к Пелайо со словами увещевания: «Я предполагаю, ты помнишь, мой брат и сын, как некоторое время назад вся Испания была подчинена единому порядку, установленному Готами, и тем превосходила все остальные земли в силе и знании. Если вся армия Готов оказалась неспособна противостоять нападению Исмаилитов, то как ты надеешься защитить себя на вершине этой горы? Мне кажется это сложным. Лучше, прислушайся ко мне и отверни душу от этого решения, так чтобы ты мог наслаждаться дружбой Халдеев и иметь от того множество выгод».

Пелайо ответил епископу: «Разве не читал ты в священных писаниях, как церковь Господня сравнивается с горчичным зерном, которое вырастет божьей милостью?» Епископ ответил: «Разумеется, я читал». Пелайо сказал: «Христос – наша надежда на то, что из малой горы, которую ты видишь, благополучие Испании и войско Готов будут восстановлены. Я верю, что обещание Господа, данное Давиду, осуществится через нас: «Я посещу их неправедности с розгами и грехи их с плетьми; но не удалю милость мою от них». Поэтому, полагаясь на милость Иисуса Христа, я презираю и не боюсь многочисленности врагов. Что же до бит-

[4] Как отмечает Р. Альтамира-и-Кревеа, в битве при Ковадонге погиб предводитель арабского войска Алькама (*Альтамира-и-Кревеа Р.* Указ.соч. С.89).

вы, которой ты пугаешь нас, есть у нас заступник перед лицом Отца – Господь Иисус Христос, который способен освободить нас от этих ничтожеств».

Время показало, что отчаянная храбрость и воинская доблесть горстки храбрецов стали поворотным пунктом в истории Испании, не только положив предел казавшегося неудержимым наступления арабов, но и обозначив начало Реконкисте — многовековой истории отвоевания христианами земель Пиренейского полуострова, ставшего направляющим стержнем средневекового развития Испании и Португалии.

Изначальным ядром, «горчичным зерном» Реконкисты и стало небольшое королевство Астурия, где в течение девятнадцати лет после битвы при Ковадонге правил сам Пелайо (до 737 г.), а затем в течение двух лет — его сын Фавила[5]. В годы правления зятя и преемника Фавилы Альфонса I Католика (739 – 757), отмеченные многочисленными столкновениями с мусульманами, последние отступили за реку Дуэро[6]. Тем самым была установлена граница королевства Астурия, сохранявшаяся вплоть до XI в.

Что обусловило жизнеспособность Астурии? Вероятно, определенную роль сыграли внешние факторы, в частности, обострение противоречий между мусульманами Испании и наступившая в их владениях политическая раздробленность[7]. Нельзя не учитывать также труднодоступность Астурии, отделенной от Кастильского плоскогорья (знаменитой Месеты) стеной высоких гор (наивысшая точка Кантабрийских гор — 2648 м) с отвесными склонами и почти непроходимыми перевалами. В этих условиях арабским завоевателям не могли не показаться более привлекательными плодородные земли Южной Галлии, на которые они устремились в конце 710-х гг. и были остановлены франками только после битвы при Пуатье в 732 г.

Однако, едва ли внешние факторы могли сыграть определяющую роль на столь важном историческом рубеже. Источником жизнеспособности астурийского королевства было, по всей вероятности, соединение двух социальных сил. С одной стороны, северо-западная окраина Пиренеев сохраняла в начале VIII в. высокую степень самобытности, уходившей корнями в глубокую древность. Не случайно она последней была присоединена к Римской империи[8], а после присоединения здесь продолжали жить традиции воинственного кельтского племени астуров, давшего стране свое название. Самобытность Астурии была в значительной мере обусловлена и наследием вошедших в ее состав земель существовавшего в 409 – 585 гг. на северо-западе Испании королевства свевов — воинственного германского племени, оставившего яркий след в истории Европы последних столетий Античности и начала Средних веков.

С другой стороны, в Астурии в полной мере развились и принесли плоды те тенденции развития готской Испании, которые были остановлены арабским завоеванием. В Астурии нашли пристанище наиболее энергичные и дальновидные представители вестготской аристократии и наиболее решительно настроенные

---

[5] Хроника Альфонсо III // URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus4/AlfonsoIII/frametext.htm (Дата обращения: 28.03. 2018).

[6] История Испании. В 2 т. М., 2012. Т.I: С древнейших времён до конца XVII в. С.98.

[7] См.: *Кудрявцев А.Е.* Испания в средние века. Л., 1937. С.60.

[8] Как отмечается в коллективном труде российских историков, «в 29 — 19 гг. до н.э.происходила война кантабров и астуров против римского влияния, потребовавшая участия самого Августа» (История Испании. Т. I. С.65).

деятели испанской церкви. Как отмечал виднейший отечественный испанист А.Р. Корсунский, ее социальный и политический строй был непосредственным продолжением строя Вестготского королевства («испано-готского синтеза») и стал основой для развития средневековой Испании периода Реконкисты[9].

Таким образом, Астурия — это «зерно» испанского народа и государства. С 1982 г. она обладает статусом автономной области, что обусловлено как пронесенной жителями Астурии сквозь столетия самобытностью самосознания и уклада повседневной жизни (есть мнение, что существует особый астурийский язык, хотя он не имеет официального статуса), так и признанием ее особой роли в исторической судьбе Испании.

Затерянная в горах Астурии долина Ковадонга со времен Средневековья стала местом паломничества. В пещере Santa Cueva de Covadonga, упоминаемой в свидетельствах источников о битве, которая разыгралась здесь в VIII в., король Пелайо нашел свой последний приют. В 1901 г. в пещере была сооружена небольшая часовня с изображением Богоматери Ковадонгской — небесной покровительницы Астурии.

[9]*Корсунский А.Р.* Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М., 1969. С.302.

РОБЕР III АРТУА:
ЧАСТНЫЙ КОНФЛИКТ, СТАВШИЙ ВОЙНОЙ

Аннотация. В статье исследуются события, предшествовавшие Столетней войне и ставшие одной из причин ее начала. В ходе анализа материалов процесса между Робером III и Маго д'Артуа 1329–1331 гг. автор пришел к выводу, что нельзя исключать полной или частичной подлинности представленных истцом документов. Можно предполагать, что грамоты, подтверждавшие права Робера III Артуа, действительно существовали, в таком случае, процесс носил уже не правовой, а политический характер. Несправедливость вынесенного решения в дальнейшем привела к возобновлению претензий короля Англии Эдуарда III на французский престол при содействии сбежавшего графа Робера III Артуа.

Ключевые слова: Столетняя война, франко-английские отношения, судебные процессы Средневековья, Филипп VI, Робер III Артуа, Жанна де Дивион.

Abstract. The article examines the events that preceded the Hundred years' war and became one of the reasons for its beginning. During the analysis of the proceedings between Robert III and Magot D'Artois 1329-1331, the author came to the conclusion that it is impossible to exclude the full or partial authenticity of the documents submitted by the plaintiff. It can be assumed that the letters confirming the rights of Robert III of Artois really existed, in this case, the process was no longer legal, but political. The injustice of the decision later led to the resumption of the claims of king Edward III of England to the French throne with the assistance of the escaped count Robert III of Artois.

Key words: The Hundred years ' war, Franco-English relations, the trials of the middle Ages, Philip VI, Robert III of Artois, Jeanne de Divion.

О.И. Нуждин (Екатеринбург)

События начались после путешествия короля Франции Филиппа VI в Амьен, где он принял оммаж от короля Англии Эдуарда III за его владения на континенте – графство Понтьё и герцогство Аквитания. В контексте причин Столетней войны судебная тяжба, инициатором которой стал Робер III Артуа, издавна привлекала историков. Достаточно вспомнить работу Ж. Фавье, где процессу уделен целый параграф[1], монографии К. Аллмана[2] и Э. Перруа[3]. Всех их объединяет отсутствие сомнений в справедливости приговора, вынесенного в отношении графа, что, на наш взгляд, нельзя считать бесспорным.

В историографии существуют разногласия относительно датировки событий. Так, В.Г. Устинов полагает, что Робер III Артуа предъявил свои претензии после смерти своей тетки Маргариты (Маго) Артуа, а уже в декабре 1429 г., потерпев поражение, покинул пределы Французского королевства[4]. Э. Перруа относил начало процесса к 1330 г., а смерть Маго д'Артуа – к 1332 г.[5] Мы будем придерживаться хронологии, предложенной Б. Целлером в публикации материалов процесса.

К возвращению короля в Париж Робер III Артуа, граф Бомон-ле-Роже и пэр Франции, собрал представителей своего линьяжа, а именно графа Шарля II Алан-

[1] Favier J. La guerre de Cent Ans. – P.: Fayard, 1980. P. 42–47.

[2] Allmand Ch. La guerre de Cent Ans. – P.: Payot, 1989. P. 30.

[3] Перруа Э. Столетняя война. – СПб: Евразия, 2002. С. 97.

[4] Устинов В.Г. Столетняя война и войны Роз. – М.: АСТ; Астрель; Хранитель, 2007. С. 49.

[5] Перруа Э. Столетняя война. – СПб: Евразия, 2002. С. 97.

сонского, герцога Жана III Бретонского и других для поддержки во время задуманного судебного разбирательства. Предметом спора вновь стало графство Артуа, которое, по мнению Робера III Артуа, должно было стать его наследственным владением. Граф намеревался представить соответствующие документальные доказательства.

Король Филипп VI, не желая принимать единоличное решение, потребовал прибытия графини Маргариты (Маго) д'Артуа, которая на тот момент владела оспариваемым графством, и назначил день рассмотрения дела. Графиня приехала вовремя и также в сопровождении. С ней прибыли герцог Эд Бургундский и граф Людовик Фландрский. На судебном заседании Робер III Артуа в качестве доказательства своих прав предъявил документ, скрепленный печатью своего деда Робера II Артуа. Грамота касалась обстоятельств заключения брака между Филиппом Артуа, отцом Робера III, и Бланкой Бретонской, по которым оспариваемое графство Артуа передавалось в качестве приданого молодоженам. Теперь, после их смерти, единственным законным наследником стал Робер III Артуа.

Графиня Маго д'Артуа, как только ей предъявили этот документ, немедленно потребовала от короля изъять его из рук Робера III, поскольку, по ее мнению, он является подложным, и графина способная доказать свою правоту. Тогда Филипп VI распорядился отобрать документ и оставил его у себя до нового разбирательства. Графине Маго д'Артуа дали срок для представления своих доказательств и свидетелей.

В перерывах между двумя судебными заседаниями она смогла разыскать секретаря, который составил документ, и доставила его к королю. Новое слушание проходило в отсутствии Робера III. На заседании в присутствии Филиппа VI секретарь рассказал, что около семи лет тому назад, т.е., примерно в 1322 г., он по заказу демуазель Жанны де Дивион составил некую подложную грамоту. Когда ему предъявили ту, которую представил Робер III Артуа, он заявил, что это она и есть.

Тогда король потребовал к себе Робера III и заявил ему, что теперь имеется подтверждение, что представленная им грамота оказалась подделкой. Следовательно, теперь ему следует отказаться от своих требований. Граф возмутился и решил вызвать на поединок любого, кто заявит, что его права основаны на подложном документе[6].

Тогда король в сентябре 1429 г. направил дело на слушание Парламента, где Матильда и следователи представили итоги своего расследования[7], который вынес официальное решение по делу: предъявленный Робером III документ признали фальшивкой и разорвали, его самого навсегда лишили прав на графство, Жанну де Дивион приказали арестовать и отправить в Шатле. Возмущенный Робер III высказал несколько очень грубых слов в адрес короля и королевы, которые вывели из себя Филиппа VI, и он потребовал явки виновного на свой суд. Граф отказался явиться и не признал предъявленные ему обвинения. Тогда его, по приказу короля, объявили изгнанным из пределов Французского королевства. Жанну де Дивион подвергли пытке, и она признала все обвинения. По приговору суда ее сожгли в Париже на Свином рынке[8].

---

[6] Istore et chroniques de Flandres, d'après les textes de divers manuscrits / Par M. le baron Kervyn Lettenhove. – Bruxelles: F. Hayez, 1879. T. I. P. 349.

[7] Chronique de Richard Lescot, religieux de Saint-Denis (1328 – 1364). – P.: Librairie Renouard, 1896. P. 15.

[8] Istore et chroniques de Flandres, d'après les textes de divers manuscrits / Par M. le baron Kervyn Lettenhove. – Bruxelles: F. Hayez, 1879. T. I. P. 349.

Начало расследованию было положено верительной грамотой короля Филиппа VI от 7 июня 1329 г.[9] О Жанне де Дивион в ходе следствия было установлено, что она благородного происхождения и являлась дочерью сеньора Дивиона из Бетюнского шателенства. Она занималась предсказанием будущего, но без особого успеха, по просьбе какого-то придворного (familiers) Робера III. Якобы в Аррасе проживал некий горожанин, имевший пожизненную ренту в графстве Артуа, о чем у него имелась соответствующая грамота, подтвержденная печатью графа. После его смерти, Жанна де Дивион заполучила этот документ и попросила некоего секретаря составить подложную грамоту, касавшуюся наследственных прав Робера III. На новый документ Жанна де Дивион с помощью специально изготовленного для этой цели инструмента, раскаленного на огне, перенесла печать, не повредив восковое изображение, на грамоту, закрепив особым клеем.

Выполнив эту работу, демуазель явилась к Роберу III и заявила, что нашла грамоту в доме графа в Аррасе, в потайном месте. Обрадованный, Робер III отправил ее в Париж, предоставив определенные удобства[10]. Такова общая канва событий 1329 года, отразившаяся в хрониках своего времени.

Король решил провести следствие, и оно поначалу складывалось в пользу Робера III Артуа. Уже 9 июня 1329 г. в Амьене командированные судьи допросили Жанну де Дивион. Она поклялась на Святом Евангелии, что будет говорить только правду, после чего сказала о существе дела следующее. Мэтр Тьерри д'Ирсон, епископ Арраса, в год, предшествующий его смерти, передал ей два письма. Одно из них было скреплено королевской печатью зеленого воска, второе имело несколько печатей. Он попросил ее хранить их и не вскрывать. После того, как епископ умер, она передала письма Роберу Артуа. Спрошенная, видела ли она содержание писем, она ответила, что рассматривала их. Одно, имевшее несколько печатей, написано по-французски, и в нем говорилось, что граф Артуа передает одноименное графство своему сыну Филиппу и его наследникам. Второе письмо, скрепленное королевской печатью, содержало подтверждение первого и было написано по латыни. Письмо, скрепленное несколькими печатями, имело клятвы нескольких лиц и печати с конным рыцарем из герба Артуа, герцога Бургундии, графа Вандома, архиепископа Реймса и некоторых богатых людей Бретани. После смерти епископа она взяла письма, положила их в шкатулку и спрятала в отеле в Аррасе, где проживала.

Первый раз она увидела эти письма у епископа на третий месяц его епископата. Она сказала епископу, - как он мог прозевать такие письма, по которым Робер Артуа был лишен наследства? Епископ тогда очень разгневался[11].

Тьерри д'Ирсон, как известно, являлся доверенным лицом Маго Артуа, поэтому нахождение подобных писем в его архиве не представляется удивительным. Странно то, что он сохранил их, а не уничтожил, чтобы не компрометировать Маго Артуа. Он стал епископом Арраса в апреле 1328 г., следовательно, письма Жанна де Дивион увидела в июле 1328 г. Скончался Тьерри д'Ирсон в ноябре 1328 г.

Показаниями Жанны де Дивион следствие не ограничилось. Через несколько дней, 14 июня 1429 г., следователи расспросили Пьера де Маго. Тот представил неожиданные факты. По его словам, в 1315 г., когда осужденного на смерть Ангеррана де Мариньи везли на Монфокон, король Людовик X спросил его о распре графини Маго и Робера III Артуа. Тот заявил, что так и есть, и тому имелись подтвер-

---

[9] Zeller B. Philippe VI et Robert d'Artois. Les commencements de la guerre de cent ans. 1328 – 1345. – P.: Hachette, 1885. P. 32–33.

[10] Istore et chroniques de Flandres… T. I. P. 348–349.

[11] Zeller B. Philippe VI et Robert d'Artois. Les commencements de la guerre de cent ans. 1328–1345. – P.: Hachette, 1885. P. 34–36.

ждающие письма, но, по его мнению, их уже не найти, поскольку они уничтожены. И когда его голову уже продели в петлю, он еще раз подтвердил, что то, что он сказал, является правдой[12]. Повторно опросить его не удалось, поскольку Пьер де Маго скончался до завершения процесса.

Допрос Менасии де Лонуа показал, что граф Робер II Артуа, когда был в Пуильи, отправил королю Франции Филиппу IV, брату Карла Валуа, запечатанные письма, в которых просил женить своего сына. Выполняя волю, король женил Филиппа на Бланке, которые стали теперь наследниками графства Артуа. Но случилось так, что графство, в конечном счете, получила Маго Артуа. Также он слышал от многих лиц, чьи имена он не помнит, что существовала пара писем, которые Ангерран Мариньи передал графине Маго, и она бросила их в огонь и обратила в пепел[13]. Его также не удалось допросить еще раз: дав показания однажды, он скрылся, и разыскать его не смогли.

Еще один свидетель, Мартен де Нёвпор, рассказал, что за три недели до Рождества прошедшего 1328 г., он был назначен королем опекуном по просьбе графини Артуа для Жанны де Дивион, которая проживала в ее отеле. Она показала письмо из шкатулки, согласно которому Робер III Артуа является законным наследником графства Артуа от своей матери Жанны Бретонской[14]. В дальнейшем Мартен де Нёвпор стал активно сотрудничать со следствием, поддержал точку зрения Маго Артуа, за что получил от короля Филиппа VI высочайшее помилование. Поведение на процессе позволило ему в дальнейшем стать сержантом и прево Бокера[15].

Но уже вскоре следствие разыскало иных свидетелей, которые стали давать нужные показания. Так, в частности, Мари де Фулкер показала, что Жанна де Дивион занималась подделкой писем в интересах Робера III Артуа и после смерти епископа и Маго Артуа она проводила обыски в его доме[16]. Ее слова заинтересовали следователей, и они возобновили расследование. Вскоре выяснилось, что имелось не две, а четыре грамоты: письмо короля Филиппа Красивого, подтверждающего условия брака Филиппа д'Артуа, письмо графа Робера своим вассалам, с указанием на пожалования своему сыну Филиппу, письмо с отказом от прав со стороны Маго и письмо Маго с подтверждением решения своего отца[17]. Теперь настоятельно требовалось выяснить их подлинность.

Отмечено, что осенью направление расследование резко поменялось. Вместо поддержки Робера III Артуа, оно стало склоняться в противоположную сторону. Причина, видимо, кроется в том, что судебное разбирательство между Робером и Маго д'Артуа пересеклось с процессом советника короля Филиппа IV Ангеррана де Мариньи, прошедшего в апреле 1315 г. Как оказалось, вышеназванная Маго д'Артуа фигурировала в нем как заинтересованное лицо, о чем прямо говорилось в ст. 20 обвинения. Она предоставила Ангеррану де Мариньи право суда и рынок в Бомеце «из опасения лишиться большего»[18]. Этим «большим» вполне могла быть информация о графстве Артуа.

Решающим документом для обвинения Ангеррана де Мариньи стало закрытое, т.е. секретное, письмо умирающей королевы Наварры Маргариты Бургундской.

---

[12] Zeller B. Philippe VI et Robert d'Artois. P. 37.
[13] Zeller B. Philippe VI et Robert d'Artois. P. 38–39.
[14] Ibid. P. 38.
[15] Ibid. P. 37. Note 2.
[16] Ibid. P. 44–48.
[17] Ibid. P. 43–44. Note 1.
[18] Фавье Ж. Ангерран де Мариньи, советник Филиппа IV Красивого. – СПб: Евразия, 2003. С. 291.

Его действительное содержание никому, кроме адресата – нового короля Франции Людовика X, известно не было, но его сочли однозначно направленным против Ангеррана де Мариньи[19]. Хотя, возможно, наоборот, именно в нем содержались сведения об утаенных документах, касавшихся прав на графство Артуа, о чем Людовик X переспрашивал Ангеррана де Мариньи, когда того везли на казнь.

По мнению Ж. Фавье, негативное отношение Маго д'Артуа к Ангеррану де Мариньи носило сугубо политический, а не личный, характер. В качестве примера автор приводит показавшийся ему «любопытным» факт: в январе 1315 г. графиня отправила своего доверенного человека, Жана д'Эстембура к видаму Пикиньи Реньо. Тот передал для Маго д'Артуа какие-то «бумаги», которые были срочно переправлены адресату[20].

Если сопоставить имеющуюся неполную информацию, то получается, что Ангерран де Мариньи имел какое-то отношение к тяжбе за графство Артуа. Во всяком случае, он знал о существовании неких писем, о чем перед смертью сказал нескольким свидетелям, в том числе и самому Людовику X. Не исключено, что грамоты, касавшиеся прав на Артуа, каким-то образом попали в руки видама Пикиньи, а уже тот переправил их Маго д'Артуа. Графиня, в свою очередь, предприняла все возможное, чтобы эта история не выплыла наружу, а главный свидетель – Мариньи, – был лишен права на публичное оправдание на предъявленные ему обвинения и отправился на Монфокон.

Однако основную роль в осуждении Ангеррана де Мариньи сыграл Карл де Валуа. Этого мнения придерживался как Ж. Пти в 1900 г.[21], так и авторы монографии, посвященной династии Капетингов, написанной сто лет спустя[22]. Причастность Карла Валуа к махинациям с королевскими документами неожиданно всплыла на процессе 1329 г. и теперь напрямую затрагивала интересы его сына, короля Филиппа VI. Показания нескольких человек свидетельствовали, что к лишению Робера III Артуа наследства причастен отец действующего короля – Карл Валуа. Более того, именно он лишил Ангеррана де Мариньи права на защиту, в ходе которой, вероятно, могла быть обнародована информация, затрагивавшая интересы Маго д'Артуа. И Филиппу VI пришлось вступиться за своего отца, что заставило его объединиться с Маго д'Артуа, чтобы доказать подложность представленных ее племянником документов.

Возможно, с помощью Маго Артуа появился нужный свидетель – мэтр Робер, отец дамы Жанны Олиетт. Он признал, что незадолго до того, как началась распря (plaid) между Робером III, с одной стороны, и герцогом и герцогиней Бургундской, с другой, названная демуазель Дивион попросила его составить письмо, а именно то письмо, которое было скреплено печатью графа Артуа. И он написал его собственной рукой. Произошло это в 1322 г.[23]

Тогда 2 февраля 1330 г. вторично допросили демуазель Жанну де Дивион, относительно письма с печатью графа Артуа. Она сказала, что письмо является фальшивым. Она купила письмо с печатью в Аррасе у одного горожанина, по имени Урс де Борн, уплатив ему 300 парижских ливров. Непосредственно покупку произвели демуазель Мари де Фулкер и Перро де Сенс, клерк демузаель Дивион.

---

[19] Exepta e memorieli historiarum, auctore Johanne Parisiensi Sancti Victoris Parisiensis canonico regulari // Recueil des historiens des Gaules et de la France / Publ. par mm. Guigniaut et de Wailly. – P.: Imprimerie Impériale, 1855. T. XXI. P. 660; Фавье Ж. Ангерран де Мариньи, советник Филиппа IV Красивого. С. 294.

[20] Фавье Ж. Ангерран де Мариньи, советник Филиппа IV Красивого. С. 265.

[21] Petit J. Charles de Valois (1270–1325). – P.: Alphonse Picard, 1900. P. 146.

[22] Менан Ф., Мартен Э., Мердриньяк Б., Шовен М. Капетинги. История династии (987–1328). СПб: Евразия, 2017. С. 476–477.

[23] Zeller B. Philippe VI et Robert d'Artois. P. 49–50.

Оплату произвел Перро де Сенс. Жанна Шене, Перро де Сенс и она лично отделили печать графа и прикрепили ее на поддельное письмо. Таким же образом они поступили с остальными письмами. Два последних из них написал Перро де Сенс, клерк демуазель Жанны де Дивион. Также поддельными являются остальные письма, включая и грамоту с печатью короля. Триста ливров на приобретение печатей дал Робер III Артуа[24].

Следствие длилось до 1331 г. и завершилось вынесением приговора главной обвиняемой. Как уже говорилось, ее приговорили к смертной казни через сожжение на костре 6 октября 1331 г. Робер III Артуа поспешил покинуть пределы королевства, тогда как его жена и дети подверглись аресту. В конечном счете беглый граф прибыл в Англию, ко двору короля Эдуарда III, который дал ему приют и защиту.

Такова история, которая имела большие, трагические последствия как для Франции, так и для Англии, во многом предопределив их дальнейшее развитие и сосуществование. Поэтому имеет смысл разобраться с ней обстоятельнее, тем более, что ряд фактов заставляет обратить на себя пристальное внимание.

В целом, исследуемую проблему следует разделить на две части. Первая касается вопроса о существовании документов о передаче графства Артуа в качестве приданого Филиппу Артуа и Бланке Бретонской. Вторая – являются ли грамоты, представленные на процессе 1329 г., подлинными.

Представляется, что на первый вопрос, учитывая показания нескольких независимых свидетелей, можно ответить положительно: да, они существовали. Однако утверждать, сохранились ли они до начала процесса или Жанна де Дивион изготовила фальшивки, основываясь на знании, что документы о передаче графства Артуа некогда существовали, однозначно нельзя.

Реакции основных участников процесса – Маго д'Артуа и Робера III, – можно расценить так. Известно, что Маго д'Артуа сразу опознала в предъявленных грамотах подделку. Такое безапелляционное заявление возможно в двух случаях: первый – если она точно знала, что их никогда не существовало в природе, и второй – если она пребывала в уверенности, что документы были, но их уже уничтожили. В любом случае, по мнению графини, к 1329 г. подлинные документы уже не существовали, и любая иная представленная грамота является безусловной фальшивкой.

Реакция Робера III Артуа оказалась иного рода. Он не понял и не принял королевского решения, как принимал предшествующие решения 1309 и 1318 гг., закрепившие права на оспариваемое графство Артуа за его теткой. Робер III обиделся лично на Филиппа VI, очевидно, сочтя его действия умышленно ошибочными. У графа оставалась возможность отойти в сторону и представить себя жертвой гнусного обмана со стороны Жанны де Дивион и ее приспешников, но он ею не воспользовался. Всю вину за неправедное решение он возложил на Филиппа VI, что может говорить в пользу того, что граф считал имевшиеся у него грамоты подлинными.

Есть ли какие-нибудь иные факты, позволяющие нам подтвердить или опровергнуть позицию графа? В пользу подлинности документов процесса можно привести несколько косвенных свидетельств. Не исключено, что Маго д'Артуа лично не сжигала оригинальные грамоты, а поручила это своим доверенным лицам, например, Тьерри д'Ирсону. А тот, исходя из собственных побуждений, решил их сохранить: все-таки уничтожение документа, содержащего королевское волеизъявление, и тем самым воспрепятствование исполнению монаршей воли может быть расценено как «lèse-majesté», оскорбление величества. В таком случае Тьерри д'Ирсон вполне мог документ припрятать.

[24] Ibid. P. 51–52, 54, 58, 59.

Также следствие установило, что в подделке грамот, в том числе и королевской, участвовало несколько человек. Но демуазель Жанна де Дивион и Жанна Шене фактически стали единственными обвиняемыми и были казнены. Однако способ казни – сожжение живьем, – не соответствует инкриминированному ей преступлению – подделке документов. Такое наказание более соответствует обвинению в ереси или колдовстве, а «lèse-majesté» требовало отсечения головы[25]. Следовательно, Жанну не Дивион и Жанну Шене осудили не за подделку документов, а за попытки предсказания будущего и гадание. Но все равно наказание выглядит слишком суровым и походит на расправу с нежелательным свидетелем.

Особый интерес представляют датировки событий, связанных с процессом. Робер III Артуа предъявил грамоты в начале июня 1329 г., но, со слов мэтра Робера, изготовление подделок началось в 1322 г. Когда же они оказались в руках графа?

Если допустим, что граф получил документы вскоре после 1322 г., то ничто не мешало ему проверить их подлинность непосредственно у своей матери. Поскольку ничего подобного не произошло, то можно предположить, что Робер III Артуа стал обладателем нужного ему документа после 1327 г., т.е. после смерти Бланки Бретонской.

Следовательно, с большой долей вероятности можно утверждать, что грамота попала в руки Робера III Артуа между 1327 и 1329 гг. Известно также, что права на графство Артуа решениями 1309, 1318 г. были закреплены за теткой Робера III – Маго Артуа, и оспорить их даже при наличии твердых доказательств представлялось невозможным. Помочь в таком сложном деле мог только могущественный союзник, как, например, новый король Филипп VI, представитель рода Валуа. Поэтому документы, будь они подлинными или подложными, могли быть предъявлены только после прихода Филиппа де Валуа к власти.

Следует учитывать, что, проиграв два процесса, Робер III Артуа должен был находиться в полной уверенности, что выиграет третий. Его нельзя считать настолько глупым, чтобы принять на веру документ без веских на то оснований. Наверняка у него были причины полагать его подлинным, о чем должен свидетельствовать внешний вид, содержание, печати и подписи и, видимо, происхождение. Стоит отметить, что Робер III Артуа явился на процесс не один, а в сопровождении представителей своего линьяжа, которые играли роль соприсяжников. А их, чтобы привлечь к участию в процессе, также требовалось убедить в подлинности документов.

В качестве вывода можно сказать, что в отсутствие самих документов судить об их подлинности «за глаза» довольно сложно и сделать однозначные выводы, учитывая политическую подоплеку событий, практически невозможно. Однако имеющиеся косвенные данные позволяют предположить, что представленные графом Робером III Артуа грамоты могли быть оригинальными или же они опирались на достоверную информацию. Сложившаяся во Франции к 1329 г. политическая ситуация не позволила королю Филиппу VI и его Парламенту принять объективное решение. Ситуацию усугубило решение коллегии пэров от 6 апреля 1332 г., приговорившее Робера III Артуа к изгнанию. Поэтому графу пришлось покинуть пределы страны, а вскоре он объявился в Англии и уговорил ее короля Эдуарда III начать против Франции войну. Так судебная ошибка привела к войне между двумя странами, длившейся более ста лет.

[25] Reliquet Ph. Ritter, Tod und Teufel. Gilles de Rais oder die Magie der Bösen. – München, Zurich: Artemis Verlag, 1984. S. 227–228.

Литература

1. Менан Ф., Мартен Э., Мердриньяк Б., Шовен М. Капетинги. История династии (987–1328). – СПб: Евразия, 2017. 684 с.

2. Перруа Э. Столетняя война. – СПб: Евразия, 2002. 480 с.

3. Устинов В.Г. Столетняя война и войны Роз. – М.: АСТ; Астрель; Хранитель, 2007. 637 с.

4. Фавье Ж. Ангерран де Мариньи, советник Филиппа IV Красивого. – СПб: Евразия, 2003. 336 с.

5. Allmand Ch. La guerre de Cent Ans. – P.: Payot, 1989. 284 p.

6. Chronique de Richard Lescot, religieux de Saint-Denis (1328 – 1364). – P.: Librairie Renouard, 1896. 264 p.

7. Exepta e memorieli historiarum, auctore Johanne Parisiensi Sancti Victoris Parisiensis canonico regulari // Recueil des historiens des Gaules et de la France / Publ. par mm. Guigniaut et de Wailly. – P.: Imprimerie Impériale, 1855. T. XXI. 973 p.

8. Favier J. La guerre de Cent Ans. – P.: Fayard, 1980. 678 p.

9. Istore et chroniques de Flandres, d'après les textes de divers manuscrits / Par M. le baron Kervyn Lettenhove. – Bruxelles: F. Hayez, 1879. T. I. 634 p.

10. Petit J. Charles de Valois (1270–1325). – P.: Alphonse Picard, 1900. 422 p.

11. Reliquet Ph. Ritter, Tod und Teufel. Gilles de Rais oder die Magie der Bösen. – München, Zurich: Artemis Verlag, 1984. 383 S.

12. Zeller B. Philippe VI et Robert d'Artois. Les commencements de la guerre de cent ans. 1328 – 1345. – P.: Hachette, 1885. 182 p.

«ЕСЛИ Я И БЫЛА ВОЕНАЧАЛЬНИКОМ, ТО ТОЛЬКО ЧТОБЫ СРАЖАТЬСЯ С АНГЛИЧАНАМИ»

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ЖАННЫ Д'АРК В АРМИИ КАРЛА VII

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы места и роли Жанны д'Арк в армии короля Карла VII. Используя материалы Процессов обвинения и реабилитации, а также хроник XV в., автор доказывает мысль, что Жанна д'Арк выступала в качестве военачальника, но не главнокомандующего войском. Под ее командованием находились два – три ланса. Сама она с самого начала занимала пост капитана, будучи человеком незнатного происхождения, а после получения герба вошла в круг дворянства.

Ключевые слова: Столетняя война, осада Орлеана, Жанна д'Арк, Карл VII.

Abstract. The article is devoted to the study of the place and role of Joan of Arc in the army of king Charles VII. Using the materials of the prosecution and rehabilitation Processes, as well as the Chronicles of the XV century, the author proves the idea that Joan of Arc acted as a military commander, but not the commander-in-chief of the army. She had two or three lances under her command. She herself had been a captain from the very beginning, being a person of low birth, and after receiving the coat of arms she entered the circle of the nobility.

Key words: The Hundred years' war, siege of Orleans, Joan of Arc, Charles VII.

О. И. Нуждин (Екатеринбург)

Всем, кто хоть немного знаком с историей национальной героини Франции, известно о двухсотлетнем противостоянии двух групп исследователей. Одни из них отстаивают ее крестьянское, а другие – дворянское происхождение. И что примечательно, обе трактовки покоятся на противоречиях, содержащихся в одной и той же группе источников. С одной стороны, в них содержатся вполне определенные указания на ее рождение в д. Домреми в семье д'Арков, а с другой, ее слова и поступки, а также отношение к ней окружающих заставляют сомневаться в этом.

Не имея возможности в рамках одной статьи осветить все проблемные моменты, остановимся только на некоторых из них. Главный вопрос, который хотелось бы сформулировать в этой связи, заключается в следующем: считалась ли Жанна Дева военачальником или же играла исключительно символическую роль в войске.

Сама Жанна д'Арк на допросах по время обвинительного процесса дала по этому вопросу путаные показания. На допросе 22 февраля она ответила, что она «простая девушка, и ничего не разумеет в верховой езде и военном командовании». Здесь же она заявила, что в ее «Письме англичанам» слова «военачальник» (caput gerrae) не было[1], следовательно, считать ее таковой было бы неверно. Однако статья 53 «Обвинения» зафиксировала следующее объяснение Жанны д'Арк: «спрошенная о факте, что она была военачальником (chief de guerre gallice), она ответила, что она на это уже отвечала прежде, и если она и была во-

[1] Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc, dite la Pucelle / Éd. J. E. J. Quicherat. – P.: Chez Jules Renouard, 1841. T. I. P. 55.

еначальником (caput gerrae), то только для того, чтобы сражаться с англичанами»[2].

Можно допустить, что разногласия в трактовках в этом случае проистекали из различного толкования термина «военачальник», а дословно – «глава войска». Жанна д'Арк, отвечая на вопросы допрашивающих, отрицала свое назначение главнокомандующим французской армией, но, видимо, допускала, что оставалась командиром меньшего по численности воинского отряда. Подтверждение тому также можно найти в материалах Процесса обвинения.

Так, на допросе 3 марта она отвечала, что в своих войсках (de societate sua) имела два или три ланса (nisi duas vel tres lanceas); и ее соратники (socii gerrae) делали похожие на ее [лансы – О.Н.], чтобы тем самым отличить себя от остальных. Далее она заявила, что когда копья (lanceae) ломают, то делают новые[3]. Как полагал Ж. Кордье, обративший внимание на этот пассаж, здесь может идти речь о «двух или трех вооруженных копьями всадниках»[4]. Представляется, что Ж. Кордье здесь не совсем прав, и Жанна д'Арк имела в виду не просто всадника, а воинский отряд – ланс, насчитывавший в своих рядах пять – шесть человек[5]. В этом случае непосредственно под ее командованием одновременно находилось всего около полутора десятков воинов, что мало соответствует термину «военачальник». Любопытно также образное выражение, использованное Жанной д'Арк: «когда копья ломают, то делают новые». В данном контексте его можно трактовать так: если кто-то из воинов выбывал из строя, понесший потери ланс тут же пополняли.

Свой первый ланс Жанна д'Арк сформировала в Вокулере. По королевскому письму 21 апреля 1429 г. были выплачены деньги «Жану де Мец, оруженосцу, сто ливров за сопровождение его и иных людей компании Девы …, которые прибыли из области Барруа к королю, нашему сеньору и которые совершили это путешествие для сбора, который состоялся в городе Шинон, и которые совершили путешествие, чтобы служить названному сеньору в армии, которую он собрал для спасения Орлеана»[6]. Он состоял из самой Жанны д'Арк, одного рыцаря (Жан де Мец, он же Жан де Нуйонпон), одного оруженосца (Бертран де Пуленжи), их слуг (Жан из Онкура и Жюльен, соответственно), королевский гонец Коле де Вьенн и с ним Ришар л'Арше[7], секретарь[8].

Отряд мог быть и больше, и Жанна предприняла меры по его увеличению. Вместе с Жаном де Мец и, возможно, Робером де Бодрикуром, она посетила Карла II, герцога Лотарингии. Во время аудиенции она предложила ему отправиться с ней к дофину Карлу, но тот, сославшись на болезнь, отказался. Тогда Жанна д'Арк попросила снарядить отряд под командованием его сына (точнее,

---

[2] Ibid. P. 293.

[3] Ibid. P. 97.

[4] Cordier J. Jeanne d' Arc. Ihre Persönlichkeit. Ihre historische Bedeutung. – Wiesbaden: Guido Pressler Verlag, 1966.S. 328.

[5] О численности ланса в XV в. см.: Контамин Ф. Война в Средние века. – СПб: Ювента, 2001. С. 143 – 144.

[6] Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc, dite la Pucelle / Éd. J. E. J. Quicherat. – P.: Chez Jules Renouard, 1849. T. V. P. 257.

[7] В.И. Райцес и Э. Люсай-Смит переводят его фамилию как «лучник» (Райцес В.И. Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы. – Л.: Наука, 1982. С. 63; Lucie-Smith E. Johanna von Orléans. Eine Biographie. – Düsseldorg: Manfred Pawlak Verlagsgesellschaft mbH, 1990. P. 59).

[8] Перну Р., Клэн М.-В. Жанна д'Арк. – М.: Прогресс, 1992. С. 28. Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc…T. II. P. 447, 448, 457.

зятя) – Рене Анжуйского, но вновь безрезультатно[9]. Так как у самой Жанны на тот момент ничего не было, то герцог подарил ей боевого коня. «Не ставя ногу в стремя, она вскочила в седло, ей подали копье, она выехала на площадь замка, и она управлялась с ним, как не могли управляться многие из воинов (hommes d'armes)… И герцог понял, как она доблестна»[10]. Своим искусством владения копьем через несколько недель Жанна д'Арк точно так же поразила молодого герцога Жана Алансонского[11].

Описывая сюжет поездки ко двору герцога Карла Лотарингского, М. Уорнер именует Рене Анжуйского местным сюзереном Жанны д'Арк, а ее саму – его вассалом[12]. Очевидно, что данное замечание базируется на фразе, якобы произнесенной Робером де Бодрикуром. Советуя Жанне д'Арк обратиться к Карлу II, герцогу Лотарингии, тот назвал последнего «qui est votre souverain seigneur»[13]. Но такой статус и вытекающие отсюда обязанности плохо согласуются с крестьянским происхождением Жанны д'Арк.

В.И. Райцес в книге «Жанна д'Арк», в поисках выхода из такой неоднозначной ситуации, написал о социальном статусе своей героини следующее: «когда Жанна сменила крестьянское платье на мужской костюм, она изменила в глазах окружающих свой статус. С этого момента ее перестали воспринимать как крестьянку», поддерживая тем самым точку зрения Э. Люсай-Смита. Тот утверждал также, что смена женской одежды на мужскую имела несколько назначений: случила средством маскировки и защиты, отвечала неуверенности самой Жанны в ее истинном поле, наконец, была средством выражения ее исключительности[14].

Однако В.И. Райцес оспаривает его утверждение, что признаком нового статуса стало то, что она стала одеваться как молодой дворянин: «как дворянку ее тоже не воспринимали»[15]. Тем самым, по мнению В.И. Райцеса, она занимала «совершенно особое положение», которое было невозможно определить традиционной сеткой социальных координат. К сожалению, В.И. Райцес не привел никаких аргументов или фактов в обоснование своего предположения. Поэтому его можно рассматривать просто как попытку объяснения нестандартной ситуации, связанной с пребыванием «крестьянки» в армии и ее командованием мужчинами-воинами, в том числе и дворянами.

Более осведомленный в вопросе участия женщин в войнах Средневековья Ф. Контамин приводил несколько примеров, когда те воевали подобно мужчинам в рыцарском облачении. Так, например, действовала графиня д'Эвре в XII в., Алиенора Аквитанская, графиня Жанна де Монфор в XIV в. и т.д. Ф. Контамин утверждал, что в обществе воинов-мужчин «вполне нормально воспринимались и вооруженные «дамы» и «баронессы»[16]. Очевидно, что никакого изменения статуса у них не происходило, и они вполне укладывались в традиционную сетку социальных координат. Можно привести и более близкий по времени сюжет, когда Якобея фон Геннегау в 1425 г. совершила побег из Гента в одеянии пажа, т.е. в

---

[9] Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc…T. I. P. 53–54; Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc…T. III. P. 87.

[10] Dom Calmet. Histoire ecclesiastique et civile de Lorraine. – Nancy: Chez Jaen Baptiste Cusson, 1728. T. III. Col. VI.

[11] Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc…T. III. P. 92.

[12] Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. – L.: Vintage, 1991. P. 162.

[13] Dom Calmet. Histoire ecclesiastique et civile de Lorraine. T. III. Col. VI.

[14] Lucie-Smith E. Johanna von Orléans. P. 55, 56.

[15] Райцес В.И. Жанна д'Арк. С. 99.

[16] Контамин Ф. Война в Средние века. – СПб: Ювента, 2001. С. 259.

мужском одеянии[17]. В ее случае также никакого изменения статуса не произошло, и ее по-прежнему воспринимали той, кем она являлась. Следовательно, ни ношение женщинами мужской одежды, ни ведение ими войны наравне с мужчинами к смене их социального статуса не приводило. Поэтому непонятно, почему в случае с Жанной Девой должно было происходить нечто иное, чем с другими женщинами в аналогичной ситуации. По всей видимости, она должна была оставаться в своем социальном статусе, не приобретая новый.

В.И. Райцес справедливо указывает на тот факт, что современники вообще не упоминали об аноблировании Жанны Девы, а сама она на процессе обвинения отрицала наличие у нее своего щита и герба. Не признавала она за собой и функции полководца или военачальника. Пожалованием «Жанне права иметь личное знамя, дофин приравнял ее к так называемым «знаменным рыцарям», которые командовали отрядами своих «людей».

По версии В.И. Райцеса получается, что Жанна д'Арк получила права дворянина, не приобретая соответствующего им статуса. Возможно ли, что в Средние века человек имел права, не имея связанного с ними статуса или наоборот, мог ли он приобрести статус, не получив при этом полагающиеся права? Наверное, нет. Но многие из современников и соратников Жанны Девы видели в ней человека своего круга, а никак не крестьянку.

Так, граф д'Арманьяк в своем письме обращается к Жанне д'Арк не иначе как «моя дорогая дама» (ma très chière dame)[18], т.е. так же, как к представительнице знати. А она в ответном послании именует его «мой дорогой и добрый друг» (mon très chièr et bon ami)[19], также обращаясь как к равному себе, не проявляя при том своего подчиненного положения или подобострастия.

На Процессе реабилитации герцог Жан Алансонский рассказал, что она обращалась к нему со словами «дорогой герцог», знала его жену и обещала ей заботиться о ее муже. К Жану Бастарду Орлеанскому она обратилась со словами: «Бастард, бастард, во имя Бога я приказываю тебе, как только ты услышишь, что этот Фальстаф приближается, дай мне знать; но, если он пройдет мимо, а я об этом не буду знать, я оторву тебе голову»[20]. Так вспомнил одну из первых встреч двух капитанов бывший оруженосец Жанны д'Арк – Жан д'Олон.

В этих словах обращает на себя внимание все, каждое слово и фразы целиком, поскольку они не укладываются в привычные для нас представления о средневековых крестьянах и их отношениях с дворянами. Так, Жанна Дева осмеливается «приказывать» (je te commande) этому военачальнику в весьма грубых выражениях. Более того, если он ослушается, она обещает оторвать ему голову. Можно было предположить возмущение или какое-либо недовольство со стороны Жана Орлеанского Бастарда, - но нет. Сын брата короля Франции спокойно перенес такое неуважение по отношению к своей особе, не усмотрев в нем ничего необычного или оскорбительного для своей чести.

Об истинном отношении знати к простолюдинам свидетельствует один небольшой, но примечательный факт, на который обратил внимание Й. Хёйзинга. По его словам, Жан Бесстрашный «воспринимает как неизгладимый позор то, что с пышностью выехавшего ему навстречу парижского палача Капелюша он приветствует как дворянина, касаясь его руки; лишь только смерть палача может из-

---

[17] Saller M. Königin Isabeau. Die Wittelsbacherin auf dem Lilienthron. – München: Nymphenburger Verlagshandlung GmbH, 1979. S. 301.

[18] Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc…T. I. P. 245.

[19] Ibid. P. 246.

[20] Ibid. T. III. P. 212.

бавить герцога от такого позора»[21] (есть ссылка на источники). И дело здесь не в том, что Капелюш был представителем «нечистой» профессии, а в том, что герцог был вынужден приветствовать как знатного человека, не достойного такой чести. Поэтому представить себе, как дворяне, знать, в том числе и принцы крови и опытные капитаны, без особой на то причины стали беспрекословно подчиняться никому не известной доселе крестьянке достаточно сложно. Такое положение должно было восприниматься ими так же, как и герцогом Бургундии – как личный позор.

Итальянец Джованни да Молино в своем письме от 30 июня 1429 г. именует Жанну д'Арк «благородная девушка из области Франции» (d'une gentil damixela de la partie Franza)[22]. А очередной счет, выписанный и оплаченный в сентябре 1429 г., относит ее к категории сеньоров, когда упоминает «gens d'armes et de traict, из компании монсеньора д'Алансона, Девы и иных сеньоров»[23]. Иными словами, Жанна д'Арк здесь предстает таким же дворянином, как и герцог Жан Алансонский.

Первое, приходящее на ум объяснение, связывает данный пассаж с одним документом начала июня 1429 г. В нем дофин Карл жалует Жанне д'Арк герб и поручает ей и Жану Алансонскому осаду Жарго. Внизу, под текстом, приведен рисунок этого герба – в лазурном поле две золотые лилии, между которыми помещен меч, поддерживающий корону. Это именно тот самый герб, который впоследствии будут помещать рядом с изображениями Жанны Девы художники в последующие столетия.

Однако на Процессе обвинения Жанна д'Арк отрицала наличие у нее герба. «Спрошенная, имела ли она щит и герб, она ответила, что у нее не было. Но ее король дал ее братьям герб. А именно, голубой щит с двумя золотыми лилиями и мечом в середине, … и она описала этот щит одному художнику, так как ее спрашивали, какой герб она носит»[24]. Описывая данный сюжет, Ж. Дюби и А. Дюби заметили, что жалованная грамота, которая возвела братьев в дворянское достоинство, не упоминает никакого герба[25], а приведенный выше документ касался именно Жанны д'Арк, и не имел отношения к ее братьям и иным родственникам. То есть речь шла о пожалованном ей личном гербе. В свою очередь, грамота аноблирования семьи Жанны д'Арк не содержит никакого упоминания о гербе.

Можно сделать заключение, что со 2 июня 1429 г. Жанна д'Арк, получив личный герб, была возведена дофином Карлом в дворянское достоинство. Однако у самой Жанна д'Арк не имелось средств на содержание себя и своего отряда. Как справедливо заметила М. Уорнер, «быть рыцарем весьма затратно: лошади, вооружение, доспехи, свита … »[26]. Известно, что в составе армии Кала VII имелись две группы воинов – gens d'arme и gens de traict. Первые несли службу в силу феодального обычая и, следовательно, сами несли расходы, вторые – по контракту и расходы брал на себя их наниматель.

Так вот, человеком, который нес финансовые расходы по содержанию отряда Жанны д'Арк, был сначала дофин, а потом король Карл VII. Так, например, на Процессе обвинения 10 марта она ответила на вопрос, «был ли у нее конь, когда

---

[21] Хёйзинга Й. Осень Средневековья. – М.: Наука, 1988. С. 52.

[22] Chronique d'Antonio Morosini / Par G. Lefèvre-Pontalis. – P.: Libraire Renouard, 1901. T. III: 1429–1433. P. 68

[23] Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc…T. V. P. 268.

[24] Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc…T. I. P. 117.

[25] Duby G., Duby A. Die Prozesse der Jeanne d'Arc. – B.: Verlag Klaus Wagenbach, 1985. S. 54.

[26] Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. – L.: Vintage, 1991. P. 161

ее взяли в плен, и был ли это боевой конь или для отдыха, она ответила, что это был полутяжелый конь. Спрошенная, кто дал ей этого коня, она ответила, что ей король или люди от короля давали деньги. И что она имела пять боевых коней, без счета рысаков, из которых она имела более чем семь. Спрошенная, имела ли она помимо этих коней от своего короля иное вознаграждение, она ответила, что она от своего короля ничего не просила, кроме доброго оружия, добрых лошадей и денег, чтобы оплатить своих людей из собственного окружения. Спрошенная, не имела ли она какого-либо вознаграждения, она ответила, что десять или двенадцать тысяч, которые у нее были, не настолько большие деньги, чтобы вести войну. Это в самом деле немного… И все, что она имела из денег, принадлежит королю»[27].

Любопытно, что утверждение Жанны Девы, что ее расходы покрывал король, не голословны, а находят свое документальное подтверждение. Так, в ходе Луарской кампании отряд Жанны д'Арк входил в состав армии, которой командовал герцог Жан Алансонский, позднее – в состав армии Жиля де Ре. Главный казначей Гийом Шаррие упоминал документ от 22 июня 1429 г., из которого следовало, что была осуществлена выплата в тысячу ливров маршалу Жилю де Ре по королевскому приказу от 21 июня 1429 г. «за сформированную большую компанию солдат и лучников», «которую он вместе с Жанной Девой держал на своей службе»[28]. Так, в счетах г. Орлеана отмечены выплаты многим известным военачальникам и капитанам, принимавшим участие в его обороне (например, Бастарду Орлеанскому, Понтону де Ксентраю, Жану, брату Жанны Девы, Жилю де Ре[29] и пр.), но нет выплат самой Жанне Деве. Видимо, люди Жанны д'Арк и она сама относились ко второй категории, а именно gens de traict, иными словами, была капитаном.

О месте, занимаемом Жанной Девой среди военачальников Карла VII, свидетельствует хронист Жан Шартье. Так, при описании битвы при Патэ он завершает следующий список: герцог Алансонский, граф де Ришмон, граф де Вандом[30]. На следующей странице он повторяется, но с добавлением на предпоследнем месте Жана, Бастарда Орлеанского. В самом конце, по-прежнему, стоит имя Жанны Девы, с добавлением слов «и иные»[31]. Сравнение списков позволяет сделать следующие выводы: для автора, то есть для Жана Шартье, расположение людей в той или иной последовательности подвержено определенному правилу. В данном случае, очевидно, что таковым является титулатура – герцог возглавляет список, в котором далее идут носители графского титула, а завершают те, которые таковых не имеют.

Ассамблея в Жьене в июне 1429 г. собрала значительное количество военачальников и представителей знати. Жан Шартье расположил их в следующем порядке: герцог Алансонский, герцог де Бурбон, граф де Вандом, Жанна Дева, сир де Лаваль, сир де Ла Тремойль, Жиль де Ре, сир д'Альбре, сир де Лоеак «и иные великие сеньоры и великие капитаны»[32]. Следовательно, все находящиеся в списке относятся к категории либо сеньоров, либо капитанов, что распространя-

---

[27] Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc…T. I. P. 117–119.

[28] Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc…T. V. P. 261.

[29] Journal du siège d'Orléans. 1428 – 1429 / Publ. par P. Charpentier et Ch. Guissard. – Orléans: H. Herlusion, 1896. P. 212, 222, 243, 245, 247 и пр.

[30] Chartier J. Chronique du règne de Charles VII. P.: Chez P. Jannet, Libraire, 1858. V. I. P. 85.

[31] Ibid. P. 86.

[32] Chartier J. Chronique du règne de Charles VII. V. I. P. 88.

ется и на Жанну Деву. Поэтому с точки зрения Жана Шартье, ее следует воспринимать или как сеньора, или как капитана.

При следующем перечислении военачальников (по порядку – герцог Алансонский, граф де Ришмон, граф де Вандом, Орлеанский Бастард, Жанна Дева) хронист вновь делает приписку: «и иные военачальники и капитаны»[33], как и в другом отрывке, где последовательно поименованы «герцог Алансонский, герцог де Бурбон, граф де Вандом, граф де Лаваль, сир д'Альбре, Жанна Дева, сиры де Ре и де Буссак, маршалы Франции и иные в его компании»[34].

После коронации в Реймсе порядок немного видоизменился: «герцог де Бар, герцог Алансонский, герцог де Бурбон, граф де Вандом, граф де Лаваль, Жанна Дева и многие иные сеньоры и капитаны»[35]. Мы видим, что де Лаваль, прежде стоявший после имени Жанны Девы, переместился по списку вверх и занял место перед ней. Это связано с пожалованием ему 17 июля титула графа, которого Жанна д'Арк, очевидно, не имела. Тем самым выдвинутый нами ранее тезис о том, что расположение персонажей соответствует их титулатуре, нашел свое подтверждение.

Сказанное здесь хронистом Жаном Шартье не оставляет места для иного вывода, кроме того, что Жанна была одним из капитанов в армии Карла VII. Причем она занимала одну из командных должностей, и ей, наряду с другими опытными военачальниками, доверяли командовать частью войска. Весьма категоричен на этот счет бургундский хронист А. Монстреле, когда при описании осады Жаржо ставит Жанну Деву в один ряд с другими капитанами французского войска[36].

Такие выводы дают возможность по-иному взглянуть на саму личность Жанны Девы и отношение к ней Карла VII. Вполне вероятно, что он воспринимал ее или даже знал, как опытного командира. Поэтому и доверил ей свое войско в самый критический для себя момент – для снятия осады с Орлеана. И, как видим, Жанна Дева с поставленной задачей справилась, что лишний раз свидетельствует о ее военном опыте. Остается только нерешенным вопрос, где и когда она его приобрела.

Литература

1. Контамин Ф. Война в Средние века. – СПб: Ювента, 2001. 416 с.
2. Перну Р., Клэн М.-В. Жанна д'Арк. – М.: Прогресс, 1992. 560 с.
3. Райцес В.И. Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы. – Л.: Наука, 1982. 198 с.
4. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. – М.: Наука, 1988. 539 с.
5. Chartier J. Chronique du règne de Charles VII. – P.: Chez P. Jannet, Libraire, 1858. V. I. 271 p.
6. Chronique d'Antonio Morosini / Par G. Lefèvre-Pontalis. – P.: Libraire Renouard, 1901. T. III: 1429–1433. 392 p.
7. Cordier J. Jeanne d' Arc. Ihre Persönlichkeit. Ihre historische Bedeutung. – Wiesbaden: Guido Pressler Verlag, 1966. 417 S.

[33] Ibid. P. 85.
[34] Ibid. P. 107–108.
[35] Ibid. P. 100.
[36] Monstrelet E. de. Chronique. 1400–1444 / Par L. Douët d' Arcq. – P.: Libraire de la Société de l' histoire de France, 1860. T. IV. P. 325.

8. Dom Calmet. Histoire ecclesiastique et civile de Lorraine. – Nancy: Chez Jaen Baptiste Cusson, 1728. T. III.

9. Duby G., Duby A. Die Prozesse der Jeanne d'Arc. – B.: Verlag Klaus Wagenbach, 1985.

10. Lucie-Smith E. Johanna von Orléans. Eine Biographie. – Düsseldorf: Manfred Pawlak Verlagsgesellschaft mbH, 1990. 370 S.

11. Journal du siège d'Orléans. 1428–1429 / Publ. par P. Charpentier et Ch. Guissard. – Orléans: H. Herlusion, 1896. 410 p.

12. Monstrelet E. de. Chronique. 1400–1444 / Par L. Douët d' Arcq. – P.: Libraire de la Société de l' histoire de France, 1860. T. IV. 482 p.

13. Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc, dite la Pucelle / Éd. J. E. J. Quicherat. – P.: Chez Jules Renouard, 1841. T. I. 506 p.

14. Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc, dite la Pucelle / Éd. J. E. J. Quicherat. – P.: Chez Jules Renouard, 1844. T. II. 472 p.

15. Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc, dite la Pucelle / Éd. J. E. J. Quicherat. – P.: Chez Jules Renouard, 1845. T. III. 473 p.

16. Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc, dite la Pucelle / Éd. J. E. J. Quicherat. – P.: Chez Jules Renouard, 1849. T. V. 575 p.

17. Saller M. Königin Isabeau. Die Wittelsbacherin auf dem Lilienthron. – München: Nymphenburger Verlagshandlung GmbH, 1979. 357 S.

18. Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. – L.: Vintage, 1991. 349 p.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ ГУСИТСКОГО ОРУЖИЯ

К 600-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ГУСИТСКИХ ВОЙН

Аннотация. В статье рассматриваются события начального этапа гуситских войн, когда в ходе ожесточённого противостояния сторонников и противников гусизма и формирования радикального и умеренного направлений среди самих гуситов происходило становление гуситского военного искусства, которое представляло собой новый способ ведения военных действий, коренным образом отличавшийся от принципов рыцарской войны эпохи Средневековья

Ключевые слова: гуситские войны, гуситы, табориты, Ян Жижка.

Abstract. The article deals with the events of the initial stage of the Hussite wars, when in the course of fierce confrontation between supporters and opponents of hussism and the formation of radical and moderate directions among the Hussites themselves, the formation of the Hussite military art took place, which was a new way of warfare, radically different from the principles of the medieval knight war.

Key words: Hussite wars, Hussites, Taborites, Jan žižka.

А.Н. Галямичев (Саратов)

Началом гуситских войн принято считать драматические события, разыгравшиеся 30 июля 1419 г. в Праге.

В этот день сторонники казнённого 6 июля 1415 г. по решению Констанцского собора Яна Гуса — гуситы — овладели ратушей Нового Места Пражского и расправились с членами городского совета — коншелами[1].

Последние не случайно стали жертвой народной расправы: они вступили в должность в четырёхлетнюю годовщину мученической гибели Яна Гуса. Новые коншелы были назначены королём Вацлавом IV по настоянию папы Мартина V и все без исключения были противниками гуситских идей. В значительной мере они стали жертвой собственного высокомерия, поскольку незадолго до смерти осмелились осквернить святыни, которые несли предводители проходившей мимо здания ратуши гуситской процессии, что и подвигло гуситов на жестокую месть[2].

Восстание в Праге положило начало длительным, продолжавшимся в течение 15 лет, вооружённым столкновениям, которые начались как внутренний чешский конфликт, но очень быстро вышли за рамки страны и переросли в противостояние восставшего народа против объединённых сил феодально-католической Европы. Это многолетнее противостояние закончилось подписанием так называемых Базельских компактатов (соглашений), впервые в истории средневековой Европы установивших свободу выбора исповедания: каждый подданный Чешского королевства получил возможность выбора между католичеством и рождённой

---

[1] Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника / Пер. В.С. Соколова. М.. 1962. С. 43-44.

[2] Они были «сильно избиты и умерщвлены за то, что были непочтительны по отношению к процессии, возвращавшейся со святыми дарами досточтимой евхаристии от св. Стефана на Рыбничку, мимо ратуши к монастырю приснoблаженной Девы на Писку» (Там же. С. 43).

в огне гуситских войн национальной, реформированной и независимой от Рима церковью.

Империя и папство пошли на эти беспрецедентные уступки перед лицом тяжёлых военных поражений. Гуситы не только отразили пять крестовых походов, которые собрали под свои знамёна десятки тысяч рыцарей и наёмников из всех уголков Европы, но и перешли с 1426 г. в контрнаступление, совершили более 50-ти победоносных походов в сопредельные с Чехией земли, а в 1430 г., во время похода в земли Тевтонского ордена, достигли побережья Балтийского моря.

Эти успехи были в глазах современников тем более удивительными, что у мятежников, основную массу которых составляли крестьяне и городские ремесленники, казалось бы, не было ни малейших шансов на успех: уступая полчищам крестоносцев в численности, гуситы противостояли тяжеловооружённой рыцарской коннице, действовавшей по всем правилам средневекового военного искусства.

Истоки побед гуситов во многом восходили к высокому воинскому духу защитников Чехии. При этом они едва ли были возможны, если бы гуситы не создали принципиально новый способ ведения войны[3], позволивший вчерашним крестьянам обернуть свои слабые стороны в источник силы, успешно противостоять рыцарским полчищам и вновь и вновь обращать их в бегство.

Это новое военное искусство сложилось не сразу, но первые шаги на пути его становления были сделаны уже в 1419 г.

Становление военного искусства гуситов было неразрывно связано с охватившим Чехию в 1419 г. хилиастическим движением[4]. Более того, можно сказать, что новый способ ведения военных действий стал естественным порождением хилиазма — учения о тысячелетнем царстве Божием, которое наступит после Страшного суда и конца нынешнего света. Народные проповедники в чешских землях с весны 1419 г. выступали с пророчествами о скором конце света и начале Страшного суда, в ходе которого праведники должны сыграть важную роль, выступив в качестве передового отряда небесных сил в решительном противостоянии с врагами закона Божьего.

Первым откликом на эти проповеди стало массовое паломничество чешских крестьян в горы, где, как говорили проповедники хилиазма, можно было приблизиться к Богу и обрести спасение в час Страшного суда.

22 июля 1419 г. на горе близ замка Бехине, названной хилиастами библейским именем Табор, по словам хрониста Лаврентия из Бржезовой, собралось более 40 тысяч человек[5]. Внезапная смерть короля Вацлава IV, последовавшая 16 августа, способствовала дальнейшей радикализации хилиастических настроений. Поскольку согласно наследственному праву королём Чехии должен был стать брат Вацлава IV король Венгрии и глава Священной Римской империи Сигизмунд, которого гуситы считали виновным в убийстве Гуса, хилиастические проповедники стали проводить мысль о том, что Сигизмунд является воплощением Антихриста и признание его королём обречёт христианские души на вечные муки. Если прежде хилиасты ограничивались мирными паломничествами в горы, то теперь стали нарастать призывы к насильственному разрушению царства зла, каковым

---

[3] См.: Durdík J. Husitské válečnictví a jeho mezinárodní ohlas // Mezinárodní ohlas husitství. Praha, 1958. S.313-327.

[4] См.: Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении. М., 1956. Т. 1. С. 313-347.

[5] Лаврентий из Бржезовой. Указ. соч. С. 42.

воспринимался весь существующий мир, исполненный лицемерия и несправедливости.

После смерти Вацлава IV сторонники радикального крыла гуситов резко активизировались в столице страны — Праге. Уже 17 августа «некоторые из простого народа, или из черни, собравшись вместе, … стали обходить церкви и монастыри, расположенные в городе Праге, и ломать, портить и уничтожать органы и иконы, преимущественно в тех храмах, где совсем не допускалось причащение чашей… В третий день после смерти короля Венцеслава они предали пучине огня и самый монастырь Картезианский, так что остались от него одни только стены»[6].

30 сентября 1419 г. «громадная толпа народа обоего пола из Праги и с разных краёв королевства собралась на гору у Кржижков, близ Ладви», а затем направилась в Прагу. В течение нескольких дней «они питаются припасами пражан», затем «все посторонние, или пришельцы, совершив много надругательств в церквах и монастырях, разбив в них иконы, особенно же в церкви св. Михаила в Старом Городе, возвратились к себе домой»[7].

Таким образом стало формироваться ядро радикального крыла гуситов. В ходе паломнического движения и особенно в осенние месяцы 1419 г. образовался многочисленный слой всё более отрывавшихся от сложившегося жизненного уклада и места жительства крестьян и выходцев из городской бедноты, во главе которого стояли представители низшей шляхты и духовенства. Среди последних особенно выделялись обедневший шляхтич Микулаш из Гуси и священник Амброж из Градецкого края[8].

В первые месяцы после смерти Вацлава IV наследник чешского престола Сигизмунд воздерживался от решительных действий. Представительницей верховной власти стала вдова Вацлава королева София, а фактически власть осуществлял правительственный совет во главе с высшим бургграфом, паном Ченеком из Вартенберга. Последний принадлежал к числу сторонников гуситской реформации и был одним из чешских панов, подписавших в своё время знаменитый протест против казни Гуса, однако всё более решительные действия сторонников хилиазма вызывали у него и других членов правительственного совета большие опасения. Поэтому «они стали нанимать себе на помощь против пражан на средства, оставшиеся после смерти короля Венцеслава, тевтонцев и других иностранцев»[9].

Предпринятые правительственным советом меры вызвали недовольство жителей Праги, усмотревших в них угрозу «свободе истины Христовой» и предпринявших ряд наступательных действий. 25 октября они захватили «замок Вышеградский, изгнав оттуда семью и слуг бывшего короля богемского Венцеслава»[10]. 4 — 5 ноября происходили ожесточённые столкновения между пражанами и «королевскими людьми» на Малой Стране — правобережной части Праги, примыкавшей к Пражскому граду — главной резиденции правительственного совета[11]. 6 ноября на помощь пражанам прибыло около 4 тысяч «таборитов» (так Лаврентий из Бржезовой впервые назвал в связи с этими событиями сторонников хилиазма), впервые вступив на пути к столице возле Книна в сражение с «коро-

---

[6] Лаврентий из Бржезовой. Указ. соч. С. 44-45.
[7] Там же. С. 45-46.
[8] Мацек Й. Гуситское революционное движение. М., 1954. С. 76.
[9] Лаврентий из Бржезовой. Указ. соч. С. 46.
[10] Там же. С. 47.
[11] Там же. С. 47-48.

левскими людьми» и сумев проложить себе дорогу в Прагу, «где были с радостью встречены пражанами»[12].

Прибытие таборитов позволило пражанам заключить 13 ноября соглашение с королевой Софией и правительственным советом о перемирии, согласно которому «королева с баронами обещала Пражской общине защищать и по мере своих сил во всём королевстве Богемском соблюдать Закон Божий и евангельскую истину, особенно предоставлять свободу причащения под обоими видами; община же Пражская обязалась королеве и баронам воздерживаться от осквернения икон и разрушения церквей и монастырей. Замок Вышеградский должен был быть также передан королевским людям»[13].

Узнав о заключении перемирия без их согласия и участия, сторонники хилиазма отказались его признать и покинули Прагу, поскольку полагали, что в преддверии Страшного суда любые соглашения с врагами Закона Божьего таят в себе смертельную опасность для душ верующих. Значительная их часть отправилась в западночешский город Пльзень, ставший в конце 1419 г. главным оплотом гуситских радикалов, вдохновляемых страстными проповедями знаменитого проповедника Вацлава Коранды. В зимнее время паломничество в горы становилось невозможным, поэтому хилиастические проповедники, предрекая «новое пришествие Христа, при котором должны погибнуть и будут истреблены все злые и ненавистные истины», говорили о том, что «добрые сохранятся только в пяти городах… Названия же этих городов следующие: Пльзень, названный ими самими городом солнца, Жатец, Лоуны, Сланы и Клатовы. Господь всемогущий, говорили они, хочет уничтожить весь мир, исключая только тех, которые укроются в пяти названных городах. В подтверждение этих слов они приводили писания пророков, понятые, однако, неправильно и ложно»[14], — писал представитель умеренных гуситов Лаврентий из Бржезовой.

В конце года католики перешли в решительное наступление. На состоявшемся в Брно сейме Сигизмунд «отстранил от должности всех до одного должностных лиц бывшего короля Богемии Венцеслава и всех бургграфов замков, приверженцев пражан и причащения чашей, а на их места поставил гонителей и хулителей истины»[15]. Затем он «разослал по всему королевству Богемии всем баронам и в особенности чиновникам королевства … письма с приказом, чтобы всех виклефистов и гуситов и совершающих причащение чашей всякими способами теснить, преследовать и по мере возможности уничтожать»[16].

Узнав о переходе Сигизмунда к решительному наступлению, противники гуситов в Чехии резко активизировались. Особой жестокостью отличались действия патрициата Кутной Горы — крупнейшего центра горной добычи. Лаврентий из Бржезовой сообщает: «Кутногорцы же — немцы, злейшие враги и гонители богемцев и особенно приверженных истине Христовой, подвергали их различным поношениям, хулам и пыткам и бесчеловечно ввергали их в глубокие ямы, или шахты, преимущественно в ночное время, одних ещё живых, других, уже лишившихся жизни»[17]. Жестокость противников гуситов основывалась на их твёрдом убеждении в полном военном превосходстве панов и рыцарей — католиков над плохо вооружёнными и не имевшими военного опыта отрядами чешских крестьян.

---

[12] Там же. С. 49.
[13] Там же.
[14] Лаврентий из Бржезовой. Указ. соч. С. 55.
[15] Там же. С. 53.
[16] Там же. С. 56.
[17] Там же. С. 50.

В стальные клещи был взят в конце 1419 г. «город Солнца», куда направились большие силы панов и рыцарей-католиков[18].

Однако, попытавшись задушить гуситское движение жестоким насилием, католические паны и городские патриции невольно способствовали ускорению создания гуситского военного искусства, поскольку жизнь и военная победа становились для гуситов в этих условиях синонимами. На стороне гуситов была несокрушимая вера в правоту своего дела и в Божественное покровительство в этой борьбе. Вера помогала не только на полях сражений, но и раскрепощала мысль в поисках новых способов ведения войны, которые решительно порывали с вековыми канонами рыцарского военного искусства. Выдающуюся роль при этом сыграл военный предводитель ушедших из Праги в Пльзень таборитов Ян Жижка. Небогатый рыцарь, служивший при дворе Вацлава IV, окончательно[19] перешедший на сторону таборитов при взятии гуситами Вышеграда 25 октября 1419 г., искал и находил пути превращения крестьянских отрядов в непобедимую армию «божьих воинов». Огромный опыт Жижки, участвовавшего в ряде крупных сражений эпохи[20], в ходе которых со всей очевидностью обнаружились уязвимые места тяжеловооружённой рыцарской конницы, позволил ему находить способы ведения боя, которые давали возможность необученным и не имевшим рыцарского вооружения отрядам крестьян успешно противостоять атакам тяжеловооружённой конницы.

Ответом на блокаду «города Солнца» стали встречные нападения таборитов на окрестные крепости и замки. Во время одного из таких походов произошла первая значительная битва гуситских войн. Её датировка не вполне ясна в силу фрагментарности свидетельств источников. Чаще исследователи говорят о начале 1420 г., но не исключено, что это знаменательное событие произошло уже в конце 1419 г.

О ходе битвы имеется краткое сообщение «Старых чешских летописей»[21]. В нём сообщается, что возле замка Некмиржа Жижка столкнулся с отрядом пана Богуслава из Швамберка, который насчитывал более 2 тысяч конницы и пехоты. В распоряжении Жижки находились триста пехотинцев и семь возов, на которых, как сообщает хроника, гуситы перевозили тараны («hady»), служившие для разрушения стен. Хроника сообщает, что «Жижка со своими отразил атаку на возы», а затем, дождавшись наступления темноты, покинул поле сражения и в течение ночи разрушил три вражеских укрепления. Речь идёт, таким образом, о первом успешном применении гуситами возовой обороны. По всей вероятности, у Некмиржа ещё не появился знаменитый гуситский вагенбург — замкнутая подвижная крепость, построенная из боевых повозок, составившая впоследствии основу их тактики. Однако возовое построение, дополнявшее, по всей вероятности, благоприятные для обороны условия местности, позволили гуситам отразить все атаки рыцарской конницы и нанести большой урон превосходящим силам противника. В битве, в частности, погиб Гинек — владелец крепости Некмирж. В битве у Нек-

---

[18] См. Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении. М., 1956. Т. 1. С. 356.

[19] Жижка упоминается в числе главных участников расправы с новоместскими коншелами 30 июля 1419 г. См.: Лаврентий из Бржезовой. Указ. соч. С. 43.

[20] Жижка упоминается в хронике Яна Длугоша в числе чешских наёмников, принимавших участие в Великой войне Польши и Литвы против Тевтонского ордена, решающим событием которой была Грюнвальдская битва (Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.; Л., 1962. С. 134). Историки высказывали также предположения о его возможном участии в сражениях у Никополя 1396 г. и Азенкура 1415 г. О жизненном пути Яна Жижки до гуситских войн см.: Šmahel F. Jan Žižka z Trocnova. Praha, 1969. S. 11-51.

[21] Staré letopisy české. Ved. F. Šimek. Praha, 1937. S. 24-25.

миржа гуситы, по всей вероятности, успешно применяли ручное огнестрельное оружие, но об их грозном оружии, наносившем впоследствии огромный урон противнику — полевой артиллерии — говорить, по-видимому, ещё рано, поскольку возы ещё не служили в качестве прообраза орудийных лафетов, а использовались, по словам хрониста, для перевозки таранов.

Битва у Некмиржа была первой победой Жижки и гуситов в крупном по меркам средневековья сражении в открытом поле. Она имела огромное морально-психологическое значение, укрепив веру «божьих воинов» в возможность одерживать победы над рыцарскими войсками. В ходе первых вооружённых столкновений эпохи гуситских войн новый способ ведения военных действий ещё не обрёл законченных очертаний, но главное направление пути к созданию нового военного искусства было намечено.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ
XVII – XVIII вв.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ ОПОЛЧЕНСКИМ ВОЙСКОМ ПОЖАРСКОГО, ТРУБЕЦКОГО И МИНИНА, И ИЗБРАНИЕ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА РОМАНОВА

Аннотация. В статье разворачивается единая логика событий октября 1612 – февраля 1613 гг., завершившихся избранием на престол династии Романовых. Автор оценивает степень согласованности действия ополчений Д. Пожарского и Д. Трубецкого, мероприятия по созыву Собора, перипетии борьбы на самом Соборе.

Ключевые слова: Смутное время, Москва, ополчение, Земский собор, Романовы.

Abstract. The article unfolds the unified logic of the events of October 1612-February 1613, which ended with the election to the throne of the Romanov dynasty. The author evaluates the degree of consistency in the actions of the militias D. Pozharsky and D. Trubetskoy, activities for the Sobor"s convocation, the vicissitudes of the struggle on the Sobor.

Key words: The time of troubles, Moscow, the militia, the Zemsky Sobor, the Romanovs.

В.А. Волков (Москва)

Наметившееся в конце августа во время боев с поляками Яна Ходкевича сближение двух ополчений - Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина и Дмитрия Трубецкого, - повлекшее за собой разгром гетманского войска, завершилось объединением земских полков лишь в октябре 1612 года[1]. До этого момента земские ратные воеводы, по точному выражению летописца, «в несоветии быти»[2]. Преодолев досадную, сильно мешавшую успеху земского дела преграду, Трубецкой и Пожарский в разосланных по городам в октябре 1612 года грамотах извещали местные власти о «прекращении между ними всех расприй, о единодушном намерении их вместе с выборным человеком Кузьмой Мининым освободить государство от врагов». Факт примирения земских вождей зафиксирован подписями В.И. Бутурлина, Д.П. Головина, князя А.Ю. Сицкого, князя В.И. Туренина, И.И. Шереметева, князя В.Т. Долгорукова, Н. Плещеева, И. Зыбина, М. Дмитриева, Л.

[1] Волков В.А. Русская рать: испытание Смутой. М., 2017. С. 172-173. Нами было оспорено высказанное Д.М. Володихиным предположение, что совместное управление государственными делами воеводы стали осуществлять с 6 сентября 1612 года – Володихин Д.М. Пожарский. М., 2013. С. 185. Такая дата содержится в грамоте по земельным делам, данной Д.Т. Трубецким и Д.М. Пожарским в этот день. - Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 8. М. 2002. № 322. Однако, согласованное решение одного частного дела являлось лишь прелюдией к будущему объединению властных структур. См. об этом: Волков В.А. Русская рать: испытание Смутой. С. 9.

[2] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф. 228. № 179. Л. 431.

Новокшенова, Б. Блудова, М. Бутурлина, Ф. Плещеева, И.В Измайлова, Д. Микулина, М. Плещеева, И. Ефанова И. Козлова, П. Соковнина[3]. По-видимому, это произошло на переговорах, в которых участвовали представители сторон, уполномоченные начальниками двух ратей, иначе трудно понять отсутствие подписей самих ополченских «начальников» на посланной в Белоозеро грамоте с сообщением о примирении Пожарского и Трубецкого. В образовавшемся из двух полков освободительном подмосковном войске воссоздавались общеземские, фактически общегосударственные, органы власти – центральное приказное управление. Было образовано коалиционное правительство с участием «начальников» и приказных дельцов обоих лагерей. Первое ополчение в нем представляли князь Д.Т. Трубецкой, думный дьяк С.З. Сыдавный-Васильев, дьяки И. Третьяков, Н. Новокшенов, М. Поздеев. От Нижегородского ополчения в Земское правительство вошли князь Д.М. Пожарский, «выборный человек» К. Минин, князь Д.М. Черкасский, В.И. Бутурлин, И.И. Шереметев, И.В. Измайлов[4].

Во внешней политике новое Земское временное правительство[5] пыталось решить новгородскую проблему, а заодно вопрос престолообладания. Многие, особенно на оккупированном шведскими войсками северо-западе страны, полагали, что преодолеть династический кризис можно и нужно, призвав на российский трон шведского принца Карла-Филиппа. Любое иное развитие событий грозило отделением от Русского государства не только Новгородской земли, но и других территорий. Учитывая это обстоятельство, вожди ополчения избрали тактику затягивания решения династического вопроса, заявив, что непременные условия признания шведского королевича государем – его скорейшее прибытие в Новгород и единодушное избрание на Земском соборе, созванном в очищенной от врага Москве[6]. Такую, несколько уклончивую, политику нельзя понять без учета взглядов руководителей войскового правительства. Выработанные в драматических условиях разрушения привычных устоев русского общежития, когда всякое новшество оказывалось хуже отвергнутого, они заставляли действовать с большим разбором. При гарантии сохранения веры и традиционного порядка в стране Трубецкой и Пожарский готовы были обсудить и поддержать кандидатуру шведского королевича. Объяснялось это, на наш взгляд, не только стремлением приобрести поддержку соседней северной державы, давно уже враждебной Польско-Литовскому государству, но и сугубо внутренними причинами – убеждением вождей земского дела, что избрание новым государем кого-то из московских великих бояр приведет лишь к углублению кризиса, «умножению вражды», «конечному разорению» и гибели государства.

Соединение двух ополченских армий в октябре 1612 года позволило земским воеводам добиться решающего перелома в ходе освободительной борьбы. Все время переговоров об объединении продолжалась осада Кремля и Китай-города. С каждым днем положение осажденных становилось все хуже.

Еще в сентябре воины Трубецкого возвели в Замоскворечье батареи, поставили на них осадные пушки и стали обстреливать Кремль и Китай-город, в том

---

[3] ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 215. С. 274–275.

[4] Семин А.А. Политическая борьба в Москве в период подготовки и деятельности Земского собора 1613 г. // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. М.; Л., 1980. Ч. 2. С. 243.

[5] Большинство историков называет сформированное в октябре 1612 года под Москвой Земское правительство правительством Объединенного ополчения, однако такое обозначение не соответствует роли и значению мероприятий, целенаправленно проводимых этим органом в масштабах почти всей страны.

[6] ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 166. С. 294.

числе и калеными ядрами. После слияния ополчений батареи были поставлены у Пушечного двора, на Ивановском лужку в Кулишках и у Девичьего монастыря на Дмитровке[7].

5 октября «русские со стороны [позиций] Пожарского» начали вести подкоп, но неудачно. Поляки, обнаружив ведущих минную галерею подкопщиков, смогли перебить их, а одного пленили. Но неудача не обескуражила осаждающих. 8 октября они поставили еще одну батарею напротив Водяных ворот Кремля[8].

22 октября, в четверг перед Дмитревской субботой, казаки с батарей Трубецого, обстреливавших Китай-город, внезапно, воодушевленные неким «смотрением божиим» человеком (вероятно, кем-то из духовных лиц?), пошли на приступ «с Кулишек от Всех Святых с Ыванова лушку» и захватили эту часть Москвы[9]. Немногие уцелевшие поляки ушли в Кремль. Положение их стало безвыходным. Начатые еще до штурма переговоры о сдаче пошли быстрей, и 26 октября польский гарнизон Кремля капитулировал. Сдавшихся панов поместили «по приставом, а иных розослали по дальным городом»[10]. На следующий день – 27 октября 1612 г. - отряды ополчения вступили в эту внутреннюю крепость – сердце Москвы и России.

Вопрос о будущем политическом устройстве Русского государства должен был решиться на Земском соборе, о созыве которого объявили руководители Земского правительства в ноябре 1612 года.

Несмотря на разгром армии гетмана Я.К. Ходкевича и освобождение Москвы от поляков, в столице и в стране в целом продолжала сохраняться напряженная обстановка. Значительные территории Московского государства оставались во власти интервентов, военные действия не прекращались даже в центральных уездах страны. В конце ноября – начале декабря 1612 года подошедшие к Москве передовые отряды польского короля Сигизмунда III (сам он с армией оставался под Волоколамском) предприняли попытку штурмом овладеть освобожденной русской столицей, отойдя от стен разрушенного и выжженного города после неудачного приступа[11].

Сохранялась в ополчении и известная социальная напряженность – незаживающий след междоусобий первых лет XVII века и тесно связанного с ними противостояния в среде участников антипольского освободительного движения 1610–1612 годов. Летописец отмечал, что «в то время паки воздвижеся и бы[ст]ь во всей России мятеж велик и нестроение злейши первого. Боляре же не ведущие, что сотворити за не множество их зело и в самовластии блудяху»[12]. Заключенный в октябре 1612 года компромисс не устранил противоречий, разъединявших разнородные группировки освободительного движения. Существенно осложняло ситуацию и то, что после одержанных под Москвой побед в общественно-политической жизни Московского государства многократно возросло значение казачества, наиболее радикальной силы русского общества того времени. В этих условиях перед Земским правительством и руководителями ополчения со всей остротой встал вопрос о будущем Московского государства, о скорейшем «устроении» земли.

---

[7] Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М., 1911. С. 266–267.
[8] РИБ. Т. 1. СПб, 1872. Стлб. 351–352.
[9] ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 218.
[10] Там же.
[11] Соловьев С.М. Соч. Кн. IV. М., 1989. С. 667–668.
[12] ОР РГБ. Ф. 299. № 557. Л. 239 об.

Восстановление государственной власти мыслилось правительством Трубецкого, Пожарского и Минина в привычной для людей XVII столетия форме монархического правления. Поэтому основной задачей созываемого в Москве Земского собора становилось избрание («обирание» – по терминологии того времени) нового русского царя. Необходимость скорейшего решения династического вопроса осознавалась всеми политическими группировками освободительного движения. Весомой причиной спешить с этим было нежелание многих служилых людей ехать в полки до соборного избрания нового государя[13].

Организацией и созывом Земского избирательного собора ведал, как сейчас точно установлено, особый «Общий великий соборный совет», в ходе заседаний определивший порядок выборов представителей - участников собора, число выборных лиц, круг их полномочий[14].

В отличие от предшествовавших земских советов, Избирательный собор 1613 года, как неоднократно отмечалось и подчеркивалось исследователями, был беспрецедентно широк по своему социальному составу. В его работе принимали участие представители высшего и уездного, черного и белого духовенства, московского и городового дворянства, казаков, посадских людей и черносошных крестьян («уездных людей»)[15]. Число собравшихся в Москве «советных людей», по некоторым сведениям, превышало 800 человек. Они представляли не менее 58 городов, хотя в избирательной грамоте упомянуто лишь о 277 таких представителях, а подписали ее всего 238 участников «обирания» Михаила Федоровича.

Установленный день начала работы Собора – 6 декабря 1612 года (осенний Николин день) – из-за опоздания и неявки многих земских представителей пришлось отложить на месяц. Свою деятельность Земский избирательный собор начал в праздник Крещения – 6 января 1613 года. Соборные заседания проходили в обстановке обострившегося ожесточенного соперничества оформившихся в русском обществе за годы десятилетней Смуты политических группировок, стремившихся упрочить свое положение избранием собственного претендента на царский престол. «Сниидошася изо всех градов власти и бояре, – записал летописец, – митрополиты и архиепископы, епископы и архимариты и всяких чинов людие и начаша избирати государя. Кийждо хотяще по своей мысли, той того, а ин иного. И многоволнение бысть...»[16].

Участники собора выдвинули более десяти претендентов на российский престол. Среди них были: польский королевич Владислав, шведский принц Карл-Филипп, «Воренок» (Иван Дмитриевич – сын Лжедмитрия II и Марины Мнишек) и ряд русских князей и бояр, не все из которых соглашались на свое избрание и в ряде случаев вставали на сторону других кандидатов. В разных источниках в числе кандидатов называются: князь Федор Иванович Мстиславский (Гедиминович), князь Иван Михайлович Воротынский (Рюрикович), Федор Иванович Шереметев, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой (Гедиминович), князья Дмитрий Мамстрюкович и Иван Борисович Черкасские (Идаровичи кабардинские), князь Иван Васильевич Голицын (Гедиминович), Иван Никитич и Михаил Федорович Романовы, князь Петр Иванович Пронский (Рюрикович) и князь Дмитрий Михайлович Пожар-

[13] Курбатов О.А. Военная история русской Смуты начала XVII в. М. 2014. С. 155.

[14] Акты подмосковных ополчений. М., 1911. № 82. С. 99; № 89. С. 107; Акты Земского собора 1612–1613 гг. // Записки ОР ГБЛ. М., 1957. Вып. 19. С. 187–188.

[15] Записки ОР ГБЛ. Вып. 19. С. 188.

[16] ОР РГБ. Ф. 37. № 423. Л. 306.

ский (Рюрикович)[17]. Неверным и упрощенным представляется нам предположение И.О. Тюменцева о том, что претендентами на российский престол были выдвинуты на пропорциональной основе как участники боярского правительства («Семибоярщины»), так и руководители земского освободительного движения 1611 - 1612 гг.[18] В эту упрощенную схему не укладывается хорошо известное по источникам существование немногочисленных, но деятельных и убежденных сторонников польского и шведского королевичей, а также калужского Воренка. Сомнительным выглядит вывод И.О. Тюменцева о противостояния двух группировок - стихийно сложившегося (?) «романовского кружка» и сторонников князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, в котором исследователь без должного на наш взгляд основания видит основного соперника будущего государя в борьбе за престол[19].

В Москве в период подготовки избрания нового государя самой влиятельной общественной силой стало казачество. Связано было данное обстоятельство как с их численным преобладанием над другими воинскими людьми, особенно после массового отъезда из освобожденной столицы дворян и детей боярских, так и сохранением в оставшихся в городе полках и станицах черт войсковой организации, сложившейся еще в «таборах» - ополченских военных лагерях периода осады Москвы. Противники казачества группировались вокруг той части Земского собора, которая вместе с его руководителями склонялась к кандидатуре шведского принца Карла-Филиппа. В этой связи уместно будет отметить, что вплоть до избрания царем Михаила Федоровича Романова вся полнота власти в государстве принадлежала ополченским «боярам и воеводам» – временному Земскому правительству, возглавляемому князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким и князем Дмитрием Михайловичем Пожарским.

О временном полновластии ополченских воевод достаточно образно писал архиепископ Елассонский Арсений: «После уничтожения поляков и освобождения великой России и Москвы, два великих боярина князья, – князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой и князь Димитрий Михайлович Пожарский, взяли бразды правления в свои руки. Весь народ московский и все находившиеся в великой России архиереи, иереи, бояре и начальствующие, правящие народом в преподобии и правде, подчинились им»[20]. Взятый в плен поляками в стычке под Москвой 27 ноября 1612 года сын боярский Иван Иванович Философов в расспросе говорил об этом же, добавляя к числу московских правителей К.М. Минина: «А делает всякие дела князь Дмитрей Трубецкой, да князь Дмитрей Пожарской, да Куземка Минин»[21]. Поддержка, оказанная кандидатуре шведского королевича Карла-Филиппа авторитетными в казачьей и в земской среде лицами, в то время – руководителями внешней и внутренней политики Русского государства, казалось, могла обеспечить ему реальное, решающее преимущество перед другими кандидатами. Однако казаки, московские люди и поддерживавшие их участники Земского собора выступили против подобных планов, настояв на принятии решения об избрании

---

[17] О кандидатуре князя Д.М. Пожарского до недавнего времени имелись лишь косвенные данные в «Сыскном деле о ссоре князя Ромодановского с Ларионом Суминым» // ЧОИДР. М., 1848. № 7. С. 85–86, 104). Однако в опубликованной Б.Н. Морозовым и А.Л. Станиславским «Повести о Земском соборе 1613 г.» прямо указывается на князя Пожарского как на одного из претендентов на российский престол. - См.: ВИ. 1985. № 5. С. 94.

[18] Тюменцев И.О. Из истории Избирательного земского собора 1613 г. // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 74.

[19] Там же. С. 78.

[20] Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописям Трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. С. 163–164.

[21] Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Lwow, 1901. S. 363.

царем одного из русских князей или бояр. Из-за непримиримых противоречий между соперничавшими группировками деятельность собора зашла в тупик.

В этих условиях среди оставшихся в Москве служилых людей и казаков возникло движение, направленное против соборного руководства, отвергнувшего компромиссные варианты решения династического вопроса. Организационным центром движения стало московское подворье Троице-Сергиева монастыря, а его деятельным вдохновителем – келарь этой обители Авраамий Палицын, лицо весьма влиятельное среди ополченцев и москвичей. Упоминание о происходивших на монастырском подворье совещаниях сохранилось в одном из русских хронографов третьей редакции: «И приходили на подворье Троицкого монастыря х келарю старцу Авраамию Палицыну многие дворяне и дети боярские, и гости многие разных городов, и атаманы, и казаки и открывают ему совет свой и благоизволение, принесоша ж и писание о избрании царском»[22]. На них решено было провозгласить царем 16-летнего Михаила Федоровича Романова-Юрьева, сына плененного поляками ростовского митрополита Филарета, тесно связанного в прошлом и с антигодуновской оппозицией, и с «тушинцами»[23]. О том, что «паче всех» стояли за эту кандидатуру казаки, сообщает и автор Пискаревского летописца[24].

К романовской партии примкнули многие бояре и приказные дельцы: князь Иван Васильевич Голицын, Иван Никитич Романов, князь Борис Михайлович Лыков, князь Иван Борисович Черкасский, Борис Михайлович Салтыков, князь Афанасий Васильевич Лобанов, Константин Иванович Михалков, Владимир Вешняков, думный дьяк Семен Зиновьевич Сыдавный-Васильев, дьяки Иван Третьяков и Герасим Мартемьянов. Сына ростовского митрополита поддержало высшее православное духовенство – Освященный собор. Против планов сторонников дома Романовых выступила сильная правительственная партия, влияния которой на развитие событий недооценивать нельзя. К ней принадлежали князья Д.Т. Трубецкой, Д.М. Пожарский, Ф.И. Мстиславский (в прошлом глава «Семибоярщины») и И.С. Куракин (знаменитый воевода, но известный полонофил), некоторые другие князья и бояре. Находившийся в Новгороде шведский полководец Якоб Делагарди, внимательно и заинтересованно следивший за деятельностью Земского собора, отмечал драматический характер происходивших в русской столице событий, где вопрос царского избрания решался при деятельном участии народных масс – московских «простых людей» и казаков. В одном из посланных в Швецию донесений Делагарди писал, что они «князя Трубецкого и князя Пожарского в их домах осадили и принудили их согласиться на свое избрание великого князя»[25].

---

[22] ОР РГБ. Ф. 247. № 84. Л. 855.

[23] Палицын А. Сказание. М.; Л., 1955. С. 232.

[24] ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 219.

[25] Арсеньевские шведские бумаги // Новгородское общество любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 5. № 6. С. 23. Г.А. Замятин в своей неопубликованной работе подчеркивал, что кроме Ф.И. Мстиславского при избрании царя на Земском соборе 1613 года за кандидатуру М.Ф. Романова высказались все остальные члены московской «Семибоярщины». Против же были в основном «бояре и воеводы» земского лагеря. – См.: Замятин Г.А. Из истории борьбы Польши и Швеции за Московский престол в начале XVII столетия // ОР РГБ. Ф. 618. К. 2. Ед. хр. 2. Л. 115–116. Отмеченное обстоятельство требует некоторого уточнения – выступавший против кандидатуры Михаила Федоровича Романова знаменитый воевода, князь И.С. Куракин, не был членом «Семибоярщины», но лишь потому, что, не ограничиваясь компромиссным признанием московским государем королевича Владислава, летом 1610 года открыто перешел на сторону польского короля Сигизмунда III.

О происходивших в те дни в Москве событиях говорится также в «Листе земских людей Новгорода Великого к королевичу Карлу Филиппу»: «... Но мы можем признать, что в Московском государстве воры одолели добрых людей; мы также узнали, что в Московском государстве казаки без согласия бояр, воевод и дворян, и лучших людей всех чинов, своим воровством поставили государем Московского государства Михаила Романова»[26] .

Ощущая все возрастающее давление романовской партии и казаков, руководители Собора прервали на три недели его заседания, направив своих людей в города, - тайно проведать об отношении народа к Михаилу Федоровичу[27]. Истосковавшиеся по твердой власти и порядку россияне отнеслись к этой кандидатуре более чем благосклонно, и 21 февраля 1613 года Земский избирательный собор, уступив энергичному нажиму снизу, провозгласил царем и великим князем Михаила Федоровича Романова-Юрьева. Новый государь после освобождения Москвы от поляков проживал с матерью в Костромском Ипатьевском монастыре. Звать Михаила Федоровича на царство выехала представительная делегация во главе с рязанским архиепископом Феодоритом и боярином Ф.И. Шереметевым, его дальним родственником.

Закончился самый тяжелый период Смутного времени, современниками образно названный ЛИХОЛЕТЬЕМ.

[26] Новгородское общество любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 5. Док. № 8. С. 25.

[27] Курбатов О..А. Указ.соч. С. 156.

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ПО ОТЕЧЕСТВУ КЛИМОВЫ В ЛЕВОБЕРЕЖНОМ САРАТОВЕ (ТРЕТЬЯ ЧЕТВЕРТЬ XVII В.)

Аннотация: Статья посвящена одному служилому роду, который подвизался в левобережном Саратове. Автор восстанавливает историю поколений служилых людей Климовых, показывает их происхождение, основной круг служебных обязанностей в Саратове.

Ключевые слова: Саратов, крепость, левый берег Волги, служилый род Климовых, служилые люди, стрельцы.

Abstract: The article is devoted to one servant family, who fought in the left Bank"s Saratov. The author restores the history of generations of Klimov's servants, shows their origin, the main range of official duties in Saratov.

Key words: Saratov, fortress, the left bank of the Volga, served family Klimov, served people, archers.

Я.Н. Рабинович (Саратов)

Саратов был построен в 1590 г. с целью обеспечения, прежде всего, безопасности Волжского торгового пути, для защиты караванов судов от нападения воровских казаков. Опасность для самого города могла исходить со стороны Заволжья от кочевников – ногайских татар, а затем калмыков. Опасность городу также грозила и с нагорной стороны от крымцев и ногаев Казыева улуса, кочевавших в Предкавказье.

Контроль воевод за Правобережьем ограничивался отправкой отрядов в район Медведицы, где жили воровские казаки и куда с юга вторгались кочевники. С этими кочевниками иногда соединялись татары Большой ногайской орды, кочевавшей в первой половине XVII в. в Заволжье. Поэтому одной из задач воевод Саратова, кроме охраны Волжского пути, было воспрещение кочевникам переправляться на правый берег Волги в окрестностях города, где издавна имелись удобные перевозы через Волгу.

Основную часть жителей города в XVII в. составляли служилые люди по прибору, стрельцы. Путешественники, в том числе Олеарий и Стрюйс, отмечали, что город населен одними стрельцами, которых насчитывалось в разное время от 300 до 400 человек. Более высокий класс служилых людей составляли служилые люди по отечеству, так называемые дети боярские. Они назначались на высшие стрелецкие командные должности (были стрелецкими головами и сотниками), исполняли наиболее важные поручения местных воевод, доставляли секретную корреспонденцию в Москву и т. д.

Некоторые документы, введенные в научный оборот А. А. Голомбиевским, сообщают о назначении на службу в дети боярские. Общее число детей боярских в Саратове было, по-видимому, строго фиксированным – 18 человек. Именно на такое количество людей выдавалось жалование. Взамен убывших людей (отъезд, старость, болезнь или смерть) новый человек писал челобитную о назначении на «свободное место».

Несмотря на то, что детей боярских в левобережном Саратове было немного, всего около двух десятков человек, они играли важную роль в укреплении обороноспособности этой отдаленной крепости, были первыми помощниками воевод. Откуда же прибыли эти первые дети боярские в левобережный Саратов в

последние годы Смутного времени, когда, вместо Саратовского городища упоминается новый город и его первый воевода князь Ф. Т. Черново-Оболенский?

В источниках встречаются имена саратовских детей боярских, начиная лишь с середины XVII в. Это Ахматовы, Климовы, Ховрины, Протопоповы, Микулины и др. При сравнении с более ранними документами, причем, совершенно из другого города, выясняется любопытная закономерность. В Арзамасских поместных актах начала XVII в. среди городовых детей боярских Арзамаса в десятне 1613/1614 г. мы находим нескольких Ахматовых (в том числе Елисея), Климовых (в том числе Леонтия), Ховриных, Протопоповых, Микулиных и др. В следующей десятне раздачи жалования в сентябре 1615 г. большинство из этих лиц тоже отмечены, некоторые из них указаны в нетчиках, были бедны. Часто можно встретить такую надпись: «У денежной раздачи не объявился. Окладчики про него сказали: поместья за ним есть ли или нет, того не ведают»[1].

Мало того, что не у одного человека, а у целой группы служилых людей из Арзамаса совпадают фамилии с саратовскими служилыми людьми более позднего периода. Мы наблюдаем еще одну закономерность. Имена многих из этих служилых людей совпадают с именами или отчествами саратовских детей боярских третьей четверти XVII в. Следует учесть, что в те годы имена, особенно первенцам, давали такие же, как у дедов.

Поэтому можно предположить, что первые служилые люди по отечеству прибыли в левобережный Саратов в конце Смутного времени из Арзамаса, а их сыновья и внуки служили в Саратове в третьей четверти XVII в. Эти саратовские дети боярские уже сроднились с новым городом, несли здесь постоянную службу и приписались к Саратову. Здесь, как и в других городах, заводятся свои окладные книги, свои десятни – военно-учетные списки служилых людей.

Родоначальник довольно многочисленного семейства Климовых Леонтий Федорович Климов, скорее всего, также служил в Арзамасе. Он указан в 1613 г. как городовой арзамасский сын боярский с небольшим окладом в 200 четей[2]. В 1615 г. он, как и многие другие служилые люди с небольшим поместным и денежным окладом, отмечен в числе тех, кто отсутствовал при денежной раздаче[3]. Его сын (сыновья), внук (внуки), племянник (племянники) через 40–50 лет уже служат в Саратове. Это Леонтий Михайлович, Лука Леонтьевич, Петр и Иван (отчество неизвестно) Климовы. Именно об этих служилых людях мы расскажем в данном очерке.

Левобережный Саратов, расположенный в степи, был сторожевым пунктом, и служилые люди должны были внимательно наблюдать за степью. Для этого использовались как высотные наблюдательные пункты, так и удаленные от города заставы. Такие заставы располагались по всей Волге от Казани до Астрахани вблизи городов, в том числе в Саратове «для береженья проезжих людей». Начальниками на таких заставах были видные местные служилые люди по отечеству. Их назначали из Приказа Казанского дворца по челобитной самих служилых людей (за такую челобитную они платили большие деньги в Печатный приказ). Местный воевода не мог сам назначить по своей воле начальника заставы. В Саратове такая застава в 1655 и 1656 г. стояла на Стрелке-реке. В источниках часто

---

[1] Арзамасские поместные акты (1578–1618) / собр. и ред. С. Б. Веселовский (Смутное время… Вып. 4) // ЧОИДР. 1916. Кн. 1 (256). М., 1916. С. 546.

[2] Десятный список дворян и детей боярских, присланный из Арзамаса в Разряд. 1613 г. // Арзамасские поместные акты… № 390. С. 512

[3] Десятня раздачи денежного жалования арзамасским дворянам и детям боярским. 10 сентября 1615 г. // Арзамасским поместные акты… № 396. С. 546.

приводится эта фраза: «На Саратове, на заставе, на Стрелке реке»[4]. Точное место этой «Стрелки-реки» исследователи определяют по-разному. Единого мнения здесь нет. По мнению Ф. Ф. Чекалина, «названые урочища и до сих пор сохранили еще свои названия и принадлежат ныне Саратову: Стрелка на горном берегу Глебова оврага, где ныне Покровская площадь, а Увек – с противоположной стороны города»[5].

Позже, примерно с 1659 г., в зависимости от времени года такая застава находилась «зимой на верхнем Увеке, а летом – на Волге реке … Летом – на пропуске проезжих людей, а зимним путем – на проезде»[6]. Здесь, очевидно, речь идет о заставах, поставленных при въезде в Саратов сухим путем, и на проезде по Волге мимо Саратова для сбора таможенных пошлин. С конца 1650-х гг. начинает функционировать сухопутный прямой путь Саратов – Москва – Саратов, который особенно активно используется зимой разными торговыми людьми. Поэтому в это время и застава появилась на Верхнем Увеке.

В числе таких заставных голов в документах 1650–1670-х гг. встречаются имена Петра Климова, Леонтия Михайловича Климова, Луки Леонтьевича Климова и некоторых других саратовских детей боярских.

Одним из первых известных заставных голов упоминается Лука Леонтьевич Климов. Он находился на заставе еще до 1659 г. В этом году по какой-то причине он был переведен на другую должность. Возможно, это связано с какой-то командировкой, но никак не со смертью Луки Климова, потому что через несколько лет мы вновь видим его на заставе. В 1659 г. воеводе Саратова Даниилу Варфоломеевичу Хитрово была отправлена из Москвы грамота, в которой разрешалось сыну боярскому Федору Ахматову быть на заставе вместо Луки Леонтьевича Климова. Однако против этого назначения выступили родственники Луки Климова, ведь служба на такой заставе была довольно престижной и прибыльной. В итоге в Москве изменили первоначальное решение, и в Саратов тому же воеводе Д. В. Хитрово в том же 1659 г. была отправлена новая грамота с указанием вместо Федора Ахматова назначить на такую заставу еще одного представителя семейства Климовых Петра Климова[7].

Через два года, в 1661 г., при воеводе Иване Ивановиче Косагове мы вновь видим на заставе «для береженья проезжих людей» Луку Леонтьевича Климова[8]. При этом он никого не менял, не сказано, что он назначен вместо другого человека, по-видимому, его назначение было просто увеличением числа служилых людей на заставе.

В 1663 г. воеводе Саратова Ф. И. Леонтьеву поступило новое указание назначить на эту заставу Леонтия Михайловича Климова. Он сменил на этой должности другого служивого человека Федора Слузова[9]. Теперь на этой заставе одновременно служат два представителя семейства Климовых – Лука и Леонтий Климовы.

---

[4] *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова: записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1892 (также – ЧОИДР. 1892. Кн. 3). Далее – *Голомбиевский А. А.* Материалы… № 9, 13. С. 10.

[5] *Чекалин Ф. Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. Саратов, 1892. С. 60.

[6] *Голомбиевский А. А.* Материалы…. № 30, 32. С. 12; № 42. С. 13.

[7] *Голомбиевский А. А.* Материалы…. № 30, 32. С. 12.

[8] Там же. № 37. С. 13.

[9] Там же. № 48. С. 14.

Прошло несколько лет и в 1666 г. на заставе *«для пропуска проезжих людей, а зимним путем на проезде»* велено было служить вместо Луки Леонтьевича Климова вновь Федору Слузову[10]. Сменив Луку Климова, Федор Слузов стал служить на этой заставе вместе с Леонтием Михайловичем Климовым.

Кроме службы на заставе была еще служба на берегу. По-видимому, она была менее почетной. Служилые люди предпочитали этой службе службу на заставе, писали челобитные о переводе с берега на заставу, как например, Леонтий Михайлович Климов, который сначала служил на берегу, а в 1663 г. по своей просьбе (сохранились сведения о том, что он написал челобитную в Москву) был переведен на заставу. На место Леонтия Климова на берег был назначен другой саратовец Федор Ахматов, который впервые попытался устроиться служить на заставе еще в 1659 г. вместо Луки Климова, правда, безуспешно[11].

Но уже на следующий год (1664 г.) воеводе князю Алексею Путятину поступило указание назначить Луку Леонтьевича Климова «на пропуске проезжих людей» вместо Федора Ахматова. Теперь Лука Климов занял прежнее место Леонтия Климова на берегу, сменив Федора Ахматова[12].

Некоторые документы говорят о записи служилых людей в окладные книги, служилый список, саратовскую десятню. Воевода Н. И. Головин в 1657 г. получил указание написать Леонтия Михайловича Климова «за службу» в поместном и денежном окладе в Саратовской десятне и в служилом списке[13].

Получается, что до 1657 г. этот Л. М. Климов ещё не был записан в Саратовской десятне, а в 1657 г. он отличился на службе и получил награду в виде записи в десятне и в служилом списке.

Этот Леонтий Климов продолжал служить до 1670 г. В 1670 г. воеводе Кузьме Лутохину предписывалось записать в десятню и в служилый список вместо выбывшего Леонтия Климова неизвестного ранее Андрея Алферьева и давать ему ежегодно денежное и хлебное жалование. Слово «выбывший» говорит о том, что Леонтий Климов уехал из Саратова, либо не мог дальше служить по болезни (по старости) или умер. Учитывая, что он впервые упомянут в 1657 г., можно сказать, что его служба в Саратове продолжалась не менее 13 лет.

Правда, в документе указано, что воевода Кузьма Лутохин должен был записать этого Андрея Алферьева в Саранскую десятню, а не в Саратовскую, но по видимому, это просто описка московских подъячих, так как воевода Саратова не имел права записать служилого человека в десятню чужого города Саранска. Кроме того выбывший Леонтий Климов служил в Саратове, был ранее в 1657 г. записан именно в Саратовской десятне, а не в Саранской.

Что касается упоминавшегося неоднократно Луки Леонтьевича Климова, то мы имеем некоторые сведения о его кончине и о составе его семьи. По-видимому, он умер в 1667 или в начале 1668 г. В московских документах 1668 г. его жена уже указана как вдова. Ее звали Устинья Семеновна. Это одна из немногих известных женщин в левобережном Саратове. К моменту кончины мужа у Устиньи Климовой было четверо детей. Вдова написала челобитную в Москву с просьбой выдать ей и семье государево жалование. В 1668 г. из Москвы последовало указание воеводе Саратова стольнику Ивану Васильевичу Самарину выдать вдове с детьми жалование на нынешний 177 год (т.е. на 1668/1669 г.)[14].

---

[10] Там же. № 53. С. 14.
[11] Там же. № 49. С. 14.
[12] Там же. № 51. С. 14.
[13] Там же. № 25. С. 12.
[14] Там же. № 57. С. 15.

Много сохранилось в документах сведений о даче жалования служилым людям, о придачах к их окладам. Здесь имеются в виду и поместный, и денежный оклады. К сожалению, почти нигде не говорится об их прежнем окладе, поэтому трудно сказать, какой поместный и денежный оклад стал у этих людей после придачи. Иногда при этом указывается, за что именно служилый человек получил данную придачу к окладу. Для нас также важна дата (год) назначения этой придачи, значит, в том году данный человек уже проходил службу в Саратове, причем, давно, если получил дополнительную придачу.

Скорее всего, первоначально поместный оклад служилых людей составлял 50–100 четей и даже больше. В 1664 г. поместную придачу к окладу в размере 50 четвертей получил Лука Леонтьевич Климов[15]. Ранее этот Лука Климов в 1661 г. имел поместный оклад в размере 300 четей, теперь, с учетом придачи, его оклад стал равен 350 четей[16].

В те годы поместные придачи саратовским служилым людям особого практического значения не имели, в отличие от денежной и хлебной придач. Лука Климов, получив придачу 50 четвертей к поместному окладу, теперь мог владеть поместьями в размере 350 четвертей. Одна четверть – это примерно полторы десятины земли. Но поместных земель в радиусе 300 км от Саратова на тот момент еще не было. Лука Климов, к примеру, мог претендовать на поместья где-нибудь в окрестностях Саранска, Темникова, Арзамаса или Казани.

Служилые люди были заинтересованы в увеличении поместного оклада, ведь они не все время собирались находиться в Саратове. К тому же чем выше поместный оклад, тем выше статус этого служилого человека. Имея значительный поместный оклад, можно было рассчитывать на приобретение поместья в другом регионе. Если в районе Саратова поместного землевладения еще не существовало, то на правом берегу в ближайших к Саратову городах Пензе и Тамбове уже зарождалось поместное землевладение, как и в районе Самарской луки (Надеино Усолье).

В 1656 г. при воеводе В. В. Нелединском Лука Леонтьевич Климов получил придачу к денежному окладу, при этом сказано, что эта придача дана «за службу», к сожалению, не указано, за какую именно службу. Эта придача составила два рубля денег и по две четверти ржи и овса[17].

Еще один служилый человек Петр Климов получил в том же 1656 г. придачу за конкретную «Калмыцкую службу» в размере 1 рубль денег и по 1 четверти ржи и овса[18]. Возможно, что и Лука Климов получил придачу именно за калмыцкую службу. Служилые люди постоянно участвовали в контактах с новыми кочевниками – калмыками. Не всегда эти контакты были мирными, особенно в 1630–60-е гг., вплоть до того момента, когда хан Аюка признал власть Москвы. До этого были и нападения калмыков на поволжские города, и набеги на окрестные земли. В документах говорится о награждении служилых людей за «Калмыцкую службу». Этот термин означает, что данный служилый человек участвовал в боевых действиях против калмыков. По-видимому, несмотря на достигнутые ранее соглашения, часть калмыцких тайш предприняла нападения на русские земли, что вынудило воевод принять ответные меры.

В 1659 г. воевода Саратова Д. В. Хитрово «учинил поместную придачу» в 50 четвертей этому Петру Климову[19]. Возможно, что это награждение связано с

[15] Там же. № 50. С. 14.
[16] Там же. № 38. С. 13.
[17] Там же. № 16. С. 11.
[18] Там же. № 15. С. 11.
[19] Там же. № 33. С. 12.

успешным походом отряда Петра Климова против воровских казаков в октябре 1659 г. Об этом походе будет сказано далее более подробно. Сеунщиком в Москву с вестью об этой победе был отправлен сам Петр Климов в конце октября. В ноябре в Москве уже узнали об этих событиях, и сразу же последовало награждение Петра Климова.

Судя по сохранившимся документам, разбои на Волге в 1650–1660-х гг. не прекращались, а наоборот, становились все более частыми, а воровские шайки – все более многочисленными и дерзкими. На усиление таких грабежей оказывало влияние развитие торговли и промыслов на Волге; теперь стало больше добычи, и она становилась ценнее.

А. А. Гераклитов привел сведения об успешных действиях осенью 1659 г. Петра Климова против воровских казаков. А. А. Гераклитов не указал источник информации, но автору этих строк удалось выяснить, что эти сведения были опубликованы в 1917 г. в одном из томов Русской Исторической Библиотеки (Донские дела, кн. 5). Это дело по отписке воеводы Саратова Д. В. Хитрово состоит из двух отписок саратовского воеводы, расспросных речей воровских казаков, царской грамоты Войску Донскому, а также списка саратовских детей боярских и стрельцов, отличившихся в данном походе[20].

В начале сентября 1659 г. по приказу воеводы Д. В. Хитрово саратовец Леонтий Климов со служивыми людьми погнался за казаками вниз по Волге «до урочища до Дубовки речки» в 150 верстах от Саратова. Казаки успели сбежать с Волги степью на Иловлю, а далее по реке на лодках в свой воровской укрепленный городок Ригу. Леонтию Климову пришлось 14 сентября вернуться в Саратов[21].

Вскоре воевода Д. В. Хитрово получил новые известия о похождении воровских казаков на Волге. 29 сентября в Саратов приехал Карпунька Селиванов, приказчик торгового человека гостиной сотни Федора Горохова. Этот приказчик рассказал, что в 170 верстах южнее Саратова в урочище Шишкин остров ночью напали на его хозяйский соляной струг, плывущий из Царицына в Саратов, 80 воровских казаков. Тогда же подверглись нападению два вятских струга, на которых плыли из Саратова в Астрахань черкесы-уздени (слуги) «Казбулата мурзы князь Муцалова сына Черкасского». Несмотря на то, что черкесов сопровождали служилые люди в гребле и для охраны (саратовские стрельцы), этот бой закончился для кавказских горцев трагически. «Был бой долгое время», но казаки в итоге взяли верх. Они порубили черкесов (при этом пострадали и стрельцы охраны), захватили богатую добычу. Эту добычу затем несли пешком степью с Волги на Иловлю работные люди с захваченных судов, причем, часть работных людей присоединилась к казакам[22].

Воевода Д. В. Хитрово теперь послал другого саратовца Петра Климова, «а с ним Саратовских конных и пеших стрельцов на конях двесте человек по нагорной стороне» с задачей искать этот казачий воровской городок. Саратовские стрельцы собирались отомстить казакам за своих погибших товарищей. 15 октября П. Климов вернулся в Саратов и доложил о результатах похода. Он настиг ка-

---

[20] *Гераклитов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 203–209; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Сочинения: в 18 кн. М., 1995. Кн. 6, т. 11. С. 311–312; *Шахматов А. И.* Исторические очерки города Саратова и его округи. Саратов, 1891. С. 67; Дело по отпискам Саратовского воеводы Данилы Хитрово о воровских донских казаках, грабивших суда на Волге. 1659, сентябрь – ноябрь // РИБ. Пг., 1917. Т. 34: Донские дела, кн. 5. № 27. Стб. 532-546.

[21] Первая отписка Саратовского воеводы Д. В. Хитрово. 1659, сентября 29 // РИБ. Т. 34. Стб. 533-534.

[22] Там же // РИБ. Т. 34. Стб. 534-535.

заков в урочище Островки на Иловле, за день пути до Дона. В завязавшемся бою казаки были разбиты, многих побили, остальные убежали в свой городок Ригу, находящийся на Паньшинском острове в Пустовом юрту, а двух казаков взяли в плен и привели в Саратов. По докладу П. Климова в этом бою отличились саратовцы дети боярские Обросим Мордвинов, Василий Вяльцов, Микита Лежнев, сотник конных стрельцов Афанасий Ховрин, пятидесятник конных стрельцов Тимошка Кондратьев, конный стрелец Васька Шатчанин, «и все Саратовские конные и пешие стрельцы, двесте человек, государю служили и билися явственно»[23].

П. Климов не решился идти дальше и штурмовать этот укрепленный городок Ригу, а вернулся с пленными в Саратов. Пленные сообщили, что казачий отряд возглавляли донской атаман Васька Прокопьев и есаул Стенька Федоров, оба из Самары. Казаки совершили два разбойных похода на Волгу. Во время второго похода атаман и есаул оставались в своем воровском городке, а в поход отправились атаман Петрушка Кулыга (из царицынских стрельцов) и есаул Ивашка Григорьев из Самары[24].

После получения в Москве от воеводы Д. В. Хитрово донесения об этих событиях (причем, с донесением в столицу 16 октября был отправлен сам Петр Климов), на Дон была послана царская грамота с требованием разорить этот городок и казнить воровских казаков. Домовитые казаки во главе с атаманом Наумом Васильевым не желали ссориться с правительством, и, судя по их донесению, уже в январе 1660 г. выполнили царское указание. По их словам, казаки в городке долго отбивались от низовых и верховых казаков из пушек и ружей, многих ранили. После взятия, сожжения и разорения городка по решению Войскового круга атаман Васька (Прокопьев) и есаул Петрунька (Кулыга) были повешены, рядовые участники помилованы и отпущены жить по другим городкам. Отправленные в Москву с этой радостной вестью о победе 7 казаков с атаманом Леонтием Фроловым были награждены, а Войску Донскому была отправлена царская грамота с похвалой за поимку этих «воровских гультяев» и разорения их укрепленного городка[25]. В отписке донских казаков видно стремление отвести от донцов подозрение в этих разбоях на Волге, это дело, мол, не коренных казаков, а пришлого населения с Волги, которые прибыли сюда два года назад.

Вскоре выяснилось, что эти же воровские казаки, отпущенные Войсковым кругом на свободу, уже весной 1660 г. снова совершили разбойные нападения на Волге южнее Царицына в районе Черного Яра. При этом были ограблены насады гостей Михаила Гурьева и Василия Шорина[26].

---

[23] Вторая отписка Саратовского воеводы Д. В. Хитрово о поимке воровских казаков, грабивших на Волге. 1659, октября 16 // РИБ. Т. 34. Стб. 536-538; Список детей боярских и стрельцов, принявших участие в поимке воровских казаков. 1659, октября 16 // РИБ. Т. 34. Стб. 541–542.

[24] Распросные речи воровских казаков Кондратья Ходеряхина и Нефеда Золотарева. 1659, октября 16 // РИБ. Т. 34. Стб. 538-541.

[25] Царская грамота Войску Донскому с известием о воровстве казаков на Волге и об уходе их на Дон в городок Ригу; приказание разорить этот городок. 1659, ноября 11 // РИБ. Т. 34. Стб. 542-546; Приезд в Москву Донского станичного атамана Леонтия Фролова и есаула Ивана Васильева с войсковой отпиской: Войсковая отписка о поимке казаков, воровавших на Волге. 1660, апреля 14; Царская грамота Войску Донскому с похвалой за поимку воровских казаков. 1660, мая 5 // РИБ. Т. 34. Стб. 657-660, 667-668.

[26] Приезд в Москву Донского станичного атамана Фрола Минаева с товарищи с войсковой отпиской: Отписка с Царицына от воеводы Д. В. Давыдова о грабежах казаков близ Черного Яра. 1660, мая 26; Царская грамота войску Донскому с выражением порицания за отпуск без наказания казаков, воровавших у Черного Яра. 1660, мая 29 // РИБ. Т. 34. Стб. 693–696, 697-701.

По-видимому, Петр Климов был первым помощником воеводы Д. В. Хитрово. Так получилось, что стольник Д. В. Хитрово умер в Саратове на воеводском посту. После его смерти в 1660 г., пока в город не прибыл новый воевода из Москвы И. И. Косагов, должность саратовского воеводы временно исполнял Петр Климов. Сначала дьяки Приказа Казанского дворца в Москве не знали о смерти Данилы Хитрово, и 6 марта 1660 г. писали ему, что в Саратов будет отправлен ему на смену Иван Косагов. Однако в августе того же года в Москве была получена челобитная жены Данилы Хитрово вдовы Марьи, которая находилась в Саратове вместе с мужем. Вдова просила отпустить ее из Саратова в Москву. Получив эту челобитную вдовы, дьяки приказали исполняющему должность воеводы Петру Климову отпустить вдову Данилы Хитрово в Москву. Указание было отправлено в августе 1660 г., так что в сентябре вдова уже вполне могла уехать из Саратова[27].

Петр Климов известен еще тем, что был откупщиком некоторых рыбных угодий в окрестностях Саратова. Для детей боярских это не было характерным. Из местных жителей откупщиками были в основном посадские люди, иногда стрельцы. В 1657/1658 г. Петр Климов написал челобитную с просьбой об откупе рыбных ловель. Воеводе Саратова стольнику Н. И. Головину в 1658 г. пришла грамота, в которой говорилось, что Петру Климову «велено Саратовскими Клюковскою воложкою и юртом владеть на откупу с указного сроку 2 года, и впредь до иных перекупщиков, а откупу велено ему платить по 8 руб. 7 алт. 3 деньги на год»[28].

Документы о придачах к окладу детей боярских очень важны для изучения истории Саратова. Мы узнаем не только имена служилых людей, что само по себе очень интересно, но и о том, что в Саратове осуществлялась в 1650–60-х годах перестройка крепости, неизвестная по другим источникам. Последняя известная по времени перестройка новой крепости происходила в 1630–1632 гг. при воеводе Степане Чемесове.

Когда именно происходила новая перестройка Саратова, трудно сказать, скорее всего, при воеводе А. П. Чирикове в 1652–54 гг. Уже при следующем воеводе В. В. Нелединском в 1655 г. за это «городовое дело» были награждены придачами к окладам саратовские служилые люди по отечеству. Это уже известные нам Петр и Лука Климовы, а также Семен Татьянин и Федор Слузов. Каждый из них получил придачи к денежному окладу по рублю, а также дополнительно хлеба по указу[29].

Саратовец Петр Климов, награжденный в 1655 г. придачей в размере 1 рубль «за городовое дело», в следующем 1656 г. был снова награжден за Калмыцкую службу дополнительной придачей в размере 1 рубль и по одной четверти ржи и овса[30].

В 1662 г. воевода И. И. Косагов учинил денежную и хлебную придачу к окладу саратовцу Ивану Климову, еще одному представителю семейства Климовых. Размеры этой придачи не указаны. На тот момент это имело бóльшее практическое значение для служилого человека, чем поместная придача[31].

Служилые люди во время восстания Степана Разина должны были находиться в Саратове вместе с воеводой Кузьмой Лутохиным и оборонять город. Вполне возможно, что их постигла участь воеводы. Многие из этих фамилий (Климовы, Протопоповы, Яковлев, Алферьев, Мордвинов, Татьянин, Гончаров и др.) после переноса Саратова на правый берег больше не встречаются. Гарнизон

---

[27] *Голомбиевский А. А.* Материалы… С. 8.
[28] Там же. № 92. С. 21.
[29] Там же. № 8, 10, 11. С. 10.
[30] Там же. № 15. С. 11.
[31] Там же. № 41. С. 13.

города стал комлектоваться в основном служилыми людьми из других городов (к примеру, Федор Шахматов служил на Курмыше).

К сожалению, кроме этих отрывочных сведений о служилых людях Левобережного Саратова, ничего больше в источниках обнаружить не удалось. Будем надеяться, что в РГАДА в фондах Калмыцких, Грузинских, Персидских, Ногайских и других дел Посольского приказа, а также Печатного приказа, Приказа Тайных дел и др. будут найдены новые источники о служилых людях левобережного Саратове, которые позволят более полно представить жизнь этого города до его перенесения на Нагорную сторону.

Приложение

Основные этапы служебной деятельности Климовых в Саратове

Лука Леонтьевич Климов

1655 г. Награжден за «городовое дело» придачей к окладу – один рубль и хлеба по указу

1656 г. Награжден за службу придачей к окладу – два рубля и по две чети ржи и овса

До 1659 г. Голова на заставе. В 1659 г. его сменил Федор Ахматов

1661 г. Имел поместный оклад 300 четей

1661 г. Служит на заставе «для береженья проезжих людей»

1664 г. придача к поместному окладу 50 четей. Оклад стал 350 четей

1664 г. назначен служить на берегу «на пропуске проезжих людей» вместо Федора Ахматова

До 1666 г. служил на заставе «для пропуска проезжих людей, а зимним путем на проезде». В 1666 г. его сменил Федор Слузов

Около 1668 г. умер. Жена (вдова) Устинья Семеновна

Леонтий Михайлович Климов

1657 г. Записан «за службу» в поместном и денежном окладе в Саратовской десятне и в служилом списке

Сентябрь 1659 г. Погнался за казаками вниз по Волге «до урочища до Дубовки речки» в 150 верстах от Саратова. Казаков не догнал, вернулся 14 сентября в Саратов.

До 1663 г. служит на берегу. Потом его сменил Федор Ахматов, а Л.М. Климов ушел на заставу.

1663 г. Назначен на заставу («для береженья проезжих людей»???) вместо Федора Слузова

1670 г. Выбыл (умер). Вместо него записан в десятню и в служилый список Андрей Алферьев

Петр Климов

1655 г. За «городовое дело» награжден придачей к денежному окладу один рубль, а также дополнительно хлеба по указу

1656 г. Награжден за Калмыцкую службу дополнительной придачей в размере 1 рубль и по одной четверти ржи и овса

1558 г. Получил разрешение на откуп рыбных ловель. Ему «велено Саратовскими Клюковскою воложкою и юртом владеть на откупу с указного сроку 2 года, и впредь до иных перекупщиков, а откупу велено ему платить по 8 руб. 7 алт. 3 деньги на год».

1659 г. Назначен на заставу вместо Федора Ахматова

1659 г., начало октября. Успешный поход отряда Петра Климова (200 чел.) против воровских казаков в урочище Островки на Иловле. Возвращение в Саратов 15 октября

1659 г., 16 октября – декабрь. Сеунщик в Москву с вестью о победе над воровскими казаками.

1659 г. Получил придачу в размере 50 четвертей к поместному окладу

1660 г. Исполнял временно обязанности воеводы Саратова после смерти воеводы Д.В. Хитрово.

1660 г., сентябрь. Получил указание из Москвы отправить в Москву Марью, вдову Д.В. Хитрово.

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ СТЕПАН ФЕДОРОВИЧ АПРАКСИН (1702 – 1758): НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Аннотация. Статья посвящена первым 20 годам военной службы будущего русского генерал-фельдмаршала Степана Федоровича Апраксин (1702 – 1758). Автор опровергает распространенное мнение о том, что Апраксин был скорее придворным, чем военным, а в продвижении по службе прибегал к помощи влиятельных родственников. Напротив, продвижение Апраксина по службе было последовательным, этому продвижению способствовали таланты Апраксина, а также исторические обстоятельства эпохи дворцовых переворотов в России. Награды Апраксина были стандартными для военных его круга и вполне заслуженными.

Ключевые слова: Российская Империя. 1719 – 1741. Генерал-фельдмаршал Степан Федорович Апраксин (1702 – 1758). Императорская Русская Армия. Императорская гвардия. Дворцовые перевороты. Русско-турецкая война 1735 – 1739.

Abstract. The article is devoted to the first 20 years of military service the future of Russian field Marshal Stepan Fedorovich Apraksin (1702 – 1758). The author refutes the popular belief that Apraksin was more of a courtier than a military man, and in promotion resorted to the help of influential relatives. On the contrary, the promotion of Apraksin was consistent, this promotion contributed to the talents of Apraksin, as well as the historical circumstances of the era of Palace coups in Russia. Awards Apraksin was a standard military round and it is well deserved.

Key words: Russian empire. 1719 – 1741. Field Marshal Stepan Fedorovich Apraksin (1702 – 1758). Imperial Russian Army. Imperial guard. Palace coup. The Russo-Turkish war of 1735 – 1739.

Ю.П. Соловьев (Брянск)

В советской историографии, а особенно в околонаучной публицистике, укоренился, за редкими исключениями, пренебрежительный – или прямо обвинительный – тон по отношению к генерал-фельдмаршалу Степану Федоровичу Апраксину (1702 – 1758), автору первой победы русских над пруссаками при Гросс-Егерсдорфе 19 августа 1757 г.[1] Скажем, профессор Н.М. Коробков в 1948 г. в предисловии к сборнику документов Семилетней войны, последовательно «обличил» слабые стороны всех официальных главнокомандующих сражавшейся тогда с пруссаками Русской Армии, а персонально о нашем герое заявил следующее: «С.Ф. Апраксин, больше придворный, чем полководец, для которого интересы его личной карьеры были выше интересов родины…»[2] Для Н.М. Коробкова действия русских военных в Семилетней войне важны лишь тем, что в ходе этих действий «выдвинулись талантливые военачальники — П.А. Румянцев, один из создателей национальной школы русского военного искусства, и его соратники —

[1] Своеобразным средоточием всяческих советских гнусностей по адресу генерал-фельдмаршала С.Ф.Апраксина стала статья некого А.Сидорчика «Предатель Родины», опубликованная в 2014 г. газетой «Аргументы и факты»: Сидорчик А. Предатель Родины. Как фельдмаршал Апраксин лишил Россию исторической победы // Аргументы и факты. 2014. 10 августа // aif.ru

[2] Семилетняя война. Материалы о действиях русской Армии и Флота в 1756 – 1762 гг. / С предисловием и под редакцией проф. Н.М.Коробкова. М., 1948. С.10.

Захар Чернышев, Петр Панин, Василий Долгоруков, П. Еропкин и др. Тогда же, в битвах под Кольбергом, получил известность сын губернатора Восточной Пруссии Василия Ивановича Суворова, подполковник Александр Суворов…»[3]

Странно, почему Н.М. Коробкову в качестве одного из «создателей национальной школы русского военного искусства» не подошел ревностный исполнитель Петровских правил войны и организации армии С.Ф. Апраксин, но подошел убежденный поклонник разбитого Апраксиным прусского короля Фридриха Великого граф П.А. Румянцов, что еще 16-летним юношей «поступил волонтером в один прусский полк, в котором, благодаря своим заслугам, достиг чина сержант-маиора»[4], а после введения в Русской Армии новой «потемкинской» униформы добился сохранения за Малороссийским гренадерским полком, в котором был шефом, униформы прусского образца[5]?..

И совсем уж «прокурорский» тон принимает по отношению к Апраксину статья, которой сопроводил в 1953 г. первый том документов, связанных с деятельностью генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайского советский полковник П.К. Фортунатов: «На протяжении всего Гросс-Егерсдорфского сражения Апраксин показал себя бездарным и безынициативным главнокомандующим. Его поведение во время сражения и особенно последующее отступление от Алленбурга послужили поводом для подозрения, что причиной отступления была политическая интрига. Сражение при Гросс-Егерсдорфе было выиграно благодаря мужеству русских воинов и инициативе командиров отдельных частей и соединений (П. А. Румянцев и другие), действовавших в духе петровского военного устава. <…> Апраксин был смещен и предан суду. Но суд не состоялся ввиду смерти Апраксина»[6].

Сразу скажем, что процитированные советские авторы, а также их современные подражатели в оценке действий С.Ф. Апраксина в кампании против пруссаков 1757 г. демонстрируют идеологически мотивированную некомпетентность. Дело в том, что они игнорируют подробнейшее исследование действий Апраксина в кампании 1757 г., проведенное в 1880-х годах выдающимся русским военным историком, создателем кафедры истории русского военного искусства в Николаевской академии генерального штаба генерал-майором Дмитрием Федоровичем Масловским (1848—1894). 1-й том (выпуск, 676 страниц) своей монументальной работы «Русская Армия в Семилетнюю войну» Д.Ф. Масловский посвятил исключительно Восточно-Прусскому походу 1756-1757 гг. Скрупулезный анализ документов и мемуарных свидетельств привел исследователя, изначально разделявшего критические взгляды на военные способности С.Ф. Апраксина, к следующим выводам: «Апраксин, Веймарн, Панин, Штофельн, Ливен, Лопухин не принадлежали к числу самобытных гениев; но далеко нет оснований считать их «жалкою бездарностью». <…> Подозревать Апраксина в измене, в участии в какой-то политической интриге, вследствие которой он умышленно отступил от Алленбурга, позволим себе заключить,— преступно. <…> 17-го октября был подписан указ об отрешении от должности Апраксина; затем он был предан суду, состоя под кото-

---

[3] Там же. С.11.

[4] Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство русской армии / Сообщ. Н. Шильдер. [Пер. по рукописи В. Н. М.] // Русская старина. 1895. Т. 83. №3. С.153.

[5] То же. (Продолжение.) // Русская старина. 1895. Т. 83. №4. С.146; Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698—1801 / История Российских войск. М., 1995. С.156.

[6] П.А.Румянцев. Т.I. 1756 – 1763 / Под ред. полковника П.К.Фортунатова. М., 1953. С.73.

рым, умер от удара в ту минуту, когда (говорят) ему имели в виду объявить оправдание. Апраксин первый подписал постановление военного совета 5-го октября, где генералы с полным самоотвержением отстаивали целость и боевую репутацию армии, и первым же действительно погиб. <…> Будем считать себя счастливыми, если внесем на страницы истории военного искусства в России XVIII столетия – кроме некоторых научных особенностей и фактов, — тот безусловно верный вывод, что как Апраксин, так и «генералитет», бывший при нем, прежде всего заслуживают не только глубочайшего уважения к их памяти, но и подражания в отношении упорной стойкости и самоотвержения при защите интересов армии, что в конечном результате повело к успеху дела»[7]. Акт официальной реабилитации памяти генерал-фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина состоялся в 1891 г., когда Государь Император Александр III Александрович пожаловал имя Апраксина одному из старейших полков Императорской Русской Армии – 63-му пехотному Углицкому[8]…

Что же касается ярлыка «придворного» или «паркетного» генерала, присвоенного С.Ф. Апраксину, то происхождение этого ярлыка понятно. Апраксин попал в поле зрения иностранных дипломатов и разного рода мемуаристов тогда, когда уже занимал значительное место при Дворе. Да и тут Апраксин привлек к себе внимание лишь после того, как принял участие в аресте лейб-медика, действительного тайного советника графа Иоганна Генриха Лестока, состоявшего на жаловании у прусского и французского дворов, и суде над ним. Ясно, что дипломатов и мемуаристов интересовало тогда лишь придворное влияние Апраксина и понятно, что история с Лестоком не прибавила Степану Федоровичу доброжелателей среди иностранцев. Интересно при этом, что никто из тогдашних наблюдателей не обращал внимания на то, что Апраксин к 1748 г. уже 6 лет занимал должность генерал-кригскомиссара, и в этой должности много сделал для перевооружения, снабжения, системы комплектования Русской Армии. По сути, сформированная Апраксиным армия и била пруссаков в 1757 – 1761 гг. Кроме того, никого из наблюдателей не интересовало многолетнее участие Апраксина в обсуждении и принятии решений по важнейшим военно-политическим вопросам. И, наконец, вовсе никого не интересовало, как Апраксин появился при Дворе и что делал до того, как там появился. Попробуем же восполнить этот пробел в биографии полководца.

***

Степан Федорович Апраксин родился 30 июля 1702 г. в семье Федора Карповича и Елены Леонтьевны Апраксиных[9]. Федор Карпович принадлежал хотя и к старшей, но вполне захудалой ветви семейства Апраксиных. Семья разделилась на ветви в первой половине XVI века по трем сыновьям Матвея Андреевича Опраксина: старшему Прокофию, среднему Ивану Темному и младшему Ерофею Ярцу. Ветвь Прокофия пресеклась уже на его внуках, к концу XVI века. Потомком Ивана Темного был Федор Карпович Апраксин, а Степан Федорович в 1740-х годах остался единственным мужским представителем этой ветви, поскольку дру-

[7] Масловский Д.Ф. Русская Армия в Семилетнюю войну. Вып.I. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756-1757 гг.). М., 1886. С.310, 311, 331, 332.

[8] Военная энциклопедия. Т.II. СПб.: Т-во И.Д.Сытина, 1911. С.612.

[9] Долгоруков П., князь. Российская родословная книга. Ч.2. СПб., 1855. С.116; Пек[арский] П. Апраксин, Степан Федорович // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т.V. СПб., 1862. С.169.

гие мужчины в роду скончались бездетными. Наконец, к младшей ветви Апраксиных принадлежат самые знаменитые представители семьи: вторая супруга Царя Феодора Алексеевича Царица Марфа Матвеевна, сподвижник Петра Великого граф Федор Матвеевич Апраксин, старший брат Федора Петр и младший Андрей. Эта ветвь семьи получила от Царя Петра Алексеевича графский титул. Первые графы Апраксины принадлежали к одному поколению с дедом Степана Федоровича Апраксина, Карпом Васильевичем[10]. Таким образом, и родовой, и поколенческий разрыв Степана Федоровича Апраксина со знаменитыми, но весьма и весьма дальними родственниками-графами был значителен.

Различие нетитулованных дворян Апраксиных, к которым принадлежал Степан Федорович, и графов Апраксиных в XVIII веке было подчеркнуто и геральдически. Герб дворян Апраксиных («Щит разделен на четыре части, из коих в первой и второй в красном и золотом полях изображена золотая корона и сабля, остроконечием горизонтально обращенная к левой стороне; в третьей и четвертой части в золотом и голубом полях положены крестообразно две пушки, которые были пожалованы… Императрицею Елисавет Петровною господину генерал-фельдмаршалу Степану Федоровичу Апраксину в герб его рода. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною. Намет на щите голубого и красного цвета, подложенный золотом. Щит держат два узденя (здесь: воина – Ю.С.) Большия Орды (поскольку род Апраксиных происходил от ордынских татар. – Ю.С.), имеющие в руках лук, а за плечами колчан с стрелами»[11]), значительно отличался от герба их ближайших родственников, графов Апраксиных, пожалованного графам Федору, Петру и Андрею Матвеевичам в 1715 г. Петром Великим[12]. Даже включены были эти гербы в разные тома «Общего гербовника дворянских родов Всероссийския Империи» …

Служебное положение старших Апраксиных также было заметно ниже младших родственников, будущих графов. Так, дед Степана Федоровича Апраксина, Карп Васильевич, в 1682 г. имел чин дворянина московского, в том же году пожалован в стольники – и числился в этом чине, по крайней мере, до 1692 г. Отец Степана Федоровича, Федор Карпович, в 1686 – 1692 гг. был стольником Царицы Прасковьи Феодоровны, супруги Царя Иоанна Алексеевича, брата Петра Великого. В то же время, например, Петр Матвеевич Апраксин, брат Царицы Марфы и адмирала Федора Матвеевича, в 1676 г. из стряпчих был пожалован в комнатные стольники Царя Иоанна Алексеевича, в 1686 г. он уже комнатный стольник Царя Петра Алексеевича, а в 1689 г. – окольничий[13]. Ясно, что причиной такого положения на служебной лестнице стало, прежде всего, замужество сестры Петра Апраксина Марфы Матвеевны за Царем Феодором Алексеевичем. Иначе положение младших Апраксиных не очень отличалось бы от положения Апраксиных старших.

В 1840 г., чтобы подчеркнуть определенную родственную близость С.Ф. Апраксина к графам Апраксиным, Д.Н. Бантыш-Каменский сообщил, что Степан Федорович, «лишась в младенчестве отца, воспитывался у родственника своего,

---

[10] Долгоруков П., князь. Российская родословная книга. Ч.2. С.114-116.

[11] Общий гербовник дворянских родов Всероссийския Империи, начатый в 1797-м году. Ч.2. [СПб., 1798.] №45.

[12] См.: Общий гербовник дворянских родов Всероссийския Империи, начатый в 1797-м году. Ч.3. [СПб., 1799.] №3.

[13] Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива министерства юстиции. М., 1853. С.10.

графа Петра Матвеевича Апраксина, который завещал ему имение»[14]. Интересно, что историк Петр Петрович Пекарский (1828 – 1872), работавший в 1850-х годах в семейном архиве Апраксиных, сведения о завещанном, будто бы, графом П.М. Апраксиным С.Ф. Апраксину имении не подтверждает[15]. Во сколько на самом деле оценивали титулованные Апраксины свое родство со Степаном Федоровичем, видно из составленного 26 октября 1728 г. завещания генерал-адмирала графа Федора Матвеевича Апраксина, где сказано: «Гвардии капитан-лейтенанту Степану Федорову сыну Апраксину, на оплату долгов, которые он занимал для платежа пошлин за купленную вотчину, пожаловать душеприкащикам моим 500 рублей…»[16] Некоторые слуги генерал-адмирала получили по тому же завещанию гораздо больше… Когда в 1733 г. Степану Федоровичу Апраксину понадобилась поддержка в имущественном споре, он обратился к дяде своему по матери, бригадиру Ивану Леонтьевичу Кокошкину[17], а вовсе не к графам Апраксиным. Таким образом, именитые Апраксины вряд ли чем-то помогали карьере дальнего «захудалого» своего родственника.

Что касается родственников Степана Федоровича Апраксина по материнской линии, Кокошкиных, то они также мало чем могли помочь карьере молодого человека, – а вот повредить его репутации вполне могли. Дело в том, что дед С.Ф. Апраксина по матери, стольник Леонтий Романович Кокошкин, в 1701 г. был повешен «за

---

[14] Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч.1. СПб., 1840. С.273.

[15] Пек[арский] П. Апраксин, Степан Федорович. С.169.

[16] Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета / Под ред. Н.Ф.Дубровина. Т. VII. (Январь—июнь 1729 г.). СПб., 1894 // Сборник Императорского Русского исторического общества (СИРИО). Т.94. С.238.

[17] Бумаги Кабинета министров Императрицы Анны Иоанновны 1731—1740 гг. / Под ред. А.Н.Филиппова. Т. II. (1733 г.). Юрьев, 1899 // СИРИО. Т.106. С.195. Иван Леонтьевич Кокошкин родился в 1679 г. К 18 ноября 1714 г. – в Московском гарнизоне, полка Федора Леонтьевича Вельяминова-Зернова поручик. 20 ноября 1714 г. за неявку на Высочайший смотр полк, а с ним и Кокошкин, вытребованы в Санкт-Петербург (Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою Академиею наук / Под ред. Н.Ф.Дубровина. Т.IV. Кн.II. СПб., 1891. С.1150-1151). В 1723 г. майор И.Л.Кокошкин был назначен комендантом в малороссийский полковой город Стародуб (ныне райцетр Брянской области РФ). Вскоре местные жители подали Императору Петру Великому челобитную, о том, что «бывший… полковник Жоравка многих из… старинных казаков и прочиих обывателей разорил отнятьем грунтов и домов и таковых бояся впредь себе и всему полку тяжестей, просили…, чтоб в тот полк определить полковника из великороссийского народа, уповая от оного тягостем получить отраду и полегчение...» И вот 23 октября 1723 г. Государь указал «в том Стародубском полку быть полковником из наших великороссийских войск майору Ивану Кокошкину, чтоб …подданным нашим впредь обид и разорения и никаких тягостей от тех старшин не было...» И.Л.Кокошкин прослужил стародубским полковником около года и оставил по себе хорошую память. Так, стародубец Петр Шаркевич уже в марте 1733 г. писал в челобитной на Высочайшее имя: «Кроме Кокошкина лутчаго у нас полковника не было» (Лазаревский Ал. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т.1. Полк Стародубский. Киев, 1888. С.48-50, 55-56, 127-128). До 1725 г. И.Л.Кокошкин был советником Камер-коллегии. 6 апреля 1729 г. пожалован в бригадиры. В 1730 – 1731 гг. служил товарищем главного судьи Судного приказа (Волков С.В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т.I. М., 2009. С.670; Баранов П. Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. II. 1725 – 1740. СПб., 1875. С.186).

злоупотребления при найме подвод для провианта»[18]. Правда, после смерти отца С.Ф. Апраксина Елена Леонтьевна Кокошкина-Апраксина вышла замуж за влиятельного главу Тайной розыскной канцелярии Андрея Ивановича Ушакова (1672—1747) [19]. Но, несмотря на хорошие личные отношения с отчимом, у Степана Федоровича Апраксина вышел впоследствии имущественный спор с единственной дочерью Ушакова.

Таким образом, какую бы громкую фамилию Степан Федорович Апраксин ни носил, при начале службы у него не было влиятельных покровителей. И служба эта началась более или менее стандартно: в 1718 или 1719 году 16 или 17-летний Апраксин был записан в рядовые Лейб-гвардии Преображенского полка. Молодой Апраксин, как позже писал его сын, «обучен был геометрии и наукам, касающимся военного ремесла, и притом совершенно немецкий язык» знал[20]. В 1722—24 гг., уже в чинах гвардейского капрала и сержанта, С.Ф.Апраксин иногда назначался в почетный караул к находившемуся тогда в Петербурге герцогу голштинскому Карлу-Фридриху, с которым как раз по-немецки обсуждал как-то назначенную на 16 ноября 1724 г. казнь Виллима Ивановича Монса. Камер-юнкер герцога Ф.В. Берхгольц отметил это в своем дневнике[21].

Тот факт, что фамилия Апраксина сама по себе мало значила при служебном продвижении в Преображенском полку, иллюстрирует один документ: 26 ноября 1718 г. отчим С.Ф. Апраксина А.И. Ушаков направил к знаменитому дальнему родственнику Степана Федоровича генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину «Лейб Гвардии Преображенского полку салдата Василья Апраксина, которой служит в помянутом полку с [1]704 году, и управлял за сержанта»[22]. Следовательно, без особенных способностей и представитель клана Апраксиных мог прослужить в Преображенском полку 14 лет простым солдатом. Правда, к Степану Федоровичу это не относится. Видимо, его дипломатические способности, проявившиеся в общении с голштинским герцогом, не остались незамеченными.

Осенью 1726 г. в городе Гродно собирался польский сейм для того, чтобы решить вопрос о престолонаследии в герцогстве Курляндском (часть современной Латвии). Полномочным министром со стороны России на сейм должен был ехать генерал-прокурор Сената, генерал-лейтенант Павел Иванович Ягужинский (1683 – 1736). Вопрос о курляндском престоле был для России не праздным: в 1710 г. курляндский герцог Фридрих-Вильгельм женился на племяннице Петра Великого и будущей русской Императрице Анне Иоанновне. Но уже в январе 1711 г. Фридрих-Вильгельм умер, его вдова поселилась в г. Миттаве (современная латвийская Елгава), а герцогский престол занял дядя покойного, Фердинанд. Новый курляндский герцог, однако, боялся почему-то местного дворянства, отчего в Курляндию не ехал и жил в Данциге. И вот в 1726 г. претензии на курляндский престол предъявил граф Мориц Саксонский, готовый жениться на Анне Иоанновне. Но оказалось, что и светлейший князь А.Д.Меншиков, чье влияние в России тогда было почти абсолютным, также питал надежды занять престол Курляндии. Меншиков через русское посольство на Гродненский сейм устраивал слож-

---

[18] В.Р. Кокошкины // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс] – М.: ИДДК; Мультимедиа-издательство «Адепт», 2002.- 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

[19] Русский архив. 1892. Т.III. №9. С.66.

[20] Пек[арский] П. Апраксин, Степан Федорович. С.169.

[21] Дневник камер-юнкера Ф.В.Берхгольца. 1721 – 1725 / Перевод с немецкого И.Ф.Аммона. М., 1902. Ч.II. С.92; Ч.IV. С.74.

[22] Бобровский П.О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения ко II-му тому. СПб., 1904. С.80-81.

ную интригу: убирал из столицы своего давнего оппонента, П.И. Ягужинского, и к тому же заставлял его во исполнение долга отстаивать меншиковские интересы.

9 августа 1726 г. Правительствующий Сенат отпустил Коллегии Иностранных дел значительную сумму денег на посольство в Польшу генерал-лейтенанта П.И. Ягужинского[23]. А 25 августа «в Верховном тайном совете по… доношению генерала-лейтенанта Ягужинского определено камер-юнкеру Степану Апраксину, который отправляется при нем генерале-лейтенанте в Польшу, дать для той посылки и на проезд триста рублев из коллегии иностранных дел…»[24] Итак, мы видим, что С.Ф. Апраксин оставил службу Лейб-гвардии в Преображенском полку, был пожалован придворным чином камер-юнкера и «по Ея Императорского Величества указу», т.е. по указу Императрицы Екатерины I, прикомандирован к посольству Ягужинского[25]. Все это вполне рутинные назначения, не нуждавшиеся в особенных чьих-то хлопотах. Более того, для Ягужинского это посольство было своего рода почетной ссылкой, отчего мало выгод должно было сулить и его спутникам. Хотя, в случае перемены фортуны Ягужинского, эти спутники могли рассчитывать на его благодарность за разделенную немилость.

Посольство Ягужинского находилось в Польше семь месяцев и вернулось в Петербург в самый канун смерти Императрицы Екатерины Алексеевны. 6 мая 1727 г. Царица скончалась, на Престол взошел юный Император Петр II, а фактическим правителем России стал князь А.Д. Меншиков. По решению последнего П.И. Ягужинский отбыл 14 августа к новому месту службы, на Украину[26]. Надо полагать, камер-юнкера Апраксина тоже никто при дворе не ждал. И Степан Федорович снова вступил в гвардию – на сей раз в Семеновский полк и с чином лейтенанта, соответствующим по Петровской «Табели о рангах» 1722 г. как раз придворному чину камер-юнкера[27].

Между тем, важнейшие события происходили в Петербурге с удивительной скоростью: уже 8 сентября 1727 г. князь А.Д. Меншиков был арестован и на другой день отправился в ссылку. 16 сентября Верховный Тайный Совет издал указ о немедленном возвращении в столицу генерал-лейтенанта П.И. Ягужинского. 8 октября Ягужинский прибыл в Петербург, а 24 октября был произведен в полного генерала и капитан-поручика гвардии, т. е. в гвардии занял место Меншикова. Кроме того, Ягужинскому поручили готовить коронацию юного Императора[28]. Надо полагать, Ягужинский не забыл своего молодого спутника из польского посольства. Во всяком случае, когда 5 февраля 1728 г. юный Император въезжал в Москву, его конвой составляла посаженная на лошадей гренадерская рота Семеновского полка под командованием капитан-лейтенанта Степана Федоровича Апраксина[29].

Вероятно, за коронационными торжествами последовало обычное для смены царствований награждение гвардейцев. И вот к октябрю 1728 г. Степан Федоро-

---

[23] Фурсенко В. Ягужинский, граф Павел Иванович // Русский биографический словарь / Под ред. А.А.Половцова в 27 томах // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс].

[24] Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета / Под ред. Н.Ф.Дубровина. Т. II. (Август—декабрь 1726 г.). СПб., 1887 // СИРИО. Т.56. С.53.

[25] Там же. С.54, 63.

[26] Фурсенко В. Ягужинский, граф Павел Иванович.

[27] Дирин П. История Лейб-гвардии Семеновского полка. Т.II. СПб., 1883. Приложения. С.9; Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года (ПСЗ). Т.VI. СПб., 1830. С.488.

[28] Фурсенко В. Ягужинский, граф Павел Иванович.

[29] Дирин П. История Лейб-гвардии Семеновского полка. Т.I. СПб., 1883. С.194-195.

вич Апраксин получил в свое распоряжение солидную денежную сумму, на которую приобрел вотчину. Правда, на оплату государственной пошлины за эту покупку денег у Степана Федоровича уже не оказалось – и их ему завещал, как говорилось выше, генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин[30].

25 января 1730 г. в России воцарилась Императрица Анна Иоанновна, власть которой поначалу была ограничена Верховным Тайным Советом. Однако ровно через месяц, 25 февраля 1730 г., Императрице были поданы два прошения о восстановлении самодержавного правления. Первое прошение было составлено князем А.М. Черкасским, второе – князем И.Ю. Трубецким. Среди подписавших оба прошения на первом месте стоит имя капитан-поручика Лейб-гвардии Семеновского полка Степана Федоровича Апраксина[31]. Уже 28 февраля 1730 г. при поддержке гвардии Императрица утвердилась как самодержавная правительница. 4 марта Верховный Тайный Совет был упразднен, а Правительствующий Сенат восстановлен в правах. Далее, как пишет современный историк И.В. Курукин: «Всем офицерам гвардейских полков императрица дала великолепный обед. Затем, в отличие от прошлых дворцовых «революций», Анна решила наградить не отдельных лиц, а весь офицерский состав гвардии»[32].

К тому времени, с одной стороны, в канцелярии Императрицы скопилось достаточно челобитных от гвардейских офицеров с просьбами о пожаловании деревень. С другой стороны, требуемые деревни появились в результате конфискации 15 июля 1730 г. имуществ приближенных к покойному Императору Петру II князей Алексея Григорьевича и Василия Лукича Долгоруковых[33], а также прежней еще конфискации имений светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова. В результате Лейб-гвардии в Преображенском полку майоры получили от 100 до 50 душ крепостных крестьян, капитаны — по 40 душ, капитан-поручики — по 30, поручики — по 25, подпоручики и прапорщики — по 20 душ. Лейб-гвардии в Семеновском полку майор С.А. Шепелев получил 100 душ, майор М.С. Хрущов и только что пожалованный в капитаны С.Ф. Апраксин — по 50 душ. Прочие капитаны и капитан-поручики Семеновского полка получили по 30 душ и т.д.[34]

Таким образом, очередная смена царствования вновь принесла Степану Федоровичу повышение в чине и улучшение материального положения. Кроме того, отчим Апраксина, грозный начальник Тайной канцелярии и коренной офицер-преображенец Андрей Иванович Ушаков был переведен в 1730 г. подполковником (то есть фактически командиром) в Семеновский полк, что не могло не усилить позиций в полку и без того уже зарекомендовавшего себя ушаковского пасынка[35]. Кроме того, и в новое царствование также прослеживается связь С.Ф.

---

[30] Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. VII. С.238.

[31] Корсаков Д.А. Воцарение Императрицы Анны Иоанновны. Вып.2. Казань, 1880. Приложения. С.52, 57.

[32] Курукин И. В. Анна Иоанновна. (Жизнь замечательных людей. Вып. 1503). М., 2014. С.94.

[33] Баранов П. Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. II. С.227.

[34] Курукин И. В. Анна Иоанновна. С.94. О пожаловании С.Ф.Апраксина в капитаны см.: Дирин П. Ук.соч. Т. II. Приложения. С.32.

[35] Дирин П. Ук.соч. Т. II. Приложения. С.25, 170; Курукин И. В. Анна Иоанновна. С.111. При этом нелепицей выглядит заявление работавшего в семейном архива Апраксиных П.П.Пекарского: «Возвышение Апраксина по службе начинается с 1734 г., когда он был переведен с чином секунд-майора в Семеновский полк, в котором его вотчим Ушаков занимал важный в те времена пост подполковника» (Пек[арский] П. Апраксин, Степан Федорович. С.169).

Апраксина с П.И. Ягужинским. 31 декабря 1730 г. Императрица Анна Иоанновна учредила Лейб-гвардии Конный полк. Полковником новой гвардейской части стала сама Императрица, а подполковником, то есть действительным командиром – Павел Иванович Ягужинский[36]. Для утверждения штатов Конной гвардии была сформирована комиссия, в которой Лейб-гвардии Семеновский полк представлял Степан Федорович Апраксин[37].

Однако к последующему трехлетию относятся отрывочные сведения не столько о служебных делах Степана Федоровича, сколько о его отношениях с некоторыми сослуживцами. В 1731 г. рязанский помещик Яков Небольсин занял под залог своих деревень Давыдово и Новики Пронского уезда 300 рублей у поручика (точнее унтер-лейтенанта[38]) Лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Никифоровича Рудакова. Через какое-то время Небольсин просрочил выплату по займу, вследствие чего поручик Рудаков оформил заложенные деревни Небольсина в свою собственность. Вскоре уже Рудаков под залог тех же пронских деревень занял у своего сослуживца по Семеновскому полку капитана Степана Федоровича Апраксина тысячу рублей. В начале 1733 г. тетка Якова Небольсина, подполковница вдова Наталья Иванова дочь Небольсина, «для пропитания вставшим онаго закладчика малолетним детям, Александру и Василию Небольсиным» решила выкупить заложенное имение, для чего выплатила Апраксину 1000 рублей. Но Степан Федорович заявил после этого, что имеется еще одна, неоплаченная долговая расписка под залог тех же пронских деревень, и хранится та расписка у его дяди Ивана Кокошкина. В итоге 27 апреля 1733 г. Императрица Анна Иоанновна распорядилась закрепить все же выкупленные пронские деревни за детьми Небольсина, а с дополнительной закладной поручила разобраться своему Кабинету министров[39]. Из этого разбирательства мы узнаем, что благосостояние гвардейского капитана С.Ф. Апраксина к 1733 г. заметно выросло: он владел домом в Москве, мог дать взаймы весьма солидную по тому времени сумму (1000 рублей) и предпринимал усилия для приобретения недвижимого имущества.

В том же 1733 г., около 13 июня, гвардии капитан Степан Федорович Апраксин подал на Высочайшее имя челобитную, в которой жаловался на сослуживца по Семеновскому полку капитана же Егора Лукича Милюкова. Конфликт между офицерами был квалифицирован как ссора, для разрешения которой следовало сформировать воинский суд («велено держать фелгер и кригс-рехт»), председателем (президусом) которого был назначен знаменитый шотландец генерал-майор Яков (Джеймс) Кейт, который позже перешел на прусскую службу и был одним из противников генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина в 1757 году. Надо сказать, что Егор Милюков принадлежал к числу, что называется, «обласканных» еще Петром Великим офицеров Семеновского полка. Скажем, 26 ноября 1723 г. гвардии унтер-лейтенанту Е.Л. Милюкову были пожалованы 20 дворов с крепостными крестьянами[40]. В царствование Императрицы Екатерины I, 26 июня 1725 г. Милюкову, владевшему в Петербурге двором, были дозволены на этом дворе «извест-

---

[36] Анненков И.В. История Лейб-гвардии Конного полка 1731 – 1848. Ч.I. СПб., 1849. С.4.

[37] Карцов П.П. История Лейб-гвардии Семеновского полка. 1683 – 1854. Ч.2. СПб., 1854. С.280.

[38] Дирин П. Ук.соч. Т. II. Приложения. С.151.

[39] Бумаги Кабинета министров Императрицы Анны Иоанновны 1731—1740 гг. / Под ред. А.Н.Филиппова. Т. II. (1733 г.). Юрьев, 1899 // СИРИО. Т.106. С. 194-195.

[40] Баранов П. Архив Правительствующего Сената. Т.I. Опись Высочайшим указам и повелениям царствования Императора Петра Великого. 1704 - 1725. СПб., 1872. С.117.

ные постройки»[41]. Наконец, Императрица Анна Иоанновна своим именным указом пожаловала 28 марта 1732 г. «гвардии капитану Егору Милюкову, из отписных вотчин князя Василия Долгорукова, села Юдина и деревни Колодезей, в Веневском уезде, 422 души» крепостных крестьян[42]. И при таком счастье, в 1733 г. зачинщиком ссоры выступил все-таки Милюков[43]. Надо сказать, что Степан Федорович Апраксин, если судить по позднейшим его поступкам, не любил конфликтовать с кем бы то ни было, и старался избежать ссоры даже в ущерб собственной репутации. Вероятно, военный суд принял сторону Апраксина. Милюков был вынужден тогда же оставить Семеновский полк и перевелся с чином майора в Кексгольмский гарнизон[44]. Но, оказывается, и там не успокоился. 18 августа 1737 г. Кабинет министров сообщил Правительствующему Сенату «об отрешении от службы Кексгольмского гарнизона маиора Егора Милюкова, за пьянство и беспорядочную жизнь, с повелением ему жить безвыездно в деревнях своих»[45]. И это, стоит добавить, во время войны с Турцией, когда каждый офицер был на счету.

В 1734 г. С.Ф. Апраксин был произведен в первый штаб-офицерский чин секунд-майора Семеновского полка[46]. Как писал в сентябре 1751 г. сам Степан Федорович: «Мою службу продолжаю с [1]719 года, чему по ныне 32 года, и с начала службы моей в Гвардии был салдатом и унтер-афицером, и тако был произведен по линии до Штаб-Афицерского чина…»[47] Из этих слов, а также из всего, сказанного выше, видно, что служба Апраксина шла последовательно, «по линии», из чина в чин, достаточно стандартно для русского гвардейца эпохи дворцовых переворотов, и не знала каких бы то ни было внеочередных карьерных взлетов.

Не позже 1734 г. 32-летний Степан Федорович Апраксин женился на 15-летней (родилась 4 июня или июля 1719 г.) Аграфене (Агриппине) Леонтьевне Соймоновой, единственной дочери кронштадтского коменданта бригадира Леонтия Яковлевича и Пелагеи Андреевны (урожденной Чаплиной) Соймоновых[48]. Тесть Степана Федоровича, хотя и был опытным воином эпохи еще Петра Великого и не последним в своем поколении администратором, вряд ли мог чем-то способствовать карьере зятя. Л.Я. Соймонов служил, главным образом, на окраинах и, хотя дослужился в итоге до генерал-лейтенанта, недолгими временами опережал С.Ф. Апраксина лишь на один чин[49]. В качестве приданного за женой

---

[41] Баранов П. Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. II. С.5.

[42] Там же. С.269.

[43] Бумаги Кабинета министров Императрицы Анны Иоанновны 1731—1740 гг. Т. II. С.301, 318.

[44] Дирин П. Ук.соч. Т. II. Приложения. С.120.

[45] Баранов П. Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. II. С.496.

[46] Дирин П. Ук.соч. Т. II. Приложения. С.32.

[47] Прошения к Государыне Императрице Степана Апраксина // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). 1862. Кн.4. V. Смесь. С.177.

[48] Лобанов-Ростовский А.Б., князь. Русская родословная книга / Изд. 2-е. Т.2. СПб., 1895. С.237, 238; Николай Михайлович, Великий Князь. Петербургский некрополь. Т.1.СПб., 1912. С.82.

[49] Леонтий Яковлевич Соймонов, по собственным его словам, служил с 1700 г. (Бумаги Кабинета министров Императрицы Анны Иоанновны 1731—1740 гг. / Под ред. А.Н.Филиппова. Т. V. (1736 г.). Юрьев, 1902 // СИРИО. Т.114. С.406). Как гласит офицерская «сказка» Л.Я.Соймонова (Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып.I. 1698 – 1706 гг. Кн.4. Приложения (XLIII – XCI). СПб., 1912. С.364),

в 1705 г. его из стольников определили в выборный генерал-фельдмаршала Б.П.Шереметева драгунский эскадрон. Эта часть была сформирована «в 1705 г. в г. Черноярске из конных придворных служителей, находившихся в походе с … Шереметевым, для усмирения бунта, произведенного в Астрахани стрельцами» (Военная энциклопедия. Т.III. СПб.: Т-во И.Д.Сытина, 1911. С.163.). И, действительно, уже в 1706 г. Соймонов «на боталиях и на приступах бывал… против бунтовщиков под Астраханью». По взятии Астрахани Соймонова пожаловали в поручики, в 1708 г. произвели в капитаны с назначением в первую эскадронную роту. В апреле 1708 г. Выборный драгунский эскадрон фельдмаршала Б.П.Шереметева был переформирован генерал-майором фон Ренцелем в Архангелогородский драгунский полк, в котором капитан Соймонов получил должность в гренадерской роте. К маю 1720 г. Леонтий Яковлевич Соймонов был премьер-майором Архангелогородского драгунского полка (Волынский Н.П. Ук.соч.). За время службы Соймонова его полк в 1708 г. участвовал в боях со шведами под Ракоболью, на реке Неве, у Копорья и Сойкиной мызы, в 1710 г. – под Выборгом, Кексгольмом, Гельсингфорсом; в 1711-1714 гг. находился в Померанской экспедиции, в 1716-1717 гг. – в Польше, в 1722-1723 гг. был в походе против персов у Сулина и Дербента (Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698-1725. Краткий справочник / Под редакцией Л.Г.Бескровного. М., 1977. №564 // http://adjudant.ru/). Сам же Л.Я.Соймонов в 1736 г. писал о своей боевой работе: «Был при полках драгунских во многих акциях, баталиях и на штурмах, и в прочих командах безотлучно» (СИРИО. Т.114. С.406). Во время Персидского похода, в мае 1722 г., Император Петр Великий, следуя из Дербента, «при реке Сулаке, 20 верст от устья оные, на том месте где река Аграхань от оные отделяется», заложил крепость Святого Креста, в которой оставил «под командою подполковника Леонтия Соймонова несколько пехоты, драгунов и с корпусом казаков, которые после отбытия Его Величества, окончали крепостные строении» (Комаров В.В. Персидская война 1722-1725. Материалы для истории царствования Петра Великого // Русский вестник. 1867. Т.68. № 4. С.575). Сам Л.Я.Соймонов очень высоко оценивал свою службу в крепости Святого Креста: «Петр Первый, по возвращении своем из Дербента, изволил меня оставить с командою в Низовом корпусе, в новопостроенной крепости Святого Креста комендантом, где я служил верно и беспорочно, а притом был в нескольких партиях и акциях, и сверх же того был в конгрессе с генер.-лейт. и кавалером Румянцовым, для разграничения с турками Ширванской провинции; а в бытность мою в крепости Св. Креста своим приласканием в подданство …Императорского Величества присовокупил кочевых татар 1300 кибиток, да в Ширванской провинции из-за границы басурман и армян жилых и кочевых мужеска пола (кроме женска) 1532 человека, от которых и плод имелся немалый» (СИРИО. Т.114. С.406). К 1727 г. полковник Л.Я.Соймонов командует Рязанским драгунским полком в составе так называемого Низового корпуса, расквартированного на территории современного Азербайджана – в то время персидской провинции, оккупированной Россией (Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722 – 1735). М., 2010. С.171, 252). Представляя Л.Я.Соймонова к бригадирскому чину уже в царствование Императора Петра II, командующий Низовым корпусом генерал-аншеф князь В.В. Долгоруков писал, что Леонтий Яковлевич «как до прибытия моего в Персию, так и при мне, во исправлении своего чина весьма себя искусным и к пользе Вашего Величества интереса ревнительным показал» (Там же. С.180). 21 марта 1729 г., полковник Л.Я.Соймонов был произведен в бригадиры (Баранов П. Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. II. С.184). В царствование Императрицы Анны Иоанновны бригадира Л.Я.Соймонова 23 ноября 1731 г. назначили комендантом в Кронштадт, но уже 11 декабря Леонтий Яковлевич был уволен в годовой отпуск по болезни (Там же. С.254, 256). 3 апреля 1733 г. бригадир Л.Я.Соймонов был включен «в комиссию по рассмотрению счетов казны с купцом Меером» (Там же. С.306). Поскольку двумя другими членами комиссии были морские офицеры: адмирал граф Николай Головин и флота капитан Макар Бураков, то можно предположить, что в это время Соймонов продолжал служить комендантом Кронштадта, одного из главных военно-морских портов России. 26 июля 1736 г. последовал именной указ, согласно которому бригадир Л.Я.Соймонов был назначен астраханским вице-губернатором, «с поручением ему заведывания и калмыцкими делами» (Там же. С.422). Через месяц, 25 августа, Леонтия Яковлевича, по его же собственному прошению, пожаловали в гене-

Степан Федорович Апраксин получил долю в подмосковном имении Льгово-Ольгово Дмитровского уезда, которое только со временем (в 1750-х годах) полностью достанется Апраксиным[50]. Таким образом, ни карьере, ни благосостоянию С.Ф. Апраксина брак поспособствовать не мог – и был заключен, надо полагать, исключительно по любви.

В посвященной С.Ф. Апраксину статье «Русского биографического словаря», написанной генерал-лейтенантом П.А. Гейсманом, утверждается, что брак Апраксина с А.Л. Соймоновой был вторым. Первым же браком Степан Федорович был женат, якобы, на дочери канцлера графа Гавриила Ивановича Головкина (1660—1734), Настасье Гаврииловне, что и стало основной причиной возвышения Апраксина при Дворе[51]. Это ошибка: ни одна из трех дочерей графа Г.И. Головкина за-

---

рал-майоры (Там же. С.428; СИРИО. Т.114. С.406). 26 января 1737 г. генерал-майор Л.Я.Соймонов с должности астраханского вице-губернатора был переведен на должность главы Башкирской комиссии в Уфимской провинции, с подчинением ему расположенных в провинции этой войск (Баранов П. Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. II. С.451, 470, 474, 496). В этой должности Л.Я.Соймонов прослужил не менее трех лет. 23 января 1740 г. в Кабинет министров было представлено мнение генерал-лейтенанта князя Василия Алексеевича Урусова «и генерал-майора Соймонова с штаб-офицерами по вопросам о строении Оренбурга на изысканном новом месте и крепостей по рекам Яику и Самаре, а также о поселении в тех крепостях ландмилицких закамских полков» (Там же. С.630). 3 марта 1740 г. генерал-майор Л.Я.Соймонов был переведен на должность казанского вице-губернатора (Там же. С.636-637, 667, 696). Надо сказать, что с 1735 г. среди башкир полыхал бунт – возможно, инспирированный турецкими эмиссарами для ослабления России, вступавшей тогда в войну с Турцией. После трех лет жестокого противостояния с властями и армией России, мятеж только усилился. Башкиры провозгласили своим ханом некоего Султан-Гирея по прозвищу Каракасал. После нескольких смен руководства краем, только князю В.А.Урусову и генерал-майору Л.Я.Соймонову удалось усмирить мятеж: «При этом сожжено и разорено было 696 жилых деревень, и, по одним официальным рапортам, башкиры потеряли убитыми 16634 человека, сосланными в разные места — до 4000; кроме того, 301 чел. были наказаны отрезыванием носа и ушей, отобрано было множество верблюдов, лошадей и рогатого скота». Каракасал бежал к киргиз-кайсацкому (казахскому) Абуль-хаир-хану, весной 1741 г. вторгся в Джунгарию (ныне китайский Восточный Туркестан), где был разбит и «скрылся неизвестно куда» (Башкиры; Позднеев А. Каракасал // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс] – М.: ИДДК; Мультимедиа-издательство «Адепт», 2002.- 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); Сенатский архив. II. СПб., 1889. С.37, 41, 43, 581; Сенатский архив. V. СПб., 1892. С.322). Надо полагать, за успешное подавление башкирского бунта Леонтий Яковлевич Соймонов был пожалован 3 ноября 1740 г. уже новым правительство малолетнего Императора Иоанна Антоновича и Правительницы Великой Княгини Анны Леопольдовны в генерал-лейтенанты (Сенатский архив. II. С.180). После смерти в 1741 г. князя В.А.Урусова генерал-лейтенант Л.Я.Соймонов до 16 января 1742 г. оставался главой Оренбургской экспедиции, пока правительство уже Императрицы Елисаветы Петровны не отозвало Соймонова в Москву, а на его место не прислало тайного советника Ивана Ивановича Неплюева (Баранов П. Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. III. 1740 – 1762. СПб., 1878. С.86). 11 июня 1742 г. генерал-лейтенант Л.Я.Соймонов сменил в должности по армии (возможно, на посту ревельского обер-коменданта) знаменитого военного инженера генерал-лейтенанта Петра де Бриньи, возглавившего Украинскую линию (Там же. С.96). Умер Л.Я.Соймонов, вероятно, в 1743 г. (Соймонов, Леонтий Яковлевич // https://ru.wikipedia.org).

[50] Анисимов Ю. Ольгово // Подмосковные музеи. Вып.4. Ольгово. Дубровицы. М. – Л., 1925. С.12-13.

[51] Гейсман П. Апраксин, Степан Федорович // Русский биографический словарь / Под ред. А.А.Половцова в 27 томах // Большая Русская Биографическая энциклопедия

мужем за С.Ф. Апраксиным не была. Конкретно же графиня Анастасия Гаврииловна Головкина, умершая 27 апреля 1735 г., когда Аграфена Леонтьевна уже Апраксина носила под сердцем старшую свою дочь, была замужем за князем Никитой Юрьевичем Трубецким (1700 – 1767)[52], который впоследствии стал фельдмаршалом, генерал-прокурором и противником Степана Федоровича Апраксина в придворной жизни.

5 сентября 1735 г. у молодых супругов Апраксиных родилась дочь Елена (в замужестве княгиня Куракина)[53]. Вторая дочь Марья (в замужестве Талызина) родилась у них в 1742 г.[54] Это совсем не означает, что Аграфена Леонтьевна Апраксина редко отваживалась на рождение детей: вероятнее всего, мы знаем по именам только выжившее потомство Степана Федоровича. Скажем, среди комнатных расходов Двора Императрицы Анны Иоанновны под 11 марта 1737 г. значится пожалование 50 иностранных червонцев «на крестины младенца Лейб-Гвардии Семеновскаго полку Маиора Апраксина»[55]. Ребенок, на крестины которого была пожалована Императрицей такая значительная сумма, до взрослых лет не дожил и даже неизвестен нам по имени. В записках Императрицы Екатерины Великой упоминается еще одна умершая во младенчестве в 1748 г. от оспы и также неизвестная по имени дочь Степана Федоровича Апраксина[56].

6 мая 1735 г. С.Ф. Апраксин был включен в состав учрежденной Сенатом особой комиссии по делам о полковнике Доригнии (Дориньи). Председателем комиссии был генерал-майор и младший подполковник Лейб-гвардии Конного полка Эрнест Бурхгард Траутфеттер, а в состав ее вошли наряду с Апраксиным еще один гвардейский майор и четыре капитана. Состав для такого случая стандартный еще с петровских времен. Комиссия должна была разобрать челобитную, поданную полковником Дориньи в Сенат. Челобитчик жаловался на Военную коллегию и фельдмаршала графа Бурхарда Христофора Миниха[57]. Надо полагать, решение комиссии полковника Дориньи не удовлетворило – и через два года, 5 апреля 1737 г., уже Правительствующий Сенат рассматривал дело снова «по протесту полковника Доригни на Военную коллегию и на генерал-фельдмаршала графа Миниха и о предоставлении затем сентенции на Высочайшую апробацию»[58]. Кончилось это для полковника Дориньи скверно: через 10 дней, 15 апреля, была оглашена «Высочайше конфирмованная сентенция Сената о ссылка в

[Электронный ресурс] – М.:ИДДК,2006- 4 электрон. опт. диска (CD-ROM); Анисимов Ю. Ольгово. С.12.

[52] Лобанов-Ростовский А.Б., князь. Русская родословная книга / Изд. 2-е. Т.1. СПб., 1895. С.162; Трубецкая Е.Э., княгиня. Сказания о роде князей Трубецких. М., 1891. С.147.

[53] Куракина, княгиня Елена Степановна // Русский биографический словарь / Под ред. А.А.Половцова в 27 томах // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс].

[54] Николай Михайлович, Великий Князь. Московский некрополь. Т.3. СПб., 1908. С.184.

[55] Общий архив Министерства Императорского Двора. II. Списки и выписки из архивных бумаг. СПб., 1888. С.108.

[56] Записки Императрицы Екатерины Второй. СПб.,1907. С.151-152.

[57] Бумаги Кабинета министров Императрицы Анны Иоанновны 1731—1740 гг. / Под ред. А.Н.Филиппова. Т. IV. (1735 г.) Юрьев, 1901 // СИРИО. Т.111. С.161; Баранов П. Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. II. С.371; Полный список шефов, полковых командиров и офицеров Лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1886 год. СПб., 1886. С.7.

[58] Баранов П. Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. II. С.463.

Сибирь, по лишении чинов, полковника Доригни, за несправедливые протесты его на Военную коллегию и на генерал-фельдмаршала графа Миниха»[59].

Конечно, секунд-майор Лейб-гвардии Семеновского полка С.Ф. Апраксин занимался в то время прежде всего не судебными, а служебными делами. Тем более, что в 1734 г. отчим Степана Федоровича Андрей Иванович Ушаков, чрезмерно загруженный делами своего страшного ведомства, не мог исполнять обязанности подполковника Лейб-гвардии Семеновского полка. И командовать полком в период с 1734 по 1737 г. было доверено гвардии секунд-майору С.Ф. Апраксину[60]. Об этом периоде до нас дошли крайне скудные сведения. Известно, например, что в начале 1736 г. Семеновский полк впервые заказал для своих нужд ружья на Сестрорецком оружейном заводе. Процесс изготовления и качество продукта на месте контролировал только что зачисленный в полк из французской службы капитан-поручик Густав фон Альбедиль. Адресатом же донесения Альбедиля 20 марта 1736 г. стал гвардии секунд-майор Апраксин[61].

Тем временем в Северном Причерноморье и в Крыму разворачивались боевые действия Русской Армии против Турецкой Османской империи и Крымского ханства. При этом специфика службы в послепетровское время не предполагала участия гвардии в боевых действиях. Командировки же, в том числе и боевые, которые приносили гвардейцам продвижение по службе и награды, были очень редки[62]. Поэтому обвинения С.Ф. Апраксина в недостатке боевого опыта несправедливы, поскольку и служба в гвардии, и небольшое количество войн приобретению такого опыта не способствовали. К слову, будущий генералиссимус А.В. Суворов первый раз принял участие в бою 30 лет от роду и в чине полковника, а будущий фельдмаршал П.А. Румянцов впервые попал на поле битвы 32-летним генерал-майором. С.Ф. Апраксин, у которого не было такого влиятельного отца, какими были генерал-аншеф граф А.И. Румянцов или генерал-поручик (позже тоже генерал-аншеф) В.И. Суворов, впервые оказался на поле боя более или менее случайно, 35-летним гвардейским секунд-майором.

Закончился первый год Русско-турецкой войны. На кампанию 1737 г. в состав армии фельдмаршала графа Б.Х. Миниха был включен сводный гвардейский отряд, численностью более трех тысяч бойцов: три батальона пехоты и два эскадрона кавалерии. Гвардейский отряд пополнялся лучшими старыми солдатами из трех пехотных и одного конного гвардейских полков[63]. Командовал сводным гвардейским отрядом генерал-адъютант Густав фон Бирон (1700 – 1746), младший брат фаворита Императрицы Анны Иоанновны, курляндского герцога Эрнста Иоганна фон Бирона. Гвардейский отряд проделал в составе армии Миниха кампании 1737, 1738 и 1739 гг. Возможно, появление секунд-майора Лейб-гвардии Семеновского полка С.Ф. Апраксина в зоне боевых действий было как-то связано с этим формированием.

Но есть и другая причина. После года войны армии недоставало командиров. Такие войсковые соединения, как бригады и дивизии, создавались тогда на время. Командовать подобным соединением должен был бригадир или генерал с

---

[59] Там же. С.538.

[60] Дирин П. Ук.соч. Т.II. Приложения. С.25.

[61] Карцов П.П. История Лейб-гвардии Семеновского полка. 1683 – 1854. Ч.2. СПб., 1854. С.211; Дирин П. Ук.соч. Т. II. Приложения. С.31.

[62] Карцов П.П. Ук.соч. С.471-472.

[63] Баиов А. Русская Армия в царствование Императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736—1739 гг. Первые три года войны. СПб., 1906. С.357, 371; Баиов А. Русская Армия в царствование Императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736—1739 гг. Кампания 1739 г. СПб., 1906. С.53.

соответствующим окладом. Для новых соединений следовало произвести в бригадиры и генералы новых людей. Однако по окончании военной кампании бригады и дивизии распускались, но их временные командиры, оставшись не у дел, продолжили бы получать высокое денежное содержание. И вот, чтобы не вводить государство в дополнительные траты, Императрица Анна Иоанновна 22 января 1737 г. направила генерал-фельдмаршалу графу Б.Х. Миниху указ такого содержания: «Мы всемилостивейше определили, чтоб, для управления потребных при армии бригадирских чинов, на будущую компанию употреблены были бывшие доныне в Нарве бригадир Голенищев-Кутузов, из Воронежа бригадир Лукин, да из Л[ейб-]-гвардии нашей из майоров Юрий Ливен, Петр Воейков, Степан Апраксин, Афанасий Елизаров, да из полковников принц фон-Голштейн, да князь Кантакузин, к которым в прибавок, ежели необходимо потребно, еще из полковников, кого за достойных рассуждается, выбрать и нам представить можете. Все оную бригадирскую должность управляющие особы при прежних своих чинах и жалованье остаются и по окончании компании к прежним своим местам возвращаются, а во время оной компании оным разве несколько рационов, по рассуждению вашему, прибавлено быть может, понеже они, при управлении бригадирской должности, более лошадей пред полковниками содержать иногда принуждены будут»[64]. Строго говоря, гвардейский чин по «Табели о рангах» Петра Великого был на две ступени старше армейского, и, следовательно, гвардейский майор был равен армейскому полковнику[65]. Таким образом, указ Императрицы Анны Иоанновны как бы временно повышал перечисленных в нем офицеров еще на одну служебную ступень.

Вот как гвардии секунд-майор Степан Федорович Апраксин, сдавший командование Лейб-гвардии Семеновским полком майору Николаю Ивановичу Стрешневу[66], впервые в жизни оказался на театре военных действий. Здесь Апраксин получил должность командира армейской бригады. А вскоре «за бригадира гвардии майор» Апраксин появляется среди лиц, участвовавших, накануне похода войск фельдмаршала графа Бурхарда Христофора Миниха к турецкой крепости Очаков, в собрании генералитета 7 мая 1737 г.[67] Во время марша к Очакову, в приказе, данном Минихом 10 июня 1737 г. «в лагере при вершинах речки Мертвых Вод», сказано: «Завтра армии выступить в марш поутру рано… Астраханскому и Бутырскому полкам с Господином Бригадиром Апраксиным и части полевой артиллерии… быть в готовности и после завтрашнего числа соединиться с авангардом»[68]. На следующий день бригада Апраксина также была назначена в авангард[69]. Двигаться в авангарде русской армии по знойной степи, хозяином которой на протяжении столетий был теперешний противник – крымские татары, ежеминутно готовые сделать налет или поджечь степь… Вот как рассказывается об этом походе в истории 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка, прежнего Бутырского пехотного, входившего в 1737 г. в бригаду Апраксина: «Марш к Очакову полки делали в трех общих каре; последние двигались таким образом, чтобы в случае нападения неприятеля, могли оказывать взаимную поддержку огнем. Несмотря на то, что неприятель не показывался, армия подвигалась с необычай-

---

[64] Бумаги Кабинета министров Императрицы Анны Иоанновны 1731—1740 гг. / Под ред. А.Н.Филиппова. Т.VI. (1737 г.) Юрьев, 1904 // СИРИО. Т.117. С.35-36.

[65] ПСЗ. Т.VI. С.487.

[66] Дирин П. Ук.соч. Т.II. Приложения. С.25.

[67] Приказы графа Миниха за 1736 – 1738 гг. / Под ред. А.Баиова // Сборник военно-исторических материалов (СВИМ). Вып. XIV. СПб., 1904. С.236-237.

[68] Там же. С.82.

[69] Там же. С.83.

ною осторожностью; по ночам огней не разводили, лагерь окружали рогатками, при каждом полку имелись бочки с водою. Миних ожидал постоянно нападения турок от Бендер, между тем лишь изредка появлялись партии татар, нападавших не без успеха на наши табуны. Только недалеко от Очакова оказались степи выжженными татарами, почему войскам пришлось оканчивать поход в пыли и пепле»[70].

От С.Ф. Апраксина в этом положении без сомнения требовались, помимо ума, храбрость, наблюдательность, исполнительность, быстрая реакция. И, вероятно, не зря Д.Н. Бантыш-Каменский, характеризуя в 1840 г. личность Апраксина, подчеркнул, что Степан Федорович «имел быстрое соображение на ратном поле»[71]. Кроме того, как видно из помещенного выше описания похода русских к Очакову, философию «сбережения войска», исповедовавшуюся Апраксиным в 1757 г., Степан Федорович мог усвоить как раз у Миниха в 1737-м.

Роль С.Ф. Апраксина в штурме и взятии Очакова 2 июля 1737 г. по опубликованным документам определить нельзя. Между тем, в начале XIX века сыном Степана Федоровича была заказана французскому художнику Бенуа Шарлю Митуару для подмосковного имения Апраксиных Ольгово картина «Штурм Очакова фельдмаршалом графом Минихом, где Степан Федорович Апраксин был дежурным генералом»[72]. Должность С.Ф. Апраксина, надо полагать, указана либо по семейному архиву, либо по семейным преданиям.

Так или иначе, но фельдмаршал граф Б.Х. Миних, командир весьма и весьма требовательный, отмечал С.Ф. Апраксина и оказывал ему покровительство. Без каких-либо действительных служебных достоинств 35-летнего офицера добиться этого покровительства было бы невозможно. В откровенной и нелицеприятной записке «о свойствах и характере генералов, во вверенной ему армии», поданной 22 декабря 1737 г. Императрице Анне Иоанновне, Миних об Апраксине говорит вот что: «Молод, крепкого сложения и здоров, служит с прилежанием и подает о себе ту надежду, что из него будет умный и храбрый генерал»[73]. Следует особо подчеркнуть, в виду последующих характеристик Степана Федоровича, что такой опытный воин, многократно видевший смерть в лицо, как граф Миних, считал Апраксина храбрецом…

К 7 сентября 1737 г. гвардии секунд-майор Степан Федорович Апраксин оставался во входящей в армию Миниха дивизии генерал-аншефа Александра Ивановича Румянцова, отца знаменитого полководца[74]. К 13 октября 1737 г. бригадир С.Ф. Апраксин находился в расположении русских войск, в Ололинке (Омельнике?), близь Полтавы[75]. В апреле 1738 г. бригадир Апраксин участвовал в пере-

---

[70] Бобровский П.О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. 1642 – 1892. Ч.2. СПб., 1892. С.135-136.

[71] Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч.1. С.278.

[72] Картина ныне хранится в музее-заповеднике «Дмитровский кремль», инвентарный номер 2083 (Басова И.Г. Живописное усадебное собрание как отражение жизненного кредо заказчика. Идея прославления воинской доблести в портретах и картинах усадьбы Ольгово // Обсерватория культуры. 2016. Т.13. № 3. С.343).

[73] Записка, поданная генерал-фельдмаршалом графом Минихом Государыне Императрице Анне Иоанновне, 1737 году декабря 22 дня, о свойствах и характере генералов, во вверенной ему армии // Северный архив. 1822. Ч.1. №3. С.212.

[74] Баранов П. Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. II. С.500.

[75] Масловский Д.Ф. Материалы к истории военного искусства в России. Вып.2. М., 1890. С.14-15.

праве русских войск через Днепр. Конкретно, - 25 апреля Апраксин прибыл в Переволочну[76].

Миних весьма настойчиво стремился представить Императрице Апраксина и добивался производства последнего в генерал-майоры. Так, реляцию о завершении кампании 1738 г. Миних отправил 23 сентября в Петербург с бригадиром Апраксиным. Причем Степану Федоровичу было поручено на словах передать Императрице Анне Иоанновне «правдивые обстоятельства» проведенных боевых операций[77]. А когда в ноябре того же года русское правительство планировало снарядить корпус для поддержки своих австрийских («цесарских») союзников, Миних предлагал 16 ноября поручить Степану Федоровичу в этом корпусе бригаду, «в 4 полках состоящую», и произвести в связи с этим Апраксина в генерал-майоры[78]. План этот, однако, не осуществился – и Апраксин перезимовал в Петербурге.

Во вторник, 13 марта 1739 г., сослуживцы по Семеновскому полку проводили своего секунд-майора Апраксина, отъезжавшего из Петербурга «в армею»[79]. Кампанию 1739 г. «за бригадира гвардии майор» Степан Федорович Апраксин начал в составе 2-й дивизии генерал-лейтенанта Густава фон Бирона. Но 14 мая 1739 г. фельдмаршал Миних из-за того, что в 1-й и 2-й дивизиях его армии (насчитывавшей всего три дивизии) налицо был избыток личного состава, что усложняло управление этими соединениями, сформировал 4-ю дивизию. Сюда фельдмаршал перевел из 2-й дивизии Гвардейский отряд (три батальона и три эскадрона – всего 3124 человек) и кирасирские команды, а также включил в состав новой дивизии 4 драгунских, 5 пехотных и 9 ландмилицких полков. Командовал новым соединением ожидаемо, поскольку здесь была гвардия, Г. фон Бирон, одним из пяти бригадиров стал С.Ф. Апраксин[80].

Кроме того, Миних 19 мая 1739 г. подал на Высочайшее имя большое представление с целью пополнить генералитет своей армии. Среди представленных «в ген[ерал-] маиоры по достоинству из управляющих за бригадиров» значится и гвардии майор Степан Апраксин[81]. Императорским рескриптом от 26 или 30 июня 1739 г. производство Апраксина в генерал-майоры было утверждено[82]. А вскоре Степан Федорович вновь, как и при осаде Очакова, стал дежурным генералом армии Миниха[83].

17 августа 1739 г. состоялось сражение при Ставучанах, определившее исход кампании 1739 г. и сдачу турками русским крепости Хотина. Тогда русская армия, выстроенная в одно большое каре, прикрывавшее «обозы и провиантский магазин», медленно двигалась от реки Шуланец к Хотину. В пятом часу дня следовавшие мимо древни Ставучаны русские были на марше атакованы турками: с правого фланга по нашим стремительно ударила вражеская кавалерия, а по центру – янычары, числом около 13 тысяч. Русские остановились, перестроились,

---

[76] Там же. С.28, 32.

[77] Всеподданнейшие донесения гр. Миниха. Ч.II. Донесения 1737 и 1738 годов / Под ред. А.З.Мышлаевского // СВИМ. Вып. XI. СПб., 1899. С.417, 424, 427.

[78] Там же. С.474.

[79] Памятная книжка поручика лейб-гвардии Семеновского полка, Александра Алексеевича Благово, 1739 и 1740 гг. // Щукинский сборник. Вып.2. М., 1903. С.395.

[80] Баиов А. Русская Армия в царствование Императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736—1739 гг. Кампания 1739 г. С.130, 146; Примечания. С.51, 52.

[81] Всеподданнейшие донесения гр. Миниха. Ч.III. Донесения 1739 года и генералитетские рассуждения // СВИМ. Вып. XIII. СПб., 1903. С.131.

[82] Там же. С.182.

[83] Масловский Д.Ф. Ставучанский поход. Документы 1739 г. // СВИМ. Вып. II. СПб., 1892. С.99, 174.

перед центром своей позиции выставили рогатки – и открыли из-за них по противнику ураганный артиллерийский и стрелковый огонь. Турецкая кавалерия откатилась за Ставучанский ручей сразу, из янычар до русских рогаток добежали лишь три тысячи, не смогли прорвать оборону и, оставив тысячу трупов, отступили. Русские потеряли в этом сражении 13 человек убитыми и 54 ранеными[84]. Обращает на себя внимание похожесть начала Ставучанской битвы на выигранное С.Ф. Апраксиным в 1757 г. Гросс-Егерсдорфское сражение: тогда пруссаки тоже атаковали русских на марше – и ударной силой противника стала кавалерия. В качестве дежурного генерала Степан Федорович был, как минимум, свидетелем Ставучанского сражения (но, видимо, и деятельным участником тоже), а при Гросс-Егерсдорфе показал себя хорошим учеником фельдмаршала Миниха.

Утром 19 августа русские к Хотину подошли. Начались переговоры о сдаче крепости, в которых Миних подкрепил свою позицию тем, что приказал гвардии под началом Г. фон Бирона вместе с тремя пехотными батальонами да шестью гренадерскими ротами под началом генерал-майора Шипова «пройти все предместье Хотина и, расположившись у самого гласиса крепости, быть готовыми к дальнейшим действиям»[85]. Во втором часу дня турки сдались. А уже 20 августа приказом фельдмаршала Миниха было объявлено: «Господин генерал-маиор Апраксин посылается ко двору Ее Императорского Величества, того ради генеральное дежурство принять господину генерал-маиору князю Репнину»[86].

С.Ф. Апраксин должен был доставить Императрице Анне Иоанновне донесение графа Б.Х. Миниха, рассказывавшее, «каким образом вчерашнего числа Его ж могуществом Божеским и высоким Вашего Императорского Величества счастием славною и преизрядною Хотинскою крепостию мы овладели и трех-бунчучной Калчак-паша со всем гарнизоном военнопленными учинены»[87]. Из того же донесения мы узнаем, что мнение требовательного фельдмаршала о Степане Федоровиче Апраксине за два года не только не изменилось, но превратилось в стойкое положительное убеждение: «Дабы с такою важною ведомостию сего куриера не одержать, чрез сие не распространяю, но приемлю смелость сослаться на приложенный при сем обстоятельный на немецком языке журнал и на словесное доношение генерала-маиора Апраксина, которой чрез всю кампанию при мне дежурным и при всех оказиях был безотлучно и о всем известен, коего и рекомендую яко доброго и храброго солдата в высочайшую Вашего Императорского Величества милость…» [88] 3 сентября Апраксин прибыл в Петербург[89].

10 сентября 1739 г. генерал-майор Степан Федорович Апраксин «за привезенное им от фельдмаршала Миниха известие о взятии Хотина» был пожалован орденом Святого Александра Невского[90]. Может показаться несообразным награждение вторым по значимости русским орденом за такое сравнительно рутинное деяние, службу по сути курьерскую. Но, с одной стороны, награда за «сеунч», сообщение о победе, была старой традицией Московской Руси. А, с другой стороны, в России к 1739 г. существовали всего лишь три ордена: Святого Андрея Первозванного, Святого Александра Невского и Святой Екатерины. Последним награждали, за редкими исключениями, только женщин. Так что ассортимент

---

[84] Баиов А. Русская Армия в царствование Императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736—1739 гг. Кампания 1739 г. С.231-232.

[85] Там же. С.233, 235-236.

[86] Масловский Д.Ф. Ставучанский поход. С.99.

[87] Там же. С.174.

[88] Там же.

[89] Щукинский сборник. Вып.2. С.415.

[90] Бантыш-Каменский Д. Историческое собрание списков кавалерам четырех Российских Императорских Орденов… М., 1814. С.187.

наград был невелик… Кроме того, награда, излишне высокая для курьера, вполне подходила дежурному генералу победоносной армии, коим С.Ф. Апраксин и являлся. Вдобавок к ордену, Императрица произвела Степана Федоровича в премьер-майоры Лейб-гвардии Семеновского полка: «И жалованье ему получать ген[ерал]-майорское, и, что надлежит в прибавок к майорскому, оное додавать из остаточных при полку погодно, за расходами денег во всем…»[91]. Вместе с орденом и новым чином Апраксин получил еще и премию в 6 тысяч рублей[92].

Между тем, символическая роль С.Ф. Апраксина в последующих торжествах по случаю мира с Турцией была очень значительной. Что как раз подчеркивает – высокая награда Степана Федоровича неслучайна и заслуженна. 7 сентября 1739 г. в Константинополе был заключен мир между Русской Императрицей и турецким султаном. 27 января 1740 г. в Петербург были доставлены «ратификационные пункты» мирного договора. В тот же день состоялось вступление в столицу возвратившегося накануне[93] из турецкого похода Гвардейского отряда. Это было театрализованное триумфальное шествие, организованное в духе подобных мероприятий времен Петра Великого: «Впереди шла Конная гвардия с своими штандартами, с литаврами и трубами. Перед нею вели «заводных» офицерских лошадей, а сзади Конной гвардии ехали экипажи командиров в особом церемониальном порядке…» Первым следовал экипаж произведенного в генерал-майоры одновременно с Апраксиным майора Лейб-гвардии Семеновского полка Николая Ивановича Стрешнева (1706 – 1745), командовавшего на тот момент семеновцами. Этот экипаж «составляли следовавшие один за другим: шталмейстер его (Стрешнева. – Ю.С.) верхом, заводные лошади, карета – заложенная цугом, и походная коляска, покрытая сукном». Следом двигался «экипаж гвардии маиора Апраксина: шталмейстер его верхом, заводных лошадей три, цуговая карета, по обеим сторонам коей шли два гайдука, и походная коляска, покрытая красным сукном, цугом». Но в экипаже Апраксина не было. За апраксинским экипажем, выступал «экипаж командовавшего всеми баталионами гвардии» генерал-лейтенанта, генерал-адъютанта и гвардии подполковника барона Густава фон Бирона[94], в «команду» коего гвардии майор С.Ф. Апраксин был возвращен императорским указом в январе 1740 г.[95]

За экипажем Г. фон Бирона шли заводные лошади бироновские и штаб-офицеров Гвардейского отряда. Потом следовала артиллерия гвардейских полков. Далее верхом ехал квартирмейстер Лейб-гвардии Измайловского полка, за которым в пешем строю двигались ротные квартирмейстеры всех гвардейских полков. За ними верхом следовал адъютант С.Ф. Апраксина Родионов. За ним – адъютанты Измайловского и Преображенского полков. И уже за ними верхом ехал генерал-майор и гвардии майор С.Ф. Апраксин, за которым вели две его заводные лошади. Потом шли гренадерские роты трех гвардейских пехотных полков, два военных оркестра (хора музыкантов), за которыми верхом двигались обер-квартирмейстер и три адъютанта Г. фон Бирона. Потом верхом двигался и сам начальник Гвардейского отряда, генерал-лейтенант, гвардии подполковник и генерал-адъютант барон Густав фон Бирон, по бокам сопровождаемый пешими

---

[91] Бумаги Кабинета министров Императрицы Анны Иоанновны 1731—1740 гг. / Под ред. А.Н.Филиппова. Т. X. (1739 г. Июль - декабрь). Юрьев, 1909 // СИРИО. Т.130. С.247-248.

[92] Щукинский сборник. Вып.2. С.415.

[93] Там же. С.431.

[94] Внутренний быт Русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.1. М., 1880. С.278-279.

[95] Курукин И. В. Анна Иоанновна. С.169.

скороходами, а сзади – верховыми пажами и егерями. Потом маршировали гвардейские батальоны. Замыкали шествие верховые: адъютант генерал-майора и гвардии майора Н.И. Стрешнева и сам Стрешнев[96].

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» живописала: «Вся гвардия, как рядовые, так и офицеры, украшены были эмблемами мира: первые имели на шляпах «зеленые елевые» и дубового листу пучки, а офицеры на своих шляпах имели лавровые ветви»[97]. Урок превращения прохода войск в театрализованное зрелище был хорошо усвоен С.Ф. Апраксиным. В 1757 г. Степан Федорович сотворил истинное представление из перехода русских войск через реку Западную Двину, о чем сохранился восторженный отзыв очевидца[98]. Тогда головные уборы воинов апраксинской армии также украшали зеленые ветви…

Однако между возвращением в Петербург из-под Хотина и участием в триумфальном шествии Степану Федоровичу Апраксину пришлось принять участие в знаковом для царствования Императрицы Анны Иоанновны мрачном мероприятии. 31 октября 1739 г. было учреждено «Генеральное собрание» для суда над князьями Иваном Алексеевичем, Василием Лукичом, Иваном и Сергеем Григорьевичами, фельдмаршалом князем Василием Владимировичем и его братом Михаилом Долгоруковыми. Эти аристократы, еще со времен Петра Великого в большинстве своем имевшие серьезные заслуги на дипломатическом, военном и государственном поприще, большую силу приобрели в правление юного Императора Петра II. Молодой князь Иван Алексеевич Долгоруков стал фаворитом Императора, сестра князя Ивана – Екатерина Алексеевна – невестой Императора, отец Ивана и Екатерины, князь Алексей Григорьевич, вместе с братьями Иваном и Сергеем, а также прочей родней, практически управлял государством.

К 1739 г. все эти князья Долгоруковы уже девять лет как находились в опале и ссылке, лишенные имений. Князь А.Г. Долгоруков успел скончаться, а брат его С.Г. Долгоруков даже начал возвращение к дипломатической службе... Молодой же князь И.А. Долгоруков с сестрой, бывшей царской невестой, в сибирской ссылке частенько давал своему языку волю. Русские же люди, по доброте своей, регулярно извещали начальство о крамольной болтовне ссыльного князя. В августе 1738 г. очередной донос привел к аресту не только князя Ивана Алексеевича Долгорукова и двух его братьев, но и 60 человек из их сибирского окружения. Князя Ивана в Тобольске допрашивали и пытали, в результате чего он сознался в попытке князей Долгоруковых через подложное завещание Императора Петра II возвести на русский престол сестру князя Ивана. Уже в Сибири с арестованными вместе с князем И.А. Долгоруковым обошлись сурово: одному конвойному офицеру отрубили голову, нескольких священников выдрали кнутом и сослали в дальние сибирские поселения, а духовнику князя Ивана еще и вырезали ноздри... Самого же князя И.А. Долгорукова отправили в Шлиссельбург, поближе к столице[99].

Созданное для суда над князьями Долгоруковыми «Генеральное собрание» состояло из кабинет-министров, всех сенаторов, трех православных архиереев – первенствующих членов Святейшего Правительствующего Синода, а также из депутатов от придворного штата, гвардии, генералитета, Военной и Адмиралтейств-коллегий, Петербургской губернской канцелярии, от Ревизион, Коммерц и

---

[96] Хмыров М.Д. Исторические статьи. СПб., 1873. С.281-282.

[97] Внутренний быт Русского государства... Кн.1. С.279.

[98] Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Т.1. Ч.I-VIII. (Приложение к «Русской старине».) СПб., 1870. Стб.417-418.

[99] Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891. С.123-125, 126-127, 128.

Юстиц-коллегий[100]. Гвардию в «Генеральном собрании» представляли, по Петровской традиции, четыре майора – в том числе Степан Федорович Апраксин[101].

Уже в день своего созыва, 31 октября 1739 г., «Генеральное собрание» выслушало обвинительное заключение против князей Долгоруковых и приговорило: «Князь Ивана Алексеева сына колесовать и отсечь голову, а Князь Василью Лукину сыну, Князь Сергею и Князь Ивану Григорьевым детям отсечь головы ж, которая казнь при народном собрании в Новегороде им и учинена. А помянутые Князь Василий и Князь Михайло Володимировы дети Долгоруковы» были собранием также приговорены к смерти, но Императрица Анна Иоанновна их 1 ноября помиловала и приказала держать в ссылке[102]. Приговоренных к смерти казнили под надзором апраксинского отчима, А.И. Ушакова, в Новгороде 8 ноября.

После возвращения в родной полк С.Ф. Апраксин активно включился в местную хозяйственную жизнь. В Петербурге строилась слобода Семеновского полка, ставшая потом привычным столичным адресом («Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком…»). Обычно на строительстве трудились солдаты Семеновского полка, но для работ в праздники приходилось нанимать поденщиков. Это последнее обстоятельство заставило сформировать в Семеновском полку особую строительную комиссию в составе четырех офицеров под председательством премьер-майора Степана Федоровича Апраксина. Непосредственно Апраксин «наблюдал за правильностию наряда рабочих и их прилежанием»[103].

Согласно составленному 2 марта 1740 г. расписанию «о распределении в разные места генералов и прочих чинов», генерал-майору С.Ф. Апраксину назначалось служить при гвардии[104]. 4 марта он участвует в заседании комиссии, состоявшей из гвардейских штаб-офицеров под председательством Миниха, которая определила порядок застройки принадлежавших гвардейским полкам в Санкт-Петербурге слобод[105]. Через два дня Степану Федоровичу снова пришлось участвовать в следственных мероприятиях. 6 марта генерал-майор С.Ф. Апраксин вместе с генералом Чернышевым, камергером и вице-президентом Юстиц-коллегии эстляндских и лифляндских дел бароном фон Менгденом и советником Камер-конторы Эмме вошел в состав комиссии для рассмотрения дел о всех, розданных в частное владение, мызах, землях и деревнях в Ингерманландии, в Санкт-Петербургском, Ямбургском, Копорском, Шлиссельбургском, Кексгольмском и Выборгском уездах[106]. Участие в такой комиссии было для Апраксина своеобразным переходом из массы гвардейских штаб-офицеров и армейских генералов в «весовую категорию» государственных людей. Окончательное же превращение гвардейского офицера-семеновца в государственного человека произошло через три месяца, когда генерал-майор Степан Федорович Апраксин был командирован в Кизляр для встречи и сопровождения в Петербург Персидского посольства[107].

---

[100] Там же. С.131-132.

[101] Курукин И. В. Анна Иоанновна. С.298.

[102] Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII века. С.132-133; ПСЗ. Т.X. СПб., 1830. С.944-948, №7942.

[103] Карцов П.П. История Лейб-гвардии Семеновского полка. Ч.2. С.346.

[104] Баранов П. Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. II. С.636.

[105] ПСЗ. Т.XI. СПб, 1830. С.62. №8048.

[106] Там же. С.38-39. №8028; Баранов П. Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. II. С.639.

[107] Смотрите об этом: Соловьев Ю.П. Персидское посольство 1740–1742 гг. к Русскому Двору: парадоксы межкультурного взаимодействия // История. Общество. Политика. 2018. №2 (6). Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. Брянск, 2018. С.7-34 // http://www.clio-brgu.ru.

НА ОКРАИНАХ: СОСЕДИ, СЛУЖБА И БУНТ

КОМАРИЦКИЕ ДРАГУНЫ. ОБ ОДНОЙ НЕУДАВШЕЙСЯ СЛУЖИЛОЙ КОРПОРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена истории образованного в 1646 г. из дворцовых крестьян Комарицкой волости разряда служилых людей: драгун и солдат. Освещается неудачная практика боевого применения комарицких драгун, их криминальные нравы, оцениваются причины такого исхода попытки создания вооруженной приграничной группы служилого населения.

Ключевые слова: Московское государство во 2-й половине XVII – начале XVIII в., Комарицкая дворцовая волость, драгуны и солдаты, быт, военная служба.

Abstract. The article is devoted to the history established in 1646 peasants from the Palace Komaritsky volost discharge serving people: Dragoons and soldiers. Highlights bad practice combat application Komaritsky Dragoons, their criminal mores. The reasons of such outcome of attempt of creation of the armed frontier group of the serving population are estimated.

Key words: Moscow state in the 2nd half of XVII – beginning of XVIII century, The Palace Komaritsky volost, dragoons and soldiers, mode of life, military service.

Ю.П. Соловьев (Брянск)

Самое раннее, известное на сегодняшний день, прямое документальное упоминание Комарицкой волости относится к 1588 году[1]. Территория Комарицкой волости захватывала части исторических Севского, Трубчевского и Дмировского уездов Орловской губернии. Теперь это территории Брянской, Орловской и Курской областей РФ и Сумской области Украины[2]. К 1630 г. Комарицкая волость делилась на 4 стана: Брасовский, Глодневский, Радогожский и Чемлыжский. В тот год в волости насчитывалось 3209 дворов[3]. В 1667 г. дворов в Комарицкой волости было уже 4700[4]. Проживали в них 20964 души мужского пола и находились эти дворы в 219 селениях[5]. В наше время память о Комарицкой волости сохраня-

[1] Крашенинников В.В. История Севска и окрестных мест / Изд. 2-е, дополненное и уточненное. Т.I. Брянск, 2013. С.48, 50. Имеется в виду поданная в 1588 г. Царю Феодору Иоанновичу челобитная служившего по городу Путивлю дворянина («путимца») Савки Карпова сына Домнина (Новые документы о России конца XVI - начала XVII в. М., 1967. С.125).

[2] Святский Д. Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орел, 1908. С.5. Подробнее о составе Комарицкой волости смотрите: Крашенинников В.В. Ук.соч. Т.I. С.105-110.

[3] Подсчитано по: Книги разрядные, по официальным спискам, изданные с Высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. II. СПб., 1855. Стб.275, 277.

[4] Подсчитано по: Роспись перечневая ис переписных и дозорных книг Степана Борисовича Бутикова нынешнего 175 (1667) года / Публикация А.С.Ракитина // http://diderix.petergen.com/articles2.htm

[5] Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движе-

ется в названии одного из райцентров Брянской области – поселка городского типа Комаричи.

Население Комарицкой волости было весьма специфичным, о чем в 1908 г. писал историк и краевед Д.О. Святский: «К концу XVI в. … …здесь мы видим появление «гулящих» и «свободных» людей, холопов, покинувших своих злых хозяев, «воров» — в смысле тогдашних государственных преступников, бежавших от Московского застенка и Лобного места. Здесь правительственный контроль, по отдаленности от Москвы, был затруднителен. Да и само правительство ссылало сюда, в особенности же в последующее время, всяких преступников. Сами казаки и другие военные люди, поселенные здесь, также невольно заражались общим духом и вместе с прочими «гулящими» людьми давали полный простор своим действиям. Поэтому северная «Слободская» украина и в особенности Комарицкая вол[ость] издавна прославились задорным поведением своих жителей. Вероятно, пресловутый «Комаринский» мужик, воплощение разнузданной удали и своеволия, с его залихватской, нецензурной песнью ведет свое происхождение из Комарицкой волости. <…> В глазах Москов[ского] правительства комаричане даже не были русскими людьми, и недаром патриарх Иов (на самом деле святой патриарх Ермоген. – Ю.С.), когда здесь появился и привлек к себе общие симпатии Самозванец (Лжедмитрий I – авт.), назвал в своей грамоте Северскую украйну «прежде погибшею», т. е. давно погибшею землею»[6].

Действительно, еще в 1582 г. «лета 7090 марта во 12 день, Государь Царь и Великий Князь Иоанн Васильевич всея Русии приговорил со всеми бояры: … которой в жалобнице или в суде лжет и составит ябеду, ино того казнити торговою казнью, да написати в козаки в украйные городы Севск и Курск»[7]. Относительно города Севска следует сказать, что, по крайней мере, в 1620-1627 гг. воеводы посылались сюда с формулировкой: «В Комарицкую волость, в Севский острог» или «в Комарицкую волость, в Севск»[8]. С какого-то времени Комарицкая волость и вовсе числилась в Севском уезде. Однако волость была дворцовой и управлялась не севскими воеводами, а приказчиками, назначаемыми московским Приказом Большого дворца[9]. Ближе к дворцовым крестьянам были избиравшиеся из их среды старосты и целовальники. Повинности комарицких крестьян сложились из того, что волость, в которой они жили, находилась в царской личной собственности. Следовательно, за пользование такой собственностью полагалась плата, сродни арендной. Платой этой и была сумма исполняемых комаричанами повинностей и податей. Главной государственной повинностью жителей Комарицкой волости был так называемый «посоп», хлебный налог. Конфликтной же зоной во взаимоотношениях комаричан с властями стала воинская повинность. Дело в том, что в мирное время дворцовые крестьяне Комарицкой волости должны были выставлять вооруженных даточных людей для обороны нескольких крепостей. Обычно для этих целей выбирали 1 человека с 10 дворов, но могли взять и по

ния в России. Сборник статей к 75 летию академика Николая Михайловича Дружинина. М. 1961. С.65.

[6] Святский Д. Ук.соч. С.35.

[7] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т.1. СПб., 1841. С.271.

[8] Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. I. СПб., 1853. Стб.719, 761, 1030, 1127, 1234, 1343; То же. Т. II. СПб., 1855. Стб.74.

[9] Шеломанова Н.Б. Комарицкая волость и Севский уезд в первой половине XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С.192.

человеку с каждого двора. Также к воинским повинностям комаричан относилась обязанность съезжаться в случае боевых действий и предстоящей осады в определенные крепости с семьями и запасом продуктов, а, кроме того, строительство и ремонт укреплений и складов[10]. Ничего из перечисленных обязанностей по доброй воле комаричане исполнять не хотели.

Помимо земледелия и разбоя, комарицкие мужики занимались также бортничеством, рыболовством, ловлей бобров. По крайней мере, часть этих лесных промыслов была свободна от налогообложения[11]. Живший в России в начале XVII в. голландец Исаак Масса характеризует «волость, называемую Комарицкою», как «землю весьма плодородную, богатую хлебом, медом и воском, также льном и коноплей и населенную богатыми крестьянами»[12]. Богатство комарицких крестьян видно хотя бы по тем товарам, что возили к ним в волость на продажу. Скажем, 11 июля 1638 г. крестьяне находившейся тогда в польском подданстве новгород-северской деревни Коякович Федька Фролов и Гришка Иванов привезли в комарицкое «село Олешковичи и по иным селам и деревням» «продажново… товару: пищали винтовальные да платья — шубы, зипуны, шапки. Да… продажное вино»[13]. Другими словами, у комарицких крестьян предполагался спрос на предметы роскоши. Сами комарицкие мужики также немало занимались торговлей. И.Масса рассказывал, что в Калуге «всегда шла большая торговля солью с землей Северской, Комарицкой волостью и другими соседними местами, откуда привозили [в Калугу] мед, воск, лен, кожи и другие подобные товары…»[14] Те же товары вместе с калужской солью комаричане возили и в другом направлении, за литовский рубеж. Не брезговали в Комарицкой волости и контрабандой, из-за чего волостные власти и жители находились в постоянном конфликте с севскими воеводами. Словом, волость представляла собой своего рода «криминальный анклав», тесно связанный рядом интересов со столичной бюрократией, из среды которой назначались в волость приказчики.

20 августа 1646 г. был издан царский указ, адресованный вновь назначенным севскому воеводе Замятне (Василию) Федоровичу Леонтьеву и его помощнику Ивану Семеновичу Кобыльскому. Воеводам, согласно этому указу, поручалось управление Комарицкой волостью, крестьяне которой, «для того, что приходят на государевы украины крымские и ногайские люди и православных христиан побивают и в полон емлют», переводились в драгунскую службу[15]. Указ появился не на пустом месте: в августе - сентябре 1644 г. крымские татары Караш-мурзы прорвались в Комарицкую волость, где «повоевали» 17 деревень и 4 острожка. Только в Краснопольском острожке они захватили в полон 1000 комаричан[16]. 20-23 декабря 1645 г. крымские татары под началом своих «царей» Калги и Нурадина

[10] Шеломанова Н. Б. Ук.соч. С.194-195, 202-203.

[11] Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607. Л., 1951. С.114.

[12] Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Пер. А.Морозова. М., 1937. С.81.

[13] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Т.I. М., 1953. С.258.

[14] Масса И. Ук.соч. С.164.

[15] Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в. С.66; Шеломанова Н.Б. Ук.соч. С.206-207.

[16] Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948. С.337, 338-339, 347.

снова пожаловали в Комарицкую волость, где действовали с переменным успехом, но также захватили немалый полон[17].

После перевода комаричан в драгуны волостное управление у них сохранилось, однако же было передано из ведомства приказа Большого дворца в Разрядный приказ. Делами Комарицкой волости – прежде всего судом и расправой – должны были заниматься теперь севские воеводы и чиновники Разрядного приказа. 27 сентября 1646 г. Замятня Леонтьев прибыл в Севск и объявил комаричанам о перемене их положения: отныне они из тяглых дворцовых крестьян превращались в служилых людей приборного чина[18]. Для того чтобы лучше понять смысл перемены в сословном положении комаричан, позволим себе процитировать классическое определение служилых людей по прибору, принадлежащее В.О. Ключевскому: «Этот класс был соединительным звеном между служилыми людьми по отечеству (т.е. дворянами. – авт.) и тяглым населением. <…> …приборные люди содержались не поместными дачами, которые отводились в личное владение каждому, а либо денежным жалованьем, либо землевладением, но на особом праве, которое совмещало в себе черты поместного и крестьянского землевладения – казенная земля отводилась целым обществам таких пограничных военных поселенцев, как и крестьянам, но она отводилась на условиях поместного владения, в пожизненное пользование и с обязательством ратной сторожевой службы»[19].

Интересно, что советская историография с большой неохотой признавала перемену сословного статуса жителей Комарицкой волости. Известный советский историк А.А. Новосельский попытался представить перевод комарицких крестьян в драгуны просто как очередное увеличение для комаричан бремени повинностей и придумал в связи с этим забавный термин – «милитаризация крестьянства», до сих пор кочующий по соответствующей литературе. Новосельский демонстративно озаглавил свою статью 1961 г. «Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в.», словно отказываясь замечать, что никаких «дворцовых крестьян» во второй половине XVII в. в Комарицкой волости не было, а были драгуны – и с 1679 г. солдаты. Во всяком случае, документы той поры именно так именуют комаричан. «Покрестьянить» комарицкого драгуна – добром или насильно – было в те годы преступлением. Государство спрашивало с комарицких или севских драгун не тягло, а службу. Это подтверждается, например, протоколами переговоров, состоявшихся 19 ноября 1662 г. в Батурине между московскими послами и гетманом И.М.Брюховецким. Одним из пунктов переговоров стало требование возвращать из Малороссии в пределы Московского государства беглых подданных русского царя. Беглые же в названных дипломатических документах определены совершенно четко: «Московского государства городов служилые многие люди и севские (т.е. комарицкие. – авт.) драгуны, избываючи от служеб, а крестьяне от податей, …бежав, живут в Малоросийских городех…»[20] Кроме того, А.А.Новосельский в упомянутой своей статье делает лукавую оговорку: «Мы не имеем достаточно данных, чтобы судить о боевой готовности комарицких драгун»[21]. Ниже мы покажем, что данных о боевом применении комарицких драгун

[17] Там же. С.352-354; Учитель семинарии (Пясецкий Г.М.). Материалы для истории Орловского края при царях Алексее Михайловиче и Феодоре Алексиевиче // Орловские епархиальные ведомости. 1867. №16. 16 августа. Отдел неофициальный. С.1217.

[18] Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости. С. 66.

[19] Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.VI. Специальные курсы / Под ред. В.Л.Янина; Послесл. Р.А.Киреевой; Коммент. В.Г.Зимина, Р.А.Киреева. М., 1989. С.344.

[20] Книги разрядные, по официальным спискам. Т. II. Стб.993-994.

[21] Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости. С.70.

предостаточно – и как раз по таким сведениям, на наш взгляд, нужно судить о том любопытном феномене, который представлял из себя этот разряд приборных служилых второй половины XVII века.

Для службы в драгунах комаричане должны были выставлять по одному человеку со двора. За это их освобождали от платежа денежного, хлебного и медвяного оброка, от налога на содержание стрельцов. Но на содержании комаричан остались севские ямщики, которым в год следовало отпускать 400 рублей да 400 четвертей ржи и овса[22]. Как писал в 1846 г. русский историк И.Д. Беляев: «Драгуны более всех людей иноземного строя были близки к русским служилым людям; они состояли почти на одинаковых правах с стрельцами и козаками; так, они имели право торговать в городах и заниматься разными промыслами с теми же преимуществами, как и стрельцы». Главное преимущество заключалось в том, что драгунам не надо было «с посадскими людьми тягла… платить и служеб… служить»[23]. Мы вспоминали об интенсивной торговле, которую вели комаричане. Так что, ослабление тягла им было очень даже выгодно, поскольку позволяло не закладывать сумму тягла в продаваемые товары и выигрывать в цене при конкуренции с продавцами из тягловых классов. К тому же, они получили возможность пустить в коммерческий оборот освободившийся от посопа хлеб.

Но драгунам и самим, кроме того, полагалось денежное и хлебное жалованье[24]. Интересно, что А.А. Новосельский обошел молчанием вопрос о драгунском жаловании, который не укладывался в его концепцию драгунской службы как одного из способов эксплуатации комарицких крестьян – и только. Между тем, в июле 1658 г. каждый комарицкий драгун направленного в Киев полка Вилима Эглина (в полку числилось 1157 человек) получил по два рубля жалования[25]. Чтобы понять, велик или мал был драгунский оклад, надо знать, что лошадь в Севске в 1680 г. стоила два рубля[26]. И еще для сравнения: 7 августа 1670 г. по царскому указу взят был в московский Виноградный сад садовником «вместо киевских старцов» «камареченин» Гришка Карпов. Вероятно, человек в своем деле искусный – и должность ответственная. Так вот, годовое жалованье этого искусного садовника составило «полтора рубли»[27].

Правда, подход к оплате драгунской службы был у правительства, что называется, дифференцированный. Скажем, 2 июля 1661 г. рядовым комарицким драгунам, посылаемым из Севска в Путивль и Нежин, выплачивали аж по 10 рублей на человека[28]. За 1663 г. комарицкому рядовому драгуну выплачивали три рубля

---

[22] Там же. С.67.

[23] Беляев И. О Русском войске в царствование Михаила Феодоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. С.35. В 1649 г. было определено: «А которые в городех стрельцы, и казаки, и драгуны всякими торговыми промыслы промышляют, и в лавках сидят: и тем стрельцом, и казаком, и драгуном, с торговых своих промыслов, платити таможенныя пошлины, а с лавок оброк, а с посадскими людьми тягла им не платити, и тяглых служеб не служити» (Полное собрание законов Российской Империи (далее ПСЗ). Т.I. СПб., 1830. С.110).

[24] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. М., 1913. С.212, 230; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.15. М., 1908. С.313.

[25] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее - АЮиЗР). Т.XV. СПб., 1892. Стб.225, 220.

[26] Дела Тайного приказа. Кн.1 // Русская историческая библиотека (далее РИБ). Т.21. СПб., 1907. Стб.389.

[27] Дела Тайного приказа. Кн.3 // РИБ. Т.23. СПб., 1904. Стб.1367.

[28] Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук (далее – АМГ). Т.III. СПб., 1901. С.402.

деньгами и хлеба полчетверти (чуть больше 100 литров) ржаного, вероятно, зерна[29]. А вот посланным в тот же год в малороссийские города по распоряжению от 24 сентября 1663 г. «севским (т.е. комарицким. – авт.) драгуном 82 человеком Великого Государя жалованья не дано для того, что они в Севском уезде живут своими домами, и землею и всякими угодьи владеют»[30].

Когда по царскому указу от 4 марта 1671 г. на Дон против скопищ «вора и богоотступника и изменника Стеньки Разина» направлялся отряд копейного и рейтарского строю стольника и полковника Григория Ивановича Косагова, в отряд этот, среди прочих, приказано было включить тысячу драгун Севского разрядного полка (т.е. комарицких). При этом боярину и воеводе князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому поручалось выплатить ратным людям Косагова жалование: «Столнику и полковнику Григорью Косагову двадцать золотых червонных, начальным людем золотыми ж по твоему боярина нашего и воеводы разсмотренью, рейтаром по два, драгуном по рублю человеку, мелкими серебреными деньгами: да им же, для той посылки, в дорогу на корм, дать хлебных запасов». Князю Г.Г. Ромодановскому при раздаче жалования следовало передать воинам такие царские слова: «Чтоб они на нашу государеву службу шли и нам Великому Государю служили с радостию; а что им наше государево денежное жалованье ныне дано не сполна, и они б о том не оскорблялись, а наше государево жалованье полное дано им будет впред, и они б однолично на нашу государеву милость к себе были надежны и службы свои совершали, а служба их у нас Великого Государя в забвеньи николи не будет»[31]. Из этих слов видно, что выплата жалования в войсках нередко задерживалась.

Могли драгунам, как и прочим служилым Московского государства, выплачивать и своего рода премиальные, а также денежные компенсации за ранение или плен. Например, за участие в несчастливом для наших войск Конотопском сражении против украинцев гетмана Ивана Выговского и крымских татар (комарицкие или севские драгуны участвовали в этом бою в составе драгунского полка полковника Ивана Мевса[32]), согласно царскому указу от 1 марта 1660 г. рядовые драгуны, равно как и солдаты, получили по 50 четвертей хлеба и 3 рубля деньгами[33]. Раненым и больным рядовым драгунам, отпущенным после Конотопского боя домой, выплатили по 8 рублей, тогда как подобным же стрельцам и солдатам досталось по 6 рублей[34].

Случалось, впрочем, что приборные служилые, в том числе и драгуны, обманывали «работодателя». Так, 11 мая 1665 г. боярин и воевода Петр Васильевич Шереметев прислал из Севска в Москву роспись комарицким драгунам, которым «по наряду велено быть на государеве службе в Киеве» и которые, «взяв государево жалованье (по 4 рубля на каждого. – авт.), покиня дворы свои, з женами и з детми из Камарицкой волости збежали»[35].

---

[29] Смета военных сил Московского Государства на 1663 год / Сообщил Е.Сташевский. (Окончание) // Военно-исторический вестник. 1910. №5-6. Киев, 1910. С.82.

[30] АЮиЗР. Т.V. СПб., 1867. С.179.

[31] Дополнения к актам историческим, собранные Археографическою комиссиею (далее ДАИ). Т.6. СПб., 1857. С.64.

[32] АЮиЗР. Т.IV. СПб., 1863. С.224; Бабулин И. Б. Битва под Конотопом. 28 июня 1659 года. М., 2009.С.11,41.

[33] АМГ. Т.III. С.34, 35.

[34] Там же. С.314.

[35] Записные книги Московского стола // РИБ. Т.11. СПб., 1889.С.234.

Но вернемся в 1646 г. Тогда, помимо жалования, комарицким драгунам прислали из Москвы знамена, шпаги, 1000 пищалей немецких, мушкеты, 10 барабанов, 50 пудов пуль и 100 пудов пороха[36]. Для службы комаричане должны были содержать специальных боевых коней, не предназначенных для сельскохозяйственных работ. Первоначально воевода З.Ф.Леонтьев поверстал в драгуны 5125 комаричан, которые были разделены на три полка, в каждом полку по три роты (вернее, эскадрона-«шквадрона»), в каждой роте по 300 и более человек. Поскольку драгуны как род войск были европейским изобретением, то в качестве «начальных людей» для обучения комаричан прислали несколько десятков иностранных офицеров[37]. Семейных драгун обучали воинскому строю попеременно, одиноких – раз в неделю, чтобы не отвлекать их от сельскохозяйственных работ[38].

Что за публика попала под команду многоопытных иностранных офицеров видно из нашего предыдущего рассказа о комаричанах. Не молчат об этом и собственно драгунские документы. Скажем, при формировании комарицких драгунских полков в 1646 - 1647 гг. комарицкий же драгун Василий Лосев подал в Разрядный приказ челобитье « о льготе по службе в виду судного дела его в *Разбойном* (курсив наш - авт.) приказе»[39]. Или, вот, в 1654 г. в Разрядном приказе разбиралось дело об ограблении «посадского человека под Севском 4-мя драгунами Комарицкой волости»[40].

Не преминули продемонстрировать свой разбойный нрав комаричане и по отношению к командирам уже в самом начале драгунской службы. В ночь на 23 января 1643 г. четверо офицеров-иноземцев: майор Яган Герин, поручик Адам Адамов, Юрий Петров да Иван Беклер решили проверить караул вверенного им эскадрона драгун (более 300 человек, призванных из Чемлыжского стана Комарицкой волости), расположенный в деревне Горбуново Радогожского стана той же волости. Командовали караулом капралы из местных Клим Седой и Нехорош Семый[41]. Прибывшие в Горбуново офицеры не нашли на положенных постах ни одного драгуна, но когда добрались до караульной избы – увидели замечательную картину: «Знамя … внесено в избу, и сами де все спят [пьяные] в избе», «а государево знамя … на полатях коптит, … у всякого [каждого] из них по топору в руках». Когда командиры принялись будить своих драгун, те в ответ стали «бранить [офицеров] всякою неподобною лаю (лаем) и топорами на них замахивались». Когда один из офицеров упрекнул их в том духе, что к службе так не относятся, драгуны заявили: «Почто ты пришол? Мы твоево указу не слушеем и вперед слушеть не хотим»[42].

---

[36] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.15. С.313; Ракитин А.С. Служилое сообщество Севска и Комарицкой волости в системе обороны южного пограничья Московского государства в 20-40-х гг. XVII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Курск, 2015. С.65.

[37] Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости. С.67; Ракитин А.С. Служилое сообщество Севска и Комарицкой волости. С.64.

[38] Ракитин А.С. Служилое сообщество Севска и Комарицкой волости. С.63.

[39] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. С.152.

[40] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.13. М., 1903. С.78.

[41] Ракитин А.С. Непослушание драгун Комарицкой волости иноземцам начальным людям 1647 год // http://diderix.petergen.com/articles2.htm

[42] Ракитин А.С. Служилое сообщество Севска и Комарицкой волости. С.66-67.

Упорные немцы дело так, однако, не оставили. На рассвете майор Яган Герин потребовал проспавшихся драгун на учение. Те ни на учение, ни на смотр не явились. Напротив, все триста с лишним драгун «с рогатины и з дубиньем», предводительствуемые своими капралами Климом Седым, Нехорошем Семым, Ивашкой Онохиным и Филькой Шетохиным, направились в село Морево, в котором остановился на ту пору севский воевода З.Ф.Леонтьев. Вслед за драгунами бросился майор Герин с другими офицерами, нагнал бунтовщиков – и получил от них, что положено: по пути Клим Седой «ево моеора и товарыщей ево, которые с ним ехали, лаел и хотел их бить»[43].

И вот бунтовщики «скопом и заговором» предстали перед севским воеводой. З.Ф. Леонтьев, до крайности возмущенный, тут же при офицерах стал допрашивать Клима Седого сотоварищи: отчего те спали, бросив посты, внесли знамя в избу, бесчестили офицеров. Драгуны в ответ загудели «большим шумом»: «Намде немец не слушивать». Тогда воевода приказал сопровождавшим его стрельцам схватить четырех мятежных капралов, но те заорали, обращаясь к своим драгунам: «Атаманы де козаки, не выдайте». Ну, те и не выдали: «Учели бить и многих … севских стрельцов побили обухоми и кистенями». Интересно, что в руках комарицких драгун появляется такое специфично разбойничье оружие, как кистень… В конце концов, стрельцам удалось скрутить двух драгунских капралов – Седого и Онохина, а с ними шестерых рядовых мятежников. Прочие же драгуны ушли восвояси «с саблеми наголо и рогатины»[44].

На царское имя челобитные о защите чести и достоинства подали драгунские майоры Яган Герин и Николай Авлин[45], которого комаричане, потомки опальных московских ябедников, успели обвинить в вымогательстве[46]. Разбирать дело в Комарицкую волость из Москвы прибыл служилый человек Иван Бахметев. И тут московские власти продемонстрировали необъяснимую мягкость в обхождении с комарицкими разбойниками. Во-первых, Бахметев привез не замешанным в бунте драгунам царское «милостивое слово». Во-вторых, четверых зачинщиков бунта приговорили к битью кнутом, а двух капралов – Клима Седого и Нехороша Семого – к повешению. Но при этом предложили драгунам признать вину, после чего казнь обещали отменить. Действительно, комаричане составили на государево имя челобитную, в которой объясняли, что капралы затеяли мятеж, будучи пьяными и «с молодого ума». В итоге, капралов отправили в Москву, там простили и вернули на службу. Власти же Разрядного приказа со своей стороны порекомендовали офицерам впредь учить комарицких драгун «с тихостью и не с большим оскорбленьем, чтоб им к нашей службе исподволь быть привычными»[47].

При таком, можно сказать, нежном со стороны Москвы отношении, стоит ли удивляться, что опыт первого же боевого применения комарицких драгун закончился катастрофой? Надо сказать, что до 1654 г. комаричан учили, сводили в полки, отправляли на сборы, например, в Яблонов, но до соприкосновения с вооруженным противником дело у них не доходило. И вот большая часть поверстанных для службы в 1654 г. драгун Комарицкой и Крупецкой волостей пошли на Украину с прежним севским воеводой Андреем Васильевичем Бутурлиным[48]. В

---

[43] Там же. С.67.

[44] Там же.

[45] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. С.182.

[46] То же. Кн.15. С.313.

[47] Ракитин А.С. Служилое сообщество Севска и Комарицкой волости. С.68.

[48] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.15. С.312, 313, 314.

дорогу этим последним были отпущены хлебные запасы[49]. Воеводе А.В.Бутурлину было тогда приказано: «С севскими ратными людми и с комарицкими драгуны быть на …государеве службе в Запорогах …Царского Величества войска Запорожского с гетманом с Богданом Хмелницким вместе и над полскими и литовскими людми промышлять сопча, сколко милосердый Бог помощи подаст»[50].

К 22 августа 1654 г. войска Бутурлина достигли украинского Фастова. Здесь воевода получил еще один приказ: двигаться вместе с гетманом Хельницким к Луцку, к которому направлены были также московские войска князя Алексея Никитича Трубецкого. Действовать все эти силы должны были против польского коронного войска. Бутурлин выступил в поход 25 августа, Хмельницкий – на следующий день. Встретились они в Романовке[51]. С 6 по 15 сентября союзники простояли под Бердичевым, причем Бутурлин постоянно понуждал Хмельницкого идти дальше. Гетман отказывался под предлогом малочисленности войск Бутурлина и потому еще, что не верил в приход под Луцк войск князя А.Н. Трубецкого. Кроме того, Хмельницкий, вроде бы, получил известия о том, «что полской король с гетманы и со всем корунным войском идет против ево гетмана под Дубну, а Дубна от Бердичева в дватцати милях. А что де к нему гетману хотели быть на помочь болшого Нагаю мурзы с татары… и те де татаровя ему гетману солгали, поворотились назад… »[52] В конце концов, как раз 15 сентября Хмельницкий послал все же пять казачьих полков к Луцку.

Но от долгого похода и стояния на месте в войсках Бутурлина начиналось нестроение, о чем воевода писал 13 октября 1654 г.: «А у меня… во обозе ратным людем в запасех стало оскуденья болшоя и многия драгуны, от оскуденья запасов, пошли для корму под полские городы в Подлесья, конные и пешие, без моево… ведома. И будет… ево гетманова стоянья в пустых местах будет в зимнему времени, или он гетман поворотитца назад к Чигирину или в Белой Церкви, и комарицким драгунам и досталным будет розбежатца и… государевы казны, наряду и зелья и свинцу, и всяких пушечных запасов оберегать и везти будет некому…»[53] Все случилось именно так, как предсказывал опытный воевода. 19 ноября А.В. Бутурлин писал, обращаясь к царю Алексею Михайловичу: «Меня… постигла болезнь, а товарыща… со мною… нет; и как меня… постигла болезнь, и …комарицкие драгуны, стоя у Белой Церкви и в иных… черкаских пограничных городах, многие обеззапасели и от голоду, а иные пропились и проворовались (!), и покиня… государеву зелейную и свинцовую казну и норяд, и меня…, с… государевы службы побежали по домом, а я… остался и стою у Белой Церкви не со многими людми… А как… они комарицкия драгуны учали с… государевы службы бегати, и о том… их побеге драгунском… преж сего писал я… многижды… И о том, Государь, что комарицкие драгуны розбежались и что со мною холопом твоим малолюдно, и о зелейной и свинцовой казне, и о норяде, вели свой государев указ учинить»[54]. Вот так скверно показали себя комарицкие драгуны в первом же своем дальнем походе. Но это, увы, было только начало.

Указ, о котором просил воевода А.В. Бутурлин, был подписан царем Алексеем Михайловичем 28 декабря 1654 г. и адресован боярину и воеводе

---

[49] То же. Кн.18. С.198.
[50] АЮиЗР. Т.XIV. СПб., 1889. Стб.69.
[51] Там же. Стб.69-71.
[52] Там же. Стб.71-72.
[53] Там же. Стб.72-73.
[54] Там же. Стб.75-76.

В.Б.Шереметеву сотоварищи. В первом же абзаце указа говорилось: «А с ратных людей, которые из государевой службы не съезжали, велено их похвалить, а с голов, которые своровали, покиня знамена, с государевы службы сбежали, велено бить кнутом, а беглецов пущих заводчиков бить батоги нещадно»[55].

Мы видим, таким образом, что характерная еще для дворцовых крестьян Комарицкой волости склонность к побегам, в полной мере сохранилась и при переводе этих крестьян в служилое сословие. Интересно, что задолго до начала своей боевой деятельности, комарицкие драгуны не просто бегали из своих сел и деревень, но предпочитали записываться в крепостные крестьяне, положение которых считали гораздо выгоднее царской службы[56]. К тому же беглые комарицкие драгуны иной раз совсем не хотели себя вести тихо, образовывали разбойничьи группы и портили жизнь новым соседям. Например, в 1673 - 1676 гг. рыльские помещики Федор Износков, его сын Леонтий, а также Григорий и Иван Самойловы «с братьями и товарищи» несколько раз жаловались в Москву на поселившихся на их землях беглых комарицких драгун, повинных «в воровстве и во всяком разоренье». Главарями этого разбойничьего гнезда были севский (комарицкий) драгун Иван Бойкин и рейтар Ефим Круговой. В одной из жалоб на них говорилось, что «построились насильством беглые комарицкие драгуны и всяких чинов люди.., и те люди татьбы и разбой держат». Посланных «по них» рыльским воеводой стрельцов и понятых беглые комаричане встретили в полуверсте от деревни «с копьи и с рогатины и с пищали, хотели побить и в деревню не пустили»[57]. Занятно, что, в свою очередь, многие крепостные находили для себя выгодным бежать как раз в Комарицкую волость и записываться там в драгуны.

Помимо дезертирства комарицкие драгуны придумали еще один способ уклонения от службы – посылали вместо себя в войско специально нанятых для этой цели людей. Например, в феврале 1668 г. севский воевода князь Никита Яковлевич Львов писал в Москву, что среди отправленных на службу в Глухов комарицких драгун «за иных, чаять, многие и наймиты были (или ребяты малые)»[58]. Знаменитый шотландец Патрик Гордон, в командовании которого при обороне Чигирина в 1678 г. находился полк комарицких драгун, записал в своем дневнике 7 июля указанного года, что среди его комаричан также «были те, кто… послал вместо себя наемников или прислугу»[59]. В 1673 г. представлявший Тайный приказ стольник Федор «Меньшой» Григорьевич Хрущов и вовсе производил сыск «о наемщиках вместо камарицких драгунов, что в Киев пошли»[60]. Тот, кто пользовался подобным способом уклонения от службы, имел, вероятно, весьма приличный достаток. Таким образом, можно предположить, что менее зажиточные комаричане сами бегали со службы, а более состоятельные – посылали вместо себя наемников.

Между тем, практически каждая документальная запись об участии в боевых действиях комарицких драгун сопровождалась сообщением о бегстве и розыске этих неспокойных служивых. В 1658 г. произошла очередная ротация московских войск на Украине, в результате чего знакомый нам воевода окольничий А.В. Бутурлин был отозван в Москву, а в Киев направлены воеводы боярин Василий Бо-

---

[55] ПСЗ. Т.I. С.355. №142.

[56] Ракитин А.С. Служилое сообщество Севска и Комарицкой волости. С.70.

[57] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. С.352, 359.

[58] Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости. С.70.

[59] Гордон П. Дневник 1677—1678 / Пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова. М., 2005. С.51.

[60] РИБ. Т.21. Стб.538.

рисович Шереметев, стольник князь Юрий Никитич Борятинский и Иван Иванович Чаадаев. В войска, поступившие в распоряжение названных воевод, назначили «быть полковнику драгунскому Вилиму Эглину, а с ним камарицких драгунов тысяча человек»[61]. Если говорить точнее, то в полку Эглина было 20 начальных людей и «комарицких драгунов 1159»[62]. Новые киевское воеводы, следуя к месту назначения, дважды писали «в Севеск к полковнику к Вилиму Эглину, чтобы он с начальными людми и с драгуны в Севску збирался не мешкая и к …приходу (воевод)… был бы готов со всем своим полком, чтоб за збором драгунским в Севску… мотчанья не было»[63]. Но когда 31 мая воеводы сами прибыли в Севск, оказалось, что в полк Вилима Эглина собралось лишь 400 комаричан… Подполковник Христофор Граф объяснил воеводам в очень привычном уже для Комарицкой волости духе, что «посылали начальных людей высылать драгунов многожды, и драгуны де учинились непослушны, в полк не поехали». Тогда уже воеводы «для высылки драгунов, каторыя непослушны, послали из Севска сотника московских стрелцов Макея Мардвинова…, и велели ему драгунов, каторыя непослушны и в полк к полковнику в Севеск не поехали, чинить накозанья и выслать их велели, в Севеск тотчас»[64]. И это при том, что воеводы привезли денежное жалование – по 2 рубля на каждого драгуна.

16 августа 1658 г. под Киев пожаловали украинские казаки и крымские татары Данилы Выговского, брата мятежного малороссийского гетмана Выговского Ивана: «А з гетманом з Данилком было войска их, сказывали языки, с пятдесят тысяч, да татар шесть тысяч» [65]. В русском же гарнизоне Киева у боярина В.Б.Шереметева конных и пеших воинов набралось всего 3400 человек. В том числе «комарицких драгунов 400 человек»[66]. Это означает, что больше собравшегося в Севске еще до приезда воевод количества комаричан в полк Вилема Эглина ни обещанием жалования, ни наказаниями согнать не сумели...

В то же время, когда мятежные украинские казаки штурмовали Киев, их сподвижники из Глухова напали на соседнюю с Комарицкой Крупецкую волость Севского уезда. 27 марта 1659 г. под Севск приходили не только украинские казаки-черкасы, но и крымские татары вместе с ними. И в такие тревожные времена дезертирство комаричан со службы продолжались непрерывно, то есть бегали они и от своих, и от чужих – хотя, всерьез говоря, непонятно, кого на самом деле они считали своим. Скажем, в 1659 г. драгун Комарицкой волости направили в Гродно[67]. И вот уже немного погодя властям приходится освобождать из тюрьмы комаричан, которые «сбрели» со службы из-под Полоцка[68]. А в 1660 г. комарицкие драгуны «с бедности сбрели с Киева», где несли караульную службу, были «сысканы» драгунским капитаном Ф. Грецовым и возвращены в Киев[69]. 19 ноября 1662 г. в Батурине, на переговорах с гетманом Иваном Мартыновичем Брюховецким, представлявшие интересы Русского Царя Алексея Михайловича дьяки Дементий Минич Башмаков и Евстрат Фролов специально поднимали вопрос о беглых севских, т.е. комарицких, драгунах: «Ведомо Великому Государю Царю и Ве-

---

[61] АЮиЗР. Т.XV. Стб.191-192.
[62] Там же. Стб.219.
[63] Там же. Стб.223-224.
[64] Там же. Стб.224-225.
[65] Там же. Стб.284.
[66] Там же.
[67] РИБ. Т.21. Стб.142.
[68] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. С.229.
[69] Там же. С.212.

ликому Князю Алексею Михаиловичю… учинилось, что Московского государства городов служилые многие люди и севские драгуны, избываючи от служеб, а крестьяне от податей, так же и порубежных городов Карачевских, Брянских, Рыльских, Путивлских и иных порубежных мест помещиковы и вотчинниковы люди крестьяня, разоря помещиков и вотчинников своих домы и всякие пожитки, бежав, живут в Малоросийских городех и в уездех и на будах и на винницах, а иные и ныне бегают, чтоб им жить в волях своих. И Великий Государь… указал нам, тебе гетману и всей старшине войска Запорожского говорить, чтоб во все Малоросийские городы послать уневерсалы под войсковым жестоким караньем, и велеть тех всех прежних и нынешних перебещиков Московского государства всяких чинов людей в городех и в уездех и на будах и на винницах сыскать и переписать по имяном, и кто где живал, а переписав отослать всех по росписям в те городы и уезды, кто откуды бежал, а впредь бы учинить заказ крепкой под смертною казнью, чтоб Московского государства служилых и всяких чинов людей и боярских холопей и крестьян в Малоросийские городы ни кто не принимали…» На это заявление гетман Брюховецкий со своей старшиной отвечал, «что ныне тому делу статися нелзе для того, чтоб здешние стороны Днепра люди, услыша о том договоре, под час нынешняго королевского приходу (имелась в виду предстоящая война с польским королем. – Ю.С.), к нему королю не передались, толко де убойцов, татей и всяких злодеев гетман и войско, по Перясловской по шестойнадесять статье (речь идет о статьях договора, принятых в 1654 г. на Переяславской раде. – Ю.С.), не защищает, а как де война минуетца, и в тот де час будет мочно»[70].

И война началась. Осенью 1663 г. польский король Ян Казимир занял присягнувшую было московскому царю Правобережную Украину и переправился с войском и союзными ему крымскими татарами на левый берег Днепра. Как же вели себя в это время комарицкие драгуны? Скажем так – вполне предсказуемо.

В 1663 - 1664 гг. проходил сыск в Кромском и Рыльском уездах беглых драгун Комарицкой волости, «живших за игуменом Волынской пустыни-Никольского монастыря Феодосием», с последующим водворением этих драгун «по месту прописки»[71]. Особенно же вопиющий случай по этой части произошел в 1665 г. в Киеве, о чем сообщали царю Алексею Михайловичу в челобитной киевский воевода с начала с мая 1665 г. князь Никита Яковлевич Львов и дьяк Денис Савлуков: «По твоему Великого Государя… указу, вселено быть в Киеве на… службе севским (т.е. комарицким. – авт.) драгуном, которые присланы в Киев с Иваном Образцовым; а приняли… мы тех драгунов у Ивана Образцова 627 человек (по другим данным 624 человека вместо 700[72]. – Ю.С.), и велели… у тех севских драгунов быть полковнику драгунскому Ивану Юнкману его ж полку с начальными людми; а как мы… в Киев приехали, и у Ивана Юнкмана толко было драгунов в полку его 14 человек, а то все розбежались» [73]. Другими словами, от предыдущей смены комарицких драгун в Киеве после побегов осталось в полку Юнкмана лишь 14 человек!.. Во втором, служившем в Киеве комарицком полку, дела обстояли еще хуже. Князь Н.Я. Львов и дьяк Д. Савлуков писали об этом: «А которые… начальные люди драгунского строю полуполковника Лаврентья Франзбекова деветь человек, да к тому ж полку на Лаврентьево место прислан полуполковник Кондрат Ленорт, а драгуны того полку розбежались до нас…, и тех… начальных

[70] Книги разрядные, по официальным спискам. Т. II. Стб.993-995.

[71] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. С.254.

[72] АЮиЗР. Т.V. СПб., 1867. С.286-287.

[73] АЮиЗР. Т.VI. СПб., 1869. С.45.

людей Лаврентьева полку Франзбекова и полуполковника Кондрата Ленорта отпустили к… Великому Государю… потому, что им быть не у кого»[74].

Справедливости ради следует сказать, что еще 6 января 1665 г. в «Иванове полку Юнкмона» оставалось 23 драгуна, а у подполковника Лаврентья Франзбекова «в шквандроне драгунов 16 человек». При этом, как писали в Москву предшественники князя Н.Я.Львова на воеводстве: «Прокормитца ныне в Киеве Великого Государя ратным людем нечим никакими мерами, потому что денежной казны и хлебных запасов в Киеве нет и приходу хлебных запасов ни откуды нет же, потому что около Киева все местечки от неприятеля в осаде, а из Переяславля и из Нежина и из иных городов тое стороны хлебных запасов в Киев привозу ничего нет же, и от великия скудости и от голоду ратные люди, рейтары и салдаты и стрелцы, бегут врознь безпрестанно, по 10 и по 15 человек; а досталные ратные люди в Киеве безпеременно на караулех стоят денно и ночно безпрестанно, наги и боси и голодни»[75].

Воевода князь Н.Я. Львов с дьяком Д. Савлуковым продолжают рассказ о комарицком пополнении лета 1665 г.: «А нынешние… драгуны севские, которым… велено на… службе с нами… быть, забыв страх Божий и… Государево крестное целование, учали с… службы бегать прошлого 173 году июня с 14 числа; и о том их побеге мы… писали преж сего в розных месяцех и числех и беглецом имянные росписи под отписками прежними посланы. А по многие… ночи драгуны бежали с караулу, покиня стену городовую без караулу. А октября… по 2 число июня с 14 числа бежало драгун 315 человек»[76]. То есть, из прибывшей в июне 1665 г. новой партии из 624 или 627 комарицких драгун к октябрю того же года дезертировала уже половина.

Князь Н.Я. Львов с дьяком Д. Савлуковым «говорили многижда» командиру комарицких драгун полковнику И. Юнкману и «наемным его полку людем», чтобы «они над драгуны смотрили и берегли их и бегать им не давали». На это многоопытные немцы отвечали философски: «Беречь нам их драгунов от побегу не уметь, и преж де сего они безпрестани бегали»[77]. Тем не менее, неугомонные воевода с дьяком дела так не оставили и придумали выпускать драгун в караулы под своеобразным конвоем: «Видя… драгунское такое воровство и опасаясь от неприятеля, чтоб над городом какова дурна не учинили, потому что стена городовая по многие ночи от побегу их воровского была без караулу, велели тех остаточных воров драгунов 312 человек у полковника у драгунского взять и отдать, росписав, в стрелецкие приказы голов стрелецких Ивана Мещеринова, Ивана Лопатина, Михайла Кабанова, а быть им велели из их приказов на стрелецких караулех с стрелцами их приказов вместе, и приказали их беречь, чтоб и те досталные драгуны не розбежались. А тое… городовую стену, где драгуны стояли на караулех, велели обнять их же стрелецких приказов стрелецкими караулы»[78]. Оставшиеся без подчиненных драгунский полковник Иван Юнкман и его офицеры обратились к Царю с просьбой об отпуске их из Киева, а склочные комарицкие драгуны тотчас же отписали в Москву челобитную «о позволении им служить службу по-прежнему селами и деревнями вместе со своими братьями и родича-

[74] АЮиЗР. Т.V. С.287.
[75] Там же. С.235.
[76] АЮиЗР. Т.VI. С.45.
[77] Там же. С.45-46.
[78] Там же. С.46.

ми»[79]. В конце 1665 г. князя Н.Я. Львова отправили на воеводство в Севск, а в Киев прибыл прежний севский воевода боярин П.В. Шереметев. Тот с ходу послал в Канев «севских драгунов 200 человек, и те де драгуны из Канева разбежались…»[80]

Понятно, однако, что при всем своем гуманном настрое, правительство такие безобразия комаричан оставить без внимания не могло. Но комарицкие драгуны, словно бы испытывая царское терпение, в июне 1666 г. и в марте 1667 г. подавали коллективные челобитные с просьбой отставить их от драгунской службы и взимать вместо нее по-прежнему «посопный» (хлебный) налог[81]. В ответ на все это из Москвы в Комарицкую волость был послан опытный чиновник Степан Борисович Бутиков. А.А. Новосельский в своей статье представил статус Бутикова равнозначным прежним приказчикам, направлявшимся в первой половине XVII в. приказом Большого Дворца для управления дворцовыми крестьянами Комарицкой волости. Историк изображает Степана Борисовича едва ли не как покровителя и защитника «умученных от воевод» несчастных комаричан[82]. Документы, однако, обозначают положение Бутикова иначе. В челобитной на царское имя, отправленной 3 сентября 1667 г., глуховский воевода Мирон Лаврентьевич Кологривов прямо называет должность Бутикова – сыщик[83]. Сыщик в XVII в. – это особый чиновник, посылаемый для отыскания беглых, разбойников и воров, а также для произведения розысков в чрезвычайных случаях[84]. Надо полагать, таким «чрезвычайным случаем» и было в глазах правительства повальное дезертирство комаричан.

Действительно, С.Б.Бутиков послан был в Комарицкую и Крупецкую волости прежде всего «для сыскивания беглых драгун и поселения их на прежних местах и для высылки драгун на службу». Полномочия он имел самые серьезные и мог наказывать драгун «до повешения включительно» за укрывательство от службы и побеги с нее[85]. Сопровождал Бутикова целый штат чиновников[86]. Разбирался Бутиков и с награбленным комаричанами в военных походах имуществом[87]. Дел было так много, что следствие по разбою – ведь никто тогда не отнимал у Комарицкой волости старой славы разбойничьего гнезда – приходилось вести «помимо Бутикова»[88]. Одновременно в 1667 г. Бутиков переписал селения и жителей четырех станов Комарицкой волости. И, однако же, на время правления Бутикова пришлась самая серьезная измена комарицких драгун Царю, Отечеству и присяге своей.

После присяги на верность русскому царю гетмана И.М. Брюховецкого и казачьей старшины, после совместной трехлетней войны против поляков москов-

---

[79] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. С.284.

[80] АЮиЗР. Т.VI. С.147.

[81] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. С.282, 283; Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости.С.69.

[82] Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости. С.69.

[83] АЮиЗР. Т.VII. СПб., 1872. С.25.

[84] Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т.IV. СПб., 1847. С.260.

[85] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. С.282, 283.

[86] Там же. С.283, 284, 285, 287.

[87] Там же. С.285.

[88] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.13. С.229.

ские власти начали распространять на Украине ту же форму правления, которая существовала в Московском государстве. В малороссийские города были направлены московские воеводы, которые, в свою очередь, разослали в местечки, села и деревни сборщиков налогов. Также для точного обложения государевым тяглом малороссов была проведена на Украине перепись населения. Все эти мероприятия вызвали всеобщее недовольство. В первый день нового 1668 г. в городе Гадяче состоялся съезд казачьих полковников, на котором гетман И.М. Брюховецкий заявил, что принял московское подданство и связанные с этим обязанности по принуждению. В итоге решили: соединиться с гетманом Правобережной Украины П.Я. Дорошенко и совместно отдать Украину в подданство турецкому султану. Полковники этот план одобрили и разъехались поднимать свои полки.

Избиение русских воевод украинские изменники назначили на 8 февраля 1668 г. Они учитывали, что московских войск при воеводах было тогда немного. В разных городах и события разворачивались по-разному. В Гадяче расправой руководил сам Брюховецкий. Здешний воевода Е. Огарев был ранен в голову, убиты 70 стрельцов и 50 солдат. Особо надругались гадячские изменники над воеводской женой: ее простоволосую водили по городу, а потом отрезали одну грудь[89]… Сдался под напором превосходящих сил воевода полтавский[90], попали к мятежникам в плен и были отданы (или проданы) ими татарскому хану в Крым воеводы сосницкий В.Б. Лихачев, лубенский Ф.И. Бибиков, миргородский М.Б. Приклонский, прилуцкий К.А. Загряжский, батуринский Т.Д. Клокачев[91]. При этом, как пишет украинская летопись Самовидца, «воевод побрали, а людей при них будучих погубили»[92]. В Стародубе, где царю изменил местный полковник, оборонялись в остроге, погибли, но не сдались 250 русских воинов во главе с воеводой князем стольником Игнатием Григорьевичем Волконским[93]. В Новгороде-Северском до последнего бился воевода стряпчий Исай Максимович Квашнин. Он лично зарубил в рукопашной схватке больше десяти запорожцев, пока не сразила его мушкетная пуля[94]. Удалось выдержать осаду и дождаться подхода русских сил лишь черниговскому воеводе стольнику Андрею Васильевичу Толстому[95].

Зрел мятеж и в Глухове, куда по царскому указу 3 сентября 1667 г. С.Б. Бутиков прислал 500 комарицких драгун на смену стоявшей здесь прежде тысяче комаричан[96]. И вот 27 января 1668 г. в Глухове «почела быть шатость болшая»[97]. В это время у глуховского воеводы Мирона Лаврентьевича Кологривова под началом набиралось всех ратных людей лишь 350 комарицких драгун из положенных пятисот. Дело в том, что по распоряжению киевского воеводы боярина П.В.Шереметева Кологривов был вынужден послать в Батурин 60 драгун, а в Прилуки, Лубны и Сосницу по 30. На вооружении малого городка в Глухове состо-

---

[89] Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн.VI. История России с древнейших времен. Т.11-12. / отв. ред. И.Д.Коваленко, С.С.Дмитриев. М., 1991. С.355.

[90] Костомаров Н.И. Руина // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т.15. СПб.-М., 1882. С.205.

[91] Дворцовые разряды. Т.III. СПб., 1852. Стб.844.

[92] Літопис Самовидця. Київ, 1971. С.104.

[93] Там же; Дворцовые разряды. Т.III. Стб.844; АЮиЗР. Т.VII. С.26; Костомаров Н.И. Руина. С.200, 205.

[94] АЮиЗР. Т.VII. С.48; Дворцовые разряды. Т.III. Стб.845.

[95] Костомаров Н.И. Руина. С.206.

[96] АЮиЗР. Т.VII. С.25.

[97] Там же. С.22.

яли «3 пушки железные», но к пушкам этим не было у воеводы пушкарей. И пороха для ружей вовсе не было[98]. Наблюдая происходящее в Глухове и его пригородах, воевода Кологривов трижды – 22 и 26 января и 2 февраля 1668 г. – писал «в Севской уезд к Степану Бутикову о присылке драгунов другие половины пяти сот человек; и февраля… по 6 число он Степан в Глухов тех драгунов не присылывал, неведома для чего»[99].

8 февраля 1668 г. к Глухову подошел мятежный запорожский полковник А.Урбанович, а с ним «конных и пехотных казаков с полторы тысячи человек». Запорожцы, к которым присоединились жители Глухова и окрестностей, сбили московские караулы в большом городе Глухова и предложили воеводе Кологривову «Великого Государя ратных людей вывесть из малого городка добром». В противном случае пообещали пойти на приступ. В пятом часу ночи воевода отправил в Москву с драгуном Кондрашкою Григорьевым сообщение царю: «А в Глухове, Государь, в малом городке со мною… твоих… ратных людей драгунов толко 341 человек. А Степан Бутиков из Севского уезду, против твоего… указу, драгунов другие половины пяти сот человек февраля по нынешнее 8 число не присылывал. Да в Глухове… наряду и зелья пушечного и ядер мало, а ручного зелья, фетилю к пушкам пушкарей и нет…»[100]

Но 10 февраля, после очередного предложения о сдаче, события в Глухове приняли такой оборот: 12 драгун деревни Лепешкиной Чемлыжского стана Комарицкой волости первыми перебежали на сторону врага. Потом побежали и остальные комаричане. Среди имевших отношение к этому делу документы упоминают драгунов Юрку Шонина и Проньку Васильева Ручья из деревни Берестка также Чемлыжского стана[101]. Глуховского воеводу предали мятежникам, которые вывели его из города и «стяли», то есть изрубили, но не до смерти. Потом М.Л.Кологривова заковали в кандалы, и так держали, пока не отдали, как и других воевод, в Крым, татарам[102].

В этом случае комарицкие драгуны, наконец, «добегались» до виселицы. Севский воевода князь Н.Я. Львов, который, напомним, наблюдал художества комаричан в Киеве, в связи с глуховской историей писал в Москву, «что комарицкие драгуны уже неоднократно разбегались со службы из Киева и других городов, даже из Севска, «а знатное дело, что из Глухова драгуны, убоясь черкас, убежали, потому что *драгуны худые людишка* (курсив наш. – авт.), а за иных, чаять, многие и наймиты были (или ребяты малые), да и воеводе стало ненадежно на драгунов за их худобою»»[103]. Пожалуй, впервые власть констатировала, что проблемы комарицких драгун состоят не в каких-то чрезмерных служебных, налоговых или бытовых тяготах, а просто в том, что драгуны эти – дурной человеческий материал, «худые людишки»… Розыском «глуховских переметчиков» помимо С.Б.Бутикова занимался подьячий О.Ермолаев. По крайней мере, двоих изменников-комаричан действительно повесили. Но не обошлось и здесь без приключения, потому что повешенных самовольно обрубил с веревок путивльский казак Федор Шумов, за что и был наказан[104].

---

[98] Там же. С.25-26.

[99] Там же. С.25.

[100] АЮиЗР. Т.VII. С.27.

[101] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. С.285-286.

[102] АЮиЗР. Т.VII. С.48, 88, 107; Дворцовые разряды. Т.III. Стб.844.

[103] Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости. С.70.

[104] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. С.286.

При этом Бутиков, упорно защищавший перед севским воеводой преступивших закон комаричан, как-то не особенно желал оборонять вверенную ему территорию от вражеских набегов. Дело в том, что в феврале 1668 г. запорожцы того же полковника Урбановича, захватившие Новгород-Северский, принялись совершать набеги на Комарицкую волость[105]. Бутиков в это время почел за благо укрыться в городе Карачеве, за что позже оправдывался перед Москвой[106]. В июне 1668 г. Бутиков и вовсе подал в Москву челобитную «о своей сильной болезни и о невозможности для него исправно делать государево дело и оберегать Комарицкую волость от изменников-черкас»[107]… Вот такой из него получился «защитник».

Более того, Бутиков, что называется, «доуправлялся» до появления в Комарицкой волости нового самозванца: «Камарицкой волости драгун Тараска Сизиков при воеводе при Степане Бутикове воровал, назывался крымским ханом, и за то воровство он, Тараска, пойман и сослан к Москве, а с Москвы в Сибирь»[108]. Возможно, это одно и то же лицо с сосланным в Сибирь комарицким драгуном Тарасом Авдеевым, детей которого Бутиков помиловал и возвратил им отцовское имущество[109]. В 1670 г. самозваный «крымский хан» драгун Тараска из Сибири сбежит и появится в Комарицкой волости как доверенное лицо воровского атамана Стеньки Разина…

Между тем, комарицкие драгуны продолжали бегать со службы государевой. 31 января 1669 г. воевода Ф. Булгаков доносил из Каменного: «А которые… были на… службе в Каменом драгуны из Севска, и те все розбежались в прошлом… году»[110]. В 1669 - 1670 гг. властям пришлось ловить комарицких драгун, разбежавшихся также из Трубчевска и Киева, из полков Ирика Андерсона Лукса и Варфоломея Ронорта[111]. О масштабах тогдашнего бегства можно сделать вывод по челобитной, поданной на Высочайшее имя 13 мая 1672 г. великорусскими помещиками, упрекавшими малороссийское духовное и светское начальство, а также казаков в укрывательстве беглых. В этом документе говорится, в частности: «А Новагородка… Северского и в Черниговском уездах, за черниговским и новгородцким епископом за Лазарем, поселилось… камарицких беглых драгунов и наших холопей… беглых людей и крестьян и иных прихожих людей болши пяти тысеч; а выдачи… никому нет, хотя кто с виселицы придет»[112].

Когда в 1670 г. русские войска были двинуты против мятежных скопищ Стеньки Разина, 28 ноября 1670 г. князь Г.Г. Ромодановский из Нового Оскола сообщил царю Алексею Михайловичу: «А иные, Государь, твои… ратные люди, дворяне и дети боярские и копейщики и рейтары и салдаты и казаки, розбежались многие. А Комаридцкие, Государь, волости драгуны с твоей… службы збежали все до одного человека»[113]. Когда же весной 1671 г. очередной воинский

---

[105] Там же. С.285-286.

[106] Там же. С.287, 285.

[107] Там же.

[108] Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т.II. Ч.II. М., 1959. С.201.

[109] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. С.284.

[110] АЮиЗР. Т.VIII. СПб., 1875. С.65.

[111] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.13. С.99, 105, 109.

[112] АЮиЗР. Т.IX. СПб., 1877. Стб.857.

[113] Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т.II. Ч.II. С.90-91.

контингент снаряжался на помощь донскому атаману против Разина, командир этого контингента «копейного и рейтарского строю стольник и полковник» Григорий Иванович Косагов наотрез отказывался брать с собою на Дон комарицких драгун, чья репутация сомнений в войсках ни у кого уже не оставляла. Но, человек дисциплинированный, Косагов сделал тогда оговорку по царскому адресу: «А будет, опричь камарицких драгунов, Белогороцкого полку городов драгунов же указное число сполна собрать будет вскоре немочно, и ты б в тое донскую посылку по нуже послал камарицких драгунов с начальными людьми 1000 человек домовных и коренных людей»[114]. Как будто это не «домовные и коренные» комаричане посылали вместо себя в войска наемников…

С того же 1671 г. одним из полков комарицких драгун командовал известный в Европе военный профессионал полковник Патрик (Петр Иванович) Гордон. И даже такому человеку пришлось смириться с постоянными побегами комаричан со службы[115]. Надо сказать, что и сам Гордон, и офицеры его полка проявили немалый героизм при обороне от турок Чигирина в 1678 г. Ну, а комарицкие драгуны в это же время «снова возбудили вопрос об освобождении от военной повинности»[116].

Героизм драгунских офицеров мог впечатлить кого угодно – только не их подчиненных. Комарицкие драгуны по обычаю, давно укоренившемуся в их волости, засыпали Москву изветами на своих командиров. Могла случиться такая, к примеру, комбинация. На 1674 - 1675 г. в Киев, в подчинение полковника-инженера Николая Фонзалена, был направлен полк «Комарицкой волости севских драгун» полковника Юрия Инглиса. Вскоре эти драгуны подали в Разрядный приказ челобитную «об отпуске их со службы». Потом, как водится, сбежали. Когда же беглых комарицких драгун и их заводчика Никиту Кузьмина привлекли к ответственности, – те причиной побега назвали «утеснения и вымогательства полковника и инженера Микулая Фанзалина и иных начальных людей»[117]. О том, что переживал попавший на перо к комаричанам офицер, ярко описал в своем дневнике все тот же Патрик Гордон.

В 1677 г. в Разрядный приказ поступило большое (на 14 листах) челобитье комарицких драгун полка полковника Петра Ивановича Гордона о том, чтобы оставаться им по-прежнему в полку военного инженера генерал-майора Афанасия Федоровича Траурнихта (Трауэрнихта), принявшего православие иностранца, распоряжавшегося тогда в Чигирине. Челобитчики ссылались на то, что, якобы, Гордон чинит им «налоги и обиды многие»[118]. Как позже выяснилось, инспирировал челобитную сам генерал Трауэрнихт, в действительности грамотный и мужественный офицер, увидевший в Гордоне конкурента. Жалобы были, что называется, не по адресу – у П.Гордона сложилась совсем другая репутация. Знаменитый биограф Петра Великого И.И.Голиков (1735—1801) писал в 1800 г., что Гордон «имел все свойства великого человека. Он имел душу твердую и ум проницательный, и сии природные дарования возвышались добродетельною и неблазненною (чуждою соблазну. – Ю.С.) его жизнию. <…> Гордон имел все добрые

---

[114] Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т.III. М., 1962. С.43.

[115] Гордон П. Дневник 1677—1678. С.205; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. С.395, 398.

[116] Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости. С.70.

[117] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. С.398, 355, 365.

[118] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.19. М., 1914. С.34.

свойства подданного, хозяина, супруга, отца, друга и гражданина; и ежели можно что-либо в нем опорочить, то разве горячее его сложение и крайнюю чувствительность к чести…»[119]

Гордону было известно и о существовании челобитной, и о том, кто ее инспирировал. После роспуска его драгунского полка по домам, полковник Гордон 8 января 1677 г. приехал в Москву. Шотландец был серьезно болен и неделю по прибытии не выходил из дому. Но 15 января, несмотря на недуг, Гордон появился на приеме у князя Юрия Петровича Трубецкого. Здесь оказался и генерал-майор А.Ф.Трауэрнихт. Гордон рассказывает: «В присутствии многих полковников я резко упрекал его за вызов мошенников из моего регимента, помощь и подстрекательство в их прошении против меня. Сознавая свою вину, он снес это терпеливо»[120]. Тем не менее, на следующий день, как пишет Гордон, «мошенники, руководимые генерал-майором Трауэрнихтом, подали против меня в Разряд прошение, полное клеветы и лжи»[121].

Тем временем Гордона вновь скрутила болезнь, а 20 января к нему пожаловал, как полагают комментаторы гордонова дневника, рейтарский полковник из крещеных в православие иностранцев Александр Шель[122], которому Трауэрнихт приходился шурином. После долгой беседы, содержание которой вращалось вокруг поданной на Гордона жалобы, Шель, наконец, сказал, зачем пришел: Гордону предлагалось заплатить генерал-майору Трауэрнихту 300 рублей – и дело с комарицкими жалобщиками будет улажено. Гордон вспылил: «Скорей я отдам три пенса за веревку, чтобы вздернуть его и его приспешников, чем допущу столь подлые козни, какие он мне строил и строит!» В ответ холодный Шель пожалел, что Гордон произнес эти слова без свидетелей[123]…

25 января Гордон узнал, что слушание его дело у царя состоится на следующий день. Чтобы обеспечить себе хоть какую-то поддержку, шотландец вечером послал Александра Ламсдена, прапорщика своего полка, «с золотым галуном ценою 20 рублей к думному дьяку, дабы снискать его дружбу. Тот принял сие весьма любезно и обещал постоять за» Гордона[124]. Но при слушании дела у шотландского полковника нашелся куда более влиятельный защитник – боярин князь Г.Г.Ромодановский, командующий русскими войсками на Украине. Когда читалась жалоба комарицких драгун на Гордона, князь Ромодановский заявил, как вспоминал шотландец, «что это всего лишь клевета и ложь; те поступили так, поскольку я поддерживал добрую дисциплину и не позволял им проказ и отлучек»[125]. А 28 января активы Гордона, казалось, повысились еще больше – драгун Скоморохов привез в Москву челобитную, подписанную драгунами же 19 или 20 деревень Комарицкой волости, гласившую, что драгуны ничего против Гордона не имеют. Челобитную должен был подать в компании с Гордоном думному дьяку

---

[119] Голиков И. Историческое изображение жизни и всех дел славного женевца, Франца Яковлевича (Франциска Иякова) Лефорта… и сослужебника его, подобно же посвятившего себя службе Отечества нашего, знаменитого шотландца войск Его же Величества генерала аншефа Патрика Гордона, известного у нас под именем Петра Ивановича Гордона. М., 1800. С.291, 292. Сравните: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т.II. СПб., 1858. С.124; Брикнер А. Г. Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878. С.9.

[120] Гордон П. Дневник 1677—1678. С.6.

[121] Там же.

[122] Там же. С.206.

[123] Там же. С.6.

[124] Там же.

[125] Там же. С.7.

все тот же драгун Скоморохов, как представитель «честной партии». Шотландец знал, с кем имеет дело. Справедливо сомневаясь в честности Скоморохова, Гордон отдал привезенную драгуном челобитную прапорщику А. Ламсдену с тем, чтобы офицер вручил ее Скоморохову в самый последний момент перед передачей документа думному дьяку. Но эти предосторожности хитрый комаричанин обошел. Гордон пишет в дневнике своем о Скоморохове: «Негодяй оказался обманщиком и в мгновение ока подменил прошение, подав другое о каком-то своем дельце. Если бы днем раньше я не послал копию [свидетельства] думному дьяку, дабы спросить его совета, когда следует подать оное, — причем он велел подавать завтра же!.. Однако, восемь дней ничего об этом не слыхав, [дьяк] спросил Ал. Ламсдена, почему я не присылаю оное (ведь сам я по причине болезни не мог отправиться в город)»[126].

Интрига разрешилась лишь 8 февраля. В этот день выздоравливавший Гордон вышел в город и встретил думного дьяка, с которым завел разговор на постороннюю тему. Случайным свидетелем этой встречи стал подлый драгун Скоморохов. Комаричанин заподозрил, что речь идет о не поданной им грамоте и поспешил все же представить документ по адресу. Вскоре, несмотря на то, что двое жалобщиков требовали очной ставки с Гордоном, «ими сперва пренебрегли, а потом осадили, как и их подстрекателя»[127]. Но даже это не было концом истории, поскольку 18 марта жалобщики передали Гордону через других, находившихся в Москве комарицких драгун (надо заметить, что комаричане в то время весьма активно посещали столицу и чувствовали там себя вполне комфортно, имели в первопрестольной деловые, коррупционные и, вероятно, криминальные связи), что окончательно отзовут свой иск, если полковник выплатит им пять рублей. Гордон сначала «отказался дать им хотя бы грош», но потом предложил шантажистам, чтобы они за те же пять рублей назвали своих сообщников в Комарицкой волости. «Они на это не пошли, и я оставил их в покое», - записал в дневнике Гордон[128].

Можно предположить, что Гордон попал в круговорот вполне отработанной криминальной практики комаричан, в которой совмещались жалобы на должностных лиц с шантажом и вымогательством. Например, 29 января 1671 г. комарицкий драгун Ивашка Глазунов подал в Приказный стол Разрядного приказа извет, в котором обвинял начальство в злоупотреблениях: дескать, севский соборный протоиерей присвоил к двум, уже имевшимся у него деревням Чемлыжского стана Комарицкой волости, еще и деревню Марицу, подьячие Анисим Кабатов и Степан Мильков также будто бы захватили себе незаконно дворцовые деревни. Дьяка же Лукьяна Самсонова драгун Ивашка, кроме присвоения деревень, обвинил еще и в укрывательстве разинского эмиссара, передавшего, будто бы, этому почтенному чиновнику в подарок от воровского атамана пегого коня-аргамака[129], что, конечно, очевидная нелепость. Поэтому странно, что А.А.Новосельский в 1961 г. проявил такую доверчивость к подобным челобитным и даже сделал на их основе вывод об «эксплуатации комаричан приказными»[130].

---

[126] Там же.

[127] Там же.

[128] Там же. С.8-9.

[129] Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т.II. Ч.II. С.201.

[130] Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости. С.77-79.

Если правительство давало ход комарицким изветам, то рушились подчас весьма значительные карьеры. Так «по извету и по роспросу Камарицкой волости, Чемлижского стану, деревни Отъезжих Новоселок, драгуна Титка Лаврентьева» в 1677 г. лишились места и попали под прещение протопоп севской соборной Успенской церкви Ипатий Степанов сын, весьма заслуженный священник, а также сын отца Ипатия, «вдовый поп» Михайла[131]. В деле об опале 9 сентября 1689 г. боярина Леонтия Романовича Неплюева, крупного полководца и политического деятеля, также фигурировали подметные письма комарицких солдат[132].

В конце концов, печальная боевая репутация комарицких драгун определила отношение к ним правительства. Когда 10 мая 1679 г. были утверждены мероприятия предстоящей военной кампании против турок, комаричанам в этих военных планах отвели роль обозников – и только[133]. И в том же 1679 г. комаричанам изменили форму службы: к сентябрю очередную смену комарицких драгун, которые по разбору 1679 г. были написаны в полковую службу, переписали в службу солдатскую[134].

После перевода комарицких драгун в солдаты в 1679 г., их «расписали» в три полка[135] и назначили на службу в Сумы[136]. Позже, по росписи Северского (Севского) разряда на 1680—1681 гг., пеший полк, составленный из солдат трех станов Комарицкой волости, должен был находиться во Мценске, еще один такой полк – из солдат 4-го стана Комарицкой волости – размещался в Курске[137]. Чем закончился для комаричан первый год солдатской службы догадаться, полагаем, несложно. А.А. Новосельский пишет: «В 1681 г. кн. В.В. Голицыну стало известно, что комарицкие солдаты, свойственники их, «складники» и «половинщики», «избывая службы» и «покиня свои дворы», живут в разных городах за монастырями, вотчинниками и помещиками»[138].

Вероятно, дезертирство комаричан в первый же год их солдатской службы, заставило правительство заменить этой публике воинскую повинность хлебной и превратить их в полном смысле слова в «пашенных солдат». Чем же занимались освобожденные от полковой службы комарицкие солдаты, помимо хлебопашества и лесных промыслов, обыкновенных для них во все времена? Погрузились в бурную криминальную жизнь, в водовороте которой не давали продыху ни проезжим, ни соседям, ни родственникам своим. В 1688 г. монахи Столбовской пустыни Севского уезда жаловались, что комарицкие солдаты захватывают их угодья[139].

---

[131] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т.2. СПб., 1885. Стб.594, 589-591

[132] То же. Т.3. СПб., 1888. Стб.1174, 1234.

[133] Книги разрядные, по официальным оных спискам. Т. II. Стб.1123, 1126-1127, 1160-1162, 1352, 1362.

[134] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.19. С.61.

[135] Там же. С.61; Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости. С.71.

[136] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.19. С.62.

[137] Милюков П. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / Издание второе. СПб., 1905. С.245.

[138] Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости. С.80.

[139] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. С.366, 21, 218.

В 1690 г. в Разрядный приказ поступила жалоба о нанесении побоев и ограблении комарицкими солдатами посланцев запорожских, ехавших из Севска в малороссийские города к гетману Мазепе[140]. В 1691—1693 гг. в Разрядном приказе разбиралось дело об ограблении и разорении солдата Комарицкой волости Гр. Михайлова сотоварищи солдатами же Комарицкой волости Ларионом Степановым сотоварищи[141]. В 1694 г. уже сам Ларион Степанов с другим комарицким солдатом Филимоном Лазаревым сотоварищи обвиняли еще одного комарицкого солдата Сергея Михайлова, его братьев и детей «в воровстве, озорничестве, обидах и разоренье». А комарицкий солдат Нефед Федоров требовал сыскать солдат же Дмитрия Васильева, Никиту Савельева и их сообщников, убивших отца Нефеда, разоривших его семью и просил взыскать с виновных «харчей и убытков»[142]. Все в том же 1694 г. в Севске проводился розыск об убийстве комарицким солдатом Якушкой Гороховым и его сыном Ильей бобыля – крепостного человека брянского протопопа Федора Васильева[143]. И уже во время Северной войны, в 1701-1702 гг., комарицкие Чемлыжского стана с. Гремячаго солдаты Михаил Матвеев сотоварищи жаловались «на разорение их от наезда в их дачи и угодья комарицких разных сел и деревень жителей и солдат»[144]…

Однако правительство предприняло еще одну попытку привлечь комарицких солдат к воинской службе. В 1696 г. в Севск прибыл опытный чиновник Разрядного приказа дьяк Артемий Богданович Возницын для того, чтобы устроить из комаричан выборный солдатский полк в тысячу человек, поселить этот полк в Севске и содержать за счет доходов с Комарицкой волости[145]. Интересно, что тогда же, в 1697 г., по своему обыкновению, «новоприборные Севского полка солдаты Алексей Никитин с товарищи ложно поклепали взятками разрядного дьяка Артемия Возницына, бывшего у разбора и переписи Комарицкой и Крупецкой волостей и при написании солдат в новоприборный Севский полк»[146].

С началом Великой Северной войны в Севском разрядном полку формировалось немало воинских частей. О степени участия комарицких солдат в этих формированиях ничего определенного сказать пока нельзя, кроме того, что боевой путь таких частей традиционно сопровождало повальное дезертирство. По подсчетам В.С. Великанова, в 1703 г. на службу в Киев, Нежин, Чернигов и Переяславль должно было отправиться из Севского разрядного полка 4412 человек – явился же… 2601 служивый, после чего в течение полугода со службы сбежало еще 905 севских ратников[147]. Когда в 1704 г. в Севск был послан в качестве воеводы комнатный стольник Михаил Федорович Большой Ртищев, то отдельным поручением ему было следствие об участившихся побегах с киевской службы

[140] То же. Кн.18. С.52.
[141] То же. Кн.17. С.4.
[142] То же. Кн.18. С.72.
[143] То же. Кн.19. С.185, 191.
[144] То же. Кн.18. С.182.
[145] Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости. С.71. По переписи Возницына в Комарицкой и Крупецкой волостях числилось 7552 двора: 7206 дворов солдатских и 346 бобыльских.
[146] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.19. С.226.
[147] Великанов В.С. Формирование и службы севских полков набора 1705 г. // Studia internationalia. Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.». (1-3 июля 2015 г.). Брянск, 2015. С.96.

севских служилых людей[148]. Интересное замечание по поводу назначения М.Ф. Ртищева на воеводство в Севск сделал в начале XX в. биограф Михаила Федоровича Н. Кашкин. По мнению этого последнего должность севского воеводы была в ту пору весьма ответственной и хлопотливой «между прочим потому, …что в Севский уезд входила знаменитая Камарицкая волость, исстари населенная бродячею и беглою буйною «вольницею»»[149].

Согласно переписной книге 1709 г. из Чемлыжского стана Комарицкой волости были «взяты в солдаты в Яковлев полк Рагозина» 7 человек, в полк «господина Неклюдова» (скорее всего, имеется в виду Севский разрядный полк воеводы и стольника С.П. Неплюева) 21 человек, в Киевский гарнизон 9 человек, «взято в солдаты в Севский гварнизон» 5 человек[150]. В Брасовском стане Комарицкой волости «в 1705 году написаны в солдаты, а у переписи нынешняго 1709 г. жители сказали: они солдаты взяты в службу: 79 ч[еловек] в армию, 7 ч[еловек] в Киев, 14 ч[еловек] в полк Неплюева, 5 ч[еловек] в полк Анненкова, 52 ч[еловека] в Севский гварнизон…»[151] В Глодневском стане Комарицкой волости по переписи 1707 г. 18 солдат числились взятыми в армию, 31 – в полк Неплюева, 2 – в полк Анненкова, 5 – в Севский гарнизон и 1 был взят в Московский полк[152]. По Радогожскому стану такой детальной росписи нет.

Летом 1705 г. сформированные в Севске полки были переброшены на Правобережную Украину, где их включили в состав корпуса малороссийского гетмана И.С. Мазепы[153]. К концу 1705 г. из полков началось повальное бегство. Так, из направленного в ноябре 1705 г. в крепость Замостье солдатского полка И.И. Хотунского, усиленного за счет других частей до 1000 бойцов, дезертировало за два месяца 508 человек[154]. Из других трех полков, подчиненных севскому разрядному воеводе С.П. Неплюеву, в декабре 1705 г. бежало еще 506 человек. Неплюев докладывал в Разрядный приказ, что устроил специальные заставы для отлова беглых, всех пойманных наказывают шпицрутенами, но солдаты «от побегу не унимаютца, ис полку бегут непрестанно»[155]. Всего же, по подсчетам В.С. Великанова, из-за дезертирства и болезней полки С.П. Неплюева потеряли к концу 1705 г. до 60-70% личного состава[156]. В итоге в городах Севского разряда было приказано воеводам «в торговые дни биричем кликать и по градцким воротам прибить письма за своими руками, чтоб таких беглецов никто у себя не держал, а объявляли их воеводам. А буде кто таких беглецов у себя станет держать и таить, и про то хто известит, и у тех людей, поместья и вотчины и дворы и всякие

[148] Крашенинников В.В. История Севска и окрестных мест . Т.I. С.242.

[149] Кашкин Н. Ртищев, Михаил Федорович // Русский биографический словарь / Под ред. А.А.Половцова в 27 томах // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс] – М.:ИДДК,2006- 4 электрон. опт. диска (CD-ROM).

[150] Пясецкий Г.М., Блохин С.А. Севский уезд по переписной книге 1709 года // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1891. Вып.3. С.1, 7, 8, 9, 17, 18.

[151] Там же. С.28.

[152] Там же. С.28, 29, 30, 33.

[153] Великанов В. «Непомысленная баталия». Участие корпуса С.П. Неплюева в сражении при Клецке в 1706 году // Старый Цейхгауз. 2015. №1 (63). С.77.

[154] Великанов В.С. Формирование и службы севских полков набора 1705 г. С.99.

[155] Крашенинников В.В. Ук.соч. Т.I. С.243.

[156] Великанов В.С. Формирование и службы севских полков набора 1705 г. С.99.

пожитки взяты будут на Великого Государя, а они отосланы будут в Азов на каторгу вечно»[157].

В конце концов, правительству стало понятно, что из комарицких разбойников воины не получаются, – и началась раздача неудавшихся служилых частным лицам в качестве крепостных крестьян. В 1703 г. гетману И.С. Мазепе передали Крупецкую волость, которая после измены гетмана перешла во владение князя А.Д. Меншикова. В 1712 г. бывший молдавский господарь князь Д.К. Кантемир получил в свое владение Глодневский и часть Радогожского стана Комарицкой волости. Следующие крупные раздачи волостных земель пришлись на 1730 и 1741 гг.

[157] Крашенинников В.В. Ук.соч. Т.I. С.243.

КАЛМЫКИ И ЛЕВОБЕРЕЖНЫЙ САРАТОВ ВО ВТОРОЙ – ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТЯХ XVII ВЕКА: ОТ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ К МИРНЫМ ТОРГОВЫМ СВЯЗЯМ

Аннотация. Статья раскрывает малоизвестный сюжет существования раннего города Саратова. Он состоит в сложных взаимоотношениях с сильными соседями – кочевыми калмыками. Автор подчеркивает, что данный сюжет остался на периферии исследовательского внимания. В статье показано, что тенденция нескольких десятилетий заключалась в переходе от конфронтации к соседским торговым связям. Автор уточняет ряд принятых в историографии датировок исторических событий.

Ключевые слова: Россия, Саратов, калмыки, военный поход, торговые связи.

Abstract. The article reveals a little-known plot of the existence of the early city of Saratov. It consists in complex relationships with strong neighbors - nomadic Kalmyks. The author emphasizes that this story remained on the periphery of the research attention. The article shows that the trend of several decades was the transition from confrontation to neighboring trade relations. The author specifies a number of dates of historical events accepted in historiography.

Key words: Russia, Saratov, Kalmyks, military campaign, trade relations.

Я.Н. Рабинович (Саратов)

К настоящему времени существует весьма обширная историография о пребывании калмыков на Нижней Волге в XVII в.[1]

Однако большинство авторов основное внимание уделяли и продолжают уделять событиям в районе Астрахани (Северном Прикаспии), контактам астраханских воевод с калмыцкими тайшами (переговорам, а также военным экспедициям). Если же исследователи в своих трудах писали о Саратове, то лишь в общих чертах, в основном – применительно к истории современного правобережного Саратова, более подробно рассматривая конец XVII – первую четверть XVIII в. Среди таких тем – переговоры на Камышинке с ханом Аюкой князя Голицына в 1698 г., встреча на Ахтубе с ханом Аюкой и заключение нового договора с калмы-

[1] Подробнее об этом см.: *Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. 448 с.; *Богоявленский С. К.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. М., 1939. № 5. С. 48–102. Здесь – сведения по истории калмыков до 1645 г. включительно; *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. 1947. № 24. С. 30–110; *Преображенская П. С*. Торговые связи Поволжских городов с калмыками в середине XVII века // Города феодальной России. М., 1966. С. 328–333; *Преображенская П. С.* Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960. Вып. 1. С. 49–83; *Преображенская П. С.* Калмыки в первой половине XVII века. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства. Автореф. канд. дисс. М., 1963; *Кичиков М. Л.* Образование Калмыцкого ханства. Элиста, 1994 (также – автореф. канд. дисс. М.; Элиста, 1963); Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / под ред. Н. В. Устюгова. М., 1967, гл. 3,4; *Батмаев М. М.* Социально политический строй и хозяйство калмыков в XVI–XVIII вв. Элиста, 2002; *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007; История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. 1 (авторы 3-го раздела – В. П. Санчиров и М. М. Батмаев – это наш хронологический период).

ками Казанского и Астраханского губернатора П. М. Апраксина в 1708 г. Излюбленный сюжет – переговоры Петра I с ханом Аюкой в 1722 г. в Саратове[2].

В монографиях Т. И. Беликова, а также современных исследователей К. Н. Максимова и В. И. Колесника авторами взяты большие географические и хронологические рамки, что не позволило уделить особое внимание нашему региону во времена левобережного Саратова[3].

Вопрос о торговле с калмыками в левобережном Сратове долгое время вообще не освещался. Считалось, что калмыки до 1674 г., пока не был заключен договор с ханом Аюкой, приходили под Саратов лишь с враждебными намерениями. Саратовские краеведы вплоть до второй половины XX в. считали, что саратовцы начали активно заниматься такой торговлей, якобы, после переноса Саратова на правый берег, поэтому, говоря о левобережном Саратове, ничего не писали об этих торговых связях.

А. А. Гераклитов посвятил калмыкам шесть страниц в своей монографии, однако основное внимание уделил общим вопросам, непосредственно не связанным с Саратовом. О контактах, как вооруженных конфликтах, так и мирных торговых связях саратовцев с калмыками, приводятся только общие фразы. При этом он пишет, что *«в документах за 1640–50 гг. встречается немало указаний на сношения с калмыками, то дружественными, то враждебными»*[4]. По-видимому, все эти сведения («немало указаний»), обнаруженные А. А. Гераклитовым, не имели прямого отношения к Саратову, поэтому он не привел их в своей монографии. О начале сношений между саратовцами и калмыками писала в 1966 г. П. С. Преображенская, опираясь на документы фонда 119 Калмыцкие дела из РГАДА. Однако даже она, изучив многие архивные документы, вынуждена была признать, что *«с достаточной полнотой нарисовать картину торговли городов Поволжья* (в середине XVII в. – *Я. Р.*) *не представляется возможным, ибо источники дают скудные и отрывочные сведения»*[5].

Источников о нападениях калмыков на окрестности Саратова в 1630–1660-е гг. почти не сохранилось. Первым о враждебных калмыках и о необходимости защищать саратовским стрельцам свой город от их нападений писал в 1636 г. Адам Олеарий[6]. Это косвенно может служить доказательством, что уже в 1630-е гг. калмыки кочевали возле Саратова. В 1640-е годы некоторые актовые материалы уже прямо говорят о нападениях калмыков на окрестности Саратова.

А. А. Гераклитов писал, что в 1639 г. калмыки, кочевавшие по Еруслану и Торгуни, в числе 10000 человек, *«пробираются вверх по Волге и нападают на Самару, которая подверглась при этом большой опасности».* В документах ничего не сказано, пострадал ли при этом Саратов, но следует учесть, что маршрут калмыков от Еруслана к Самаре проходил недалеко от Саратова, *«а так как шли*

---

[2] См.: *Леопольдов А. Ф.* Исторический очерк Саратовского края. М.: в типографии С. Селивановского, 1848. С. 51–55, 61–63, 85–87.

[3] *Беликов Т. И.* Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX вв. Элиста,1960; *Максимов К. Н.* Калмыки в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX). М., 2002; *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003.

[4] *Гераклитов А. А.* История Саратовского края…. С. 209–214 (цитата – С. 213).

[5] *Преображенская П. С.* Торговые связи Поволжских городов с калмыками в середине XVII века // Города феодальной России. М., 1966. С. 328.

[6] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 386.

калмыки к Самаре с враждебными намерениями, то весьма вероятно, что и саратовские служилые люди имели с ними дело»[7].

Одновременно с нападениями на жителей Саратова калмыки пытаются завязать и торговые отношения с саратовцами. В 1643 г. известно о просьбе калмыков, чтобы им разрешили торговать в Самаре и Саратове. Это первый случай упоминания Саратова в русско-калмыцких отношениях. Правда, в этот раз никакой торговли не получилось. Воевода Самары отказал в просьбе калмыков о торговле, вследствие чего произошли военные столкновения под Самарой[8]. Если учесть сведения, приведенные А. А. Гераклитовым (1639 г.), то в 1643 г. произошло второе нападение калмыков на окрестности Саратова. Т. М. Акимова и А. М. Ардабацкая приводят красочный, но, по-видимому, фантастический сюжет о захвате Саратова калмыками именно в 1643 г.

Приведем этот отрывок полностью: *«В свою очередь калмыцкие феодалы – нойоны – стали производить набеги на русские города. В 1639 г. они разорили Самару, в 1640 г. они зашли далеко на север и разгромили русские поселки на Каме. В 1643 году они напали на Саратов. Как ни зорко выслеживали в поволжских крепостях кочевников, калмыки сумели подкрасться совсем незаметно и напали неожиданно. Часть войск подскакала к Саратову по степи на быстрых поджарых лошадях, часть переплыла Волгу на лошадях же. С гиканьем и криком бросились они на город, перелезли через стены, раскрыли ворота и толпой проскакали в крепость, наполнив все ужасом. Не успели пушкари зарядить пушки, а стрельцы взяться за оружие, как город в раных местах запылал в огне. Жители в суматохе прятались куда попало, а калмыки, забрав добро и выгнав из крепости скот, ускакали в степь»*[9].

Еще один абзац из этой книги отражает более достоверные события: *«С 1640 года калмыки перекочевали в приволжские степи и заняли их вплоть до Самары. Русское правительство пыталось было воспрепятствовать продвижению их в Поволжье. Оно высылало против них отряды их поволжских крепостей, отряды нападали на отдельные части калмыков, отбирали у них скот, забирали в плен, особенно детей, а взрослых, вооруженных только луками и стрелами, побивали из ружей и пищалей»*[10].

Источники об этих событиях под Саратовом в 1643 г. привел С. М. Соловьёв. Он рассказал о посольстве к калмыкам головы московских стрельцов Кудрявцева, который выехал из Уфы 22 марта 1646 г., вел переговоры с ними на реке Орь, пять месяцев находился среди калмыков, едва не был ими убит. В своем отчете о посольстве он указывал, что в сответствии с царским наказом говорил калмыцким тайшам, что они в 1643 г. приходили войной под Астрахань, затем ходили на Терек, где были побиты в горах кумыками и горными черкесами. Далее приведем слова Кудрявцева в пересказе С. М. Соловьёва дословно: *«Этим вы не унялись, но приходили под Саратов и другие понизовые города. Не терпя таких досад, царь Михаил Федорович послал на вас воеводу своего Плещеева, воевода встретил вас за Саратовом и многих побил, других в плен взял и много разоренья за ваши неправды вам сделал…».* В ответ калмыцкие тайши говорили:

---

[7] *Гераклитов А. А.* История Саратовского края…. С. 212.

[8] *Преображенская П. С.* Торговые связи… С. 330.

[9] *Акимова Т. М. Ардабацкая А. М.* Очерки истории Саратова (XVII и XVIII века). Саратов, 1940. С. 21–22. Ср.: *Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. 448 с.

[10] *Акимова Т. М. Ардабацкая А. М.* Очерки… С. 21.

«Под Саратов и другие города мы не прихаживали, а если кто приходил из нас украдкою, того мы не знаем, потому что кочуем не в одном месте; а что воевода Плещеев наших людей побил и в полон взял, то так повелось из века, на войне побивают и в полон берут»[11].

Подробно эта миссия стрелецкого головы А. Кудрявцева рассмотрена в труде современного исследователя В. Т. Тепкеева. Что касается похода против калмыков воеводы Плещеева, который, по словам С. М. Соловьева, якобы *«встретил калмыков за Саратовом и многих побил»*, то сведения об этом походе сохранились во многих источниках, причем не только в актовых материалах, Дворцовых разрядах, но и в Житие Сергия Радонежского в редакции 1654 г. Симона Азарьина (но не в авторстве Епифания Премудрого, который жил за 200 лет до этих событий)[12].

Запись в Дворцовых разрядах следующая: *«Того ж году, Октября в 18 день* (18 октября 1643 г. – *Я. Р.*) *Указал государь идти воевать Калмыцких людей: на Самару воеводам: Льву Офонасьеву сыну Плещееву да Ивану Самсонову сыну Чевкину; на Уфу стольнику и воеводам: Андрею Львову сыну Плещееву да Офонасьеву Григорьеву сыну Желябовскому». А с воеводы, со Львом Плещеевым и с сыном его с Андреем с товарищи, указал государь быть дворяном и детям боярским Понизовых городов, да Немцом да иноземцом, а сходиться им обоим в Яицких вершинах и промышлять над Калмыцкими людми вместе».*

В одном из списков Дворцовых разрядов уточнено, что Лев Плещеев был послан на Самару 23 января (1644 г.), тогда же послан на Уфу «сын его Андрей Плещеев», *«а с ними два полковника с иноземцы. А велено Льву и Андрею с товарищи ходить с ратными людми за Калмыки в Понизовых городех, в Самаре и в Уфинском уезде»*[13].

В отряд Л. А. Плещеева входили служилые люди из ряда Поволжских городов, в том числе значительная часть служилой корпорации Нижнего Новгорода – сто «лучших людей». Это наиболее боеспособные и хорошо обеспеченные вооружением и лошадьми члены служилого «города» (провинциальной дворянской корпорации). Указание о подготовке к походу было получено в Нижнем Новгороде 8 декабря 1643 г., а через три недели, 28 декабря отряд уже был готов к походу, составлен список воинов, проверена их боеготовность. В «калмыцкую посылку были готовы идти из Нижнего Новгорода 19 выборных дворян, 32 дворовых, 20 городовых, 29 «новиков, неверстанных, из житья и сверх списка». После получения в Москве этого списка в Нижний Новгород было отправлено указание, чтобы отряд был *«на государеве службе на колмаки с воиводою со Львом Плещеевым вскоре ныне по зимнему пути»*[14].

В соответствии с этим указанием уже в конце января – феврале отряд двинулся в поход к Самаре. Маршрут этого отряда из Нижнего Новгорода, по-видимому, проходил не по Волге через Казань, а напрямую степью (вариант –

---

[11] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Сочинения: в 18 кн. М., 1995. Кн. 7, т. 12. С. 616–617.

[12] *Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. С. 169–174 (С. 142 – пересказ Жития Сергия Радонежского).

[13] Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды): в 4 т. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 713.

[14] *Балыкина М. И.* Провинциальная служилая корпорация в походе: «Калмыцкая посылка» нижегородских дворян и детей боярских 1644 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Т. VI. С. 102–138. <http://www.milhist.info/2015/01/30/balykina> (30/01/2015).

Лысково – Курмыш – Алатырь и далее к Волге в район будущего Симбирска, оттуда по Волге к Самаре). Одновременно к Самаре стягивались отряды из других городов, в том числе из Арзамаса. В марте – апреле 1644 г. все отряды уже были собраны в Самаре. Как только просохли дороги, по первой весенней траве конное войско Плещеева из Самары двинулось в поход.

Результат этого похода хорошо известен. В Москву был отправлен сеунщик (от слова сеунч – радостная весть о победе), один из родственников Л. А. Плещеева (но не сын, как указано в некоторых исследованиях). В Дворцовых разрядах отмечено: *«Того ж году, Июля в 28 день, приехал к государю с сеунчем от Льва Офонасьевича Плещеева с товарыщи Павел Иванов сын Плещеев с тем, что побили Колмаков государевы люди у Еитцких вершин и взяли 480 человек живых».* Через несколько дней в августе 1644 г. *«послал государь на Самару, к воеводам, ко Льву Офонасьеву сыну Плещееву* (в другом списке добавлено – «и к сыну его Андрею») *с товарищи и к ратным людям, за Калмыцкую службу, с своим с государевым жалованьем, с милостивым словом, и о здоровье спрашивать, и с золотыми столника Семена Алексеева сына Лихарева»*[15].

Видим, что точное место встречи отряда Плещеева с калмыками не указано. Естественно, что «Еитцкие вершины» находятся где-то «за Саратовом», возможно, на расстоянии сотен верст от города, а не в окрестностях Саратова. Это могло происходить в районе рек Иргиза, Самары, либо в предгорьях Уральских гор севернее современного Уральска. По мнению современного исследователя М. И. Балыкиной Яицкие вершины – это *«Общий Сырт, ряд плоских возвышенностей, отделяющихся от Уральского хребта отдельными отрогами, водораздел между реками Волга и Урал (Яик)»*[16].

Судя по наказу воеводам Льву и Андрею Плещеевым, они должны были наступать на калмыков с двух сторон. Андрей Плещеев из Уфы оттеснял калмыков к югу, а Лев Плещеев двигался из Самары на восток. Отступая под натиском отряда Андрея Плещеева, калмыки попадали под удар основных сил Льва Плещеева.

В Житие Сергия Радонежского можно найти некоторые новые сюжеты об этом походе. Глава № 62 носит название «О видении Преподобного чудотворца Сергия Льву Афанасьевичу Плещееву и о победе над неверными калмыками по молитвам святого». Если не брать в расчет дату отправки в калмыцкий поход Льва Плещеева (якобы 2 июля 1643 г.), то остальные сведения представляют определенный интерес. Можно принять дату 3 июля, но только не 1643, а 1644 г. (ночь, когда было явление Сергия Льву Плещееву), совещание воеводы с командирами на следующее утро, и затем – наступление на калмыцкие кочевья, в результате чего произошел победоносный бой с калмыками (в ближайшие дни, 4–5 июля). Через три недели после этого боя сеунщик вполне мог успеть доставить в Москву известия о победе (28 июля, а не 28 июня, как пишет М. И. Балыкина). Можно локализовать реку Сорока, в трех днях пути от которой, в степи, ко Льву Плещееву пришли уфимские татары (по-видимому, отправленные его сыном Андреем Плещеевым) с просьбой ускорить движение, чтобы не упустить калмыков. Известна река Сорока в Оренбургской области, приток Самары, впадает в нее в районе Тоцкого, южнее Бузулука. Интересно указание на то, что в войске Льва Плещеева были пушки и много пушечных запасов, так что движение не могло быть осуществлено с большой скоростью.

---

[15] Дворцовые разряды… Т. 2. Стб. 736.

[16] *Балыкина М. И.* Провинциальная служилая корпорация… С. 132.

Текст Жития гласит: *«В 7151 (1643) году, 2 июля, повелением Государя Царя и Великого Князя всея Руси Михаила Феодоровича на его государеву службу в калмыцкий поход был послан Лев Афанасьевич Плещеев. Когда он был в степи, в трех днях пути от реки Сороки, пришли к нему уфимские татары и стали торопить его, а ему спешить было нельзя, потому что с ним были государевы большие пушки и много пушечных запасов. Лев Афанасьевич собрал государевых дворян, лучших людей, и стал советоваться с ними, как поступить. И пребывал в великом смущении.*

3 июля, когда наступила ночь, он, помолясь пред образом Живоначальной Троицы и великого чудотворца Сергия, задремал и уснул тонким сном. И явился ему великий чудотворец Сергий и сказал: «Не сомневайся, иди, победишь неверных», а потом благословил его крестом и стал невидим.

Встав поутру, Лев Афанасьевич рассказал о видении многим людям и, пойдя на калмыков, разбил их, захватил обозы, взял много пленных, множество верблюдов, оружие и военную сбрую. И вернулся в Московское государство с великой радостью, благодаря Бога и Преподобного чудотворца Сергия».

О некоторых участниках этого похода, нижегородских служилых людях, о наградах им, пишет М. И. Балыкина. Она использовала комплекс челобитных, поданных ранеными нижегородцами, участниками этого похода. Судя по всему, основной бой произошел 5 июля. В этот день были ранены 7 нижегородцев (подъездной голова А. Воецкий, С. Княжегорский, С. Старков, С. Есин, Ф. Взовский, М. Олфимов, П. Лозин), а также двое арзамасцев – С. Своитинов и Я. Москотиньев. 31 июля они были отпущены в Москву на лечение. В сентябре 1644 г. все они после освидетельствования ран были переведены в четвертчики. Теперь они стали получать жалование из четверти, а не с городом. А. Воецкому был назначен оклад из Костромской чети в размере 12 рублей, а Ф. Взовскому из той же чети – 9 рублей. В списке дворян и детей боярских от 16 февраля 1646 г. имеются приписки о повышении поместного оклада на 50–100 четвертей «за калмыцкую посылку» 25 служилым людям нижегородцам из 100, участвующих в этом походе[17].

Возможно, что этих людей отправлял из Нижнего Новгорода в Самару, где находился сборный пункт отряда Л. А. Плещеева, новый воевода Нижнего Новгорода кн. И. Ф. Шаховской-Большой, который зимой 1644 г. сменил в этом городе прежнего воеводу Б. И. Нащокина.

Интересно, что именно в это время (1644 г.) в источниках упоминается воевода Саратова Аверкий Федорович Болтин, который в феврале 1644 г. был отправлен в Саратов воеводой, в том же 1644 г. побил татар и был награжден за этот поход: *«А Оверкей во 152-м и тре(т)ьям годех был на Саратове воеводаю и татар побил, и за ту службу прислана государева грамота к нему с похвалою и пожалован государьским жалованьем – помесною и денежною придачею»*[18]. Вполне возможно, что все это звенья одной цепи – операция Льва и Андрея Плещеевых из Самары и Уфы против калмыков и поход А. Ф. Болтина из Саратова против татар, учитывая, что калмыки в то время присоединили ногайцев к себе, и все набеги они совершали вместе.

---

[17] *Там же.* С. 102–138.

[18] *Пудалов Б. М.* Родословные сказки Болтиных // Историография. Источниковедение. Историческое краеведение: Сборник статей к юбилею доктора исторических наук В. В. Митрофанова. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. С. 92–111 (цитата – С. 104, 108).

Приведем еще одну параллель. В том же 1644 г. боевые действия против калмыков развернулись и в окрестностях Астрахани. В ходе одного из походов против калмыков был убит письменный голова Федор Сергеевич Левашев (первый помощник астраханского воеводы кн. Б. А. Репнина): *«И Федор посылан был за Калмыки, и в посылке его убили»*[19].

О третьем нападении калмыков на Саратов кратко упоминается в наказе 1649 г. астраханским воеводам князьям Ивану Голицыну и Семену Пожарскому. Об этом нападении говорится в прошедшем времени, оно произошло несколько лет назад. В наказе говорилось, что еще при Михаиле Романове калмыцкие тайши шертовали (присягали), что будут кочевать мирно и торговать в Сибирских городах и в Уфе, *«а после того они тайши по той шерти не устояли, учали приходить под Сибирские городы, и под Уфу, и под Саратов, и под Астрахань и на Едисанские и на Нагайские улусы войною; и приходя, городы и уезды воюют, и села и деревни жгут, и Едисанские и Нагайские улусы разоряют и людей побивают и в полон емлют»*[20]. Из контекста этой фразы следует, что нападение калмыков произошло совсем недавно, в первые годы царствования Алексея Михайловича.

Четвертое нападение калмыков на Саратов произошло в начале 1652 г. Шведский посол в Москве Иоганн Родес в ноябре 1652 г. сообщал об этом нападении в донесении королеве Христине. Он черпал информацию из собранных в Москве слухов, иногда ошибался, поэтому в следующих донесениях уточнял эти сведения. Учтем, что это были только слухи, и что информация доходила до Москвы с задержкой. В первом донесении от ноября 1652 г. И. Родес сообщал, что калмыки вторглись в пределы России *«и осадили на Волге между Казанью и Астраханью три города Самару, Саратов, Камышин».* В следующем донесении он уточнял, что калмыки не осаждали эти города, а только разорили их окрестности: *«В моем последнем (письме) я подданнейше отметил, что калмыцкие татары еще осаждают Самару, Саратов, Камышин, однако теперь это не подтверждается, но объявляется, что они совершили туда только набег и, говорят, увели с собой более 2000 людей».* Насчет Камышина у исследователей имеются сомнения, некоторые считают, что это был Царицын. Это мог быть также Черный Яр, хотя, возможно, что здесь речь идет о временном летнем укреплении на Камышинке, про которое писал еще Федот Котов[21]. И. Родес не случайно писал, что нападение совершили калмыцкие татары. К тому времени калмыки подчинили себе часть Большой Ногайской орды и нападали вместе с ногайскими татарами.

Других источников о нападении калмыков на левобережный Саратов пока не обнаружено.

И все-таки постепенно между кочевниками и жителями Поволжских городов завязываются взаимовыгодные торговые отношения. Вначале торговые связи с калмыками установили воеводы сибирских городов, в 1620-х годах на первое место выдвигается Уфа, а с 1630-х годов – Астрахань. Первое известное посещение Астрахани калмыцкими торговцами относится к 1631 г. Астрахань становится центром торговых и дипломатических связей с калмыками. Еще за несколько лет до этого первым русским городом на Волге, где появились калмыки для торговли,

---

[19] Дворцовые разряды… Т. 2. Стб. 739.

[20] Наказ из Посольского приказа Астраханским воеводам князьям Ивану Голицыну и Семену Пожарскому. 1649, апрель – май // АИ. СПб., 1842. Т. 4, № 32. С. 110.

[21] *Курц Б. Г.* Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям И. Родеса /сообщил Б. Курц // ЧОИДР. 1615. Кн. 2. С. 127.

был Черный Яр. В 1628 г. сюда прибыли калмыки для продажи лошадей, коров и телят. П. С. Преображенская отмечает, что *«в 1640–1660-е гг. в торговлю с калмыками втягиваются и другие города Поволжья – Саратов, Самара и Царицын».* На следующей странице автор уточняет это время начала торговли саратовцев с калмыками: *«Известно, что в 1652 г. осуществлялся торг с калмыками в Красном Яре. Еще позже включились в русско-калмыцкую торговлю Самара, Саратов, Царицын. Это произошло лишь после принесения калмыками шертей 1655–1657 гг. в подтверждение русского подданства. Тогда были даны указы о разрешении беспрепятственного и неограниченного приезда калмыцких торговцев под Астрахань, Царицын, Самару, Саратов и другие поволжские города»*[22].

Так что началом торговых отношений саратовцев с калмыками следует считать вторую половине 1650-х гг., а не 1640-е годы.

Снятие правительственных ограничений в торговле с калмыками способствовало развитию обмена. Изначально правительство запрещало русским людям ездить в калмыцкие улусы для торговли, преследуя при этом фискальные цели, ведь пошлину в этом случае собирали калмыцкие тайши. Теперь торговля стала беспошлинной, русские люди стали тоже ездить в калмыцкие улусы и покупать там лошадей. Но это относится больше к Астрахани. Что касается Саратова, то здесь в основном калмыки сами приезжали в город. Согласно приговору Боярской думы саратовцы с калмыками торговали за городом, «за надолбы с великим бережением». Эта торговля была меновая и выгодная русским людям. Главный товар, поставлявшийся калмыками, были лошади. Меньше пригоняли крупного и мелкого рогатого скота.

Документы начала 1660-х гг. уже прямо говорят о приезде калмыков в Саратов со своим товаром (лошадьми). В 1661 г. из калмыцких улусов возвращался русский посол дьяк Иван Савинович Горохов. В июне 1661 г. он вместе с послом боярином кн. В. Г. Ромодановским приводил к шерти калмыков[23]. Калмыки обещали в ближайшее время пойти в поход против крымского хана. В Дворцовых разрядах говорится про приезд в Москву калмыцких послов в августе 1661 г. и про какой-то калмыцкий табун. Этот табун пришел к Москве 13 августа1661 г. Тогда же в Москве были калмыцкие послы на приеме у царя Алексея Михайловича на приезде (5 августа), а через 3 недели, 26 августа – на отпуске. Известно, что при возвращении в Москву уже в октябре 1661 г. И. С. Горохов был награжден за эту посольскую службу (шуба в 160 рублей, кубок, придача 150 четей к поместному окладу и 30 рублей – к денежному). С ноября 1661 г. он был назначен дьяком Приказа калмыцких дел. Через несколько лет после этих событий И. С. Горохов станет думным дьяком, однако во время посольства к калмыкам он еще не был думным дьяком[24].

П. С. Преображенская пишет: *«В 1661 г. с русским послом думным дьяком И. С. Гороховым, возвращавшимся из калмыцких улусов, ехала группа калмыков на торг в Саратов… В июне 1661 г. совместно с посольством И. С. Горохова отправились в Саратов торговые люди калмыки, у которых было 410 лошадей».* По-видимому, эти лошади предназначались для продажи в Саратове. Из

---

[22] *Преображенская П. С.* Торговые связи… С. 328, 330–331.

[23] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие… С. 126–127; Запись шертная (в переводе) калмыцких тайшей Дайчина и Мончака. 1661, июня 8 // СГГД. М., 1826. Ч. 4, № 21. С. 74.

[24] Дополнения к Тому 3-му Дворцовых разрядов, издаваемых по Высочайшему повелению 2-м отделением собственной ЕИВ канцелярии. СПб., 1854. Стб. 282, 283, 286.

другого документа, относящегося к 1663 г., мы узнаем, что в начале 1660-х гг. калмыки осуществляли в Саратове *«з градцкими людми торги и мену»*[25].

Калмыки поставляли саратовцам лошадей. Реже продавался крупный рогатый скот, овцы, шерсть, овчины, войлок. В обмен на лошадей калмыки получали на русском рынке сукно, кожу, одежду, пушнину, бумагу, металлические предметы быта (особенно ценились тазы, котлы). Примерный обмен был следующим. За одну лошадь давали выдру и сажень сукна или зипун и таз, или три сажени сукна, или зипун и шубу, или котел и полторы сажени сукна, или выдру и котел, или однорядку или стопу бумаги[26]. Запрещено было продавать калмыкам оужие, как холодное, так и огнестрельное.

Эти отрывочные сведения, приведенные П. С. Преображенской, показывают, что для Саратова уже с середины XVII века торговля с калмыками имела важное значение. Практически все население города было втянуто в эти меновные операции, которые носили взаимовыгодный характер. Особенно быстро почувствовали выгоду от такой торговли наиболее богатые люди Саратова. Они, осуществляя неэквивалентный обмен с кочевниками, получали большие прибыли.

Торговля с калмыками стимулировала развитие ремесленного производства в Саратове. Саратов, богатевший от продажи рыбы и от торговли с калмыками во второй половине XVII века постепенно менял свой облик, превращаясь в значительный торгово-перевалочный пункт.

[25] *Преображенская П. С.* Торговые связи… С. 331, 332.
[26] *Там же.* С. 332, 333.

О ХАРАКТЕРЕ БУЛАВИНСКОГО ВОССТАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются спорные вопросы, связанные с определением характера Булавинского восстания. Автор предлагает отказаться от кратких и однозначных оценок и применяет описательный метод, подкреплённый структурным анализом слов и поступков булавинцев. Итогом исследования стал вывод, что характер Булавинского восстания был сложным и противоречивым.

***Ключевые слова*:** Донские казаки, восстание К. Булавина, повстанцы, враги, союзники, собственность, богатство, демократизм, политический язык.

Abstract. The article deals with controversial issues related to the definition of the character of Bulavin uprising. The author proposes to abandon brief and unambiguous assessments and applies the descriptive method, supported by the structural analysis of words and actions of rebels. The result of the study is the conclusion that the character of Bulavin uprising was complex and contradictory.

Key words: Don Cossacks, Bulavin uprising, rebels, enemies, allies, property, wealth, democratism, political language

О.Г. Усенко (Тверь)

В истории восстания на Дону 1707–1709 гг., инициатором которого стал К.А. Булавин, имеется ряд спорных вопросов. Один из них – вопрос о характере восстания.

Чаще всего характер Булавинщины определяется так: исследователи обращают главное внимание на «социальную базу» и «движущие силы» выступления и не придают равного значения лозунгам, заявлениям и программным документам восставших. В этом случае выявление повстанческих представлений и устремлений подменяется анализом экономического и социально-политического положения тех слоёв, из которых вышли мятежники. Как результат – историографический разнобой: Булавинское восстание оказывается то «казацким»[1], то «казацко-крестьянским»[2], то «крестьянско-казацким»[3], то вообще «крестьянской войной»[4].

И хотя порочен уже сам подход, всё же остановимся на данных эпитетах. Прежде всего заметим, что они не отражают участия (добровольного!) в Булавинщине таких этносоциальных групп, как запорожцы; калмыки; служилые люди

[1] А.И. Ригельман, В.Б. Броневский, С.М. Соловьёв, Н.Я. Аристов, Н.И. Костомаров, А.Г. Брикнер, И.Н. Харламов, И.И. Дубасов, Л.Б. Вейнберг, Г.В. Плеханов, Д.И. Эварницкий, М.Н. Покровский, Е. Овсянников, М.В. Ивченко, С.Г. Сватиков, Н.М. Никольский, С.Г. Томсинский, Б.Б. Кафенгауз, А.П. Пронштейн–Н.А. Мининков, В.И. Буганов (1986), Н.И. Павленко, И.В. Смирнов, В.И. Лесин (1999), В.Н. Королёв (2004), А.Г. Шкваров (2010), П.А. Аваков (2016, 2017).

[2] Н.И. Краснов, Н.Н. Фирсов, Б.В. Лунин (1951), М.Н. Корчин, В.В. Мавродин (1967, 1988), В.И. Лебедев–Е.П. Подъяпольская, А.М. Самсонов, В.А. Голобуцкий (1957), А.П. Пронштейн (1961, 1973, 1977).

[3] И.И. Голиков, А.Г. Попов, В.Д. Сухоруков, Н.А. Полевой, Н.С. Чаев, Б.В. Лунин (1939), Ф.В. Тумилевич (1958), В.И. Лебедев (1967).

[4] В.И. Лебедев (1934, 1954), Е.П. Подъяпольская, А.П. Пронштейн (1965, 1967), В.В. Мавродин (1966), В.Г. Карцов, Б.В. Чеботарёв, Е.И. Индова–А.А. Преображенский–Ю.А. Тихонов, В.И. Буганов (1974, 1976), Н.А. Мининков (1977).

из разбитых карательных отрядов; простые горожане – жители Борисоглебска[5], Ямполя (Изюмский слободской полк)[6], Камышина[7] и Дмитриевска[8].

Далее, эпитет «крестьянское» выглядит неуместным, ибо сельчане-общинники сыграли незначительную роль в Булавинском восстании. Источники упоминают названия всего 10 сёл и деревень, жители которых (и это лишь помещичьи крестьяне) оказали коллективную поддержку повстанцам: Воронежский уезд – с. Бобровское и с. Чиглянское (Чигла); Тамбовский уезд – д. Грибановка, с. Карачаны (Корочаны), д. Ключи, д. Русская Поляна, с. Талецкое; Козловский уезд – д. Козьмодемьяновка (Козьмодемьянская), д. Михайловская, с. Никольское[9]. Впрочем, есть известие (без точных указаний), что в апреле 1708 г. под власть повстанцев перешли деревни и слободы в Борисоглебском уезде[10]. Но в любом случае крестьяне были не участниками движения (в полном смысле этого слова[11]), а союзниками восставших – только помогали им, причём вынужденно, материальными ресурсами.

Наконец, выглядит иллюзорным определение Булавинщины и как восстания «казацкого». На самом деле среди восставших было много, так сказать, «недоказаков». И тут нужно вспомнить общепринятую иерархию на Дону в начале XVIII в.

Все жители Дона делились на полноправных и неполноправных. К первой категории относились только казаки. Это были православные, достигшие совершеннолетия, входящие в структуру войсковой организации (зачисленные в «десяток» и «сотню» — низшие подразделения казачьего войска) и участвующие в походах и «кругах» (собраниях, на которых избирались атаманы и есаулы, делились трофеи и царское жалованье, вершился суд и т. д.). Но внутри собственно казачества были разные прослойки.

Во-первых, донские казаки делились на «низовых» и «верховых». Последние жили севернее Голубинского городка – по верхнему течению Дона и по его притокам. Низовыми считались казаки, жившие к югу от Голубинского городка вплоть до Черкасска. Низовые казаки смотрели на верховых свысока. При этом жители Черкасска стояли особняком – в документах они величались «Главным войском».

По своему служебному положению различались: рядовые казаки; станичные атаманы и старшины; войсковые атаманы и старшины. В начале XVIII в. «старшинами» звали и родственников тех лиц, что помогали атаманам управлять и воевать, то есть это звание стало фамильным и наследственным.

В-третьих, казаки делились на «старых» и «молодых». Под «стариками» чаще всего разумелись атаманы и старшины, в отличие от рядовых казаков – «молодчих людей».

---

[5] Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1889. Вып. 15. С. 1656, 1663; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18, ч. 1. Л. 379, 468.

[6] Труды Историко-археографического ин-та АН СССР. М., 1935. Т.12: Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской империи: Булавинское восстание (1707–1708) (далее – БВ). С.232; РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Лл.478об. – 479.

[7] Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина // Исторический архив. 1960. №6. С.130.

[8] БВ. С.423, 440–442.

[9] БВ. С.178–179, 182, 184, 187, 195–196, 198, 208; РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Лл.379, 468; Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. С.1656, 1663.

[10] РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Л.468об.

[11] См.: Усенко О.Г. Социальный протест в России до начала XX века: терминология и классификация // Из архива тверских историков. Тверь, 2006. Вып.6. С.63–65.

В-четвёртых, было разделение на «старожилых» и «новопришлых» казаков. Старожилыми звались те, кто родился на Дону в казачьей семье («природные», «коренные») или же были казаками в первом поколении, но прожили на Дону значительный срок (не менее 10 лет).

В-пятых, чтобы стать полноправным казаком, нужно было обзавестись не только конём, оружием и амуницией, но и семьёй, домом, хозяйством. Казаки, обладающие таким имущественным цензом, назывались «добрыми», «справными». Среди них выделялись «домовитые» казаки, которые занимались торговлей, ростовщичеством, скотоводством, добычей соли и широко использовали наёмную рабочую силу. Все они владели обширными состояниями, среди них были не только представители «старшины», но и формально рядовые казаки (разумеется, «старые»).

Наконец, различались казаки «знатные» и «лучшие». «Знатными» назывались наиболее авторитетные, известные всему Войску лица – известные своими подвигами, богатством или официальной должностью. Такие казаки составляли ядро «лучших». Однако в число последних включались и второразрядные «домовитые» казаки, и некоторые из рядовых – наиболее достойные, обладающие большим опытом или каким-либо талантом, а также заслужившие поощрение герои.

Неполноправное население Дона включало, во-первых, «бурлаков». Так звались беглые, только что осевшие на Дону. Не имея средств к существованию и крыши над головой, они нанимались к зажиточным казакам, зачастую довольствуясь лишь тем, что получали кров и пищу. Ни одним из главных казачьих прав (присутствие на «кругах», постоянная служба в составе Войска, участие в походах) бурлаки не обладали.

Второй и более высокой категорией неполноправных донцов были «голутвенные» казаки («голутва», «голытьба»). Это бывшие бурлаки, которым разрешалось присутствовать на «кругах», но только в качестве наблюдателей, даже без права совещательного голоса. В эту категорию попадали те бурлаки, которые допускались к участию в походах «за зипунами».

О том, насколько значимо было для булавинцев различение полноправных и неполноправных донцов, говорит следующий факт: повстанцы, вошедшие вместе с К. Булавиным в сдавшийся им Черкасск (май 1708 г.), поселились и жили там «врознь: знатные по куреням, а бурлаки – по анбаром и по базам»[12].

Кстати, основную массу запорожцев – участников мятежа составляли не казаки в строгом смысле слова, а «гультяи» («голытьба», «серома»). Об этом писал Петру I гетман И.С. Мазепа, которого нельзя было заподозрить в любви к сечевикам, ибо те постоянно конфликтовали с ним[13]. А вот цитата из письма поручика А.И. Ушакова царю от 26 июня 1708 г.: «Доношу Вашему Величеству о запорожцах: есть с оными ворами из них в соединении и то самое малое число, которые из бурлаков без веления старшин ушли уходом для здобычи»[14].

Думается, что более продуктивен второй подход к определению характера Булавинщины. Его сторонники полагают, что итоговая характеристика выступления должна быть обобщённой оценкой заявлений и деяний повстанцев. И здесь к

---

[12] РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Л.524. Курень – дом; баз – хозяйственная постройка: загон, скотный двор, закрытое помещение или навес для скота (Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. С. 30–31, 252).

[13] Письма и бумаги Петра Великого (далее – ПиБ). М.; Л., 1946. Т.7, вып.2. С.880–881.

[14] БВ. С.281.

Булавинскому восстанию применяются уже такие характеристики: «антицарское», «антиправительственное» или «антифеодальное».

Для дореволюционных авторов первые два эпитета были, как правило, синонимами, а третьего они, естественно, не знали. В советской историографии наиболее популярным был именно третий эпитет, но и первые два (опять же как синонимы) применялись достаточно активно. В современной российской историографии, судя по всему, осталось место лишь для первых двух эпитетов, при этом «антиправительственное» не всегда означает «антицарское».

Вообще-то можно по-прежнему говорить об антифеодальном характере Булавинщины и подобных ей народных выступлений. Нужно лишь оговаривать, что имеется в виду не то, будто восставшие хотели уничтожить феодальный строй в целом, а то, что они хотели улучшить, подкорректировать этот строй в свою пользу[15].

Что касается мнения об антицарском характере Булавинщины, то его следует признать ошибочным. К. Булавин и его первые соратники подняли восстание потому, что были уверены в насильственной смерти Петра I и его сына. Именно поэтому казаки и голытьба не желали более терпеть произвол «бояр», посланцем которых выглядел Ю.В. Долгорукий. Выступление под предводительством К. Булавина, с точки зрения его инициаторов, было совершенно законным и необходимым. Главной целью движения провозглашалась месть за гибель царя и царевича, свержение с престола узурпатора – «немчина»[16]. И позднее, на всём протяжении выступления отношение повстанцев к царю было уважительным. Даже самые отчаянные не говорили о том, чтобы свергнуть Петра. Максимум, на что были готовы мятежники, – это уйти с Дона куда-нибудь подальше, чтобы их не настиг царский гнев[17].

Таким образом, наиболее корректным выглядит мнение, что Булавинское восстание было антиправительственным. Но отражает ли эта оценка суть если не всех, то хотя бы типичных заявлений и деяний восставших? Увы, нет. Думается, нужно уйти от желания обозначать характер движения одним словом. Целесообразно использовать описательный метод, подкреплённый структурным анализом слов и поступков булавинцев. Дальнейшая часть статьи представляет собой опыт применения указанных методов по шести параметрам, характеризующим типичное в поведении восставших.

Отношение к арестованным и пленённым врагам. В ходе Булавинщины типичным способом расправы с врагами вне поля боя было утопление[18]. Такая казнь, помимо утилитарного характера (не надо возиться с трупом), имела, видимо, и религиозный смысл: по народным поверьям, если убитый оставался без от-

[15] См.: Павленко Н.И. По поводу книги М.Т. Белявского «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачёва» // История СССР. 1968. №3. С.106.

[16] См.: Усенко О.Г. Политические настроения на Дону в 1697–1707 гг. и повод восстания К. А. Булавина // Клио. 1997. №1. С.149–158.

[17] См.: Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1995. Ч. 2. С. 13–15; Лесин В.И. Ещё раз о характере движения под предводительством Кондратия Афанасьевича Булавина // Проблемы источниковедения и отечественной истории (памяти А.П. Пронштейна). Ростов н/Д, 1999. С.150–159.

[18] БВ. С.143, 249–250, 339, 437, 439; Донесение Петру I Петра Апраксина (28 апреля 1709 г.) // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. Саратов, 1912. Вып.29. С.83; РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Лл.346, 482об., 519об.; Ф.111. Оп.1. 1708 г. Д.9. Л.1.

певания и погребения, его душа обрекалась на вечные муки[19]. Менее популярными видами казни были отсечение головы[20] и расстрел[21].

Но были и другие виды казней – они применялись прежде всего к «изменникам» (богоотступникам и врагам государя). В число таковых восставшие заносили окружение Петра I, главных управителей ближайших к Дону уездов и слободских полков, Ю.В. Долгорукого и других офицеров сыскного отряда, войскового атамана Л. Максимова с его сторонниками, а также высший командный состав карательных отрядов. Виновные в «измене» оказывались вне общества, закона и морали. Так, в Боброве местного бурмистра приезжие донцы выволокли через окно, привязав к хвостам двух лошадей[22].

Но самый яркий пример – действия булавинцев после того, как в ночь на 9 октября 1707 г. они разбили сыскной отряд князя Ю.В. Долгорукого. Попавшие в их руки офицеры были обречены на мучительную и позорную смерть. 10–11 октября казаки в Новоайдарской станице говорили «меж собою, что-де князь Юрья Володимерович Долгорукой от ружья цел, а не убит, и ево-де в таборах мучили, и растенули лошедми, и замучили до смерти, и посадили-де в волчью яму; да с ним же-де... которые были офицеры и подьячия, побиты ж и посажены-де в ту ж волчью яму...»[23]

Видимо, сыскной отряд, рыщущий по Дону, в сознании повстанцев ассоциировался с волчьей стаей, потому-то и место для мёртвых «сыщиков» было выбрано, во-первых, «нечистое», а во-вторых, соответствующее, как виделось булавинцам, внутренней сути незваных пришельцев. Предать земле их тела, а уж тем более похоронить на кладбище (т.е. на освящённой земле) значило бы признать «человечность» убитых или же осквернить кладбище.

Важно отметить, что ненависть к врагам не застилала глаза восставшим, не приводила к огульным расправам. Булавинцы относились к пленным сообразно с представлениями о справедливости и законности, которые, естественно, отличались от официальных. Участь арестованных решалась повстанческим кругом[24]. Судьба знатных особ и должностных лиц, изначально не включённых в повстанческий «чёрный список», зависела прежде всего от того, «добры» они или нет.

Иногда восставшие (как правило, из донских казаков) могли сами дать подобную характеристику тому или иному лицу, исходя из личного опыта. И не раз бывало, что приятельство или знакомство с донцами какого-либо лица из правительственного лагеря спасало его от смерти.

Например, был «знакомый» среди казаков у азовского подьячего «старшей статьи» Н. Иванова, приехавшего на Дон сентябре 1707 г. вместе с отрядом Ю.В. Долгорукого, где он служил писарем. После разгрома отряда (в ночь с 8 на 9 октября) подьячий укрылся от восставших именно у приятеля – в Новоайдарском городке. И всё же он попал в руки повстанцев. 10 октября «в кругу» они решали его судьбу: «…И приговорили-де ево, Назара, …посадить в воду, а иныя из них приговорили проучить да пустить. И с того-де была дважды, а втретей-де в кругу ж приговорили, что ево, Назара, простить без бою»[25]. Лишь страхом отделались и

---

[19] См.: Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 46–61.

[20] БВ. С.237, 238, 438; РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Л.369.

[21] БВ. С.263–264.

[22] БВ. С.187–188.

[23] РГАДА. Ф.842. Оп.1. Д.3. Л.22.

[24] БВ. С. 176, 182, 205, 263–264.

[25] РГАДА. Ф.842. Оп.1. Д.3. Л.21об. – 22.

подьячие из Борисоглебска, которых в апреле 1708 г. хотели «посадить в воду» казаки Пристанского городка[26].

Если же булавинцы обвиняемого лично не знали или не слышали о нём ничего достоверного, то учитывали мнение местных жителей. И бывало так, что обвиняемый отделывался лишь страхом.

Например, 13 мая 1708 г. восставшие вошли в Дмитриевск и «посадили в воду» несколько офицеров, «бурмистров соляной продажи» и писаря. Зато воевода остался жив. 15 мая в кругу его заставили «целовать крест за правду» вместе с посадскими людьми и арестованными солдатами[27]. Воеводе Царицына так не повезло. В июле 1708 г. его казнили, а заодно с ним подьячего, пушкаря и двух стрельцов[28].

Наконец, в ряде случаев повстанцы решали участь арестованных на свой страх и риск, ни с кем дополнительно не советуясь. И опять же далеко не все обрекались на смерть.

Так, в августе 1708 г. примкнувшие к восстанию «станичные солдаты» Богданинской слободы близ Борисоглебска в кругу убили подьячего, но оставили в живых борисоглебского «дьячка»[29]. 27 сентября 1708 г. отряд Н. Голого разбил карательный полк И. Бильса и взял в плен с десяток офицеров. Четверо из них избежали казни[30].

Восставшие понимали, что большинство рядовых военнослужащих, которых бросили на подавление их выступления, не очень-то хотели сражаться, поэтому отношение повстанцев к таким пленникам, не уличённым в «измене», было гуманным.

9 октября 1707 г. уцелевшие солдаты и казаки из отряда Ю.В. Долгорукого были отпущены восвояси[31]. После взятия Черкасска (1 мая 1708 г.) мятежники арестовали 10 азовских пушкарей, участвовавших в обороне города, но отпустили их в Азов[32].

После разгрома Сумского слободского полка (8 июня 1708 г.) повстанцы приговорили к смерти, помимо старшин, сотников и урядников, лишь немногих рядовых казаков – очевидно, тех, кто сопротивлялся особенно упорно. Остальных же булавинцы позвали к себе, угрожая, однако, смертью за отказ присоединиться к ним. Тем не менее, получив такой отказ, они пленных отпустили[33].

Захватив Царицын в июле 1708 г., булавинцы посадили уцелевших солдат и офицеров гарнизона под арест, но затем «в кругах» было решено пленных выпустить[34]. Сходным образом поступили члены отряда Н. Голого, когда разбили полк И. Бильса. Из числа солдат и «работных людей», сопровождавших полк, с повстанцами остались только желающие, прочих же восставшие «роспустили врознь»[35].

---

[26] РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18, ч. 1. Л. 469.

[27] БВ. С. 437, 439, 442.

[28] БВ. С. 438.

[29] РГАДА. Ф. 406. Оп. 1. Д. 1112. Л. 4–4 об., 7 об.

[30] БВ. С.337, 339, 350; Донесение Петру I Петра Апраксина. С. 83; Материалы о восстании на Дону и в Центральной России в XVIII в. // Мат-лы по истории СССР. М., 1957. Вып.5. С.536.

[31] БВ. С.128; РГАДА. Ф.842. Оп.1. Д.3. Л.22об.

[32] Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С. 122.

[33] БВ. С.263–264.

[34] БВ. С.438.

[35] БВ. С.339, 343; Донесение Петру I Петра Апраксина (28 апреля 1709 г.) // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. Саратов, 1912. Вып.29. С.83.

Не было чуждо гуманности и отношение мятежников к донцам-врагам. После победы над отрядом Л. Максимова (9 апреля 1708 г.) восставшие не только отпустили всех пленных, но и взяли их с собою в поход на Черкасск, правда, отобрав у них оружие. Получили прощение даже казаки Правоторовской станицы, которые ранее, в октябре 1707 г., арестовали гонцов от К. Булавина[36].

Однако те из донцов, которые не желали принять сторону булавинцев или хотя бы встретить их с хлебом-солью, рисковали поплатиться за это если не жизнью, то имуществом.

Так, в начале марта 1708 г. атаман Л. Хохлач, действовавший с отрядом на Бузулуке, приказал отрубить головы трём казакам, чтобы не была голословной его угроза карать смертью за нежелание «быть заодно» с восставшими[37]. В апреле 1708 г. повстанцы, двигаясь на Черкасск, открыто заявляли, что будут убивать и жечь дворы тех, кто не пойдёт с ними[38]. И действительно, во время этого похода шли аресты и казни «старых казаков»[39]. Во второй половине мая 1708 г. уже по всем донским городкам восставшие били, грабили и «сажали в воду» своих противников[40].

Отношение к потенциальным союзникам. Как первоочередные и главные союзники мятежников, как их будущие соратники рассматривались донские казаки. Иначе и быть не могло, поскольку сам К. Булавин и его ближайшее окружение были казаками, а пошедшие за ними голытьба и бурлаки мечтали «показачиться».

В октябре 1707 г. после убийства Б. Долгорукого, К. Булавин трижды слал письма в Черкасск, надеясь на одобрение его действий со стороны «Войска»[41]. Во время похода на Черкасск рядовые повстанцы говорили, что если тамошние казаки к ним не пристанут, они разойдутся по домам[42]. Судя по словам атамана Распопинской станицы С. Извалова, сказанным в ноябре 1708 г., пиетет в отношении черкасских казаков был присущ всему «простому народу»[43].

В служилых людях, которые не участвовали в борьбе с повстанцами, последние видели тоже потенциальных соратников или хотя бы союзников. Причём восставшие предлагали присоединиться к ним лишь тому, кто сам этого хотел, и не очень переживали, если «охотников» оказывалось мало. Например, К. Булавин в начале апреля 1708 г. звал к себе девятерых тамбовских «станичников» (городовых казаков). Их только уговаривали, и когда один из них перешёл к восставшим, остальных отпустили восвояси[44].

Несколько иным было отношение булавинцев к тяглым людям. Да, они также были потенциальными союзниками, но повстанцы не гнушались прибегать к насилию и угрозам, вербуя сторонников из «черни».

В первой половине марта 1708 г. при подготовке похода на Черкасск сам К. Булавин «в неволю с собою» взял 200 работных людей, которые на Хопре готовили лес для сплава в Азов[45]. В июле 1708 г. булавинцы, осаждавшие Царицын, заставляли работных людей с остановленных на Волге судов носить землю и

---

[36] РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Лл.388, 493.
[37] Там же. Л.369.
[38] БВ. С.190.
[39] БВ. С.249–250; РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Л.482об.,
[40] РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Л.519об.
[41] БВ. С.141.
[42] РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Л.388.
[43] БВ. С. 353.
[44] БВ. С. 185.
[45] БВ. С.170; РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Л.369об.

дрова, чтобы засыпать ров перед кремлём. Работа эта продолжалась несколько суток[46]. В августе 1708 г. атаман С. Жуков перед боем с карательным отрядом Е. Гулица силой взял к себе неких «Борисоглебского города жителей»[47].

Восставшие считали себя вправе приказывать и крестьянам. Так, в конце марта 1708 г. повстанцы велели жителям с. Никольское Козловского уезда выбрать атамана и есаулов и быть «заодно» с булавинцами[48]. По приказу восставших в мае 1708 г. крестьяне (жители с. Курлак) повезли повстанческие письма к стольнику С. Бахметеву, пришедшему на р. Хопёр с карательными войсками[49].

Крестьянам, которые отказывались подчиняться восставшим, те «грозили забойством» (грабежом и убийством), поскольку действовали по принципу «кто не с нами, тот против нас». Отсюда следует, что сотрудничество с тяглым населением булавинцы понимали как его безоговорочное подчинение им. Но вот что интересно: смотреть сверху вниз на собратьев по сословию начинали и крестьяне, взявшие сторону повстанцев или прямо вступившие в ряды мятежников. Жители деревень и сёл, примкнувших к восставшим, осознавали себя уже не крестьянами, а казаками. Посему они считали естественным принуждать жителей окрестных селений также переходить на сторону булавинцев. Так поступали, например, крестьяне с. Никольского Козловского уезда[50].

Отношение к собственности и богатству. То, что в источниках, вышедших из правительственного лагеря, называлось грабежом, для восставших было, говоря современным языком, экспроприацией незаконно нажитого имущества.

В первую очередь лишались имущества «изменники» и их пособники. Вспомним, как восставшие отпустили пленных солдат и казаков из отряда Ю.В. Долгорукого, – предварительно их лишили коней, имущества и оружия[51]. В таком же положении оказались позднее рядовые казаки Сумского слободского полка, а их имущество повстанцы разделили (устроили «дуван»)[52]. Имущество, которое мятежники захватили после разгрома полка И. Бильса, они «собрали всё вместе» и тоже раздуванили[53].

В конце марта 1708 г. К. Булавин с войском конфисковали и разделили «государевы хлебные запасы» – муку, приготовленную для отправки в Азов и хранившуюся в Усть-Хопёрском городке. Но вот «лесные припасы». собранные там для сплава опять же в Азов, повстанцы сожгли[54]. 30 марта в Боброве казаки из отряда Л. Хохлача захватили имущество воеводы, подьячих, приказных людей и бурмистров. Всё это 6 апреля делилось на кругу в Пристанском городке[55].

Взяв Черкасск, восставшие не устраивали никаких погромов. Армянские и турецкие купцы по-прежнему торговали и свободно уезжали домой. Зато было конфисковано имущество войскового атамана и «неправых старшин», казнённых

---

[46] БВ. С.438, 443.
[47] РГАДА. Ф.406. Оп.1. Д.1112. Л.6.
[48] БВ. С.184.
[49] Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск, 1891. Т.1. №166. С.264.
[50] БВ. С.184.
[51] БВ. С.128; РГАДА. Ф.842. Оп.1. Д.3. Л.22об.
[52] БВ. С.262–264.
[53] БВ. С.339.
[54] БВ. С.202, 226.
[55] БВ. С.187–188, 203.

6 мая 1708 г., а также тех, кто выступал против К. Булавина или бежал из Черкасска[56].

Из крестьян страдали от мятежников прежде всего те, которые отказывались примкнуть к восстанию. В конце марта 1708 г. булавинцы разорили деревни по р. Вороне (Тамбовский уезд), жители которых отказались их поддержать[57].

Увы, но часто повстанцы грабили без высшего оправдания – с мотивировкой «цель оправдывает средства». По мнению восставших, ради правого дела вполне можно было причинять ущерб кому бы то ни было.

17 марта 1708 г. сразу несколько отрядов, в составе которых были донцы, запорожцы, «черкасы» (жители Слободской Украины) и калмыки, отогнали скот у помещичьих крестьян Тамбовского уезда (д. Грибановка-Малая, д. Карачан, д. Русская Поляна) и Борисоглебского уезда (д. Самодаровка, д. Катасоновка). 20 марта булавинцы (те же?) увели 1000 кобыл с Тамбовского драгунского двора, а заодно прихватили коней у местных станичников[58]. 30 марта было разорено с. Боровское Тамбовского уезда. Мятежники захватили коней и «великого государя денежную казну»[59]. Примерно в то же время были ограблены жители д. Русская Поляна того же уезда. Вымогая деньги, повстанцы били мужчин и женщин и даже пытали огнём[60].

В апреле же 1708 г. повстанцы отогнали коней у дворцовых крестьян д. Садовой Битюгской волости Воронежского уезда[61]. 30 апреля булавинцы отогнали 200 лошадей у жителей д. Средней Усердского уезда, а 1 мая другая шайка (донцы, калмыки и ногайские татары) захватила коней в д. Липяги близ Валуек[62]. Дважды отгонялись кони и у дворцовых крестьян с. Никольского Тамбовского уезда[63]. В начале мая у жителей Валуек был «от воров булавинцов великой страх, потому что непрестанно они, воры, под Валуйку подбегают и людей, которых застанут за городом в степи, грабят и побивают до смерти, и стада конские и скот отгоняют»[64]. Были случаи, когда на дуван выставлялись девки из помещичьих деревень[65].

Восставшие из числа донцов, готовясь к походу на Черкасск, отобрали суда у тамбовских крестьян, торговавших в Пристанском городке[66]. Уже будучи в Черкасске, К. Булавин приказал конфисковать имущество ста казаков, которые были членами зимовой станицы и находились тогда в Воронеже[67].

Тяга к разбоям была характерна и для голутвы. 7 мая 1708 г. на кругу в столице Дона И. Некрасов «просился у него, Кондрашки, з голудьбою для добычи на море на морских струшках». Но К. Булавин попросил подождать, пока азовский губернатор не вернёт имущество, оставленное у него на хранение бывшим войсковым атаманом Л. Максимовым и войсковым старшиной Е. Петровым. «И есть-

---

[56] Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С.126–127; БВ. С.238–239, 302; РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Л.495.

[57] БВ. С.179, 188.

[58] БВ. С.166, 171; ПиБ. Пг., 1918. Т.7, вып.1. С.557.

[59] БВ. С.182.

[60] БВ. С.183–184.

[61] Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. С.1662.

[62] РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Лл.465, 466.

[63] РГАДА. Ф.371. Оп.1. Ч.1. Д.496. Лл.3, 17.

[64] БВ. С.252.

[65] РГАДА. Ф.111. Оп.1. 1708. Д.6. Л.22.

[66] БВ. С. 175–176.

[67] РГАДА. Ф.111. Оп.1. 1708. Д.11. Л.2об.

ли-де губернатор… тех пожитков к ним не пришлёт, и он, вор, с ним собрався, пойдёт под Азов и под Троецкой и на море сам»[68].

8 мая в столицу Дона пришли письма от Л. Хохлача и С. Беспалова по появлении на Хопре и Северском Донце карательных войск. Голытьба, которой не удалось пока «поисправиться» (разжиться оружием, конями, имуществом), отказалась идти против царских войск. Пришлось Булавину 11 мая провести делёж «церковных денег», собранных на строительство каменного собора (заложен в 1706 г.). Такой дуван, с точки зрения К. Булавина и голытьбы, которая получила эти деньги, был вполне законным и отнюдь не святотатственным делом. Ведь голутвенные казаки роптали, что «им есть нечего», а интересы движения требовали поддержания дисциплины в среде восставших и обеспечения их боеспособности. Но голыдьба желала большего и предлагала «черкасских природных казаков всех побить и пожитки их разграбить»[69]. На это Булавин пойти не захотел, зато разрешил голутве поделить и хлебные запасы в Паншине[70].

В конце мая 1708 г. отряд Л. Хохлача на Волге начал захватывать купеческие струги. Трофеи организованно дуванились на берегу[71]. В то же время отряд И. Некрасова под Саратовом захватил табуны местных жителей[72]. В марте – апреле 1709 г. отряд А. Иванова, составленный из верховых казаков, творил «грабежи всяким проезжим людем» в саратовской степи у г. Петровского[73].

Но особенно сильными разбойничьи наклонности были у бурлаков. Донские бурлаки и волжские («судовые ярыжки») составляли главную часть войска, осадившего Царицын и взявшего его в июле 1708 г. Их атаманом был Иван Павлов, который тоже вышел не из казаков, а из работных людей. Когда он и его соратники узнали о приближении к Дону карательных войск, то стали обсуждать не то, как дать отпор, а то, куда уйти – «на море» или «на иную реку»[74].

Характерна реакция павловцев на известие о смерти К. Булавина и приходе царских войск в Черкасск. Приехавшие казаки во главе с И. Некрасовым предложили им сообща выступить против карателей. «И был у них круг, и в кругу Некрасов говорил, чтоб взять ис Царицына алтилерию и со всем иттить на Дон, а Ивашко говорил, чтоб алтилерии не давать, а с Царицына со всем идти плавною по Волге на море. И в том великой у них был спор, и подрались, и бутто голудьба вступилась за Ивашку Павлова и приезжих с Некрасовым многих били и пограбили»[75].

Нежелание бурлаков воевать за «вольный Дон» понятно, ведь в основной своей массе они не успели там обжиться. А у запорожской серомы не было и в зародыше чувства личного единения с Доном. Кстати, когда сечевики в июле 1708 г. отправились домой, к ним примкнул «полк» (отряд) бахмутских бурлаков атамана Нежинского[76].

Серома, принявшая участие в Булавинщине, никогда не скрывала, что главное для неё – безнаказанно грабить. На радах в Сечи перед походом на Дон

---

[68] БВ. С.239.
[69] БВ. С.238–239.
[70] РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Л.523.
[71] БВ. С.441–442.
[72] Кн.18, ч.1. Л.264.
[73] Донесение Петру I Петра Апраксина. С.82–83.
[74] БВ. С.238, 250.
[75] БВ. С.436.
[76] БВ. С.395.

(начало мая 1708 г.) гультяи кричали, что им надо идти туда «для добичи»[77]. Не скрывали своей корысти они и на Дону.

В начале июня 1708 г. на Бахмут из Черкасска «пришли от Булавина 300 человек запорожцов… И стала-де голутьба кричать, абы их не держали в одном месте. И им-де, запорожцам, и всяким пешим и конным людем, позволено, як возможно, где кому добывать коней»[78]. Отряд С. Драного в битве под Тором (2 июля 1708 г.) включал полторы тысячи запорожцев. Те из них, что уцелели после разгрома отряда, ушли в Сечь, не просто бросив недавних соратников, но «и многих пограбя и побрав кони»[79].

Обращает на себя внимание и тот факт, что большинство сечевых отрядов, примкнувших к булавинцам, действовали в районе Бахмута и на территории Изюмского полка, то есть по соседству с владениями Войска Запорожского и вне территории Войска Донского[80]. В походе на Азов участвовали всего около 200 запорожцев. Узнав о смерти К. Булавина, они ушли из-под Азова и начали захватывать скот и коней «под самарскими городами»[81].

Стремление грабить на законных основаниях руководило действиями и простых горожан, решивших поддержать восставших. 31 мая 1708 г. в Черкасск прибыли двое гонцов из Камышина, которые заявили, что камышинцы «к нему-де, Булавину, их прислали говорить, чтоб им жить в согласии с ними, ворами. А которые суды Волгою проходят на низ, и чтоб он-де, Буулавин, велел те суды им, камышинцам, одерживая у Камышенки, грабить. И он-де, Булавин, то всё чинить им велел»[82].

А вот жители Дмитриевска не стали дожидаться такой санкции – часть их (включая местных солдат) пополнила отряд Л. Хохлача и И. Некрасова, посланный для захвата Саратова. По пути мятежники грабили «торговых людей», которых останавливали на Волге[83]. С другой стороны, в Дмитриевске поселились приезжие мятежники – донские казаки и бурлаки. Но как только они узнали, что против них вышло войско из Царицына, собрались бежать на Дон. Коренные дмитриевцы пытались их удержать, но донцы большей частью всё же ушли. При этом перед уходом они грабили и били тех, кто решил остаться[84].

Для калмыков, поддержавших булавинцев, на первом месте также была возможность «легально» грабить, захватывать пленных и скот. Например, в марте 1708 г. отряды восставших, среди которых были и калмыцкие, ограбили богатых крестьян в с. Грибановке Тамбовского уезда и отогнали табуны и стада от Тамбова[85]. Восставшие донцы и калмыки ездили «для разорения деревень» и под Воронеж – например, в августе 1708 г.[86]

Козловский воевода Г.И. Волконский в одном из донесений 1708 г. написал о калмыцком отряде в 1500 чел.: «…Воровские колмыки в сём июне… подъезжая воровским наездом по подсылке Буловина, Танбовского уезду в сёлах… одного на заставе дворянина убили до смерти, а иных многих ранили, также многих з жёнами и з детьми в полон побрали, а домы их жгли и разорили, и пожитки и всякую

---

[77] БВ. С.382–383.
[78] БВ. С.286.
[79] БВ. С.290, 294.
[80] БВ. С.242, 263, 276; Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С.134.
[81] БВ. С.394–395.
[82] Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С.130.
[83] БВ. С.423, 440–442.
[84] БВ. С.439, 441, 444.
[85] БВ. С.166, 178.
[86] БВ. С.326.

скотину и лошадей пограбили. <…> А которые ис Танбова… посланные погонщики наехали их с полоном в степи с 70 человеков, и они-де с ними, погонщики, бились… И на том-де бою ис тех колмыков, подъехав к ним, погонщиком, один человек, и говорил, что-де они ездят по подсылке Кондрашки Буловина, и показывал письмо, а сказывал, что им по тому письму людей велено имать себе вместо жалованья, а лошадей и скотину – на прокормление. И отгонных-де лошадей и скотины гонят те колмыки 4 табуна…»[87]

В «Древнем тамбовском летописце» под 1708 г. сообщается: «…Били воровские калмыки Тамбовского уезда на новопоселённые сёла и деревни, и в вольных крепостях побрали в плен из тех сёл и деревень мужеска полу и женска, и от малых ребят, и от всякого скота, а иных многих и смерти предавали…»[88]

Повстанческое разбойничество мешало расширению социальной базы восстания. Так, в мае – июне 1708 г. по ряду дворцовых сёл Тамбовского уезда разошлась молва, что «на Москве полки подымаютца» и что «на Москве казакам нынче время». С одобрением крестьяне рассказывали друг другу: «Царевич-де по Москве гуляет с донскими казаками, и как увидит на Москве которого боярина, и им, казакам, мигнёт, и они-де, казаки, ухватя того боярина за руки за ноги, бросят в ров». Доставалось от крестьян и Петру I: «У нас-де государя ныне нет, это-де не государь, что ныне владеет, да и царевич-де говорит: «Это-де мне не батюшка и не царь»»[89].

Почему же дворцовые крестьяне остались в стороне от восстания? Ответ кроется в их показаниях. Один из распространителей слуха – крестьянин с. Никольского – поведал властям, что «разорили ныне нас казаки, отогнали у нас дважды лошадей». Приказчик И. Ерофеев из того же села добавил подробностей: «…В Танбовском уезде во многих селех и деревнях и у них в селе воровские казаки булавинцы были и конные стада отогнали, а того села все жители… ис того села выбегали и жили в лесах»[90].

Не случайно, таким образом, что жители соседних с Доном регионов – и сельчане, и простые жители городов и слобод – составили совсем небольшую часть социальной базы восстания.

Повстанческий демократизм. Его своеобразие ярко характеризуется тем, каким способом и кто попадал в состав повстанческого руководства.

На начальном этапе восстания, судя по всему, выборность командиров отсутствовала. В октябре 1707 г. окружение К. Булавина составляли «воровские старшины» – 3 полковника и 50 сотников. Причём в полковниках был И. Лоскут («старый» казак, бывший разинец), М.С. Драный (сын С. Драного – атамана Староайдарского городка) и некий «коротояцкий подьячий»[91]. Очевидно, все эти лица вошли повстанческую элиту по воле К. Булавина.

На втором этапе восстания, весной 1708 г., выборы командиров стали нормой. Это происходило на кругах, при этом самоотвод не допускался, и тех, кто не хотел согласиться с решением круга, заставляли сделать это силой – в буквальном смысле слова.

Так, в марте 1708 г. на круге в Пристанском городке Булавин «полковников и знаменщиков выбрал неволею», причём одного из кандидатов (И. Шуваева) даже

---

[87] БВ. С.432.
[88] Известия Тамбовской учёной архивной комиссии. Тамбов, 1915. Вып.56. С.92.
[89] РГАДА. Ф.371. Оп.1. Ч.1. Д.496. Лл.2об. – 3, 17, 24.
[90] Там же. Лл.3,17.
[91] БВ. С.130.

бил за то, что тот не желал быть полковником. В результате избранник занял-таки предложенный пост[92].

В конце марта 1708 г. жители г. Борисоглебска без боя склонились к восставшим, впустив их в город. Лишь подьячий Ф. Катасонов пытался помешать булавинцам увезти с собой порох из «государевой казны», за что «ево они били». Однако 30 марта «приезжали в Борисоглебской воры ж человек с 30 и, собрав тамошних жителей в круг, выбрали в атаманы и есаулы охотников... а в полковники подьячего Филимона Катасова выбрали поневоле...»[93]

Выборность командиров была на время забыта, когда повстанцы взяли Черкасск, а Булавин стал войсковым атаманом. В состав его ближайших помощников (войсковых старшин), так сказать, явочным порядком вошли черкасские знатные казаки, бывшие ранее в оппозиции Л. Максимову «с товарыщи»[94]. Дело в том, что они, перейдя на сторону восставших, увлекли за собой остальное население Черкасска и тем самым сохранили в глазах повстанцев свой авторитет. Кроме того, есть свидетельство, что именно старшины из партии И. Зерщикова «учинили» К. Булавина войсковым атаманом[95].

Иерархичность демократических представлений была присуща и запорожской «сероме», часть которой примкнула к булавинцам. До этого, в середине мая 1708 г., «серома» потребовала от кошевого атамана и старшин дать ей полковника – предводителя похода на помощь К. Булавину. Исполнение требования означало бы, что руководство Сечи даёт санкцию на указанный поход. Но получается, что выбрать предводителя из своей среды «серома» не считала возможным. Кошевой атаман, однако, не пошёл навстречу, а когда на него надавили, он заявил об уходе со своего поста. Решением круга, в котором активное участие приняла голытьба, его обязали оставаться на посту атамана. И всё равно полковника он так и не назначил[96].

Своеобразие повстанческого демократизма обусловливалось и тем, что участие в кругах было ограниченным, причём из присутствовавших далеко не каждый имел право решающего голоса.

В начале мятежа повстанческий «круг» состоял, по всей видимости, из одних «воровских старшин». Ночью 18 октября 1707 г., после переговоров с карателями, которых возглавлял войсковой атаман Л. Максимов, К. Булавин получил письмо от него. Рядовые повстанцы не узнали о содержании письма, поскольку Булавин читал его «в кругу при знатных ворах»[97].

Имеющаяся информация об уже упомянутом круге в Пристанском городке (март 1708 г.) позволяет сделать вывод о его, так сказать, элитарном характере. На нём присутствовали не все восставшие, а лишь по 20 «лучших людей» из казацких городков, расположенных близ рр. Хопра, Медведицы и Бузулука, а также ближайшие соратники К. Булавина[98]. Не удивительно, что среди новых полковников и есаулов оказались трое «старых хопёрских казаков»[99].

Когда же в начале апреля 1708 г. глава восставших заявил, что в Усть-Хопёрском городке «будет вся река в съезде», он опять-таки не имел в виду всех

---

[92] БВ. С.168–169.

[93] РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Л.468.

[94] БВ. С.239; РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Л.649.

[95] БВ. С.252.

[96] БВ. С.382–383.

[97] Масловский Д. Северная война: документы 1705–1708 гг. СПб., 1892. Вып.1. С.150.

[98] БВ. С.168–169, 378.

[99] БВ. С.185, 206.

казаков Дона или хотя бы всех повстанцев поголовно. «Съезд» оказался собранием одних лишь повстанческих полковников и есаулов[100].

Уже в Черкасске при К. Булавине «ради совету и думы» были «старики» из верховых городков[101]. Вероятно, именно они представляли верховых казаков на войсковом кругу («в Войске»). О составе же войскового круга в целом говорится в письме повстанцев на Кубань от 27 мая 1708 г.: «А ныне у нас Войска со всех рек… на острову изо всякой станицы старших людей, окроме молодых которыя, в третчине»[102].

Но вот что интересно: далеко не все знатные черкасские казаки принимали участие в кругах при К. Булавине – войсковом атамане. 17 мая 1708 г. в письме азовскому губернатору войсковой есаул Т. Соколов и старшина И. Юдак писали, что у Булавина «совет… непрестанно с рыковцами (казаками Рыковских станиц в Черкасске. – *О.У.*) о всём, а им о совете их малое что ведомо чрез людей»[103].

Отлучение ряда черкасских старшин от «совета» с К. Булавиным было, очевидно, следствием того, что последний узнал о заговоре против него[104]. Но раз это не вызвало открытого возмущения, значит подобное соответствовало представлениям восставших и прочих казаков о нормах общественно-политической жизни. С другой стороны, отметим, что Булавин ограничился профилактическими мерами против заговорщиков, не отдав приказа их схватить. Значит, ему важно было сохранить видимость общевойскового единства.

То, насколько в глазах восставших был весом авторитет полноправного казака, показывает и такой пример. В конце августа 1708 г. под Обливенский городок (Обливы) подошёл сборный отряд повстанцев. Атаманом был природный казак И. Рысколов, а полковником при нём – Н. Голый. И это при том, что в отряде Голого было в 4 раза больше людей, чем в отряде Рысколова[105].

История булавинского восстания пестрит примерами и неравноправия на «дуванах». В начале апреля 1708 г. в Усть-Хопёрском городке повстанцы захватили «государевы хлебные запасы», приготовленные для отправки в Азов. При дележе добычи распределялись разные доли – по четверти[106], по две четверти и по три четверти хлеба на человека[107].

Особое положение было у предводителя булавинцев, который обычно ещё до всеобщего «дувана» выбирал наиболее ценные или желаемые трофеи. Например, сразу после разгрома Сумского казачьего слободского полка К. Булавину по его приказанию были доставлены кони и «рухлядь»[108]. Когда же Булавин обосновался в Черкасске, он взял себе имущество казнённых войсковых старшин и «разорил» дома арестованных[109]. В связи с этим становится понятным следующий факт. В мае 1708 г. повстанцы овладели Камышиным, но «государеву казну»,

---

[100] БВ. С.205.
[101] БВ. С.467.
[102] БВ. С.464.
[103] РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Кн.18, ч.1. Л.523об.
[104] Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С.129, 131.
[105] Материалы о восстании на Дону и в Центральной России в XVIII в. С. 531.
[106] Четверть – мера ёмкости сыпучих тел, с 1679 г. равная 8 пудам или 209,91 л.
[107] БВ. С. 202.
[108] БВ. С. 298.
[109] БВ. С.238–239, 302; Аваков П.А. Черкасск и Булавинское восстание в 1708 г. (нехрестоматийная хроника) // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года). Мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г.). С.84.

которая находилась в городе, делить стали не сразу, а лишь тогда, когда от К. Булавина для охраны города приехал с казаками атаман К. Носов[110].

Анализ упомянутого выше дележа «церковных денег» в Черкасске показывает, что традиционная казацкая иерархия органично вошла в структуру повстанческого войска. Согласно источнику, в дуван попало 20 тысяч руб., причём на человека пришлось по 2 руб. 3 алтына 2 деньги[111]. Если разделить всю сумму на величину пая, то получится, что в дуване участвовали 9542 чел. Между тем у К. Булавина в столице Дона было в то время около 8 тысяч воинов, а черкасские казаки в дележе не участвовали. Значит кто-то получил больше, чем другие. Очевидно, эти «кто-то» были атаманами, есаулами, старшинами.

Наконец, булавинцам было присуще уважение к тем, кто стоит на высоких ступенях социальной лестницы – как внутри казачьего сообщества, так и за его пределами (если только эти лица не причислялись к «изменникам»).

В то время обращение к человеку по имени и отчеству с «вичем» было свидетельством крайнего уважения, ибо право именоваться таким образом принадлежало только лицам знатного происхождения – князьям и боярам. Так вот, булавинцы, говоря о своих родовитых противниках или обращаясь к ним напрямую, сохраняли в их отчествах «вич». Но не только аристократы удостаивались «вича». Именно так в апреле 1708 г. К. Булавин обращался в письме к И. Зерщикову и В. Поздееву – дружественным ему черкасским старшинам[112]. В некоторых «прелестных письмах» повстанцев с «вичем» писалось и отчество К. Булавина[113]. Обращение на «вич» применяли иногда и ближайшие соратники К. Булавина – предводители крупных отрядов. Так, «заставной атаман» А. Иванов в письме стольнику С. Бахметеву величал на «вич» не только его, но и себя[114]. Точно также именовал себя и адресата – бригадира Ф.В. Шидловского атаман С.Ф. Беспалый[115].

Так же писал своё отчество и сам К. Булавин – тогда, когда либо выступал по отношению к адресату высокого ранга в качестве полноправной стороны (письма на Кубань и в Ачуев), либо смотрел свысока на своих адресатов (письма «атаманам-молодцам» и «в русские города»)[116]. Когда же Булавин был в положении просителя, «вич» в своём отчестве он опускал (письмо кубанским раскольникам) или же именовал себя так: «Кондратей Афонасьев» (письмо белгородскому воеводе с просьбой отпустить жену и сына, послания запорожским казакам, письма «полководцам», Петру I и турецкому султану)[117].

Характерно также, что восставшие, обращаясь при необходимости к простому населению, живущему за пределами Войска Донского, искали контакта прежде всего с людьми, обладающими властными функциями или хотя бы относительно богатыми.

Среди адресатов «прелестных писем» К. Булавина и его атамана Н. Голого на первом месте стоят «начальные люди», старосты и прочие управители[118]. 15

---

[110] Булавинское восстание (1707–1708). С.440–441.
[111] БВ. С.238–239.
[112] Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С.124.
[113] БВ. С.450, 460–461.
[114] ПиБ. Т.7, вып.2. С.655.
[115] РГАДА. Ф.9. Отд.2. Оп.3. Кн.7. Л.832.
[116] БВ. С.450, 452, 456, 457, 460.
[117] БВ. С.452, 454, 456, 457, 461–463, 465.
[118] БВ. С.450, 466.

марта 1708 г. повстанцы привезли в д. Грибановку Тамбовского уезда письмо с призывом поддержать их. Оно было адресовано деревенскому старосте[119].

«Диффузное мышление»[120]. Обращаясь к жителям «русских городов, сёл и деревень» (март 1708 г.), К. Булавин призывал стать не только за церковь, православную веру и государя, но и «за всё Великое Войско Донское»[121]. Два месяца спустя в своём письме к тем же людям атаман Н. Голый обещал «черни» в обмен на поддержку восставших дать «коней, и ружьё, и платье, и денежное жалованье»[122], т. е. наградить тем, о чём прежде всего мечтали казаки.

Конечно, донцы имели основания считать, что все слои трудящихся стремятся стать казаками, – такое убеждение подпитывал хотя бы непрекращающийся приток беглых на Дон. Однако те, кто оставался дома, кто по-прежнему нёс тягло, очевидно, слабо связывали свои интересы с чаяниями донцов. Но об этом восставшие и мысли не допускали.

«Подстановкой» своих представлений в сознание других людей можно объяснить и уверенность восставших в том, что царь поступит именно так, как они ожидают. Свои письма от 4 мая 1708 г., адресованные царю и предводителям карательных отрядов, К. Булавин рассылал не просто в надежде получить царский указ с запрещением для правительственных войск идти войной на казаков. Для Булавина и его соратников этот указ уже фактически существовал: «А буде вы, полководцы, преслушав ево, великого государя, указа, насильно поступите...»; «А буде они, полководцы, преслушав твой, великого государя, указ, насилно поступят...»[123]

Ситуативность социально-политической терминологии. Речь идёт о прямой зависимости конкретного смысла ключевых слов (терминов) от ситуации, в которой они употребляются, от адресата и целей говорящего.

Возьмём, к примеру, слово «бояре». В народе этим словом обозначались, как правило, крупные чиновники – носители высшей власти и главы региональной администрации, носящие, однако, не только боярский титул[124]. Но в то же время словом «бояре» булавинцы иногда обозначали воюющих против них служилых людей низших званий.

Так, в начале мая 1708 г. по верховым городкам распространялись письма булавинского атамана Л. Хохлача с известием, что «он на Соволе (Савала или Савола, приток Хопра. – авт..) бояр побил»[125]. Тот же Л. Хохлач 29 апреля 1708 г. послал письмо стольнику С. Бахметеву, пришедшему на р. Хопёр с войсками, в котором приветствовал «всех бояр». При этом повстанцы убеждали Бахметева «стать с ними заодно за веру христианскую. И им нет дела ни до бояр, ни до торговых людей, ни до черни, ни до солдат...»[126] Как видно, в данном случае смысл

---

[119] БВ. С.171; ПиБ. Т.7, вып. 1. С.556–557.

[120] Имеется в виду безотчётная генерализация индивидом или группой своих привычных представлений, пристрастий и установок, вследствие чего взгляды и убеждения, намерения и поступки других индивидов или групп мыслятся по образу и подобию своих собственных.

[121] БВ. С.450–451.

[122] БВ. С.466.

[123] БВ. С.454; ПиБ. Т.7, вып.1. С.193; Т.7, вып.2. С.652.

[124] Павленко Н.И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России: сб. ст. к 100-летию со дня рожд. Н.М. Дружинина. М., 1986. С.71.

[125] КВСР. Т.2. Ч.1. С.160; РГАДА. Ф.9. Отд.1. Оп.2. Л.487.

[126] БВ. С.230.

термина «бояре» сужается до минимума – это С. Бахметев и его помощники (очевидно, офицеры).

Ситуативный смысл был иногда и у призыва «стать за дом Пресвятой Богородицы, за православную веру». Для восставших из числа «раскольников» этот лозунг означал возврат к «старой вере», а для булавинцев-«никониан» – борьбу с предполагаемыми врагами царя – «боярами» и «немцами»[127].

Ситуативным было и употребление эпитетов «отец» и «батюшка». Например, в письме казацким старшинам И. Зерщикову и В. Поздееву (апрель 1708 г.) К. Булавин звал их «батюшками», памятуя, очевидно, об их покровительстве ему в недавнем прошлом[128]. В данном случае речь идёт лишь о выказывании уважения, никаких обязательств социального характера лидер восставших не принимает. Иное дело – письмо Булавина кубанским казакам-раскольникам. Здесь он, обращаясь к ним от имени «всего Войска Донского», величает их «батюшками-государями»[129].

Эпитет «государь-батюшка» устойчиво связан с фольклорным образом царя[130], поэтому его употребление в последнем случае можно интерпретировать следующим образом. Повстанцы дают понять, что от воли кубанцев зависит выполнение их самого насущного желания (в то время булавинцы собирались уйти от царского гнева на Кубань), при этом повстанцы добровольно берут на себя роль младшей, зависимой стороны в предполагаемых отношениях верховенства–подданства.

Ещё один смысл у термина «государь» позволяет выявить отписка И. Павлова и И. Некрасова в Черкасск с требованием «отповеди», за что был убит К. Булавин (начало августа 1708 г.). «Государями» для повстанцев оказываются новый войсковой атаман И. Зерщиков и «всё великое Войско Донское» (жители Черкасска). Восставшие требуют ответа, укоряют адресатов за нарушение законности и угрожают походом на Черкасск[131]. Они не считают себя слугами «государей», а те оказываются просто лицами высокого ранга, причём такими, чья власть ограничена строго определёнными полномочиями.

Таким образом, Булавинское восстание было сложным и по составу участников, и по характеру их деяний. В поведении восставших переплетались жестокость и гуманность, уважение к «черни» и желание повелевать ею, стремление соблюдать законность и тяга к разбойничеству, эгалитарные наклонности и чинопочитание, самовозвеличение и скромность, эгоцентризм и готовность подстроиться под собеседника или контрагента.

---

[127] БВ. С. 195–193, 203–204, 450–452.

[128] Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина. М., 1962. С.39.

[129] БВ. С.463.

[130] См.: Исторические песни XIII–XVI вв. М.; Л., 1960. №292–294, 358; Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966. №133.

[131] БВ. С.467.

ИДЕОЛОГИЯ БУЛАВИНЩИНЫ: ДИНАМИКА ЦЕЛЕЙ И ПЛАНОВ ПОВСТАНЦЕВ

Аннотация. В статье рассматриваются спорные вопросы, связанные с анализом и оценкой социально-политических представлений участников Булавинского восстания. Автор полагает, что составной частью этих представлений была идеология, которая базировалась на специфическом монархизме и при этом не была неизменной. Анализ динамики повстанческой идеологии позволяет разделить Булавинское восстание на 4 этапа и датировать его окончание 15 июня 1709 г.

Ключевые слова: Донские казаки, восстание К. Булавина, повстанцы, идеология, политическая программа, враги, союзники, политический язык, народный монархизм.

Abstract. The article deals with controversial issues related to the analysis and evaluation of socio-political views of the participants of Bulavin uprising. The author believes that these views included ideology which was based on a specific monarchism and was partially changeable. Analysis of the rebel ideology dynamics allows the author to approve that Bulavin uprising passed 4 stages and ended on June 15, 1709.

Key words: Don Cossacks, Bulavin uprising, rebels, ideology, political program, enemies, allies, political language, popular monarchism.

О.Г. Усенко (Тверь)

Подавляющее большинство дореволюционных историков и учёных, покинувших Россию после 1917 г., стояли на позиции защитников государства, усматривая в деятельности Петра I и его подручных лишь прогрессивные черты. Булавинщина представала анархическим бунтом, направленным на разрушение государственного организма, реакционной борьбой старого с новым. Соответственно внимания данному выступлению уделялось ровно столько, сколько было нужно, чтобы его осудить и показать его негативный эффект. Лишь в работах Н.И. Краснова, В.Д. Сухорукова и В.Г. Сватикова проглядывают сочувствие к восставшим и стремление показать печальную неизбежность мятежа[1].

Советские историки оценивали Булавинщину как в целом прогрессивное явление, ибо видели в ней одно из звеньев непрерывной цепи народных выступлений против феодального гнёта. Возросший интерес к восстанию обусловил значительное расширение источниковой базы исследований, появление новых подходов и постановку новых проблем. В частности, булавинское движение стало рассматриваться в свете проблемы, связанной с оценкой социально-политических представлений участников народных выступлений феодальной эпохи.

После распада СССР научный интерес к истории социального протеста пригас. Во многом поэтому новых фундаментальных работ, посвящённых Булавинскому восстанию, не появилось. Но в изучении отдельных аспектов его истории на событийном уровне есть успехи. Если же речь идёт о социально-политических

[1] Краснов Н.И. Исторические очерки Дона: от Разина до Булавина // Русская речь. 1881. № 1–3; Его же. Исторические очерки Дона: Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // Русская речь. 1882. № 1–4; Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903; Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Белград, 1924.

представлениях булавинцев, то они рассматриваются, как правило, на фоне народных представлений вообще или казачьих в частности (берутся либо все российские казаки, либо только донские). При этом основное внимание уделяется монархическим и религиозным воззрениям[2]. На теоретическом же уровне современные историки пока лишь пытаются выйти за пределы исследовательской парадигмы, доставшейся в наследство от предыдущей эпохи.

Речь идёт прежде всего о подходах к анализу и оценке общественного сознания народных масс в добуржуазную эпоху. Одни авторы считают, что при феодализме сознание трудящихся не поднималось до уровня идеологии, замыкаясь в рамках «общественной психологии» или «обыденного сознания»[3]. Другие доказывают наличие и высшего – идеологического – уровня в общественном сознании народных масс[4]. Промежуточная точка зрения заключается в нахождении лишь

---

[2] Лесин В.И. Ещё раз о характере движения под предводительством Кондратия Афанасьевича Булавина // Проблемы источниковедения и отечественной истории (памяти А.П. Пронштейна). Ростов н/Д, 1999. С. 150–159; Королёв В.Н. «На Дону нет царя»: О так называемом казачьем монархизме // «De die in dien»: Памяти А.П. Пронштейна (1919–1998). Ростов н/Д., 2004. С. 241–257; Шкваров А.Г. Пётр I и казаки. СПб., 2010; Трефилов Е.Н. Особенности казачьего монархизма конца XVII – начала XVIII века // Российская история. 2009. № 6. С. 125–140; Его же. Представления о царской власти участников народных бунтов петровского времени: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2010; Аваков П.А. Азовский поход булавинцев 1708 г. // Меншиковские чтения – 2015. Научный альманах. СПб., 2015. Вып. 6. С. 184–194; Его же. Черкасск и Булавинское восстание в 1708 г. (нехрестоматийная хроника) // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года). Мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г.). С. 80–88; Аваков П.А., Сень Д.В. Письмо К.А. Булавина ачуевскому мухафызу Хасану-паше (1708 г.) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 62–70; Симонова М.В. К.А. Булавин в отечественной историографии // Вестник Томского гос. ун-та. Серия «История». 2016. № 3 (41). С. 121–128; Кочегаров К.А. Запорожье и Булавинское восстание в 1708 г. по материалам неизвестной корреспонденции Сечи с гетманом Мазепой // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения): Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 11–12 мая 2018 г.). Ростов н/Д., 2018. С. 30–36; Масуренков Ю.П. Цари и атаманы. Хроника отношений Дона и метрополии в 1649–1709 гг., с комментариями. М., 2018. С. 67–156, 259–266.

[3] Лебедев В.И. К вопросу о характере крестьянских движений в России XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1954. № 6. С. 93; Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 313; Рахматуллин М.А. Проблема общественного сознания крестьянства в трудах В.И. Ленина // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 415; Литвак Б.Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971 . С. 206; Милов Л.В. Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1981. № 3. С. 47–48.

[4] Коган Л.А. Народное миропонимание как составная часть истории общественной мысли // Вопросы философии. 1963. № 2. С. 85, 90–92; Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России // Вопросы истории. 1964. № 12. С. 52; Их же. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 242–268; Шапиро А.Л. Об исторической роли крестьянских войн XVII–XVIII вв. в России // История СССР. 1965. № 5. С. 72–73, 78–79; Пронштейн А.П. Об идеологии восставших во время крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы науки. Ростов н/Д., 1967. С. 57–67; . С. 57; Буганов В.И., Чистякова Е.В. О некоторых вопросах истории второй крестьянской войны в России // Вопросы истории. 1968. № 7. С. 44–46; Буганов В.И. Об идеологии участников крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 44–59; Домановский Л.В. Народное потаённое творчество // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970.

элементов идеологии[5]. При этом к особенностям низшего уровня общественного сознания причисляются несистематизированность, стихийность, превалирование эмоций над рассудком. Под идеологией же понимается система взглядов, отражающая интересы определённой социальной группы (страты, класса) и содержащая программу её политической борьбы[6].

Налицо господство философского (гносеологического) подхода к анализу общественного сознания, которое делится на уровни по глубине отражения действительности. Но для исторических исследований наиболее подходящим выглядит социально-психологический подход. В его свете общественная психология – уже не низший уровень общественного сознания, а его сторона, то есть компонент, равнозначный рациональному (когнитивному), ибо любая идея связана с определёнными эмоциями, «пропитывается» ими[7].

Высказывания о примитивности / недоразвитости общественного сознания трудящихся в период феодализма основаны на перенесении в прошлое современного понятия «идеология», которую-де отличают продуманность, системность и особая (научная) терминология[8]. Однако принцип историзма в его современной трактовке подвигает исследователей осмыслять и оценивать прошлое с его собственных позиций, на основе критериев изучаемой эпохи. Соответственно следует учитывать преходящий характер форм идеологии, её изменчивость по мере общественного развития. Кроме того, надо учитывать, что трудящиеся могли не

С. 254, 257–265; Рахматуллин М. А. Указ. соч. С. 440–441; Фёдоров В.А. К вопросу об идеологии крепостного крестьянства // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Мат-лы межвуз. науч. конф. Смоленск, 1972. С. 145–148; Матвиевский П.Е. Типические черты примитивного демократизма в быту и сознании крестьянства XVII–XVIII вв. // Героические страницы истории народов нашей Родины. Челябинск, 1976. С. 55–61; Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. С. 7; Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачёва. Источниковедческое исследование. М., 1980. С. 6; Богданов А.П., Чистякова Е.В. Некоторые проблемы изучения истории общественно-политической мысли в России второй половины XVII века // Вопросы истории. 1986. № 4. С. 48–56.

[5] Степанов И.В. Крестьянская война в России в 1670–1671 гг. Л., 1966. Т. 1. С. 12–13, 315; Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачёва. Л., 1966. Т. 2. С. 415; Пронштейн А.П. Решённые и нерешённые вопросы истории крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 154–155; Черепнин Л.В. Об изучении крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. С. 9; Гутнова Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI–XV вв.). М., 1984. С. 23–24, 287–325; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М.. 1985. Т. 1. С. 592–595; Соловьёв В.М. Актуальные вопросы изучения народных движений (Полемические заметки о крестьянских войнах в России) // История СССР. 1991. № 3. С. 130–145.

[6] Рахматуллин М.А. Указ. соч. С. 402–404; Матвиевский П.Е. Указ. соч. С. 52; Милов Л.В. Указ. соч. С. 48; Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 9; Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 24; Хубиева З.А. Политическое сознание как подсистема духовной жизни общества // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. 2016. № 6. С. 18–22.

[7] Коган Л.А. Указ. соч. С. 85–87; Тищенко Ю.Р.. Взаимодействие идеологии и общественной психологии как общее условие производства индивидуального сознания // Науч. сообщения Ростовского гос. ун-та за 1964 год. Серия гуманитарных наук. 1965. Вып. 2. С. 18–24; Вичев В. Мораль и социальная психика. М., 1978. С. 67–68; Социальная психология: История. Теория. Эмпирические исследования. Л., 1979. С. 68, 70, 203; Грехнев В.С. Социально-психологический фактор в системе общественных отношений. М., 1985. С. 99; Уледов А.К. Общественная психология и идеология. М., 1985. С. 110–120; Лавриненко В.Н. Духовная жизнь общества: социально-философское измерение // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 193–198.

[8] См.: Буганов В.И. Об идеологии... С. 47–52.

утруждать себя в полном смысле созданием, сотворением собственной идеологии, а могли просто взять готовые конструкции – лишь бы те хоть как-то помогали осознавать и выражать их потребности, устремления, страхи и т.п.

С этой точки зрения идеология у народных масс в России XVII–XVIII вв. была. Правда, она не претендовала на логичность, стройность и системность, на то, чтобы служить программой (в современном понимании этого слова) политической борьбы «низов» за их интересы. У неё были совершенно иные ментальные основания, нежели в наше время, и специфический (ненаучный) понятийный аппарат. Однако всё это говорит не об отсутствии народной идеологии, но о её специфике[9].

Всё сказанное относится и к повстанческой идеологии. Имеются в виду идейно-эмоциональные феномены, которые, воплощаясь в речах и деяниях повстанцев, так или иначе отражали их социальные потребности и взгляд на себя как соучастников, маркировали цели их общественно-политической деятельности, способы и планы достижения этих целей.

Требования участников народных выступлений в России XVII–XVIII вв., несмотря на кажущуюся их примитивность, объективно таковыми не были. «Умеренность» повстанцев, протестовавших в основном против злоупотреблений власть имущих и стремившихся получить привилегии, свидетельствует о реалистичном взгляде на общество и соответствует объективным условиям жизни народа. Корректировка, улучшение существующих порядков при их сохранении – это тот максимум, до которого только и могли дойти в своих протестных устремлениях народные массы на том этапе общественного развития.

Рассмотрим теперь подходы к оценке социально-политических представлений булавинцев. Одни авторы обращают главное внимание на «социальную базу» или «движущие силы» булавинского выступления (трактуя, правда, эти термины по-разному) и не придают равного значения заявлениям, воззваниям и программным документам повстанцев. В этом случае планы булавинцев, по сути, придумываются исследователем исходя из его представлений о том, чего должны были желать представители тех или иных слоёв российского общества в начале XVIII в. Выявление повстанческих устремлений подменяется анализом экономического, социального и политического положения тех слоёв, из которых вышли повстанцы[10].

Другие авторы, наоборот, за отправную точку берут заявления, воззвания и программные документы повстанцев и уже по ним судят о движущих силах / социальной базе движения. Но и в этом случае планы восставших оказываются произвольной конструкцией. Во-первых, они характеризуются чаще всего очень кратко – с помощью нескольких лозунгов и цитат из «прелестных писем». Во-вторых, авторы берут лишь те заявления и лозунги, которые соответствуют априорной схеме исследования. Соответственно идеология движения выглядит еди-

---

[9] См.: Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, Ч. 1. С. 14–18.

[10] См.: Фирсов Н.Н. Народные движения в России до XIX века. М., 1924. С. 112–113; Томсинский С.Г. Крестьянские движения в феодально-крепостнической России. М., 1932. С. 102–104; Чаев Н.С. Булавинское восстание (1707–1708 гг.). М., 1934. С. 94; Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 329–333; История Донского края. Ростов н/Д., 1971. С. 54–57; История Дона с древнейших времён до падения крепостного права. Ростов н/Д., 1973. С. 185–192; Дон и Степное Предкавказье, XVIII – первая половина XIX в.: социальные отношения, управление, классовая борьба. Ростов н/Д., 1977. С. 107–116; Буганов В.И. Булавин. М., 1988; Смирнов И.В. Век нынешний и век минувший. Диптих к большому переименованию // Знание – сила. 1990. № 12. С. 10–12.

ной и неизменной; об эволюции повстанческих планов не идёт и речи. В-третьих, слова и выражения из лексикона восставших крайне редко объясняются, а если и комментируются, то без учёта менталитета булавинцев и социально-политической ситуации, в которой они пребывали[11].

При этом большинство исследователей сходятся в том, что существовал союз «бурлаков» и «новопришлых казаков», с одной стороны, и казаков «природных» и «старых», с другой, а базой этого союза были общая ненависть к феодальному гнёту и единое стремление отстоять исконные казачьи права. Утверждается, что «бурлаки» и «новопришлые» хранили верность и прежним своим идеалам – ценностям той среды, из которой они вышли, то есть прежде всего крестьянским идеалам[12]. Иная (маргинальная) точка зрения такова: «…Независимо от того, включён ли был новопришлый в ряды казаков или нет, он, участвуя в восстании, боролся не за крестьянские, а за казачьи права»[13].

Следует констатировать, что в рамках традиционных подходов не даются аргументированные ответы на ряд важных вопросов. Почему среди лозунгов булавинцев была борьба с «немцами» («иноземцами»)? Почему раздавались призывы убивать «прибыльщиков»? Почему «немцы» и «прибыльщики» в повстанческих воззваниях упоминаются вместе[14]? Да и кто они, собственно, такие?

Повстанческое понятие «немцы» раскрывается в литературе по-разному и невнятно – это приехавшие в Россию иностранцы, которые (далее – варианты): 1) руководили строительством в Азове[15], 2) являлись врагами православия и государства[16], 3) считались виновниками народных тягот и лишений[17], 4) будучи офи-

---

[11] См.: Овсянников Е. Булавинский бунт как раскольническое движение на Дону // Воронежская старина. Воронеж, 1914. Вып. 13. С. 131–137; Корчин М.Н. Донское казачество (Из прошлого). Ростов н/Д., 1949; Лунин Б.В. Очерки истории Подонья – Приазовья. Ростов н/Д., 1951. Кн. 2; Кафенгауз Б.Б. Россия при Петре I. М., 1955. С. 52–56; История русской экономической мысли. М., 1955. Т. 1. Ч. 1. С. 269–263; Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы // Дон. 1958. № 8. С. 134–138; Мавродин В.В. Советская историческая наука о крестьянских войнах в России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 314–315; История СССР с древнейших времён до наших дней. Первая серия. М., 1967. Т. 3. С. 290–294; Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. С. 250–252.

[12] Чаев Н.С. Указ. соч. С. 64, 71, 132; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 136–139; Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961. С. 184–194, 255–267; Его же. Решённые и нерешённые вопросы... С. 159–160; Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976. С. 141; Его же. Булавин. С. 233, 304–305; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., 1983. С. 236–237, 245–246.

[13] Павленко Н.И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Н.М. Дружинина. М., 1986. С. 74.

[14] См.: Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1898. Ч. 4. С. 160–161; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собр. генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск, 1891. Т. 1. С. 261; Труды Историко-археографического ин-та АН СССР. М., 1935. Т. 12: Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской империи: Булавинское восстание (1707–1708) (далее – БВ). С. 167, 187, 195, 199, 203, 206, 220, 226, 230 и др.

[15] Лунин Б.В. Указ. соч. С. 110.

[16] Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. М., 1962. С. 113.

[17] Буганов В.И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М., 1986. С. 196.

церами, раздражали своими действиями донцов – участников Северной войны, либо внедряли брадобритие, одежду нового покроя и курение[18].

Запутана ситуация и с «прибыльщиками». Найденные трактовки этого понятия таковы: 1) сборщики податей[19], 2) изобретатели налогов, члены специальной комиссии при Петре I[20], 3) лица, предлагавшие прибыльные для государства проекты, получатели монополий[21]. Можно добавить, что в говоре донских рыбаков «прибыльщиком» был пайщик, дольщик[22].

Ещё пример: в «прелестных письмах» булавинцев обличалась «еллинская вера». Так за нею для одних историков скрывается официальная церковь[23], для других – крепостническое государство[24], для третьих – и то и другое вместе[25]. При этом не факт, что трактовка, наиболее близкая к истине, попала в данный перечень.

За исключением Н.В. Гербеля, который возникновение Булавинщины отнёс к началу 1708 г.[26], все авторы ведут отсчёт её истории с нападения на отряд Ю.В. Долгорукого (8 октября 1707 г.). Однако по вопросу о дате окончания выступления есть разногласия, причём некоторые исследователи в работах разных лет высказывают различные мнения.

Первая точка зрения заключается в том, что конец восстания датируется июлем 1708 г. и привязывается к смерти К. Булавина (7 июля)[27] На иной взгляд, мятеж закончился в ноябре 1708 г. (вскоре после разгрома отряда Н. Голого)[28]. С третьей точки зрения, движение завершилось в 1709 г., когда последние отряды повстанцев прекратили борьбу[29]. В рамках четвёртого подхода выступление про-

---

[18] Павленко Н.И. Указ. соч. С. 71–72.

[19] Корчин М.Н. Указ. соч. С. 21, прим.

[20] История Донского края. С. 54; Буганов В.И. Очерки истории… С. 196.

[21] Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 144, прим.

[22] Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929. С. 255; Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. С. 417.

[23] Никольский Н.М. Указ. соч. С. 186; Очерки истории СССР: период феодализма. Россия в первой четверти XVIIIв.: преобразования Петра I. М., 1954. С. 271; Мавродин В.В. Советская историческая наука... С. 315; Пронштейн А.П. Об идеологии восставших... С. 66–67.

[24] Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). С. 139; Тумилевич Ф.В. Указ. соч. С. 138.

[25] Чаев Н.С. Указ. соч. С. 124; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. С. 102–104; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Указ. соч. С. 246–247, 284.

[26] Гербель Н.В. Изюмский Слободской казачий полк (1651–1765). СПб., 1852. С. 52.

[27] Полевой Н.А. История Петра Великого. СПб., 1843. Ч. 2.. С. 296; Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1884. Вып. 3. С. 68; Овсянников Е. Указ. соч. С. 142.

[28] Чаев Н.С. Указ. соч. С. 94; Лебедев В.И. Булавинское восстание. М.; Л., 1934; Его же. Булавинское восстание (1707–1708); Корчин М.Н. Указ. соч.; Лунин Б.В. Указ. соч.; Дон и Степное Предкавказье… С. 107–113; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Указ. соч. С. 205–277; Буганов В. И. Очерки истории... С. 203.

[29] Очерки истории СССР… С. 253–270; Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С. 255–267; Подъяпольская Е.П. Крестьянская война 1707–1709 гг. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. С. 180–201; История Донского края. С. 56; Мининков Н.А. К.А. Булавин. Из истории формирования личности народного вождя // Известия Северо-Кавказского науч. центра высшей школы: Общественные науки. 1987. № 3. С. 65; Смирнов И.В. Указ. соч. С. 10–13; Масуренков Ю.П. Указ. соч. С. 67–156.

длевается по 1710 г. включительно[30]. Наконец, есть мнение, что составной частью Булавинщины было «движение некрасовцев», длившееся до 1737 г.[31]

Сообразно с этим у историков нет единодушия и в делении Булавинщины на этапы. Виной тому также отсутствие единых и чётко сформулированных критериев периодизации. Тем не менее можно выделить кое-что общее: исследователи фокусируют внимание на составе и организации восставших, а также на том, где и с кем те воевали. Важной вехой в истории мятежа считается также гибель К. Булавина. Но не забыт ли ещё один важный критерий?

Если выступление социального протеста – это относительно недолгая и достаточно чётко локализуемая деятельность людей с общими целями общественно-политического характера и сходными способами достижения этих целей[32], то оно умирает в трёх случаях: 1) когда его лозунги не менялись, но исчезли люди, открыто их провозглашавшие, – погибли, разбежались или просто затаились, 2) когда лозунги не менялись, но люди, которые благодаря им стали соратниками, вдруг перестали их провозглашать и воплощать в жизнь, 3) когда первоначальные лозунги уступили место новым, кардинально поменявшим характер протеста или вообще не выражавшим протестных настроений.

Таким образом, без анализа повстанческой идеологии нельзя точно датировать конец выступления. Выявление же её динамики позволяет по- новому подойти к периодизации движения.

В рамках данного исследования нас будет интересовать не вся история Булавинского восстания, а лишь те события, которые напрямую были связаны с реализацией взглядов и устремлений повстанцев или же, наоборот, заставляли восставших менять свои планы. С этой точки зрения Булавинщину можно разделить на 4 этапа.

Первый этап: сентябрь – 18 октября 1707 г. Подготовка к восстанию началась уже вскоре после появления на Дону «сыскного» отряда подполковника Ю.В. Долгорукого. Но чтобы понять причины восстания, а значит и первоначальный план булавинцев, нужно принять во внимание три обстоятельства.

Первое: с 1696 г. жители Дона относились в целом лояльно к Петру I, чей авторитет был неизменно высок. Недовольство же, которое накапливалось у них из-за постепенной утраты «вольностей», обращалось лишь против «бояр» – придворных и управителей соседних с Доном регионов и городов. Второе: указанный выше сыск беглых не был чем-то экстраординарным, тем более что поведение «сыщиков» не выходило за рамки допустимого (по понятиям того времени)[33]. Третье: на Дон пришёл слух о том, что царь находится за границей (Пётр I в то время действительно был с войсками в Польше), а на троне сидит узурпатор.

---

[30] Буганов В.И., Лебедев В.И. Новое исследование о Булавинском восстании // Вопросы истории. 1963. № 12. С. 126; ; История Дона с древнейших времён до падения крепостного права. Ростов н/Д., 1973. С. 192; Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. С. 121–149; Его же. Очерки истории… С. 190–205; Его же. Булавин. С. 304, 317; Мининков Н.А. Новое о крестьянских войнах в России // Вестник Ленинградского ун-та. 1977. № 8. С. 149.

[31] Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы // Дон. 1958. № 8. С. 136.

[32] См.: Усенко О.Г. Социальный протест в России до начала XX века: терминология и классификация // Из архива тверских историков. Тверь, 2006. Вып. 6. С. 63.

[33] См.: Усенко О.Г. Политические настроения на Дону в 1697–1707 гг. и повод восстания К. А. Булавина // Клио. 1997. № 1. С. 149–155; Трефилов Е.Н. Особенности казачьего монархизма... С. 126–131, 135–136; Его же. Представления о царской власти... С. 19–20.

Ещё А.И. Ригельман заметил: «Все оные сообщники бунта приносили, во оправдание своё, что им сказано, якобы государя царя на Москве нет, а отъехал в Немецкую землю, ныне-де повелевает немчин, чтоб тово не слушать, доколе сам царь на Руси и на Дону не будет»[34]. На это обстоятельство также обратил внимание Н.И. Краснов: «Булавин и большинство народа полагали, что царь в отсутствии за границею, а государством правят бояре»[35].

В этих условиях появление на Дону сыскного отряда стало каплей, переполнившей чашу терпения. Давно копившееся у донцов недовольство прорвалось наконец наружу, получив «законный» выход. При этом – что важно – молве об узурпации царской власти поверила и часть казацких старшин во главе с бывшим войсковым атаманом И. Зерщиковым. Они стали тайными союзниками восставших, убедив их в том, что войсковая администрация поддерживает стремление расправиться с Ю.В. Долгоруким и его присными[36].

«Расспросные речи» казака Л. Карташа содержат упоминание о круге в Черкасске после появления близ города отряда Ю. Долгорукого, т. е. в первых числах сентября. Вот что нас интересует: «в Черкасском-де ево, князь Юрья, умышляли казаки убить и не убили для того, что их казаки есть на службе великому государю в Польше»; «и в Черкасском-де казаки в кругу говорили, чтоб побить бояр и иноземцов. И в том кругу атаман Лукьян Максимов был же»[37].

Под «боярами», очевидно, разумелись придворные (члены правительства) и «начальные люди» соседних с Доном регионов[38]. Из последней категории более всего донцов раздражали управители Азова, Таганрога (Троицкого), Воронежа, Козлова, Борисоглебска, Дмитровска и соседних городов Слободской Украины[39]. Насчёт «немцев» можно пока лишь гадать, но уместно вспомнить, что этим словом традиционно обозначались все западноевропейцы на русской службе[40].

Л. Карташ также показал, что войсковой атаман тайно «велел в казачьих городках накликать вольницу убить князя Юрья Долгорукова… Да он же, атаман Лукьян Максимов, посылал от себя письма в верховые донские и хопёрские городки, чтоб ево, князь Юрья, убить, где изъедут». Наконец, он «велел пришлым казаком от усмотренья князь Юрья Долгорукова из городков выходить и хоронитца по лукам. И по тому ево веленью многие казаки были в ухоронке»[41].

Данное свидетельство нужно признать недостоверным. Во-первых, Л. Карташ не мог быть объективным по отношению к атаману, ибо за месяц до дачи показаний по приказу Л. Максимова был «отдан головою» (во временное рабство) казаку, на которого Карташ ему донёс[42]. Во-вторых, атаман реально пытался уберечь Ю. Долгорукого от гибели. Узнав, что на р. Керчике собираются люди, пла-

---

[34] Ригельман А.И. История о донских казаках. М., 1846. С. 96.

[35] Краснов Н.И. Исторические очерки Дона: Усмирение Петром Великим Булавинского бунта. 1882. № 4. С. 124.

[36] См.: Усенко О.Г. Политические настроения на Дону… С. 155–156.

[37] БВ. С. 162–163.

[38] Аристов Н.Я. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875. С. 58; Павленко Н.И. Указ. соч. С. 66.

[39] См.: Краснов Н.И. Земля Войска Донского // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1863. Т. 7. С. 45; Его же. Исторические очерки Дона: Усмирение Петром Великим Булавинского бунта. 1882. № 2. С. 114; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. С. 107.

[40] См.: Усенко О.Г. Отношение к “немцам” в России XVII века (на примере движений социального протеста) // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сб. мат-лов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 395–396.

[41] БВ. С. 162–163.

[42] БВ. С. 163–164.

нирующие нападение на сыскной отряд, он сообщил об этом князю, а затем по приказу последнего отправил войскового есаула В. Поздеева «для сыску тех людей»[43].

Вряд ли соответствуют истине и слова Л. Карташа о встрече К. Булавина с Л. Максимовым в Черкасске перед нападением на «сыщиков». Эти слова доносчик подкрепляет пересказом слуха о том, что 18 октября 1707 г. перед боем с карателями Булавин вёл переговоры именно с Максимовым[44]. На самом деле переговоры от лица карателей вёл некий «донской полковник»[45]. Кстати, ему тогда Булавин заявил, что всё «он делал по их, донских казаков, совету, и про тот бунт ведали казаки, которые посланы были из Черкасского с ним, князь Юрьем, 5 человек»[46].

Итак, Булавин и его первые соратники подняли мятеж потому, что были уверены в отстранении Петра I от власти. Первоначальным лозунгом движения была месть за царя, а именно расправа с узурпаторами – «немчином» и его прихвостнями. Восстание началось в ночь на 9 октября 1707 г. Примерно 300 повстанцев напали на сыскной отряд и, разгромив его, схватили Ю.В. Долгорукого. Это случилось «меж Шульгиным Колодезем и Белянскою станицею»[47]. 10–11 октября казаки в Новоайдарской станице говорили «меж собою, что де князь Юрья Володимерович Долгорукой от ружья цел, а не убит, и ево де в таборах мучили, и растенули лошедми, и замучили до смерти, и посадили де в волчью яму**;** да с ним же де... которые были офицеры и подьячия, побиты ж и посажены де в ту ж волчью яму...»[48]

Как обычно (для движений социального протеста в России XVII–XVIII вв.), повод Булавинщины определил не только начальные действия восставших, но также главные цели выступления и способы их достижения. 12 октября 1707 г. в Староборовском городке К. Булавин говорил о перспективах выступления так: «И как городки свои к себе склонят, пойдут Изюмским полком по городом и до Рыбного, и коньями и ружьём и платьем наполнятца, и пойдут в Азов и на Таганьрог, и свободят ссылочных и каторжных, которые им будут верные товарищи... И на весну, собрався, пойдут на Воронеж и до Москвы, и идучи, которые не будут к ним уклонятца, и тех станут бить»[49].

Добавим, что на территории Изюмского слободского казачьего полка восставшие планировали захватить Маяки, Тор, Ямполь, Изюм. Потом должен был прийти черёд Валуек, Острогожска и других «украинных» городов. Там повстанцы, значительную часть которых составляли «бурлаки» и «гультяи», планировали обеспечить себя конями, оружием, провиантом и одеждой[50].

В число своих союзников мятежники включали казаков (донских, запорожских, терских) и астраханцев. 12 октября Булавин говорил, что «он то дело начал делать не просто: был он в Астрахани и на Запорожье и на Терках, и они, астраханцы и запорожцы и терченя, все ему присягу дали, что им быть к нему на вспо-

---

[43] БВ. С. 143–144.

[44] БВ. С. 163.

[45] См.: Масловский Д. Северная война. Док-ты 1705–1708 гг. СПб., 1892. Вып. 1. С. 150; БВ. С. 141.

[46] Масловский Д. Указ. соч. С. 150.

[47] Сыскные дела о донских казаках: Материалы по истории и генеалогии казачества. Волгоград, 2017. Вып. 10. С. 141–142.

[48] РГАДА. Ф. 842. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

[49] БВ. С. 130.

[50] См.: БВ. С. 128, 131–134, 362; Письма и бумаги Петра Великого (далее – ПиБ). СПб., 1912. Вып. 6. С. 454.

можение в товарыщи, и вскоре они к ним будут»[51]. Жители Астрахани попали в этот список, очевидно, потому, что совсем недавно (в 1705–1706 гг.) были участниками аналогичного восстания против «бояр»[52].

Что касается внутренних врагов, то повстанцы желали смерти только тем старшинам, которые сопровождали Ю. Долгорукого во время сыска. Из этих пяти «стариков» главными были, судя по всему, Н. Саломата и Е. Петров[53].

К. Булавин рассылал письма по донским городкам, требуя к себе казаков, и не останавливался перед тем, чтобы «устращивать смертной казнью»[54]. При этом лидера повстанцев явно задевало то, что его поддерживало не всё «Войско» (черкасские старшины). Он послал три письма «в Войско к атаману Лукьяну Максимову, чтоб они пристали к его бунту»[55]. В ответ войсковой атаман возглавил карательное войско, и 18 октября на Айдаре под Закотенским городком восставшие были разбиты. Очевидно, далеко не все на Дону поверили слуху об узурпации трона, раз у Булавина оказалось больше противников, чем сторонников.

Второй этап: 19 октября 1707 – 3 мая 1708 гг. На этом этапе идеология восставших менялась по трём пунктам: перечень врагов, состав союзников, ближайшие задачи. Кроме того, некогда простой и единый план выступления усложнился и распался на несколько вариантов, частично противоречащих друг другу.

Первоочередной задачей стало отмщение тем, кто принимал участие в карательных акциях. Так родился призыв «итить в Черкаской и побить стариков»[56]. Но тут булавинцы имели в виду прежде всего Л. Максимова и Е. Петрова «с товарыщи», то есть руководителей карательных акций в конце 1707 г., когда сжигались городки, из которых вышло много мятежников, и когда происходили жестокие расправы с участниками восстания[57].

Уцелевшие повстанцы пришли к выводу, что Л. Максимов – соучастник заговора против царя. В начале марта 1708 г. булавинцы в Пристанском городке говорили, «что-де, собрався, им итить в Черкаской отомана убить за то, что-де он с азовскими бояры знаетца и вместе думает»[58]. Прошёл слух, что войсковой атаман и его клевреты «реку продали бояром»[59], что Лукьян якобы «взял з бояр 7000 рублей за то, что им с реки Хопра и с ыных их речек выдовать казаков за 15 лет»[60].

В письме кубанским раскольникам (27 мая 1708 г.): К. Булавин сообщал: «…В прошлом 1707-м году они, Лукьян с товарыщи, списывались з бояры, чтоб у нас на реке русских пришлых людей всех без остатку выслать, хто откуды пришол с первого азовского походу. И по тем их, прежде бывших старшин, з бояры письму и совету прислали они, бояре, от себя к нам на реку полковника князя Юрья Долгорукова со многими начальными людьми для того, чтоб... всю реку разорить»[61]. В других посланиях атаман восставших подчёркивал, что Л. Максимов и

---

[51] БВ. С. 131.

[52] См.: Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975.

[53] См.: БВ. С. 131, 140, 144.

[54] БВ. С. 128–129.

[55] БВ. С. 128–129; Масловский Д. Указ. соч. С. 150.

[56] Недосекин В.И. Новые данные о Булавинском восстании // Советские архивы. 1967. № 3. С. 110.

[57] См.: БВ. С. 185–186; Сыскные дела о донских казаках… С. 129–135.

[58] БВ. С. 165.

[59] БВ. С. 206; Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина // Исторический архив. 1960. № 6. С. 138.

[60] БВ. С. 189.

[61] БВ. С. 461.

верные ему старшины высылали беглых осенью 1707 г. «не против его, великого государя, указу», жгли городки «без его, великого государя, указу», да и вообще действовали, «пересоветов з бояры»[62].

Политический лексикон булавинцев пополнился термином «судьи неправые (неправедные)». Таковыми для восставших были, во-первых, те старшины Черкасска и других городков, которые помогали «сыщикам» и тем самым поступали якобы «против указу и без совету… Войска Донского»[63]. Во-вторых, из писем К. Булавина (май 1708 г.) можно понять, что «неправые судьи» – это те из власть имущих, от кого «много руские люди бегут… на Дон, денно и нощно, з жёнами и з детьми», и те, которые «веру христианскую.. отнимают»[64]. Именно таких управителей, вероятно, имел в виду один из ближайших сподвижников К. Булавина атаман Л. Хохлач, говоря о неких «судьях» на переговорах с начальником карательного отряда С. Бахметевым 29 апреля 1708 г.[65] В целом получается, что к данной категории врагов булавинцы относили управителей, чьи действия не соответствовали понятиям справедливости и законности.

Эволюция повстанческой идеологии заключалась ещё и в том, что к возможным союзникам восставших уже не относились астраханцы, зато были причислены калмыки и кочевники не из числа российских подданных, а также посадские люди и крестьяне. Правда, последние две страты рассматривались как вспомогательная сила – образно говоря, союзники второй очереди. Всё это опять же отразилось в лозунгах и программных заявлениях повстанцев.

В ноябре или декабре 1707 г. К. Булавин приехал в Запорожскую Сечь и на войсковой раде «бил челом, что они, донские казаки, хотят идти на Русь. А из запорожцов просят на вспоможение, для того [что] в Руси их, казаков, ругают и живут не в благочестии». Прозвучало также обещание дать сечевикам жалованье в 7000 руб.[66]

Понять, что имелось в виду под «благочестием», помогает анализ писем Булавина за март и май 1708 г. Послание « в русские города… также и в сёла и в деревни» (около 22 марта) клеймит «бояр, немцев и прибыльщиков» так: «они вводят нас и всех вас в елинскую веру, а от истинной веры християнской отворотили всякими своими знаменьми и чюдесы прелесными»[67].

Вероятно, «знаменья» и «чудеса» – это фейерверки и заморские диковинки, столь забавлявшие Петра I. Получается, что «истинная вера» понимается Булавиным и его соратниками в житейском, так сказать, плане – как совокупность обычаев, традиций и привычных ритуалов. Это полностью соответствует характеру народной религиозности в то время[68].

Введение «еллинской веры» как одно из преступлений «бояр» и «немцев» упоминается и в письме К. Булавина «от Пристани вниз по Хопру и Дону атаманом-молотцам», написанном перед 24 марта 1708 г.[69] Письмо же кубанским раскольникам от 27 мая 1708 г. конкретизирует эту вину государевых изменников: «И стали была бороды и усы брить, также и веру християнскую переменить, и пу-

---

[62] БВ. С. 453, 457, 462, ПиБ. Пг., 1918. Т. 7. Вып. 1. С. 191.
[63] См.: Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. С. 37.
[64] БВ. С. 464.
[65] Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. С. 160; БВ. С. 230.
[66] БВ. С. 363, 368.
[67] БВ. С. 451.
[68] См.: Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 288–290.
[69] БВ. С. 452.

стынников, которые живут в пустыни ради имени Господни, и хотели была христианскую веру ввесть в еллинскую веру»[70].

Для восставших «прибыльщиками» были, по всей видимости, изобретатели налогов. Булавинцы из отряда Н. Голого в конце сентября 1708 г. выражали надежду на то, что после победы над карателями к ним пристанет вся «чернь», ибо она страдает «от податей и от тягостей и от прибыльщиков»[71]. Здесь уместно вспомнить и о следственном деле монаха Мелетия из московского Андроньева (Спасо-Андроникова) монастыря. Он попал в Преображенский приказ потому, что в одной из бесед заявил: «Как не станет Большего нашего (царя. – *О.У.*), так быде бояр и прибылщиков и властей всех прирубили». Когда же на следствии его спросили, причём тут прибыльщики, он ответил так: сказал-де «по народной молве, что от них народу разорение»[72].

Агитируя же донское население, мятежники упирали на «обиды», нанесённые по воле «бояр» и «немцев» казакам. В письме К. Булавина «от Пристани вниз по Хопру и Дону атаманом-молотцам», написанном перед 24 марта 1708 г., указанные группы именуются «злыми супостатами», поскольку они «старое поле всё перевели и ни во что почли»[73]. Тут явно имеются в виду казачьи вольности и прежде всего – право убежища на Дону. Но казаки были недовольны также тем, что им «чинятца обиды – и подводы берут»[74]. Действительно, лишь за 1706 г. на Дон были присланы 6 указов о предоставлении подвод чиновникам и помощи им при перевозке провианта[75]. Для казаков это было унизительно, поскольку напоминало одну из повинностей тяглого населения.

У запорожцев тоже были «обиды», причинённые им «боярами». Но конкретный перечень врагов и начальные планы у них отличались. В декабре 1707 г. на войсковой раде сечевики «окрик чинили, чтоб идти наперёд на орельские городки (крепости по р. Орели. – *О.У.*) и побрать пушки, и побить панов и арендорей за их неправду, что Украйною завладели, а их, казаков, изобижают»[76].

Понятие «арендори (орандари, рандари)» явно происходит от слова «аренда». Но перед нами арендаторы чего? В украинском языке слово «оранда» означало также трактир[77]. Значит, запорожцы могли иметь в виду откупщиков питейных заведений – богачей, неправедно наживавшихся в условиях государственной монополии винной торговли (введена в 1698 г.).

Будучи в Сечи, К. Булавин попросил дать ему «лист» для проезда в Крым, собираясь привлечь «орды на вспоможение себе». Вместо нужной бумаги он получил на словах заверение такого рода: если Сечь поднимется, то и Крым не останется в стороне[78]. При этом одним из условий поддержки мятежа было названо заключение Булавиным союза с Белгородской и Ногайской ордами, «горскими черкесами» и калмыками[79].

По всей видимости, лидер восставших пообещал выполнить это условие. Может, он отправил переговорщиков к воинственным соседям, а может, просто блефовал, но его последующие письма в донские городки сообщали о заключе-

---

[70] БВ. С. 461.
[71] БВ. С. 339–340.
[72] РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1165. Л. 1.
[73] БВ. С. 452.
[74] ПиБ. Т. 7. Вып. 1. С. 555.
[75] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1706 г. Д. 22, 25, 28, 32, 37, 40.
[76] БВ. С. 368.
[77] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 3. С. 442.
[78] БВ. С. 363, 368.
[79] БВ. С. 373.

нии союза с «ордами»[80]. Два послания Булавина, адресованные россиянам, живущим за пределами Войска Донского (январь – март 1708 г.), содержат утверждения, что с ним Белгородская орда[81]. В январе – феврале 1708 г. ходили слухи, что он ожидает к себе калмыков и кубанских татар[82]. А в марте восставшие на сборе в Пристанском городке называли своими союзниками и каракалпаков[83].

Уже в конце января 1708 г. близ Тора и Бахмута действовали два отряда запорожцев численностью в 400 и 500 чел., которые после захвата артиллерии в городах Изюмского полка намеревались идти «в Русь»[84]. Но лишь в феврале войсковая рада официально разрешила «охотникам» из числа запорожцев примкнуть к булавинцам для похода на «великороссийские города»[85]. К июлю 1708 г. в рядах повстанцев было не менее 7000 выходцев из Сечи[86]. Правда, это были в основном «гультяи» (запорожский аналог донской «голытьбы»), поскольку в апреле запорожская старшина вновь запретила помогать К. Булавину[87]. Запрет, помимо прочего, был вызван тем, что Булавин своё обещание насчёт кочевников не выполнил – до мая лишь калмыки пополняли ряды булавинцев, да и то небольшими группами[88]. И скорее всего, эти калмыки были из числа «юртовых» (давно живших на землях Войска Донского)[89].

В начале 1708 г. основной задачей К. Булавина была подготовка похода на Черкасск. Ещё в декабре 1707 г. его должен был начать повстанческий «полковник» И. Лоскут, но его отряд был разбит на Хопре под Правоторовским городком[90]. Пришлось формировать новое войско. Роль сборных пунктов играли верховые городки, а неформальным центром восстания стал Пристанский городок. Оттуда 24 марта 1708 г. «сборное войско» двинулось на Черкасск «для перемены старшин»[91].

Часть восставших предлагала после взятия Черкасска пойти на калмыков[92]. Большинство же мятежников и сам Булавин по-прежнему считали, что из Черкасска нужно идти на Азов и Таганрог. Среди тамошних врагов назывались «бояре», «воеводы», «начальные люди» (разумелись, видимо, губернатор и его подчинённые), а также «немцы» (очевидно, офицеры)[93].

Следующим этапом восстания булавинцы видели захват «украинных городов» и распространение мятежа на соседние с Доном уезды. Однако единого плана действий на этот счёт не было. Разные группы восставших называли различные пункты, с овладения которых должен был начаться поход на Москву.

---

[80] БВ. С. 452; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 351.

[81] БВ. С. 450.

[82] БВ. С. 369, 451.

[83] БВ. С. 166; ПиБ. Т. 7. Вып. 1. С. 555.

[84] БВ. С. 365.

[85] БВ. С. 370.

[86] См.: БВ. С. 172, 242, 263, 269, 297, 275, 276, 286, 290, 294, 389, 390, 394–395; ПиБ. Т. 7. Вып. 1. С. 557; Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С. 134..

[87] БВ. С. 281, 365, 383, 385–386; ПиБ. М.; Л., 1946. Т. 7. Вып. 2. С. 880–881; Сыскные дела о донских казаках… С. 149–150; Кочегаров К.А. Указ. соч. С. 33–34.

[88] См.: БВ. С. 166, 178; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 466.

[89] См.: Краснов Н.И. Исторические очерки Дона: от Разина до Булавина. 1881. № 2. С. 45.

[90] Недосекин В.И. Указ. соч. С. 110.

[91] БВ. С. 201; Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С. 138.

[92] ПиБ. Т. 7. Вып. 1. С. 555.

[93] БВ. С. 187, 189, 194–195, 206; Акты, относящиеся к истории Войска Донского… С. 261, № 164; Сыскные дела о донских казаках… С. 141; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 463.

Для повстанцев, собравшихся к середине марта в Пристанском городке, отправными пунктами московского похода были Тамбов и Козлов, где они планировали захватить большое количество лошадей. Но сначала надо было взять Борисоглебск, находившийся вблизи Пристанского городка[94].

Другая часть восставших (например, атаманы Л. Хохлач и А. Рубец) полагали, что начать поход на Москву нужно из Воронежа. Они планировали сжечь и корабли, и верфи, и сам город, ибо тогда «бояром и полкам пристанища не будет»[95]. Впрочем, тот же Л. Хохлач и его казаки считали, что вслед за Воронежом наступит черёд Козлова и Тамбова, через которые повстанцы пойдут к Туле и далее до Москвы[96].

Можно заметить, что маршрут московского похода, желаемый для той или иной группы восставших весной 1708 г., во многом определялся тем, рядом с какими городами из числа «украинных» жила ранее или располагалась теперь данная группа.

Начать поход «в Русь» взятием Борисоглебска, Воронежа, Тамбова и Козлова предлагали в основном насельники Хопра и верховьев Дона. Запорожцы хотели перво-наперво захватить «орельские городки» и Новобогородицк[97], а также города Изюмского слободского полка – Тор, Маяки, Изюм и Ямполь[98]. Через последние 4 крепости пролагали свой путь к Москве также обитатели Бахмута и казачьих городков по «запольным речкам», впадающим в Северский Донец[99]. Впрочем, повстанцы, действовавшие вблизи «запольных речек», планировали захватить вначале Валуйки, а уже потом идти «в Русь»[100].

Все эти планы были рассчитаны в том числе на то, что к повстанцам примкнут простые жители городов, сёл и деревень граничащих с Доном территорий.

В январе – марте 1708 г. по Белгородскому и соседним уездам распространялись упомянутые выше два воззвания К. Булавина – к «атаманам-молодцам, дорожным охотникам, вольным всяких чинов людям, ворам и разбойникам» и «в русские города начальным добрым людем, также и в сёла и в деревни, посацким, торговым людем и всяким чёрным людем»[101].

В марте - апреле как о будущих сподвижниках повстанцы говорили о саратовцах, которые будто бы слали булавинцам письма поддержки, о тамбовцах, работавших на сгоне плотов к Азову, и жителях собственно Тамбова, о «черни» Козлова[102]. Тогда же сам Булавин говорил, что к нему пристанут не только заключённые, которых освободят в «украинных городах», но и все их жители[103].

Повстанцы не ограничивались мечтами и словами. Так, 15 марта 1708 г. отряд булавинцев приехал в д. Грибановку Тамбовского уезда и вручил старосте письмо с призывом поддержать выступление. Староста не проявил энтузиазма, за что его хотели «побить до смерти». В итоге он и жители деревни пообещали всяческую поддержку восставшим[104].

---

[94] Там же. С. 600; БВ. С. 166, 189;

[95] БВ. С. 221; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 462–464.

[96] БВ. С. 203–204.

[97] БВ. С. 366, 369; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 351.

[98] БВ. С. 365.

[99] БВ. С. 232; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 478, 486.

[100] РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 466, 483.

[101] БВ. С. 450–451.

[102] БВ. С. 166, 171, 203, 206; ПиБ. Т. 7. Вып. 1. С. 555–557.

[103] БВ. С. 199–200; Акты, относящиеся к истории Войска Донского… С. 261; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 463 об.

[104] ПиБ. Т. 7. Вып. 1. С. 556–557.

Примерно в то же время на сторону мятежников склонились жители д. Михайловской Козловского уезда. Приехавшие с Хопра булавинцы призвали их, дабы они «служили с ними, казаками, заодно; им-де, ворам, то и служба, что вывесть прибольщиков да немцов и обидников. И они, михайловские жители, им… сказали: о том-де они у них, воров, и милости просят, и дали-де они, михайловские жители, им, ворам, верное письмо»[105].

В марте же по письмам К. Булавина «склонились» к повстанцам жители д. Корочаны Тамбовского уезда, двух сёл на р. Битюге (Чиглянского и Бобровского), а также Борисоглебска[106]. Около 1 мая на сторону восставших перешли жители Ямполя, которые потом в составе отряда С. Драного воевали с царскими войсками под Маяками и Тором[107].

И всё же «чёрных людей» к своим главным союзникам булавинцы не причисляли. Об этом свидетельствует письмо, которое Л. Хохлач 29 апреля 1708 г. вручил С. Бахметеву от лица всех мятежников: «И они в том стали крепко единодушно и з запорожскими казаками, и з Белогородцкою ордою, и с калмыки, и с татары, и з гребенскими и терскими и с ыицкими казаками… А им дела нет ни до бояр (имеются в виду С. Бахметев с помощниками – авт.), ни до черни, ни до солдат, ни до драгун»[108].

В марте – апреле 1708 г. восставшие донцы публично заявляли, что стоят «за великого государя, дом пресвятой Богородицы и истинную веру»[109]. И хотя они говорили, что готовятся идти «на Русь для забойства», конечным этапом выступления, судя по всему, виделся поход в Польшу[110]. Это был новый пункт в повстанческих планах. Но как возникла идея польского похода? Виной тому, думается, – распространившийся на Дону и в соседних уездах слух, что Пётр I убит заговорщиками из числа «бояр», «прибыльщиков»и «немцев»[111].

В марте 1708 г. повстанцы отогнали лошадей с «государева драгунского двора» под Тамбовом, заявив, что эти лошади «боярские, а не государевы»[112]. 6 апреля 1708 г. Л. Хохлач в разговоре заявил, что «великого государя и государя царевича вживе нет давно, а владеют-де государством бояре да прибыльщики и немцы»[113]. По всей видимости, сходные речи вели и другие участники мятежа, поскольку в одном из донесений сообщалось: восставшие «говорят слова неистовые, что-де их невозможно и писанию предать»[114]. Согласно В.И. Буганову, мятежники, вербуя сторонников, утверждали, что Петра I нет в живых[115]. Наконец, булавинцы говорили дворцовым крестьянам, «чтоб они на великого государя хлеба не сеяли, а пахали б на себя»[116].

---

[105] БВ. С. 167.

[106] Бобровские документы // Мат-лы по истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1889. Вып. 15. С. 1656, 1663; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 379, 468.

[107] РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 478 об. – 479.

[108] БВ. С. 230.

[109] БВ. С. 195–196, 230, 450–452.

[110] БВ. С. 167, 176, 195, 203, 206, 450; Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С. 135; ПиБ. Т. 7. Вып. 1. С. 619; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 353 об., 378 об.

[111] И.И. Голиков полагал, что поход в Польшу имел целью расправу с «боярами и немцами» (Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1837. Т. 2. С. 308).

[112] БВ. С. 166, 201.

[113] БВ. С. 203–204.

[114] БВ. С. 220.

[115] Буганов В.И. Булавин. С. 143.

[116] БВ. С. 183.

Не исключено, что слух о гибели государя был подтверждён (а может, и порождён) письмом якобы от бывшей царевны Софии Алексеевны, которое оказалось у К. Булавина в конце 1707 г. На самом деле София умерла в 1704 г., но мятежники этого не знали. Булавин отправил одного казака с ответным посланием в Суздаль, где, как полагали восставшие, и пребывала тогда царевна[117]. Это напоминает начало стрелецкого восстания 1698 г. – поводом к нему стала весть о том, что «великого государя за морем не стало». Вскоре восставшие получили письмо от Софии (подлинное ли?) и решили звать её на трон для замены умершего, по их мнению, Петра[118].

Итак, булавинцы полагали, что смерть настигла царя в Польше. Теперь под изменившими ему «боярами» разумелись, видимо, члены походного двора во главе с А.Д. Меншиковым, а под «немцами» – прежде всего офицеры на русской службе из числа западноевропейцев.

Что касается «прибыльщиков» (булавинцы «грозили разыскать их в Москве»[119]), то роль их в заговоре была, скорее всего, подсобная – они должны были уморить наследника престола. Об этом свидетельствуют подмётные письма, которые находили в 1707–1709 гг. в соседнем с Доном Шацком уезде. Вот краткий пересказ одного из них: «В том письме проклятой вор и еретик Александр Меншиков писал к друзьям своим, к прибылщиком, чтоб великого государя, благоверного царевича Алексея Петровича они, прибылщики, извели»[120].

Дальнейший ход событий народное сознание рисовало примерно так: Алексей остался жив и начал мстить. Крестьяне Тамбовского уезда в мае – июне 1708 г. говорили между собой: «Царевич-де по Москве гуляет с донскими казаками, и как увидит на Москве которого боярина, и им, казакам, мигнёт, и они-де, казаки, ухватя того боярина за руки за ноги, бросят в ров». При этом крестьяне говорили: «У нас-де государя ныне нет, это-де не государь, что ныне владеет, да и царевич-де говорит: это-де мне не батюшка и не царь»[121]. По мнению И.И. Дубасова, булавинцев поддерживали как раз те крестьяне и горожане, которые поверили в узурпацию трона «подменным» царём[122].

Изначально восставшие не предусматривали борьбы с правительственными войсками на территории Войска Донского. Но в середине апреля 1708 г. границы Войска пересекли карательные «команды» В. Рыкмана и С. Бахметева. Попытавшийся их разбить Л. Хохлач потерпел две неудачи (16 и 29 апреля). Тем не менее Рыкман и Бахметев остановились и стали ждать подхода основных сил карателей.

По всей видимости, о появлении правительственных войск на Дону К. Булавин узнал 18 апреля как раз от Л. Хохлача – после поражения последнего на Битюге (16 апреля). А уже 20-го прибыли в Донецкий городок его посыльные и «говорили донецким казаком, чтоб шли в Пристанской для того, что к Пристанскому пришли руские войска; и они-де, донецкие казаки, сказали: итить не хотят…» Тогда посыльные сообщили, что «донским казакам велел изо всех городков Булавин итить всем под городы для проведованья московских войск… а ведомость есть Булавину, что в Черкасской ис Азова бутто идут полки…» Примерно в то же вре-

---

[117] БВ. С. 190.

[118] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12, ч. 1. Л. 13 об. – 14

[119] Дипломатические сообщения английского посланника Чарлза Витворта (1704–1708) // Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 50. С. 7.

[120] РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1171. Л. 31.

[121] Там же. Д. 496. Л. 2 об. – 3, 17, 24.

[122] Дубасов И.И. Указ. соч. С. 56–57.

мя глава мятежников послал письмо на Северский Донец «к Сергею Беспалому, чтоб он собрал по Донцу 2000 казаков, и стал на заставе на речке Жеребец, и проведывал про полки государевы, как пойдут к Черкаскому, и давал бы ему, Буловину, знать»[123].

Далеко не все казаки желали идти против регулярных войск и даже вести разведку[124]. Несомненно, это стало известно Булавину, и он пошёл на хитрость. Ещё на пути к Черкасску он разослал по верховым городкам весть, что столица Дона им захвачена.

Письма, пришедшие в хопёрские городки не позже 28 апреля, сообщали, что восставшие «Черкаской и старшины трёх человек взяли, и чтоб казаки в Пристанской городок были в съезде все»[125].

Подобное послание 27 апреля пришло в Сухаревский городок: «а в том письме написано от него, Буловина, что он с товарыщи своими Черкаской взял, и сел в Черкаском, и побрал стариков Илью Зерщика да Саломату и иных многих, и поковал в кандалы; а войсковой атаман Лукьян Максимов да Ефрем Петров с базовыми черкасскими татары и калмыки малолюдно ис Черкаского ушол и где ныне, не ведомо; а которое было войско в Черкаском и по Донцу и по всем заполным речкам, склонились все к нему, Буловину. <…> Да в том же письме писано, чтоб они, казаки, поставили караул и проведывали про Лукьяна Максимова и про ево товарыщев, которые с ним ушли, чтоб их ызыметь…»[126]

Расчёт, видимо, был на то, что казаки, разыскивая мифических беглецов, узнают о карательных отрядах и сообщат К. Булавину. Он лично уже начал готовиться к борьбе с непрошенными гостями, но официально об этом не заявлял. Соответственно планы восставших оставались прежними. После захвата Черкасска (1 мая) булавинцы на кругах ещё два дня спорили, куда идти дальше – на Азов или «в русские городы». Сам Булавин склонялся ко второму варианту, а его ближайшие соратники – к первому[127].

Третий этап: 4 мая – 28 июня 1708 г. С 4 мая вести активные действия предлагала лишь «голудьба» (выступала за немедленный поход на Азов и Таганрог). Остальные же повстанцы, по примеру К. Булавина и «воровских старшин», отказались от мысли идти войной на «украинные города». Они стояли теперь на том, «чтоб-де им удержать реку и жить по-прежнему»[128]. Другими словами, поход на Москву и борьба с «изменниками» были сняты с повестки дня.

К. Булавин рассылает по верховым городкам письма с повелением, чтобы казаки «под руские городы не ходили»[129]. Это можно было бы расценить как нежелание провоцировать карателей на активные действия, пока повстанцы ещё не готовы к отпору. Но обращает на себя внимание вот что: отказ от сопротивления карателям прямо связан с отказом от продолжения восстания.

Данный вывод следует из анализа трёх булавинских писем, отправленных в один день (4 мая) разным адресатам и совпадающих во многом по содержанию. Речь идёт о посланиях азовскому губернатору И.А. Толстому[130], «полководцам»

---

[123] РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 480 об., 485 об.

[124] Там же. Л. 487.

[125] БВ. С. 226.

[126] РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 485 об.

[127] Там же. Л. 495; БВ. С. 237.

[128] Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С. 122–123; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 492 об.

[129] РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 487.

[130] ПиБ. Т. 7. Вып. 1. С. 191–194.

(С. Бахметеву и В. Рыкману)[131] и царю[132]. Главное, что бросается в глаза и чем возможно объяснить метания К. Булавина, – это признание того факта, что царь жив-здоров и что именно он послал на Дон войска. В письмах сообщается, что донские казаки поклялись царю «всеусердно непременно по-прежнему служить и всякова добра хотеть», и содержится просьба остановить «ратные полки». Сквозит уверенность, что государь выполнит просьбу, но при этом допускается, что «полководцы» могут его милостивый указ нарушить. Если такое и впрямь случится, то казаки всем Войском уйдут «на иную реку».

Большинство исследователей видят в этих обращениях военную хитрость: мол, восставшие хотели усыпить бдительность карателей и выиграть время, чтобы как следует подготовиться к борьбе с ними. По сути дела, историки повторяют оценки, которые давали действиям К. Булавина его противники – Г.И. Головкин, И.А. Толстой, В.В. Долгорукий[133]. Однако есть основания полагать, что предложение повстанцев о мире было сделано всерьёз, что оно выражало их подлинные намерения.

История народных выступлений в России XVII – XVIII вв. знает случаи, когда движение, начавшись под влиянием слуха о смерти царя или о его указе бить «изменников», заканчивалось вскоре после того, как восставшие узнавали, что государь жив или недоволен их действиями. Так, восстание в Москве 1682 г. окончилось тем, что стрельцы принесли повинные царям, когда те покинули столицу и собрали войска для усмирения мятежников. Стрельцы были готовы биться с «боярами», но не с государями[134].

Астраханское восстание 1705 – 1706 гг. тоже не было подавлено в строгом смысле этого слова. Решимость астраханцев защищать город сильно поколебалась после того, как они получили именную грамоту от Петра I, что означало: он жив и здоров. По такому случаю восставшие «в кругу» отслужили молебен и целовали крест на верность монарху. Правительственные войска не врывались в город – их впустили. Астраханцы сдались добровольно, выслав делегацию с повинной и отворив городские ворота[135].

Что касается булавинцев, то впервые о здравии царя они узнали, скорее всего, от черкасских казаков, перешедших на их сторону. Захватив же Черкасск и получив доступ к войсковой документации, К. Булавин должен был ознакомиться с именным царским указом, посланным на Дон 6 апреля 1708 г. В нём как раз и говорилось о посылке войск для подавления мятежа. Но там же было обещание простить всех, кто принесёт повинную немедленно[136].

С точки зрения восставших, они повинную принесли в тех самых письмах, что были посланы из Черкасска 4 мая. Будучи уверенным, что царь простит мятеж, Булавин от лица Войска Донского предъявил претензии одному из адресатов – азовскому губернатору.

Во-первых, ему напомнили вот что: «…Приезжая от Азова и от Троицкого, конной службы казаки, также… калмыки под Черкаским по многим местам… отгоняют конные и скотинные табуны и в островах на запоре наших казаков… пограбили. И чтоб вам, губернатору Ивану Андреевичю с товарыщи, от нас, войска, отгонные лошадиныя и скотинныя табуны и погрableноей на запоре всякой пожиток

---

[131] БВ. С. 453–454.
[132] ПиБ. Т. 7. Вып. 2. С. 651–652.
[133] БВ. С. 256, 264, 266.
[134] Восстание в Москве 1682 г. Сб. док-тов. М., 1976. С. 156–157.
[135] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 17. Л. 170, 171, 201 об. – 202.
[136] ПиБ. Т. 7. Вып. 2. С. 712–714.

сыскав, велеть к нам, войску, прислать. А буде от вас… против вышеписанного взятое к нам… прислано не будет, и мы войском также под Азов и под Троицкой, выбрав казаков, для отгону конных и скатинных табунов за свои обиды для взятья пошлём».

Во-вторых, донцы требовали от И.А. Толстого прислать людей к ним на переговоры, «чтоб впредь не ссориться», освободить казаков из-под ареста в Азове и Таганроге, а также вернуть «пожитки», отданные туда на хранение Л. Максимовым и Е. Петровым[137].

Кстати, «войсковые отписки» К. Булавина, отправленные в мае 1708 г. за пределы Дона, содержат новый перечень «войсковых обид», причинённых Л. Максимовым и Е. Петровым «с товарыщи». Их казнь повстанческий лидер пытался представить как законную и справедливую. При этом «обиды» подбирались и описывались так, чтобы расположить адресатов к восставшим.

В посланиях «полководцам» (4 мая), азовскому губернатору (4 мая) и Петру I (24 мая) казнь прежней войсковой администрации оправдывалась, во-первых, следующим: «которое ево, великого государя, присылаетца к нам, Войску, годовое… жалованье… и того присланного… жалованья нам они, старшины, в дуван ничего не давали». Во-вторых, казнённые парадоксальным образом оказались повинны в том, что на Дону всегда считалось нормой: «Да они ж, неправые старшины, Лукьян Максимов с товарыщи, против прежних ево, великого государя, указов и грамот, каковы были присланы к нам, Войску, в Черкаской… ис Посольского приказу, о непринимании новопришлых с Руси людей, и они, старшины, с Руси многое число принимали и о заимке юртов без нашего войскового ведома письма многие давали, и за те письма многие к себе взятки брали»[138].

В письмах кубанскому мурзе Сартлану и ачуевскому владетелю Хасану-паше (26/27 мая) среди вин казнённых руководителей Войска Донского фигурирует и такая: «они, старшины, нам и вам многое разорения и неправды чинили, и за мирным состоянием юртовых калмык и казаков без ведома нашего войскового под ваши жилища посылали, и ясырь у вас, также и конные табуны к себе брали»[139].

7 мая в кругу И. Некрасов «просился у него, Кондрашки, з голудьбою для добычи на море на морских струшках. И тот вор ему, Игнашке, сказал: атаман-де Лукьян Максимов и Ефрем Петров в роспросе сказали ему, что-де пожитки свои отвезли в Азов и в Троецкой. И о присылке тех пожитков он… писал к губернатору… И естьли-де губернатор… тех пожитков к ним не пришлёт, и он, вор, с ним собрався, пойдёт под Азов и под Троецкой и на море сам»[140].

Раз К. Булавин и его окружение ставили войну с И.А. Толстым в зависимость от того, насколько покладистым окажется губернатор, значит они действительно были настроены мирно. Раз наиболее активная часть повстанцев стремилась на море, не помышляя о добыче «зипунов» где-нибудь поближе, значит и рядовые булавинцы оставили мысли о продолжении восстания.

Однако 8 мая эти мысли ожили. В Черкасск пришли письма от Л. Хохлача и С. Беспалого с известием, «что-де на Хопёр и по Донцу пришли… ратные полки и городки разоряют и казаков рубят». Срочно был созван повстанческий круг, и было решено послать на Хопёр отряд во главе с И. Некрасовым, а на Северский До-

---

[137] Там же. Вып. 1. С. 193–194.

[138] БВ. С. 453; ПиБ. Т. 7. Вып. 1. С. 191; Вып. 2. С. 695.

[139] БВ. С. 460; Письмо К. Булавина к Ачуевскому владетелю Хасану-паше // Русская старина. 1870. Т. 2. С. 8–9; Аваков П.А., Сень Д.В. Указ. соч. С. 66.

[140] БВ. С. 239.

нец – отряд во главе с К. Булавиным. Последний, очевидно, в этот же день послал наперёд письмо, где сообщал, «что он конечно на Бахмут будет майя 21-го числа»[141].

Кондратий, однако, туда не поехал, а послал С. Драного. Оба отряда вышли из Черкасска лишь 13 мая. И дело не только в том, что на сборы нужно было время. Во-первых, 9 мая были выборы войскового атамана – им стал К. Булавин. Во-вторых, ему пришлось наводить порядок в рядах повстанцев. Уже 8 мая «хопёрские казаки говорили, что-де они того вора послушали и воровство учинили, а иные их разоряют». Голытьба, мечтавшая «поисправиться» (стать «справными» казаками), отказывалась идти в поход против царских войск, ибо это не обещало много добычи. Пришлось новоизбранному атаману отдать «в дуван» (в раздел) деньги, собранные на строительство каменного собора в Черкасске. Но «голудьба» не успокаивалась, требовала «черкаских природных казаков всех побить и пожитки их разграбить». В итоге «за караулом» (под охраной) оказались 20 старшин[142]. Тогда Кондратий внял заявлениям, что голытьбе есть нечего, и дал ей разрешение поделить хлебные запасы в Паншинском городке[143]. Таким образом дисциплина в основном войске повстанцев была на время восстановлена.

Известие о приближении карательных войск не только внесло разброд и шатание в ряды восставших, но и привело к оформлению заговора против К. Булавина, участниками которого стали 7 старшин и около 500 казаков[144]. Однако сам Булавин ещё надеялся на мирное разрешение конфликта с верховной властью.

12 мая он отправил царю повторное письмо с уверениями в лояльности и миролюбии донцов. Мятеж там преподносится как внутреннее дело Войска Донского, как простая замена «неправых старшин». При этом поменялся тон послания – дело дошло до угрозы: «И буде посланные полки будут наши казачьи городки войною разорять, и мы вам будем противитца всеми реками, и с нами вкупе и кубанские. Милостию Божиею только просим у тебя, великого государя, милости и у государевых наших бояр, чтоб было безсорно и без всякого разорения меж собою»[145]. 15 мая и в Азов отправилось повторное письмо с уверениями, что донцы не хотят «разорять государевы городы», а желают лишь служить Петру «верно и по-прежнему»[146].

16 мая на кругу в Черкасске пленный «хохлач Фёдор», присланный С. Беспалым, сообщил, что на Дон «идут руские полки с пушки 2000 человек» и 5 слободских казачьих полков[147]. Вероятно, этот же пленник поведал восставшим, что на Дон «с московскими полками» движется В.В. Долгорукий, дабы «всю реку разорить», а идёт он «по писму ис Польши» А.Д. Меншикова и «по письму же» киевского воеводы Д.М. Голицына[148].

Иными словами, карателей послал не царь, а ненавистные «бояре». Отсюда вытекало, что сопротивление пришлым войскам – дело вполне законное. Однако родился вопрос: что же с государем произошло, раз без его ведома идут войска на Дон? У восставших возникли сомнения в том, что царь жив и здоров.

---

[141] БВ. С. 239, 246.

[142] БВ. С. 239.

[143] РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 523.

[144] Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С. 129.

[145] БВ. С. 455.

[146] Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. С. 36–38; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 523

[147] БВ. С. 456.

[148] БВ. С. 459.

Тогда же, 16 мая, Булавин предложил новый план действий: мятежники вступают в бой с отрядами на Хопре и Северском Донце; в случае победы идут на Азов и Троицкий, а затем на Москву. Если же их разобьют, они должны разрушить Черкасск, собраться потом в Цимлянской станице и переселиться на Кубань[149].

Вскоре азовский губернатор получил известие, что «Булавин посылает на Кубань кубанских татар двух человек… да двух человек казаков с письмами, а знатно-де для того, что он, вор, с единомышленники своими… хочет бежать на Кубань вскоре. И Рыковских-де станиц казаки лошади и телеги готовят»[150].

О новом плане действий Булавин известил повстанческих атаманов, чьи отряды непосредственно противостояли карателям. Так, в письме С. Драного, которое пришло в Черкасск 31 мая, говорилось, что если главарь восставших не сможет ему помочь людьми, то пусть «он бы-де, Булавин, промышлял ехать, куды он с ним умышлял, а что-де хотел делать над Черкасском, то б-де управлял вскоре и к ним ведомость учинил»[151].

В то же время руководитель мятежа просит помощи у запорожских казаков. За несколько дней туда отправились три «посылки» с письмами. Лидер восставших просил запорожцев извещать его о продвижении царских войск и напоминал о том, что в начале 1708 г. сечевики обещали ему поддержку[152].

17 мая войсковой атаман шлёт письмо «в посланные полки полководцам» с очередной просьбой не разорять казачьи городки. Он убеждает карателей, что никаких мыслей о бунте у донцов нет. В конце письма говорится: «И вам бы, посланным полкам, войною на нас отнюдь не ходить. А естьли пойдётя на нас, и мы вам будем противиться вышним своим творцом Богом. А потом за своё разорение будем писать к великому государю…»[153]

24 мая Булавин послал царю третье послание с предложением мира, а на следующий день войсковой круг постановил готовиться к уходу на Кубань. Перед уходом следовало сжечь столицу Дона и побить всех, кто захочет остаться[154]. Однако ещё не было договора с принимающей стороной – кубанскими татарами и жившими среди них казаками-раскольниками. Ввиду этого 27 мая на Кубань отправились посыльные с тремя письмами (третье было адресовано турецкому султану)[155]. Но предварительно был созван очередной войсковой круг, на котором донцы принесли клятву стоять «за предания 7-и вселенских собор»[156], то есть приняли одно из ключевых положений «старой веры». И, видимо, на том же кругу Булавин «учинил… заповедь под смертной казнью, чтоб никто про именование великого государя не вспоминал. А буде кто станет говорить, чтоб принесть великому государю повинную, и тех людей похваляетца он казнить смертью»[157].

Запрет «именовать» Петра I обычно трактуется как табу на всякое упоминание царского имени[158]. Но учтём, что эта «заповедь» была нужна для привлечения кубанских раскольников. Скорее всего, речь идёт о запрете поминать Петра «на выходе» – во время церковной службы. Подобное решение уже принималось

---

[149] БВ. С. 244; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 523 об.

[150] БВ. С. 270; Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С. 127.

[151] Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С. 130.

[152] БВ. С. 457–459; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 523 об.

[153] БВ. С. 457.

[154] Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С. 127.

[155] Там же; БВ. С. 460–461; Письмо К. Булавина к Ачуевскому владетелю Хасану-паше. С. 8–9; Аваков П.А., Сень Д.В. Указ. соч. С. 64–67.

[156] БВ. С. 463.

[157] Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С. 130.

[158] Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. С. 108–110.

на Дону в 1687 г. Тогда под напором староверов донцы отказались от «именования» Ивана V и Петра I «на выходе», поскольку об этом в старых служебниках ничего не говорилось[159]. При этом в обоих случаях далеко не все донцы поддержали указанный запрет.

По словам черкасского казака К. Кабана, 27 мая 1708 г. на войсковом круге К. Булавин «говорил многие непристойные слова (очевидно, о царе – авт.). И верховых городков казаки в том кругу ему говорили, что он много говорит, а с повинною к великому государю не посылает; не всех-де их он, Булавин, перекуёт, и ныне-де их в согласии много, могут ево, Булавина, и в кругу поймать. И он-де, вор Булавин, велел их единомышленником своим взять за караул»[160].

Рассмотрим теперь письма, отправленные 27 мая на Кубань. В них отношение к Петру I уже иное, нежели ранее. Султана Булавин предупреждает, чтобы он царю не верил, ибо тот готовится к войне с Турцией[161]. В послании же кубанским раскольникам, во-первых, сообщалось о клятве донцов стоять «за предания 7-и вселенских собор». Во-вторых, там был такой текст: на Дон бегут люди «от изгоны царя нашего и от неправедных судей, потому что они веру христианскую у нас отнимают. А естьли наш царь на нас з гневом поступит, и то будет турской царь владеть Азовом и Троицким… А мы ныне в Азов и в Троицкой с Руси никаких припасов не пропущаем, покамест с нами азовский и троецкой воевода в согласия к нам придёт. А мы к городам не приступаем и христианской крови проливать не станем. А к нему, государю, мы войском пишем от себя письма, а сами к нему не едем. А естьли царь наш не станет жаловать, как жаловал отцов наших, дедов и прадедов, или станет нам на реке какое утеснения чинить, и мы войском от него отложимся и будем милости просить у вышняго Творца нашего Владыки, а также и у турского царя, чтоб турский царь нас от себя не отринул. И потому мы от своего государя отложимся, что нашу веру християнскую в Московском государстве перевёл, а у нас ныне отнимает бороды и усы…»[162]

По письму видно, что донцы-«никониане» осторожно ищут точки соприкосновения с кубанскими староверами, но при этом сохраняют лояльность царю, не помышляя о борьбе с ним. Раскольники же видели в Петре врага. Причём для них он был «подменным» государем, ставленником «немцев». Однако и булавинцы всё более склонялись к мысли, что Пётр – «подложный» царь. Ведь не может же «истинный государь» попущать «боярам», зная, что те шлют войска против казаков!

2 июня 1708 г. план ухода на Кубань был сорван. В тот день черкасские казаки-заговорщики вместе с азовцами отогнали 11 тысяч повстанческих лошадей к Азову. Судя по всему, руководители мятежа 5 дней обсуждали, что теперь делать. Принять решение им помог «именной указ» Петра I, доставленный в Черкасск 6 или 7 июня[163].

Вероятно, это был тот самый указ, который послали из Воронежа 6 мая и вручили казакам Пристанского городка 28 мая. Пётр обращался к донским казакам с призывом не приставать к Булавину, либо отойти от него и схватить вместе с ближайшими помощниками. Всем, кто послушается, царь обещал прощение и милость. Пристанские казаки, прочитав грамоту, «говорили, что слава Богу, что-

---

[159] Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. 12. С. 137, 190.

[160] Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С. 129.

[161] БВ. С. 465.

[162] БВ. С. 464.

[163] БВ. С. 264.

де к ним от великого государя указ пришол, и о том порадовались, и в кругу объявили промеж себя погреб – за государево здоровье пили…»[164]

Думается, К. Булавин и его окружение вряд ли были столь же рады, поскольку об отпущении их вин в документе не говорилось. Тем не менее 8 июня царский указ, дополненный «войсковой отпиской», уже лежал на столе азовского губернатора. Судя по пересказу И.А. Толстого, содержимое «отписки» было противоречивым. С одной стороны, К. Булавин от лица всех донцов, ссылаясь на указ, «объявляет… что бутто вины им отданы». С другой стороны, он заявляет, что Войско Донское собирается уйти на Кубань. И тут же «пишет… о том, что отогнали у него… от Черкаского конской табун к Азову, и бежать стало ему не на чем». Поэтому Булавин требует «ему отдать» угнанный табун, а также беглецов из Черкасска, угрожая в противном случае «Азов и Троицкой добывать» и «офицеров побить до смерти»[165].

Это не была пустая угроза. По всем казачьим городкам были разосланы «войсковые письма», призывавшие казаков идти в Черкасск для последующего похода на Азов. Звал к себе Булавин также отряды С. Драного и И. Некрасова[166].

Теперь нужно поговорить о том, что происходило на периферии восстания, а именно о планах и деяниях повстанцев, охранявших границы Войска Донского, и повстанцев, действовавших за пределами Дона.

Прежде всего надлежит отметить, что метания К. Булавина и вносимые им изменения в идеологию восстания либо вообще не отражались в планах повстанцев на периферии, либо вызывали их корректировку со значительным опозданием. И виной тому обширность Области Войска Донского при ненадёжности и медлительности почты. Вспомним, как «двигался» милостивый царский указ: Пристанский городок – 28 мая, Черкасск – 6/7 июня. Ещё пример: войсковой указ, посланный из Черкасска на Северский Донец С. Драному 17 мая, дошёл до адресата лишь 26 мая.

Как уже говорилось, 4 мая 1708 г. Булавин отдал приказ, чтобы восставшие «под русские города не ходили». Письмо с этим повелением шло до Бахмута 9–10 дней. Всё это время отряды С. Беспалого и Н. Голого действовали в соответствии с прежним планом: Беспалый готовился при поддержке запорожцев захватить Изюм, а «Никито Голый, который разорил Полатовское село, пошёл под Волуйку, под Полатов, под Усерд, под Верхососенск, под Ольшанск»[167]. 11 мая в с. Полатово булавинцы призывали крестьян идти с ними для захвата «городов и сёл и деревень».[168] До середины мая о мирной директиве Булавина не знал и Л. Хохлач, отряд которого в ночь на 13 мая без боя овладел Дмитриевском[169].

Повстанцы на периферии могли даже не понимать и не принимать некоторых распоряжений К. Булавина – особенно тогда, когда новый приказ противоречил прежнему. Например, казаки, жившие по Хопру и Медведице, около 14 мая получили известие, что нельзя ходить под «русские города». Но дней через десять они узнали, что с Дона на Волгу перешли отряды И. Некрасова и И. Павлова, целью которых были Царицын и Саратов (они были посланы 13 мая)[170]. И что

---

[164] РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 518–518 об.
[165] БВ. С. 264.
[166] БВ. С. 264, 269; Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина. С. 130–131.
[167] БВ. С. 242.
[168] РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 525 об.
[169] БВ. С. 421, 426, 442; Сыскные дела о донских казаках… С. 147.
[170] БВ. С. 244, 250, 424–425.

должны были думать верховые казаки? Можно полагать, что они пришли в смятение.

Ещё одной проблемой было то, что от Булавина не поступали конкретные директивы относительно случаев, когда карательные войска двигались бы прямо на повстанцев или шли бы мимо, но пересекали границу Войска Донского. Периферийным атаманам оставалось действовать на свой страх и риск. В такой обстановке 8 июня булавинцы под предводительством С. Драного и С. Беспалого разгромили карательный отряд, сформированный из жителей Сумского слободского казачьего полка[171]. Чуть позднее, и опять же без ведома К. Булавина, отряд М. Колычева разорил Мигулинский монастырь[172].

Несогласованность повстанческих планов на уровне руководства и на уровне периферийных отрядов, а также асинхронность действий на этих уровнях сыграли роковую роль в истории Булавинщины. Дело в том, что враги восставших из числа высших управителей воспринимали предложения К. Булавина о мире как тактический манёвр хитроумного противника. Действительно, одновременно с его миролюбивыми письмами в Москву поступали донесения об агрессивных действиях мятежников. Примеры таких действий приведены выше. Но можно вспомнить и тот страх, который вызвало в правительственном лагере известие о намерении запорожцев разорять «великороссийские и малороссийские города». Намерение же это в немалой степени было вызвано уже упоминавшимися письмами Булавина, посланными в середине мая[173]. Наконец, В.В. Долгорукий написал царю, что мирные предложения главы мятежников – просто обман, как раз после получения вести о разгроме «Сумского полка»[174].

Обратим теперь внимание на то, что у противников булавинцев система связи тоже была далека от совершенства. В донесениях местных управителей о действиях восставших часто не было точных датировок сообщаемых сведений, и такие сведения обычно относили ко времени, непосредственно предшествовавшему той дате, которая стояла на донесении, – дате составления чистового варианта или дате отправки. В связи с этим реальная картина событий часто искажалась.

К примеру, послание полковника И.И. Тевяшова В.В. Долгорукому от 30 июня 1708 г. сопровождалась копией письма строителя Донецкого монастыря Ионы. Тот сообщал, что булавинский атаман И. Павлов пытался взять Царицын, однако отступил; в то же время С. Драный готовится «итить под князя Долгорукова, а инии кажут, бутьто по Ызюм»[175]. Князю эти сведения представлялись актуальными, свежими, но на самом деле они относились к началу июня, так как 7 июня Царицын (без кремля) был взят[176].

Во многом неверное представление о ситуации на Дону и в Придонье у противников булавинцев складывалось также потому, что сбор нужных сведений вёлся главным образом путём «расспросов» так называемых «выходцев с Дона». Среди них же было немало случайных людей – тех, кто совсем недолго жил среди донцов (не обязательно повстанцев). Эти лица часто передавали не то, что видели сами, а то, что слышали от других, причём не всегда очевидцев. Услышанное могло быть пересказом давних слухов, но для новичка и для тех, кто его потом «расспрашивал», оно представало истиной и новостью. Впрочем, даже ре-

---

[171] БВ. С. 266.
[172] Аваков П.А. Черкасск и Булавинское восстание… С. 85.
[173] БВ. С. 381–389.
[174] БВ. С. 266.
[175] БВ. С. 283.
[176] Сыскные дела о донских казаках… С. 147.

альные и свежие данные могли ко времени «расспроса» устареть, но опять же это не учитывалось.

28 мая 1708 г. царь отправил В. Долгорукому и И. Толстому указы, в которых повелевал «казакам ничего не чинить, ежели от них ничего внофь не явится»[177]. Это была реакция на булавинские письма (от 4 и 12 мая) с уверениями в лояльности донцов. Однако через две недели Пётр отказался от перемирия с восставшими. В указе В. Долгорукому от 12 июня он сообщал: «…А ныне паки разсудили мы, что лутче вам, собрався, идти к Северскому Донцу… понеже мы известились, что оной вор послал надвое своих людей: одних с Некрасовым… или в верховые городки или на Волгу, а другую посылку з Драным протиф вас…»[178] (Имеются в виду события, которые произошли ещё 13 мая!)

Таким образом, повстанцы и их противники часто действовали, не зная истинных намерений противоположной стороны в данный момент, вводили друг друга в заблуждение и даже провоцировали на активные действия, сами того не желая. Можно полагать, что если бы не примитивные системы связи и сбора информации, то К. Булавину удалось бы договориться с Петром I, избежать военного конфликта с ним.

Посмотрим на события мая – июня 1708 г. ещё раз. 4 мая Булавин предлагает царю остановить карателей. Письмо идёт очень долго. Не дожидаясь ответа, Булавин 13 мая шлёт отряды на Хопёр и Северский Донец, где уже стоят карательные войска. 28 мая Пётр, получивший наконец письмо Булавина и готовый поверить ему, приказывает своим войскам остановиться. Но приказ идёт почти месяц (В. Долгорукий получил его примерно 25 июня[179]). Тем временем восставшие, не будучи уверенными, что царь их простит, готовятся дать отпор карателям, а в случае неудачи планируют уход на Кубань. Но 2 июня азовцы отгоняют у повстанцев табуны. Булавин требует их вернуть, угрожая разорением Азова и Таганрога. Его воинственность – узконаправленная и ситуативная, но для врагов она служит несомненным доказательством того, что предложения восставших о мире – лишь уловка. Тут как раз Пётр узнаёт о событиях 13 мая. Вероломство Булавина является доказанным, и царь отдаёт приказ возобновить военные действия против донцов. И хотя два царских указа вышли с интервалом в две недели, столько времени для передышки повстанцы не получили. Второй («боевой») указ был получен В. Долгоруким 27 июня[180] – всего два дня спустя после получения «мирного» указа!

К этому времени булавинцы, стоявшие на границах Области Войска Донского, уже расслабились и начали покидать свои позиции. Дело в том, что примерно 7 июня в Черкасск прибыл курьер со старым царским указом (от 6 апреля), в котором обещалось прощение всем казакам, за исключением К. Булавина «с товарыщи». Повстанцы решили, что их уже простили. «Войсковые письма» с этой радостной вестью гонцы повезли по всем донским городкам. Одним казакам разрешалось вернуться домой, другие же должны были идти к Черкасску, а оттуда – на Азов. Действия И.А. Толстого в новой ситуации воспринимались как «измена», непокорство царской воле. Соответственно в глазах казаков поход на Азов был акцией в защиту чести и достоинства Петра I.

С. Драный получил радостную весть 16 июня, и сразу «войска от себя распустил по домам», а сам «поехал к себе в Ойдар, где живёт». Жители Маяков, ехавшие 17 июня из Боровского юрта на Бахмуте, встречали возвращающихся

[177] ПиБ. Т. 7. Вып. 2. С. 189.
[178] Там же. С. 206.
[179] БВ. С. 278.
[180] БВ. С. 282.

домой казаков «человек по сту и больши и меньши»[181]. Вскоре после этого В. Долгорукий послал «разъезды», чтобы выяснить, где находится отряд С. Драного. Однако нигде «не токмо что и воров видили, и сакмы (следа в степи. – *О.У.*) их воровской нигде не видали ж». Отсюда был сделан вывод, что восставшие «пошли к Черкаскому и в Бахмуте их никого нет»[182].

В это же время по верховым городкам ездили «разыщики» от Булавина, искавшие виновных в нападениях на царские войска и в отгоне лошадей с «государева драгунского двора» под Тамбовом. Ведь эти акции в свете милостивого указа выглядели как оскорбление самого царя.

В. Долгорукий в письме монарху от 13 июня докладывал: «Да те ж присланные казаки сказывали мне про Луньку Хохлача, которой, собравшись, ходил против Степана Бахметева, что-де ис Черкаского присланы по него и взят к розыску. Также бутто и другие казаки присланы в Донецкой для розыску, которые лошадей отганяли»[183].

Житель Острогожска Ф. Осминин 22 июня на допросе показал: «А ис Черкаского-де присланы розыщики человек с 30-ть до Донецкого и по городкам: брали у атаманов скаски, по какому указу и хто отпускал своевольцов, которые, собрався, бутто без ведома Буловина бьют на войска государевы. Также для розыску про донецкого атамана про Никулу Колычева о разорении Мигулинского монастыря, что бутто он, атаман, посылал тот монастырь разорять. <…> А ис Черкаского-де от Буловина присылаютца грамоты непрестанно, чтоб отнюдь из городков казаки и своевольцы на Русь под города и на Волгу для разоренья и на войска государевы войною не ходили. И за то пишет к ним в тех своих грамотах под страхом смертныя казни»[184].

Не исключено, что К. Булавин, отдавая такие распоряжения, действовал под давлением черкасских старшин, с мнением которых не мог не считаться. Возможно также, что его не покидала надежда на персональное прощение. И надо же было такому случиться – Пётр, сам того не желая, позволил руководителю мятежа посчитать, что вины ему отпущены, и даже подтолкнул его к походу на Азов.

25 июня в Черкасск прибыл курьер с указом И.А. Толстому от 28 мая – тем самым указом, в котором царь приказывал не трогать повстанцев, если от них не будет никакой угрозы. Но ведь 2 июня азовский губернатор причинил донцам «обиду». Естественно, Булавин посчитал, что тот нарушил царский указ, а коли так, то будет справедливым его наказать. Отправив курьера в Азов, глава повстанцев снабдил его «войсковой отпиской», где предупреждал «о приходе своём к Азову, похвалялся и пепел развеять Азова и Троецкого»[185].

С точки зрения военной науки, К. Булавин совершил ошибку – предупредив противника, он пренебрёг фактором внезапности. С точки же зрения восставших, только так и нужно было поступить в той ситуации. Ведь речь шла о защите царской чести, о благородном поступке, а благородство требовало открытости. Такое поведение доказывает, что отход восставших от веры в Петра I был частичным и временным.

Итак, примерно с 16 июня повстанцы, охранявшие до этого границы Дона, расходятся по домам или же идут к Черкасску в «походное войско». Этим сразу пользуются каратели. 19 июня из Изюма по направлению к Азову отправился от-

---

[181] БВ. С. 274.
[182] БВ. С. 285.
[183] БВ. С. 269.
[184] БВ. С. 278.
[185] ПиБ. Т. 7. Вып. 2. С. 821–822.

ряд полковника Е. Гулица[186]. Около 22 июня он достиг Бахмута. Об этом тут же стало известно С. Драному, которого, вероятно, оповестил Т. Белогородец[187]. Драный отдал приказ вернуть всех своих воинов, распущенных по домам, и послал для этого «загонщиков». Кроме того, он сообщил, видимо, обо всём в Черкасск. К. Булавин его действия одобрил и приказал (по-видимому, 28 – 29 июня) не допустить Е. Гулица до Таганрога и Азова[188]. Однако 28 июня на Дон двинулись и войска под начальством В. Долгорукого[189]. Положение восставших резко осложнилось. Кроме того, они почувствовали себя одураченными.

Четвёртый этап: 29 июня 1708 – 15 июня 1709 гг. В новой ситуации у восставших ожили сомнения в том, что Пётр I жив, и опять вспыхнули бунтарские настроения. Многие решили, что их ловко провели «бояре», которые царя всё же убили, а «милостивые» указы подделали. Снова был выдвинут лозунг борьбы с «изменниками».

30 июня отряд С. Драного и С. Беспалого стал обозом у Тора, к жителям которого были посланы гонцы с «прелестными письмами». Повстанцы заявляли, что «стали они за правду и идут к Москве, уведомляючись, где государь, и для ускромления бояр» (в другом пересказе: «А мы-де идём до самой Москвы, где можем государя найти. А стали-де мы за правду»). В письмах также содержались «воровские бредни» о А.Д. Меншикове[190]. Скорее всего, под «бреднями» разумелись уже знакомые нам слухи об участии Меншикова в заговоре против царя или же о его приказе, вопреки монаршей воле, послать войска на Дон для усмирения мятежа. Быть может, пересказывались и оба слуха вместе.

5 июля начался поход повстанцев на Азов. Можно согласиться с П.А. Аваковым, который пишет: «Судя по всему, истинной целью похода было все же не взятие города, а отгон к Черкасску табуна Войска Донского, необходимого булавинцам для бегства на Кубань, которое в условиях надвигающейся угрозы в лице корпуса князя В.В. Долгорукого могло стать единственным спасением»[191]. Но официально это была акция в защиту чести царя и реализация первого пункта изначального плана восстания.

Вернуться к этому плану мог, разумеется, лишь тот, кто и в октябре 1707 г. ему следовал. Большинство же донцов подключились к мятежу в апреле – мае 1708 г., подчиняясь насилию со стороны булавинцев или не желая дать повод к его применению. Потом же их удерживал в рядах повстанцев и страх наказания от официальных властей. Однако после получения «милостивых» царских указов многие казаки уже не опасались монаршего гнева и не желали верить в гибель Петра. Для них участие в мятеже потеряло всякий смысл.

Это следует учитывать, во-первых, при объяснении той лёгкости, с какой азовский гарнизон разбил превосходящее по численности повстанческое войско[192], а во-вторых, при выявлении причин последующего переворота в Черкасске, участниками которого были не только местные, но и пришлые (верховые) казаки. Войсковые старшины во главе с И. Зерщиковым заключили, что государь находится в добром здравии, но сердится на казаков. Чтобы отвести от себя царский гнев, они решили схватить Булавина и его ближайших соратников. 7 июля Кондратий был убит. С точки зрения заговорщиков, это не было предательством,

---

[186] БВ. С. 276 (№ 93).
[187] БВ. С. 277.
[188] БВ. С. 290.
[189] БВ. С. 282.
[190] БВ. С. 290; ПиБ. Т. 7. Вып. 2. С. 876.
[191] Аваков П.А. Азовский поход булавинцев… С. 191.
[192] Там же. С. 188–191.

– предательством было сопротивление царским войскам. В-третьих, не вызывает удивления и быстрый отход казаков от убеждённых повстанцев после гибели Булавина[193].

С 8 июля 1708 г. идеология восставших включает призыв наказать заговорщиков-предателей. В начале августа И. Некрасов и И. Павлов рассылали письма и «нарочных загонщиков», чтобы изо всех городков шли к ним казаки на «совет». Насколько можно судить, они предлагали такой план действий: сначала поход на Черкасск, ибо там засели убийцы Булавина и карательный отряд В. Долгорукого. Если удача будет на стороне восставших, то затем им нужно будет очистить «реку» от иных предателей и карателей, после чего идти на «украинные города» и «в Русь». Если же победу под Черкасском одержит противник, то восставшим придётся уйти туда, куда собирались уже давно, – на Кубань[194].

Повстанцы, разбитые 7 сентября драгунским полком Е. Гулица, до боя «говорили: будет-де они полки возьмут, то пойдут в Танбов и в Козлов»[195].

После поражения повстанцев под Паншиным и Есауловым (конец августа 1708 г.) и ухода И. Некрасова с частью восставших на Кубань (сентябрь 1708 г.) наиболее грозным для властей был отряд Н. Голого. О планах этой группы восставших в конце сентября сообщалось вот что: «собрався, хотят итить под украинные городы, где стоит с полками… князь Долгорукой. И как ево… с полками разобьют, то-де чернь к ним, собрався, пристанет… И поимав городы, пойдут до Москвы побить бояр и немцов и прибыльщиков»[196]. К началу ноября 1708 г. этот план был чуть изменён: перед походом на В. Долгорукого и «в Русь» Н. Голый и его соратники хотели сначала расправиться с предателями и захватить Саратов[197].

Разгром этого отряда, вопреки распространённому мнению, не стал финальной точкой Булавинщины. В апреле 1709 г. в степи у Петровска, недалеко от Саратова, стоял отряд А. Иванова, члены которого намеревались идти «для разорения сёл и деревень в Русь». Правда, сделать это повстанцы не успели, поскольку отряд был уничтожен правительственными войсками[198].

Последним очагом восстания был район действий «воровских казаков» под предводительством В. Мельника. В апреле – мае 1709 г. на Терсе, Медведице и Бузулуке они чинили расправы с казаками, отказавшими им в поддержке, а 15 июня вступили в бой с царскими войсками. Опять-таки в случае победы восставшие собирались идти «в Русь», а в случае поражения – на Кубань. Но разгром их был таков, что последний пункт плана выполнить не удалось[199]. И раз в источниках нет сведений о каких-либо группах, в дальнейшем выступавших под лозунгами Булавинщины, значит, её история на этом и закончилась.

---

[193] БВ. С. 276–277, 282, 290; ПиБ. Т. 7. Вып. 2. С. 876; Сыскные дела о донских казаках… С. 144..

[194] БВ. С. 322, 324–325, 327; Мат-лы о восстании на Дону и в Центральной России в XVIII в. // Мат-лы по истории СССР. М., 1957. Вып. 5. С. 546.

[195] Сыскные дела о донских казаках… С. 149.

[196] БВ. С. 339–340.

[197] БВ. С. 348–349, 353; Мат-лы о восстании на Дону… С. 538.

[198] Донесение Петру I Петра Апраксина (28 апреля 1709) // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. Саратов, 1912. Вып. 29. С. 82–83.

[199] Сыскные дела о донских казаках… С.166; РГАДА. Ф.9. Отд.2. Оп.3. Кн.9. Л.84–85; Ф.111. Оп.1. 1709 г. Д.15. Л.13–14; Ф.1149. Оп.1. Д.150. Л.1об.

РОССИЯ В РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1917 – 1922 гг.

РУССКАЯ АРМИЯ В 1917 г.

АНТРОПОЛОГИЯ СОЛДАТСКОГО МИТИНГА. ОБЩЕПОЛКОВЫЕ СОБРАНИЯ В ПЕТРОГРАДСКОМ ГАРНИЗОНЕ В 1917 ГОДУ

***Аннотация*:** Статья посвящена роли общих собраний солдат Петроградского гарнизона в 1917 году. После Февральского восстания в армии были созданы солдатские выборные органы – комитеты. С течением времени они стали требовать от солдат выполнения непопулярных решений, что встретило сопротивление военнослужащих. Отстаивать свои интересы они смогли благодаря общеполковым собраниям, на которых все решения принимались коллективно. Влияние общих собраний было связано с тем, что они соответствовали традиционной для крестьянства форме сельских сходов. С помощью общих собраний оппозиционно настроенным солдатам удалось консолидироваться и добиваться переизбрания комитетов.

***Ключевые слова*:** Революция 1917 года, Петроградский гарнизон. Крестьянские сходы, митинги, резолюции.

***Abstract*:** The article is devoted to the role of all-regiment meetings in the Petrograd garrison in 1917. After the February insurrection, the soldiers' elective bodies - committees - were created in the army. Over time, they demanded soldiers to perform unpopular decisions, which met the resistance. Soldiers could defend their interests with a help of the all-regiment meetings, at which all decisions were taken collectively. The influence of meetings was due to the fact that they corresponded to the traditional form of rural gatherings for the peasantry. With the help of meetings, opposition-minded soldiers managed to consolidate and seek re-election of committees.

***Key words*:** Revolution of 1917, Petrograd garrison, meetings, rural gatherings, resolutions.

К.А. Тарасов (Санкт-Петербург)

Исходя из тезиса о политически незрелом, неграмотном крестьянстве, составлявшем большинство в армии, преобладания в его сознании традиционалистских установок, поведение военнослужащих в 1917 г. в современной историографии интерпретируется как «солдатская вольница», «солдатский бунт»[1]. Подобные формулировки, однако, очень мало дают для

[1] *Старцев В.И.* Человек с ружьем в Октябре // Октябрь 1917 года: событие века или величайшая катастрофа? М., 1991. С.151-156; *Булдаков В.П.* Истоки и последствия солдатского бунта: психология «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 208-217; *Люкшин Д.И.* Солдаты тыловых гарнизонов: от колебания к бунту // 1917 год в исто-

анализа. На современном этапе изучения проблематики необходимо исследовать механизм самоорганизации солдат, понять способы их вовлечения в политическую борьбу. Таким образом станет возможным приблизиться к пониманию участия солдатской «массы» в революционном процессе.

В данной статье основное внимание будет уделено одной из сторон этой большой темы – функционированию общих собраний воинских частей и полковых митингов. Анализ проведен на основе материалов запасных воинских частей Петроградского гарнизона, являвшимся самым крупным в России. Во многом он был типичным тыловым гарнизоном. Здесь располагались запасные полки и запасные батальоны гвардии, главной задачей которых была подготовка пополнений для фронта. Переход этих солдат на сторону революции стал решающим фактором победы Февральского восстания. В дальнейший период от их отношения к происходящим событиям оказались зависимы все политические силы, претендовавшие на власть.

История солдатского самоуправления началась со знаменитого Приказа №1 Петроградского Совета, написанного 1 марта 1917 г. Один из пунктов документа предписывал солдатам создавать комитеты из своих представителей[2]. В последующие дни в Петроградском гарнизоне прошли выборы этих новых органов. Большинство исследователей сходятся в том, что в первые комитеты выбиралась т.н. «солдатская интеллигенция», то есть наиболее образованные представители солдат, бывшие студенты, служащие и представители средних городских слоев[3]. Основная масса военнослужащих уступала им хотя бы в виду высокого процента неграмотных и малограмотных.

21 марта 1917 г. общее собрание представителей ротных, полковых и батальонных комитетов в Таврическом дворце приняло решение о том, что Петроградский Совет становился высшим руководством солдатских организаций[4]. На практике это означало полное подчинение членов комитетов решениям Совета и проведение в жизнь всех его постановлений. По свидетельству члена комитета

рических судьбах России. М., 1993; *Ильюхов А.А.* Роль солдат в революции 1917 г., или кто «делал» революцию в Смоленской губернии // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; *Диунов М.Ю.* Беспорядки в Ярославском гарнизоне (осень—зима 1917 г.) // «От мудрости и святости былого...» VII Тихомировские краеведческие чтения. Ярославль, 1999; *Плешаков Н.И.* Тыловые гарнизоны Первой мировой войны (на примере Саратовской губернии) // Доклады Академии военных наук. Военная история. 2006. №5 (23); *Сапон В.П.* Восстание солдат Нижегородского гарнизона в июле 1917 г. По материалам местной периодической печати и воспоминаниям участников событий// Военно-исторический журнал. 2010. № 10. С. 3-8.

[2] См. воспоминания очевидцев и непосредственных участников составления документа: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Кн.1. Пб., 1919. С.197-199; *Садовский А.И.* [Воспоминания] // РГАСПИ. Ф 124. Оп.1. Д.1699. Ч. II. Л.268-268 об.; *Любарский.* Приказ №1; *Падерин А.* Письмо в редакцию «Пролетарской революции» // Пролетарская революция. 1924. №8-9. С.401-402; *Соколов Н.Д.* Как родился приказ № 1 // Огонек. 1927. № 11. 13 марта; *Кудрявцев Ю.А.* [Воспоминания] // РГАСПИ. Ф.71. Оп.15. Д.401. Л.13-18; *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т.2. М., 1992. С.189.

[3] См.: *Рабинович С.Е.* Борьба за армию в 1917. М.; Л., 1930. С.83; *Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С.82-83; *Wildman A.K.* The End of the Russian Imperial Army. Vol. 1: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March-April 1917). Princeton, 1987. P. 377-378; *Миллер В.И.* Осторожно: история! М., 1997. С.40. См. также: *Протасов Л.Г.* Всероссийское учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С.46; *Миллер В.И.* Меньшевистская партия в 1917 г. Фрагменты истории в оценках российского исследователя // РСДРП(о) в 1917 году. Документально-исторические очерки. М., 2007. С.63

[4] Дело народа. 1917. 22 марта.

запасного батальона Кексгольмского полка, делегаты Петроградского Совета играли значительную роль в политической жизни воинской части: «Я не помню ни одного случая, чтобы какая-либо резолюция шла бы в разрез с их пожеланиями»[5]. То же самое можно сказать и про другие воинские части Петрограда. Комитеты фактически утрачивали функцию солдатского представительства, посредника между солдатской массой и властями. Даже наоборот, они блокировали попытки солдат с помощью манифестаций и делегаций к Таврическому дворцу предъявить свои требования властям[6].

Комитеты запасных воинских частей стремились контролировать политическую жизнь солдат. Они выбирали, какие газеты выписываются для солдат, кто имеет право выступать с лекциями, какие агитаторы будут допущены в казармы. По свидетельству А.Г. Шляпникова, в то время члена Исполнительного комитета Петроградского Совета, в казармы направлялись только те «агитаторы, пропагандисты, лекторы и организаторы, которые разделяли «советскую платформу», т.е., по сути дела, меньшевистко-эсеровско-оборонческую политическую позицию»[7]. Такая ситуация оставалась возможной, пока Петроградский Совет пользовался непререкаемым авторитетом.

Однако в апреле - мае 1917 г. положение начало меняться в связи с мероприятиями новых властей. «Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении» были обещаны декларацией Временного правительства, ставшей определенной уступкой Петроградскому Совету[8]. Однако в начале апреля в запасные воинские части стали прибывать делегаты фронта с просьбой о пополнениях[9]. После длительных колебаний из-за сопротивления солдат Петроградский Совет все же санкционировал возобновление практики пополнений. Члены батальонных комитетов в подавляющем большинстве продемонстрировали патриотические настроения и принимали постановления о выделении все новых и новых солдат для фронта. Вместе с тем такие решения комитетов зачастую приводили к конфликтам с солдатами[10].

11 мая 1917 г. военный министр А.Ф. Керенский подписал «Приказ о введении положений об основных правах военнослужащих», более известный как «Декларация прав солдата». В документе провозглашалось предоставление солдатам всех гражданских прав. В последующие дни началось обсуждение Декларации в Петроградском гарнизоне. Она вызвала негативную реакцию части военнослужащих, поскольку офицерам было дано право применять оружие против своих подчиненных в боевых условиях. Кроме того, солдаты лишались возможности отстранения своего начальства от должностей. В Петрограде росло движение за пересмотр этих пунктов Декларации[11].

В мае в Петроградском гарнизоне прокатилась волна протестов против отмены отпусков на полевые работы. 19 мая солдатской секцией Совета было принято постановление находящимся в отпуску солдатам возвратиться на место

---

[5] Цит. по *Миллер В.И.* Солдатские комитеты русской армии в 1917 году. М., 1974. С.39.

[6] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.1. Л.37; ЦГА СПб. Ф.6276. Оп.269. Д.126. Л.175; Большевизация Петроградского гарнизона. М.; Л., 1932. С.68-69.

[7] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. С.422.

[8] Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта.

[9] РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 4. Л. 16; . Д. 1. Л. 34; Ф. 16100. Оп. 1. Д. 165. Л. 20; Ф. 7734. Оп. 1. Д. 1. Л. 34; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 227. Л. 171.

[10] *Тарасов К.А.* Большевики и «шкурный» большевизм. Вопрос о пополнениях в Петроградском гарнизоне в марте—июне 1917 года // Родина. 2014. №11. С.65-67.

[11] Подробнее см. *Тарасов К.А.* Дискуссия о «Декларации прав солдата» в Петроградском гарнизоне в 1917 г. // Петербургский исторический журнал. 2015. №4. С.145-154.

службы до 15 июня[12]. 8 июня был обнародован приказ военного министра А.Ф. Керенского, запрещавший увольнения в связи с необходимостью наличия полного состава запасных воинских частей в период наступления[13]. Практика отпусков «для участия в полевых работах» была введена еще при царском правительстве в августе 1916 г. Срок был установлен в один месяц и распространялся на 5 % личного состава воинской части[14]. С тех пор прошло меньше года и большинство военнослужащих, находившихся на фронте и в тылу, считали отпуск на полевые работы своим неотъемлемым правом, тем более после революции.

Члены комитетов пытались отстаивать решения правительства, санкционированные Советом, перед солдатами. Однако далеко не всегда им это удавалось. Адъютант 1-го пехотного запасного полка подпоручик Макарьев писал позже: «Когда в начале революции членам полкового комитета в своих речах приходилось говорить солдатам только приятное для них, то понятно, что они имели большой успех и доверие, и первое время по образовании [так в источнике – *К.Т.*] ротных и полковых комитетов они пользовались в ротах доверием безграничным и властью. Всякое их распоряжение исполнялось немедленно и беспрекословно. Но когда с течением времени ораторам полкового совета пришлось выступать с речами, что завоевания свободы не есть «ничегонеделание», а что оно налагает на каждого из солдат обязанности... то понятно, что авторитет таких лиц, и вместе и всего полкового совета стал падать»[15].

Ситуация, при которой комитеты являлись проводниками постановлений Совета, чем ограничивали возможности политического участия солдат, в ряде случаев приводила к конфликтам. По словам ефрейтора 180-го запасного пехотного полка, как только члены комитета становились «на сторону порядка и справедливости: воспрещают беспорядки, налагают взыскания, объявляют публичные выговоры», это воспринималось солдатами как возврат к дореволюционным порядкам. Их логику он выразил так: «Комитет потакает – принимает свободу; комитет за порядок – значит… к старому режиму тянет»[16].

Член Военного отдела Петроградского Совета трудовик В.Б. Станкевич посвятил этой ситуации специальную статью. Он отмечал: «В последнее время с разных сторон стали поступать сведения, что решения и постановления солдатских комитетов не проводятся в жизнь потому, что солдатская масса отказывается им подчиняться. Не подчиняющиеся при этом рассуждают таким образом: комитеты выбраны нами и должны исполнять нашу волю; раз мы с их решением не согласны, значит, они постановили неправильно; значит – мы можем им не подчиняться»[17].

По мере отправления наиболее дисциплинированных солдат на передовую, в Петрограде скапливались противники активных действий на фронте и политики Временного правительства в целом. Градус недовольства возрастал. Протестное движение в целом ряде случаев возглавили члены партии большевиков. Они

---

[12] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. Т.3. М., 1993. С. 119.

[13] Там же. С. 126.

[14] См.: *Чертищев А.В.* Политические партии России и массовое политическое сознание действующей армии в годы Первой мировой войны (июль 1914 — март 1918 гг.). М., 2006.С. 60; *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. С. 179–186.

[15] ГА РФ. Ф.1782. Оп.1. Д.8. Л.114

[16] [Жизнь 50 дивизии]. 1917. 21 июля.

[17] *Станкевич В.* Солдатское самоуправление // Голос солдата. 1917. 9 мая.

стали одними из инициаторов проведения регулярных общих собрания всех солдат воинской части[18].

Недовольные военнослужащие использовали общеполковые собрания, чтобы консолидировать протест против политики, проводимой членами комитетов. С их помощью удавалось блокировать выполнение решений выборных органов и даже добиваться их переизбрания. Наиболее важные вопросы, касающиеся запасных воинских частей, стали выноситься на общее обсуждение солдат. В тех случаях, когда собрания проходили регулярно, их решения имели больший вес, чем мнение комитета, даже подкрепленное поддержкой Петроградского Совета[19].

В ряде воинских частей Петрограда за комитетом не признавали право принимать решения от имени солдат, не посоветовавшись с ними. Когда постановление членов солдатских организаций расходилось с мнением общего собрания, они очень часто складывали полномочия, интерпретируя решения собраний как выражение недоверия[20]. Комментируя случаи самороспуска комитетов, историк В.И. Миллер пришел к выводу, что они считали правомерным свое существование в данном составе лишь до той поры, пока выражали точку зрения своих избирателей[21].

Появление общеполковых собраний и их значение для солдат стоит связывать с традиционным для вчерашних крестьян общинным самоуправлением. Такой формой самоорганизации являлись крестьянские сходы, которые были единственной дозволенной государством формой участия в принятии решений. После столыпинской аграрной реформы наблюдалось вовлечение в общее обсуждение все большего числа членов общины, предоставление права голоса молодежи[22]. Соответственно, даже новобранцы имели опыт решения дел на сходах.

Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева являются уникальным источником, из которого можно почерпнуть сведения о функционировании крестьянских сходов. В распоряжение этого научно-исследовательского учреждения поступали данные со всей Российской империи о быте русского крестьянства конца XIX – начала XX вв.[23]

Несмотря на достаточно четко прописанное в законодательстве указание на необходимую долю голосов для принятия решений, по мнению крестьян, сила приговора (т.е. решения схода) не зависела от числа присутствовавших[24]. Очень

---

[18] РГВИА. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 78. Л. 77; ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 269. Д. 126. Л. 156, 167. См. также: ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 10. Л. 179об.

[19] ГА РФ. Ф.1782. Оп.1. Д.2 Л.13об.; ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.10. Л.38; Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3-5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль-октябрь 1917 г. Кн.1. / Ред. и отв. сост. О.К. Иванцова. М., 2012. С.280.

[20] См. о Петроградском батальоне: РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.32. Л.1об.; о 1-ом пулеметном полку: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С.345; о Гренадерском батальоне: Голос солдата. 1917. 4 июля; о Московском батальоне: ЦГА СПб. Ф.6276. Оп.269. Д.126. Л.80-85; ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.4. Л.67.

[21] *Миллер.* Осторожно: история! С.48.

[22] *Анфимов А.М., Зырянов П.Н.* Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период // История СССР. 1980. № 4. С.32-34.

[23] Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенешева хранятся в Российском этнографическом музее. С 2004 по 2009 гг. опубликовано семь томов документов собрания по Вологодской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Псковской, Санкт-Петербургской, Тверской, Тульской и Ярославской губерниям, т.е. Северо-Западной и Центральной России.

[24] Русские крестьяне: жизнь, быт, нравы. Т.1. / Сост. И.И. Шангина. Под ред. Д.А. Баранова, А.В. Коновалова. СПб., 2004. С.264.

часто корреспонденты тенишевского бюро писали, что решающее значение на сходах имели не самые рассудительные и даже не самые обеспеченные крестьяне, а так называемые «горланы» («горлапаны») или «крикуны». Как понятно из названия, эти крестьяне поднимали шум, стараясь перекричать толпу. Сторону одного или другого принимали группы участников сельского схода, и, в конце концов, выносилось то или иное решение[25]. В основном крестьяне соглашались с приговором, который принимался под влиянием «крикунов», даже если они с ним не были согласны. Многие из них не желали вступать в препирательства, другие готовы были согласиться с мнением большинства («как мир постановил, так и будет»)[26].

Перечисленные характерные черты крестьянских сходов полностью повторялись в случае общеполковых собраний. Участие в солдатских дискуссиях «крикунов» указывают множество очевидцев. Такие солдаты стремились либо заглушить неподходящего оратора шумом и свистом, либо аплодисментами и криками создать поддержку нужным, с их точки зрения, речам. Их активность очень часто влияла на окончательную резолюцию собрания[27].

Имеется множество свидетельств о том, что общеполковые собрания выносили резолюции, обязательные для всей воинской части, несмотря на то, что на них присутствовало меньшинство (200 - 500 человек) наличного состава[28]. Один из лидеров солдатской секции Петроградского Совета меньшевик М.С. Бинасик считал, что общие собрания рот и полков «протекают в ненормальных условиях», «…решения таких собраний очень часто являются случайными и несоответствующими желанию большинства, в особенности тогда, когда решения выносятся только одной частью, а выдаются за решение собрания всего полка»[29]. Об отсутствии легитимности собраний говорил 12 июля и влиятельный меньшевик М.И. Либер (Гольдман) на собрании Исполнительного комитета солдатской секции Совета и представителей батальонных комитетов. Он заявил о том, что «огромная масса солдат, индифферентно относившаяся к вопросам политической жизни, отсутствовала на митингах, и этим давала возможность небольшим группам выносить постановления от имени всей части»[30].

Объяснить такое поведение могут слова солдат 1-го пулеметного запасного полка в передаче их ротного командира: «Мы сами не можем решить, а будем

---

[25] Русские крестьяне. Т.1. С.265, 311; Т.2. Ч.1. С.551; Т.2. Ч.2. С.265; Т.3. С.414; Т.4. С.273,333; Т.5. Ч.1. С.160, 473, 542; Т.5. Ч.2 .С.171, 395; Т.5.Ч.4. С.117, 443; Т.6. С.438; Т.7. Ч.2. С.16; Т.7. Ч.4. С.50. См. также: *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С.94; *Зырянов П.Н..* Крестьянская община европейской России 1907-1914 гг. М., 1992. С.34.

[26] Русские крестьяне. Т.2. Ч.2. С.265; Т.3. С.214, 422; Т.4. С.273; Т.5. Ч.1. С.542; Т.5. Ч.2. С.395,779; Т.5. Ч.4. С.44; Т.6. С.57; Т.7.Ч.4. С.108.

[27] ГА РФ. Ф.1782. Оп.1. Д.7. Л.43; Д.12а. Л.16; ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.9. Л.46; Д.4. Л.49. Еще их называли «клакерами» от названия профессии, когда эти «зрители» создавали искусственный успех либо провал спектаклю (см.: ГА РФ. Ф.1782. Оп.1. Д.7. Л.161об.; Д.12а. Л.77об.). См. также *Чиненов И. В* московской «военке» семнадцатого года (из воспоминаний) // Московская большевистская военная организация в 1917 г. Сб. М., 1937. С. 55; *Соловей Е.* В борьбе за массы // Рассказывают участники Великого Октября. М., 1957. С. 40-41.

[28] ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 10. Л. 80; ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 7. Л. 46об.; ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 4. Л. 73; Д. 21. Л. 13; Д. 24 Л. 31; Солдатское слово. 1917. 1 июля.

[29] Петроградский Совет... Т. 3. С. 362.

[30] Петроградский Совет... Т. 4. С. 49. См. также ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.24. Л.116об.

делать то, что весь полк решит»[31]. Это высказывание буквально повторяет свидетельства, поступавшие в тенишевское бюро. Солдаты запасных воинских частей предпочитали солидаризоваться с мнением более активных сослуживцев. Коллективизм оставался важной составляющей политической культуры солдат-крестьян.

Наиболее отчетливо функционирование общеполковых собраний можно увидеть на примере запасного батальона Московского полка, в отношении которого было проведено специальное расследование о проведении солдатского митинга. Здесь собрания и митинги проводились ежедневно и стали «руководителем жизни и выразителем настроений солдат». Комитет же не пользовался авторитетом и складывал свои полномочия четыре раза за первую половину года[32]. Для организации общеполкового собрания в роты рассылались «записки» с приглашением. На него делегировались от одного до четырех представителей[33]. Иными словами, общее собрание превратилось в параллельный батальонному комитету самостоятельный орган власти.

Итогом общих собраний, как правило, было вынесение резолюции от имени полка. Как уже говорилось, резолюции эти не всегда были обеспечены поддержкой всех солдат воинской части. Однако решения были обязательными для исполнения всеми. Резолюции митингов оформлялись как официальные документы, имели подписи председателя собрания и секретаря, следовательно, всеми участниками им придавался правовой статус[34]. В данном случае можно вновь отметить сходство с сельскими сходами, которые выносили мирской приговор. Этот документ носил публично-правовой характер и выносился от имени всего крестьянского сообщества[35].

Вместе с тем, солдатские резолюции, как и мирские приговоры[36], стоит с большой осторожностью использовать как свидетельство массовых настроений. Вопрос об их авторстве нельзя считать однозначным. То, как выносились резолюции общих собраний, описал член комитета 180-го пехотного запасного полка: «Масса, толпа вообще ничего не сочиняет – она только одобряет, или не одобряет, направляет, дополняет резолюции собраний… Обыкновенно резолюции сочиняет заправила митингов или собраний»[37]. Иными словами, резолюции служат в большей степени показателем борьбы за власть между различными группами в полку, чем свидетельством реального настроения солдат.

Можно согласиться с выводом О.Н. Знаменского, что резолюции «дают нам материал не столько об умонастроении масс, сколько об интенсивности и направлении агитационной работы различных партий»[38]. Анализируя резолюции митингов лета 1917 г., в которых очень часто фигурировали требования скорейшего созыва Учредительного собрания, историк усомнился в популярности этой идеи среди рабочих и солдат. Частота упоминаний Учредительного собрания в

---

[31] ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 10. Л.80об.

[32] Большевизация Петроградского гарнизона. С.148.

[33] ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.4. Л.57-58.

[34] См. *Betekhina E.* Style in lower-class writing in 1917 // Voices of Revolution, 1917. New Heaven, London. P. 309-313.

[35] Судьбы российского крестьянства / отв. ред. Ю.Н. Афанасьев. М., 1996. С.57.

[36] В период Революции 1905-1907 гг. политические партии, прежде всего эсеры, активно участвовали в крестьянском приговором движении, помогая крестьянам их составлять (*Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С.266-267. *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX в. М., 1996. С.70).

[37] Жизнь 50 дивизии. 1917. 29 июля.

[38] *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976. С.100.

резолюциях, выдвинутых большевиками, согласно его выводам, не является доказательством возросшей популярности этого лозунга. О.Н. Знаменский предположил, что «популярность могла остаться на прежнем уровне или снизиться, но большевики сочли целесообразным использовать лозунг Учредительного собрания ради большей убедительности разоблачений контрреволюционности и антидемократичности созванного Временным правительством Московского государственного совещания»[39].

К аналогичным выводам на том же материале пришел С.В. Яров. По его мнению, резолюции предлагались «партийными агитаторами, и зачастую отраженные в них лозунги прямо соотносились с тактическими целями той или иной партии в данный момент»[40]. Сопоставление резолюций митингов с основными этапами большевистской кампании против Учредительного собрания дает возможность историку сделать вывод об их взаимосвязи. Зачастую содержащиеся в них положения едва ли не дословно совпадают с партийными решениями[41]. Скептически С.В. Яров относится и к самой процедуре голосования на собраниях. Он писал, что на многотысячных митингах «обеспечить участие каждого из присутствующих на выборном собрании в составлении наказа избирателей было крайне сложно»[42].

В связи с этим стоит задаться вопросом, насколько солдаты отдавали себе отчет в том, за какие резолюции они голосуют. Малограмотных крестьян сложно назвать искушенными в вопросах политики. Следовательно, солдаты по-своему могли интерпретировать слова оратора. Парадокс «перевода» политических лозунгов отразил фельетон в газете «Солдатское слово». Автор описывал ход митинга в одном из «левых полков». Лозунг о передаче всей власти Советам возбуждал в толпе возгласы о том, что Исполнительный комитет Петроградского Совета «жиды захватили». Призыв оратора не верить министрам-социалистам вызывал отклик «Все они буржуи! Все они продались!». Критика агитатором коалиционного министерства, приемы которого не лучше чем у «Николая Кровавого», по словам автора фельетона, отзывается криками из толпы «Ничего нам революция не дала! Раньше лучше было!»[43]. Описание, конечно, очень гротескное, но благодаря ему можно понять, что далеко не всегда по популярным в массе лозунгам можно судить о настроениях в солдатской среде.

«Маленькая газета» также опубликовала статью о солдатском митинге в запасном батальоне Егерского полка. Согласно отчету корреспондента, во время обсуждения резолюции Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов местные большевики рядовые Зайцев и Плотников предложили не подчиняться ей. «Начинается крикливая перебранка между большевиками», – сообщал корреспондент, – «Ничего не понимающее собрание вотирует лозунги одни нелепее других. Председатель Зайцев читает по своему списку и сам комментирует. Например: «Долой политику наступления». Из среды присутствующих раздается протест – пусть сам фронт решает этот вопрос: ведь мы здесь сидим только без дела в тылу. С этим большевик не может согласиться. Начинает Зайцев с указания, что буржуи кричат о наступлении, что это делается по политическим мотивам (запомним «Правду»). Вот «против этих подстрекателей мы и бо-

[39] Там же. С.101.

[40] *Яров С.В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999. С. 83.

[41] Там же. С. 82-91.

[42] *Яров С.В.* Советы: органы республики или инструменты контроля над республикой? // Что такое республиканская традиция. СПб., 2009. С.157.

[43] Работа ленинцев в армии // Солдатское слово. 1917. 20 июня

ремся». Лозунг принят»[44]. Вновь описание хода собрания довольно спорное, но можно отметить, что авторы резолюции выносили на обсуждение уже готовый вариант резолюции. Их задачей было ее утверждение солдатами. Вполне вероятно, что в ходе обсуждения некоторые формулировки могли корректироваться, однако сама она скорее являлась свидетельством той агитации, которую вела в данном полку та или иная политическая группа.

То, что резолюции имели следы коллективного творчества, хорошо видно при сопоставлении тематики политической агитации с итоговыми резолюциями воинских частей. Наиболее характерным примером может служить резолюция митинга 30 июня 1917 г. 2-го пулеметного запасного полка. В ней обнаруживаются основные лозунги партии большевиков (протест против наступления, которое ведется в интересах «буржуазии», против расформирования нескольких полков на фронте за отказ наступать, против травли большевиков, опубликование тайных договоров, переход власти к Советам и т.д.), перемешанные с откровенно популистскими (протест против отмены отпусков на период наступления, требование отправить на фронт «капиталистов, жандармов и казаков», приравнять паек солдатских жен к офицерским)[45].

В случае двух митингов в нашем распоряжении есть записки, поданные в президиум солдатами 1-го пулеметного запасного полка и гарнизона Петропавловской крепости. В обоих случаях военнослужащих интересовали вопросы о пайке для солдатских жен, о цене продуктов для крестьян, о социальной справедливости, о наступлении на фронте[46]. Иными словами, солдат интересовало то, что было им близко и понятно, это и находило отражение в некоторых резолюциях воинских частей.

По свидетельствам очевидцев, поддержка большевиков в воинских частях во многом была связана с тем, что они использовали в агитации насущные для солдат темы: бытовые условия, запрет отпусков, нехватка обмундирования[47]. В одном из отчетов штабу Петроградского военного округа отмечалось, что на восприимчивость солдат 180-го пехотного полка «всякой вредной пропаганды» оказывали влияние «невыносимые жилищные условия, грязь и сырость в казарме (тиф не переводился), болото под ногами, скученность и теснота размещения людей, отдаленность полка от центра, недостаток обмундирования и обуви»[48]. Таким образом, агитация по важным для солдат вопросам актуализировала и конкретизировала большевистские лозунги, делала их доступными для понимания любому из солдат. Итогом этого и являлись резолюции, сочетавшие вопросы высокой политики и конкретных бытовых нужд.

Вместе с тем нужно отметить, что влияние между «массой» и оратором было взаимным. Большевик Ф.Н. Дингельштедт, которому приходилось агитировать в воинских частях Петрограда, писал, что «дисциплинарно подчинившись принятой тактической линии и стараясь проводить ее в своих выступлениях, мы очень часто сбивались с нее и выкладывали массе то, что непосредственно вытекало из ее настроения, ее классового чувства, из ее потребностей»[49]. О похожем воздействии вспоминал А.Ф. Ильин (Женевский): «Масса своим стихийным

---

[44] Егерский полк накануне 18 июня // Маленькая газета. 1917. 22 июня.

[45] Резолюция 2-го Пулеметного национального полка // Правда. 1917. 4 июля.

[46] РГВИА. Ф.1343. Оп.19. Д.3879. Л.1 Л.5; ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп.2. Д.43. Л.58-82.

[47] ГА РФ. Ф.1782. Оп.1. Д.12а. Л.57; Д.15. Л.7; Д.18. Л.7; ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.43. Л.24.

[48] РГВИА. Ф.1343. Оп.2. Д.490. Л.19.

[49] *Дингельштедт Ф.Н.* Весна пролетарской революции // Красная летопись. 1925. №1. С.205.

напором толкала руководителей [митинга – *К.Т.*] на решительные действия»[50]. Его брат Ф.Ф. Ильин (Раскольников) описывал свои впечатления на митинге в Огнеметно-химическом батальоне: «Уже с первых слов я почувствовал между собой и аудиторией тесный контакт, самое близкое взаимодействие. Речь, видимо, находила отклик у слушателей, а их настроение, в свою очередь, влияло на меня. Поэтому тон речи непрерывно повышался, и резкость ее выводов все нарастала»[51].

В.А. Антонов-Овсеенко вспоминал об одном из митингов, на котором ему пришлось выступать в мае 1917 г. в «большевистском» 176-м пехотном полку: «Каждое слово подхватывается жадно, с подъемом; сотни искрящихся глаз будто поднимали тебя мощной волной. Речь насыщалась уверенностью, казалось все возможным, казалось, что нет такой силы, которая способна была бы задержать наш порыв. Предвиделась уже близкая наша победа. Чувствовалось, как вся трехтысячная масса как бы слита с тобой в одном, как бы слита с тобой в одном порыве…»[52]. Эффект единодушия с большим количеством людей имел заразительное действие на ораторов. Среда формировала их видение развивающихся событий.

Общеполковые собрания стали важным элементом самоорганизации солдат и их попыток воздействовать на принятие решений. Это отчетливо проявилось в период нарастания социальной напряженности в Петрограде в июне - июле 1917 г. Недовольство решениями правительства, подогреваемое агитацией леворадикальных партий, вылилось в стремление организовать вооруженную демонстрацию под лозунгами «Вся власть Советам!». Подготовка к ней проходила на общеполковых собраниях и митингах, где обсуждались важнейшие для солдат постановления властей последнего времени. В итоге, когда намеченная на 10 июня антиправительственная демонстрация была отменена, отправленные Петроградским Советом делегаты в воинские части столкнулись с трудностями. В запасных батальонах Московского, Гренадерского и Павловского полков, а также в 3-м пехотном и 1-м пулеметном запасных полках, чтобы отговорить солдат от выступления, ораторам пришлось вступить в полемику на общих собраниях[53]. В других запасных воинских частях, где за все решения отвечал комитет (запасные батальоны Волынского, Литовского и Преображенского полков), солдат просто ставили перед фактом отмены каких бы то ни было выступлений[54].

В последующие дни напряженная обстановка сохранялась и даже усугубилась благодаря тому, что 18 июня началось наступление на фронте. Такие настроения в итоге вылились в Июльское выступление. Комитет 1-го пулеметного запасного полка, которому все это время с трудом удавалось удерживать солдат от выступления на улицы, 3 июля был смещен на общеполковом собрании. Солдаты выбрали Временный революционный комитет, который руководил общим движением. Попытки ораторов-большевиков остановить начинающееся выступление закончились провалом. Н.К. Крупская, отговаривавшая солдат 3 июля, впоследствии вспоминала: «Знаете, когда надо агитировать за то, чтобы выступать – это легко… А когда люди хотят выступать, а надо говорить: «Нет

---

[50] *Женевский А.* Июльские дни 1917 года в Петрограде // Красная летопись. 1926. №3. С.44.

[51] *Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С.215.

[52] *Антонов-Овсеенко В.А.* В семнадцатом году. М., 1933. С.140.

[53] *Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон... С.270-271.

[54] Известия. 1917. 11 июня.

товарищи, баррикады надо разрушить… С выступлением придётся немного подождать», – это трудно. И большевикам было очень трудно это сделать»[55].

По показаниям многих очевидцев, некоторые пулеметчики, посланные в другие полки с призывом присоединяться, признавались, что сами они были настроены против демонстрации, но вынуждены подчиниться мнению большинства[56]. В воинских частях, организованно принявших участие в Июльском выступлении, решение было принято также после обсуждения всеми солдатами воинской части (1-й, 3-й и 180-й пехотные полки, батальоны Павловского и Московского полков)[57]. В тех полках, где сторонникам умеренного курса удалось взять верх, общеполковое собрание выносило решение не присоединяться к демонстрации[58].

Июльское восстание закончилось поражением. Временному правительству удалось использовать верные войска, чтобы восстановить порядок. После событий 3-5 июля оно приняло решение о запрещении общих собраний, которые «могут представлять опасность в военном отношении или в отношении государственной безопасности»[59]. Это было попыткой ограничить участие армии в политическом процессе, лишить ее самостоятельной роли в политической борьбе.

Такая ситуация продержалась недолго. В конце августа после провала выступления генерала Корнилова деятельность общеполковых собраний вновь активизировалась. Начались перевыборы комитетов, членов которых обвиняли в бездействии и даже пособничестве контрреволюции из-за поддержки вывода маршевых рот на фронт[60]. Крупный исследователь Петроградского гарнизона Г.Л. Соболев выявил 80 резолюций, принятых почти в 60 воинских частях в период с 1 сентября по 25 октября. Историк сделал вывод о «высоком накале политической жизни столичного гарнизона» в указанный период[61]. Эта волна общеполковых митингов и собраний была связана с агитацией в поддержку резолюции Петроградского Совета 31 августа. В ней провозглашались основные политические лозунги большевиков и их союзников, главным из которых был переход всей власти в руки Советов. Возобновление общеполковых собраний позволило сторонникам свержения Временного правительства мобилизовать своих последователей накануне Октября.

Таким образом, власть полковых и батальонных комитетов основывалась не на их формальном статусе в системе управления армией и даже не на авторитете Петроградского Совета, решения которого они проводили. Она зависела от их умения получить поддержку солдат. Перед членами комитетов стояла ежедневная задача воспроизводства своей власти. Без постоянного взаимодействия с солдатской «массой» они оказывались в изоляции от своей социальной базы.

Определенный период солдаты связывали осуществление народовластия со своими более образованными представителями. Когда эти надежды не оправдали себя, бывшие крестьяне сорганизовались в более очевидную для них форму представления своих интересов. Поскольку комитеты не выполняли свои функции как выразители настроения воинской части, популярность стали наби-

---

[55] *Крупская Н.К.* Ленин и партия. М., 1963. С.118-119

[56] ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.11. Л.230; Д.25. Л.56 об.; Д.20. Л.93; ГА РФ. Ф.1782. Оп.1. Д.17. Л.39 об.

[57] ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.43. Л.2.

[58] ГА РФ. Ф.1782. Оп.1. Д.29. Л.4; ЦГИА СПб. Ф.349. Оп.1. Д.18. Л.2.

[59] Журналы заседаний Временного правительства. Июнь-август. Т. 3. М., 2001. С. 142.

[60] РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 197. Л. 29; Д. 2. Л. 44об.; ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 269. Д. 126. Л. 241.

[61] *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон… С. 214.

рать внеинституциональные формы самоорганизации для отстаивания солдатами своих прав. Общеполковые собрания и митинги стали важной частью системы самоорганизации солдат в их борьбе за возможность влиять на принятие решений.

Появление общеполковых собраний и механизм их функционирования указывают на большую популярность среди солдат практик прямой демократии, свойственных крестьянским сходам. Этот способ принятия решений был более понятной им формой народовластия, при которой источником власти понимается народ, решения принимаются коллективно непосредственно самими гражданами. Массовая политика открывала наиболее активным представителям солдатской среды возможности для участия в принятии решений, которые касались каждого из них. А это уже означало поиск ими своего места в социально-политических отношениях.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В РЕШЕНИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ВОПРОСОВ (МАРТ - ИЮНЬ 1917 Г.)[1]

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается роль хозяйственных вопросов в деятельности революционных органов власти на Балтийском флоте в марте – июне 1917 г. Обосновывается значимость этого направления как в деятельности судовых комитетов, что стало фундаментом их авторитета, так и в работе Центрального комитета Балтийского флота.

Ключевые слова: Балтийский флот, военные моряки, 1917 год, революционные органы власти, судовые комитеты, Центробалт.

Abstract. The proposed article examines the role of economic issues in the activities of the revolutionary authorities in the Baltic Fleet in March-June 1917. The significance of this direction is substantiated both in the activities of the ship committees, which became the foundation of their authority and in the work of the Central Committee of the Baltic Fleet (Tsentrobalt).

***Keywords*:** the Baltic Fleet, the Central Committee of the Baltic Fleet (Tsentrobalt), Navy sailors, the revolutionary authorities, ship committees, 1917.

Д.А. Бажанов (Санкт-Петербург)

Процесс создания и функционирование революционных органов власти на Балтике стали объектом внимания уже давно. Однако, интерпретируя революционные события 1917 г. прежде всего как политическую борьбу партий, советские авторы в подобном ключе рассматривали и задачи появлявшихся разнообразных органов самоуправления. Данный подход был закреплен в одном из определявших дальнейший взгляд на революцию 1917 г. трудов – «Истории гражданской войны». В первом томе, рассматривающем революционный процесс в марте – октябре 1917 г., упоминаний об органах самоуправления практически нет. Лишь в главе «Армия и флот накануне Октябрьской революции» – отмечались успехи большевизации армии, начавшиеся именно с «завоевания низовых солдатских организаций». Это привело к тому, что «полковые, ротные и другие комитеты, отражавшие настроение масс, постепенно оказывались на их стороне»[2]. Таким образом, комитеты представлялись на определенном этапе революции как средство политической борьбы партии большевиков и классовой борьбы рядовых против командного состава. Подобный подход свойственен многим работам 40-х – 60-х гг.[3] В начале 60-х гг. появились специальные исследования, посвященные Центробалту[4]. Они окончательно закрепили тезис об «огромной работе», проде-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00466.

[2] История Гражданской войны в СССР. Т. 1 / Под ред. М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина. М., 1935. С. 255.

[3] Сивков П.З. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов. М., 1946; Богданов А.В. Моряки - балтийцы в 1917 году. М., 1955; Столяренко М.А. Сыны партии-балтийцы. Л., 1969; Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 году (возникновение и начальный период деятельности). М., 1974.

[4] Измайлов Н.Ф., Пухов А.С. Центробалт. М., 1963; Хесин С.С., Чугаев Д.А. Центральный комитет Балтийского флота [Вступительная статья] // Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота 1917 – 1918 / Под ред. Д.А. Чугаева. М.-Л., 1963. С. 5 – 30; Блинов А.М. Центробалт // Вопросы истории. 1969. №11. С. 28 – 42.

ланной ЦКБФ по «обеспечению активного участия балтийских моряков в Октябрьском вооруженном восстании», а также об обсуждении им политических вопросов[5]. А.М. Блинов в своей статье, не отходя от трактовки ЦКБФ как органа политической деятельности, стремился показать его центром системы комитетов, в которую он включил помимо судовых и местные флотские[6]. В то же время основной смысл деятельности ЦКБФ автор видел лишь в «демократизации флота», понимаемой им как «контроль за действиями офицерского состава»[7].

Хозяйственная составляющая жизни военных на протяжении значительного периода оставалась второстепенным объектом для исследователей. Особенно справедливо это применительно к периоду революционных событий 1917 г. Некоторое внимание этому вопросу уделил впервые В.В. Петраш, указавший сумму, выделявшуюся на ежедневное питание матросов Балтийского флота в феврале 1917 г.[8] Однако в дальнейшем это направление в советской историографии не получило продолжения. В то же время в 90-е гг. началась ревизия в отношении роли снабжения в поведении моряков. Важные замечания, базировавшиеся на материалах изученных фронтовых писем, были сделаны Е.С. Сенявской[9]. Эти наблюдения, применительно к солдатам русской армии, в том числе через анализ девиантного поведения были развиты позднее А.Б. Асташовым[10]. Вопрос о связи характера снабжения и настроений был поставлен В.П. Булдаковым[11]. Наблюдения за этой связью в частях петроградского гарнизона накануне и в дни Февральской революцией продолжил К.А. Тарасов[12]. В то же время мероприятия революционных органов власти по изменению материальных условий существования специальному изучению не подвергались.

Улучшение быта выступало для подавляющей части личного состава показателем наступления действительно справедливого строя. Поэтому представляется закономерным, что решением текущих хозяйственных вопросов повседневного существования экипажей на Балтике занялись с первых дней своего существования судовые комитеты. Эти органы революционной власти создавались, в основном, в течение первой половины марта 1917 г. В ночь с 3 на 4 марта «для поддержания порядка», по свидетельству электрика линкора «Гангут» Д.И. Иванова, на корабле с разрешения командира был избран судовой комитет. 4 марта комитеты были созданы на стоявших в Гельсингфорсе линкорах 1-й и 2-й бригад, крейсере «Диана». В последующие несколько дней комитеты появились и на других судах. 5 марта комитеты начали действовать на кораблях в Кронштадте, о чем свидетельствует первое постановление судовой организации линкора «Им-

---

[5] Хесин С.С., Чугаев Д.А. Центральный комитет Балтийского флота [Вступительная статья] // Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота 1917 – 1918. С. 5.

[6] Блинов А.М. Центробалт // Вопросы истории. 1969. №11. С. 33.

[7] Там же. С. 34.

[8] Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.-Л., 1963. С.26.

[9] Сенявская Е.С. Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997. С. 75.

[10] Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: опыт и современность С. 277 – 299, 515 – 524.

[11] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 56 – 57.

[12] Тарасов К.А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 – март 1918). СПб., 2017. С. 29 – 33.

ператор Александр II»[13]. К концу первой декады марта, т.е. спустя 4 – 5 дней после смены командования, комитеты начали избираться на соединениях, дислоцировавшихся в Ревеле. 8 марта комитет появился на минном заградителе «Волга», а 12 – на крейсере «Баян». 8 марта 1917 г. поротные довыборы прошли на кораблях, стоявших в Моонзунде: линейном корабле «Цесаревич» и крейсере «Адмирал Макаров»[14].

Приоритет хозяйственной деятельности для избираемых судовых организаций подчеркивался, на наш взгляд, несколькими обстоятельствами. Во-первых, наиболее ранними нормативными документами, посвященными комитетам. К ним, по-видимому, должны быть отнесены постановление Собрания представителей гарнизона Кронштадтской крепости от 1 марта, а также «Инструкция» комитету, разработанная общим собранием экипажей линкора «Цесаревич» и крейсера «Адмирал Макаров» 7 марта[15]. В кронштадтском постановлении цель деятельности комитетов определялась как «устройство внутреннего быта отдельных частей». «Инструкция» представляла собой, скорее, общий план создания органов революционной власти на кораблях, стоявших в Моонзунде. Предполагаемая «схема организации» включала для «взаимодействия офицеров и матросов в смысле хозяйственном, продовольственном» автономный от корабельного хозяйственный комитет[16].

Попытка унифицировать структуру судовых организаций была впервые предпринята на заседаниях Соединенного комитета 2-й бригады линейных кораблей Балтийского флота, проходивших 11 – 18 марта. На трех заседаниях 11, 14 и 18 марта обсуждался вопрос об организации и структуре комитетов. Итогом деятельности стало принятие «Положения о судовых комитетах». В результате представители бригады сочли, что входить в него должны следственная, продовольственная, библиотечная и просветительская комиссии, а также судовая лавочка[17]. Определялось разграничение сфер деятельности командиров кораблей и судовых комитетов. Первые должны были осуществлять командование в боевой ситуации, следить за обучением специалистов, судовым расписанием и расписанием учебных тревог, всеми средствами связи. Также они представляли к поощрениям и наградам, устанавливали количество личного состава, нужное для выполнения судовых работ, и сроки увольнения на берег, следили за регистрацией всех съехавших на берег, назначали сроки выполнения внеочередных работ. В сферу деятельности комитетов входили: «распорядительные функции по кормлению, по здравоохранению, просвещению и политическому образованию команды, наблюдение за добросовестным исполнением каждым своих обязанностей на корабле, поддержание строгой дисциплины и пресечение ее нарушений, наблюдение за благопристойным поведением и нетчиками и наказание проступков такого рода, ведение очереди едущих в отпуск и съезжающих на берег, распределение служебных льгот, предоставляемых всему личному составу, вынесение примирительных решений в случае возникновения каких-либо недоразумений, прием и разбор всякого рода жалоб, производство дознаний по ним и отмена взысканий,

[13] РГАВМФ. Ф.554. Оп.1. Д.127. Л.1.

[14] Там же. Ф.556. Оп.1. Д.149. Л.1; Ф.Р-596. Оп.1. Д.78. Л.1об.; Ф.Р-207. Оп.1. Д.1. Л.55; Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С.77.

[15] Гордеев П.Н. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – октябре 1917 года. Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 122 – 123; РГАВМФ. Ф.556. Оп.1. Д. 148. Лл. 1, 11, 13.

[16] РГАВМФ. Ф.556. Оп.1. Д.148. Л.1.

[17] Там же. Ф.Р-95. Оп.1. Д.102. Л.8.

наложенных командиром, устройство культурного досуга, контроль ведения хозяйства»[18].

Во-вторых, численность комиссий, связанных с ведением хозяйства. Например, в комитете линейного корабля «Севастополь» II состава (18 апреля – 28 июня) из 25 человек в продовольственную комиссию входило 9, в комиссию «по проверке харчевых сумм» – 4 и в комиссию по проверке буфета – 3 человека[19], т.е. более 50% от численности всего комитета. На крейсере «Баян» в состав «кормежной комиссии», наделенной функциями не только приема продуктов из порта, но и контроля денежных сумм, выделяемых на продовольствие, вошло, согласно протоколу №2 от 13 марта, 5 чел, т.е. также половина судового комитета[20]. На крейсере «Богатырь» в состав хозяйственной комиссии, созданной на втором заседании комитета 16 марта, вошло 2 депутата, в состав продовольственной комиссии, образованной двумя днями позднее – еще столько же[21].

В первые месяцы существования именно вопросы улучшения питания рядового и унтер-офицерского состава кораблей привлекли к себе самое серьезное внимание делегатов комитетов. Как правило, это приводило к тому, что на первых порах пищевое снабжение на кораблях действительно улучшалось. На штабном судне «Кречет» продовольственная комиссия вынесла на заседание 16 марта предложение увеличить количество мяса, отпускаемое на неделю. За счет этого члены комитета предполагали добавить второе мясное блюдо. Запасы рыбы предлагалось использовать для приготовления блюд на Страстной неделе[22]. Комитет транспорта «Снаряд», опираясь на постановление общего собрания команды, постановил разрешить выдачу дополнительного сахара тем членам экипажа, которые имели семьи[23]. Радикальнее всего подошли к решению вопроса на линкоре «Император Александр II». Члены комитета на первом заседании 5 марта выработали новый рацион питания для команды. В частности, примечательно то обстоятельство, что во все дни недели были предусмотрены по одному мясному блюду либо на обед, либо на ужин[24]. Это противоречило сложившейся за годы войны практике. Согласно рациону, вступившему в силу с 1 июня 1916 г., по вторникам и пятницам у экипажей были постные дни. Кроме того, в некоторых блюдах этот продукт либо исчез полностью, либо его количество уменьшилось. Так, если по раскладке января в рисовую кашу надо было класть 12 фунтов свинины на 100 чел., то во втором полугодии каша стала постной. В макаронный и гороховый суп вместо 12 фунтов мяса на 100 чел. стали добавлять 10,4. Однако и эти меры были признаны недостаточными. С 1 сентября 1916 г. вводился и третий постный день[25]. Полагаем, такое пренебрежение сложившимися нормами не в последнюю очередь объясняется как представлениями о неоправданной экономии командирами на питании команды, так и лучшим положением Кронштадта по сравнению с другими базами Балтийского флота. Кронштадтским порт являлся одним из перевалочных пунктов для заготовки припасов для флота. Через него они отправлялись затем морем в Гельсингфорс и Ревель. Поэтому там постоянно имелись как запасы продовольствия, так и некоторые запасы обмундирования. Представить себе подобное, например, в столице Финляндии чрезвычайно слож-

[18] Там же. Лл.7–8.
[19] Там же. Ф.878. Оп.1. Д.148. Лл.74об.-75.
[20] Там же. Ф.Р-207. Оп.1. Д.1. Л.57.
[21] Там же. Ф.Р-212. Оп.1. Д.1.
[22] Там же. Ф.Р-95. Оп.1. Д.106. Лл.1,3.
[23] Там же. Ф.728. Оп.1. Д.6. Л.2.
[24] Там же. Ф.554. Оп.1. Д.127. Лл.3-4.
[25] Там же. Ф.479. Оп.3. Д.814. Л.105; Д.821. Л.8.

но – уже к началу 1917 г. снабжение главных сил флота, базировавшихся в Гельсингфорсе, производилось, что называется, «с колес», и прямо зависело как от морской навигации, так и от работы железных дорог[26]. Это, кстати, оказывало влияние также на количество и характер преступлений накануне революции[27].

В случае необходимости закупки для нужд экипажа члены комиссии обращались к командиру корабля, а тот, в свою очередь, выписывал соответствующее удостоверение. Вообще, сотрудничество в этой сфере с ответственными представителями командного состава весной 1917 г. было нередким явлением. Полагаем, что это связано с двумя факторами.

Что касается командиров кораблей, то в первые недели революции они увидели в комитетах инстанцию, которая могла оказать помощь в поддержании дисциплины. На эту мысль наводят сохранившиеся обращения-призывы ряда командиров к экипажам через комитеты. Так, на одном из первых заседаний судового комитета линейного корабля «Петропавловск» была принята такая резолюция: «Комитет вместе с командиром корабля призывает граждан матросов строго и неукоснительно исполнять обязанности и приказания по службе на благо Свободной Великой России и надеется, что этот призыв будет услышан, и каждый товарищ исполнит свой гражданский долг для сохранения корабля нужного для мощи родины... Нужно уяснить себе это, товарищи, и на службе быть матросом, а на берегу – свободным гражданином»[28].

Второе обстоятельство вызывалось нежеланием офицеров, занимавших ревизорские должности, нести ответственность, рискуя быть обвиненными в злоупотреблениях. Так, на крейсере «Богатырь» 16 марта комитет постановил передать в конце месяца ведение корабельного хозяйства от ревизора судовым делегатам. Однако уже на следующий день ревизор заявил, что хотел бы это сделать немедленно. Возразить было нечего, поэтому комитет избрал приемную комиссию, куда вошли унтер-офицер Ровачев и матрос Соболев[29]. В июне аналогичная ситуация рассматривалась на крейсере «Громобой». Итогом стала отправка в штаб флота докладной записки командира корабля, капитана II ранга Б.П. Ильина с просьбой заменить офицеров-ревизоров чиновниками «ввиду недоверия команд, а также ввиду того, что [ревизорская деятельность – авт.] отнимает много времени и удаляет от морской службы»[30].

Возможные последствия «недоверия команды» иллюстрирует случай на линейном корабле «Андрей Первозванный». 15 апреля баталера подпоручика по Адмиралтейству К.М. Шамаля общее собрание постановило арестовать по подозрению в хищении продовольствия в период исполнения им обязанностей старшего баталера, раздавались призывы расправиться с ним. Судовой комитет избрал ревизионную комиссию для проверки, которая указала на нарушения, с ее

---

[26] Подробнее см.: Бажанов Д.А. Снабжение экипажей кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы в марте-мае 1917 г.: повседневность и политика // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А.Иванов. СПб., 2014. С. 146 – 154; Он же. Продовольственное снабжение русских военных моряков в Финляндии в годы Первой мировой войны (август 1914-январь 1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. №17 (2). С. 64 – 70.

[27] Подробнее см.: Бажанов Д.А. Преступность в среде военных моряков Балтийского флота в годы Первой мировой войны // Проблемы истории и историографии. Сборник докладов межвузовской научной конференции. СПб., 2015. Т.3. С.102 – 110.

[28] РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.148. Л.60.

[29] Там же. Ф.Р-212. Оп.1. Д.1. Лл.3об.,4 об.

[30] Там же. Ф.479. Оп.2. Д.1302. Л.151.

точки зрения, отчетности на сумму примерно в 45 тыс. рублей и постановила содержать его под арестом. После полумесяца заключения Шамаля из-за ухудшения здоровья перевели в госпиталь, но и там он находился на положении арестованного[31]. Комитет «Севастополя» 23 апреля дал задание электрику П.В. Гущину подробно изучить материальное положение бывшего старшего баталера корабля кондуктора И.И. Тютрюмова, причем был даже сделан запрос в Гельсингфорсское казначейство о счетах самого Тютрюмова, его жены и троих детей[32].

Как видим, матросы готовы были на проявления насилия даже по подозрению в присвоении денежных средств, что объяснялось как отношением к кражам, сформировавшемся в годы войны, так и своеобразной «презумпцией вины», на которую как на мотив указывал В.П. Булдаков[33], по отношению к представителям командного состава, сложившейся в февральские дни. В результате за воровство у членов команд, за которое в 1914 – 1916 гг. виновного, не дожидаясь следствия, били[34], весной 1917 г. могли и «прибить». В то же время подобное отношение как нельзя лучше объясняет важность хозяйственных вопросов для рядового и унтерофицерского состава флота. Это, как правило, упускалось офицерами. Так, Г.К. Граф пренебрежительно отмечал, что депутатам органов революционной власти были понятны в основном вопросы «о жаловании, обмундировании, отпусках, кормлении»[35]. Это не способствовало росту доверия между ними.

Другим направлением хозяйственной деятельности комитетов стал вопрос об экипировке экипажей обмундированием. Перебои с поставками наметились на флоте в 1916 г. Они касались, в первую очередь, предметов белья, фуражек для рядовых. Так, 11 ноября судовая комиссия линейного корабля «Андрей Первозванный» отказалась принимать матросские фуражки, присланные из Свеаборгского порта. Аналогичная ситуация сложилась на крейсере «Громобой»: сначала была признана непригодной половина присланных из порта одеял, а затем забракованы и 40 бушлатов[36]. Все это приводило к неполучению смены комплекта формы за 1917 г., отсутствию тех или иных его элементов.

Весной 1917 г. ситуация осложнялась прибытием на корабли новобранцев, которым необходимо было представить обмундирование по первому сроку, т.е. новое. Первые попытки добиться получения обмундирования комитетами относились к середине марта. Обращаться судовые делегаты могли только к вышестоящему командованию, т.к. на приобретение продуктов на корабли и в экипажи выделялись деньги, а экипировка напрямую получалась на складах. В канцелярию Свеаборгского порта, а затем и в штаб флота стали поступать запросы о наличии запасов. 15 марта запрос был сделан с линейного корабля «Император Павел I», еще через два дня – с дредноута «Севастополь» и крейсера «Диана», а 29 марта – с посыльного судна «Кречет»[37]. Однако в условиях смены командования и нарушения традиционных возможностей поставок через Петроградский и Кронштадтский порты добиться ответов оказалось невозможно. Особенно серьезной проблемой становился дефицит обуви и материалов для ее изготовления.

---

[31] Там же. Ф.Р-95. Оп.1. Д.245. Лл.48-49.

[32] Там же. Ф.878. Оп.1. Д.148. Л.74.

[33] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. С. 228.

[34] Бажанов Д.А. Кражи как элемент военной повседневности в 1914 – 1917 гг. (на материалах кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы) // Наука и бизнес: пути развития. 2012. №7 (13). С. 35.

[35] Граф Г.К. На «Новике». СПб, 1996. С.312.

[36] РГАВМФ. Ф.479. Оп.3. Д.814. Лл.20,53,77.

[37] Там же. Ф.Р-95. Оп.1. Д.106. Л.12.

Еще 11 января 1917 г. специально созданная комиссия при Главном морском хозяйственном управлении постановила выдавать при недостатке кожи «полусапоги со шнурками». Предполагалось, что новобранцы получат одну пару в марте 1917 г., а вторую – в августе[38]. Старослужащие должны были получить сапоги из запасов, хранившихся в Свеаборгском порту. Однако полусапоги заготовить не успели. 16 марта капитан II ранга Н.С. Вечеслов просил ускорить высылку из-за большого количества «письменных и словесных запросов»[39]. Аналогичные запросы поступали с крейсера «Богатырь» и линкора «Император Александр II» в Ревельский и Кронштадтский порты соответственно 18 и 13 марта[40]. Однако прибытие обуви задерживалось, и 8 апреля начальник штаба флота разрешил выдавать новобранцам со складов имевшиеся запасы сапог. В этих условиях обувь не смогли получить старослужащие, поэтому запросы продолжались.

В то же время комитеты пытались решить проблемы с износом обмундирования подручными средствами. 28 марта на «Императоре Александре II» приняли постановление открыть мастерские для починки одежды и обуви. 31 марта комиссия из делегатов линейного корабля «Гангут» постановила составить список сапожников от каждой роты с тем, чтобы экипажам могли сделать или отремонтировать сапоги по сходной цене[41]. Аналогичным образом действовали на «Севастополе». Действительно, корабельные сапожники работали по цене в 2 – 5 раз ниже, чем на берегу.

Однако усилий одних комитетов уже не хватало. В таких условиях моряки пытались апеллировать к новым органам власти. Поначалу это делали те представители кораблей, которые являлись их членами. Так, 7 апреля председатель судового комитета крейсера «Россия» и депутат Гельсингфорсского совета лейтенант Б. Белевич поставил вопрос об организации снабжения обувью на заседании Исполнительного комитета совета. Спустя 2 недели на заседание ИК было вынесено предложение экипажа линкора «Андрей Первозванный» о выдаче вместо сапог денег. Тем самым, фактически, моряки предложили внести обувь в перечень предметов, по которым производился так называемый «зачет имеющегося обмундирования». Однако ни советы, ни их матросские секции в Гельсингфорсе и Ревеле конкретных решений так и не приняли. В подобной ситуации образование 28 апреля Центрального комитета Балтийского флота, претендовавшего на решение всех вопросов, касавшихся жизни личного состава, неизбежно влекло за собой обращение к нему со стороны комитетов. Именно в Центробалт 2 мая члены ИК Гельсингфорсского совета передали рассмотрение этого вопроса. 5 мая его делегаты после выступления капитана II ранга Н.С. Вечеслова постановили выдавать матросам деньги вместо сапог из расчета 24 руб. (42 марки) за пару. Это практически в два раза превышало предварительные расчеты штаба (12 руб. 33 коп.)[42]. Тем не менее, 9 мая приехавший в Гельсингфорс новый морской министр А.Ф. Керенский утвердил размер денежного «отпуска» за сапоги[43]. В июне специально созданная интендантская секция ЦКБФ во главе с А.С. Лоосом продолжала заниматься этим вопросом, так как многие комитеты просили пересмотреть размер компенсации за неполученные сапоги. Так, 1 июня с подобным предложением обратилась судовая организация штабного корабля «Кречет», на сле-

[38] Там же. Ф.479. Оп.3. Д.814. Л.88.
[39] Там же. Лл.128,138.
[40] Там же. Ф.Р-212. Оп.1. Д.1. Л.6; Ф.554. Оп.1. Д.127. Л.9об.
[41] Там же. Ф.751. Оп.1. Д.94. Л.473.
[42] РГАВМФ. Ф.479. Оп.3. Д.814. Лл.250,259–260,273; Ф.Р-95. Оп.1. Д.5. Л.6.
[43] Там же. Ф.479. Оп.3. Д.814. Л.287.

дующий день – 2 июня – миноносца «Внушительный», а 26 июня – линейного корабля «Слава»[44]. В дальнейшем проблема обеспечения сапогами и обмундированием в целом поднималась депутатами ЦКБФ на общем собрании 8 июня[45].

Организацию продовольственного снабжения личного состава ЦКБФ рассматривал в этот период меньше и только отвечая на возникавшие вопросы у судовых комитетов. Так, 22 мая в ответ на запрос комитета крейсера «Россия» Центробалт посвятил большую часть заседания вопросу получения хлеба на кораблях из портовых хлебопекарен. По результатам доклада П.Е. Дыбенко члены ЦКБФ приняли решение организовать поставки хлеба на те корабли, где нет своих пекарен. Возложили эту миссию на судовые комитеты[46]. Также 24 июня ЦКБФ одобрил подготовку к созданию так называемого «народного контроля» на портовых складах Балтики для более точного учета припасов[47].

Таким образом, в первые месяцы революции вопрос снабжения личного состава сохранял свою актуальность. Это было связано с кризисом снабжения, начавшимся в 1916 г., а также с перебоями поставок через Петроград, Кронштадт и по железным дорогам, вызванным революционными событиями февраля – марта 1917 г., и крушением ряда органов военного и гражданского управления. Вопросы снабжения рядового и унтер-офицерского состава сосредоточились в созданных органах самоуправления – судовых комитетах, которые уделяли им первоочередное внимание. Относительно успешная деятельность в области организации снабжения команд всем необходимым, предоставление рядовому составу возможности увеличить свои доходы за счет перераспределения экономических сумм привели к серьезной поддержке этих организаций. За счет этого произошло падение авторитета представителей командного состава и утрата влияния ими на основную часть команды. Данными вопросами стал заниматься и центральный орган самоуправления – ЦКБФ – причем почти с первых дней своего существования. Центробалт пытался взять на себя рассмотрение тех вопросов, которые оказывались не под силу судовым комитетам в силу зависимости успеха от других инстанций (интендантское управление флота, штаб). Полагаем, что внимание к хозяйственным вопросам стала важной составляющей роста популярности и авторитета ЦКБФ среди моряков. Это, в свою очередь, упрочивало его власть, создавая фундамент для превращения его в политический орган.

[44] Там же. Ф.Р-95. Оп.1. Д.12. Лл. 21,45.
[45] Там же. Д.234. Л.54.
[46] Там же. Л.27.
[47] Там же. Д.5. Л.20.

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ФОРМИРОВАНИЕ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается формирование частей Красной армии с начала 1918 года на территории Новгородской губернии. Губерния имела прифронтовой статус. Строительство Красной армии востребовало старые военные кадры. Автор показывает процесс возникновения новых частей, демонстрируетначальную судьбу первых сформированных в губернии соединений.

Ключевые слова: военное строительство, Красная армия, воинские формирования, Новгородская губерния.

Abstract. The article deals with the formation of the Red army units since the beginning of 1918 in the Novgorod province. The province was the frontline status. The construction of the Red army demanded old military personnel. The author shows the process of emergence of new parts, demonstrates the initial fate of the first formations formed in the province.

Key words: military construction, Red army, military formations, Novgorod province.

И. Хохлов (Великий Новгород)

В первые годы советской власти Новгород и губерния стали местом формирования многочисленных частей Красной армии. Быстрое установление советской власти на территории губернии, близость к Петрограду и театру военных действий на Северо-Западе России, наличие хорошо развитой гарнизонной и транспортной инфраструктуры, присутствие большого количества сочувствующих большевикам запасных частей создавали благоприятную почву для создания многочисленных формирований новой армии.

Отдел по организации и формированию РККА был создан при Новгородском губернском Совете в январе 1918 г. Уже к концу февраля были сформированы четыре роты по 150 человек каждая. 28 февраля один отряд численностью в 250 человек был отправлен на станцию Дно для охраны железной дороги, ещё один в 150 человек занимался тем же между Лугой и Новгородом. Оставшиеся 200 человек занимались охраной порядка в Новгороде[1]. К маю в губернии были сформированы уже 34 воинские части[2]. На 10 июня в Новгороде размещались 1-й Новгородский красноармейский батальон, 1-й Новгородский образцовый батальон, 2-я красноармейская батарея, Сводный кавалерийский полк и 1-й Новгородский партизанский интернациональный конный отряд[3].

[1] К истории строительства Красной армии (январь – май 1918 г.). Публ. С.П. Носова // Исторический архив. Вып. 6. М., 1959. С. 44.

[2] На земле новгородской. Очерки по истории Новгородской области. Л., 1970. С. 68.

[3] Рапорт новгородского губернского комиссариата по военным делам помощнику военного руководителя. 10 июня 1918 г. Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 24. Л. 24.

Многие из красноармейских частей были образованы на базе кадров полков русской армии. Так, в полки формировавшихся 1-й и 2-й Новгородских пехотных дивизий было мобилизовано немало офицеров из 22-й пехотной дивизии, квартировавшей в губернии до войны[4]. История 1-й Новгородской пехотной дивизии оказалась недолгой. Её формирование началось в Новгороде в апреле 1918 г. Дивизия должна была укомплектовываться уроженцами Новгородского, Крестецкого, Тихвинского, Белозерского, Кирилловского и Череповецкого уездов губернии[5]. Однако процесс шёл не слишком успешно. Начальник штаба дивизии отмечал: «Причины, препятствующие успешному формированию дивизии и приведению частей к боевой готовности следующие: 1) недостаток обоза, 2) материальной части, 3) продовольствия, 4) помещений, 5) вооружения и снаряжения, 6) недоброжелательное отношение населения к наименованию армии «Красной»[6]. В сентябре того же года так и не созданная до конца дивизия была расформирована. 2-я Новгородская пехотная дивизия формировалась преимущественно в Старой Руссе и позднее приняла участие в Гражданской войне, сражаясь в Прибалтике и под Псковом.

В конце апреля – начале мая 1918 г. в Новгороде из находившихся на территории губернии военнопленных австро-венгерской армии (венгров, австрийцев, словаков, поляков) формировался 1-й Новгородский партизанский интернациональный конный отряд. К 23 июня в его составе насчитывалось: комсостава – 4, административного состава – 4, стрелков – 72 строевых и 4 нестроевых, лошадей – 3 строевые, 4 упряжные, винтовок – 4[7]. Позднее отряд влился в 1-й Новгородский сводный кавалерийский полк, став его 2-м эскадроном, и отправился на фронт[8].

По постановлению Новгородского губкома РКП(б) в сентябре - октябре 1918 г. в Новгороде был сформирован 1-й Новгородский коммунистический полк имени В.И. Ленина. Его костяк составили представители новгородской, демянской, старорусской, бронницкой, медведской, новоселицкой, валдайской и других партийных организаций и комитетов бедноты. 19 октября полк был отправлен на Петроградский фронт, где 9 ноября его переименовали в 51-й стрелковый полк и передали в состав 2-й бригады 3-й Петроградской (позднее 6-й стрелковой) дивизии[9]. В её составе полк воевал против частей белой Северо-Западной армии, в частности, участвовал во взятии Ямбурга.

Там же сражались и курсанты Новгородских пехотных командных курсов. Командные курсы в Новгороде были основаны в соответствии с приказом Революционного военного совета республики от 25 ноября 1918 г., фактическое же их

---

[4] Известия Новгородского совета депутатов. 1918. № 171.

[5] Выписка из ведомости распределения губерний и уездов для формирования пехотных и кавалерийских дивизий. Июль 1918 г. (?). ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 22. Л. 14.

[6] Сведение об успехах формирования 1-й Новгородской пехотной дивизии. Б.д. ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 21. Л. 72.

[7] Сведения о ходе формирования 1-го Новгородского интернационального конного отряда к 23 июня [1918 г.]. ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 24. Л. 32.

[8] Гельман Э. Плечом к плечу // Новгородская правда. 1967. 23 февраля.

[9] Лодочкина Е.С. Воинские части Красной армии в годы Гражданской войны на территории Новгородской губернии // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. Вып. VIII. Великий Новгород, 2008. С. 54; Тэммо А.М. Коммунистический имени В.И. Ленина полк // В.И. Ленин и Новгородский край. Л. 1985. С. 221.

открытие состоялось в 1919 г. В их создании принимали участие военные специалисты – бывшие офицеры и генералы русской армии. Формирование курсов началось под руководством бывшего генерал-лейтенанта Мартынова, первым начальником курсов стал Иосиф Михайлович Надёжин – бывший офицер 88-го пехотного Петровского полка, участник русско-японской и Первой мировой войн. Последнюю войну он завершил в чине полковника, командуя 680-м пехотным Буйским полком. Уже в мае 1919 г. новгородские курсанты были отправлены под Ямбург сражаться с войсками белой Северо-Западной армии. Из трёх рот был сформирован отряд, приданный сначала 6-й стрелковой дивизии, а позднее вместе с петроградскими, иваново-вознесенскими, владимирскими, тверскими и костромскими курсантами влившийся в Сводный отряд курсантов. Эта боевая командировка продлилась до конца августа, а уже 14 октября курсанты снова возвращаются на фронт. Вновь три роты новгородских курсантов были сведены в «сводно-боевую роту», принявшую участие в тяжёлых боях под Красным Селом. Окончательно вернулись в Новгород курсанты лишь 15 декабря 1919 г. За время боёв новгородские курсы понесли тяжёлые потери. Так, из отправившихся на фронт в мае 300 человек в августе в Новгород вернулось всего 65[10]. Комиссар курсов И.П. Степанов и командир батальона Иванов за отличия в боях были награждены часами (первый серебряными, а второй – золотыми) от Петроградского совета красноармейских и рабочих депутатов[11]. Реввоенсовет 7-й армии наградил также двух ротных командиров золотыми часами (одного – посмертно), восемь курсантов получили серебряные часы, двое – серебряные портсигары и сорок два – обычные часы[12].

Лишь теперь курсанты могли приступить к учёбе. Первый выпуск красных командиров был невелик – всего 9 человек. 4 января 1920 г. состоялся второй выпуск, давший Красной армии уже 65 командиров[13], 1 апреля – третий (49 человек)[14], 30 мая 1920 г. – четвёртый (30 человек)[15]. Летом 1920 г., незадолго до несостоявшегося пятого выпуска, по распоряжению Главного управления военно-учебных заведений Новгородские курсы были переведены в Петроград и влиты в состав 5-х Петроградских курсов[16]. Но уже в следующем году было принято решение о воссоздании в Новгороде командных курсов «в гораздо расширенном размере». В город для решения вопроса об их размещении прибыл их бывший комиссар И.П. Степанов, назначенный 12 февраля 1921 г. начальником и комиссаром вновь создаваемых 73-х Новгородских пехотных командных курсов. Решением президиума губисполкома для них был установлен комплект в 500 человек[17]. 19 июня состоялось торжество официального открытия курсов, разместившихся в здании бывшей мужской гимназии (фактически курсы начали работу 6

[10] Новгородские пехотные курсы // Звезда. 1920. № 40; Степанов И.П. Непоколебимая стойкость и мужество // Героическая оборона Петрограда в 1919 году (Воспоминания участников). Л., 1959. С. 336-343.

[11] Награды за боевые подвиги // Звезда. 1919. № 272.

[12] Награды за боевые отличия по Новгородским командным курсам // Звезда. 1919. № 285.

[13] Выпуск красных командиров // Звезда. 1920. № 4.

[14] 3-й выпуск красных командиров // Звезда. 1920. № 72.

[15] Звезда. 1920. № 118.

[16] Гольдин А. Из истории Новгородских пехотных курсов // Звезда. 1920. № 172.

[17] Командные курсы // Звезда. 1921. № 123.

июня)[18]. Преподавательский состав был подобран «из числа лучших местных лекторских и педагогических сил»[19]. Курсанты прибывали из разных регионов страны: в июле прибыли несколько десятков рабочих «из Донецкого бассейна», с 25 июля по 5 августа в Новгородской губернии проводилась неделя «красного командира»: власти обращались с призывом поступать на курсы к комсомольцам и красноармейцам. В декабре 1921 г. «стремясь к установлению более тесной связи между военно-учебными заведениями и окрестными рабочими и крестьянами с одной стороны и с местной властью с другой» и по просьбе Политотдела Петроградского окружного управления военно-учебных заведений, президиум губисполкома выразил согласие на наименование 73-х Новгородских пехотных курсов курсами Новгородского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов[20]. В эти голодные годы состав курсов пополнился ещё 25 воспитанниками – детьми из голодающих губерний Поволжья. В ноябре 1921 г. на общем собрании преподавателей, служащих и курсантов было принято решение выделять для их пропитания часть продовольственного пайка[21]. Вскоре история Новгородских командных курсов вновь прервалась, на этот раз окончательно. В 1922 г. они влились в состав 1-й Петроградской пехотной школы.

Ещё одним пунктом формирования частей Красной армии в Новгородской губернии стали расположенные неподалёку от Новгорода Кречевицкие казармы. С 1902 г. в них размещался Гвардейский запасной кавалерийский полк, нижние чины которого в 1917 г. активно поддерживали большевиков. Так, во время выступления генерала Л.Г. Корнилова был создан полковой революционный комитет, и полк был отправлен против войск генерала. Железнодорожный эшелон с кавалеристами успел проехать несколько станций, но вскоре вернулся обратно[22]. В конце октября два эскадрона полка заняли железнодорожную станцию и блокировали пути, препятствуя отправке из Новгорода в Гатчину верного Временному правительству 3-го ударного батальона[23].

В январе 1918 г. кавалеристы участвовали в подавлении попытки антисоветского восстания в Новгороде[24], но уже 15 мая того же года полк был расформирован приказом комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны[25]. Впрочем, к этому времени расформирование стало чистой формальностью, так как в действительности полк прекратил своё существование раньше. Демобилизация полка была начата ещё 9 февраля. К 20 февраля 1918 г. группой бывших унтер-офицеров был сформирован отряд кавалеристов в 90 сабель, который и участвовал в подавлении «заговора и контрреволюционных выступлений» в Новгороде. Вскоре отряд получил название: 1-й Красный партизанский отряд гвардейской кавалерии, 18 мая переименованный в 1-й Социалистический рабоче-крестьянский эскадрон. В мае того же года эскадрон был отправлен в Царицын и

[18] Звезда. 1921. № 133.
[19] Звезда. 1921. № 125.
[20] Новое наименование 73-х командных курсов // Звезда. 1921. № 296.
[21] Дети командных курсов // Звезда. 1921. № 257.
[22] Кречевицкий полк в октябре // Звезда. 1927. № 254.
[23] Рошаль М.Г. На путях революции. М., 1986. С. 142.
[24] Кречевицкий полк в октябре…
[25] Летин С.А. Российская императорская гвардия. М., 2005. С. 423.

принял участие в боях, а 1 августа на его основе был сформирован 1-й Революционный Царицынский кавалерийский полк, вскоре ставший запасным[26].

Летом 1918 г. в Кречевицы из Новгорода был переведён находившийся в стадии формирования Новгородский сводный кавалерийский полк. Командовать полком было поручено бывшему ротмистру, командиру влившегося в полк 4-го Пунинского эскадрона Зенону Петровичу Будину. 25 апреля 1918 г. он докладывал о сформировании штаба полка[27], а к 31 августа, помимо штаба, были сформированы три эскадрона, команды связи, пулемётная и хозяйственная, хор трубачей, оружейная мастерская. Личный состав насчитывал 273 человека (в том числе 27 человек командного и 84 человека рядового состава), на вооружении которых находилось 368 винтовок, 187 шашек и 17 пулемётов[28].

Дисциплина в полку оставляла желать много лучшего. В приказе по полку от 22 июля объявлялось о принятии строгих мер к её нарушителям: «Ко мне поступают жалобы городских жителей о том, что красноармейцы позволяют себе стрелять и резать уток, гусей, выкапывать картофель, отбирать сено и т.д. Напоминаю, что все пойманные в подобных поступках будут немедленно арестовываться и предаваться суду»[29].

Спустя всего два дня был отдан ещё один приказ, в котором командир полка буквально взывал к совести своих подчинённых: «18-го сего июля всем военнослужащим вверенного мне полка были выданы из полкового цейхгауза сапоги, и 19-го же июля можно было видеть в городе на Торговой площади вольных жителей, которые перепродавали их, отсюда вытекает, что солдаты, получив сапоги, продают вольным, а сами ходят или в ботинках, или в рваных сапогах, надеясь, по всей видимости, в скором будущем получить другие. Товарищи, не пора ли забыть старое время, когда всякими обманными путями некоторые солдаты получали по 50-и пар сапог в год и тем приносили громадный ущерб государству. Я думаю, что каждому из нас известно, какие громадные расходы наше современное правительство несёт по содержанию армии, не секрет и то, что запасов обуви в стране нет, а мы, солдаты рабоче-крестьянской армии, элемент сознательный, стараемся разорить и без того разорённую страну. Товарищи, мы, кажется, поступая в ряды Красной Армии, давали подписку оберегать государственное имущество, а сами разоряем его, сами злоумышленно ведём страну к гибели, не стыдно ли нам перед своей совестью. Я думаю, что вещей подобных этому не будет, так как кроме этого сообщаю, что каждому солдату полагается на 6 месяцев 1 пара сапог, 1 пара подметок и 1 пара набоек, и никакие дополнительные выдачи не допускаются. На днях будет выдано обмундирование, после чего приказываю всем военнослужащим вверенного мне полка носить таковое для того,

---

[26] Боевой путь блиновцев. История боёв и походов 5 Ставропольской им. тов. Блинова кавалерийской дивизии. 1919-1929. Ставрополь, 1930. С. 42-43.

[27] Рапорт командира 4-го Пунинского эскадрона Новгородского кавалерийского сводного полка Будина начальнику штаба Красной армии г. Новгорода. 25 апреля 1918 г. ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.

[28] Рапорт командира полка в отдел формирования при Новгородском губернском комитете по военным делам. Боевой состав Новгородского кавалерийского сводного полка по данным на 31 августа [1918 г.]. ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 44. Л. 9.

[29] Приказ по Новгородскому кавалерийскому сводному полку. 22 июля 1918 г. ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 44. Л. 33.

чтоб иметь вид солдата, а не какого-то прощалыги [так в документе – авт.] в синих штанах, в белой рубашке и в ботинках со шпорами»[30].

Немногим лучше вёл себя комсостав полка: «Замечено, что командным составом полка не всегда выполняются отдаваемые приказом по полку распоряжения. Предупреждаю, что впредь подобное отношение к службе повлечёт немедленное смещение с занимаемой должности с обязательством дослужить 6-ти месячный срок на общих основаниях»[31].

1 октября 1918 г. в Кречевицах был образован конный запас Новгубвоенкома[32]. На 4 июня 1919 г. в нём состояло налицо 493 человека и 237 лошадей, вооружение состояло из 122 винтовок разных образцов, пяти револьверов и шести сабель[33]. В то непростое время военнослужащим приходилось заниматься не только боевой подготовкой, но и хозяйственными работами. В сентябре 1920 г. в Кречевицах состоялось три военных субботника: 19 сентября на огородах конзапаса красноармейцами «было вырыто» 290 пудов картофеля, 22 сентября – 310 пудов, 25 сентября – 270 пудов[34].

Старая Русса, являвшаяся одним из крупнейших гарнизонных городов губернии, также внесла свой вклад в формирование частей Красной армии. Весной 1918 г. началось формирование так называемых «войск завесы», которые должны были предотвратить продвижение немецких войск вглубь страны. В составе «войск завесы» был образован Старорусский участок под руководством Ф.А. Подгурского, состоявший в основном из небольших отрядов добровольцев. Авангард отряда нёс сторожевую службу вдоль демаркационной линии в районе Порхова[35]. В Старой Руссе находился резерв участка. В мае того же года началось переформирование участка в регулярную Старорусскую (позднее переименованную во 2-ю Новгородскую) пехотную дивизию[36]. Её части формировались в Старой Руссе и других городах губернии из жителей Старорусского, Демянского, Валдайского, Боровичского и Устюжского уездов[37]. Всего было сформировано три полка: 8-й, 9-й и 10-й Новгородские.

В ноябре 1918 г. дивизия вошла в состав 7-й армии и сразу же отправилась на фронт. 24 ноября 1918 г. 2-я Новгородская дивизия взяла Псков, после чего вела наступление на Ригу и Юрьев, однако, понеся тяжёлые потери (численность полков дивизии в это время не превышала 150 человек), была вынуждена отступить. 6 февраля 1919 г. было принято решение о её слиянии с 10-й стрелковой дивизией. В ходе переформирования, происходившего в тяжёлой обстановке на

---

[30] Приказ по Новгородскому кавалерийскому сводному полку. 24 июля 1918 г. ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 44. Л. 35.

[31] Приказ по Новгородскому кавалерийскому сводному полку. 10 августа 1918 г. ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 44. Л. 44.

[32] Н.М. Годовщина конзапаса (Кречевицы) // Звезда. 1920. № 225.

[33] Отношение вр.и.д. заведующего конзапасом Новгородского губернского комиссариата по военным делам в Отдел снабжения Новгубвоенкома. 4 июня 1919 г. ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 25. Л. 80-80 об.

[34] Н.М. Военные субботники (Кречевицы) // Звезда. 1920. № 225.

[35] Стрекалов И.И. Строительство Красной армии в войсках завесы (март-сентябрь 1918 г.). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2004. С. 101.

[36] Там же. С. 155.

[37] Выписка из ведомости распределения губерний и уездов для формирования пехотных и кавалерийских дивизий. Б.д. [Июль 1918 г.?]. ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 22. Л. 14.

фронте, 8-й Новгородский полк вошёл в состав 85-го стрелкового полка новой 10-й стрелковой дивизии, 10-й Новгородский полк – в состав 86-го стрелкового полка. Оба полка отличились в июле 1919 г. в боях с эстонскими войсками под Ново-Изборском. Неприятель сумел при поддержке бронеавтомобилей обойти 85-й и 86-й полки, охватив их правый фланг и зайдя в тыл. Отрезанные от соседей и потерявшие связь с ними и со штабом дивизии, красноармейцы не растерялись и не только сумели отразить наступление, но и нанесли наступавшим частям противника серьёзное поражение[38]. Затем 10-я стрелковая дивизия в 1920 г. участвовала в боях во время советско-польской войны и против войск Булак-Балаховича, в 1921 г. подавляла крестьянские выступления в Тамбовской и Воронежской губерниях, в 1921 - 1922 гг. сражалась в Карелии.

Летом 1918 г. в Старой Руссе формировались и другие части Красной армии. Среди них был будущий 230-й Старорусский стрелковый полк 26-й стрелковой дивизии. Прибыв под Казань, он вошёл в состав Правобережной группы 5-й армии, переименованной 7 ноября 1918 г. в 26-ю стрелковую дивизию. Дивизия воевала против белых войск в Поволжье, на Урале и в Сибири. 230-й Старорусский стрелковый полк отличился в одном из последних боёв дивизии в Гражданскую войну. После вступления дивизии 13 декабря 1919 г. в Барнаул части белых войск начали отступление на север, в направлении на Томск – Новониколаевск. 2-я бригада дивизии, в состав которой входил Старорусский полк, получила приказ отрезать им путь к отступлению и овладеть районом ст. Тальменка, чтобы не дать противнику взорвать железнодорожный мост через реку Чулым. Старорусский полк успешно справился с этой задачей, захватив богатые трофеи[39].

С весны следующего года дивизия вела бои на другом фронте – трудовом. Красноармейцы участвовали в заготовке леса, пахали землю, сеяли, боронили, не забывая и про строевые занятия. Работы велись в тяжёлых условиях: не было бараков для жилья, не хватало инструмента. Бойцы, трудившиеся в глубоком снегу в лесу, получали довольно скудный паёк: фунт с четвертью хлеба и полфунта мяса в день. В августе 230-й Старорусский стрелковый полк участвовал в постройке Южно-Сибирской железной дороги[40]. В 1922 г. трёхполковые бригады дивизии, так и оставшейся на Дальнем Востоке, были сведены в полки, и 230-й Старорусский стрелковый полк вошёл в состав вновь образованного 77-го стрелкового полка. В том же году приказом Реввоенсовета «для сохранения и увековечивания памяти стойких и преданных делу революции отрядов, из коих ныне сформированы полки 26-й Златоустовской стрелковой дивизии», полку было присвоено наименование Новгородского[41] (позднее полк получил другой номер и стал 312-м).

Во время Великой Отечественной войны 312-й Новгородский стрелковый полк в составе своей дивизии уже осенью 1941 г. прибыл под Старую Руссу. Два с лишним года новгородцы сражались здесь с врагом, участвовали в освобождении Холма, затем воевали в Прибалтике. В январе 1945 г. 312-й Новгородский стрел-

---

[38] Фабрициус Я.Ф. Воспоминания о боевой деятельности дивизии // X лет десятой стрелковой дивизии РККА. Исторический очерк за 1918-1928 гг. Вологда, 1928. С. 54-56.

[39] Краткий исторический очерк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. Красноярск, 1925. С. 36-37.

[40] Там же. С. 38.

[41] Степанов А.Б. Эмблемы и шифровки РККА. 1922-1924 // Старый Цейхгауз. № 32 (4/2009). С. 55.

ковый полк участвовал во взятии Тильзита, за что был награждён орденом Суворова 3-й степени. В апреле того же года дивизия сражалась в районе Кёнигсберга, затем освобождала польский город Гдыня. После войны дивизия была расформирована.

Во время Гражданской войны в Старой Руссе формировались также 1-й пехотный Старорусский батальон, 2-я стрелковая Старорусская рота. Старорусские коммунисты служили в сформированном к концу октября 1918 г. 1-м Новгородском коммунистическом имени В.И. Ленина полку, который 9 ноября того же года был переименован в 51-й стрелковый полк 6-й стрелковой дивизии.

В самой Старой Руссе во время войны размещались многочисленные тыловые части и учреждения. В 1921 г. в городе действовали четыре госпиталя: 913-й запасной заразный сводный госпиталь в здании бывшего Духовного училища на Александровской улице, 963-й полевой запасной госпиталь в курорте, 691-й запасной госпиталь в здании на Ильинской улице и 866-й полевой запасной госпиталь в Красных казармах[42]. Дерглецкие казармы на Красном берегу занимал 2-й батальон 386-го стрелкового полка[43], в доме № 40 на Успенской улице размещалась 31-я полевая радиостанция[44].

Таким образом, Новгородская губерния стала важным центром формирования частей Красной армии уже на начальном этапе её создания. Наряду со строевыми частями в губернии были созданы пехотные командные курсы, а также разного рода тыловые учреждения. При формировании новых частей отчасти использовалась материальная база и кадры размещавшихся на территории губернии частей русской армии.

---

[42] Сведения о дислокации войсковых частей, учреждений и управлений, расположенных на территории Новгородской губернии. По состоянию на 15 января 1921 г. ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 391. Л. 24.

[43] Сведения о дислокации войсковых частей, учреждений и управлений, расположенных на территории Новгородской губернии. По состоянию на 1 марта 1921 г. ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 391. Л. 104.

[44] Сведения о дислокации войсковых частей, учреждений и управлений, расположенных на территории Новгородской губернии, с указанием, от какого потель-учреждения получают корреспонденцию. По состоянию на 1 мая 1921 г. ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 391. Л. 220 об.

ВОЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ОБЛАСТИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Автор статьи исследует военно-организационные и военно-политические мероприятия, проводившиеся на территории Области немцев Поволжья в годы Гражданской войны. Важнейшей задачей, решавшейся областной властью, являлась мобилизация мужской части населения в подразделения и части, действовавшие на фронтах. Кроме того, создавались национальные воинские части, а также отдельные формирования для решения оперативных задач на фронте и в тылу. Исследуются также проблемы дезертирства и борьбы с ним, вопросы политического воспитания красноармейцев-немцев.

Ключевые слова: Область немцев Поволжья, Гражданская война, национальные воинские части поволжских немцев, военная мобилизация, борьба с дезертирством, политическое воспитание немцев-красноармейцев.

Abstracts. The author of the article investigates military-organizational and military-political events held on the territory of the Volga German Oblast in the years of the Civil War. The most important task solved by the regional government was the mobilization of the male part of the population into subunits and units operating on the fronts. In addition, national military units were created, as well as separate formations for the accomplishment of operational tasks at the front and in the rear. The problems of desertion and the fight against it, as well as the questions of political education of the Red German are also being investigated.

Key words: Volga German Oblast, Civil war, national military units of the Volga Germans, military mobilization, fight against desertion, political education of the Red Army German soldiers.

А.А. Герман (Саратов)

Автономная область (Трудовая коммуна) немцев Поволжья была создана 19 октября 1918 г. Декретом Совнаркома РСФСР[1] и включала территории Саратовского Поволжья, населенные немцами[2], которые были разделены на 3 уезда: Екатериненштадтский, Ровненский и Бальцерский[3].

На протяжении всей Гражданской войны ее территория постоянно находилась под контролем советской власти. Лишь несколько раз, и то кратковременно, ее отдельные небольшие окраинные части оказывались в руках противников большевиков. Главной задачей автономной области было продовольственное обеспечение Красной армии и центральных районов советской республики продовольствием. Оно осуществлялось на основе жесткой продразверстки[4].

Вполне объяснимо, что большое место в жизни автономной области немцев Поволжья, в деятельности ее руководства в годы Гражданской войны занимали военные вопросы. Ненасытный молох жестокой войны требовал все новых и новых жертвоприношений, в том числе и от маленькой немецкой автономии. В 1918 - 1920

[1] Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918 – 1941. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 31 – 38.

[2] Немецкие колонисты появились на берегах Волги в 1760-е гг. Подробнее об этом см.: Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII вв. М: МСНК-пресс, 2008. В начале XX века численность немцев Поволжья превысила 400 тыс. чел. По своей численности в регионе они уступали только русским.

[3] См.: карту Области немцев Поволжья. Приложение 1.

[4] Подробнее об этом см.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. С. 48-66.

гг. значительное число поволжских немцев было призвано в ряды Красной Армии и участвовало в боях, защищая с оружием в руках большевистскую власть.

Еще летом 1918 г. началось образование добровольческих красногвардейских отрядов. На их основе в июле 1918 г. Екатериненштадтским исполкомом[5] был сформирован Баронский добровольческий полк. В ноябре - декабре 1918 г. он был переформирован в 1-й Екатериненштадтский коммунистический немецкий полк, отправившийся на фронт в конце декабря 1918 г.[6]

15 ноября 1918 г. был образован областной военный комиссариат, на который и легли в дальнейшем все задачи по осуществлению военных мобилизаций и формированию национальных воинских частей и подразделений. Параллельно создавались уездные военкоматы в Екатериненштадте, Ровном, Бальцере[7].

В январе 1919 г. формируется запасный немецкий батальон, который к весне преобразуется в запасный немецкий полк, а позднее переименовывается в 4-й запасный стрелковый полк. Этот полк в течение всей войны находился на территории автономной области и служил для обучения личного состава, направлявшегося позднее на доукомплектование национальных стрелковых полков. Кроме того, из личного состава этого полка создавались продовольственные отряды. Тогда же, в январе, при каждом военкомате были сформированы караульные роты 4-взводного (при облвоенкомате) и 3-взводного состава с пулеметными командами[8].

По просьбе областного руководства и на основании разрешающей телеграммы Народного комиссара по военным делам Л.Д. Троцкого от 3 мая 1919 г. началось формирование 2-го Бальцерского добровольческого стрелкового полка в составе трех батальонов. В сентябре 1919 г. полк был выведен за пределы области в район г. Аткарска для доформирования и затем отправлен на фронт[9].

11 июня 1919 г. был сформирован Марксштадтский конезапас в составе двух отделений и управления. На основании приказа Реввоенсовета Республики с июля 1919 г. началось формирование 2-й отдельной немецкой кавалерийской бригады в составе управления бригады и двух полков. Для пополнения немкавбригады личным составом в ноябре 1919 г. был сформирован отдельный запасный кавалерийский дивизион.

Для борьбы с дезертирством, принявшим довольно внушительные размеры, в июле 1919 г. была образована областная комиссия по борьбе с дезертирством («Губкомбордез»), а при ней – рота по борьбе с дезертирством[10].

В январе 1920 г. запасный кавалерийский дивизион подчинили Западной армии Юго-Восточного фронта и вывели из области. В мае 1920 г. был сформирован новый запасный кавалерийский дивизион. При этом дивизионе облвоенкомат сформировал и отправил летом 1920 г. на польский и врангелевский фронты два добровольческих кавалерийских эскадрона. В ноябре запасный кавдивизион был расформирован, а на его основе сформировали неотдельный эскадрон кавалерийского дивизиона Заволжского военного округа.

---

[5] Екатериненштадт (Баронск) – город в области немцев Поволжья. В 1918 г. – уездный, с 1919 г одновременно административный центр Области немцев Поволжья (до 1922 г.). Ныне – г. Маркс Саратовской области.

[6] Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. С. 76.

[7] Ровное (Зельман) – рабочий поселок в Области немцев Поволжья, уездный центр. Ныне – поселок городского типа Ровное Саратовской области; Бальцер (Голый Карамыш) – крупное село, уездный центр. Ныне г. Красноармейск Саратовской области.

[8] Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 250.

[9] Там же. Л. 251.

[10] Там же.

В 1920 г. на территории области были сформированы и дислоцировались также запасный легкий артиллерийский дивизион, отдельная запасная саперная рота и отдельная штрафная рота[11].

Кроме указанных выше воинских формирований областной и уездные военкоматы создавали временные вооруженные отряды для решения каких-либо частных задач. Так, например, летом 1919 г. в Астраханском крае воевал немецкий отряд, сформированный облвоенкоматом и заслуживший самую высокую похвалу командующего Астраханской группой войск Южного фронта. В отряде было 320 человек. На просьбу облвоеикомата вернуть отряд в область командующий, сославшись на то, что «отряд находится на боевом участке» и «очень хорошо воюет», отказался его отпустить[12].

В самый разгар наступления войск адмирала А. Колчака в апреле 1919 г. был создан немецкий батальон, вошедший в состав полка «Красная Звезда», сформированного в г. Пугачеве и направленного на защиту Самары. Полком командовал широко известный в Поволжье революционер В. Ермо-щенко.

В период деникинского наступления и захвата белыми южной части Бальцерокого уезда (июль - август 1919 г.) местная организация РКП(б) сформировала отряд, который преградил противнику путь в Бальцер, а затем участвовал в освобождении уезда.

В целях подготовки командного состава для немецких национальных воинских формирований по ходатайству областного военного комиссариата при 1-х Саратовских пехотно-пулеметных курсах 1 июня 1919 г. было открыто немецкое отделение, которое уже в декабре того же года произвело выпуск первых красных командиров-немцев. Объективности ради следует отметить, что подбор курсантов на курсы осуществлялся поверхностно, плохо учитывались их морально-политические качества. В результате уже через месяц после набора с курсов дезертировал 31 курсант, т. е. почти половина немецкого отделения. 11 организаторов побега были преданы суду военного трибунала, остальные беглецы – отправлены на фронт рядовыми бойцами[13].

По этому поводу облисполком обратился к курсантам-немцам со специальным большим письмом, в котором, в частности, отметил, что «Исполнительный Комитет видит в случае бегства части курсантов проявления трусости и недостаточно серьезного отношения к их обязанностям и задачам, принимает меры к выяснению подлинной подкладки мотивов, побудивших их к бегству, и выражает уверенность, что остальные курсанты не последуют примеру своих слабых товарищей, а докажут, что они достойны получить звание руководителей Красной Рабоче-Крестьянской Армии в лице ее немецких полков. Будьте стойки, докажите, что вы не хуже и не слабее своих односельчан, неутомимо и успешно борющихся на всех советских фронтах, плечо о плечо с русскими товарищами-красноармейцами»[14].

Продолжая разговор о дезертирстве, следует сказать, что оно имело широкий размах среди поволжских немцев, мобилизованных на фронт. И в этом вопросе немцы практически ничем не отличались от своих соседей – русских. Так, 4 января 1919 г. исполком областного Совета получил письмо от командования отдельной стрелковой бригады 5 армии Восточного фронта, в котором сообщалось о массовом дезертирстве среди немцев-колонистов. Причем отмечалось, что есть «злостные, убегавшие уже по несколько раз». В письме говорилось о сложностях в работе с

---

[11] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 252, 253.

[12] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 26.

[13] Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАНП). Ф. 730. Оп. 1. Д. 34. Л. 339.

[14] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 339.

красноармейцами-немцами, совершенно не знавшими русского языка, и предлагалось отправить в бригаду «более надежное пополнение». Полученное исполкомом через год с лишним письмо начальника штаба войск Донской области от 11 марта 1920 г. почти дословно повторяло первое письмо: «Среди мобилизованных немцев наблюдается громадное дезертирство. При наличии небольшого кадра обучающих, а также ввиду незнания большинством немцев русского языка принимаемые меры существенных результатов не дают...»[15].

Причины широкого развития дезертирства – политические колебания среднего крестьянства, составлявшего практически весь призывной контингент в автономной области, его усталость от войны, нежелание отрываться от привычного земледельческого труда, а также недостаточная организованность областного и уездных военных аппаратов, низкая эффективность деятельности «Губкомбордеза». Кстати говоря, анализ отчетов и писем, поступавших от командиров и комиссаров немецких полков в облисполком и обком РКП (б), показывает, что почти во всех из них содержится требование усиления борьбы с дезертирством в области, отмечается, что безнаказанность тех, кто совершил побег из полков, разлагающе действует на весь личный состав.

Одним из средств борьбы с дезертирством, политического воспитания красноармейцев и призывников была организаторская и агитационно-массовая работа, которая в автономной области хотя и проводилась главным образом кампаниями, тем не менее давала неплохие результаты. С января 1919 г. сначала в Саратове, а затем в Марксштадте действовал красноармейский клуб «Карл Либкнехт», который свою главную задачу видел в том, чтобы «пробудить» в красноармейцах «классовое самосознание». При клубе существовали курсы| ликвидации неграмотности, библиотека, читались лекции, работала художественная самодеятельность, ставились концерты и театральные постановки[16].

Ежегодно 23 февраля широко отмечался «красноармейский праздник». С 5 по 12 января 1920 г. в автономной области проводилась «Неделя Красной казармы». Был открыт широкий доступ населения в казармы, проводились совместные субботники, на них ремонтировались и благоустраивались красноармейское жилье, военные городки. Красноармейцы получали от населения подарки.

В ходе «Недели Польского фронта», широко проводившейся по всей автономной области в июле 1920 г., только в Ровненском уезде «бойцам польфронта» было собрано 79 600 рублей, много вещей. Крестьяне села Красный Яр пожертвовали 27 тыс. рублей, колония Золотурн – 4 пуда табака и т. д. На польский фронт отправилась маршевая рота добровольцев, в составе которой находилось 90 бывших дезертиров. 80 добровольцев изъявили желание поступить на курсы красных командиров в Саратове[17].

Для укрепления немецких частей и подразделений политработниками, а также для работы с красноармейцами-колонистами в других частях в областной организации РКП (б) проводились неоднократные мобилизации коммунистов на фронт. Большинство мобилизованных партийцев находилось в немецких национальных частях.

Что касается национальных воинских формирований поволжских немцев, отправленных на фронт, то в условиях ожесточенной и динамичной гражданской войны, развернувшейся на больших пространствах, когда быстро и подчас коренным образом менялась политическая и военная обстановка, неустойчиво работали транспорт и связь, маленькой автономной области немцев Поволжья было просто

[15] ГИАНП. Ф. 730. Оп. 1. Д. 11. Л. 89; Д. 19. Л. 541.
[16] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 342-342об.
[17] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 86.

не под силу обеспечить их нормальную жизнедеятельность. Да и как показала практика, не было особого смысла это делать. Главную роль в войне сыграли части и соединения, сформированные по интернациональному принципу. Поэтому-то у всех национальных частей поволжских немцев сложилась одна судьба – они из-за новых пополнений взамен убитых постепенно теряли свой национальный характер и становились обычными воинскими частями. Более того, из-за огромных потерь (практически всего личного состава) в тяжелых боях, эти воинские части перестали существовать как боевые единицы и были расформированы[18]. Исключение составил лишь 2-й Бальцерокий стрелковый полк, который за отказ идти в наступление (30 ноября 1919 г.) был расформирован на более ранней стадии своего существования[19]. Однако, если бы этого не произошло, то нет сомнений, что его постигла бы та же судьба, что и другие национальные воинские части поволжских немцев.

[18] О боевом пути и судьбе 1-го Марксштадтского коммунистического немецкого полка см.: Герман А.А. «Не за такие порядки мы боролись»: 1-й Екатериненштадтский коммунистический немецкий стрелковый полк // Родина. 2011. № 2. С.56-57; о боевой деятельности Немецкой кавалерийской бригады см.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918 – 1941. С. 86-90.

[19] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 43-45.

ПОЛКОВНИК В.К. МАНАКИН И ВОЛОНТЕРЫ-УДАРНИКИ 1917-го ГОДА В БЕЛОЙ БОРЬБЕ[1]

Аннотация. В статье сопрягается история двух значительных эпопей революционного времени, Это волонтерское движение летом 1917 года и Белое движение. Одним из энтузиастов и зачинателей движения волонтеров тыла был подполковник Виктор Манакин. Затем он стал участником Белого движения на Юге. Показательно, что и в рядах Белого движения, и в эмиграции он высоко оценивал кадры волонтеров 1917-го года, пытался их собрать и организовать.

Ключевые слова: революция, Гражданская война в России, Белое движение, полковник Манакин, добровольчество.

Abstract. The article combines the history of two significant epics of the revolutionary time, the volunteer movement in the summer of 1917 and the White movement. One of the enthusiasts and initiators of the movement of volunteers of the rear was Lieutenant Colonel Victor Manakin. He then became a member of the White movement in the South. It is significant that both in the ranks of the White movement and in exile, he highly appreciated the cadres of volunteers in 1917, tried to collect and organize them.

Key words: revolution, the Civil war in Russia, White movement, Russian Colonel Manakin, volunteering.

А.В. Посадский (Саратов)

Идеи оздоровления «армии Свободной России» в 1917 г. по мере прогрессировавших паралича власти и развала в войсках трансформировались в соображения о создании новой армии. В конце сентября 1917 г. комиссар Северного фронта В.Б. Станкевич предлагал резкое сокращение армии с увеличением денежного содержания. Генерал-квартирмейстер Ставки М.К. Дитерихс отверг этот план, однако поздней осенью уже он сам разрабатывал проект создания армии на добровольческой основе. Ту же идею предлагал П.Н. Врангель. А.И. Верховский, последний военный министр Временного правительства, пытался резко сократить армию, сохранив лишь боеспособный элемент. Много времени оказалось потеряно. Чеканную формулировку дал А.А. Керсновский, имея в виду рождение Добровольческой армии: «Организация рушилась. До реорганизации вовремя не додумались. Пришлось взяться за худшее – за импровизацию…»[2]

Начиналось же все с формирования боеспособных частей, которые готовы служить примером исполнения воинского долга. Таковыми стали ударные части. Корниловский ударный отряд М.О. Неженцева представляет собой наиболее известную добровольческую часть. А вот ударные революционные батальоны из волонтеров тыла являлись детищем Генерального штаба подполковника В.К. Манакина. Он же стал командиром второй части полкового уровня в добровольческом движении – 1-го ударного революционного полка.

В мае 1917 г. главнокомандующий русской армией генерал М.В. Алексеев скептически отнеся к идее ударных частей. Революционные батальоны тыла вызвали еще больше скепсиса в среде высшего командного состава. Однако 8 ноября 1917 г. М.В. Алексеев писал уже с Дона М.К. Дитерихсу (в этот день поки-

[1] Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №17-81-01028 «Гражданская война в России. Историческая семантика и борьба дискурсов».

[2] Керсновский А.А. История Русской армии. Т.4. 1915 – 1917 гг. М.: Голос, 1994. С.322 – 323.

нувшего должность генерал-квартирмейстера!) о необходимости формирования новых кадров с основой из «офицеров, студентов, интеллигенции». Офицеры, честные солдаты, добровольцы не раз упомянуты в этом письме[3]. Не вдохновившийся идеей добровольческих частей весной 1917 г., бывший главком теперь пишет фактически о том ресурсе, из которого создались ударные батальоны тыла: офицеры, студенты, интеллигенция, добровольцы. Один из ведущих деятелей Союза офицеров, С.Н. Ряснянский, также неодобрительно отнесся к идее «революционных батальонов» «с комитетами, без погон, с выборными начальниками и проч». Проект формирования офицерских частей тоже был отвергнут Главным комитетом Союза. Задним числом Ряснянский напишет не без раздражения: «Если бы Главный Комитет обладал даром предвидения», возможно, поддержал бы, - ибо через полгода офицерские части пришлось-таки формировать[4].

«Оздоровить» армию ударные части не смогли, но они стали прообразом новой армии. В.К. Манакин осенью 1917 г. находился на фронте со сформированным им 1-м ударным полком, стремился создать на его базе более крупное соединение, однако не встретил понимания начальства. В ноябре полк был вызван в Ставку. В конце ноября – начале декабря 1917 г. развернулась драматичная эпопея Отряда ударных частей – нескольких батальонов, собранных в Могилеве. Н.Н. Духонин отказался от обороны Ставки, отряд выступил на юг и был уничтожен в многодневных боях в районе Белгорода. Манакин распустил уцелевших волонтеров с обязательством в одиночку пробираться на Дон. Смог добраться туда и он сам. С весны 1918-го Манакин участвует в Общедонском восстании на штабных должностях. Он являлся начальником штаба отряда генерала Фицхелаурова, который вышел в начале августа 1918 г. на границу Донской области и Саратовской губернии. Здесь в августе и началась эпопея Русской Народной армии, переименованной вскоре в Саратовский корпус. Инициатором и руководителем начинания, призванного поставить в строй донцов союзную им крестьянскую силу соседней губернии, стал В.К. Манакин. Однако Саратовская губерния для него была скорее подвернувшейся площадкой. Идея была масштабнее – это идея создания народной армии на новых условиях. В августе 1918 г. и в марте 1919-го – уже для А.И. Деникина – полковник подготовил два варианта проекта создания такой армии. В.К. Манакин видел в ударниках 1917-го года важный ресурс нового военного строительства.

Во время описываемых событий, в 17-м номере «Донской волны» 7(20) октября 1918 г., появился очерк Н. Шинкаренко «Ударники Манакина» об эпопее Отряда ударных частей. Автор комплиментарно отзывается о Манакине, считая его душой применения принципа Карно из эпохи Французской революции: взять лучшее из разлагающихся фронтовых войск (ударные батальоны) и дополнить их волонтерами тыла. Статья Шинкаренко, очевидно, подвигла самого Манакина отозваться на затронутую тему. Он публикует в той же газете две большие статьи. Одна посвящена ударничеству, другая – последним дням Ставки.

В статье «Ударные батальоны 1917 года (наброски и воспоминания)»[5] Манакин пишет о трудностях формирования: противодействовали и офицеры, и комитеты с темной массой солдат. «Невозможно изобразить ту атмосферу сарказма, ядовитых насмешек, издевательств и злостных сплетен, в которой приходилось работать». Л.Г. Корнилов, став главнокомандующим, запретил сводить

[3] Генерал Дитерихс. М.: Посев, 2004. С.29,177-180.

[4] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5881. Оп.2. Д.604. Лл.57,58.

[5] Донская волна. 1918. №20. 28 октября.

ударные части в крупные соединения. Нас распыляли и этим ослабляли, - констатировал Манакин. В то же время «здесь я уверовал в русское сердце и в лучших людей», - пишет он. Среди волонтеров было много разговоров про поход на Петроград. Но Корнилов 27 августа не вспомнил про сорок ударных батальонов, чем «поставил нас в тупик». «…Он, по-видимому, нас недостаточно понял и не использовал. Мы же были в этот период чрезвычайно сильны своей сплоченностью, дисциплиной, а главное абсолютно не боялись разложения». Полковник настоятельно просил по команде о созыве съезда командиров ударных частей, но ответа не было. Батальоны так и остались разбросанными, без связи между собой. Начинание погибло, но автор заявлял о своей вере в возможность дальнейшей борьбы. Последующие действия показали, что В.К. Манакин считал волонтерский опыт 1917-го важным, и его слова не являлись фигурой речи.

12(25) августа 1918 г. появилась листовка «Русский народ!», подписанная «Начальник Штаба Казачьих Войск Усть-Медведицкого Района Генерального Штаба Полковник Манакин». Она звала под знамена начинающих формироваться русских полков и была адресована крестьянам, русским офицерам, русским солдатам, русским рабочим, русскому духовенству[6].

Другая листовка под названием «Русские люди!» датирована 20 августа (2 сентября) 1918 г. Это более развернутый и экспрессивный текст, подписан он просто «Виктор Манакин» и содержит прямую отсылку к добровольческой эпопее 1917-го года: «Я русский офицер, полковник генерального штаба, бывший командир 1-го ударного революционного полка, полка, который был собран из волонтеров, пришедших на фронт добровольно во имя спасения России от начинавшейся гибели, полка, состоявшего, главным образом, из людей, решившихся умереть за счастье народа, полка, который погиб в декабре 1917 г. в Курской губернии в неравных боях с предателями революции и свободы народа, с красногвардейцами и матросами. Господь сохранил мне жизнь и с начала восстания Донских казаков в их рядах я снова начал борьбу за свободу народа». Листовка звала к действию: «Если и теперь русский народ не очнется, то каждый, кто родился русским, должен проклясть час своего рождения. Но не будет этого; уже по селам и городам измученное большевиками население ждет освобождения, уже началось местами восстание крестьян и фронтовых солдат».

Автор обращался теперь по восьми социальным адресам, с приставкою «русский»: к крестьянам, казачеству, офицерам, солдатам, рабочим, духовенству, «купцам и богатеям» добавлялись добровольцы-ударники: «Волонтеры ударных революционных батальонов, Вы доказали уже свою преданность идее Великой России и многие из Вас легли в борьбе а свободу Родной страны и во имя защиты прав обездоленных; Вы вышли из всех классов и слоев общества и Вас первых жду я на свой призыв и уверен в каждом из Вас, так как знаю всех»[7].

Ударники действительно обнаруживаются в составе Саратовского корпуса.

Приказом №42 от 8(21) ноября 1918 г. временно командующий корпусом полковник Манакин приказывал сформировать при штабе корпуса в хуторе Фролове офицерскую роту. Она должна была состоять из «только что прибывших из совдепии или взятых в плен офицеров». Командиром роты назначался штабс-ротмистр Войтенко, которому, «как бывшему командиру ударного батальона, доверяю поверку прибывающего из совдепии офицерского состава с неограниченными полномочиями в смысле выявления офицерских качеств у вновь прибыв-

[6] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.100. Оп.9. Д.7. Л.70.
[7] ГАРФ. Ф.Р1261. Оп.3. Д.1. Л.186.

ших», - говорилось в приказе[8]. В штабс-ротмистре Войтенко можно опознать командира 3-го ударного батальона Западного фронта. Какими путями он попал к Манакину, нам неизвестно. Но характерно, что на ключевую должность при начале формирования корпуса Манакин сознательно ставит бывшего ударника и дает ему широкие полномочия.

Основой Саратовского корпуса послужил 5-й Саратовский пехотный полк. Он формировался из добровольцев, прежде всего ушедших из родных сел после подавленных восстаний жителей слобод Рудни и Рыбинского. Приказ Корпусу №38 от 5(18) ноября 1918 г. сообщал о смотре полковником Манакиным полка (фактически – сформированного первого батальона). Часть хорошо представилась, и в словах благодарности комкора есть фраза: «Спасибо Вам, Руднянцы, Рыбинцы и прочие саратовцы и добровольцы, ударники и партизаны»[9]. Фраза кажется нам весьма важной. Наряду с местными повстанцами впрямую указаны и «ударники». Следовательно, они присутствовали в том добровольческом ядре, из которого вырастал 5-й Саратовский полк. Манакин пишет про полк как «собранный исключительно из добровольцев, главным образом саратовцев». То есть были и неместные, иногубернские - возможно как раз – ударники, пробравшиеся на Дон. Трудно представить сколько-нибудь значительное их число в полку, учитывая обстоятельства окончания боев ударных батальонов у Белгорода, но важно то, что Манакин особо выделил их в приказе.

Саратовский корпус разворачивался осенью 1918 г., сражался в тяжелых зимних боях на территории Камышинского уезда Саратовской губернии; его остатки ушли к Манычу при крушении Донского фронта. Не очень удачливым наследником корпуса стал Саратовский полк в рядах 6-й пехотной дивизии Кавказской армии ВСЮР. В.К. Манакин также остался в рядах этой дивизии. Идея сгруппировать ударников не покидала его. Два перекликающихся по содержанию документа лета 1919 г. иллюстрируют активность уцелевших ударников. В «Донской волне», №55, 21 июля (3 августа) 1919 г. опубликовано объявление к ударникам 1917 года от имени «группы офицеров и волонтеров 1-го ударного полка, 3-го ударного батальона ю.-з. фронта, Юнкерского батальона ю.-з. фронта, 2-го Оренбургского батальона, Одесского батальона Румын. фронта». Очевидно, представители именно этих частей собрались вместе или находились на близкой связи. В воззвании заявлялось, что спасено знамя первого ударного полка, представленное верховному правителю, «находятся знамена отдельных батальонов». «Целый ряд ударников, офицеров и рядовых волонтеров, не потеряли между собой связи». Как раз для ее укрепления и печаталось воззвание, с предложением ударников отзываться на адрес «Народной газеты». Речь в воззвании идет о необходимости восстановить славные ударные части, как и другие старые полки доблестной Российской армии. В те же дни появляется листовка за подписью В.К. Манакина: «Ударники революционных баталионов 1917 г.! В тяжелую минуту развала Русской Армии я начал формировать из Вас, сильных духом и верой в Русский народ, ударные баталионы. Я пережил с Вами позорные дни братания и отступления, когда окруженные полками дезертиров и дезорганизованных солдат, вы честно исполняли свой долг до конца. […] И в день двухлетней непрестанной борьбы за нее как счастлив я поздравить Вас с радостной вестью: НАШЕ ЗНАМЯ, переданное мной одному из фельдфебелей во время гибели революционных баталионов под натиском красногвардейцев и матросов у Белгорода, СПАСЕНО И ДОСТАВЛЕНО ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ АДМИРАЛУ КОЛЧАКУ! Ныне, как

[8] РГВА. Ф.40213.. Оп.1. д.2133. Л.35.
[9] РГВА. Ф.40213.. Оп.1. д.2133. Л.27.

бывший Командир 1-го Ударного Революционного полка, я собираю при Саратовских частях 6-й пех. дивизии Добрармии бывших ударников и всех состоявших в ударных баталионах и находящихся ныне на Дону и Кубани, прошу прислать свои адреса для установления связи». Манакин прямо заявляет о намерении собрать идейных сынов России – ударников 1917 года и войти под черно-красным знаменем в Москву[10].

Собрать ударников в значительных количествах не получилось, да и вряд ли эта идея воодушевила бы кого-либо в руководстве ВСЮР. Сам В.К. Манакин также не нашел себе должного применения. Он продолжал выступать с соображениями о политической активности и самоорганизации офицерства, предлагал проекты организации армии на новых основаниях. В результате - оказался нежелательной фигурой и во ВСЮР, и в Русской армии. Началась – раньше, чем у других сражавшихся – долгая эмиграция. В.К. Манакин жил в Загребе в Королевстве СХС, состоял в различных эмигрантских организациях, вел собственное дело, но помнил ударников и возлагал на них надежды!

В 1937 г. он публикует «Открытое письмо ударникам 1917 года» в издании Русского национального союза участников войны – журнале «Сигнал». В двадцатилетнюю годовщину формирования автор напоминал основные вехи добровольческого движения: «Вы были последними, предложившими ген. Духонину выступить с оружием против торжествующего полную свою победу над Россией большевизма, и вы одни открыто встали на Ее защиту – на фронте, в Петрограде, в Москве, и в Ставке. … От вашего имени была в те дни послана первая и последняя телеграмма прапорщику Крыленко с угрозой его расстрела».

Обращаясь к текущим временам, Манакин писал: «Народ русский изживает свои заблуждения – и грядут времена искупления. […] Пусть же те из вас, которые находятся на родной земле, вспомнят наши заветы, вспомнят старых товарищей и закрытыми путями единого духовного разумения вновь найдут друг друга и соберут вокруг себя молодых… Те же из вас, которые оказались в эмиграции, или те, кто душою с нами, пусть войдут в ряды ближайших, все равно каких, активных русских национальных организаций и дадут о себе весть. Настало время переклички ударников 1917 г.»[11].

Самоотверженные солдаты-добровольцы времен всеобщего развала и предательства виделись В.К. Манакину надежной силой в антибольшевистской борьбе. Он настойчиво стремился собрать своих прежних соратников. Даже к двадцатилетней годовщине добровольческих формирований он пишет свое обращение – без конкретных предложений, просто с призывом отозваться, не опускать рук, не прекращать борьбы.

В.К. Манакин точно увидел союз национального одушевления и воодушевления свободой, которые способны стать основой военного строительства в новой России. Ограждение прав личности в войсках при твердой дисциплине, тесная связь военной власти и гражданского управления, привлечение населения к самоуправлению – все то, что будет прокламироваться в проектах полковника Манакина 1918 – 1919 гг. – базировалось на его опыте 1917-го года. Он никогда не забывал своих сослуживцев по революционным ударным батальонам.

[10] ГАРФ. Ф.10073. Оп.2. Д.1296. Л.6.

[11] Сигнал (Париж). 1937. №8. 1 июня. С.1.

ПРОВЕРКА ОФИЦЕРОВ В СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫХ КОМИССИЯХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ И ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ (ЛЕТО 1918 – ЗИМА 1920 ГГ.)

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа проверки офицеров в судебно-следственных комиссиях Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. В ходе исследования на материале нескольких case-study демонстрируется, какие наказания применялись и не применялись в судебно-следственных комиссиях по отношению к офицерам, служившим другим правительствам. Изучено влияние офицерского статуса на ход следствия, негласная иерархия вражеских правительств и влияние срока службы и должности на вердикт комиссии.

Ключевые слова: Белое движение, Добровольческая армия, Вооруженные силы Юга России, судебно-следственные комиссии, офицерство, Гражданская война в России.

Abstract. This article attempts to analyze the inspection of officers in the judicial-investigative commissions of the Volunteer Army and the Armed Forces of the South Russia. In the research on the material of several case-studies, it is shown what punishments were used and not used in the judicial-investigative commissions in to officers who served other governments. The influence of the officer's status on the course of the investigation, the unspoken hierarchy of the enemy governments and the influence of the term of service and position on the verdict of the commissions were studied.

Key words: White Movement, Volunteer Army, Armed Forces of the South Russia, judicial-investigative commissions, officers, Civil War in Russia.

В.А. Яковенко (Москва)

Массовые перемещения населения, начавшиеся в ходе Первой мировой войны, в России продолжились в ходе разразившейся за ней Гражданской войны. Принадлежавшие к совершенно разным социальным и национальным группам жители бывшей Российской империи зачастую оказывались в областях, в которых у них не было никаких социальных связей, имущества и работы. Причиной этому были как беженство, так и насильственные выселения властями империи. С произошедшим в октябре 1917 г. захватом власти партией большевиков перед россиянами встал также вопрос отношения к новой власти. Население вскоре поделилось на тех, кто готов был сотрудничать с большевистским режимом и тех, кто его не принял и присоединился к белым или национальным правительствам[1].

Однако сотрудничество с одной из сторон конфликта далеко не всегда означало лояльность человека к ней. В условиях Гражданской войны одна случайная встреча или неудачное промедление могли означать необходимость присоединиться к той или иной стороне конфликта. Из этого проистекали в том числе массовые переходы военнослужащих между красными, национальными, зелеными и белыми формированиями.

[1] В Гражданскую войну эти передвижения населения зачастую имели характер возвращения – перемещенные в годы Первой мировой войны люди возвращались в свои ранее покинутые дома. См., например: Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против вражеских подданных в годы первой мировой войны. М., 2012; Gatrell P.A Whole Empire Walking: Refugees in Russia During World War I. Bloomington, 1999.

Переход из одного стана в другой, как правило, вызывал недоверие властей, контролировавших территорию, на которой оказывался перебежчик. В связи с этим обычно следовала проверка человека на лояльность. В большевистском лагере такая проверка на благонадежность или выявление принадлежности к «контрреволюции» осуществлялась Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). К тому же, специально для офицеров у большевиков существовала особая система регистрации. Практики работы ВЧК и ее местных отделений широко изучены в исследовательской литературе с самых разных позиций[2]. Система регистрации офицерства также неоднократно становилась объектом внимания историков[3]. Из множества мемуарных и других документальных свидетельств известно, что у белых на Юге России, самого серьезного военно-политического противника большевиков, проверкой на причастность к вражеским силам занимались специально созданные для этого судебно-следственные комиссии[4].

До настоящего момента эти органы изучались с двух исследовательских позиций. В.Ж. Цветков, С.В. Волков и Р.Г. Гагкуев исследовали их как элемент комплектования белых армий Юга России, а А.Л. Литвин упоминал комиссии в контексте репрессивной политики белых правительств[5]. Однако детальным изучением работы этих структур никто из ученых еще не занимался, а сохранившееся делопроизводство комиссий не изучалось как единый документальный комплекс. Наиболее подробные разборы работы комиссий, выполненные С.В. Волковым и Р.Г. Гагкуевым, не задействуют эти источники и опираются лишь на мемуары.

Настоящая статья является первой попыткой изучить процесс проверки населения на благонадежность военными властями изнутри, а не извне. Источниками для исследования послужили сохранившееся в фондах Государственного архива Ростовской области (ГАРО) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) делопроизводство комиссий. Исследование фокусируется на фильтрации военных - наиболее многочисленной группы из числа прошедших через комиссии. Среди военнослужащих основной подгруппой являются офицеры, поскольку количество их дел в разы больше, чем рядовых и унтер-офицеров. Зачастую солдат не считали необходимым проверять. Пленных и перебежчиков из числа рядовых нередко зачисляли в белые подразделения без особых процедур. Так вчерашние красноармейцы могли уже через пару дней воевать против своих недавних сослуживцев[6].

---

[2] См., например: Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 54–138; Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990; Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006.

[3] См., например: Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 239–266; Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2017. С. 54–69; Каминский В. В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. М., 2011. С. 83–97.

[4] Подразумеваются Добровольческая армия и сменившие ее Вооруженные силы Юга России (ВСЮР). См., например: Корсак В.В. У белых. Париж, 1931. С. 33–34; Соколов К.Н. Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София, 1921. С. 205; Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. Белград, 1928. С. 59–61.

[5] Волков С.В. Указ. соч. С. 127–138; Гагкуев Р.Г. Белое Движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. М., 2012. С. 379–400; Литвин А.Л. Указ. соч. С. 181; Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. М., 2000. С. 20–21.

[6] Гагкуев Р.Г. Указ. соч. С. 363–371.

Под офицерами в работе понимаются все те, кто называл себя так в ходе следствия. Оговоримся, что ввиду отсутствия однозначного термина из изучаемой эпохи исследуемый процесс будет именоваться словом «проверка». В ряде мемуарных свидетельств процесс называется «реабилитация»[7]. На наш взгляд, он не отражает сути исследуемого явления. Целью комиссий было не восстановление прав и доброго имени невиновных (тем более, что изначального поражения в правах у них не было). Их целью была именно проверка уже совершивших акт сотрудничества с иными вооруженными силами и назначение наказания тем, кого признавали виновным в преступлении. Сами комиссии официально реабилитационными не назывались, не называл их так и главнокомандующий Деникин.

***

Обратимся к нескольким различным случаям, чтобы понять, каков был механизм проверок в судебно-следственных комиссиях. Типичным примером благоприятного для подследственного хода событий является дело 44-летнего генерал-майора Дмитрия Ивановича Андреевского, который предстал перед комиссией в конце октября 1919 г. В период с октября 1917 г. Андреевский служил у большевиков сначала дежурным генералом главного штаба, затем – начальником общего отдела в штабе для борьбы с немцами. При этом из срока своей службы он 2,5 месяца находился в отпуске. В своих показаниях генерал отдельно отмечал, что не служил гетману. Этот факт, а также его утверждение, что он служил у большевиков лишь по принуждению, и попытки скрытно вредить им говорили в пользу Андреевского. Данные аргументы, добровольная явка в комиссию и письменное поручительство авторитетного генерала А.П. Архангельского склонили следователей оправдать Андреевского[8].

Похожим образом разворачивалось следственное дело Ильи Николаевича Потапова, полковника Генерального штаба. С июня 1918 г. он служил у большевиков старшим адъютантом сухопутного отделения штаба главного командира портов северо-западного района Черного моря. Позднее был назначен военным руководителем Бессарабской губернии, но в должность вступить не успел. Потапов в своих показаниях упирал на то, что дети и больная жена не давали ему покинуть «совдепию». Отдельно он, как и Андреевский, отмечал, что в украинских формированиях не служил, а у большевиков старался не просто вредить делу, но и устраивал саботаж. Все это, добровольная явка и свидетельства сослуживцев вновь склонили чашу весов в пользу подследственного, – он был оправдан[9].

Совсем иным предстает дело подполковника Генерального штаба Ягоды, успевшего послужить у большевиков на одной гражданской и трех военных должностях[10]. Начиная с лета 1918 г. он работал в административном отделе в Ярославле, потом – в штабе украинского фронта, а затем – начальником оперативного отдела 2-й и 4-й украинских советских армий. Его стратегия защиты была совершенно другой. Он утверждал, что пошел служить красным вслед за другими высшими чинами, не веря, что большевики продержатся долго. Основным его аргументом стало то, что он пытался устраивать саботаж на последних двух должностях. Последний он считал столь успешным, что отводил ему существенную роль в отступлении советских войск в ходе недавней военной операции. Членов комиссии аргументы Ягоды убедить не смогли. В их вердикте было сказано, что

---

[7] См., например: Корсак В.В. Указ. соч. С. 33–34; Соколов К.Н. Указ. соч. С. 205.

[8] ГАРО Ф. Р-3989. Оп. 1. Д. 5.

[9] ГАРО Ф. Р-3989. Оп. 1. Д. 10.

[10] Здесь и далее инициалы не приводятся в тех случаях, когда достоверно определить их не удалось.

саботаж подполковника доказывается лишь его словами, а к белым он решил примкнуть не в силу идейных соображений, а по случаю их военных успехов. Не сыграла в его пользу и добровольная явка под следствие. Наказанием для Ягоды стала невозможность служить во ВСЮР по Генеральному штабу[11].

Поразительно контрастными с данным делом являются материалы следствия над полковником Генерального штаба Юлианом Иосифовичем Кобылецким[12]. Будучи выходцем из той же среды, что и Ягода, Кобылецкий в революционные годы вел себя совершенно иначе. С октября 1917 г. этот генштабист успел послужить в вооруженных силах Польши, в войске гетмана Скоропадского, у Петлюры, большевиков и потом оказался под следствием у белых. Во всех армиях он занимал невысокие должности. Службу врагам белых Кобылецкий оправдывал нехваткой денежных средств, а также своим письмом на Дон с просьбой взять на службу, не получившим ответа. В его пользу говорил также приход на проверку по собственной инициативе. Странным образом, несмотря на многочисленные переходы подполковника из одной армии в другую и пометку на заключении комиссии: «Сделал все, чтобы не попасть в Добровольческую Армию», Кобылецкий был оправдан. Причиной стало мнение следователей, что во вред белым и на пользу красным подполковник не действовал[13].

На фоне многих изученных судеб офицеров Кобылецкий выделялся своим польским происхождением и службой в Войске Польском. В связи с этим сравним его дело с делом другого поляка, не принадлежавшего к офицерскому сообществу. В конце 1919 – начале 1920 гг. 28-летний Вацлав Николаевич Гроцкий был задержан на улице по подозрению в службе большевикам. В процессе следствия оказалось, что Гроцкий действительно служил у красных. Причем, в отличие от многих, работал не на канцелярской должности, а в советской милиции города Орел. Однако, по его собственному признанию, служить милиционером его вынудила объявленная мобилизация; сыграла свою роль и характерная для тех лет всеобщая нужда. При оставлении Орла Красной армией Гроцкий предпочел не покидать город и прятался в подвале мыловаренного завода до прихода белых. После стремительного отступления ВСЮР он оказался в Курске, откуда отправился в Харьков, где находилось в то время польское консульство, и получил паспорт для выезда на родину. Похоже, что спрос с польского гражданина, к тому же не бывшего военным, на следствии был меньше, чем с офицера-поляка. Он не заслужил даже порицания в тексте решения комиссии. Следователи не нашли в действиях Вацлава Гроцкого состава преступления и оправдали его[14].

В контексте мотивации членов комиссий при принятии решений интересно дело 55-летнего генерал-майора Генерального штаба Николая Александровича Жданова. В феврале 1918 г. он попал в немецкий плен, откуда бежал. После этого оказался у красных в Орше и командовал отрядом, воевавшим против немцев. С 1-го июля 1918 г. Жданов стал работать в Москве при окружном комиссариате

---

[11] ГАРО Ф. Р-3989. Оп. 1. Д. 15.

[12] Некоторые предварительные выводы относительно следственных дел Ю. Кобылецкого и В. Гроцкого содержатся в следующем тексте автора: Яковенко В.А. Проверка лиц польского происхождения в судебно-следственных комиссиях Вооруженных сил Юга России (1918–1920 гг.) // Гражданские конфликты и гражданские войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени : Сборник материалов Восьмой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2018». М., 2018. С. 473–475.

[13] ГАРО Ф. Р-3989. Оп. 1. Д. 12.

[14] ГАРФ Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 116б.

военным руководителем. В этой должности генерал пробыл до 1 февраля 1919 г. После чего он попал в Астрахань и служил командующим 12-й армией. Наконец, Жданов был отправлен в Киев на должность инспектора запасных войск. Затем он работал там же начальником 2-й сводной советской дивизии. Потом Жданов перебежал к деникинцам и добровольно явился на проверку в комиссию. Аргументами в свою защиту Жданов считал отпуск по болезни длиной в 3 месяца, попытки уклониться от посылки на фронт, попытки саботажа. Следователей это не убедило, и дело генерала было передано в военно-полевой суд, поскольку он приносил, по их мнению, пользу советской власти. На этом работа комиссии заканчивалась. Проследим дальнейшую судьбу Н.А. Жданова[15].

Заключение военных экспертов, приглашенных на суд, гласило: Жданов способствовал большевикам, самим своим присутствием привлекал нижних чинов, к тому же с самого начала состоял у них на службе. Но потом старался принести красным максимальный вред и по своей инициативе перебежал в белый лагерь. За Жданова, как и в случае с И.Н. Потаповым, поручились сослуживцы, а назначить его к себе на службу попросил легендарный генерал К.К. Мамонтов. Также положительные для Жданова показания дали его жена и знакомые не из военных кругов. Генерал был оправдан военно-полевым судом[16].

В отличие от уже рассмотренных случаев, не всем офицерам удавалось выйти из-под следствия удачно. Были и те, чье наказание было серьезнее, чем у Ягоды. Так, в 1918 г. был разжалован в рядовые прапорщик Борис Арендт, служивший после этого кавалеристом 1-го отдельного артиллерийского дивизиона Добровольческой армии. Та же судьба постигла и подпоручика Илью Автюховича. После разжалования он служил солдатом пулеметной команды Корниловского ударного полка. Отметим, что судьбы обоих офицеров впоследствии сложились удачно: и Арендт, и Автюхович были в начале 1919 г. восстановлены в чинах, а Арендту даже обязались выплатить офицерский оклад за все время службы рядовым. Последнее проистекало из того факта, что была доказана невиновность прапорщика. Совсем иначе было с Автюховичем – чин ему вернули, поскольку он «мужеством и храбростью искупил вину перед Родиной»[17]. Назвать случаи восстановления в чине массовыми было бы преувеличением, но, видимо, они случались нередко. Росту их числа способствовал отданный А.И. Деникиным в конце 1919 г. приказ об амнистии для некоторых групп лиц, обвиненных в работе на большевиков. Например, в связи с этой амнистией был восстановлен в чине офицер Феодосий Дорошенко, разжалованный в рядовые и служивший в элитном Дроздовском полку[18].

Большинство названных ранее офицеров явилось на проверку по собственной инициативе (точно нельзя сказать про Арендта, Автюховича и Дорошенко). Немного иначе складывались дела тех, кто попадал в комиссию не добровольно. Таким было дело подпоручика Андрея Филипповича Стеценко. Он прибыл в комиссию в составе группы военнопленных из РККА. Сам он утверждал, что в плен белым сдался добровольно, а у большевиков служил по мобилизации. За неимением каких-либо доказательств вреда, принесенного Стеценко ВСЮР, его дело прекратили. Но в силу не до конца ясных обстоятельств службы у красных подпоручика оставили под надзором[19].

---

[15] ГАРФ Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48.
[16] Там же.
[17] ГАРФ Ф. Р-6230. Оп. 1. Д. 50. Л. 75.
[18] ГАРФ Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 680.
[19] ГАРО Ф. Р-3989. Оп. 1. Д. 14.

Помимо взятия в плен, существовал еще один способ попадания офицеров на проверку не по собственному желанию. Многих офицеров, особенно среди низших чинов, после прибытия от красных сразу назначали на должности в белых частях. В таких случаях офицеров «задним числом» отправляли в судебно-следственные комиссии начальники подразделений, в которых они служили. Именно такими были дела полковника Высоцкого, капитана Глушановского, поручика Воронова, подпоручика Фелицына и других. В таких случаях следствие обычно производилось недолго, а арест проверяемого не производился[20]. Однозначно восстановить логику работников комиссии в данном случае трудно. Судя по всему, она была следующей: раз офицер моментально был назначен на должность, в нем остро нуждалось конкретное подразделение. Долгая проверка и заключение просто-напросто помешали бы человеку исполнять свои обязанности. Вполне вероятно, что поэтому проверка таких дел могла проходить быстро и не слишком тщательно.

Однако бывали и исключения, когда уже занимавших в белой армии должность офицеров подвергали аресту. 30 октября 1919 г. был арестован 37- летний поручик Александр Дмитриевич Куракин, состоявший при большевиках на службе механика-техника Киевской главной телеграфной конторы. Перед задержанием он состоял на службе в Киевском офицерском ударном батальоне ВСЮР. Его арест, однако, не был долгим. Куракину удалось убедить следователей, что во вред белым он не действовал, а красным служил лишь из-за финансовых трудностей. Вскоре поручик был оправдан, и его освободили[21].

***

Итак, можно утверждать, что отношения Белого движения в лице судебно-следственных комиссий и офицерства, служившего ранее у большевиков, были комплексной проблемой. Они не исчерпывались положительным или отрицательным отношением к военным, сменившим сторону.

Во-первых, отметим, что существовали разные степени наказания для таких людей. Самой слабой из них выступало порицание подследственного, как это произошло в случае с Ю.И. Кобылецким. Оно, судя по источникам личного происхождения, выходило за пределы комиссий и часто влекло за собой негативное отношение сослуживцев.

Второй степенью был надзор, под который попал, например, А.Ф. Стеценко. Она создавала для поднадзорного те же проблемы, что и порицание, прибавляя к ним то, что за каждым шагом сомнительного офицера теперь могла следить контрразведка.

Третьей степенью после надзора становился запрет на службу, который был назначен для подполковника Ягоды. Она была уже гораздо серьезнее, чем две предыдущие. Включая в себя все последствия порицания, он оставлял осужденного офицера без работы. С учетом того, что изначальной мотивацией служить какому-либо правительству для многих офицеров был вопрос получения заработной платы, невозможность работы становилась критически тяжела. К тому же, многие офицеры не знали никакого другого дела, кроме военного.

За запретом на службу шло разжалование в рядовые, постигшее многих офицеров. С одной стороны, таким людям не запрещалось служить в подразделениях ВСЮР в качестве рядовых. Но очевидно, что уровень довольствия рядового был значительно ниже, чем того требовали привычки и обстоятельства жизни офицеров. Многие из них имели жен и детей, содержать которых, будучи ря-

[20] ГАРФ Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 7; Д. 5.

[21] ГАРФ Ф. Р-5931. Оп. 1. Д. 940.

довым, было едва ли возможно. Вдобавок это наносило дополнительный удар по репутации разжалованного, – еще больший, чем предыдущие ступени.

Наиболее высокой степенью наказания была передача дела в суд. На первый взгляд, это суждение спорное. Действительно, в конце концов, суд мог оправдать подследственного, как и вышло с Н.А. Ждановым. Но обратимся к руководящим документам комиссий. Согласно их тексту, в суд дело передавалось в том случае, если комиссия считала свои полномочия недостаточными для вынесения решения. Таким образом, суды получали из комиссий дела тех людей, чьи действия следователи считали наиболее «вредными» для Белого движения[22]. Другой вопрос, что оправдательный приговор в суде «обнулял» весь предыдущий процесс.

Во-вторых, обратимся к тому, какие виды наказания комиссиями не применялись. Первой в списке для всех социальных групп будет смертная казнь, которую имели право назначать лишь суды[23]. Именно к офицерам не применялась и конфискация имущества. Причина этого была проста, – у большинства офицеров особенно и нечего было конфисковывать. Многие из них перебегали на сторону белых, взяв с собой лишь самое необходимое, в плен попадали вообще без пожитков. Те же, кто оказывался на проверке в силу смещения фронта, чаще всего жили на съемных квартирах, получая не слишком большое жалование. Не применялось к офицерам и заключение. Вероятно, такая практика происходила по двум причинам: тюрьмы и без того были полны гораздо более опасными и ненадежными людьми; даже запятнавшим свою репутацию офицерам доверяли больше, чем людям не из военной среды. Оговоримся, что речь здесь идет именно о заключении как наказании, а не как о мере пресечения. Если говорить о последнем, то известны случаи содержания офицеров в тюрьме[24].

В-третьих, важно помнить, что статус офицера имел две стороны. Конечно, в Белом движении он давал некую привилегированность. Но он, в то же время, означал повышенный уровень ответственности. От офицера ждали если не подвигов на уровне героев-первопоходников, то хотя бы верной службы белому делу. Если же человек не был военным, спрос с него был меньше. Впрочем, пределы разумного это не переходило, – гражданские лица, вина которых была серьезной, часто отправлялись на каторгу. Еще одним «побочным эффектом» офицерского статуса было то, что человек на следствии воспринимался в первую очередь именно в этом качестве. Все остальные его идентичности отодвигались на второй план. Это подтверждает, например, отсутствие в следственных делах графы «национальность» и лишь редкое появление там графы «вероисповедание».

В-четвертых, видимо, в головах как следователей, так и подследственных офицеров имелась некая неофициальная иерархия враждебных вооруженных сил. Из материалов комиссий видно, что самым большим злом в ней были Красная армия и большевики. Вторыми в списке шли петлюровские войска, являвшиеся в глазах многих сепаратистами. Вследствие этого служба в петлюровских войсках считалась недостойной российского офицера. С армией гетмана П.П. Скоропадского ситуация была сложнее. Видимо, в список для следователей она

---

[22] А.И. Деникин вспоминает, что суд по меньшей мере один раз применял смертный приговор по отношению к офицерам, проверенным судебно-следственными комиссиями. Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3 кн. М., 2013. Кн. 3. С. 128–136.

[23] Другое дело, что часто перебежчиков или попавших в плен без суда расстреливали или вешали на месте. Там же. С. 128–136.

[24] См., например, дело подполковника В.А. Пегушина: ГАРФ. Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 7.

не входила. А вот сами офицеры часто отмечали отсутствие в их биографиях службы гетману как аргумент в свое оправдание. Наконец, польские войска вообще не воспринимались как враждебные. Они для следователей были скорее просто другими, нежели вражеским.

Наконец, срок службы офицера врагу и его должность имели для следователей вес лишь в той мере, в которой они влияли на возможность нанесения вреда ВСЮР. Однозначной закономерности здесь выделить не удается. Как служивший на высокой должности генерал, так и командовавший всего лишь ротой солдат капитан могли оказаться равны в этом отношении.

Стоит признать, что офицерские дела из судебно-следственных комиссий – только часть большого процесса проверки населения Белым движением на Юге России. Автором этой статьи предпринята попытка начать комплексное изучение этой важной для истории Гражданской войны проблемы; ее полное понимание возможно только при дальнейшем подробном исследовании документов комиссий.

ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ КРАСНЫХ И БЕЛЫХ ВО ВРЕМЯ УФИМСКОЙ ОПЕРАЦИИ 2 – 10 ИЮНЯ 1919 Г.[1]

Аннотация. Уфимская операция представляет собой один из ключевых моментов противоборства белых и красных на восточном фронте Гражданской войны. Обе стороны активно эксплуатировали свои немногочисленные авиационные силы. Подробное рассмотрение этих действий и сравнение их эффективности и предлагает автор статьи. Он уделяет внимание разным факторам, влиявшим на боевую эффективность, в частности, состоянию материальной части. Приведены фамилии летчиков, совершавших боевые вылеты в период операции.

***Ключевые слова*:** Гражданская война в России, Восточный фронт, Уфимская операция, авиация, боевые вылеты.

Abstract. Ufa operation is one of the key moments of confrontation between Whites and Reds on the Eastern front of the Civil war. Both sides actively exploited their few air forces. Detailed consideration of these actions and comparison of their effectiveness offers the author of the article. He pays attention to various factors that affect the combat effectiveness, in particular, the state of the material part. The names of the pilots who flew combat missions during the operation are given.

Key words: Civil war in Russia, the Eastern front, the Ufa operation, aviation, combat sorties.

М.А. Хайрулин (Москва)

Особый интерес представляют действия авиации сторон во время Уфимской операции. Воздушные силы красных и белых в этом районе были настолько слабы, что каждая из сторон смогла представить всего лишь по шесть самолетов, фактически по одному полноценному авиационному отряду!

Западная армия под командованием генерал-лейтенанта Михаила Васильевича Ханжина во время мартовского наступления в 1919 году взяла Уфу и Белебей. Но уже в конце апреля – начале мая 1919 года наступление войск адмирала Колчака остановилось. Это событие можно квалифицировать как начало конца Белых армий на Урале и Сибири, хотя тогда никто не мог этого даже предполагать. Советские войска повели наступление по всему 450-километровому фронту Западной армии. Уже 4 мая красные части захватили Бугуруслан, 6-го — Бугульму, 17-го — Белебей и, разгромив 3-й и 6-й Уральские корпуса, продвинулись на 120—150 километров на восток и подошли к Уфе. С целью окружения колчаковских частей (Уфимской и Волжской групп), 25 мая войска Красной армии начали наступление тремя колоннами: северной, центральной и южной (20-я, 24-я, 25-я, 26-я и 2-я стрелковые дивизии). Южнее Уфы им удалось форсировать реку Белая. 20-я стрелковая дивизия 29 мая захватила Стерлитамак. Но всей южной колонне советских войск форсировать Белую войска Каппеля не позволили. Северной колонне сопутствовало более удачное продвижение — пока 26-я стрелковая дивизия «вгрызалась» между Уральской и Уфимской группами, 25-я стрелковая дивизия (под командованием Василия Ивановича Чапаева), разгромив 8-ю Камскую стрелковую дивизию 7 июня, форсировала Белую и вышла глубоко в тыл обороны Уфы. 10 июня, после достаточно ожесточенных и длительных боев, 20-й стрелковой дивизии на юге и её соседу — 24-й стрелковой дивизии красных также удалось форсировать реку Белую. 25-я дивизия Чапаева 9 июня вошла в Уфу.

[1] Все даты приведены по новому стилю.

В этот период противоборствующие стороны применяли авиацию. Со стороны белых в боях под Уфой принимали участие отдельные самолёты 4-го, 6-го и 10-го авиационных отрядов колчаковского воздушного флота. Сбор группы был назначен у железнодорожной станции Шакша, находящейся на линии Уфа—Челябинск, в 10 км к востоку от Уфы. 29 мая 1919 года 10-й авиаотряд в составе трёх машин совершил перелёт Чишмы—Уфа. На станцию Шакша от отряда был послан штабс-капитан Георгий Иванович Муромцев на истребителе «Ньюпор». Первого июня к месту сбора из Уфы прилетел на единственном боеспособном самолёте 6-го авиаотряда «Моран Парасоль» старший унтер-офицер Сергей Андреевич Андреев с подпоручиком Бочковым. А на следующий день прибыли четыре самолёта 4-го авиаотряда в составе: подпоручик Михаил Семёнович Семёнов («Фарман-30»), прапорщик Александр Гаврилович Хорьков («Фарман-30»), прапорщик Василий Васильевич Комаров («Вуазен») и прапорщик Валентин Митрофанович Трофимов («Моран Парасоль»). Всего на станции Шакша собралось шесть самолётов.

В свою очередь, авиация Южной группы Восточного фронта выделила боевые звенья 11-го, 30-го и 39-го разведывательных отрядов.

Звенья 30-го отряда (Сергей Владимирович Бейер на «Ньюпор-24бис» и Артемий Иванович Коваленко на «Ньюпор-17») и 39-го отряда (Александр Андреевич Кравцов на «Ньюпор-21» и Александр Дмитриевич Казённов на «Ньюпор-24бис») к началу Уфимской операции уже находились на аэродроме у станции Шафраново.

Второго июня Коваленко и Бейер совершили по одному полёту для «разведки мостов Уфы и реки Белой»[2].

3 июня 1919 года

Четыре истребителя красных в этот день бездействовали, лишь днем лётчик Казённов из 39-го авиаотряда совершил двухчасовую разведку мостов через реку Белая.

Зато белая авиация проявила 3 июня значительную активность. Рано утром, в 4 часа 40 минут «Вуазен» 4-го авиаотряда (прапорщик Комаров и штабс-капитан Кокорин) вылетел из Шакши на разведку района Красного Яра. Вернувшись обратно, они доносили: «У Красного Яра стоит 2 баржи, на одну из которых с западного берега положены мостки шириной 3-4 аршина около которых движется толпа людей человек 30—40, очевидно работающих. В Красном Яре буквально на всех улицах расположены обозы в районе церкви, они аккуратно выстроены, в других частях села стоят в беспорядке. В общем числе повозок 600—700 штук. Прокламации сброшены в Красный Яр»[3].

Вечером того же дня согласно заданию командира 3-го Уфимского корпуса самолёты 4-го авиаотряда совершили налёт на Красный Яр. Подпоручик Семёнов с штабс-капитан Кокориным на аппарате «Фарман-30» сбросили на село три пудовые осколочные бомбы, а другой «Фарман-30» (прапорщик Хорьков и старший унтер-офицер Королёв) – две бомбы. Оба аппарата обстреливались зенитным огнём. Прапорщик Комаров вернулся на «Вуазене», не выполнив задания. Штабс-капитан Муромцев на своём «Ньюпоре» дважды летал на бомбометание: «Сбро-

[2] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.254 «Южная группа Восточного фронта» Оп.1. Д.262. Л.25 «Боевая деятельность авиации Южной группы Восточного фронта во время Уфимской операции».

[3] РГВА. Ф.39499 «Штаб Верховного главнокомандующего Всероссийского правительства. Оп.1. Д.352. Л.631 «Полётные ведомости 4-го авиаотряда».

шены пять бомб по 10 фунтов в батарею и обозы в Красный Яр с высоты 400 метров и обстреляны с той же высоты батарея, обозы и бегущие люди пулемётным огнём. Выяснено приготовление красных через Белую у с. Красный Яр. Во время бомбометания красные обстреливали самолёт орудийным, пулемётным и ружейным огнём. При осмотре самолёта на аэродроме после бомбометания и разведки обнаружены в правой верхней плоскости 2 пулевые пробоины. Бомбы сброшены в два полёта».

Этот налёт попал на газетные полосы: «Наши авиаторы совершили налёт на с. К...., где красные делали приготовления к переправе через Белую. Уже под вечер полетел туда первым капитан М., старый лётчик, отличившийся ещё в прошлой войне с Германией. Лучи начавшего спускаться к горизонту солнца золотили его аппарат, когда он подлетал к селу и начал снижаться. На земле царило большое оживление: видны были обозы в поле, большие скопления людей в деревне. Аэроплан снижается ещё больше. Его теперь заметили: снизу доносятся хлопки выстрелов, то стреляют в лётчика красноармейцы.

Для устрашения стреляющих капитан М. берёт бомбу и бросает её в середину села.

Растерянно забегали в разные стороны маленькие, словно игрушечные, фигурки людей, стараясь спрятаться в укрытые места. Нагоняя ещё большую панику на бегущих, заработал на самолёте пулемёт, который поливает улицы до тех пор, пока они совершенно опустели.

Усмирив деревню, лётчик направляется к реке.

У берега стоит баржа, а около неё на берегу видны окопчики, в которых копошатся люди.

Снова начинает свою работу пулемёт с аэроплана, летит в окопчики бомба и люди из них исчезают, словно провалившись сквозь землю.

Истратив свои бомбы капитан М. отправляется назад, за новым запасом, делая перед спуском на аэродроме две красивых мертвых петли.

Наскоро чинят небольшие повреждения аппарата, в котором оказалось две пробоины и смелый лётчик, снова направляется в стан врага, к селу К...

Во время его отсутствия красные уже приспособили для стрельбы по аэроплану 2 пушки и встретили капитана М. орудийным огнём.

Но это его не затрудняет: обогнув орудия с тыла, он обстреливает их из пулемёта и бросает на батарею одну за другой две бомбы.

В это время подходят ещё два наших самолёта и вслед за небольшими бомбами капитана М. в деревню и обозы противника с них летят пудовые бомбы, производя при взрыве страшный грохот, от которого люди разбегаются в страхе в разные стороны.

За свою отличную работу лётчики удостоились благодарности Командующего Армией»[4].

Командующий Западной армией генерал Ханжин писал: «Благодарю доблестных лётчиков за их лихой налёт на Красный Яр и за беззаветную, храбрую, самоотверженную боевую работу»[5].

4—6 июня 1919 года

Четвёртого июня красные лётчики Коваленко и Бейер перелетели на новое место стоянки у станции Чишмы. На следующий день, на станции Чишмы к четы-

[4] Газета "Уфимец", бюро печати 2-го Уфимского армейского корпуса, № 14 от 8 июня 1919 года.

[5] РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.329. Л.197 «Благодарность командарма Западной генерала Ханжина от 4 июня 1919 года».

рём истребителям присоединились два двухместных разведчика-бомбардировщика «Сопвич», пилоты Апполинарий Иванович Томашевский и Иван Герасимович Савин, наблюдатели Л. Петров и К. Жакевич.

Пятого числа прапорщик Трофимов и штабс-капитан Тюников совершили на «Моран Парасоле» разведку и сбросили над расположением противника 2000 прокламаций.

7 июня 1919 года

В этот день командующий Западной армией генерал Ханжин лично приказал произвести налёт всеми исправными самолётами на переправу красных у Топорнино и Печенкино.

Вечером пять аппаратов белых поднялись с аэродрома у станции Шакша и взяли направление на переправу красных на реке Белая у Топорнино и Печенкино.

1. Подпоручик Семёнов и штабс-капитан Кокорин на «Фарман-30» обнаружили у Топорнино паром, загруженный повозками, а также возле него до 1000 повозок, приготовленных для переправы. На повозки сброшены 3 пудовые осколочные бомбы с удачными попаданиями.

2. Прапорщик Хорьков и штабс-капитан Тюников на «Фарман-30» обнаружили, что с самого Топорнино на пароме переправлялся противник на правый берег. «На пароме переправляются всадники и обозы, а рядом на 8 лодках красноармейцы. На левом берегу у переправы скопилось большое количество красноармейцев силою около 1000-1200 повозок и конницы, пехота рассеялась по всему лугу. Сброшены 3 пудовые осколочные бомбы, из них замечено 2 попадания среди обозов. Разрыв 3-й не замечен. С левого берега самолёт обстреливался пулемётным и ружейным огнём»[6].

3. Прапорщик Трофимов и старший унтер-офицер Королёв на «Моран Парасоле» заметили «у устья реки Кундушла, что северо-восточнее ст.Баскаково, идёт переправа на пароме с которого самолёт был обстрелян сильным пулемётным и ружейным огнём, там же около переправы на левом берегу находились повозки в количестве 20-25, у села Топорнино у переправы замечено не менее 800 повозок. Переправа идёт на одном пароме и 8 лодках, переправа происходит оживлённо. В д. Тараберзино замечены выстроенные обозы в количестве не менее 500 повозок куда и были удачно сброшены три бомбы, из них две 18-фунтовые и одна 10-фунтовая»[7].

4. Старший унтер-офицер Андреев и подпоручик Бочков на «Моран Парасоле» сбросили две 10-фунтовые бомбы. «1-я по высадившемуся на правый берег противнику, а 2-я по обозам скопившимся на левом берегу в ожидании, по-видимому, переправы. Попутно с бомбометанием произведена разведка данного района. В с. Топорино большое скопление частей противника, видны движущиеся обозы и пехота по улицам во все направления. Средством к переправе служат паром и 4 баржи (3 маленькие и 1 большая), которые в этот момент стояли у правого берега напротив Топорино, видимо только что высадившие десант, т.к. по правому берегу от этих барж движется по направлению к Соловьевке большая колонна, среди которой видны обозы и пехотные части. У с. Баскакова переправа на лодках и пароме»[8].

5. Штабс-капитан Муромцев на «Ньюпоре» обнаружил севернее ст. Чишмы аэродром с авиационной палаткой, около которой стояли два самолёта системы

[6] РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.352. Л.608 «Донесение о полёте».
[7] РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.352. Л.593 «Донесение о полёте».
[8] РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.352. Л.594 «Донесение о полёте».

«Сопвич». Аппараты были обстреляны из пулемёта с высоты 600 метров. В различных пунктах были сброшены 20 фунтов воззваний Верховного Правителя.

Всего самолёты белых сбросили на войска красных более 125 кг бомб.

В этот день красная авиация вновь бездействовала: только Казённов и Кравцов прилетели из Бузовьяново на аэродром в Чишмы. Таким образом, там собрались вместе четыре одноместных истребителя и два двухместных разведчика-бомбардировщика.

8 июня 1919 года

В 6 часов утра прапорщик Хорьков и штабс-капитан Тюников на «Фарман-30» вылетели на фотографирование и разведку. С высоты 1200 метров они обнаружили, что у Красного Яра на барже переправлялся противник, а «у переправы скопилось около полка пехоты, ¾ эскадрона кавалерии и обоз в количестве 2500-3000 повозок на дороге до переправы»[9]. Разведчик белых первым обнаружил части 25-й дивизии Чапаева у Красного Яра во время переправы.

Части 25-й дивизии весь предыдущий день готовились к переправе и к этому времени на реке Белой захватили два парохода противника, на которых в ночь на 8-го предполагали начать переправу на правый берег в районе Красного Яра. На месте переправы была сгруппирована 1-я бригада, 220-й полк 2-й бригады, большая часть дивизионной артиллерии, вся дивизионная конница и бронеотряд. Около 24 часов 7 июня 25-я дивизия переправилась на правый берег при помощи захваченных у противника 2 пароходов – двумя батальонами 220-го полка у деревни Красный Яр, и на рассвете с подходом 3-го батальона 217-го полка, части решительно бросились в атаку на окопы противника; которые тянулись от деревни Александровка до Старые Турбаслы; после ожесточенной схватки обе эти деревни были заняты. Красные захватили много пленных, пулеметов и винтовок, но противник разбит не был и упорно сопротивлялся. «Вследствие чего нашим частям до переправы остальных полков 1-й и 2-й бригады наступать было рискованно… однако такое, хотя и небольшое выдвижение частей 217-го и 220-го полков дали возможность удерживать за собой переправы у Красного Яра, куда быстро устремились остальные полки 1-й бригады. К полудню на правый берег переправился 218-й полк, один батальон 219-го, 220-й, 3 броневых автомобиля, 6 легких орудий и конный сводный полк»[10].

В этот день была наивысшая активность со стороны как белой, так и красной авиации.

Рано утром лётчики 30-го авиаотряда Бейер и Коваленко летали на разведку района Уфы. В 9.15 утра «Сопвич» 11-го авиаотряда (Савин с Петровым) под охраной истребителя лётчика 30-го авиаотряда Коваленко «совершили налёт на тыл противника с целью способствовать нашим войскам при переправе». Было сброшено 27 кг бомб на мост и батарею (что заставило её замолчать) у станции Ураково. Пулемётным огнём обстреляна батарея в районе села Александровки, разведкой обнаружено поспешное отступление противника. Между Уфой и Ураково были «замечены на аэродроме три неприятельских самолёта, из которых два разведывательных и один истребительного типа, которые были обстреляны пулемётным огнём»[11].

---

[9] РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.352. Л.597 «Донесение о полёте».

[10] РГВА. Ф.28361. Оп.1. Д.96 «Рукопись Д. Рыбина «Уфимская операция в 1919 году». Л.27.

[11] РГВА. Ф.254 «Управление Южной Группы Восточного фронта». Оп.1. Д.262. Л.25 «Донесение о полёте».

Был жаркий июнь и бои под Уфой.
И «Ньюпор» парил над усталой землей.
Полеты в разведку над Белой рекой.
Награду получит летчик лихой[12].

Белые не отставали, и тоже делали налёты на переправу у Красного Яра. Старший унтер-офицер Андреев и подпоручик Бочков на «Моран Парасоль» с высоты 1000 метров сбросили две бомбы (10ф. и 25ф.) фугасного действия. «Первая, 4-кг, была сброшена в обозы, ожидавшие переправы на улице села и берега; разрыв удачный. Вторая, 10 кг, сброшена в саму переправу. Взрыв замечен не был. Попутно с бомбометанием обследован район переправы. Средством для переправы служат винтовой пароход у сел. Красный Яр и ниже по течению одна баржа, у правого берега последней переправы видны мостки. Замечено большое скопление обозов и воинских частей при переправе и на всех улицах села. В южном конце села стоит первая батарея, стрелявшая по самолёту... Самолёт был обстрелян ружейным, пулемётным и орудийным огнём. Вторая батарея у самой переправы, причём разрывы последней были видны вблизи самолёта»[13].

Штабс-капитан Муромцев летал на бомбометание мест переправы красных через Белую у Топорнина. У Топорнино он обнаружил три баржи у восточного берега, а в селения Топорнино и Баскаково сбросил три четырехкилограммовые бомбы.

В 16 часов из Чишмы вылетели три самолёта красных: «Сопвич» Томашевского из 11-го авиаотряда и «Ньюпоры» Кравцова и Казённова из 39-го авиаотряда. В Александровке истребители сбросили по одной четырехкилограммовой бомбе, а Томашевский с Мироновым выбросили 82 кг бомб по батареям противника у станции Ураково, что заставило их замолчать, а также обстреляли пулемётным огнём батареи и поезда противника на участке железной дороги от Ураково до Уфы.

В 18.50 со станции Шакша вылетело четыре самолёта: лейтенант Кукуранов на «Моран-Парасоле» из 6-го авиаотряда, прапорщик Трофимов и штабс-капитан Кокорин на «Моран-Парасоле» и прапорщик Хорьков с штабс-капитаном Тюниковым на «Фарман-30» из 4-го отряда, а также штабс-капитан Муромцев на «Ньюпоре» из 10-го отряда. Самолёты Кукуранова и Трофимова вернулись из-за неисправности моторов через 30 минут. Лётчик Хорьков с высоты 1400 метров обнаружил, что «у дер. Красный Яр у переправы на восточной окраине стоит 2 противоаэропланных орудия, а в середине деревни с южной её стороны ещё 2 орудия, которые всё время обстреливали самолёт; у переправы скопище обозов в количестве до 500—600 повозок, кавалерии до 3-х эскадронов и толпа красных до 300—400 человек, куда сброшены три пудовые осколочные бомбы. Разрывы настолько удачные, что ясно были видны разбегавшаяся конница и пешие, туда же было выпущено из пулемёта 160 патронов. Появление самолёта производит на красных паническое впечатление, т.к. огонь открывают по самолёту ещё за 10—15 вёрст, в момент же сбрасывания бомб взвод у переправы огонь прекратил»[14].

В это время, командующий Южной группы Михаил Васильевич Фрунзе, бывший всё время в районе переправы 25-й стрелковой дивизии и далее с пере-

[12] Из стихотворения автора «Чапаевский летчик», посвященного красвоенлету Коваленко.

[13] РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.304. Л.97 «Донесение о полёте».

[14] РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.352. Л.387 «Донесение о полёте».

довыми цепями у деревни Старые Турбаслы, на обратном пути в Красный Яр был контужен в голову взрывом бомбы, брошенной как раз с аэроплана лётчика Хорькова! Лошадь под ним была убита, а красные чуть не лишились главного действующего лица всей Уфимской операции.

В своей рукописи исследователь Д. Рыбин подтверждает этот факт, правда, ошибаясь в дате: «В этот день 9 июня командюжгруппы Фрунзе бывший в районе действия 21-й дивизии, проезжая от деревни Турбаслы на Красный Яр, был контужен в голову взрывом бомбы, брошенной противником с аэроплана»[15].

Из оперативной сводки штаба Южной группы за № 01967 к 14 часам 9 июня 1919 г.: «… В ночном бою ранен пулей в голову с аэроплана начдив 25-й тов. Чепаев. Тов. Фрунзе, бывший всё время в районе переправы 25-й стр. дивизии и далее с передовыми цепями у дер. Турбаслы Старые, на обратном пути в дер. Красный Яр был контужен в голову взрывом бомбы, брошенной с аэроплана противника. … Потери в частях 25-й дивизии значительны»[16].

Вечером, в 22 часа два самолёта вылетели с целью отогнать аппараты неприятеля от переправы. Томашевский с Мироновым на «Сопвиче» не встретили самолётов противника, а вылетевший Кравцов на «Ньюпоре-24» не смог настигнуть аппарат белых, мешавший переправе красных войск через реку Белую. Посадку лётчик совершил уже при свете костра.

Этим лётчиком был штабс-капитан Муромцев, который в этот вечер два раза вылетал на бомбометание переправы у Красного Яра. Всего он сбросил шесть четырехкилограммовых фугасных бомб, снижаясь до 500 метров, а также поливал огнём из пулемёта всё, что видел на земле. В донесении доблестный пилот сообщал: «Попутно обнаружено, что красные переправляются в 3-х местах: 1) южнее Красного Яра на барже, там значительное скопление обозов, 2) севернее Красного Яра пароход перевозит пехоту, 3) против сел. Александровка переправа в лодках. Красный Яр переполнен обозами, в кои сброшены бомбы. Бомбы сброшены также в зенитную батарею, замеченную у самой реки. Обстреливал из пулемёта обозы, колонны и бегущих людей. Во время полёта самолёт был обстрелян артиллерийским и ружейным огнём»[17]. Во время своего второго вечернего налёта Муромцев пулемётным огнём своего истребителя чуть не убил самого начальника 25-й дивизии В.И. Чапаева! Пуля попала начдиву25 в голову и застряла в ней.

9 - 10 июня 1919 года

Активность белой авиации в этот день пошла на убыль. Уфа была уже захвачена частями 25-й дивизии Чапаева. Со станции Шакша старший унтерофицер Андреев и подпоручик Бочков на «Моран-Парасоле» произвели трёхчасовую разведку. Остальные самолёты: (1) подпоручик Семёнов с мотористом Булиным на «Фармане-30»; 2) прапорщик Хорьков с мотористом Наумовым на «Фармане-30» и прапорщик Трофимов с мотористом Лининым на «Моран Парасоле») перелетели в тыл на станцию Иглино. Позже Андреев на «Парасоле» и Муромцев на «Ньюпоре» также покинули станцию Шакша и перелетели к себе в тыл. Всего за время операции авиация белых в этом районе совершила 22 боевых полёта.

В последние дни Уфимской операции, 9 и 10 июня, советская авиация господствовала в воздухе. Пилоты Казённов и Коваленко на «Ньюпорах» дважды

[15] РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 96. Л. 30. Д. Рыбин. Уфимская операция в 1919 году. Рукопись.

[16] Красный архив №2(93). 1939. С. 40.

[17] РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.352. Л.475 «Донесение о полёте».

летали на охрану переправы своих войск от неприятельских самолётов, которых уже не было в этом районе. Вылетевшие вечером 9 июня Савин с Жакевичем на «Сопвиче» констатировали, что аэродром противника у станции Ураково пуст.

Десятого июня три истребителя (Коваленко, Казённов и Кравцов) вылетели в 10 часов утра для преследования отступающего противника, бомбометания и пулемётного обстрела. Каждый взял по четырехкилограммовой бомбе. Всего шесть самолётов Красного воздушного флота (4 истребителя и 2 разведчика) за 9 дней Уфимской операции совершили 22 боевых полёта.

Несмотря на численное превосходство истребителей, красные лётчики не смогли в должной мере защитить переправу своих войск от налётов авиации белых. У белых были старые изношенные двухместные бипланы «Фарман-30» и «Вуазен», которые достались колчаковцам ещё с Первой мировой войны, могли нести только до 50 кг бомб, в то время как двухместные «Сопвичи» могли брать до 80 кг бомб и были лучше по лётным характеристикам. Монопланы «Моран-Парасоль» вообще не годились для боевых полётов (в середине 1917-го их прекратили использовать для этих целей), а должны были применяться как учебные в авиашколах. При таком качественном проигрыше и минимальном количестве самолётов, колчаковской авиации удалось добиться хороших результатов: были ранены два крупных военачальника - Фрунзе и Чапаев.

Красные авиаторы за полёты во время Уфимской операции получили награды – ордена Красного Знамени.

Ф.И.О., часть	Награждение
Казеннов Александр Дмитриевич Начальник 39-го Железного разведывательного авиаотряда	«Отличился летом 1919 г. во время воздушной работы при штабе 24-й дивизии своими точными разведками содействовал удачному маневрированию дивизии. В бою за г. Уфу своими донесениями и личным участием способствовал переправе наших войск через р. Белую, а также взятию г. Уфы»[18].
Коваленко Артемий Иванович Красвоенлет 30-го разведывательного авиаотряда	«Отличился во время Уфимской операции с 2 по 10 июня 1919 г.: на «Ньюпоре-17» выполнил семь удачных боевых полётов, несмотря на плохую работу мотора и не считаясь с условиями погоды и времени. В ночь на 8 того же июня стрельбой из пулемёта по частям противника вносил панику в его ряды и тем способствовал переправе наших войск через р. Белую»[19].
Миронов Алексей Матвеевич Старший моторист 11-го разведывательного авиаотряда	«Во время проведения Уфимской операции летом 1919 г.: в качестве летнаба в экипаже А. Томашевского летал на разведку и бомбардировку вражеских войск. 8-9.06.1919 г. при взятии г. Уфы, во время целого ряда полётов в тылу неприятеля в боевой обстановке, добывал ценные сведения о противнике и метким бомбометанием и пулемётным огнём наводил в его порядках панику, чем способствовал успешному завершению боёв»[20].
Петров Леонид Дмитриевич Краслетнаб 11-го разведывательного авиаотряда	«Летом 1919 г., летая в составе экипажа И.Г. Савина в период боев в Самаро-Уфимском районе, далеко проникал в тыл противника, где снижаясь, бомбометанием разрушал железнодорожные пути и мосты, приводил в расстройство батареи и обозы противника, чем способствовал успешному наступлению красных войск»[21].
Савин Иван Герасимович Красвоенлёт 11-го разведывательного авиаотряда	«В марте 1919 г. снижаясь на высоту 100-200 м, метким пулеметным огнем способствовал подавлению восстания в районе Сызрани. Во время Уфимских боев летом 1919, вместе с летнабами Л. Петровым и К. Жакевичем совершил несколько полетов над неприятельской территорией - разведывал расположение войск, бомбил их и доставлял ценные сведения, а при взятии г. Уфы с небольшой высоты расстреливал из пулемета засевшие в городе части противника»[22].
Томашевский Апполинарий Иванович Красвоенлёт 11-го разведывательного авиаотряда	«Отличился летом 1919 г. в период боевых операций в Самаро-Уфимском районе, на «Сопвиче» (вместе с А. Мироновым) произведя по заданию штаба Самаро-Уфимского фронта разведки в тылу неприятеля, доставлял о нем весьма ценные сведения. За несколько дней до взятия Уфы совершил ряд ночных полетов и снижаясь на не-

[18] Центральный архив министерства обороны (ЦАМО) РФ. УПК А.Д. Казеннова.
[19] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А539. Оп.3. Д.1788.
[20] РГВА. Ф.4. Оп.3. Д.90.
[21] РГВА. Ф.29. Оп.4 . Д.314; Ф.30. Оп.3. Д.418. Л.285.
[22] ГАРФ. Ф.А539. Оп. 3. Д.8288; РГВИА. Ф.2008. Оп.1. Д.1932.

	большую высоту, расстреливал из пулемёта отступающего противника. За несколько часов до взятия г. Уфы совершил ряд опасных полётов на небольшой высоте над городом, поражая пулемётным огнём неприятельские части, засевшие там, чем содействовал взятию города»[23].
Жакевич **Казимир Петрович** Краслетнаб 11-го разведывательного авиаотряда	«В марте 1919 г. при подавлении восстания в р-не Сызрани в неблагоприятных климатических условиях летал над деревнями Заборовка, Жамковка, Бекетовка и др., бомбометанием и пулеметным огнем наводил на восставших панику, неоднократно рассеивал их, чем способствовал его ликвидации. Летом 1919 г. во время Уфимской операции, совершив ряд опасных полетов в тылу врага, доставил о нем ценные сведения и при взятии г. Уфы лично принял участие в бою, содействуя бомбометанием и пулеметным огнем поражению врага»[24].

[23] ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп.8. Д.1285.
[24] ГАРФ. Ф.Р7523. Оп.60. Д.2504; Оп.75. Д.998; Оп.91. Д.81. Л.270.

КАВАЛЕРИЙСКАЯ БРИГАДА НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1919 – 1921 ГГ.)

Аннотация. В статье исследуются формирования, походный и боевой путь кавалерийской бригады немцев Поволжья (1919 – 1921 гг.), показано как объективные обстоятельства войны неизбежно вели ее к трансформации из немецкой национальной в обычную воинскую часть.

Abstract. The article examines the formation, marching and combat path of the cavalry brigade of the Germans of the Volga region (1919-1921), shows how the objective circumstances of the war inevitably led it to the transformation from a German national into a conventional military unit.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Область немцев Поволжья, немецкая кавалерийская бригада, А.Ф. Моор, 1-я Советская Донская дивизия, 14-я кавалерийская дивизия, 83-й кавалерийский полк.

Key words: Russian Civi War, Region of the Volga Germans in Russia, German cavalry brigade, A.F. Moore, 1-st Soviet Don division, 14-th cavalry division, 83-rd cavalry regiment.

А.А. Герман (Саратов)

В годы гражданской войны большое место в жизни автономной области немцев Поволжья[1], в деятельности ее руководства занимали военные вопросы, и это вполне объяснимо. Жестокая война требовала все новых и новых солдат в красную и белую армии. Маленькая немецкая автономия в течение всей войны находилась под контролем красных и поэтому пополняла их резервы. В 1918 – 1920 гг. значительное число поволжских немцев было призвано в ряды Красной Армии и участвовало в боях, защищая с оружием в руках большевистскую власть[2]. Наряду с общей мобилизацией немцев Поволжья в различные части РККА, руководство области с разрешения Реввоенсовета республики и Наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого создало три национальные немецкие части, среди них кавалерийскую бригаду немцев Поволжья.

Формирование бригады происходило с июля по декабрь 1919 г.[3] в немецком селе Красный Яр и натолкнулось на многие трудности.

Вопреки решению Реввоенсовета республики о создании отдельной бригады в составе двух полков со своим собственным управлением и политическим отде-

---

[1] Немцы поселились на берегах Саратовского Поволжья на основании приглашающего Манифеста Екатерины II от 22 июля 1763 г. К 1767 г. было образовано свыше 100 немецких колоний. В начале XX века к северу и югу от Саратова по обеим сторонам Волги располагалось более 200 немецких сел, в которых проживало свыше 400 тыс. человек. 19 октября 1918 г. декретом Совета народных комиссаров РСФСР была образована Область немцев Поволжья, в 1924 г. преобразованная в Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья. В сентябре 1941 г. республика была ликвидирована, а ее немецкое население депортировано в Сибирь и Казахстан. Подробнее см.: *Герман А.А., Плеве И.Р.* Немцы Поволжья. Саратов: Изд.-во Сарат. ун-та, 2002; *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге (1918 – 1941). М.: МСНК-пресс, 2007.

[2] Подробнее о службе немцев Поволжья в рядах Красной армии см.: *Герман А.А.* Указ соч. С. 73-90; *Шульга И.И.* Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М.: МСНК-пресс, 2008. С. 65-85.

[3] Ранее были сформированы Первый Екатериненштадтский коммунистический немецкий полк (отправлен на фронт в декабре 1918 г.) и Второй Бальцерский стрелковый полк (выведен из области на фронт в сентябре 1919 г.).

лом, распоряжением командования Юго-Восточного фронта она была включена в состав 1-й Советской Донской дивизии, а ее управление и политотдел расформированы[4]. Такое положение бригады лишало областной военкомат возможности направлять пополнение из немцев непосредственно в бригаду. Им распоряжался штаб Юго-Восточного фронта на общих основаниях.

Руководству Области немцев Поволжья хотелось, чтобы бригада сохраняла свой национальный характер, показывая тем самым вклад немцев Поволжья в борьбу с противниками советской власти. Однако Реввоенсовет республики при повторном к нему обращении не стал подтверждать свое первоначальное решение, оставив все как есть. Поэтому комплектование бригады осуществлялось на общих основаниях. Причины такого решения видятся в общей сложной ситуации на фронтах, при которой целевое комплектование немецкой бригады соответствующим контингентом с берегов Волги не давало реального чувствительного эффекта, но требовало больших дополнительных усилий и затрат. Еще одной причиной могло стать «громадное дезертирство» немецких крестьян, для которых «красные идеалы» были непонятны и чужды, а также незнание ими русского языка, что существенно осложняло работу. Отмеченные выше проблемы поднимались, в частности, штабом войск Донской области, в чьем подчинении некоторое время находилась немецкая бригада[5].

Недоукомплектованная, недоученная, недообеспеченная всем необходимым, «не скованная железной дисциплиной и политически еще не подготовленная» 30 декабря бригада выводится из автономной области немцев Поволжья в область Войска Донского. Местом дислокации и доподготовки бригады становится слобода Даниловская Усть-Медведицкого округа. Перед самым выводом бригады был окончательно определен ее командный и политический состав.

К сожалению, не удалось обнаружить имя командира бригады. Политическим комиссаром бригады обкомом РКП(б) был назначен А.Ф Моор[6], комиссарами полков: первого – Н. Ридель, второго – Х. Реймер[7].

В течение января бригада интенсивно обучалась военному делу, доукомплектовывалась. В конце месяца она уже заметно выделялась в дивизии «порядком и организованностью». Вместе с тем, все это время бригада совершенно не

---

[4] Государственный архив новейшей истории Саратовской облвсти (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 59, 61.

[5] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 541.

[6] Моор Александр Фридрихович (Moor Alexandr), родился в 1889 г. в колонии Фриденберг. Учитель, государственный деятель. Выходец из бедной колонистской семьи. В возрасте 13 лет лишился родителей. В 1905 г. закончил центральное училище в Лесном Карамыше и работал в своем родном селе учителем. Позднее преподавал в сельской школе Новоузенска. В декабре 1913 г. был участником 1-го Всероссийского съезда по вопросам народного просвещения, проходившего в Петрограде, где произнес яркую речь в защиту национального образования поволжских немцев, после чего подвергался преследованиям властей. В 1916-1917 гг. – в действующей армии на Кавказском фронте. С апреля 1918 г. – член Поволжского комиссариата по немецким делам, с октября 1918 г. – член исполкома Области немцев Поволжья. С конца 1919 г. до начала 1921 г. Служба в Красной Армии, участие в боях с польской армией и войсками Врангеля. С марта 1921 г. председатель исполкома Области немцев Поволжья. В конце 1922 г. переведен в Туркестан, где занимал различные партийные и государственные должности. После национального размежевания Туркестана с 1925 г. член бюро ЦК компартии и член правительства Туркмении. В 1928 г. подвергался кратковременному аресту и заключению. После освобождения – на партийных и государственных должностях в Узбекистане. Арестован в сентябре 1937 г. как «враг народа», расстрелян.

[7] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 415; Д. 17. Л. 36;. Д. 19. Л. 196, 415.

снабжалась ни продовольствием, ни фуражом, более того, как отмечал А. Моор, «дивизия много забирает лошадей, имущества, взамен ничего не дает». В ответ на неоднократные обращения в штаб дивизии оттуда пришла телеграмма: «Полки обязаны сами себе добывать продовольствие и фураж каким угодно путем...». Пришлось отдавать комиссару А. Моору распоряжение полкам брать продовольствие и фураж в окружающих селах и хуторах.

Однако он резко протестует против подобного положения вещей: «Я считаю эту телеграмму незаконной... подобная тактика в местности, где советская власть только налаживается, где нервы населения и без того взвинчены после непосильных поборов, не приносит нам сочувствия! Мы рискуем каждым своим действием, каждым поступком вызвать контрреволюцию» [8].

Протесты ни к чему не приводят, положение не меняется, 6 февраля А. Моор сообщает в обком партии: «Полки сидят без фуража и продовольствия, солдаты понуждаются воровать, реквизировать, даже грабить. Доходит до вооруженных стычек с населением. Дисциплина от голода, истощения лошадей... падает. Дезертирство, временно прекратившееся, снова начинает развиваться. Этому способствует все увеличивающееся посещение Даниловки родителями из Голо-Карамышского и особенно Ровненского уездов...» (от границ области до Даниловки расстояние не превышало 70 км. - А.Г.).

Здесь же А. Моор дает убийственяую характеристику некоторым политработникам своей бригады: «русские, не знающие ни звука по-немецки, чехи, венгры, австрияки, говорящие по-немецки или слишком скверно, или слишком хорошо для наших немцев, но зато обладающие замечательной неспособностью к пониманию красноармейской массы. В течение нескольких месяцев они сумели ее так запугать коммунизмом, что трудно что-нибудь сделать. Они все время рассказывали им о домах-коммунах, об общественном воспитании детей, общих столовых, карточках и ярлыках на все предметы и продукты, о том, что нет никакого бога и т. д.» Он обращается с настоятельной просьбой к обкому прислать своих политработников, немецкую литературу и газеты, предлагает вариант почтовой связи[9]. Однако областное руководство, целиком поглощенное внутренними проблемами немецкой автономии, не торопится выполнять все эти просьбы.

В первой декаде февраля 1-я Советская Донская дивизия была включена в состав 10-й армии Кавказского фронта и получила приказ переместиться на юг к линии фронта в район станицы Великокняжеской. Более чем 600-километровый переход осуществлялся в течение нескольких недель в сложных условиях зимней непогоды, острого дефицита продуктов и фуража. За это время немецкая кавалерийская бригада потеряла значительную часть лошадей. Они пали от бескормицы и истощения. Существенными были и людские потери – главным образом из-за болезней: тифа и простудных заболеваний[10].

Не успев завершить переход, 1-я Советская Донская дивизия получила приказ – двигаться на Ростов. Новый переход осуществлялся в самую распутицу. Под Ростовом на левом берегу Дона в районе станиц Баклановской и Терновской дивизия простояла свыше двух недель, занимаясь боевой подготовкой, приводя себя в порядок.

Из письма комиссара бригады А.Ф. Моора, отправленного в Область немцев Поволжья 15 апреля 1920 г. можно сделать несколько важных заключений.

---

[8] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 57-59,67 об.
[9] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 56.
[10] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 76-79.

За те 3,5 месяца, что бригада перемещалась из Области немцев Поволжья на юг, ее личный состав не получал никакой информации ни о положении области в целом, ни о жизни своих родных. Почта не работала. Возмущение А.Ф. Моора вызывал тот фак, что даже редко прибывавшие в бригаду из области представители руководства не привозили с собой ни газет, ни писем и не могли удовлетворить колоссальную нужду своих земляков в информации из дома. Кроме того, посылавшаяся самим А. Моором в Область немцев Поволжья информация о положении бригады и жизни ее личного состава не печаталась в газетах, не доводилась не только до населения, но даже и до многих руководящих работников. В результате, по области ходили «фантастические слухи» о том, что бригаду «разбили», «утопили» и т.п.

Как отмечает А. Моор в своем письме, «настроение в бригаде спокойное, безразличное, но не боевое», имеются постоянные проблемы с питанием, обмундированием, фуражоом и др. Исходя из этой информации и учитывая тот факт, что красноармейцы несколько месяцев не получали никаких известий из дома, их настроение скорее всего можно было бы охарактеризовать как подавленное[11].

19 апреля, получив команду, дивизия совершила переход в Ростов. В тот же день вечером в расположение дивизии прибыл командующий 1-й конной армии С.М. Буденный. Построив дивизию и произведя ее осмотр, он объявил личному составу, что 1-я Советская Донская дивизия включается в состав 1-й конной армии и вместе с ней должна совершить 1000-километровый переход «на Польский фронт, для встречи с зарвавшимся врагом».

Находясь в Ростове и узнав, что поблизости дислоцируется 21-я стрелковая дивизия с остатками расформированного Бальцерского полка[12], А. Моор предпринял попытку забрать их к себе в бригаду, однако ему в этом отказали, ссылаясь на то, что бальцерцы – стрелки и не могут служить в кавалерийской части. Бригада была пополнена личным составом расформированного 4-го Московского полка и казаками-добровольцами[13].

С 20 апреля немецкая кавалерийская бригада начала свой третий, самый продолжительный переход (он длился 40 суток) в составе 1-й конной армии на Украину. Уже в пути бойцы узнали о начале с 25 апреля советско-польской войны. Маршрут бригады пролегал через Таганрог, Мариуполь, вблизи Екатеринослава, через Елизаветград, Новомиргород и завершился 29 мая прибытием в Умань.

В районе Елизаветграда поступил приказ о расформировании 1-й Советской Донской дивизии. Полки 2-й и 3-й бригад были переданы 1-й кавалерийской дивизии, а немецкая бригада была вызвана в штаб армии. По прибытии в штаб армии (г. Новомиргород) руководство бригады приняли командующий армии С.М. Буденный и член Реввоенсовета К. Е. Ворошилов. Вот как описал эту встречу А. Моор: «Буденный и Ворошилов подробно расспросили все о бригаде, весьма любезно нас выслушали, дали немедленно наряд на новое обмундирование и сказали, что мы останемся пока при штабе армии».

Однако буквально на следующий день был издан приказ о ликвидации немецкой бригады, соединении двух ее полков в один. Вновь образованный немецкий полк, насчитывавший 850 человек, совместно с еще одним кавалерий-

[11] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 82.

[12] 2-й Бальцерский стрелковый полк – одно из трех национальных формирований Области немцев Поволжья, участвовавших в Гражданской войне.

[13] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 81, 91.

ским полком и артиллерийским дивизионом составили бригаду особого назначения при Реввоенсовете 1-й конной армии. А. Моор стал ее комиссаром.

Главной причиной расформирования немецкой бригады стали ее малочисленность и невозможность пополнения красноармейцами – немцами. Как отмечал начальник политотдела армии, «шаг штаба фронта – самое благоразумное разрешение вопроса, ибо нельзя было бригаду оставить игрушкой для забавы»[14]. Командиры, политработники, да и бойцы тяжело переживали ликвидацию бригады.

Едва прибыв на место, немецкий полк попал под сильный обстрел и бомбежку польских аэропланов. К счастью, больших потерь не было. На следующий день А. Моор отправляет очередное письмо с посыльным в комитет партии Области немцев Поволжья. Он буквально умоляет руководство области собрать письма родственников военнослужащих-немцев и с посыльными доставить их в бригаду. Интересны и красноречивы его описания происходящих вокруг событий, получаемые впечатления: «Проезжаем разрушенные до основания еврейские села, а напуганные местные хохлы удирают с поляками. Польская пехота (Познанские полки) защищаются отчаянно, но конная армия уже сбила их с позиций. Красноармейцы буквально (это не пустая шаблонная фраза, а факт) рвутся в бой. Сегодня хоронили первых убитых в бою с поляками бойцов конной армии»[15].

1 июня в Первой конной армии произошло чрезвычайное происшествие: один из полков 3-й бригады 14-й кавалерийской дивизии в полном составе перешел на сторону поляков. Образовавшуюся брешь требовалось срочно прикрыть. Эту задачу поручили немецкому полку. Он был включен в состав 3-й бригады и стал называться 83-м кавалерийским полком. Вслед за полком перешел в 3-ю бригаду и стал ее комиссаром А. Моор[16].

5 июня 1-я конная армия после перегруппировки нанесла мощный удар на 12-километровом участке Самгородок – Снежна и при поддержке артиллерии и бронепоездов прорвала заблаговременно подготовленную оборону противника. При этом особо отличилась 14-я кавалерийская дивизия под командованием А.Я. Пархоменко, в первом эшелоне которой наступал 83-й полк. С этого момента и до 20 августа полк находился в непрерывных тяжелых боях, вместе со всей армией наступая на Запад[17]. Он участвовал во взятии станции Бровки, городов Родомысль, Острог, Ровно, Стоянов, форсировал реки Случ, Икву, Стырь.

Из письма, отправленного А.Ф. Моором в обком партии немцев Поволжья 15 августа (последнее по времени отправки письмо, которое удалось обнаружить) узнаем, что к этому времени в полку воевало примерно 400 немцев Поволжья, т.е. они уже составляли менее половины его численности. Опять читаем знакомые фразы: «Красноармейцы… крайне не удовлетворены отсутствием живой связи с областью. Люди не получают ни писем, ни известий, ни немецких газет из дома и прямо говорят, что наша немецкая власть послала нас на фронт и тут же забыла. Я вполне разделяю их мнение и называю подобное халатное отношение… преступлением»[18].

Под Замостьем вместе с другими частями 1-й конной армии 83 полк принял на себя сильный контрудар 6-й польской армии и, понеся большие потери, отошел на восток. К концу советско-польской войны в октябре 1920 г. в боевом со-

[14] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 89-90 об.
[15] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 85 об.
[16] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 193.
[17] Гражданская война в СССР. В 2-х т. Т. 2. М.: Воениздат, С. 272 – 273.
[18] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 193.

ставе полка немцев насчитывалось уже менее 100 человек. По существу полк перестал быть немецким и по национальному составу уже практически не отличался от своих соседей.

В дальнейшем 83-й полк в составе 1-й конной армии совершил 600-километровый марш из Бердичева под Каховку на Южный фронт. В октябре – ноябре он участвовал в боях с врангелевскими войсками в Северной Таврии, в Крыму, зимой 1920-1921 гг. очищал от махновцев Приазовье.

Завершая рассмотрение боевого пути кавалерийской части немцев Поволжья (сначала бригады, потом полка), можно сделать вывод, что в условиях ожесточенной и динамичной гражданской войны, развернувшейся на больших пространствах, когда быстро и подчас коренным образом менялась политическая и военная обстановка, неустойчиво работали транспорт и связь, маленькой автономной области немцев Поволжья было просто не под силу обеспечить нормальную жизнедеятельность своих национальных частей. Как показала практика немецкой кавалерийской бригады, руководство Области немцев Поволжья не могло не только снабжать ее национальным контингентом, но даже поддерживать с ней элементарную связь, переправлять военнослужащим письма от их родных и близких. Поэтому-то у всех немецких частей одна судьба – они постепенно теряли свой национальный характер, становились обычными воинскими частями.

Сведения об авторе:

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии Саратовскогонационального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: a.a.german@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКОЙ САМООБОРОНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ, КОНЕЦ 1918 - НАЧАЛО 1919 ГГ.

Аннотация. В статье рассматривается формирование и деятельность польских военнизированных отделов на оккупированной территории Литвы и Беларуси, которые создавались с целью защитить интересы местного польского населения и как авангард польской регулярной армии на заключительном этапе Первой мировой войны. Исследование охватывает вопросы их внутренней организации, политико-административного управления, милитарной деятельности, а так же взаимоотношения с представителями других национальных групп на данной территории.

Ключевые слова: самооборона, милиция, Обер-Ост, Первая Мировая война, советско-польская война, Польская военная организация, Генеральный штаб, восточные кресы, демаркационная линия.

Abstract. The article deals with the formation and activities of Polish military units in the occupied territory of Lithuania and Belarus, which were created to protect the interests of the local Polish population and as the vanguard of the Polish regular army at the final stage of the First world war. The study covers the issues of their internal organization, political and administrative management, military activities, as well as relations with representatives of other national groups in the territory.

Key words: self-defense, police, Ober-Ost, World War I, Soviet-Polish war, Polish military organization, General Staff, eastern borderland, demarcation line.

А.Н. Чернякевич (Гродно, Республика Беларусь)

Формирование отрядов польской самообороны на территории Беларуси началось еще летом - осенью 1918 года с целью защиты местного польского населения от нарастающей волны анархии и насилия. Почти пятнадцать лет спустя Роман Скирмунт так вспоминал период немецкой оккупации: «…Следует признать, что приход немцев в Беларусь принес краю, пускай и на короткое время, некоторые порядок и спокойствие. Стоит быть справедливыми даже в отношении к врагу – армия Фалькенхайна, как для военного оккупанта, вела себя сдержано и порядочно, оставив после себя среди местного населения не самые горькие воспоминания»[1]. Ситуация коренным образом изменилась вместе с эвакуацией немецких войск.

В этот период в польской прессе регулярно появляются сообщения с описанием бесчисленных жертв анархии на территории Беларуси. Главным образом, речь шла о землевладельцах из Могилевской и Минской губерний, среди которых значительное количество составляли как раз поляки. Например, «Kurjer Polski» писал о том, как местные крестьяне обезглавили хозяина фольварка и его гостей, а окровавленные туловища усадили возле стола, поставив перед каждым тарелку с его головой и никому не разрешали похоронить мёртвые тела. Газета «Czas» доносила об убийстве владельцев имения Лисичин Борисовского уезда, где нападавшие «разграбили всё дочиста, постройки сожгли, а хозяев убили одним и тем же способом – отрубили головы, надругавшись сначала над женщинами…». «Kurier Lwowski» опубликовал подробности гибели хозяев имения Дудари, которым живым вырезали кожу, а после раненых утопили в пруду. «Польскость, которую не сумели задушить Новосильцев, Муравьёв, Коханов, Клигенберг и другие

[1]Kurjer Nowogródzki. 12.1.1932. № 8. S.2.

преследователи нашего народа, - констатировала газета «Czas», - сегодня гибнет от рук диких большевистских орд. … Достояние культурной работы целых веков гибнет в пламени огня. Гибнут поляки, гибнет национальная собственность»[2].

Главными центрами организации самообороны в Беларуси стали Минск, Вильно, Лида и Гродно, а основным ядром самообороны первоначально стали офицеры и солдаты бывшего I-го польского корпуса генерала Юзефа Довбор-Мусницкого, распущенного в мае 1918 г. по распоряжению немецких властей[3].

Анджей Брохоцкий, один из организаторов самообороны в Щучине, позже вспоминал: «После того, как корпус генерала Довбор-Мусницкого был распущен, я с первым же эшелоном отправился домой. Вначале, немцы вывезли нас в Ковно, где мы вынуждены были просидеть почти неделю карантина, после чего каждый из нас получил проездной билет к ближайшей от своей местности железнодорожной станции. Таким образом, совершенно неожиданно, после трех лет отсутствия я вернулся в имение Мало-Можейково. Точно так же и многие другие «довборчики» вернулись в край»[4].

Кроме того, на территории Беларуси развивалась конспиративная деятельность Польской военной организации (ПОВ). Уже в октябре 1918 года в Минске, Бобруйске, Жлобине, Барановичах и Бресте действовали местные организации ПОВ. В начале ноября 1918 года в задачу ПОВ в основном входил оперативный сбор информации. Были созданы разведцентры в Калинковичах, Жлобине, Шатилках, Динабурге и Гомеле. Интенсивно велась агитация среди польского населения, а большинство местных польских организаций находилось под доминирующим влиянием ПОВ. Так, например, одним из членов гродненской организации ПОВ был президент Гродно Эдвард Листовский[5].

Сами же отделы первоначально формировались по принципу милицейских формирований и должны были служить защитой местного польского населения от очередной «волны насилия и анархии», которая надвигалась вместе с отступлением немецкой армии. Еще в середине октября 1918 г. в Минске по инициативе генерала Бернатовича (Bernatowicz) был создан Союз самопомощи

---

[2] Цитируется за: А. Кротов «Достояние культурной работы целых веков гибнет в пламени огня»: об анатомии белорусско-польского конфликта 1918 г. // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорыны. 2011. №5(68). Гуманитарные науки. С.43-45.

[3] Историк К. Филипов пишет по этому поводу: «С момента распада Российской империи (внутреннего и внешнего) и начала революции в феврале 1917 года большинство военнослужащих польского происхождения были демобилизованы из армии, или же перешли в состав польских вооруженных формирований создаваемых на развалинах российской армии. Ситуация диаметрально поменялась с момента прихода к власти большевиков и создания Красной Армии, стремительно продвигающейся в западном направлении, вслед за уходящими немецкими войсками» // К. Филипов Война после войны: самооборона Литвы и Беларуси на рубеже 1918-1919 гг.// Военно-историческое наследие Первой мировой войны в Республике Беларусь и Российской Федерации: проблемы изучения, сохранения и использования: сб. науч. ст. / Учреждение образования «Гродненский гос. ун-т им. Я.Купалы»; Ред. коллегия: А.Н. Нечухрин, С.А. Пивоварчик, В.А. Белозорович, С.В. Донских, М.В. Мартен.Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2016. // Электронный ресурс. Код доступа: http://uctopuk.info/article/voyna-posle-voyny-samooborona-litvy-i-belarusi-na-rubuzhe-1918-1919-gg. Дата доступа: 2.4.2018.

M. Wrzosek Wojsko Polskie i operacje wojenne lat 1918-1921. Bialystok, 1988. S. 45; W. Wejtko Samoobrona Litwy i Bialorusi. Szkic historyczny. Wilno, 1930. S.7.

[4] A. Brochocki Dzieje Samoobrony w Szczuczynie Nowogródzkim (1918-1919). Wilno. 1936. S.3.

[5] A. Peplonski Wywiad w wojne polsko-bolszewickej 1919-1920. War.: Dom wydawniczy Bellona, 1999. S.107-111.

военных поляков бывших корпусов (Stowarzyszenie Samopomocy wojskowych Polaków byłych korpusów), который фактически стал организационным центром для вновь формирующихся военных частей. Кроме того, Рада Минской земли (Rada Ziemi Mińskiej) отправила своего делегата в Варшаву[6].

Одновременно, 5 ноября 1918 г., союзом Польской демократической политики (Stronnictwo Polskiej Polityki Demokratycznej) был представлен Регентской Раде (Radzie Regencyjnej) меморандум, с требованием добиться у немецкой администрации разрешения на создание местным населением «собственных органов охраны общественного порядка с достаточно сильной милицией». Еще один меморандум под названием «Об организации в Литве и Беларуси основ тайных воинских отрядов», был подготовлен уже позже начальником VI Информационного отдела Генерального Штаба майором Мячеславом Мацкевичем (Mieczysław Mackiewicz) и основывался на опыте, полученном после вооруженных столкновений с украинцами за Львов. Согласно разработанной М. Мацкевичем памятки отделам самообороны «во время столкновения с большевиками или иными врагами необходимо их стихийно уничтожать методами партизанской борьбы, защищать жизни и имущество местного польского населения. В случае подхода значительных сил противника сосредоточиться и начать отход в сторону и вглубь страны»[7].

Однако, из-за нехватки оружия, финансов и просто – времени, отделы польской самообороны в Минске фактически так и не были организованы[8]. Кроме того, германское командование в условиях экстренной эвакуации достаточно категорически высказалось относительно того, что не потерпит присутствия «в поле зрения немецкой армии» никаких вооруженных сил. Попытка же поляков объединиться с местными белорусами и организовать общий антибольшевистский фронт закончилась ничем. В итоге, на общем собрании комитета самообороны и представителей ПОВ было единогласно принято решение минскую самооборону распустить, а уже существующие формации под командованием полковника Коборды отправить в центральную Польшу, где уже начинала формироваться так называемая Литовско-Белорусская дивизия генерала Ивашкевича[9].

Примерно в это же время выявился «классовый» характер будущих формирований, что было воспринято далеко не однозначно всеми его членами. На прошедшем в Вильне съезде землевладельцев принимается решение о введение внутреннего налога, средства от которого должны были пойти на местную

---

[6] В состав правления Союза вошли генерал Бернатович – председатель, полковник Малиновский, полковник Коборда и подполковники Парафьенович и Бржозовский. В результате 28 октября 1918 г. декретом генерала Разводовского генералу Вл. Вейтко было поручено взять на себя руководство всеми частями самообороны Литвы и Беларуси, а полковник Коборда назначался начальником самообороны Беларуси. // W. WejtkoSamoobrona... S.9.

[7] К. Филипов Война после войны…

[8] В своем письме от 10 ноября 1918 года главный врач польского Красного креста в Минске замечал: «…Самооборона вероятно не будет создана, так как минские «зубры» так и не решились, а без денег ничего не удастся сделать…» // InstytutJózefaPiłsudskiegowAmeryce (IJP). Zespół: Adiutantura Generalna Naczelnego Wódza. Teczka 701/2/1. L. 55. [Электронны рэсурс] // www.pilsudski.org. Рэжым доступу: http://archiwa.pilsudski.org/dokument.php?nonav=0&nrar=701&nrzesp=2&sygn=1&handle=701.180/4991. Дата доступу: 3.04.2018.

[9] Вл. Вейтко пишет о 1929 солдатах минской самообороны, которые позже были зачислены в Минский полк дивизии // W. WejtkoSamoobrona... S. 10-11, 16-17; А. Латышонак Жаўнеры БНР. Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства; Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2009. С.66-67.

самооборону. Кроме того, представители местной польской знати сами принимают участие в формировании польских отделов: граф Ян Тышкевич, один из её непосредственных руководителей, на собственные средства организует эскадрон уланов и сам вступает в него в качестве рядового; граф Красицкий – поддерживает самооборону финансово. И хотя подобный шаг был вполне оправдан и более чем своевременен, в условиях нарастающей революционной пропаганды, он только ещё больше укрепил за формирующимися отделами стереотип «панских». Вместе с тем, среди польской части жителей Вильны полным ходом шел сбор средств и одежды в пользу самообороны, проводились благотворительные вечера, разворачивалась агитационная работа среди раненых и беженцев. Причем большую часть работы берут на себя местные польские патриотки из старых, дворянских фамилий: Микульская, Мирская, Дзеконьская и др.[10].

В ноябре 1918 г., после своего прибытия из Минска, генерал Владислав Вейтко приступил к формированию польских отделов в Вильне. Первоначально местная самооборона опиралась на организованные еще ранее местный Союз военных поляков и конспиративные отделы ПОВ. В. Вейтко возглавил общий штаб. Его заместителем стал майор Бобятынский, а командующим военных формирований в Литве - полковник Бородич. В своей деятельности он ориентировался на Вильню и пять уездов бывшей Виленской губернии: Виленский, Свентянский, Ошмянский. Лидский и Троцкий. Главный штаб самообороны должен был располагаться непосредственно в Вильне. Одновременно формировались две оперативные группы с центрами в Лиде и Подобродах, которые под видом создания милиции занимались мобилизацией и комплектацией дружин на местах. Согласно разработанной организационной схеме всего планировалось создать 24 пехотные дружины и 12 конных отрядов, общей численностью в 2,5 тысяч человек. В итоге, однако, Союз военных поляков смог зарегистрировать небольшой отряд численностью в 50 человек, треть которого составляли офицеры.

Руководство самообороны всячески пытается легализовать её присутствие в зоне немецкой оккупации, для чего не только ведет неформальные переговоры с руководством Обер-Оста, но и интенсивно налаживает связи между различными польскими общественными организациями. Оказалось, однако, что несмотря на большое количество желающих вступить в ряды самообороны, без постоянной финансовой помощи её командование было в состоянии содержать лишь небольшой отряд общей численностью в полторы сотни человек, из которых треть составлял офицерский состав.

Понимая, что в сложившейся ситуации разрозненные отряды вряд ли смогут преобразоваться в регулярные части, Вл. Вейтко обращается с меморандумом к Ю. Пилсудскому, в котором просит о двух вещах: прислать как можно скорее подкрепление и зачислить персонал польских отделов в Литве и Беларуси в состав польской армии вместе с необходимым обеспечением[11]. Дополнительным резервом для формирующихся отделов самообороны могли стать поляки, служившие до этого в немецкой армии и теперь демобилизованные (в своей основной массе, это были выходцы из Познанщины). Не имея возможности выехать на Родину, они самоорганизовывались в вооруженные отделы и готовы были вступить в ряды самообороны, но на их содержание у последней просто не оказалось средств[12].

[10]W. WejtkoSamoobrona... S.12-13.
[11]W. WejtkoSamoobrona... S.17.
[12]W. WejtkoSamoobrona... S.22.

Вместе с тем, генерал Вл. Вейтко постарался установить связь с формирующимися польскими отделами в Гродно. Еще в начале ноября 1918 г., пользуясь растерянностью немецких властей, отряды польской самообороны временно занимают Сапоцкин, Индуру, Мосты. 12 ноября был создан Союз военных поляков города Гродно, который возглавил владелец имения Грандичи бывший генерал медслужбы царской армии с тридцатилетним стажем Николай Сулевский (Mikołaj Sulewski)[13].

Одновременно в начале декабря 1918 г. на польском съезде в Гродно была избрана так называемая Польская Начальная (Главная) Рада Гродненской земли. В съезде принимали также участие делегаты из Лиды, Щучина и Слонима. Председателем Рады стал ксендз Леон Жебровский, а его заместителем - Станислав Ивановский. Кроме того, в состав Рады вошел Ян Биспинг, крупный землевладелец из-под Гродно, который как раз накануне Первой мировой был приговорен к конфискации имущества и четырем годам арестантских рот по обвинению в убийстве князя Владислава Друцкого-Любецкого, но был выпущен под залог[14]!

Хотя само создание гродненской самообороны, как и в других местах, проходило по принципу местной милиции, генерал Н. Сулевский особенно подчеркивал в своих донесениях, что речь идет именно о военных формированиях: «Формируем чисто воинские отряды и ничего общего с милицейскими формированиями не имеем, потому что они создаются преимущественно из евреев и иных национальностей, враждебно настроенных к польскости». Генерал добавлял, что добровольцев приходиться принимать «очень осторожно», опасаясь «инцидентов на почве большевизма»[15]. Вскоре Н. Сулевский отправляется в Варшаву, откуда возвращается 17 ноября уже с официальным назначением от имени польского Главного командования. На следующий день в гродненском фарном костеле прошла торжественная церемония присяги офицеров местной самообороны на верность Речи Посполитой[16]. К концу месяца общая численность гродненской самообороны достигла восьмисот человек, правда, основная часть людей была отправлен в Лапы в расположение польской армии, а оставшиеся около двухсот человек расположились в нескольких километрах от города в имении Коптевка[17].

---

[13]В состав Союза также вошли майор Бронислав Богатеревич, поручик Ян Шимянский, Спевак. К его задачам относилось создание военных организаций на всей территории бывшей Гродненской губернии, сбор оружия и вербовка добровольцев в регулярную польскую армию, которая формировалась в центральной Польше. Руководство гродненской самообороны идет на тесный контакт с немецким военным командованием, добившись разрешение на создании 14 польских отрядов, общей численностью в шестьсот человек. Их формирование должно было идти в Сопоцкино, Крынках, Кузнице, Друскениках, Индуре, Коптевке, Новом Дворе. Непосрдственно за вербовку добровольцев отвечали майор Б. Богатеревич, майор Ян Яцкевич, капитан Владислав Лучинский, порутчик Станислав Чучелович, братья Ян и Вацлав Шиманские // A.CzerniakewiczPrzejmowaniewladzyprzezPolakowwGrodnie (koniec 1918 r. - kwiecien 1919 r.) //Poczatkiniepodleglosci. Bialystok, 1998. S.43.

[14] Отдел редких книг и рукописей библиотеки Литовской АН. Ф.155. Д.406/1.

[15]К. Филипов Война после войны...

[16]A. Czerniakewicz ... S.44.

[17]В представленной в это же время в Варшаве генералом Вл. Вейтко записке, фигурировали немного иные цифры: виленская самооборона – 33 офицера, 2048 рядовых, 336 винтовок, 36 револьверов, пулемет, 0 (!) лошадей, 50 гранат, 2 автомобиля, 6 сёдел и 2 телеги; Гродненская самооборона: офицеров - ?, солдат – 742, винтовок – 209, револьверов - ?, пулеметов – 1, коней – 33, гранат – 5, 3 седла и 5 саней // InstytutJózefaPiłsudskiegowAmeryce (IJP). Zespół: Adiutantura Generalna Naczelnego Wódza. Teczka 701/2/1. L. 109. [Электронны

Еще три первоначально самостоятельных отряда были сформированы в бывшем Лидском уезде: лидский, щучинский и эйшишский. Организатором лидской самообороны был подпоручик Вацлав Шукевич, щучинской – кавалерийский поручик Болеслав Листовский, эйшишской - Казимир Ильцевич. Позже к организации присоединился находившийся в это время в Лиде генерал Адам Мокржецкий, который взял на себя роль почетного руководителя. Первоначально деятельность самообороны включала в себя только регистрацию бывших военных, но уже позже немецкие власти выдали восемьдесят винтовок для формирования так называемой «крайцмилиции» - поветовой милиции, главной задачей которой являлась борьба с бандитизмом. В итоге, к началу ноября лидская самооборона уже насчитывала около шестидесяти человек, которые были рассредоточены по имениям вокруг города.

Позже, в середине ноября, после того как лидской самообороне удалось установить связь с Вильной, она формально входит в состав Самообороны Виленской губернии. Одновременно, в связи с тем, что немецкие части начинают оставлять уезд, самооборона организует карательные экспедиции в окрестности деревень Собакинцы, Нецечи и Белицы, с целью противостоять разграблению местных имений и созданию советов. Было проведена даже экзекуция двух руководителей - организаторов выступлений местных крестьян[18].

К моменту эвакуации немецких частей создаются вооруженные польские отряды и в северо-западной части уезда с центром в Щучине (формально – это был район Плянты). Одной из самых последних возникла самооборона в Эйшишках. Формально они выполняли функции местной поветовой милиции, которая должна была действовать вместе с немецким командыванием. В качестве знаков отличия, члены милиции использовали белую повязку на левой руке с печатью поветового управления. Как и в других случаях, главной их обязанностью было предотвращение грабежа имуществыва и противоздействие разбою. С этой целью в конце ноября самооборона осуществила несколько рейдов по окрестностям Щучина.

А. Брохоцкий позже вспоминал: «В двух из этих патрулей я лично принимал участие. Имея в своем распоряжение четырех конных солдат, вооруженных ружьями, я сделал круг из Щучина до Ищельни, дальше к Желудку и обратно в Щучин. Когда мы проезжали через рынок в Желудке, все евреи выбежали и с огромным уважением присматривались к нам. В Ищельне ксендз Красодомский с местными хозяевами встретили нас овацией, как первых польских легионеров… Сразу же в повете загудело, словно в улье. Коммунисты подняли тревогу, что «паны» организовали войско для того, чтобы защищать свои имения. Но самое

рэсурс] // www.pilsudski.org. Рэжым доступу: http://archiwa.pilsudski.org/skan.php?nrar=701&fondpath=701-002&folderpath=701-002-001&pic=701-002-001-109.jpg. Дата доступу: 3.04.2018..

Совсем инного мнения по поводу гродненской самообороны был А. Брохоцкий, когда писал: «…Там все было в зачаточном состоянии… Кроме того, что с самого начало здесь не сложились отношения с немцами, так ещё и сами организаторы были людьми в возрасте, видимо не слишком уверенные в успехе всего дела» // A. Brochocki Dzieje Samoobronyw Szczuczynie Nowogródzkim... S.20.

[18] Ю. Дзічканец Самаабарона лідскай зямлі. Другое выданне. «Ziemia Lidzka», 2010 // Электронный ресурс. Код доступа: http://pawet.net/library/history/city_district/war/sobronby/Самаабарона_лідскай_зямлі.html, Дата доступа: 2.4.2018.

См. также: R. Kuwalek, W. Naryszewicz Samoobrona ziemi Lidzkiej // Ziemia Lidzka. 1992. № 8/9, 10, 11, 14.

удивительное, что такого же мнения была и часть польской общественности и даже землевладельцы, которые считали, что не нужно вовсе создавать никакой армии. По их мнению, такие местные отделы *volensnolens* будут вынуждены отвечать за порядок в повете, а поэтому еще до своей организации вызовут волну революционной агитации. Особенно в этом смысле отличилась гмина Василишки, которая дала меньше всего добровольцев. Общее возмущение только возросло, когда мы начали арестовывать и сажать в тюрьму по подозрению в бандитизме. Немцы нам не мешали и даже были довольны, что всю нашу энергию мы направляем против бандитов…»[19].

К середине декабря 1918 г. местная самооборона насчитывала уже около семидесяти человек. На вооружении отрядов находились главным образом старые немецкие или русские ружья с ограниченным боезапасом. У лидской самообороны имелось еще около тридцати ручных гранат.

Деятельность самообороны совпала с периодом формирования структуры самой польской армии. 12 ноября 1918 года Ю. Пилсудский принял руководство армией на правах главнокомандующего, 14 ноября - функции высшей исполнительной власти в стране, а уже 24 ноября польским правительством он был назначен Начальником государства с широкими правами в области законодательства. Руководство польской армией осуществлялось Верховным командованием и Министерством военных дел, а роль территориальных органов военной власти первоначально выполняли территориальные инспектораты. В первой половине ноября 1918 года была предпринята попытка организовать военную администрацию на территории собственно Беларуси, находившейся под немецкой оккупацией, в связи с чем полковник Е. Погожельский был назначен комендантом военного округа в Бресте, а подполковник В. Подгурский - в Гродно, но из-за противодействий немецкой стороны уже 17 ноября 1918 года локальные инспектораты были упразднены[20].

Принципиальное значение на начальном этапе создания органов польской гражданской администрации по делам бывшего Великого княжества Литовского заключалось в вопросе, как следовало рассматривать эту территорию: как объект внутренней или внешней политики Польши. Литовская комиссия и Комитет по восточным делам, представлявшие интересы местного польского населения и консультировавшие правительство Е. Морачевского на рубеже ноября - декабря 1918 года, разделились в своих взглядах. Литовская комиссия настаивала на том, чтобы формированием аппарата гражданского управления восточных земель занималось Министерство внутренних дел, тогда как проект председателя Комитета по восточным делам М. Гандельсмана предполагал подчинение будущего Департамента по делам Литвы, Беларуси, Украины и прибалтийских государств Министерству иностранных дел[21]. Предпочтение было отдано второму варианту, и уже в середине ноября 1918 года в состав политической секции польского Министерства иностранных дел вошёл Восточный отдел. На заседании Совета министров 16 декабря 1918 года был создан Литовско-белорусский департамент, который 21 декабря возглавил видный польский историк Л. Колянковский. Департамент состоял из двух секций - политической и

---

[19] A. BrochockiDziejeSamoobronywSzczuczynieNowogródzkim... S. 17-19.

[20] M. Wrzosek Wojsko Polskie i operacje wojenne lat 1918-1921. Bialystok, 1988. S. 44, 93-113.

[21] J. Gierowska - Kallaur Problemy polskich struktur panstwowych na terenie bylego Wielkiego Ksienstwa Litewskiego // Rok 1918. Odrodzona Polska w nowej Europie. War.: Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 1999. S.143.

организационной. Политическая секция включала в себя отдел прессы и отдел права и статистики. Отдел прессы отслеживал развитие национального движения народов бывшего Великого княжества Литовского, а отдел права и статистики занимался разработкой правовой базы польской политики на этих территориях, а также подготовкой финансового законодательства, вопросами государственного хозяйства, коммуникаций и самоуправления на восточных землях. Задача организационной секции заключалась в надзоре и опеке над беженцами с территории Литвы и Беларуси[22].

Тем временем, после германской революции Советская Россия объявила все ранее подписанные соглашения с Берлином недействительными. Уже к концу ноября 1918 г. совеские части занимают Полоцк, Дриссу, Бобруйск, 10 декабря части Западной стрелковой дивизии, в значительной степени сформированные из польских коммунистов, вступают в Минск. Медленнее большевистское наступление развивалось на Полесье, где германское командование старалось сохранить контроль над железной дорогой, чтобы обеспечить эвакуацию своих частей с Украины[23].

С другой стороны, вдохновленные известиями из Варшавы, в Бресте польский Гражданский комитет сам начинает подготовку к выступлению против оккупантов, рассчитывая на поддержку познанцев, служивших в немецкой армии, и помощь польских крестьян из-за Буга, которые имели виды на немецкие военные склады с оружием, продовольствием и сельхозинвентарём стоимостью в несколько миллионов марок. Но германское командование сумело быстро восстановить порядок на стратегически важном участке фронта, и от планов вооруженного выступления на этом направлении пришлось отказаться[24].

Кроме Польши и большевиков, права на центральные белорусские губернии оспаривали Литовская Республика и правительство Белорусской народной республики. Но если последнее было институтом эфимерным по своему влиянию, то Литва ощущала за собой поддержку Германии и активно пыталась реализавть это преимущество, закладывая основу будущей государственной администрации на территории немецкой оккупации. Тогда же начинается формирование белорусских частей в составе литовской армии, местом дислакации которых должны были стать Белосток и Гродно. Кроме того, действия польских организаций подтолкнули к созданию своего представительства местное православное население (например, в Гродно по инициативе епископа Владимира была создана так называемая Гродненская русская (после сменившая название на белорусскую) Управа).

Вскоре виленская самооборона фактически выходит из подполья. Её представители даже вступают в переговоры с немецким комендантом города. Одновременно, 8 декабря, Ю. Пилсудский назначает генерала Вл. Вейтко командующим всех отделов самообороны Литвы и Беларуси, а также «всех других военных польских частей» на этих территориях. Кроме того, созданный накануне из наиболее влиятельных представителей местных польских элит Комитет защиты окраин (Komitet Obrony Kresów) выделяет на виленскую самооборону 375 тысяч марок. Не удивительно, что виленская самооборона начинает интенсивно

---

[22] G. Lukomski, R.E. Stolarski Walka o Wilno. Z dziejow samoobrony Litwy i Bialorusi 1918-1919. War., 1994. S.28.

[23] С. Трацціяк Лістападаўская рэвалюцыя 1918 года ў Германіі і Беларусь. // Беларусь у XX стагоддзі: Сборник научных трудов. Вып.2. Мн., 2003. С.312 – 314.

[24] A. Deruga Geneza umowy Bialostockiej z 5 lutego 1919 r. // Rocznik Bialostocki. Bialostok. 1966. T.VI. S.66, 69.

развиваться только со второй половины ноября, после того, как генералу Вл. Вейтко удалось установить связь с Варшавой. Польским Главным командованием была проведена реорганизация структуры самих отделов и налажено их снабжение, в том числе за счет оружия и провианта, которые приобретались непосредственно у немцев. Вместо прежних милицейских формирований создается бригада Самообороны под командованием Бородича, а оперативные группы переименовываются в полки. Полк в Подбродах перешел в распоряжение полковника Зубрицкого, полк в Лиде – генерала Адама Мокржецкого, а их общая численность выросла до тысячи человек[25]. На конец декабря польская самообороны в Вильне состояла из эскадрона виленских улан под командованием ротмистра Владислава Домбровского, пяти батальонов и так называемого Офицерского легиона.

23 декабря генерал А. Мокржецкий покидает Лиду, и командование переходит к Менецкому. В это время 2-й лидский отряд насчитывал уже более двухсот человек. В него входили: 5-я лидская дружина под командованием В. Шукевича, 9-я конная группа С. Крыделя, 6-я радуньская дружина К. Ильцевича, конная группа К. Йодки, 7-я щучинская дружина Б. Лисовского, 10-я конная группа С. Брохоцкого[26].

В конце 1918 года, в преддверии Парижской мирной конференции, перед Польшей стояло несколько возможных способов решения вопроса восточных границ: использование собственных военных сил, дипломатическая интервенция стран Антанты и, наконец, формирование военных частей непосредственно на территории Беларуси, которая все еще оставалась под немецкой оккупацией[27]. Однако западные державы продолжали надеяться на падение большевиков и восстановление «белой», а значит, союзной России. Они учитывали также перспективу сотрудничества с возникшими под протекторатом Германии Литвой и Украиной и рассматривали претензии Польши на земли бывшего Великого княжества Литовского как «империалистические».

В результате, почти с самого начала инициатива в решении «белорусского вопроса» находилась в руках военных, а формирование институтов польской администрации на территории Беларуси напрямую зависело от событий на польско-советском фронте. Уже 12 декабря 1918 года проект оккупации польской армией территории Литвы и Беларуси обсуждался на заседании Совета министров Польши. Но только в конце года польским командованием были предприняты попытки закрепить своё военное присутствие на оккупированной немецкими войсками территории. Накануне в Варшаву прибывает делегация из Бреста с просьбой о военной помощи, после встречи с которой Ю. Пилсудский решает послать туда отряд, сформированный из офицеров-легионеров – бывших узников форта Берг в Брестской крепости. Однако тот смог добраться только до Мендзыжеча. Дальше немцы его не пропустили[28]. Кроме того, 21 декабря 1918 года министр иностранных дел Л. Василевский вместе с Л. Колянковским организовали Временную правящую комиссию на округ северной Литвы, которая должна была находиться в Вильно и от своего имени назначать польских комиссаров в отдельные поветы бывших Виленской, Гродненской и Ковенской губерний.

---

[25]W. WejtkoSamoobrona... S.20-22, 27-30.

[26] Ю. Дзічканец Самаабарона лідскай зямлі…

[27] A. Juzwienko Polska a «biala» Rosja (od listopada 1918 do kwietnia 1920 r.). War., 1973. S. 61.

[28]T. Tołoczko Martyrologja wojenna ziemianstwa kresowego // Przewodnik Poleski. Brzest, 1927. S.96-97.

24 декабря 1918 года в Вильну на пост начальника штаба был прислан из Варшавы капитан Зигмунт Клингер. А спустя всего пять дней части самообороны Литвы и Беларуси формально вошли в состав польской армии. На их основе были созданы стрелковый и кавалерийский полки, под общим командованием генерала Болеслава Крейчмера. Генерал Адам Мокржецкий стал военным комендантом Вильны, а майор Станислав Бобятынский — его заместителем. Одновременно был издан приказ о мобилизации, в результате чего численность отделов только виленской самообороны возросла более чем в два раза и достигла около 1200 человек[29].

Руководство самообороны главным образом составляли бывшие офицеры русской армии. Некоторые их них окончили военную академию (генерал Александр Бернатович (1855–1920), Боровский, генерал Владислав Вейтко (1859–1933), генерал Николай Сулевский (1859–1943), Андрей Тупальский (1862–1926)) или военные училища (генерал Стефан Мокржецкий (1862–1932) и его брат Антоний (1856–1921), майор Бронислав Богатеревич (1870–1940), капитан Станислав Бобятынский (1885-?)), имели большой стаж службы и принимали участие в русско-японской и Первой мировой войнах[30].

Правда, учитывая сам нерегулярный характер формирований, не меньше, чем офицерское звание здесь играли роль личные качества офицера и умение организовать вокруг себя основной костяк боевого отряда. Из таких харизматических командиров самообороны, в первую очередь, выделялись братья Ежи и Владислав Домбровские (Jerzy (1889-1940) и Władysław (1891-1927) Dąbrowscy). Их отец был генерал-майором русской кавалерии, что отчасти определило их военную карьеру. Ежи, хотя и был старшим из братьев, на момент создания самообороны оставался в звании подпоручика. До войны он успел закончить реальную школу в Выборге и поступить в московский Межевой институт. Владислав, напротив, сразу пошел учиться в кадетский корпус в Петербурге. Позже, закончив кавалерийское училище в Елисаветграде, он был направлен во 2-й Курляндский лейб-уланский полк, где в это время как раз проходил службу его старший брат (среди прочих, в этом полку с лета 1914 г. служил Станислав Балахович).

Осенью 1917 г. Владислав Домбровский вступил в польский корпус генерала Ю. Довбор-Мусницкого, где принимал активное участие в столкновениях с большевиками. После роспуска корпуса, он перебирается в имение Подольщина в Дисненском уезде, где организует местную самооборону, а уже в октябре 1918 г. вместе с братом вступает в формирующуюся самооборону Литвы и Беларуси[31].

Однако, при общем энтузиазме, которым сопровождалась организация отрядов самообороны, встречались и случаи, когда местные польские деятели уклонялись от участия в их создании. Например, бывший ротмистр 1-го уланского полка Ежи Урсун Немцевич (Jerzy Ursyn Niemcewicz) 19 декабря 1918 года писал, обращаясь к генералу Н. Сулевскому из своего имения: «С большим уважением благодарю Вас за честь, но решительно от такого отказываюсь и повязку отсылаю.

---

[29] Воодушевленное таким успехом её командование вместе с руководством ПОВ даже начали подготовку к вооруженному выступлению, но вскоре отказались от этого плана, не решившись атаковать превосходящего по силе противника // W. WejtkoSamoobrona... S. 33-34; G. Lukomski, R.E. Stolarski Walka o Wilno. Z dziejow samoobrony Litwy i Bialorusi 1918-1919. War., 1994. S.35.

[30] К. Филипов Война после войны…

[31] Старший из братьев – Ежи, от рождения страдал базедовой болезнью, что послужило причиной его прозвища – «Лупашка» // T. StrzemboszSagao «Lupaszce» pplk. Jerzym Dambrowskim 1889-1941. War.: Oficynawydawnicza, 1996. S.11-22.

Временно, когда было очень неспокойно в повете Крынки-Лунно и угрожало анархией, поэтому, с согласия немцев, организовал вооруженную милицию. Но уже три дня как таковую… распустил»[32].

С приближением Красной армии на территории, которая еще недавно находилась под немецой оккупацией, стали организовываться советы. 15 декабря Виленский Совет рабочих депутатов провозглашает себя единственной правомочной властью в городе. По сути, это было только этапом в установлениии большевистской диктатуры. Например, в Несвиже местный Ревком распорядился «взять власть в свои руки, не считаясь с другими фракциями, а Советы распустить…»[33]. Похожая ситуация была и в Слуцке, где подпольный комитет большевистской партии еще перед приходом Красной армии организовал Ревком и принял власть от немецкого командования, в обход созданного накануне Совета, в котором большинство принадлежало Бунду[34].

Желая предотвратить переход власти в городе в руки местного Совета, польская сторона обращается к представителям литовской Тарибы – временного высшего государственного органа, с предложением организовать совместное выступление против большевиков. Был даже составлен проект созыва временной городской управы, в которой были бы представлены все основные национальные группы (за исключением белорусов). Однако литовцы отказались идти на сотрудничество с польскими частями до того момента, пока Варшава официально не признает независимую Литву со столицей в Вильне. Кроме того, противником формирования польских частей выступал немецкий солдатский совет – Soldatenrat, который саботировал либо прямо срывал распоряжения высшего немецкого командования[35]. Представитель совета Циммерли выступил с требованием, чтобы самооборона сохраняла исключительно функции милиции, имея ввиду украинско-польский конфликт, который к этому моменту фактически приобрел характер полноценной войны, и не вмешивалась в вооруженный конфликт. В ответ польской стороне осталось только пообещать, что «львовских ужасов» в Вильне не повторится[36].

К концу месяца немецкие войска оставляют Лиду. Однако местные части самообороны не успели воспользоваться возможностью, чтобы занять город, так как в это время приходит приказ 2-й группе Самообороны прибыть в Вильну. Прежде чем выступить, рассеянные по всему повету части начали концентрироваться в районе имения Заполье.

Иначе выглядела ситуация в Щучине. «Немцев в городе становилось все меньше, – читаем мы в воспоминаниях А. Брохоцкого. – В конце концов остался только один конный взвод количеством около тридцати человек. Наши же силы были уже значительно больше и кто знает, не рискнули ли бы мы разоружить

---

[32]К. Филипов Война после войны...

[33]Гсудрственный арив Грдненской области (далее – ГАГО). Ф.377. Оп.1. Д.32. Лл.1-2.

[34] Борьба за советскую власть в Белоруссии 1918-1920 гг.. Минск, 1968. Т.1. С. 445, 536.

[35] Еще 30 ноября 1918 г. польская делегация в Ковно получила от руководства Обер-Оста обещание, что самообороне будет выделена финансовая и материальная помощь в такой же мере. Что и литовсокй Тарибе. Однако, виленский Soldatenrat отказался выполнять это требование и провел несколько ревизий среди местных поляков в поиске складов оружия // W. WejtkoSamoobrona... S.64.

[36] «Тень Львова» преследовала польские формирования и позже: уже весной 1919 г. министр иностранных дел Великобритании Артур Бальфур высказал опасение, что в случае выхода из Гродно немцев там может произойти литовское восстание против поляков // L. WasilieskiJózefPiłsudskijakimgoznalem. RÓJ, 1935. S.178.

Наше утро. 30.12.1918. № 18. Л. 2; W. WejtkoSamoobrona... S.26, 35.

противника, чтобы получить его лошадей и оружие, если бы не опасение поставить в трудную ситуацию гродненскую самооборону, где еще находилось много немецких войск»37.

В это время, в ночь с 31 декабря на 1 января 1919 г., отряды польской самообороны осуществляют попытку занять Вильну[38]. Ксендз Валериан Мейштович позже вспоминал: «Декабрьский грязный снег на Лукишской площади в Вильне. Перед зданием суда на фоне стен святого Якуба несколько сот кавалеристов выстроенные в две шеренги. Каждый по другому одет, вооружен, разномастные кони, седла. Перед ними осаживает на задние копыта прекрасного каштанового скакуна Ежи Домбровский. И выкрикивает обращение из четырех слов: «Ребята! Родина! Большевики! Так их мать!» После чего отдает приказ: «От правого тройками-марш»[39]!

Немецкие патрули в центре города были разоружены, занята Ратуша, а чуть позже - и вокзал. В ответ германское командование вступило в переговоры, согласившись передать город польской стороне и установив временную демаркационную линию. Одним из главных противников самообороны стали местные большевики. Отряд самообороны в составе Офицерского легиона под руководством ротмистра Ежи Домбровского вечером 1 января попытался взять штурмом здание по ул. Вороньей, где находился виленский городской совет рабочих депутатов, но столкнулся с упорным сопротивлением. Осажденные защищались почти сутки и сдались только к середине следующего дня, причем несколько коммунистов, чтобы не попасть в руки противника, покончили с собой. Польские потери составили одного убитого и четырех раненых[40].

Уже 2 января к Вильне начали подходить основные части Красной армии. Генерал Вл. Вейтко отдает распоряжение организовать оборону подступов к городу, сконцентрировав часть сил (полк виленских улан, 3-й батальон и Офицерский легион) в районе Новой Вилейки. В самой Вильне при этом оставались часть кавалерийского отдела, два батальона самообороны и небольшие разрозненные патрули, под общим командованием Владислава Домбровского.

4 января, столкнувшись с частями Псковского полка Красной армии под Новой Вилейкой, поляки были вынуждены отступить. Одновременно большевики начинают наступление на саму Вильну. Отброшенным на улицы города отделам самообороны, которые закрепились в районе Заречья-Антаколья, теперь приходилось вести бои не только с большевиками, но и с немцами. К этому времени большевики заняли господствующие высоты, в том числе – так называемую Гору трёх крестов, откуда начали артиллерийский обстрел польских позиций...

К вечеру 5 января по приказу главного командования отряды самообороны отходят в сторону Лендварова, с тем, чтобы попытаться пробиться на соединение с формирующимися частями польской армии в центральной Польше. Однако командование самообороны – генерал Вл. Вейтко и капитан Клингер, оказались изолированы немцами, которые все еще оставались в пригороде Вильны.

---

[37]A. BrochockiDziejeSamoobronywSzczuczynieNowogródzkim... S.30.

[38] Сам генерал Вл. Вейток утверждал, что приказ защищать Вильно, вопреки мнению части польских элит, он получил лично от Ю. Пилсудского // W. WejtkoSamoobrona... S.21.

[39]T. Strzembosz Saga o «Lupaszce»... S.30-31.

[40] Вл. Вейтко подробно перечисляет все трофеи, которые достались нападавшим на «Воронье гнездо»: были взяты в плен 76 большевиков. В том числе – 3 женщины и 7 немецких инструкторов (32 пленных оказались евреями, 30 – католиками, 6 – православными и 2 – лютеранами), 1100 винтовок и 600 гранат// W. Wejtko Samoobrona... S.38-41.

Последний, - как подчеркивалось позже, по своей собственной инициативе, - вступил в переговоры с противником. В итоге, 6 января было достигнуто соглашение, по которому польские части вынуждены были сложить оружие и под контролем немцев были отправлены поездами через Гродно и Белосток на станцию Лапы в расположение регулярной польской армии[41].

Однако часть самообороны отказалась подчиниться и постаралась самостоятельно пробиться через зону немецкой оккупации, двигаясь на юго-запад от Вильны, причем это решение поддержал генерал Вл. Вейтко. В итоге был сформирован отряд под командованием ротмистра Владислава Домбровского, общей численностью в триста штыков и сто пятьдесят сабель, который принял название Виленский отряд Войска польского. Уже 8 января он достиг Эйшишек, где к нему присоединился местный отдел самообороны, который как раз направлялся в Вильну. Далее Виленский отряд через Начу, Солтанишки, Заболоть, Новый Двор, Острино и Озеры направился в сторону Гродно.

«Командиры кавалерии, ротмистр Владислав Домбровсикий и его брат Ежи, - вспоминал позже историк Станислав Цат-Мацкевич, один из участников марша, - …не выполнили приказ сдаться. Вместо этого во главе двух эскадронов и батальона пехоты …выступили в сторону Гродно. По примеру большевиков, они сажали свою пехоту на реквизированные сани и так везли её вслед за кавалерией. Это был отдел напоминающий собой архаичное шляхецкое «посполитое рушение». Среди кавалеристов были почти исключительно землевладельцы и застенковая шляхта на собственных лошадях на самых различных седлах и с самым различным вооружением; было там около семи типов винтовок и выдавалось около семи типов амуниции. Пехота же состояла из гимназистов и виленских рабочих»[42].

В это же самое время 2-й отряд самообороны, в который входили главным образом лидская и щучинская дружины, не получив дальнейших инструкций, решает действовать самостоятельно. Из имения Заполья он выдвигается в сторону местечка Василишки и дальше - к имению Лебедка возле Мало-Можейкова. Общая его численность составляла 164 человека пехоты и 33 кавалериста. Отсюда, перегруппировавшись, 9 января они выступили на Лиду, которую накануне заняли большевики. Двигаясь с трех направлений, поляки заняли город, но, не сумев разоружить основные силы противника, почти сразу его оставили. В ответ неделю спустя большевики нанесли контрудар по Лебедке. Неся потери ранеными и убитыми, отдел самообороны вынужден был отступить к Щучину[43].

Дальнейшая реализация планов по присоединению белорусских земель к Польше осложнялась внутренним положением в самой стране накануне выборов в Сейм. Польский генштаб даже приступил к формированию экспедиционного корпуса, роль которого отводилась литовско-белорусской дивизии генерала В. Ивашкевича[44]. Однако польское правительство в начале января 1919 года

---

[41] Однако, по дороге в Белостоке часть этапированных оказалась ограблена немецкими патрулями.

[42] T. Strzembosz Saga o «Lupaszce»… S.34-35.

[43] Ю. Дзічканец Самаабарона лідскай зямлі…; A. BrochockiDziejeSamoobronywSzczuczynieNowogródzkim... S.37-38.

[44] Согласно приказу польского Генерального штаба от 29 ноября 1918 г., дивизя создавалась с целью “защиты Поляков и польского имущества на северо-восточных кресах…” // W. WejtkoSamoobrona... S. 62; A. DerugaGenezapolsko-radzieckiegokonfliktuzbrojnego... S. 19-23; B. Skaradzinski Fenomen litewsko-białoruskich formacji Wojska Polskiego (1918-1921) // Europa nieprowincjonalna. Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej (Belarus,

отказало генералу в разрешении перейти границу. «Без поддержки правительства, - писал в своём дневнике один из сторонников «краевой» идеологии Эдвард Войнилович, - такой отряд после первого же поражения был бы обречён на гибель, а те, кто его сформировал, т.е. польские землевладельцы, своими шеями заплатили бы за подобное представление»[45].

20 января 1919 года Л. Василевский назначил члена Главной рады Гродненской земли Станислава Ивановского комиссаром польского правительства в Гродно – фактически, последнего транспортного узла на территории Беларуси, остававшегося под немецким контролем. В задачу комиссара входило постепенное принятие власти из рук немецкого командования, однако немецкая сторона официально его полномочия не признавала[46]. Одним из первых его шагов была организация импровизированной переписи населения и сбор подписей под обращением к польскому Сейму о присоединении этих территорий к Польше[47].

«Возвращение» же Польского государства на территорию бывших восточных воеводств Речи Посполитой проходило согласно традиции исключительно символической по своему содержанию польской культуры. «124 года назад у нашего народа, — говорилось в обращении Главной рады Гродненской земли к центральным властям в Варшаве, — силою штыков захватчики в Гродно вырвали свободу. Прошли годы поражений, годы национального позора; наша земля пропиталась кровью борцов за свободу Польши, однако наш дух так и не был сломлен. Теперь же народ в момент, когда можно высказать свою несломленную волю, перед Богом и всем светом подтверждает, что он — польский и к Польше… принадлежит. Кровь, пролитая сынами Польши в борьбе за свободу на всех концах света, является лучшей гарантией свободы и развития края и народов, которые входят в состав Речи Посполитой»[48].

Тем временем в самом Гродно происходит неофициальная встреча между находящимся здесь главой правительства Белорусской народной республики Антоном Луцкевичем и членом польской Станиславом Ивановским. Белорусскому премьеру было заявлено, что теперь все поляки желают любой ценой присоединиться к Польше. Краевая же идея – создание государства в границах бывшего Великого княжества Литовского со столицей в Вильне, где все народы пользовались бы равными правами, могла бы иметь вес только в случае, если бы за ней «стояло несколько корпусов армии». Теперь же о ней все забыли[49].

Уже позже, во время переговоров между представителями местных белорусских и польских организаций, один из польских делегатов не удержался, чтобы не задать вопрос относительно того, что «может быть, у белорусов душа

Litwa, Lotwa, Ukraina, wschodnie pogranicze III Rzeczypospolitej Polskie) w latach 1772 - 1999 / Praca zbiorowa pod redakcja K. Jasiewicza. - War. - Londyn, Instytut Studiow Politycznych PAN, 2000. S.895-904.

[45]E. Woyniłowicz Wspomnienia 1847 - 1928. Wilno, 1931. S.220, 222, 223.

[46] G. Lukomski, R.E. Stolarski Walka o Wilno... S. 28; Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawe. Wojskowe Biuro Historyczne 400. 3194. Relacja Stanislawa Iwanowskiego z jego udzialu w pracach Samoobrony w Lidze i Grodnie oraz z dzialalnosci w Komisariacie Rzadu w Grodnie. S.13-14.

[47]Были выбраны три депутата от Гродненщины, но польский парламент не признал их полномочий // BibliotekaPublicznam. st. Warszawy. Dział Starych Druków i Rekopisów. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich.

Akc. 1724. S.28; Ibid. Akc. 1725. S.3.

[48] H. Tarłowski Grodno w czasie zmartwychwstania Polski // Krajoznawstwo. Grodno. 1939. S.3.

[49] Там же. ... ст. 219.

больше лежит к большевикам, чем к Польше?» «Нам хорошо известно, что несут нам большевики, — был ответ. — Однако нам не известно, что думают делать с Беларусью поляки…»[50] Характерно в этой связи выглядела позиция самого главы правительства БНР. Будучи в Гродно, в своем дневнике Антон Луцкевич записал: «…Большевизм (само собой, если он не станет править во всем мире, а до этого, кажется, еще рано) можно сравнить с детской болезнью корью или другой, (которой) ребенок должен переболеть, но после от нее и следа не останется. Наоборот: если б хотя бы на некоторое время у нас к власти пришли бы поляки, то эта болезнь въелась бы в кровь и кости нашего народа аж до десятого поколения. Единственный *antidotum* против польскости — это большевизм»[51].

В результате, когда неделю спустя утренние газеты принесли известия о том, что Вильну заняли большевики, тот же Антон Луцкевич записал в своем дневнике: «…При других условиях, это бы вызвало общую печаль, но теперь мы искренне радуемся: так как это единственное спасение от польского владычества...»[52].

Разворачивается своеобразная психологическая война. Если местная русскоязычная (еврейская) пресса регулярно сообщала об антисемитских эксцессах, которые сопровождают продвижение польских частей на восток, то польские издания, например, печатали заметки на тему принудительной социализации в Советской России молодых женщин[53]. Общие настроения, царившее в городе, передают несколько строк из газеты: «Не надо войны, не надо междоусобиц. Литва ли, Беларусь, Польша или Россия — для нас это должно быть не символом грубой силы и самовластия, а символом права и торжества, торжества идеи и разума»[54]. В другой статье «Наше утро» добавляло: «…Ни одна программа не должна нас слишком напугать, даже и диктатура пролетариата не так страшна, как ее рисуют, лишь бы прошла фильтр законодательный…»[55].

В середине января к Гродно приближается Виленский отряд Польской армии, под командыванием майора Владислава Домбровского, который после неудачной попытки отстоять Вильну, двинулся на соединение с частями гродненской самообороны. Более того, польское Главное командование поручает Вл. Домбровскому опередить приближающиеся передовые части Красной армии с тем, чтобы занять гродненскую крепость и удержать до подхода основных польских сил мосты через Неман. Одновременно, со стороны Слонима, к Гродно приближаются части Красной армии. Единственное, что пока сдерживало большевиков и поляков от попыток захватить город, был немецкий гарнизон крепости, который прикрывал отход 10-й немецкой армии в направлении Восточной Пруссии[56].

В итоге, остановившись в ближайшем к Гродно местечке Озеры, польский отряд первым делом разогнал местный волостной комитет. В поступившей позже от местнызх крестьян жалобе в Гродненскую управу говорилось, что войдя в местечко, «легионеры… арестовали волостной комитет, побили его секретаря Чаплина, разграбили склад с продуктами, забрали у православных коней и

---

[50]Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф.325. Оп.1. Д.22. Лл.88–91.

[51] А. Луцкевіч Барацьба за незалежнасць. Вільня Інстытут беларусістыкі Беласток Беларускае гістарычнае таварыства, 2009. С.222.

[52] А.Луцкевіч Дзённік // Полымя. 1991. № 4, ст. 221;

[53]Echo. 15.3.1919. № 52. S.2.

[54] Наше утро. 25.12.1918. №14. С.1.

[55] Наше утро. 5.1.1919. №4. С.2.

[56] ГАГО. Ф.1087. Оп.1. Д.1. Л.76; JednodniówkaKołaPOWGrodno. S. 27; ŁukomskiG., StolarskiR. WalkaoWilno.... S.22, 128,132.

коров»57. Пока отряд Виленской самообороны оставался в Озерах, заболел и попал в гродненскую больницу его командир майор Вл. Домбровский. Отряд возглавил его родной брат - Ежи[58] (в 1921 г. младший брат представит старшего к награде Orderem Virtuti Militari за «занятие в тяжелых боях местечка Озеры дивизионом Ежи Домбровского, который всегда шел в авангарде»)[59].

Примерно в это же самое время часть отдела гродненской самообороны под руководством Яна Биспинга осуществляет «пацификацию» православных деревень в окрестностях Гродно. Семь лет спустя, во время судебного процесса, сам Я. Биспинг так объяснял свои действия: «…Я был начальником милиции на Гродненщине; организовывал зачатки будущей польской вооруженной силы. Готовил территорию для будущей польской власти, стараясь показать местному населению, особенно православной части, какая разница между оккупационной властью и – своей. Но когда я узнал о том, что окрестные деревни готовят большевистское восстание, которое приведет к резне и грабежу, я взял шесть немецких солдат…, поехал и сжег собственноручно четыре дома зачинщиков. Арестовал двух человек. Одного во время допроса ранил – он умер. Я являюсь человеком решительным и в полумеры не играю, и поэтому принял решение держать деревни в страхе…»[60]!

В ночь с 15 на 16 января оккупационные власти, которые всерьез опасались потерять последнюю транспортную артерию, связывающие немецкие части на юге Беларуси с Восточной Пруссией, разоружили находившиеся в деревне Коптевка части Гродненской самообороны. Казармы в Коптевке были окружены немецким полком пехоты с двумя пулеметами, кавалерийской ротой и шестью пушками. Удалось вырваться только конному отряду поручка Чучеловича. Одновременно в самом Гродно прошли обыски, направленные против местной Польской военной организации. В первую оечередь, немцы искали склады с оружием[61]. Из Берлина пришло разрешение выдать оружие отделам местной милиции – по пятьсот ружей на повет. Воспользовавшись этим, комиссар литовского правительства в Гродненском уезде Петр Кречевский немедленно приступил к формированию списка милиционеров. Но его ждало разочерование – оказалось, что оружие будет выдано только в последний момент, перед самым уходом немцев[62].

20 января 1919 г. министр белорусских дел при литовском правительстве Иосиф Воронко издает грамоту, согласно которой Гродненский, Сокольский, Бельский, Беловежский, Слонимский, Августовский и Лидский поветы являются «частью Литовского государства». Одновременно глава БНР А. Луцкевич пишет несколько нот к дипломатическим представителям стран коалиции и

---

[57]К. Езовитов Белорусы и поляки: Документы и факты из истории оккупации Белоруссии поляками в 1918 и 1919 гг. Ковна: Изд. Ф. Скарыны, 1919. С.32-38.

[58] К. Філіпаў Партызанскія акцыі Віленскага атрада польскага войска ротмістра Дамброўскага // Помнікі гісторыі і культуры Берастейшчыны: праблемы вывучэння і выкарыстання. Брэст, 1993. С.46.

[59] T.Strzembosz Saga o «Lupaszce»... S.36-37.

[60]L. Okręt Proces Bispinga. Rój. Warszawa. Biblioteczka historyczno-geograficzna. 1926. S.30-31.

Позже во время процесса в 1926 году Ян Биспинг был оправдан за свои действия польским судом.

[61] A..Czerniakewicz ... S.46.

[62]Наше утро. 1919. №11.

правительству Германии с протестом против польских притязаний на Гродненщину и Виленщину[63].

Сами немцы, правда, не собирались обострять дальнейшие отношения с поляками. Они заключили в Озерах очередное соглашение – на этот раз с отрядом Добровского, договорившись не пересекать линию Бершты – Плянты -река Щара – Орля - Пацевичи. Оставив Озеры, Виленский отряд отступает к Щучину, куда в это же самое время стекаются разрозненые части щучинской и лидской самообороны, оказавшиеся зажатыми между немцами – на западе, и большевиками – на востоке.

Первоначально Ежи Домбровский, который теперь занимал место брата, собирался даже повторить наступление на Лиду, чтобы выбить оттуда большевиков и дождаться подхода регулярной польской армии. Но вместо этого уже 21 января он отдает приказ выдвигаться к местечку Орля в сторону реки Неман. Это вызвало недовольство сразу с нескольких сторон: Офицерский легион требовал повернуть в сторону Польши, тогда как члены лидской самообороны выступали за то, чтобы попытаться отбить их родной город. Тем не менее, Е. Домбровский настоял на своем, перенеся дислокацию отряда в район Желудок – Долгая – Орля - Липичанка. Причем при вступлении в Желудок местные евреи встретили их с красными флагами, перепутав с большевиками, что только дало повод наложить на местечко дополнительные контрибуции[64].

Всего под командыванием Е. Домбровского теперь находилось около семисот человек! 25 января 1919 года, получив известия, что немцы и большевики наращивают свои силы, чтобы окончательно уничтожить отряд, командование отряда приняло решение немедленно организовать переправу на левый берег Немана. Дальше, ведя постоянные стычки с передовыми отрядами большевиков, через Деречин, Межевичи, Ружаны и Пружаны Виленский отряд продвигался на юго-запад, направляясь к крепости Брест. По итогом марша командование отряда отчиталось о 36 трофейных пулеметах, 580 винтовках и около 700 (!) пленных. Причем в Пружанах 30 января поляки разоружили уже патруль местной украинской милиции (по условиям Брестского мира эта территории относилась к Украине). Здесь же к отделу присоединился его прежний командир Владислав Домбровский. 5 февраля поляки заняли немецкие склады в Линове, а 8 февраля – еще большие в Жабинке и непосредственно подошли к Бресту[65].

К этому времени за Виленским отделом, впрочем, как и за всей польской самообороной, уже успела закрепиться устойчивая слава «погромщиков». Объективно говоря, на белорусских землях, в связи со слабой самоидентификацией титульной нации, позиция еврейского населения во многом определяла степень польского влияния. Так, например, хотя на первой конференции сионистов в Вильне в декабре 1918 года и был заявлен нейтралитет в вопросе определения государственной принадлежности этих территорий, тем не менее, один из руководителей местных сионистов С. Розенбаум открыто выступил за пролитовскую ориентацию и сотрудничество с белорусским национальным

---

[63]Архівы Беларускай народнай рэспублікі. Кніга 1. Т.1. Вільня-Нью-Ёрк-Менск-Прага: Беларускі інстытут навукі й мастацтва, таварыства беларускага пісьменства Наша ніва, 1998.С. 314-319;T. Błaszczak Białorusini w Respublice Litewskiej 1918–1940. Rozpraw doktorska. Toruń, 2012. S.116.

[64]Хотя, вполне возможно, что история про симпатии местных евреев к советской власти могла появиться уже позже, после того, как слухи о насилии польской самообороны над местным населением попали на страницы прессы // A. Brochocki Dzieje Samoobronyw Szczuczynie Nowogródzkim... S.42-43.

[65]T.Strzembosz Sagao «Lupaszce»... S.37; K. Filipow Dzialania partyzanskie oddzialu Wilenskiego WP rtm. Dabrowskiego // Dyskusja. 1990. №2-3. S.27-32.

движением[66]. И причина была вовсе не в сантиментах по отношению к белорусам, литовцем или тем же большевикам, а, скорее, в *niechećidopolskości*. Последнее в меньшей степени относится к среде ортодоксальных евреев, которые должны, согласно наказам Талмуда, принимать представителей каждой власти[67].

«Это довольно легко, - писал в своём рапорте член британской миссии П. Райт (P.Wright), - после всего обвинять евреев за то, что они стали на стороне России. А почему они должны были поступить иначе? Польские евреи вовсе не поляки, а – евреи. Мирная конференция в 1919 году сделала из них поляков, но Венский конгресс ещё раньше в 1815 году сделал из них русских. Можно только сожалеть, что они должны всё время подстраиваться под всё новые решения великих держав. Вполне простимым кажется, что после того, как на протяжении всего XIX века они старались оставаться хорошими русскими, в веке XX им так трудно стать хорошими поляками». Некоторые из евреев, с которыми разговаривал П. Райт, высказывали искреннее удивление в связи с тем, что именно Польша, а не Германия или Россия вступила на эти территории первой. «Мне всё ещё кажется, что я сплю», – так высказался один из его собеседников, имея ввиду воскрешение Польского государства[68].

Наверняка члены польской самообороны такое отношение хорошо видели. Именно с именем Е. Домбровского обычно связываются первые антиеврейские эксцессы со стороны польских частей на белорусских землях ещё зимой 1919 года в Желудке и Пружанах. В ответ на многочисленные обвинения в совершении насилия над местным еврейским населением сам ротмистр отвечал: «Чего они от меня хотят. Ведь даже моя покойная матушка, очень верующая женщина, учила меня, что мучить евреев - это не грех…». Позже представитель Генерального Комиссара в Варшаве М.С. Коссаковский записал в дневнике разговор своего брата с рядовым из отдела Е. Домбровского: «Что ж вы за такой регулярный полк, если у вас нет даже полевой кухни? – Это только голодранцы вроде вас тащат за собой полевую кухню, – отвечал «домбровчик». – Мы ходим обедать к нашим знакомым. – К евреем? – Чаще всего. Есть они в каждой деревне. Они нас уже так хорошо знают, что стоит нашему авангарду въехать в деревню или в местечко, как евреи разбегаются по домам с криком – Пожар! Пожар!».[69]

Подписанное 5 февраля 1919 года в Белостоке польско-немецкое соглашение определило условия немецкой эвакуации с территории Беларуси. Одной из причин, побудивших немецкую сторону ускорить подписание соглашения с польским командованием, стали известия о том, что поляки «врываются на немецкие позиции», имея в виду партизанский рейд Виленского отряда. Еще три дня спустя Ю. Пилсудский издаёт декрет, согласно которому с момента начала военных операций на землях Литвы и Беларуси на этих территориях устанавливается польское Военное управление, а сами они переходят в ведение Генерального штаба и Литовско-белорусского департамента. По существу именно

---

[66]W. Jaworski Struktura i wpływy syjonistycznych organizacji politycznych w Polsce w latach 1918-1939. Warszawa. 1996. S.18.

[67] J. Szczepański Społoczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Pułtusk: Oficyna wydawnicza Towarzystwa opieki nad zabytkami, 2000. S.157.

[68]Archiwum Akt Nowych w Warszawe. MSZ. T. 9387. S.24, 28.

[69] Archiwum Polskiej Akademii Nauk. T. IV. Diariusz S. M. Kossakowskiego, 1919 r. S.271, 484.

этот декрет стал основанием для создания органов польской администрации непосредственно на оккупированных территориях[70].

Дальнейшие события развивались стремительно. Получив известие, - как позже оказалось – ложное, будто бы немцы вопреки договоренности собираются передать город и крепость украинцам, 34 пехотный полк, два эскадрона 2 и 5 уланских полков и батарея 6 полка артиллерии из группы генерала Листовского наносят удар на крепость с запада. В первую очередь польское командование стремилось овладеть Тересполем и фортами на западном берегу Буга. Однако немцем удалось остановить польское наступление. По новому соглашению, достигнутому на следующий день, поляки должны были без боя получить 9 февраля Тересполь, а затем железнодорожную станцию и крепость Брест. До этого времени обе стороны, в том числе и находившийся уже в цитадели польский отряд во главе с поручиком А. Вейтко, обязались не возобновлять военных действий[71].

Тем временем Офицерский легион Виленского отряда самообороны, ничего не зная о соглашении, 9 февраля атаковал город с северо-востока. Серьезное сопротивление немцы оказали только на станции, блокировав подступы к ней огнем бронепоезда. При штурме железнодорожного виадука погиб капитан В. Стецкевич. Не пересекая демаркационной линии, находившиеся в крепости польские части открыли огонь по вокзалу, поддерживая наступление Виленской самообороны. В итоге, уже 10 февраля немцы оставили цитадель и вокзал[72].

В этот же день в Варшаве на открытии польского законодательного Сейма посол Лимановский огласил известие о занятие отрядом Домбровского Пружан и Бреста[73]. Вся эта сцена была преисполнена символизма: возрожденное Польское государство получало не только свой первый Сейм, но одновременно и надежду на скорое присоединение северо-восточных «кресов». Брест, в глазах польской общественности, был чем-то вроде триумфальной арки, через которую лежала дорога на Полесье и земли бывшего Великого княжества Литовского. И первыми в неё вошли бывшие части польской самообороны.

Март 1919 г. на Полесье начался вместе с польским наступлением группы генерала А. Листовского в направлении на Янов и Пинск — первой широкомасштабной военной операцией никогда официально не объявленной польско-советской войны[74]. При взятии Пинска участвовал и Виленский отдел польской армии под командованием ротмистра Е. Домбровского[75]. Позднее он был

---

[70] A. Deruga Geneza umowy Bialostockiej z 5 lutego 1919 r. // Rocznik Bialostocki. Bialostok. 1966. T. VI. S.90, 180.

[71] Mała encyklopedja wojskowa. Warszawa, 1930. T.1. S.452.

[72] T.Strzembosz Saga o «Lupaszce»... S.42, 43.

[73] T. Rzepecki Sejm Rzeczypospolitej Polskiej 1919 r. Poznań, 1920. S.54.

[74] «Польское население этих Богом забытых мест, — сообщали военные донесения, — которое до сих пор не верило в существование польской армии, с энтузиазмом встречает наши отделы. Русины на коленях благодарят за кусок хлеба, которым делятся наши солдаты с умирающими от голода людьми». Однако уже в сводке с фронта за 5 марта, рядом с сообщением о взятии «среди снежной вьюги и проливных дождей» Пинска, звучали довольно беспокойные нотки о том, что «в городе польские солдаты подверглись обстрелу из домов, а некоторые были убиты ночью», в связи с чем польское командование вынуждено было применить «соответствующие репрессии» // ONiepodległą igranice. T.1. Komunikaty odziału III naczelnego dowództwa wojska polskiego 1919—1921. Warszawa-Pułtusk, 2001. S.83.

[75] Благодаря сохранившемуся дневнику С. Пинковского — польского ротного 34 пехотного полка, мы можем частично представить себе, как само вступление польской армии в город, так и некоторые из этих самых «репрессий»: «Все части располагаются на рынке рядом с бывшей коллегией иезуитов… — описывает ротный первые часы пребывания

переформирован в 3 полк уланов и, как до этого другие части бывшей самообороны Литвы и Беларуси, пополнил ряды регулярной польской армии.

Позже, характеризуя поход Виленской самообороны от Вильны к Бресту, С. Цат-Мацкевич писал: «Несмотря на свои микроскопические силы, этот отряд свободно продвигался через оккупированный большевиками край, нагоняя ужас на неприятеля. Маршал Пилсудский …позже подчеркивал, что та легкость, с какой Домбровский справился с большевиками, вызвала в нем желание начать войну за освобождение кресов»[76].

В межвоенной Польше этот короткий эпизод истории стал частью национальной мифологии, со временем породив традицию юбилеев и праздничных дат, связаных с борьбой против внешнего врага. Почти каждая местность, которая оказалась в границах Речи Посполитой и была связана с деятельностью самообороны, имела своего летопица и свой пантеон героев[77]. Кроме того, полки польской армии – лидский, виленский, гродненский, организационно связаные с самообороной, постарались сохранить этот эпизод в своей боевой биографии[78]. Активно действовали организации ветеранов самообороны и Польской военной организации...

Развязка наступила осенью 1939 г., когда списки членов этих структур послужили материалом для советских карательных органов[79]. Часть быших руководителей самообороны – Е. Домбровский, Я. Биспинг, Бр. Богатеревич и др., которые дожили до этого времени, стали жертвами большевистского террора[80]. Парадоксальным образом, однако, память о самообороне воплотилась в польском антинемецком и антисоветсокм подполье периода Второй мировой войны, а некоторые из её эпизодов почти буквально повторились. Возродился даже

польских войск в Пинске. — Тем временем появляются двое русских кирасиров в своих красивых красных мундирах и лакированных сапогах и с улыбкой начинают объяснять майору Е. Домбровскому, что они специально спрятались в одной из гостиниц, чтобы перейти на сторону поляков. Майор Домбровский вовсе их не слушает, достаёт из кобуры пистолет и на месте укладывает обоих замертво. Это производит на меня гнетущее впечатление и возмущает до глубины души. Ещё больше я начинаю нервничать, когда один из солдат моей роты стреляет и убивает на месте какого-то невинного человека, который приглядывался к нам из-за забора, после чего снимает с него сапоги…» // S. Pinkowski Wojna 1919 // Karta. Warszawa, 2001. T.32. S.16.

[76] T.Strzembosz Saga o «Lupaszce»... S.55.

[77]R. Mienicki Wilno w polskim wysiłku zbroinym. Wilno. 1930 r. Nakładem Zwiazku Organizacji b. Wojskowych w Wilnie; J. *Dziczkaniec Samoobrona* Ziemi Lidzkiej, Wyd. „Ziemi Lidzkiej". Lida 1938;O. Busz Polska Organizacja wojskowa. Rok 1918 - 1919 // Jednodniowka kola zwiazku P.O.W. Grodno, 1936. S. 26-33; A. Brochocki Dzieje Samoobrony w Szczuczynie Nowogródzkim (1918-1919). Wilno. 1936.

[78]B. Waligora B. Dzieje 85-go pulku strzelcow Wilenskich. War., 1928; J. Lisicki Strzelcy grodzienscy. 81 pulk stozelcow grodzienskich im. Krola S. Batorego. Białystok, 1995; Zarys historyi wojennej 76-go Lidzkiego Pułku Piechoty". Z polecenia Wojskowego Biura Historycznego opracowala Komisja Pułkowa. Warszawa. 1930 r.

S. Brachocki "Przedarcie się polakow z Litwy do Korony" (pryczynek do historii 13-go ulanow wilenskich). Minsk. Drukarnia D-twa Frontu Lit.-Biał. 1920 r.

[79]ГАГО. Ф.1087 . Управа Белостоцкого окружного союза ПОВ. Оп.1. Д.1-2.

[80]Оказавшись в минской тюрьме в 1940 г.Е. Домбровский подвергся особенно жестоким пыткам, как один из организаторов борьбы с большевиками в годы польско-советской войны // T.StrzemboszSagao«Lupaszce»... S.343.

легендарный «Лупашко» – бесстрашный польский партизан, только теперь этот псевдоним носил Зыгмунт Шендзелаж[81].

В новой реальности, однако, история самообороны Литвы и Беларуси повториться уже не смогла, и «проклятые солдаты» проложили свою собственную, не менее трагическую и полную драматических эпизодов колею…

[81]См.: P. Kozłowski Jeden z wyklętych. Zygmunt Szendzielarz «Łupaszka». Warszawa 2004; D. Fikus Pseudonim «Łupaszka». Z dziejów V Wileńskiej Brygady Śmierci i Mobilizacyjnego Ośrodka Wileńskiego Okręgu AK, «Most». Warszawa, 1989.

КРЕСТЬЯНСТВО И ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКОЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ

***Аннотация*.** Статья посвящена значимому вопросу знаменитого антибольшевистского восстания в 1918 г. Автор показывает роль и место крестьянского населения в восстании, которое воспринимается в историографии как рабочее. Он задается вопросом, насколько масштабным было крестьянское участие и оценивает его, исходя из своеобразного хозяйственного уклада жизни заводов на Урале. Многие окрестные деревни были хозяйственно связаны с заводами. В развитие исследовательского сюжета, в приложении помещены воспоминания местного жителя и советского активиста.

***Ключевые слова*:** Гражданская война, крестьянство, Прикамье, восстание 1918-го года

***Abstract*.** The article is devoted to a significant issue of the famous anti-Bolshevik uprising in 1918. The Author shows the role and place of the peasant population in the uprising, which is perceived in historiography as working. He wonders how large-scale peasant participation was and estimates it based on the peculiar economic way of life of factories in the Urals. Many surrounding villages were economically connected with factories. In the development of the research plot, the application contains the memories of a local resident and a Soviet activist.

***Key words*:** Civil war in Russia, peasantry, Kama region, uprising of 1918

Е.Г. Ренёв (Ижевск)

Недавно исполнилось 100 лет Ижевско-Воткинскому антибольшевистскому восстанию (8 августа – 13 ноября 1918 г.). Много работ разного плана написано на эту тему, но ряд ее основных узлов по-прежнему остается вне внимания историков. Один из них – крестьянский, говоря словами классиков марксизма-ленинизма, вопрос. Некоторым аспектам этой проблемы, насколько это позволяет наличие источников, и посвящена эта статья. Восстание в Ижевске и Воткинске принято называть рабочим – насколько это верно?

Забытая причина восстания и крестьянство

Историки разных направлений среди основных причин восстания называют недовольство населения политикой военного коммунизма, беспределом продотрядов и местной большевистской власти, выступление чехо-словаков и даже вмешательство держав Антанты. Но одна из них, весьма важная, до сих пор остается вне внимания исследователей, – это забытое и советскими, и современными историками постановление СНК о демобилизации военной промышленности от 9(22) декабря 1917 г.:

«КО ВСЕМ ТОВАРИЩАМ РАБОЧИМ РОССИИ

…Ныне Рабочим и Крестьянским правительством России заключено с центральными державами Европы, по воле Советов рабочих, солдатских и

крестьянских депутатов, перемирие, которое, вероятно, в ближайшем будущем перейдет в общий демократический мир для всех народов Европы. Само собой разумеется, что теперь изготовление предметов военного снаряжения явилось бы совершенно бесцельной тратой народного труда и достояния. Таким образом, товарищи, надо немедленно же прекратить дальнейшее производство этих продуктов и сейчас же перейти к производству предметов мирного обихода, в которых так нуждается вся страна...»[1]. Пункт 6 этого узаконения тоже ничего кроме, мягко говоря, раздражения у рабочих вызвать не мог, так как что такое отсутствие военного заказа в Ижевске хорошо знали:

«…Ввиду грозящей при остановке заводов, занятых работой на войну, безработицы настоятельным вопросом и неотложной обязанностью фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов, как местных, так и центральных, является принятие самых решительных мер к подысканию работы, к организации посылки рабочих на Урал, на север и т.п., для чего необходимы сношения с соответственными учреждениями…»[2].

Вряд ли на заводах было известно, что инициатором этого решения был В.И. Ленин, который и поставил его на заседании СНК 27 ноября (10 декабря)[3], но то, что оно было проведено именно большевиками, для них стало несомненным, когда с начала 1918 года стали неуклонно снижаться наряды на производство винтовок[4]. Более того, демобилизация рабочих с ижевских заводов началась еще до принятия этого постановления. Так, главная уездная газета 11 ноября сообщала: «С ижевских казенных заводов распущены по домам рабочие, состоящие на учете 1899, 1900, 1901 и 1902 г. Роспуск рабочих вызван сокращением работ на казенных заводах»[5].

Последствия сего были весьма показательны. Советские документы по Ижевску («Сведения Ижевских оружейного и сталеделательного заводов в Вятский окружной комитет народного хозяйства о количестве вырабатываемой продукции на заводах за 1913–1918 гг.») свидетельствуют о том, что за 1918 год у нас было произведено всего 45700 трехлинейных винтовки и 2106 карабинов против 505846 винтовок в 1917 г. (карабинов в указанном году не производилось)[6]. Можно уверенно предположить, что винтовки, произведенные за время восстания, в этом документе не отражены, но цифры все равно говорят сами за себя.

Что касается Воткинска, то его машиностроительный завод во время Великой и Гражданской войны выпускал как военную, так и гражданскую продукцию. Из последней – пароходы, паровозы, железнодорожные рельсы, изделия для мостостроения. Во время же Великой войны в мастерских Воткинского

---

[1] Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. 16 марта 1918 г. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957. 597 с. С. 196–198; Опубликовано: Газета. № 30. 12 декабря. С. 1; Правда (вечерний выпуск). № 33. 11 декабря1917 г. С. 1; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. (Для служебного пользования). № 8, ст. 108.От 23 декабря 1917г. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942.1482 с. С. 112–113.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 198.

[4] См.:*Ренёв Е.Г.* Заводы в огне. Ижевские заводы и вооружение Ижевской народной армии во время антибольшевистского восстания. Ижевск: Издательство ИжГТУ, 2014. 184 с. С. 43–45; *Ренев Е.Г*. Безоружное вооруженное восстание: производство винтовок на Ижевских заводах во время антибольшевистского восстания // Вестник РУДН. 2013. № 1. С. 32–48.

[5]Кама. № 250. 17 ноября1917 г. С. 4.

[6] ЦГА УР. Ф. Р–534. Оп. 1а. Д. 166. Л. 110 об.–111; *Ренёв Е.Г.* Заводы в огне… С. 42–43.

завода (он принадлежал Горному ведомству, Ижевские Оружейный и Сталеделательный заводы – Главному артиллерийскому управлению)) было налажено и военное производство. Несмотря на нехватку станков и материалов, «воткинцы выпустили в 1916–1917 гг. до полумиллиона шрапнельных 3–дюймовых снарядов, а с конца 1915 г. начали выпускать 3–дюймовые гранаты для горных орудий (программа выпуска предполагала 40–50 тыс. в месяц). Помимо того выпускались тротиловые и 48–мм фугасные бомбы»[7]. Однако, по упомянутому выше постановлению СНК о демобилизации военной промышленности, к лету 1918 г. производство было свернуто. Об этом особо сообщил II Вятскому Губернскому съезду советов делегат от Воткинска А.А. Казенов: «Воткинский завод заключает в себе до 30 тыс. населения и 19 цеховых организаций, где работает 7 тыс. рабочих. В этих цехах производятся плуги, паровозы, машины. Был снарядный цех, но теперь демобилизован»[8].

Именно эта «демобилизация военной промышленности», а также общее падение гражданского производства[9] не могли не привести к резкому сокращению спроса на рабочую силу. Это, в частности, выразилось в постановке Коллегией Управления Камско-Воткинского горного округа вопроса перед Союзом металлистов Воткинского завода в начале сентября 1918 г., в котором отражается беспокойство по поводу скудости финансовых ресурсов, в связи с чем говорится: «По мнению Коллегии Управления Горного округа следует сейчас же временно сократить все работы завода, кроме работ по паровозостроению, новым постройкам, насколько последние обеспечены материалом, ремонтом и жел. дороги, <…> вести только те работы, которые необходимы для окончания уже начатых паровозов <…>. Кроме этих работ, конечно, вести работы по военным заказам Штаба народной армии. Таким образом число рабочих могло бы быть сокращено почти на 75 %»[10].

Причем тут крестьяне? Русские, удмуртские и татарские деревни вокруг городов-заводов были не только поставщиками сырья (главным образом лесного) и продуктов сельского хозяйства, но и источником рабочей силы для них. А последняя на заводах Ижевска и Воткинска выросла за время Великой войны в разы. Согласно расчетам П.Н. Дмитриева, к маю 1918 г. количество рабочих на Ижевских заводах составило 26,7 тыс. человек. При этом показательна динамика изменений этого количества: «Если на Ижевском заводе в 1913 г. было 10,5 тыс. рабочих, то в сентябре 1917 г. – 34,6 тыс.»[11].Данные на 1 сентября 1917 г., представленные в донесении помощника начальника завода полковника А. Волынцевича в департамент полиции «О беспорядках, учиненных мобилизованными в поселке Ижевский завод рабочими Путиловского и Обуховского заводов» дают определенное представление о составе рабочих: «Всех заводских рабочих к 1 сентября состояло 27332 чел., мобилизованных и запасных из них – 20100 чел., в том числе 778 чел. путиловцев и 165

---

[7] *Ренёв Е.Г.* Заводы в огне. С. 92–93.

[8] Воткинск. Документы и материалы. 1758–1998. Ижевск: Удмуртия, 1999. С. 131–132, 142.

[9] См.: *Корбейников А.В.*Воткинское судостроение и Гражданская война (очерки социальной истории города и завода). Ижевск: «Иднакар». 2012. 190 с.

[10] Протоколы заседаний комитета профсоюза служащих Воткинского завода. ЦГА УР. Ф. Р-911. Оп. 1. Д. 2. Л. 79–79 об.; *Ренёв Е.Г.* Заводы в огне. С. 63–64.

[11] *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Мятеж в Ижевско–Воткинском районе. Ижевск: Удмуртия, 1992. 338 с.С.11.

обуховцев<…>»[12].Данные Волынцевича существенно отличаются от подсчетов советского историка – 27332 чел. против 34,6 тыс. рабочих, но в данном случае нас интересует динамика в целом.

По губернской переписи 1918 г. (проводилась до восстания весной – летом) число рабочих уменьшилось до 23077 человек[13].

Главным источником поступления «мобилизованных и запасных» на Ижевский завод для удовлетворения его потребностей в рабочей силе с самого его основания были близ и «не близ» лежащие деревни[14].

Та же самая картина наблюдалась и на соседнем Воткинском заводе. Здесь был менее масштабный рост численности работников: «<…> до первой империалистической войны было 4,6 тыс., в 1917 г. – 6,8 тыс., в 1918 г. – 6,3 тыс. чел.»[15]. Но колебания его тоже показательны.

При этом увольнялись в первую очередь не ижевцы, и не воткинцы, – а крестьяне из окружающих заводы деревень, что не могло не вызывать их недовольства. Помимо того, возвращавшиеся фронтовики, в том числе и сельские, когда-то с заводами связанные, имели серьезные трудности к возобновлению трудоустройства. Об этом свидетельствуют многочисленные газетные публикации и обращения в заводские канцелярии. А именно фронтовики – не только городские, но и деревенские, стали главной силой восстания как в Ижевске и Воткинске, так и в сельской местности[16].

Крестьянство в Ижевской и Воткинской Народных армиях

Тема участия крестьян в вооруженных силах восстания специально никогда не исследовалась. Разброс оценок его весьма показателен даже в зарубежной русскоязычной и англо-саксонской историографии примерно одного плана. Так, для последней главный вывод заключается в следующем, – крестьянство Вятской губернии широко повстанцев не поддержало. Причины тому таковы (по самой фундированной иноязычной работе А.В. Ретиша):

– Прикомуч (политическое руководство восстания), как и (почему-то) Временное правительство считало крестьян своими союзниками, «но рассматривало их как второсортных граждан, не способных к самоуправлению» («they were regarded as lesser citizens who could not rule themselves»)[17].

– «Прикомуч остался городским восстанием, опиравшимся на поддержку рабочих и образованной части общества» («Prikomuch remained an urban-based

---

[12]ЦГА УР. Ф.Р-534. Оп. 1а. Д. 165. Л. 461–463; ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1680. Л. 94–95.

[13]Труды ЦСУ. Т. XXVL, вып. 1–2. М., 1926. 632 с.Приложения, С. 30–3l; Лахман А.И. Во имя революции. Киров: Волго–Вятское кн. изд-во, 1981. 144 с. С. 8.

[14]См., напр.: Из Высочайше утвержденного доклада министра финансов графа Васильева «О наполнении горных заводов хребта уральского мастеровыми и рабочими людьми, также непременными работниками взамен приписных крестьян» о целесообразности включения удмуртов в число непременных работников// Ижевск: документы и материалы, 1760–2010 / Комитет по делам архивов при Правительстве УР. Ижевск, 2010. С. 72–74.

[15]*Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Указ. соч. С.11.

[16]См., напр.: Воспоминания М.И. Хлыбова о восстании против советской власти в Вавожской волости Малмыжского уезда в 1918 г. Рук.подл. (5–7 мая 1928 г.)// ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 99*Ренев Е.Г.* Заводы в огне. С. 161–167. (См. Приложение к статье).

[17]*Retish A.B.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State (1914-1922) / A.B. Retish. NewYork: CambridgeUniversityPress, 2008. 294 p. P. 187.

revolt that enjoyed support from workers and members of educated society who had supported the Provisional Government»)[18].

На чем основаны эти выводы – совершенно непонятно. Документы РГВА, ЦГА УР и ЦДНИ УР и др., с которыми работал А. Ретиш (в отличии от всех других своих собратьев), показывают достаточно широкую поддержку Прикомуча крестьянством[19] (см. приложение к статье).

Другаяая крайность – гигантское преувеличение численности крестьянских отрядов, союзных армиям Прикомуча. Началось оно с посмертной публикации воспоминаний командующего вооруженными силами последнего, или как он сам себя в них представлял, «командовавшего Ижевским восстанием, <…> бывшего полковника 13-го Туркестанского Стрелкового полка Российской Армии» Д.И. Федичкина. Закончено их написание было 5 октября 1931 г., но свет они впервые увидели после публикации в эмигрантском журнале «Первопоходник» в 1974 г. – издании почти рукописном и малотиражном[20]. К тому времени минуло 8 лет с кончины их автора. Еще через 8 лет эти воспоминания были перепечатаны получившим гораздо большую известность изданием фонда А.И. Солженицына «Урал и Прикамье (ноябрь 1917 – январь 1919 г.). Народное сопротивление коммунизму в России: Документы и материалы»[21]. В постсоветской российской историографии эти воспоминания не раз широко переиздавались или в варианте «Первопоходника», или в варианте «Урала и Прикамья…»[22] и широко и с доверием используются исследователями темы Ижевско-Воткинского восстания и сегодня.

Одна существенная (из многих) вольность издателей воспоминаний Д.И. Федичкина, продолжающая вводить в заблуждение большинство современных авторов, касается численности крестьянских отрядов, участвовавших в восстании. Так, «Первопоходник» сообщает, что против красных только «на Северном фронте

---

[18]Ibid.

[19] См., напр.: Воспоминания А.В. Кузнецова о событиях в Ижевском заводе во время восстания фронтовиков в августе – ноября 1918 г. (20 сент. 1923 г.). ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 56; Воспоминания В.А. Щелчкова, волостного военного комиссара о событиях гражданской войны на территории Больше–Кибьинской волости Елабужского уезда за 1918 г. Рук.подл. и маш. копия. 14 февраля 1928. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 103; Воспоминания Г.И. Скорихина о событиях в с. ВодзимоньеМалмыжского уезда во время мятежа в Ижевском заводе в августе–ноябре 1918 г. Рук.подл. и маш. копия. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 83; Воспоминания И. Осинцева о событиях в Ижевском заводе во время восстания фронтовиков в августе – ноября 1918 г. (23 июля 1927 г.) ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 68; Воспоминания И.С. Шемякина о событиях гражданской войны 1918–1919 гг. на территории Якшур–Бодьинской волости Сарапульского уезда. Рук. подл. и маш. копия. 24 мая 1928. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 101; Воспоминания М.И. Хлыбова о восстании против советской власти в Вавожской волости Малмыжского уезда в 1918 г. Рук.подл. (5–7 мая 1928 г.)// ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 99; *Ренев Е.Г.* Заводы в огне. С. 161–167. (См. приложение к статье).

[20]*Федичкин Д. И.* Ижевское восстание в период с 8 августа по 20 октября 1918 года// Первопоходник. 1974. № 17. С. 62–77.

[21] Урал и Прикамье (ноябрь 1917 – январь 1919 г.) : Народное сопротивление коммунизму в России : Документы и материалы / ред.-сост. и автор комм. М. С. Бернштам. Париж: YMCA–PRESS, 1982. С. 335–363.

[22] См., напр.: Гражданская война в России: Борьба за Поволжье. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. С. 193–215; *Новиков А.В.* Золотой ларец: Книга для чтения по истории и краеведению / ред. Л. Роднов. Ижевск: РИО Ижевского полиграфического комбината, 1998. С. 219–237; *Чураков Д.О*. Революция, государство, рабочий процесс: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России: 1917–1918 годы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 367 с. С. 258–350.

дралось 10 отрядов по 10000 крестьян-солдат в каждом», а «в уездах Вятской губернии Малмыжском и Уржумском было сформировано 8 отрядов по 10000 солдат-крестьян в каждом»[23], в то время как в оригинале своих воспоминаний Д.И. Федичкин приводит цифру, отличающуюся на порядки. Он пишет: «<…> в уездах Вятской губернии Малмыжском и Уржумском сформировано было 8 отрядов из 1200, бывших на войне солдат и офицеров. <…> Таким же способом было образовано у линии Северной железной дороги между городами Глазов и станцией Северной дороги Чепцы 10 крестьянских отрядов по 100 человек каждый отряд».[24]

Теперь попробуем разобраться с тем, какое участие принимало местное крестьянство в вооруженных силах восстания. Сделать это, стоит отметить, весьма непросто, поскольку прямых документов – арматурных списков, списков личного состава и т.п. сохранилось очень мало.

Воткинская Народная армия. Похоже, она в основе своей состояла из местных крестьян. Сколько-нибудь полных списков ее состава, как и Ижевской Народной армии, пока найти не удалось. Тем не менее, подсчеты, проведенные А.В. Корбейниковым по спискам раненых ее бойцов, доставленных в воткинские больницы, показывают:

«Всего раненых (в том числе и впоследствии умерших от ран), отраженных в исследованных Приказах за период с 23 августа по 2 ноября: 647 чел.,

Из них жителей Воткинска: 57 чел.; ижевцев: 13; Сарапульцев: 8; Казанец: 1.

Итого, по сохранившимся документам, в общем счете боевых потерь Народной армии горожане составили 79 человек, т. е. около 12%, а воткинцы, как потенциальные кадровые рабочие Воткинского казенного завода – лишь 9%. Иными словами, если верить спискам, то один раненый горожанин приходился примерно на десять раненых крестьян!»[25].

К этому следует добавить, что расчеты, проведенные автором этих строк по единственному на сегодня обнаруженному списку одной из воткинских частей, а именно 15-й роты, показывают следующее, – на 14 октября (скорее всего, т.к. месяц не читается, но уже указаны воинские чины) в ней числится всего 164 бойца, все деревенские и только двое из Воткинска – командир в чине подпоручика и один из младших чинов[26]. Не менее примечательно то, что первый день всеобщей мобилизации была назначен именно – на 14 октября (явка для волостей вокруг Воткинска – 15 октября). Причем приказы об этом были опубликованы днем позже, а бойцы этой роты «имели прописку» в 7 населенных пунктах района восстания, и трое из них на этот день поменяли статус – двое перешли в артиллерию, а один и вовсе был комиссован[27]. То есть воткинцы сформировали эту роту, не дожидаясь приказа о всеобщей мобилизации.

---

[23] *Федичкин Д.И.* Указ. соч. С. 72.

[24] *Федичкин Д.И. И*жевскоевозстание в период с 8 августа по 15 октября 1918 года: Написано для Hoover War Library Stanford University California командовавшим Ижевским возстанием Д. Федичкиным, бывшим полковником 13-го Туркестанского Стрелкового полка Российской Армии. 5 October 1931. San Francisco, California / Hoover institution archives. Dmitri I. Fedichkin collection. Box № 1, folderID: XX 37–8.31. С. 18–19// *Ренёв Е.Г.* Красная армия против Ижевского восстания. Осень 1918 года. *И*жевск: изд-во ИжГТУ, 2013. 282 с. С.194–223.

[25] *Корбейников А.В.* Указ. соч. С. 105–106.

[26] Подсчитано по: РГВА. Ф. 39552.Оп.1.Д. 5. Л. 2–3 об.; *Ренев Е.Г.* Вооруженные силы Ижевского восстания. С.70–71.

[27] *Ренев Е.Г.* Там же.

О крестьянском характере Воткинской Народной армии свидетельствуют и данные, опубликованные недавно М.Г. Ситниковым. Так, в частности, пермский историк утверждает: «Основную массу солдат этой армии составили крестьяне Оханского и Осинского уездов Пермской губернии»[28]. В доказательство он приводит данные о 3–м Сайгатском полке последней (один из четырех из ее состава), целиком сформированным из крестьян указанных уездов, и некоторых рот этой армии, также составленных из крестьян Пермской губернии. В частности, из крестьян деревни «Шлыковской была сформирована 8-я рота 1-го Воткинского полка под командованием прапорщика Некрасова», четвертую роту Воткинской армии составили после 19 августа жители с. Бабка[29]. Из ножовцев и крестьян–добровольцев близлежащих деревень тогда же был создан «Конный отряд имени партизана Дениса Давыдова» в 200 сабель, который «действовал на правом берегу р. Камы в составе 1-го Воткинского полка»[30].

Показательны данные следствия, которое проводилось в 1932 году, по жителям села Змиевка: «96% змиевцев служило добровольно в Воткинской Народной армии. Из 172 домохозяев 165 участвовали в восстании и только 7 ушли в Красную армию. Была проведена запись добровольцев и мобилизация в 12 роту Воткинской Народной армии, которая сразу же была направлена в наступление на село Частые»[31]. В относительно небольшой Сайгатке, где на 1909 г. проживало 1220 человек, в один из отрядов в начале сентября «вступило 91 человек», в деревне «Балабаны, что в 5 верстах от с. Альняш, добровольно вступило 22 человека. А в деревне было на 1908 год всего 33 двора, в которых проживало 97 мужчин и 104 женщины»[32].

Как сугубо крестьянский описывает облик солдат Воткинской армии, перешедшей под его начало после поражения восстания, Р. Гайда:

«Выглядели герои воткинцы печально. Потому что они долго с постоянными боями отступали, были измотаны и ночевали в жалких избах или под своими повозками, в драной гражданской одежде, обутые в разбитые лапти (лыковая обувь, прикрепляемая к ноге веревкой) и голодные <…>» (“Pohlednavotkinské hrdinybylsmutný. Jelikož bylydlouhým ústupemzastálýchbojů znaveniaspali-většinouvmizernýchchatáchnebopodsvýmivozu, vrozedranémcivilnímoděvy, obutivro-zbité laptě (lýkové pantoflepřipevněné knozeprovázky) ahladoví <…>”[33]).

---

[28]*Ситников М.Г.* Воткинская Народная армия: дневник операций и персоналии / Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. № 3 (32).с. 61–160. С. 61; *Ситников М.Г.* 3-й Сайгатский имени чехословаков пехотный полк Воткинской Народной армии / Иднакар. № 1 (18) 2014. с. 44–81. С. 57

[29]*Ситников М.Г.* Воткинская Народная армия. С. 66, 70.

[30] Там же. С. 72.

[31] Там же. С. 77.

[32]*Ситников М.Г.* 3-й Сайгатский имени чехословаков пехотный полк Воткинской Народной армии. С. 51.

[33]*Gajda R.* Mojepaměti: Generálruskýchlegií R. Gajda. ČeskoslovenskáanabasezpětnaUrálprotibolševikůmAdmirálKolčak. 4. vydání. Brno: Jota, 1996.352. S. 184.

Ижевская Народная армия.

Что касается Ижевска, расчеты по погибшим повстанцам, проведенные по «книгам мертвых» ижевских церквей[34], дали отличную от Воткинска картину. Число всех отпетых погибших по ним составило 337 человек. Собственно ижевцев среди них – 191 чел., т.е. 56,6 %; крестьян из района восстания – 51 человек, т.е. 15,1%. Остальные – выходцы из других, часто весьма отдаленных губерний (Вологодской, Костромской, Москвы и др.), социальную принадлежность которых на момент восстания определить затруднительно, но записано большинство из них крестьянами конкретных сельских поселений. При этом оказывается, что из крестьян района восстания 21 погиб в августе (25,6 % от общего числа зарегистрированных как «погибшие в бою с красноармейцами» или подобным же образом), ижевцев тогда же погибло 82 чел., выходцев из других губерний – 29 человек. Это был еще сугубо добровольческий период строительства Ижевской Народной армии. Еще 28 участников восстания из крестьян этой группы (22,4 % от общего числа) погибли в октябре – ноябре (88 ижевцев и 37 чел. из других губерний), когда была объявлена всеобщая мобилизация и трое (11%) – в сентябре (вместе с ними – 21 ижевец и 6 чел. из третьей группы)[35].

О преимущественно рабочем характере Ижевской Народной армии на начальном периоде ее формирования (конец августа – начало сентября 1918 г.) свидетельствуют данные немногих сохранившихся документов, обобщенные в нижеприведенной таблице[36]:

№№ по порядку	Название части	Общая численность	Поступившие «с завода» или «из мастерских»	Поступившие «с воли» или «не известно откуда»
1.	Мусульманский отряд	262	181 (69,08 %)	81(30,91%)[37]
2.	Кавалерийский эскадрон	119	117 (98,31%)[38]	2 (1,68%)[39]
3.	Пулеметная команда 1–го добровольческого полка	92	80 (86,95%)[40]	12 (13,04%)
4.	Пулеметная команда Чепцовского железнодорожного отряда	25	22 (88%)	3 (12%)
5.	Служащие Штаба			

[34] До сих пор не удалось обнаружить подобные данные по кладбищенской Успенской церкви, главной кладбищенской церкви для Заречной, рабочей части Ижевска. На Заречном кладбище был и мусульманский участок. По ижевским мечетям данные по погибшим среди них во время восстания тоже пока не обнаружены.

[35] *Ренев Е.Г.* Вооруженные силы Ижевского восстания. С.68; *Ренев Е.Г.* Ижевская народная армия: к определению социального состава // Глобальный научный потенциал. Санкт-Петербург, 2015. № 2 (47). С. 36–38.

[36] *Ренев Е.Г.* Вооруженные силы Ижевского восстания. С. 67.

[37] Все, скорее всего, мобилизованные, вступили в армию из заводских мастерских, кроме одного – призванного из Хозяйственного комитета.

[38] Три человека поступили с бывших фабрик И.Ф. Петрова и А.Н. Евдокимова.

[39] У одного (№ 50) указано «В заводе не работает» и зачеркнуто, второй (№ 72) – из конторы частного подрядчика.

[40] Два кавалериста поступили на службу с фабрики Евдокимова.

	армии, всего: – командование и аппарат[41] – караул и часовые	212 92 120	50 (54%) 105 (87,5%)	42 (46%) 15 (12,5%)[42]
6.	Штаб Гольянского отряда	16	7 (43,75%)[43]	9 (66,25%)[44]
7.	Контрразведка	16	16 (100%)	0 (0%)[45]

Несколько другая картина предстала перед В.М. Молчановым, когда он в феврале 1919 г. осматривал «крестьянский» (название условное, т.к. все деревни вокруг города были связаны с заводом или просто работали на нем) полк ижевцев:

«Первым я смотрел 2-й полк, составленный из крестьян деревень, окружающих Ижевск. В полку находилось 1500 штыков, пулеметная команда в 6 пулеметов, команда конных разведчиков — 40 лошадей (не сабель, так как ни таковых, ни седел почти не было, сидели на подушках). Полк был выстроен развернутым фронтом с оркестром на правом фланге. Подходя к полку, я прежде всего обратил внимание на оркестр; одеты они были грязно и пестро, один тип был в цилиндре, многие в женских кацавейках, в лаптях, валенках, сапогах, ботинках. Остановил музыку, поздоровался, ответили дружно и продолжали играть встречу<…>»[46].

Второй полк (1-й по штатному расписанию), осмотренный «последним белым генералом» был «рабочим»:

«На следующий день смотрел 1-й полк тем же порядком. Выправка несколько хуже. Состав — исключительно рабочие Ижевска, прежде не бывшие в строю. Состав — 1500 штыков. Пулеметов 8. Пулеметчики влюблены в свое дело. Настроение боевое, в бой пойдут дружно, обмануться нельзя, обещают показать, что такое Ижевцы<…>»;

Разведка же этого полка тоже была «крестьянской»:

---

[41]Пять человек, в т.ч. главнокомандующий Д.И. Федичкин вступили в армию из Хозяйственного комитета (в т.ч. две женщины), двое – из Продовольственной управы, двое – из Канцелярии податного инспектора, восемь человек – из Управления заводами, типографских работников – пятеро и т.д. (см.: *Ренев Е.Г.* Вооруженные силы Ижевского восстания. С. 143–158).

[42] Все 15 человек – гимназисты или студенты.

[43] В том числе два железнодорожника.

[44] Все – нигде не работающие, в том числе повар, квартирмейстер и каптенармус (см.: *Ренев Е.Г.* Указ. соч. С. 215– 216).

[45]Данные на 26 августа (см.:*Ренев Е.Г.* Ук. соч. С. 216).Рядом в деле присутствует другой, более расширенный список, составленный не ранее 30 августа (по дате поступившего на службу последнего человека). В нем уже 27 человек, из которых 14 (52%) уже не из заводов. В том числе трое учеников и студентов, один – городской техник, остальные – «на службе не состоял». Из всех разведчиков и контр–разведчиков только восемь человек «проходили ряды войск», среди них один поручик, один подпоручик и один старший унтер-офицер. – ЦГА УР. Ф. 460. Оп.1. Л. 171– 9.

К концу октября 1918 г. число ижевских контрразведчиков снова существенно уменьшится. Так судя по «Приказу по Управлению Коменданта № 23» на 27 октября 1918 г. на приварочном довольствии состояло всего 14 служащих контрразведки, в том числе две женщины. – РГВА. Ф. 39562. Оп.1. Д. 3. Л. 115.

[46]*Молчанов В.М.* Борьба на востоке России и в Сибири / *Молчанов В.М.* Последний белый генерал: Устные воспоминания, статьи, письма, документы / сост. Л. Ю. Тремсина. М.: Айрис-Пресс, 2009. С. 238.

«Особо отличное впечатление производит конная разведка полка — 120 шашек, солдаты исключительно казанские татары из деревень кругом Ижевска, в большинстве служившие в кавалерии, на прекрасных лошадях, прекрасное снаряжение как конское, так и людское, уставная ковка, свой отличный кузнец, 2 пулемета Люиса и 1 Максима, возимый на очень маленьких санках, номера конные. Впоследствии эта команда выполняла самые невероятные задачи боевого характера, но она обладала одним недостатком, с которым я боролся все время — любили пограбить. И когда говорили, что Ижевцы грабят — это надо было всецело относить на счет этой команды<…>»[47].

Из кого были набраны два эскадрона кавалерийского дивизиона можно точно сказать только относительно одного из них – первого. По сохранившемуся списку его личного состава времен восстания на 14 сентября 1918 года в его рядах состояло 119 человек. Все кавалеристы, кроме двух, поступили на службу из Ижевских заводов (несколько из частных фабрик Евдокимова и Петрова) или их подразделений. Только двое из другой сферы деятельности: один из них значился «в заводе не работает» (причем словосочетание это зачеркнуто), второй – как работник «к-ры [конторы] подрядчика Горева»[48].

Таким образом, политическому и военному руководству восстания не удалось провести достаточный добровольческий призыв и массовую мобилизацию крестьянского населения в Ижевскую Народную армию вплоть до конца восстания. Что касается Воткинской Народной армии, то, похоже, из всех армий не только Прикомуча, но и Комуча в целом только в Воткинске смогли организовать боеспособные крестьянские части. Причем действовали воткинцы вопреки решениям и Комуча, и Прикомуча, объявляя мобилизации самостоятельно:

«ОБЪЯВЛЕНИЕ

Прикамский комитет членов Учредительного собрания постановил.Призвать на действительную военную службу солдат призывов начиная с 1919 по 1904 год включительно.

На основании этого постановления подлежат мобилизации проживающие в пределах и в занятых деревнях Частинской волости лица, проходившие военную службу по призыву и по мобилизации и призывающиеся на действительную военную службу в следующих годах 1919, 1918, 1917,1916, 1915, 1914, 1913, 1912, 1911, 1910, 1909, 1908, 1908, 1907, 1906, 1905и 1904.

Первым днем мобилизации считается октября 7 дня.

Все лица подлежащие на основании настоящего объявления мобилизации обязаны в 1-й день мобилизации явится на сборный пункт в с. Змиевку к 10 часам утра.

6 октября 1918 г. Комендант Казанцев. С. Змиевка»[49].

Тогда как первая «всеобщая мобилизация», объявленная руководством Ижевского восстания 18 августа, отдельным пунктом предписывала: «Принудительной мобилизации в деревнях пока не производить, а допустить

[47]Там же. С. 239 – 240.

[48] Список солдат 1–го эскадрона Ижевской Народной армии, состоящих в мастерских: Оружейнаго и Сталеделательнаго заводов 14 сентября 1918 г. (ЦГА УР. Ф. Р–460. Оп. 1. Д. 3. Л. 80–90). Публ. Е.Г. Ренева / *Ренев Е.Г.* Вооруженные силы Ижевского восстания: этапы и особенности формирования. С.161–176;

[49] Цит. по: С*итников М.Г.* Воткинская Народная армия: дневник операций и персоналии / Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: По следам Ижевско-Воткинского восстания. 2016. № 3 (32). С.61–160. С. 73–74.

лишь добровольное выступление в ряды Ижевской Народной Армии <…>»[50]. Ничего не изменилось и через месяц. Так, одна из газет восстания в особой рубрике «ОБЪЯВЛЕНИЕ» 17 сентября писала: «В виду поступающих в Штаб армии запросов со стороны крестьян и сельских властей о времени и порядке мобилизации в уезде и сведений о том, что крестьяне, организованные в партизанские отряды, принуждают своих соседей так же организовываться в такие же отряды или записываться в Народную Армию. **Военный Штаб объявляет, что приказа о мобилизации граждан в уезде еще не было издано, и формирование производится исключительно на добровольческих началах** (выделено в оригинале. – авт.)»[51].

Полная же всеобщая мобилизация «в ряды Народной Армии граждан Сарапульскаго уезда и прилегающих к нему уездов, освобожденных от неприятеля<…>» была объявлена только 14 октября[52].

Приложение

ОТДЕЛ ИСТОРИИ ПАРТИИ (ИСТПАРТОТДЕЛ)
ВОТСКИЙ ОБКОМ РКП(Б) – ВКП(Б)

Воспоминания М. И. Хлыбова о восстании против советской власти в Вавожской волости Малмыжского уезда в 1918 г. Рук.[опись] подл.[инная].5–7 мая 1928 г. на 12 листах.

Описание возстания против советов в Вавожской волости, Можгинского уезда, Вотобласти в 1918 году. Составил гр-н Вотобласти, Можгинского уезда, Вавожской волости, Макар Игнатьевич Хлыбов 5–7 мая 1928 года

Возстание против советов в Вавожской волости, Можгинского уезда, Вотобласти в 1918 году.

В июле месяце 1918 года в наше село Вавож, где находилась тогда так называемая «Волостная Земская Управа» пребыла рота красногвардейцев 8-го продовольственного московского полка и сразу же разбившись по селеньям волости приступила к выкачке у населения хлебных продуктов, при чем солдаты этого отряда и их командиры сразу же повели себя слишком неблагопристойно, хлеб отбирали не у тех у кого таковаго были большие запасы, а у всех раскладывая по душам земельнаго надела; не платили ничего за взятые у граждан продукты для личнаго продовольствия, пьянствовали, безобразничали и вообще делали разные насилия.

Это некорректное отношения продотряда страшно обозлило местное население; к тому же стали в нашу волость доходить слухи из г. Ижевска и других соседних волостей, что везде и всюду продотряды безчинствуют. что за хлеб не будут платить денег, будут отбирать скот весь до последней овцы, не будут давать сеять озимь, насилуют женщин и вообще, что эти отряды выставлены не советскими властями, а есть наемники Германии, которая нас не сумела покорить

[50]Ижевский защитник. № 1. 23 августа 1918 г. С. 2;*Ренев Е.Г.* Вооруженные силы Ижевского восстания: этапы и особенности формирования. Ижевск: Издательство ИжГТУ, 2016. С. 31–32.

[51]Прикамье. № 13. Вторник, 17 сентября 1918 г. С. 1; *Ренев Е.Г.* Вооруженные силы Ижевского восстания. С. 67.

[52]Ижевский Защитник. № 22. 15 октября 1918 г. С. 1.*Ренев Е.Г.* Вооруженные силы Ижевского восстания. С. 72.

в войне, так хочет заморить и уничтожить голодом, что в Ижевске рабочие уже возстали и вооружились, что возстают уже волости ближайшие к Ижевску

Эти нелепые слухи пускаемые врагами Советской власти взволновали темное население волости, шнырявшие по волости агенты контр-революции уверяли, что всем крестянам-земледельцам необходимо вооружаться немедленно и защищать свое состояние и хлеб с оружием в руках.

Из многих селений волости стали поступать в Волостную Земскую управу письменные и устные требования о срочном собрании схода всех граждан волости; но Председатель и члены Волостной Земской Управы и существовавший в то время Волостной Военный Комиссариат оставались в нерешимости и никаких мер к собранию волостного уезда и вооружении долго не принимали, хотя и знали, что вооружились и возстали уже соседние волости Нылги-Жикьинская, Кыйлудская и Б. Учинская, из которых приезжали и требовали немедленнаго вооружения делегации.

Продотрядцы узнавшие о возстанииИжевцев и ближайших волостей постарались очистить наши территории и отправились в наш Уездный город Малмыж.

После того как вооружилась Нылги-Жикьинская волость от таковой прибыл отряд человек до 50 под командой поручика Шишкина Александра Козьмича, Начальника отряда Нылги-Жикьинской волости, с большим количеством подвод, который забрал и отправил в с. Нылгу и весь имеющийся на складе в с. Вавож хлеб; при чем также требовал срочнаго вооружения, угрожая в случае нашего отказа разгромить всю нашу волость.

Наконец числа 25–26 Августа из МалмыжскагоУезднагоВоеннаго Комиссариата было получено телеграфное распоряжение о мобилизации и представлении в г. Малмыже 33 шт. лошадей, в 3-х дневный срок, вследствии чего Волземуправе и Военкомату пришлось назначить на 28-е Августа общее собрание гр-н волости.

На собрании 28 Августа, чуть ли не с 7–8 утра явилось почти все взрослое мужское население волости, вместить которое в здание Во-лземуправы не представилось возможным а потому пришлось устроить собрание на площади у церкви собрание сразу открылось бурно. Председатель собрания был избран Вол. Военный Комиссар Лобовиков Леонид Владимирович (с. Каменнаго-Ключа), товарищем к нему Лавров Алексей Парамонович (дер. Ключевой) и секретарем собрания я, как секретарь Волземуправы; по открытию Предстедательствующим собрания и о оглашенности повестки гр-м дер. Четкеря, Лесковым Герасимом Антоновичем было внесено письменное требование о разсмотрении первым вопросом, вопроса о вооружении. Огласив таковое предложение Председательствующий Лобовиков и узнав, что все собрание желает этого вооружения тотчас же отказался категорически от дальнейшего ведения собрания и стал говорить что вооружаться не надо, что это ни к чему не преведет, поддерживали его в этом, также и я и многие граждане с. Вавожа, но собрание, большой частью пожилые и старики потребовали чтобы мы замолчали а то с нами они тут же расправятся по своему.

В тот самый момент, когда решался тот важный вопрос, как возста-ние и вооружение, на собрание прибыл из с Б. Учи, в сопровождении 2-х солдат-повстанцев Б. Учинскаго отряда агитатор по возстаниям в волостях, Аграном из с. Агрызи Шишкин и сразу взяв себе слово, поставил вопрос ребром, что давать советам лошадей не надо, а что надо сейчас же вооружаться, а то Ваша волость будет считаться врагом Ижевска и вооружившихся волостей. Выслушав это

собрание пришло и заключило срочно вооружится, выбрали делегации для посылки в г. Ижевск за оружием и снаряжением, наказав им тотчас же отправится. Кто был выбран в эту делегацию и ездил в г. Ижевск за оружием и снаряжением я к великому сожалению забыл и указать теперь не могу.

Тотчас же составился небольшой отряд из солдат стариков, которому было наказано арестовать Военкомат в лице Руководителя Логинова и Военного Комиссаров Лобовикова и Сишарева занят и охраняет впредь до сформирования отряда почту, Волземуправу и прочие учреждения. Через день же постановили назначить собрание всем гражданам до 45 летнего возврата, из которых и предположено было составить отряд, при чем было решено со всеми, кто не пожелает идти в отряд рассчитывать судом Линча, т. е. убивать на месте, безо всякого вынесения судебного приговора

В назначены день 30 Августа собрались все подлежащие мобилизации граждане, были сформированы 4 роты. Начальником отряда был избран Волостной Военный Руководитель Логтинов Андрей Романович штаб капитан Николаевской Армии ротными командирами, прапорщики Глушнев Александр Петрович, Старков Валентин Николаевич, Гущин Михаил Николаевич и юнкер Лобовиков Волвоенкомисар. Помощником Начальника отряда и Заведывающим хозяйственной части был избран внесший предложение Лесков Герасим Акшомович делопроизводителем отряда я и Комендантом Левашев Зосима Павлович

При чем на этом собрании ввиду того, что вооружение ожидалось из Ижевска от 400 – до 600 винтовок, а мобилизованных было свыше 800 человек было решено впредь до получения из Ижевска вооружения на все количество мобилизованных нести службу половин мобилизованных и первым начать с молодых лет, таким образом вошли в дело первые две роты под командой Лобовикова и Глушкова, вооруженные на другой же день полученным из Ижевска винтовками с выдачей на каждого стрелка по 15 шт. патронов; при чем комсостав был вооружен легкими кавалерийскими карабинами

Винтовок Ижевским было отпущено для нашего отряда первый раз 480 шт. и патронов 10 000 штук.

В день вооружения Нашего отряда из села Водзимонья, каковая волость не успела вооружиться, прибежали перебезщики и сообщили, что их село занято красно-армейским отрядом человек в 500 под командой Курочкина и что вслед нашим идет батарея артиллерии под командой Бабинца, что ихние резервы в составе нескольких полков, батарей и эскадронов кавалерии стоят в с. Кильмези и по дороге до г. Малмыжа, ввиду того 1-й роте вечером того же дня пришлось занять позицию по правому берегу реки Валы, там встретить неприятеля и тут окопались. Тотчас же было дано знать соседним отрядам Нылги-Жикьинскому, Б. Учинскому, Уватуклинскому и Сюмсинскому, первые два отряда нам утром 31-го Августа выслали подкрепления по роте солдат–повстанцев, а остальными своими силами взялись охранять берег реки Валы, при чем все эти отряды вступили с нами в тесную связь. Утром 1-го сентября на стоящие на устье реки «Калта», при самом вливеея в реку Валу две мельницы, находящиеся от села Вавожа всего в 4-х верстах, через которые проходит трактовый путь из с. Водзимонья на с. Вавож прибыл небольшой отряд красноармейцев с 3–4 пулеметами, а у деревни Касихина, что по прямому направлению от Вавожа 5–6 верст была поставлена и их батарея из 2-х орудий. Вскоре началась оружейная перестрелка нашей 1-й роты с передовым отрядом красноармейцев, затрещали их пулеметы, а затем по дер. Квачкому, что в 2-х верстах от с. Вавожа, ниже по течению реки Валы загрохотали

и их орудия. При чем стрельба с обоих сторон была какая то беглая и почти не причинила обоим сторонам никакого вреда, кроме как одного раненого с нашей стороны, но однако вечером того же дня и ночью наш отряд находя эту позицию неудобной отступил и занял следующую позицию дер. Беляк и с. Каменный-Ключ отстающие от села Вавожа первую на расстоянии 10 и второе – 17 верст. Оставили и отправились из с. Вавожа и все жители, которые имели лошадей и возможностей убежать, следовательно к утру 2-го сентября Вавож был нами брошен на произвол судьбы, но красными Вавож был занят только утром 3-го сентября.

Вплоть до 9-го сентября наш отряд находился на этой позиции, но за это время подошли роты Ижевцев, составился правильный фронт и Начальником фронта от Сюмсинской волости и до Б. Норьинской был назначен некто Башкиров, именовавший себя капитаном старой армии.

9-го сентября в дер. Балянах был военный совет командиров отрядов и рот входящих в дистанцию Башкирова, на котором и было решено в ночь на 10е вочто бы то нистало выбить красных из Вавожа и согласно этого плана 1 рота Нылги-Жикьинскаго отряда и 1 рота Ижевцев была двинута по тракту к селу Вавожу, с 2 или 3 пулеметами, с тем, что бы подойти к Вавожу на расстоянии 300 сажень и окопаться, обе роты нашего отряда и рота Нылги-Жикьинскаго, с резервом Ува-туклинскаго отряда перешли реку Уву и повели наступление от деревни Силкино, НачарКотья и Квачком; Б. Учинскому отряду, а также Волипельгинскому вооружившемуся как раз к тому времени было приказано занять левый берег реки Валы и тем самым отрезать красным бойцам всякий путь к отступлению. Наступление решено было начать на разсвете и в один момент как Вавожским так и Нылгижикьинским отрядами. Так и было сделано; отряды охватили кольцом село Вавож и с рассветом 10-го начался в центре Вавожа и на его окраинах ружейный, пулеметный и орудийный бой, продолжавшийся 2–3 часа не бо-лее. Красноармейцы надо им отдать справедливость хотя были застигнуты врасплох, но сражались как львы, многие только в одном белье, благодаря чему, а также множеству имеющихся у них пулеметов, 2-х орудий бивших по нашим во все стороны и большому количеству снарядов всеждаки, наши роты расстрелявшие свои небольшие запасы, выбили из самаго центра села и нашим пришлось отступить обратно по дороге на дер. Силкино а тут перейдя реку Уву в село Каменный – Ключ на старую позицию. Занимавшие в Вавоже отряд Курочкина и батарея Бабинца также и в тот же день должно быть побоясь второго наступления отступила до с. Водзимонья и через реку Валу перешли безпрепятсвенно, т.к. охранявшие левый берег р. Валы Б. Учинский и Волипельгинский отряды стушевались и ушли со своих позиций.

В этот бой было убито с нашей стороны 12 человек в том числе На-чальник Нылги-Жикьискаго отряда Шишкин, ранены тяжело 4, легко более 20 человек. Со стороны красных было убито 14 человек, раненых неизвестно, т.к. таковых они увезли с собой, после того было найдено трупов раненых и умерших красноармейцев на полях, в лесах и лугах человек 6–7 и утонувших в реке Вале 5–6 человек. Взято в плен 2 красных пулеметчика с 2-мя пулеметами и большим запасом пулеметных лент. Красными было оставлено в с. Вавож при отступлении большое количество патронов и снарядов.

После того как с. Вавож было вновь занято 11-го сентября повстанцами в нашем селе было обнаружено еще 2 красноармейца. Один в погребе гражданки Несмеловой Ольги Михайловны застреливший сам себя, как только был обнаружен хозяйкой дома и второй раненый за двором гр-на Чиркова Александра Исааковича дорубленный шашкой Чувашевым Николаем Евдокимовичем дер.

Дендывая. Во время этагоперваго боя в с. Вавож было артиллерией красных разбито и разгромлено много зданий и построек пострадали частично и постройки гр-н дер. Силкиной, где находились наши резервы и где был я с канцелярией отряда.

Числа 13–14 сентября по распоряжению Начальника фронта Башкирова наш отряд подкрепленный батальонами Ижевцев в число 1 роты нашего отряда и роты Ижевцев был двинут в погоню за красно–армейскими войсками с 5 пулеметами и дошел и занял дер. Вихарево, отстаящее по дороге на Малмыж от с. Вавож в 40 верстах, но переночевал тут только одну ночь был выбит красными и возвратился в с. Вавож оставив тут более 10 человек убитых, раненых и попавших в плен.

Затем красноармейцы подкрепленные новыми прибывшими из центра войсками перенесли свой план наступления по той же реке Вале но на другие участки вниз по течению реки Валы на село Муки-Какси и Сюмси и вверх по р. Вале от Волнинской мельнице вплоть выше с. Нылги, с их стороны гремели орудия и пулеметы, на первом участке целых 17 суток и на втором 9 дней. Наш отряд тогда держал позицию по реке Вале совместно с Ижевскими ротами и отрядами Уватуклиским, Б. Учинским и Волипельгинским.

На 10 день этаго боя красно-рмейцы отряда Азина перешли реку Валу на Волнинской мельнице, по устроенному ими самими мосту и тотчас же заняли дер. Уедонью, Подчулко, Яголуд, Баляк, Малая Чурек-Пурга, Косаево и выс. Андриановский и в тот же день запылали деревни Уедонья, Малая Чурек-Пурга, Баляк, Косаево и Андриановский, а по левую сторону Валы дер. Ломселуд, Новые-Вари и Старые Вари подожженные красноармейцами. Наши отряды с имеющимся тогда уже одним орудием отбитым у красноармейцев под селом Агрызям и стоящим под дер. Уедоньей спешно отступили в пределы Нылги-Жикьской и Кыйлудской волостей.

Отряд Азина почему то тоже не дойдя до села Нылги-Жикьи отступил и занял опять наше село Вавож

Во время нашего похождения в пределах Нылги-Жикьинской и Кыйлудской волостей к нам стали являтся наши перебезчики, нашей волости с правых сторон рек Увы и Валы, где находятся с. Вавож и 11 селений волости с известием, что командир красноармейскаго отряда в с. Вавож, опять таки тот же Курочкин приглашает всех повстанцев вернутся немедленно в свои места жительства обещая всем полную свободу и жизнь, что и было принято нами с большой радостью и мы повстанцы этих 12 селений тотчас же бросили оружие и возвратились в свои селения; остались только в отряде наши офицеры но повстанцы селений нашей волости, находящейся по левому берегу реки Увы держались еще более месяца совместно с Б. Учинским, частью Волипельгинскаго, (тоже большей частью разбежавшихся) Кыйлудским, Нылги-Жикьинским и несколькими ротами Ижевцевпе-ренеся опять свой фронт на ред. Баляк, Каменный-Ключ и с. Нибижикью..

После этого стычки повстанцев с красными были два раза под селом Каменный-Ключ и один раз под деревней Рябовым, но описать подробности этих боев я не могу так как в отряде я уже не находился. Узнал только после, что под селом Каменным-Ключом убито много повстанцев что были опять таки выжжены селенья Нибижикья и Ключевая, что орудием со стороны повстанцев в дер. Рябовой было разбито несколько построек; но потерь со стороны красных занимавших эту деревню установить мне не удалось.

Эти бои в нашей волости были последними, все побросали оружие и вернулись в свои селения. Скрывались только офицеры нашего отряда Логинов,

Глушков и Старков отступившие с Ижевцами в Сибирь и помощник Начальника отряда Лесков; но первый Логинов вскоре вернулся в свою дер. Дендывай, был задержан возстановившейсясоввластью и арестован, а затем и растрелян в г. Малмыже по приговору суда. Были после того арестованы но освобождены после продолжительного содержания в г. Малмыже и Вятке под стражей помощ. Начальника отряда Лесков и Председатель собрания на вооружение (б. член Волземуправы) Лавров. Председатель б. Земской Управы Упырышкин Герасим Федорович и офицеры Глушков и Старков отступившие в Сибирь не возвратились, по слухам Упырышкин и Старков там умерли, а Глушков будто убит своим же товарищем офицером. Прапорщик же Гущин будто бы застеган плетями в с. Селтах и умер.

Командиры Б. Учинскаго отряда поручик (фамилию его я забыл), но по имени и отчеству Козьма Григорьевич, Волипельгинскаго отряда Гагарин Александр Васильевич тоже кажется был поручик, офицеры Нылгижикьинискаго отряда Перевалов и Пермяков также отступили в Сибирь и не вернулись.

Власть Советов в нашей Вавожской волости была возстановлены только 18-го ноября, когда был избран Волостной Исполнительный комитет, каковый и приступил к проведению в жизнь всех распоряжений Соввласти. Население волости сознавая свою вину в возстании и желая таковую загладить безропотно переносило все разверстки хлеба, а также и выполняло все натуральные повинности.

Через это возстание погибло в боях, убито случайно, было разстреляно и отступило в Сибирь и не вернулось оттуда более 300 человек, такой цифры убыли пожалуй в нашей волости не было за всю русско–германскую войну почему это возстание, а также зверства и насилия приходивших в нашу волость в следующем 1919 году войск Колчака надолго останутся в памяти граждан Вавожской волости.

М. Хлыбов

«ВРЕМЕННОЕ СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ВОЛОСТИ: КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В ЕФРЕМОВО-СТЕПАНОВСКОЙ ВОЛОСТИ В ДЕКАБРЕ 1920 ГОДА

Аннотация. Статья посвящена локальному восстанию в одной из волостей Донской области в конце 1920 г. Восстание охватило соседние слободы, оно являлось крестьянским, а не казачьим. При этом интересно участие в нем недавних белых офицеров при советском, но антикоммунистическом настроении основной массы восставших. Прослеживается развитие событий восстания, приводится динамика численности восставших. Автор делает вывод о промежуточном характере данного выступления. Оно обозначило переход от восстаний под руководством белых казачьих офицеров к восстаниям «красных командиров» конца 1920 – середины 1921 гг.

Ключевые слова: Гражданская война, Донская область, крестьянство, восстание, подавление

Abstract. The article is devoted to the local uprising in one of the districts of the Don region at the end of 1920. The uprising covered the neighboring settlements, it was peasant, not Cossack. At the same time, the participation of recent white officers under the Soviet, but anti-Communist mood of the main mass of the rebels is interesting. The development of the events of the uprising is traced, the dynamics of the number of rebels is given. The author makes a conclusion about the intermediate nature of this armed action. It marked the transition from uprisings led by white Cossack officers to uprisings of «red commanders» in late 1920 - mid-1921.

Key words: Civil war, Don region, the peasantry, the revolt, the suppression of.

А.Н. Грищенко
(Новочеркасск Ростовской области)

7 января 1921 года ежедневная газета Донского комитета РКП(б) «Донская беднота» поместила заметку следующего содержания: «2-го января в Миллерово состоялись торжественные похороны десяти ответственных партийных работников, зверски убитых бандитами в Ефремово-Степановской волости Донецкого округа»[1]. Краткая заметка напомнила жителям Донской области о подавленном незадолго до этого крестьянском восстании, жертв которого и похоронили в Миллерово во второй день 1921 года.

Сразу после подавления восстания руководство Донецкого округа занялось изучением его причин и обстоятельств. Уже 10 января 1921 года исполком Донецкого округа направил в Донской комитет РКП(б) доклад следственной комиссии по расследованию причин восстания в Ефремово-Степановской волости[2]. Расследованием занималась чрезвычайная следственная комиссия сформированная приказом по войскам Донской области за № 36341 от 31 декабря 1920 года в составе Дреймана (председатель), Худеева и Швецова. Следственная комиссия прибыла из Миллерово в мятежную волость 1 января 1921 года. Прибыв в волость, комиссия в первую очередь выясняла «политическую подкладку восстания», его причины и «кто таковые в политическом смысле руководители

[1] Похороны жертв бандитизма // Донская беднота. 1921. 7 января.

[2] Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) Ф. 75. Оп. 1. Д. 20. Л. 38.

восстания»[3]. Как явствует из датированного 8 января 1921 года доклада, по приезде на место комиссия обнаружила «удручающего вида» картину: все оставшиеся жители волости имели «страшно угнетенный и подавленный вид», были растеряны и напуганы до последней степени, так как совершенно не ожидали такого результата как «600 трупов» под волостью Позднеевка. По мнению комиссии, восстание готовилось целенаправленно и его основным «ядром» были дезертиры, организованные «невидимой рукой», которая находилась всего в 8 верстах от Ефремово-Степановской в немецкой колонии Рыковка. Кроме организованных дезертиров были и «кулаки», особенно хорошо посвященная во все молодежь. Комиссия пришла к выводу, что восстание уже было «достаточно созревшее», но нужен был предлог для его начала. Организаторы восстания сообщали жителям волости, что от Москвы до Ростова-на-Дону бушуют крестьянские восстания и повстанцы одерживают победу над коммунистами и что не восстали только Ефремово-Степановская и соседние с ней волости. Зажиточные крестьяне поддерживали эти слухи, а остальные жители держались выжидательно. Неорганизованная и малочисленная волостная беднота не имела никакого политического веса и оказалась не в состоянии противостоять будущим мятежникам.

На фоне этой агитации любая «искра» могла вызвать пожар восстания. И повод очень быстро был найден, поскольку во время взимания продовольствия по продовольственной разверстке на жителей донской деревни в конце 1920 года оказывалось беспрецедентное экономическое и политическое давление. Поводом к восстанию стало, как ни странно, решение власти о продовольственной поддержке бедноты и красноармейских семей, которым следовало выдать хлеб. Представители волости в окружном продовольственном комитете получили наряд на 700 пудов (около 11,5 тонн) хлеба в счет разверстки. Но продовольственный агент Петров отказался выдать «выкачанный» и находящийся на ссыпном пункте в волости хлеб по данному наряду. Вместо этого продагент Петров предложил представителям бедноты полагавшиеся им по наряду 700 пудов хлеба «выкачать у кулаков» и взять себе. Но по причине организационной слабости волостной бедноты и их сильной боязни кулаков они отправились не к последним, а к амбрам с изъятым хлебом с криками, что весь хлеб куда-то увозят, а им нечего есть и не осталось семян. «Конечно, в этом поступке чувствуется рука кулаков» – сделала вывод комиссия. У амбаров произошла «суматоха», продотряд разогнал намеревавшихся взять хлеб силой бедноту, открыв при этом стрельбу вверх. В ночь на 1 декабря 1920 года организованные дезертиры и кулаки в количестве около 100 человек напали на бойцов продотряда, и часть убили, часть разогнали и «позабрали в плен». Пленные раздевали, били прикладами, резали ножом и в итоге расстреляли. Восставшие сразу организовали волостной сход и избрали «временное правительство» из 4 человек, включая председателя по фамилии Гученко и его заместителя. Это «правительство» осуществляло гражданскую власть в волости, но для вооруженной борьбы с большевиками был необходим опытный военный человек, способный организовать и возглавить повстанческую «армию». Новая власть сразу после восстания определила кандидатуру на должность «главнокомандующего», но при этом тщательно скрывала, что этот человек являлся офицером. Спустя 2 дня после избрания гражданской власти была организовано военное командование, и появился «главнокомандующий», который, по оценке комиссии, всецело подчинил себе гражданскую власть. В общих

[3] ЦДНИРО Ф. 12. Оп. 5. Д. 138. Л. 63.

совещаниях участвовали только представители военного командования и председатель «временного правительства» Гученко[4].

Одновременно с Ефремово-Степановской произошло восстание в Позднеевской волости. Оно началось точно также и по тем же причинам, как и степановское восстание: на почве выполнения хлебной разверстки ночью были вырезаны продармейцы и добровольцы из Позднеевки отправились в соседнюю Ефремово-Степановскую волость, в которой располагался центр восстания. Следственная комиссия сделала вывод, что позднеевцы «держали равнение» на Ефремово-Степановскую и имели связь с организаторами восстания. Председатель «временного правительства» Гученко курсировал по обеим волостям и агитировал селян поддержать восстание[5].

По завершении работы в Ефремово-Степановской волости следственная комиссия на ключевой вопрос «каковы же были причины восстания и где самый их корень» сформулировала несколько выводов. Главный из них заключался в том, что у бедноты отсутствовало классовое сознание, не было социально-классового расслоения деревни на бедноту и кулачество, и первое не было должным образом организовано, следовательно, она не могли составить социальную опору советской власти. Беднота отождествляла свои интересы с интересами кулачества и была убеждена, что взимание продовольственной разверстки осуществлялось не дифференцированно, в одинаковом размере и с бедноты, и с зажиточных селян. Была и вполне прозаическая причина для участия крестьян в восстании: в Ефремово-Степановской волости не было комиссии из бедноты, которая бы занималась дифференцированным распределением разверстки индивидуально в соответствии с классовым принципом. Распределением разверстки занимались председатель волостного исполкома вместе с продовольственным агентом, причем они подходили к делу формально: для каждого района определялась конкретная цифра, а остальное предоставлялось самим крестьянам. Но в силу неорганизованности и малочисленности местной бедноты они вынуждены были сдавать хлеба больше имевшегося у них в наличии, что вызывало у них естественное острое недовольство и приводило к совпадению интересов бедноты и зажиточных селян, также выступавших против разверстки. На этой основе крестьяне выступали единым фронтом против политики большевиков, а «бандиты являлись в глазах всех избавителями от разверстки». По этой причине население волости знало о готовившемся восстании, но не сообщило об этом местной власти. Кроме того комиссия заключила, что была «слабо поставлена» партийная работа в волости и крестьянам не разъяснили сущность советской власти. В итоге они не знали, для чего предпринимались мероприятия власти и в силу этого незнания неохотно исполняли ее требования. Последняя причина была сформулирована комиссией предельно просто: «гегемония кулаков и контрреволюционная агитация агентов социал-предателей»[6], к последним относился социалист Гученко.

Тем самым следственная комиссия признала, что восстание в Ефремово-Степановской и Позднеевской волостях Донецкого округа стало ответной реакцией на проводимую властью практику взимания продовольственной разверстки в рамках политики «военного коммунизма». В условиях отсутствия социально-классового расслоения в данной местности, сильной позиции зажиточных селян и неимения социальной опоры власти в лице бедноты крестьяне в своем неприятии

[4] ЦДНИРО Ф. 12. Оп. 5. Д. 138. Л. 61.
[5] ЦДНИРО Ф. 12. Оп. 5. Д. 138. Л. 62об.
[6] ЦДНИРО Ф. 12. Оп. 5. Д. 138. Л. 62об.

этой политики выступали как единая общность, что и предопределило успех готовившегося подпольной организацией восстания.

Следственная комиссия установила руководителей восстания. Их личности по-своему небезынтересны. «Главнокомандующий» восставших именовался Владимир Карлович Смелов, но эту фамилию, по мнению комиссии, он принял, очевидно, уже появившись в Степановке. При себе он имел поддельные документы на имя Владимир Карловича Паландера, немца. До этой фамилии он был известен по фамилии Чепурнов. Всеми степановцами этот человек назывался полковником. Комиссия установила его личность и биографию в следующем виде: «итак[,] перед нами полковник Владимир Карлович Смелов-Паландер-Чепурнов, безусловно, офицер, лет 35-37. Хорошо говорит по-немецки». По всей вероятности, Смелов в 1919 году руководил Верхнедонским казачьим восстанием в районе станиц Вёшенской, Мигулинской, Казанской и Милютинской. Смелов отступил вместе с деникинской армией на юг в декабре 1919 года. По данным комиссии, оттуда он попал в Крым в армию Врангеля, был взят в плен и отправлен в Тулу. Установленным фактом было то, что из Тулы он сбежал в августе 1920 года. Добравшись на Дон, скрывался в станице Гундоровской, затем перебрался в Ефремово-Степановскую волость, поселился в немецкой колонии Рыковка, там «считался пастухом и носил бороду». В колонии Смелов организовал тайную военную организацию и после восстания в волости и избрания «временного правительства», очевидно, по заранее согласованному с Гученко плану явился в образе «главнокомандующего». Смелов возглавил наступление повстанцев на слободу Криворожье, под волостью Позднеевка возглавляемый им отряд был разбит, после чего он бежал вместе со сподвижниками, увезя с собой 500 винтовок и пулеметы. Скрылся в колонии Рыковка, но его местонахождение было установлено и туда направлен отряд 1-го резервного полка. При обыске и оцеплении колонии Смелов пытался бежать, но видя, что уйти не сможет, застрелился[7]. В ходе подавления восстания войсковая разведка со слов местных жителей установила, что полковник Смелов – уроженец Донецкого округа[8], а значит, он действовал в знакомых ему местах.

«Начальником штаба» восставших степановцев был «малограмотный» Адамов, по-видимому, казак Верхне-Донского округа, имевший поддельные документы на имя Дрынкина якобы выданные богучарским уездным военным комиссариатом. Адамов бежал вместе со Смеловым, но был ранен в ногу, пойман и заключен в тюрьму. Адъютантом Смелова был офицер, очевидно, врангелевский штабс-капитан Иван Филиппович Черных. Он был взят в плен на врангелевском фронте, был отправлен из Ростова в центр страны, но бежал из эшелона на станции Лиски и поселился в слободе Тарасовка Донецкого округа, где и жил до восстания. В Ефремово-Степановской волости появился спустя несколько дней после Смелова, и также хорошо говорил по-немецки. «По слухам Черных – терской казак». Комиссия не смогла установить, была ли фамилия Черных настоящей или нет[9]. Но если допустить, что фамилия Черных была настоящей, то едва ли он являлся терским казаком, так как фамилии с окончанием на -ых распространены среди сибиряков.

«Одной из политических величин» среди восставших комиссией был назван председатель «временного советского правительства» Гученко. По сведениям комиссии, он жил в Баку, но еще в 1907 году приезжал в Ефремово-Степановскую

[7] ЦДНИРО Ф. 12. Оп. 5. Д. 138. Л. 61об.
[8] Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 6. Оп. 12. Д. 143. Л. 634об.
[9] ЦДНИРО Ф. 12. Оп. 5. Д. 138. Л. 61об.

волость и жил в ней, находясь под негласным надзором полиции. Надзор полиции был обусловлен тем, что он в то время состоял в партии эсеров или меньшевиков, точно установить не удалось. В последних числах сентября 1920 года Гученко приехал в Ефремово-Степановскую волость и вплоть до восстания занимал должность завхоза местной больницы. Все время он держался очень осторожно и пассивно. Впервые он проявил себя во время появления в округе армии Махно: в условиях бегства волостного совета он старался организовать хоть какую-нибудь власть для «поддержания якобы порядка и для предупреждения грабежей». По данным комиссии, Гученко сыграл важнейшую роль в подготовке восстания, что выразилось в том, что он в «первую голову» организовал «временное правительство» и занял в нем пост председателя, а также готовил население волости к появлению «главнокомандующего» Смелова. На основании этого комиссия заключила, что Гученко имел тесную связь со Смеловым и знал о существовании подпольной военной организации, которая появилась в момент восстания «имея своих командиров с точно выработанными обязанностями для каждого. В этом видна рука опытного военного руководителя». Комиссия особо отметила, что когда военная власть «почувствовала свою силу», то перестала считаться с представителями власти гражданской. В частности, по приказу военной власти в отсутствие Гученко, выехавшего агитировать население соседних слобод за присоединение к восставшим, был расстрелян бывший председатель Ефремово-Степановского волостного исполкома Недодаев. Гученко по этому поводу упрекал Смелова за то, что «силой и расстрелом бороться не нужно и что так победить не сможем». Этот факт дал основание комиссии характеризовать Гученко как человека опасного. Как глава гражданской власти он сосредоточился на административных делах и занимался агитацией. Гученко подбадривал жителей и угрожал невыполнявшим его распоряжения, а после разгрома повстанцев под Позднеевкой пытался организовать бежавших и искал возможность для дальнейшего сопротивления, по этой причине тщательно спрятал оставшиеся 2 пулемета и 500 винтовок, которые так и не были обнаружены комиссией, но согласно «слухам» находились в волости. Комиссия констатировала, что Гученко «человек опытный и умеет свой опыт в партийных делах применять с пользой для своих интересов, а также для интересов своей партии» с целью «удара ножом в спину из-за угла»[10].

Таков был руководящий состав степановского восстания. Любопытно, что среди его руководителей были представители разных частей широкого антибольшевистского спектра: социалист Гученко, белогвардейские офицеры полковник Смелов и штабс-капитан Черных, казак Верхне-Донского округа Адамов. Очевидно, восстание действительно готовилось подпольной организацией, и роль социалиста Гученко в этом деле была первостепенной. Он являлся убежденным противником большевиков и проводимой ими политики, не был монархистом, но выступал сторонником «третьего пути» в революции, что нашло отражение в эклектичном названии повстанческого органа власти: «временное советское правительство». Не случайно на посту главы повстанческого правительства он занимался исключительно агитационной деятельностью и порицал расстрелы, видимо, полагая необходимым бороться с большевиками прежде всего идейно. Отнюдь не случайно именно социалист Гученко, а не полковник Смелов был определен следственной комиссией как «человек опасный». Привлечение в качестве военного руководителя белогвардейского полковника Смелова, имевшего опыт участия в Верхнедонском восстании весны 1919 года, было

[10] ЦДНИРО Ф. 12. Оп. 5. Д. 138. Л. 61об-62.

обусловлено необходимостью обеспечения военного руководства восставшими и организации повстанческой «армии». «Малограмотный» казак Адамов занявший должность «начальника штаба» при говоривших на немецком языке офицерах Смелове и Черных был своего рода представителем «народа» в руководстве восставших.

Управление охваченным восстанием районом было разделено между военным и гражданским руководством. По данным Донской ЧК, «душой восстания являлся меньшевик Гученко, а полковник Смелов вел всю чисто военно-организационную работу»[11]. Разногласия возникли по поводу определения идеологической основы повстанческой «армии». Офицеры попытались придать восстанию белогвардейскую идеологическую окраску. Первоначально у восставших имелось белое знамя с надписью «Да здравствует единая Россия»[12]. Но когда Смелов появился с офицерскими погонами и белым флагом, то молодежь из числа восставших потребовала немедленно снять погоны и заменить белый флаг красным[13]. «Главнокомандующий» был вынужден подчиниться. Этот факт свидетельствует о резком неприятии восставшими не только идеологии, но даже внешних атрибутов белогвардейского движения. Повстанцы выступали против злоупотреблений окружной и местной власти и продовольственных органов, против непомерно тяжелой продовольственной разверстки, однако им была чужда белогвардейская риторика. Нельзя исключать, что в данном вопросе сыграла свою роль агитация председателя «временного советского правительства» Гученко.

Социальный состав восставших был неоднороден. Следственная комиссия констатировала: «остальной контингент повстанцев как командиров и начальников всевозможных рангов и наименований, так и агитаторов представляет из себя часть добровольцев из кулаков, часть по принуждению и часть людей без определенных убеждений[,] и часть из обыкновенных дезертиров, беглых арестантов и простых убийц». При этом комиссия пришла к выводу, что после рейда махновской армии и до момента восстания, т.е. с сентября по декабрь 1920 года советская власть в районе Ефремово-Степановской, да и во всем округе не пользовалась никаким авторитетом и до восстания «держалась чудом». Причиной этого называлось отсутствие «организованной бедноты», которая могла бы составить социальную опору власти. Но при этом желающих активно бороться с оружием в руках против власти было явное меньшинство. Так, когда «временное правительство» объявило мобилизацию граждан от 20 до 40 лет, то желающих добровольцев оказалось, кроме молодежи, немного. Приходилось людей вызывать записками через сотенных, но и это не помогло, тогда по ночам стали ходить по хатам с винтовками и выгонять насильно. Эта мера оказалась действенной, таким образом было мобилизовано около 75 % всего мужского населения волости от 20 до 40 лет в пехоту, в кавалерию, в нестроевые или инженерные части, а кого и обыкновенным подводчиком[14].

Повстанческое воинство было организовано по армейскому образцу. Восставшие сформировали штаб и комендатуру, а весь личный состав был разделен на роты, взводы и отделения. Наряду с конными и пехотными частями

---

[11] Из доклада Донской областной Чрезвычайной Комиссии за время с 1 апреля 1920 года по 1 мая 1921 года // На страже Отечества. Документы, воспоминания, очерки, посвященные 80-летию Управления Федеральной Службы Безопасности России по Ростовской области. Ростов н/Д, 1998. С. 28.

[12] РГВА Ф. 28087. Оп. 1. Д. 34. Л. 279.

[13] Из доклада Донской областной чрезвычайной… // На страже Отечества. Документы, воспоминания… С. 28.

[14] ЦДНИРО Ф. 12. Оп. 5. Д. 138. Л. 62-62об.

имелись инженерные и нестроевые части. Оружие и воинское снаряжение восставшие получили, разоружив пленных красноармейцев посланных на подавление восстания. Вокруг Ефремово-Степановской было выставлено сторожевое охранение и заставы[15]. Формируя вооруженные отряды, повстанцы изъяли у жителей волости до 300 подвод для перевозки пехоты и почти всех лошадей[16]. Восставшие облачились в обмундирование снятое с пленных красноармейцев, а последние получили взамен старую обувь и одежду, после чего были отпущены на свободу. У повстанцев имелись два автомобиля: захваченный в слободе Тарасовке и отбитый в бою у красных в Курнаково-Липовской[17]. Но незнакомые с техникой восставшие их не использовали.

Повстанческое командование стремилось расширить ареал восстания. Оно быстро приобрело значительный размах, распространилось на соседнюю волость Позднеевку, жители которой убили председателя исполкома[18]. 12 декабря по одной группе повстанцев направились в слободу Большинскую и Белую Калитву с целью поднять восстания местного населения[19]. К 15 декабря повстанцы насчитывали 200 всадников и 200 человек пехоты вооруженных винтовками, вилами и лопатами[20]. В слободах Позднеевка, Алексеево-Городищенской и Колушкино повстанцами была объявлена мобилизация мужского населения в возрасте от 17 до 50 лет, причем «население [к] мобилизации отнеслось сочувственно»[21]. На 16 декабря численность группировавшихся в районе Ефремово-Степановская – Позднеевка восставших удвоились и составляли до 500 штыков и 300 сабель с винтовками, тесаками и вилами[22]. Восставшие вели усиленную агитацию среди населения соседних волостей, отдельные группы повстанцев появлялись в волостях Верхне-Ольховой, Кашарской, Сариново-Голодаевке, Екатериновке и Чернозубовке. Позднеевскими повстанцами руководил прапорщик Быковцев[23]. 17 декабря отряд восставших в количестве 100 пеших и 200 конных вооруженных винтовками, вилами, топорами и кольями[24] на станции Криворожье разгромил отряд Донецкого окружного военного комиссара, а 20 декабря – отряд милиции. В тот же день под давлением повстанцев из района Ефремово-Степановской отступил 3-й Особый полк 2-й Особой армии[25]. Этот успех воодушевил восставших. По данным советской разведки восставшие собирали кавалерию и намеревались «сделать набег» на окружной центр Миллерово[26]. К 20 декабря силы повстанцев составляли до 1000 человек пехоты и 150 конницы, вооруженных винтовками, револьверами, ручными гранатами и пулеметами[27]. На 23 декабря общее число повстанцев достигло 1000 штыков и 500 кавалерии при 1 орудии и 6 пулеметах[28]. В ночь на 28 декабря повстанцы в

[15] Государственный архив Ростовской области (ГАРО) Ф. р-1891. Оп. 3. Д. 3. Л. 136.
[16] РГВА Ф. 6. Оп. 4. Д. 609. Л. 285.
[17] РГВА Ф. 6. Оп. 4. Д. 1036. Л. 81об.
[18] РГВА Ф. 28087. Оп. 1. Д. 297. Л. 1об.
[19] РГВА Ф. 6. Оп. 12. Д. 143. Л. 622об.
[20] ГАРО Ф. р-1891. Оп. 3. Д. 3. Л. 112об.
[21] РГВА Ф. 6. Оп. 12. Д. 143. Л. 634.
[22] РГВА Ф. 28087. Оп. 1. Д. 297. Л. 4.
[23] РГВА Ф. 28087. Оп. 1. Д. 297. Л. 9
[24] РГВА Ф. 28087. Оп. 1. Д. 297. Л. 3.
[25] Степаненко Б.И. Борьба с вооруженной контрреволюцией в бывших казачьих областях Юга России и ее разгром (март 1920-1922 гг.). Ульяновск, 1977. С. 75-76.
[26] РГВА Ф. 28087. Оп. 1. Д. 297. Л. 1об.
[27] ГАРО Ф. р-1891. Оп. 3. Д. 3. Л. 136.
[28] ГАРО Ф. р-1891. Оп. 3. Д. 3. Л. 95об.

количестве 1500 штыков, 400 сабель, при 1 орудии и 2 пулеметах атаковали советские части занявшие слободу Позднеевка[29]. Количественные показатели численности отряда В.К. Смелова обобщены в таблице ниже.

Численность повстанческого отряда В.К. Смелова[30]: (Донецкий округ, декабрь 1920 г.)

Дата	Количество				Населенный пункт
	штыков	сабель	пулеметов	орудий	
1 декабря	100	–	–	–	Ефремово-Степановская
15 декабря	200	200	–	–	Позднеевка
16 декабря	500	300	–	–	-//-
20 декабря	1000	150	–	–	-//-
23 декабря	1000	500	6	1	-//-
28 декабря	1500	400	2	1	-//-

В конце декабря 1920 года в центре Донецкого округа Донской области существовало достаточно многочисленное локальное вооруженное восстание, ареал которого захватил соседние с Ефремово-Степановской волости. Успех повстанцев грозил дестабилизировать ситуация в округе.

Руководство Донской области в создавшейся ситуации экстренно привлекло к подавлению восстания части Красной Армии. Значительное увеличение численности вооруженных сил позволило в достаточно короткий срок подавить очаг восстания и разгромить повстанческую «армию». На подавление восстания в Донецком округе были высланы отряд военного комиссара округа Сизова, 3 особый полк 2-й Особой армии, отряд в 130 сабель новочеркасского кавалерийского дивизиона, а также отряд Мотова в 1000 красноармейцев. 24 декабря конная разведка красных заняла оставленную повстанцами Ефремово-Степановскую. 28 декабря в бою под слободой Позднеевка советские части отбили атаку повстанцев. Победителями были захвачены пленные[31]. В бою были убиты 1000 пеших повстанцев, отбито 1 исправное орудие с 30 шрапнелями и 9 гранатами, 3 пулемета, 250 винтовок[32]. После этого боя «повстанцы распались», многие из них скрывались среди мирного населения. Армейская разведка установила, что 4 января 1921 года при аресте во время облавы в одном из хуторов Ефремово-Степановской волости полковник Смелов застрелился[33].

Разгромив вооруженные силы повстанцев, власть срочно предприняла ряд мер к закреплению достигнутого результата и ликвидации последствий восстания. О том, какие меры были приняты в Ефремово-Степановской волости после

[29] РГВА Ф. 5. Оп. 1. Д. 65. Л. 569.

[30] Составлено по: ЦДНИРО Ф. 12. Оп. 5. Д. 138. Л. 61; ГАРО Ф. р-1891. Оп. 3. Д. 3. Л. 95об, 112об, 136; РГВА Ф. 28087. Оп. 1. Д. 297. Л. 4; РГВА Ф. 5. Оп. 1. Д. 65. Л. 569.

[31] РГВА Ф. 5. Оп. 1. Д. 65. Л. 561, 563, 569.

[32] РГВА Ф. 6. Оп. 4. Д. 1036. Л. 4.

[33] РГВА Ф. 28087. Оп. 1. Д. 87. Л. 6, 25об.

подавления восстания, подробно сообщалось в докладе следственной комиссии. Попутно с выяснением его причин комиссия принимала меры к поимке руководителей восстания и рядовых участников – «обыкновенных бандитов, добровольцев и дезертиров». Был задержан начальник штаба раненый Адамов, также захватили 4 членов «временного советского правительства», некоторых других «должностных лиц» и дезертиров. 18 арестованных были направлены во 2-й отдел реввоентрибунала войск Донской области, а другими занималось политбюро Донецкого округа, которое вылавливало наиболее важных повстанцев. Агенты политбюро пытались выйти на след Гученко, Черных и ряда других ключевых участников восстания. Параллельно с выслеживанием и поимкой скрывавшихся повстанцев был поименно созван сход бедноты, на котором обсуждались вопросы об организации бедноты, о борьбе с «бандитами и кулаками». Была создана организация бедноты как аналог комбедов в качестве социальной опоры местной власти, а также избрана «тройка» в помощь ревкому. Был издан приказ о сдаче оружия, но оно поступало «в незначительном количестве». По выяснении организаторов и активных участников восстания беднота с участием ревкома под руководством следственной комиссии приступила к конфискации имущества. 6 января в Ефремово-Степановской волости был организован всеобщий сход, на котором присутствовало более 100 человек. На сходе людям было разъяснено, кто являлся «зачинщиком и главными виновниками восстаний», как все было организовано и что необходимо сделать для предотвращения восстаний, а также степановцам был предъявлен ряд ультимативных требований. В докладе была особо отмечена реакция присутствовавших на сходе жителей: «почти никто оратору не возражал, все сидели с опущенными глазами и качали головой. Урок, данный степановцам, был внушительный. Многие из крестьян на сходе говорили, что они сильно опозорили себя»[34].

Аналогичные мероприятия охватили территорию всего Донецкого округа. После восстания в Ефремово-Степановской волости Донисполком постановил направить в Донецкий округ «тройку из ответственных товарищей» для уничтожения «бандитского движения» и проведения продразверстки. Командируемой тройке приказывалось согласовывать свои действия с местными красноармейскими частями[35]. Сразу после разгрома отряда Смелова в Донецком округе «для борьбы с бандитизмом и укрепления Соввласти» 1 января 1921 года была образована чрезвычайная уполномоченная «тройка» в составе военного комиссара, председателя исполкома и члена Донкома РКП(б). Для укрепления власти на местах в округ была направлена комиссии из 5 человек, которой был придан кавалерийский эскадрон в 50 сабель при 2 пулеметах. Комиссия восстанавливала власть в волостях, в которых произошло восстание: Ефремово-Степановской, Криворожской, Позднеевке, Талово-Калитвенской и Ольхово-Городищенской. Восстановление власти предусматривалось проводить административно-полицейскими мерами: изъятию у населения подлежали оружие и боеприпасы, повстанцы-одиночки и мелкие отряды должны были уничтожаться, всех подозревавшихся в «контрреволюции, подстрекательстве, шептунов и разжигателей темных масс» к антисоветскому выступлению, а также всех дезертиров и их укрывателей следовало задерживать и передавать в выездную сессию ревтрибунала. Захваченных с оружием в руках и преднамеренно его скрывающих приказывалось расстреливать на месте. В каждой волости

[34] ЦДНИРО Ф. 12. Оп. 5. Д. 138. Л. 63.
[35] ГАРО Ф. р-97. Оп. 1. Д. 45. Л. 13об.

необходимо было взять по «10 заложников кулацкого элемента» из числа наиболее популярных среди населения и подписку у селян об их коллективной ответственности в случае убийства сотрудников советских учреждений и большевиков. За убийство одного советского работника были бы расстреляны 10 заложников, а связанным круговой порукой жителям волости грозило бы имущественное наказание[36]. Деятельность «тройки» и направление экспедиций в ряд волостей должны были «прочистить население от банд и контрреволюционеров»[37]. За первые три месяца 1921 года в Донецком округе было арестовано по подозрению в «контрреволюции» 48 человек[38]. В феврале 1921 года в каждом хуторе была выделена тройка из зажиточных селян, на которых возлагалась обязанность немедленно сообщить власти о появлении повстанцев, за несвоевременное донесение этим людям грозил расстрел на месте. Созданный при комиссии эскадрон был увеличен до 100 человек[39].

Таким образом, при подавлении восстания в Донецком округе власть использовала весь комплекс мероприятий: от применения частей Красной Армии при разгроме повстанческой «армии» и использования агентов политбюро при выслеживании и поимке скрывавшихся организаторов и активных повстанцев, до создания чрезвычайных «троек» и ревкомов, суда ревтрибуналов, организации сдачи оружия, конфискации имущества, заложничества. Не последнее место занимало объединение бедноты и создание из них опоры власти, а также организация сходов селян с разъяснением политики советской власти и «разоблачением» организаторов восстания как врагов крестьян.

Восстание в Ефремово-Степановской волости в декабре 1920 года не привело к прекращению взимания разверстки в Донецком округе, власть по-прежнему была преисполнена решимости получить 100 % причитавшегося продовольствия. Во второй половине января 1921 года продкомиссар Донской области Миллер объехал Донецкий и Верхне-Донской округа. Он отметил случаи спекуляции среди населения, невыполнение продразверстки. Относительно Донецкого округа было отмечено, что «население округа злостно или бессознательно, способствовало восстановлению белогвардейского режима и власти кнута и нагайки». В Донецком округе было зверски убито свыше 20 продовольственных работников. Вместе с Миллером в округ прибыла выездная сессия ревтрибунала. Для «восстановления революционного порядка» и усиления ссыпки хлеба в Донецкий округ были направлены 26 ударных групп, Миллером были командированы 50 агентов для усиления продовольственной работы. До выполнения 100 % всех разверсток в Донецком округе были закрыты все мельницы[40]. В середине февраля 1921 года Донецкий окружком РКП(б) подводя итоги работы за 1920 года констатировал: «советская власть, насаждаемая Красной армией, стала своей в психологии населения». Но вместе с тем «необходимость продразверсток» жителям прививалась трудно, что и стало причиной восстания в Ефремово-Степановской волости. Окружком отметил удовлетворительное политическое настроение населения, хотя и признал, что проведенный продмесяц значительно повлиял на ухудшение настроя крестьян[41].

---

[36] ГАРО Ф. р-97. Оп. 1. Д. 650. Л. 244-244об.
[37] ЦДНИРО Ф. 75. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.
[38] ГАРО Ф. р-97. Оп. 1. Д. 650. Л. 521.
[39] ЦДНИРО Ф. 75. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.
[40] В Донецком округе (от нашего корреспондента) // Донская беднота. 1921. 10 февраля.
[41] ЦДНИРО Ф. 75. Оп. 1. Д. 20. Л. 35в-35г.

Жители Ефремово-Степановской волости наравне со всем населением Донецкого округа исправно выполняли продразверстку. На объединенном заседании бюро окружкома РКП(б) и президиума окружного исполкома Донецкого округа 17 марта 1921 года слушался вопрос «О положении в Ефремово-Степановской волости». В зачитанном заявлении волостного исполкома и постановлении комячейки была нарисована картина жизни людей после выполнения продразверстки: «настроение населения угрожающее. Возможны осложнения. … Продовольственного хлеба нет не только у бедноты, но и у середняков и кулаков. Разверстка выполнена более 100 %. На продовольствие употребляется посевной материал. … Настроение с каждым днем обостряется. Если беднота не будет удовлетворена продовольствием, то кризис настанет быстро, поэтому волисполком просит сложить с него ответственность за дальнейшее». Совместное заседание, принимая во внимание невозможность взять хлеб у кулаков и середняков и желая предупредить «новый взрыв восстания» предложило окружному продкомиссару разрешить волостному исполкому «удовлетворить бедноту» и выдать с мельницы по 15 фунтов зерна на каждую душу на 1 месяц заимообразно[42]. Но доведенные буквально до голода жители Ефремово-Степановской волости на сей раз не выступили против власти, хотя как раз в марте 1921 года произошли антибольшевистские восстания Я.Е. Фомина в Верхне-Донском округе и И.П. Колесова во 2-м Донском, а в 1-м Донском и Сальском округах действовал крупный отряд Г.С. Маслакова. Повстанческие отряды также действовали на территории Харьковской и Воронежской губерний. Но протестный потенциал донецких крестьян был исчерпан, а массовая гибель восставших в бою под Позднеевкой надолго стала горьким уроком для людей.

Локальное восстание крестьян волостей Ефремово-Степановской и Позднеевки Донецкого округа Донской области в декабре 1920 года являлось протестной реакцией на политику «военного коммунизма» и закончилось закономерным поражением и разгромом повстанцев регулярными частями Красной Армии. По причинам, характеру, целям, военной организации, тактике, стратегии хронологически оно может быть отнесено к серии локальных восстаний известных как мятежи «красных командиров». В череде таких мятежей разразившихся на территории Донской области в декабре 1920 – марте 1921 года восстание степановцев и позднеевцев находится раньше остальных. И хотя формально «главнокомандующим» восставших крестьян являлся белогвардейский полковник В.К. Смелов, но фактически они выступали отнюдь не за воплощение в жизнь идей белого движения. В известном смысле это восстание являло собой своеобразную переходную ступень от действий в донских округах поздней весной – осенью 1920 года казачьих повстанческих отрядов возглавлявшихся белогвардейскими офицерами к мятежам и действиям формирований «красных командиров».

[42] ЦДНИРО Ф. 75. Оп. 1. Д. 13. Л. 24-24а.

«НАРОДНЫЕ АРМИИ» 1919 ГОДА НА ТЕРРИТОРИИ БАЛАШОВСКОГО ПРИХОПЁРЬЯ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Аннотация: В статье описан феномен «народных армий» из повстанцев Саратовской и Воронежской губерний. Армии формировались во время массового антибольшевистского движения крестьян летом 1919 г. В основе их организации лежал земляческий принцип. В статье приведены некоторые факты, упомянуты лица, служившие в данных импровизированных формированиях. «Армии» частично были переформированы в регулярные белые части при Донской армии.

Ключевые слова: Прихоперье, Гражданская война, повстанчество, зеленое движение, Донская армия

Abstract: The article describes the phenomenon of «people's armies» from the rebels of Saratov and Voronezh provinces. The army was formed during the mass anti-Bolshevik movements of peasants in summer 1919. At the heart of their organizations lay the compatriot principle. The article presents some facts mentioned persons who served in these improvised formations. The «armies» were partially reorganized into regular white units within the Don army.

Key words: Hoper region, Civil War, rebellion, Green movement, Don Cossack army.

Булгаков А.О.
(Балашов Саратовской области)

Территория Балашовского Саратовской губернии и часть сопредельного с ним Новохоперского Воронежской губернии уездов в 1919 году оказалась охвачена массовым антибольшевистским крестьянским повстанчеством - зеленым движением. В его ходе выдвигались наиболее инициативные народные лидеры, самые «непослушные» села превращались в устойчивые повстанческие анклавы. При этом, восставшие поддерживали связь с Донской армией, в источниках встречаются многочисленные упоминания о «посылке гонцов к Деникину»[2].

Вполне естественно, что командование ВСЮР стремилось использовать данный боевой материал, тем более что к моменту вступления белых частей на территорию Прихопёрья целые волости уже находились под властью повстанцев. По мере продвижения частей Донской армии начинается процесс формирования так называемых Народных армий, состоящих из «зеленых». На основании этого в мемуарах современников появляется термин «бело-зеленые», фразы вроде «отряды зеленых и деникинцев»[3].

Имеются свидетельства о формировании 1-й Народной Армии в составе ВСЮР из саратовских и воронежских крестьян при 2-ом Донском отдельном корпусе генерал-майора П.И. Коновалова. 9 июля (по старому стилю) начальником 7-ой Донской дивизии генерал-майором Аврамовым было отдано приказание есаулу Породину «немедленно начать формирование из самомобилизовавшихся

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-01-00460-ОГН «Механизмы конфронтации в сельской провинции 1917 - 1922 гг.»

[2] Например, см. Воспоминания коммуниста Алексина, хранятся в школьном музее с. Макашевка.

[3] Кузеванов Л.И. Гражданская война в России. Красные и бело-зеленые в борьбе за Балашов в 1919 г. //Некоммерческий научный сайт "Балашовский следопыт". 2012. 25 августа. URL:http://bs-t.3dn.ru/publ/6-1-0-238

крестьян» стрелкового полка, которому присваивалось название 1-ый стрелковый Саратово-Воронежский полк. Местом формирования стало село Горелка, контингент набирался из сел Танцырей, Третьяки, Тюковка, Губари, Макашевка (Воронежской губернии) и Рассказань, Большой Карай, Инясево, Дурникино, Романовка Саратовской губернии. Отметим, что Макашевка и близлежащие села являлись наиболее влиятельным центром зеленого повстанчества в Прихопёрье, именно с этого района началось восстание.

К 11 июля в полк поступило 970 бойцов, разбитых на 8 рот по земляческому признаку (1-ая - 4-ая - из сел Саратовской губернии, 5-ая - 8-ая - Воронежской). К 25 июля полк был сформирован и официально переименован в «1-й полк Народной Армии», с доведением его численности до 1300 штыков. В связи с отступлением Донской армии, полк был переброшен под Алексиково, где в течение десяти дней участвовал в боях, доказал свою стойкость, однако 24 августа был расформирован, видимо из-за опасения потери дисциплины при отдалении от родных мест[4].

Еще один устойчивый и достаточно результативный повстанческий анклав - село Терновка с близлежащими населенными пунктами, дали 7-ю Народную Армию. Документация этой зеленой армии стала самостоятельным фондообразователем в РГВА[5], что надо признать редкой удачей. При этом папка, которая содержит около 160 листов внутренней документации данного формирования, имеет обозначение «ГАУ НКВД», то есть Главное архивное управление наркомата. Возможно, сбор документов велся целенаправленно, или же просто трофейный комплекс документов первоначально хранился в ведомственном архиве. На основании документов установлено, что эта армия поддерживала связь со станицей Михайловской, имела свои удостоверения и другую документацию. Один из документов – протокол собрания командиров подразделений – выражает готовность повстанцев действовать совместно с казаками, при желании не перемещаться вглубь Донской области, а, напротив, идти вперед на Балашов. Судя по материалам, армия состояла из нескольких полков. На настоящий момент получены сведения по одному из них.

При занятии села Печурино 5-м Вешенским полком Донской армии, «из дезертиров и недовольных советской властью» казакам удалось сформировать 1-й Георгиевский полк, входивший в состав 7-й Народной Армии. Полк имел значительную численность (не менее пяти рот) и неплохое вооружение для повстанческой части - 2 орудия и 6 пулеметов. Однако, как следует из публикуемого в фотокопии документа, снаряжение фактически отсутствовало, один из ротных просил выдать комплекты на всех бойцов[6].

Вызывает вопросы название полка, так как населенных пунктов с подобными топонимами поблизости нет (Георгиевка, Георгиевское и т.д.), а апелляция к Георгиевскому запасному пехотному полку (созданному в августе 1917 года в Киеве и давшему впоследствии основу для Георгиевской роты в составе Корниловского ударного полка) кажется смешной.

Командиром 5-ой роты был назначен Жалейкин Иван, его сын, Жалейкин Иван Иванович, служил в пулеметной команде полка, комендантом села Печурино стал тесть Жалейкина-старшего, Иванов Федор Никодимович (до прихода белых

---

[4] Кручинин А.С. «Народная армия» 1919 года: воронежские и саратовские крестьяне в боях с большевиками на севере Донской области//Армия в истории России. Материалы межвузовской научной конференции (г. Курск, 23 мая 1997 года). - Курск, 1997. - с. 80-81.

[5] РГВА Ф. 39553. Оп.1. Д.1.

[6] РГВА Ф.24505. Оп.3. Д.1256. Л.7-9.

был помощником председателя сельсовета), брат которого, Иванов Максим Никодимович, являлся командиром пулеметной команды. Как видим, две эти семьи очень тесно переплелись как родственными связями, так и военной службой. Вообще, население данного района горячо поддержало повстанцев. Во многих селах наблюдалась подобная указанной «клановость» зеленых: так, Григорьевский Захар Данилович был расстрелян за укрывательство 350 пудов хлеба, а его старший сын ушел с зелеными, к августу 1919 года его судьба оставалась неизвестной[7].

О процессе формирования 7-й Народной Армии повествуют показания Степана Попова и братьев Коростелевых, Дмитрия и Леонтия. По словам красноармейца Попова, он находился в отпуске в Карайских выселках, куда неоднократно приезжали «организаторы 7-й зеленой армии» и проводили митинги. Население поддерживало восставших, провело мобилизацию, под которую попал и сам Степан. С Карайских выселок набралось около 40 человек при трех пулеметах (видимо, вооружение было получено при формировании части, сомнительно, что пулеметы могли храниться у местного населения). Затем, в Терновке, произошло укрупнение части, с окрестных сел собрали еще около 500 человек, придали два орудия и направили под Балашов, который вскоре был взят. При отступлении Степан Попов сдался 2-ой бригаде красных, однако от расстрела это его не спасло.

По показаниям Дмитрия Коростелева, бывшего на тот момент председателем сельсовета села Тюменевка, в последних числах июня стали приезжать зеленые, собирали стихийные митинги с просьбой присоединиться, так как «они стоят за завершение войны». В первых числах июля прибыли 15 вооруженных представителей 7-й Народной Армии с требованием «собрать всеобщее собрание». На просьбу Дмитрия предоставить мандат, ответили, что они - организаторы зеленой армии. На сходке было принято решение примкнуть к восставшим и провести мобилизацию. Тут же Дмитрия назначили комендантом села, а его брата Леонтия - взводным (сказался прошлый боевой опыт в качестве старшего унтер-офицера 331-го Орского пехотного полка). Леонтий вместе с частями зеленой армии дошел до Балашова, далее, как и многие, во время отступления сложил оружие. Братья были расстреляны, несмотря на то, что сельское общество составило официальный документ, в котором поручалось за своих земляков, указывая, что Дмитрий и Леонтий были поставлены на должности без их согласия. Позиция Ревтрибунала ясна - в «зеленых» местностях подобного рода поручительство не имело никакого веса[8].

1-й Георгиевский полк принимал участие во взятии Балашова, затем с боями отступал до Терновки, Данилкино, позднее до своего села, где был окружен и разбит частями Жлобы. Жалейкин Иван (ротный) был убит при обороне села от конницы Жлобы, он остался прикрывать отход, установив пулемет прямо на окраине своего огорода. Вместе с ним погибла и большая часть полка, бойцов похоронили родные за оградой сельского кладбища. Вплоть до 50-х годов родственники приносили цветы на безвестные холмики, - устанавливать кресты и таблички запретили местные власти.

Комендант села, Иванов Федор Никодимович, не успел скрыться и был арестован и расстрелян в августе 1919 года по приговору Ревтрибунала IX армии Южного фронта. Иванов Максим Никодимович сумел пережить чистки, но в пик

[7] Там же. Л.10.

[8] РГВА Ф.24505. Оп.3. Д.1258. Л.14; РГВА Ф.24505. Оп.3. Д.1260. Л.10.

репрессий, в 1937 году, был арестован и расстрелян по обвинению в антисоветской агитации.

Жалейкин Иван Иванович после Гражданской войны вернулся в родное село, где занимался хлебопашеством. Большинство односельчан так или иначе участвовало в зеленом движении, поэтому выявить бывших зеленых органам было достаточно трудно. С началом коллективизации Иван Иванович отказался вступить в колхоз, за что был осужден. Вернувшись, был принудительно зачислен в колхоз, однако не боялся негативно высказываться о колхозном строе, утверждая, что при таких условиях нет разницы, работает человек или нет, все получают по уравниловке. По доносу односельчан, был арестован в феврале 1938 года и расстрелян в Балашовской тюрьме в ночь с 16 на 17 февраля того же года[9].

Документы позволяют установить, что ядро 7-й Народной Армии стало основой для Степного Стрелкового полка, в частности, на это указывают подписи И.Ф. Протянова и Н.А. Крылова на одном из документов армии, занимавших должности как в Армии, так и в Степном полку.

А.В. Посадский выявил документ, относящийся к формированию частей из зеленых повстанцев при соединениях Вооруженных Сил Юга России. Это приказ № 1 по части строевой по Степному Стрелковому полку от 8 (21) июля 1919 г.

Приказом объявлялась копия приказания командира пластунской бригады полковника Иванова от 6 (19) июля за № 15 Командиру Степного отряда штабс-капитану Рогову: ввиду создавшегося тяжелого положения на Балашовском фронте частей отряда полковника Иванова и ввиду многочисленности красных, наседающих на бригаду, Рогову предлагалось в самый кратчайший срок произвести мобилизацию в слободах и селах района; к мобилизации привлечь военнообязанных призыва 1910 — 1918 гг., а если мобилизация уже произведена, то впредь до улучшения обстановки и ликвидации непосредственной опасности задержать временно и срок призыва до 1905г.; об исполнении настоящего приказания предлагалось уведомить. Приказание подписали командир сводного отряда полковник Иванов и начштаба полковник Петров.

Далее в приказе объявлялась копия предписания начальника 7-ой казачьей донской дивизии генерала Аврамова от 7 (20) июля № 14 штабс-капитану Рогову, командиру Степного народного отряда (копия — полковнику Иванову). Начдив предлагал из самомобилизованных крестьян сел Терновки, Михайловки, Родничка, Данилкино, Сухой Елани и «других ближайших деревень» сформировать стрелковый полк в составе трех батальонов четырехротного состава по 250 штыков в роте, двух эскадронов по 150 шашек и пулеметной команды из расчета двух пулеметов на роту и эскадрон, и обозов 1-го и 2-го разряда. При формировании следовало выделить из отряда комсостав с распределением командных ролей по усмотрению. Этот комсостав предполагался в качестве временного, до прибытия в распоряжение Рогова офицеров, которые и займут офицерские командные должности. По сформированию полк должен был поступить в распоряжение Командира 5-й пластунской бригады полковника Иванова и влиться в состав бригады. Полку предписывалось именоваться «Степным стрелковым полком».

В этот же день последовало приказание Начальника Дивизии № 15, которым приказывалось имеющихся в Степном стрелковом полку казаков-повстанцев оставить до особого распоряжения, составив на них именной список, каковой немедленно представить по команде.

[9] РГВА Ф.24505. Оп.3. Д.1256. Л.15.

Согласно предписанию Рогов был назначен командиром вновь формируемого полка, 8 июля вступив в исправление должности.

Сразу же последовал ряд назначений: адъютантом полка — поручик И.Ф. Протянов; зав. оперативной частью — прапорщик Н.В. Голяев; начальником хозяйственной части — прапорщик Н.А. Крылов, казначеем — чиновник военного времени Н.А. Дьяконов, делопроизводителем — чиновник военного времени Н.М. Горсков; начальником команды особого назначения — старший унтер-офицер И.И. Мокринский; командиром 2-го батальона (видимо, 1-го) — подпоручик Ф.И. Полянкин; командиром 2-го батальона — подпрапорщик Е.Е. Холяпин; начальником пулеметной команды — подпоручик А.Н. Никонов; начальником связи — старший унтер-офицер нестроевого разряда — электротехник В.И. Харитонов; зав. оружием — помощник технического мастера Е.И. Бегляев, его помощником — оружейный подмастерье В.Ф. Христофоров, оружейным мастером — Я.А. Есипов[10].

Данный документ интересен еще и тем обстоятельством, что одним из его адресатов является командир Степного отряда штабс-капитан Рогов. Здесь следует дать некоторые пояснения. Дмитрий Александрович Рогов, уроженец Терновки, бывший офицер, принимавший неоднократное участие в различного рода местных восстаниях. Красный мемуарист указывает, что по его инициативе был сформирован зеленый полк, который воевал в составе Белой армии[11]. В связи с этим, получается следующая ситуация: Терновка уже была центром формирования 7-й Народной Армии, а Рогов на момент подписания приказа командовал Степным отрядом. Механизм данного переформирования еще предстоит выяснить.

Приведенные сведения позволяют подвести промежуточный итог: Народные Армии формировались, судя по всему, по волостям, то есть несколько «зеленых» волостей могли дать одну воинскую часть. Бойцы объединялись в роты по «земляческому» принципу, в случае, если желающих было достаточно много, могли сформировать отдельный полк с последующим пополнением. Номер 7-й Армии позволяет полагать, что целый ряд подобных территориальных «армий» был запланирован или сформирован лидерами повстанческого движения. Очевидно, наиболее состоявшиеся из них и стали основой новых белых полков. Про иные номерные армии ничего не известно на данный момент, но можно уверенно предполагать их наличие хотя бы в проекте. Нечто подобное – деление на номерные районы и зоны ответственности – известно во время активного повстанческого движения в Заволжье.

По нашему мнению, подобные армии могли дать Самойловская, Романовская, Аркадакская, Новопокровская и Ивановская 2-я волости, также бывшие центрами зеленого движения в уезде. Так или иначе, судьбы остальных Народных Армий, если таковые были созданы, их возможные последующие переформирования, степень боевого участия и контингент, - все подобные сюжеты могут быть прояснены только дальнейшими исследованиями.

---

[10] Посадский А.В. Степной Стрелковый полк: воронежские и саратовские крестьяне в рядах ВСЮР // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. трудов. – Саратов: изд-во «Научная книга», 2005. Вып.6. С.103-105.

[11] Иванов Е.Ф. Воспоминания о революционном движении и других героических событиях Терновской волости Балашовского района Саратовской области. Балашовский краеведческий музей (БКМ) 256/3.

«У МЕНЯ ИМЕЕТСЯ ПОРУЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ»:

ДОКУМЕНТЫ О ПОДПОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1918 Г. ЧЛЕНА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ОТ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ И.И. РЯБОВА

Аннотация: Публикуются документы колчаковской контрразведки об антибольшевистской подпольной деятельности в Тамбовской губернии летом - осенью 1918 г. члена партии эсеров, депутата Учредительного собрания И.И. Рябова. На допросах Рябов охарактеризовал настроение крестьянского населения Тамбовской, Саратовской, северных уездов Воронежской и южных уездов Рязанской губерний как антибольшевистское и предложил колчаковскому военному командованию организовать в этом регионе партизанские отряды для борьбы против советской власти.

Ключевые слова: Гражданская война, Учредительное собрание, эсеры, Колчак.

Abstract: The paper presents documents of Kolchak's intelligence about anti-Bolshevik underground activities of Deputy of the Constituent Assembly Ivan I. Ryabov in Tambov province during the summer and autumn of 1918. During interrogations, Ryabov described the mood of peasant population of Tambov, Saratov, northern districts of Voronezh and southern districts of Ryazan provinces as anti-Bolshevik and suggested the command of army of Admiral Kolchak to organize in this region guerrilla groups to fight against the Soviet regime.

Key words: Civil war, Constituent Assembly, socialist-revolutionaries, Kolchak.

Публ. М.И. Вебера
(Екатеринбург)

Важнейшее значение на начальном этапе Гражданской войны имела антибольшевистская подпольная деятельность, в которой принял участие широкий спектр политических сил – от монархистов до умеренных социалистов. Особую роль в подпольной борьбе против советской власти в 1918 г. сыграла партия эсеров, пользовавшаяся большой популярностью среди населения и обладавшая огромным дореволюционным опытом подпольной борьбы.

Публикуемые в приложении к данной статье документы проливают свет на характер антибольшевистской подпольной работы партии эсеров в Тамбовской губернии летом-осенью 1918 г. Эти документы выявлены в фонде 40218 «Отдел контрразведки штаба Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России (1918-1919 гг.)» Российского государственного военного архива (РГВА). Они появились при следующих обстоятельствах: в январе 1919 г. колчаковская контрразведка задержала члена партии эсеров, депутата Учредительного собрания от Тамбовской губернии И.И. Рябова. На допросах Рябов дал развернутые показания о своей подпольной работе в Тамбовской губернии, которая заключалась, прежде всего, в сборе разведывательных сведений о состоянии тыла и фронта Красной армии.

Главный герой публикации – Иван Иванович Рябов (Муксунов) – родился 24 июля 1891 г. в с. Незнановка Беломестно-Двойневской волости Тамбовского уезда Тамбовской губернии в крестьянской семье[1]. Он получил лишь начальное образование, его университетами стали тюрьма и каторга. В 1905 г. Рябов вступил в партию эсеров и принял активное участие в борьбе с царским режимом. В 1908-1912 гг. он неоднократно арестовывался и в итоге был приговорен к 6 годам каторги по обвинению в убийстве. Наказание отбывал в Бутырской тюрьме. После Февральской революции 1917 г. вышел на свободу. Работал инструктором Тамбовской губернской продовольственной управы. Благодаря своему революционному прошлому и заслугам перед партией, несмотря на свой юный возраст, Рябов был выдвинут эсерами кандидатом на выборах в Учредительное собрание. Он был избран депутатом Учредительного собрания по Тамбовскому избирательному округу. И.И. Рябов участвовал в печально знаменитом заседании Учредительного собрания 5 января 1918 г., а после разгона Учредительного собрания большевиками ушел в подполье.

В июне-октябре 1918 г. Рябов находился на подпольной работе в Тамбовской губернии. Затем он получил задание пересечь линию фронта и приехать в Омск для доклада Временному Всероссийскому правительству о политической ситуации в губерниях Центральной России. Выполняя это поручение, Рябов через Саратов, Уральск и Уфу к концу декабря 1918 г. добрался до Челябинска. Во время поездки Рябова в Омске произошел государственный переворот, приведший к смене правительства, устранению членов партии эсеров из высших органов власти и установлению единоличной диктатуры адмирала А.В. Колчака. Тем не менее, Рябов принял решение продолжить свою поездку, но ехал инкогнито – под видом конторщика некого уральского купца. Несмотря на принятые меры предосторожности, И.И. Рябов был задержан в Челябинске военной контрразведкой.

4 января 1919 г. он был допрошен следователем военно-контрольного пункта при штабе 3-го Уральского корпуса горных стрелков Западной армии прапорщиком В.М. Горским[2]. Первоначально Рябов следовал своей конспиративной легенде и рассказал на допросе вымышленную биографию: якобы он беспартийный мещанин г. Саратова, бывший солдат 4-го Туркестанского полка, приехавший в Челябинск по своим личным делам. Однако, затем в допросе наступил «момент истины» – И.И. Рябов был вынужден признаться, что он не тот, за кого себя выдает, и раскрыть свою личность, а также коротко охарактеризовать выполняемое им поручение бывшего правительства.

Сведения, сообщенные на первичном допросе Рябовым, сочли важными и 5 января 1919 г. он, как и просил, был отправлен под конвоем в столицу белой Сибири – город Омск[3]. Прибыв в Омск, И.И. Рябов обратился с ходатайством к начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-майору Д.А. Лебедеву с просьбой организовать его встречу с членами правительства для передачи имеющихся у него секретных данных о настроениях крестьянства Тамбовской, Саратовской и частично Воронежской и Рязанской губерний и о возможности организации партизанской борьбы против большевиков в Центральной России[4]. Во встрече ему было отказано. Вместо этого, Лебедев

---

[1] Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 377.

[2] См. док. № 1.

[3] См. док. № 2.

[4] См. док. № 3.

распорядился взять с Рябова письменные показания, что и было исполнено сотрудниками колчаковской контрразведки.

21 января 1919 г. И.И. Рябов был допрошен в Омске сотрудником Центрального отделения Военного контроля при штабе Верховного Главнокомандующего генерал-майором В.А. Бабушкиным[5]. На допросе он дал ценные сведения о состоянии фронта и тыла Красной армии, о подпольной работе эсеров, наибольший же интерес представляет та часть его показаний, где Рябов охарактеризовал настроения крестьянского населения Тамбовской, Саратовской, северных уездов Воронежской и южных уездов Рязанской губерний. Рябов утверждал, что среди крестьян этих губерний зреет массовое недовольство советской властью из-за реквизиций хлеба и скота, бессудных арестов, порок и расстрелов. По мнению И.И. Рябова, посылка в этот регион колчаковским командованием инструкторов с конкретными планами партизанской борьбы и координация их с местными подпольщиками для организации партизанских отрядов привела бы к началу большого крестьянского восстания, которое дезорганизовало бы тыл Красной армии.

Насколько достоверна была предоставленная И.И. Рябовым колчаковской контрразведке информация? На мой взгляд, Рябов не лукавил на допросе и не выдавал желаемое за действительное, когда утверждал, что тамбовское и саратовское крестьянство готово к массовым выступлениям против советской власти с оружием в руках. Верность данных им на допросе сведений о настроениях тамбовского крестьянства подтверждается событиями 1920-1921 гг., когда в Тамбовской губернии вспыхнуло Антоновское восстание – одной из крупнейших антибольшевистских крестьянских повстанческих выступлений Гражданской войны.

Весьма верными оказались и наблюдения И.И. Рябова о характере Гражданской войны в России: о том, что победа в ней будет достигнута не только и не столько оружием, сколько агитацией, о необходимости активизировать агитацию, чтобы побудить насильно мобилизованных солдат противника массово переходить на свою сторону, расправляясь при этом с командным составом и добровольцами. Рябов совершенно верно, как показали дальнейшие события, считал, что подобные случаи массового перехода мобилизованных на другую сторону деморализуют добровольцев, составляющих костяк армии, и, в конечном счете, приведут к полному ее развалу. Как известно, именно по такому сценарию разложилась и развалилась во второй половине 1919 г. колчаковская армия.

Предоставленные И.И. Рябовым сведения удовлетворили колчаковскую контрразведку и 24 января 1919 г. Рябов был выпущен на свободу[6]. Следует отметить, что вопреки распространенным в исторической публицистике представлениям о том, что колчаковский режим преследовал всех членов партии эсеров, фактически преследованиям подвергались только те эсеры, которые открыто выступали против адмирала А.В. Колчака. После колчаковского переворота продолжили работать избранные в 1917 г. на первых в истории России демократических выборах органы местного самоуправления, в состав которых попало много представителей умеренных социалистических партий – эсеров и меньшевиков.

Нельзя не упомянуть, что в дальнейшем И.И. Рябов сыграл заметную роль в борьбе против белого движения на Юге России. В декабре 1919 г. в Черноморской губернии разгорелось крупное крестьянское восстание против деникинских

[5] См. док. № 4.
[6] См. док. № 5.

властей, которое дезорганизовало тыл и помешало планомерной эвакуации остатков вооруженных сил генерала А.И. Деникина в Крым и Грузию. Во главе восстания стоял находившийся под влиянием партии эсеров Комитет освобождения Черноморской губернии. И.И. Рябов входил в состав этого руководящего органа повстанцев и возглавлял работу его отдела продовольствия[7].

В 1920-е гг. И.И. Рябов работал в кооперации, в частности заведовал отделом технического снабжения «Промыслового союза Узбекистана» (Узпромсоюз). Его заслуги в борьбе против царского режима были подтверждены членством в Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Таким образом, он вполне успешно инкорпорировался в новое советское общество.

Однако, по мере укрепления личной диктатуры И.В. Сталина, в стране вновь начались массовые репрессии, по своим масштабам догнавшие, а затем и превзошедшие красный террор Гражданской войны. Биография Рябова практически не оставляла ему шансов проскользнуть сквозь сито большого террора. 1 декабря 1932 г. он был арестован по обвинению во вредительстве и хищениях в крупных размерах. 27 декабря 1932 г. коллегия ОГПУ приговорила И.И. Рябова к смертной казни. 19 апреля 1933 г. приговор был приведен в исполнение. И.И. Рябова похоронили на Ваганьковском кладбище. 14 мая 1970 г. он был реабилитирован постановлением президиума Московского городского суда.

Документы публикуются в современной орфографии и пунктуации, но с сохранением основных стилистических особенностей. Сохранено авторское написание прописных и строчных букв. Слова и части слов, пропущенные или сокращенные в оригинале, восстановлены по смыслу и обозначены квадратными скобками.

Публикуемые документы

№ 1
Протокол допроса И.И. Рябова следователем военно-контрольного пункта при штабе 3-го Уральского корпуса Западной армии прапорщиком В.М. Горским от 04.01.1919

Протокол допроса

1919 г. *января 4* дня *следователь* военно-контрольного пункта Штаба 3-го Уральского Корпуса *прап[орщик] Горский* допрашивал нижеподписавшегося в качестве *обвиняемого*, причем он показал:

Вопросы	Ответы
1) Имя, отчество и фамилия	Иван Иванович Рябов
2) Возраст	30 лет
3) Звание (состояние, чин, где служил, имел ли знаки отличия и какие, отбыл ли воинскую повинность: если запасный или отставной военный чин, то когда вышел в запас или получил отставку).	Мещанин г. Саратова Солдат 4-го Туркестанского полка и уволен по болезни в первобытное состояние

[7] Черкасов А.А. Комитет освобождения Черноморской губернии (1 декабря 1919 – середина мая 1920 г.) (Продолжение) // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 3 (17). С. 91.

4) Место рождения: а) губерния, б) уезд или город	г. Саратов
5) Постоянное местожительство (временное пребывание)	г. Уфа
6) Национальность и народность	русский
7) Религия	православный
8) Какое получил образование	Окончил городское начальное училище
9) Семейное положение (холост, женат, вдов, разведен имеет детей; если малолетний, то живет ли при родителях, сирота, подкидыш и т. п.)	женат
10) Занятие	Служил счетоводом в г. Полтаве в О[бщест]ве Потребителей
11) Прежняя судимость	Под судом и следствием не состоял

Я был отпущен с военной службы из 4-го Туркестанского полка 10 окт[ября] 1916 г. по болезни и жил у себя дома в г. Саратове, откуда я ездил в Полтаву. В Полтаве я служил в кооперативе. Из Полтавы я возвратился снова в Саратов, откуда отправился к моему дяде в с. Беково (Саратовской губ[ернии] Сердобского уезда), откуда выезжал в г. Саратов и состоял там [в] союзе фронтовиков. Из Саратова в мае месяце я ездил в Москву по своим личным делам[8].

В сентябре месяце 11-12 я был в Вольске, откуда 14 или 15 сентября я прибыл в г. Самару. В конце сентября я прибыл в г. Уфу. В Уфе я встретился с одним знакомым уральским купцом, у которого и служил в конторщиках. В первых числах ноября я поехал с названным купцом в Уральск через Оренбург, откуда через месяц я снова вернулся в Уфу. В Уфе я нигде не служил. В партиях и партийных организациях я никогда не состоял.

Перед эвакуацией Уфы на постоялом дворе я встретился с Федором Даниловичем Анисимовым и с ним мы выехали на лошадях в Челябинск. Около Челябинска в ст. Хорунжинской нас сочли было за каких-то комиссаров (кажется, Харлушинской стан[ицы]). Мы ходили к атаману, и он отпустил нас. Со мною, кроме Анисимова, ехали студент юрист, называвший себя Павлом Петровичем Феодосьевым, Степан Родионович фамилию не знаю и Сергей Федорович фамилию не знаю и девица Александра Васильевна (фамилию тоже не знаю). Выяснить мою личность может Войсковое Уральское Правительство и генерал Еремин, Н[ачальни]к контрразведки.

На вопрос, почему я ездил в Москву и какие там я имел дела, отвечать отказываюсь.

Все показанное мною выше неправда, давал я ложные показания потому, что мне хотелось в кратчайший срок пробраться в г. Омск к Всероссийскому Правительству, от которого у меня имеется поручение государственной важности (информация о силах, характере сил и настроении масс Советской России).

Я член Всероссийского Учредительного Собрания от фракции с[оциалистов]-р[еволюционеров] от Тамбовской губернии Иван Иванович Рябов.

С 4-го июня я находился в Тамбовской губернии и скрывался от большевиков. Я член партии социалистов-революционеров правого крыла. Через фракцию я получил поручение от Всероссийского Правительства информационного характера, о котором уже упоминал.

[8] Здесь и далее в документе подчеркнуто прапорщиком В.М. Горским.

В конце октября я выехал из г. Тамбова через Саратов на Николаевск, а оттуда на Уральск. В Уральске я делал доклад Войсковому Уральскому Правительству, получил от Войскового Правительства удостоверение на право проезда до Омска. 25-го ноября н[ового] ст[иля] я выехал из Уральска на Оренбург, а оттуда на Уфу на лошадях как наиболее кратчайшим путем и в целях ориентировки у членов Учредит[ельного] Собрания[9]. В среду, 26-го декабря н[ового] ст[иля], я выехал из Уфы на лошадях и в остальном не встречая препятствий доехал до Харлушинской станицы. Здесь в нас заподозрили большевиков, но, когда мы предъявили документы атаману станицы, нас пропустили.

С событиями, которые произошли в Омске в смысле перемены власти, я был знаком, но, считая, что мое поручение имеет общегосударственный характер, своего решения поездки в Омск не менял.

Из Уфы со мною ехали спутники[10], о которых никаких показаний сейчас дать[11] я не желаю. При мне находится паспортная книжка за № 317, засвидетельствованная карточка моя и две карточки моих спутников, удостоверение за № 526 от Самарского комитета беженцев и записная книжка.

В смысле информации о Советской России могу сказать следующее:

Месяца два тому назад со дня на день большевики были ближе и ближе к своему падению. Слухи о союзниках наводили панику на войска и главным образом на добровольцев[12]. При переходе Уральского фронта, чтобы выждать более удобный момент для перебежки, я жил 12 дней в тылу у большевиков на хуторе Гниломедове верст 120-110 от Уральска. Верстах в пяти от меня в селе Украинке было восстание полка (1-го Николаевского кавалерийского), который на митинге вынес постановление не идти в наступление. Там же были: на Уральском направлении 4-я армия – Балашовский и Новоузенские полки; 1-й Саратовский полк был на Соболевском направлении между Бузулуком и Уральском. Войска красные очень боятся казаков и в частности армий Краснова и Деникина. Что касается армии Уфимского [правительства], то судя, по газетным сведениям, она их беспокоит мало и сведений о ней почти никаких не получается. Движется по России волна военнопленных, к ней большевики относятся очень враждебно. Из военнопленных поступают в Красную армию очень мало. Вообще, я считаю, что военнопленные являются самым здоровым элементом народных масс, и если бы представить себе их мобилизацию, то они могли бы составить из себя армию, равную армии 1914 года. Очень опасаются большевики крестьянских масс. Очень часто по уездам вспыхивают восстания. Так, когда я был в Саратовской губернии, то были восстания в Сердобском уезде, Борисоглебском, Тамбовском, Кирсановском, Мокшановском, замечаются восстания и в других губерниях. Теперь в рядах советских войск заметно улучшилось положение. Этому особенно способствует агитация и крайне одностороннее освещение положения Сибири. Считаю, что если бы были предприняты какие-нибудь шаги к склонению войск, мобилизованных большевиками, к переходу, то перешел бы на сторону Сибири большой процент. Дисциплины на фронте никакой нет, движет большевицкие полки исключительно перспектива пограбить. В штабах замечается строгая

---

[9] Слова «Учредит[ельного] Собрания» вписаны сверху над строкой, под ними зачеркнуты слова «с-р партии».

[10] Слово «спутники» вписано сверху над строкой.

[11] Слово «дать» вписано сверху над строкой.

[12] Слово «добровольцев» вписано сверху над строкой, под ним зачеркнуто слово «мобилизованных».

дисциплина. Мадьярские части, по слухам, уходят домой, латыши держатся. Много содействовала улучшению большевической[13] армии отмена выборного начала. Мною замечено, что эта отмена выборного начала, улучшая дисциплину штабов и связи отдельных частей, тем не менее вызвала большие волнения в низах армии.

Исправленному «Учредительного Собрания» и вставленному «спутники», «добровольцев» верить.

Прочитано.

Член Всероссийского Учредительного
Собрания *Иван Иванович Рябов*

Показания снимал пр[апорщик] *В. Горский*

РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 322. Л. 4-6. Подлинник. Рукопись. Бланк протокола допроса.

№ 2

Донесение начальника Военно-контрольного отделения штаба Западной армии начальнику Центрального отделения Военного контроля при штабе Верховного Главнокомандующего подполковнику Н.П. Злобину № 72 от 05.01.1919 о пересылке арестованных эсеров в Омск

Препровождая при сем задержанных мною: 1) Члена Съезда Членов УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ Иосифа Алексеевича ЦЫНГОВАТОВА, 2) Члена УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ Ивана Ивановича РЯБОВА и 3) Заведывающего Отд[елом] Сообщений при Комитете Управляющих Членов УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ Ивана Васильевича САЛТЫКОВА, сообщаю, что ЦЫНГОВАТОВ является участником съезда Чл[енов] УЧ[РЕДИТЕЛЬНОГО] СОБР[АНИЯ], происходившего в Екатеринбурге, и сторонником постановлений, вынесенным означенным съездом; кроме того, как показания Цынговатова, так и его личность возбуждают большие сомнения, разрешить которые, за неимением материала, освещающего деятельность Комитета Чл[енов] Уч[редительного] Собр[ания] – является весьма затруднительным.

РЯБОВ направляется в Ваше распоряжение на основании его личного заявления о том, что он имеет поручение от Всероссийского Правительства государственной важности.

САЛТЫКОВ является Завед[ующим] Отд[елом] Сообщений и может быть весьма полезным при разрешении вопроса о ликвидации Комитета Чл[енов] Уч[редительного] Собрания (По-видимому, им производились большие финансовые операции при Отд[еле] Сообщений).

САЛТЫКОВ арестован мной за ложное показание, присвоение чужих документов, проживание по ним и сокрытие своего звания офицера[14].

[13] Так в документе.

[14] На документе имеется резолюция начальника Центрального отделения Военного контроля при штабе Верховного Главнокомандующего подполковника Н.П. Злобина «8.I.[1919]. В.А. Бабушкину».

ПРИЛОЖЕНИЕ: Паспортная книжка Рябова за № 317, его же засвидетельствованная фотографическая карточка с записной книжкой, подложный паспорт на имя Королькова, отобранный у Цынговатова, и переписка на 26 листах.

ЗА НАЧАЛЬНИКА ПОМОЩНИК,
ШТАБС-КАПИТАН [*неразборчивая подпись*]

РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 322. Л. 3. Подлинник. Машинопись.

№ 3

Ходатайство И.И. Рябова начальнику штаба Верховного Главнокомандующего от 09.01.1919 с просьбой о встрече с членами Российского правительства

Г[осподину] Начальнику Штаба при
Верховном Главнокомандующем

Мне, как крестьянину-Депутату, имеющему большие связи среди кр[естьян] Тамбовской, Саратовской и части Воронежской и Рязанской губерний, было поручено дать точные сведения: 1) о политическом состоянии крестьян Центральной России, 2) о количестве и состоянии армии большевиков на балашовском и хвалынском фронте, базах снабжения и т. п. и 3) сведения о возможностях и формах партизанской борьбы с большевиками в районе Центральной России[15]. Исполнив все нужное для выполнения порученной мне задачи, я поехал из Советской России (через Саратов, Николаев на Уральск) с тем, чтоб добраться до Всероссийского Правительства и сообщить имеющиеся у меня сведения. По переходе через большевистский фронт, в штабе Уральской армии от генерала Мартынова я узнал о переходе власти от Директории к Верховному Правителю. Но считая борьбу с большевизмом одной из самых важных задач настоящего момента, а имеющиеся у меня сведения полезными для этой борьбы, я решил довести имеющиеся у меня сведения и предположения до сведения и нового состава Правительства. С этой целью я отправился из Уральска на лошадях в г. Омск и в Челябинске был задержан (подробности – протокол первого допроса в г. Челябинске).

В виду вышеизложенного прошу Г[осподина] Начальника Штаба при Верховном Главнокомандующем предоставить мне возможность в скорейшее время довести до конца мою миссию[16].

Член Учр[едительного] Собр[ания] *Ив.Ив. Рябов*

9 января 1919 года

РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 322. Л. 12. Подлинник. Рукопись.

[15] Подчеркнуто автором документа.

[16] На документе имеется резолюция «1[-му] Г[енерал]-Кв[артирмейстеру]. Пусть даст письмен[ные] показания. 15.I.[1919]. Ген[ерал] *Лебедев*» и делопроизводственная помета «К. [нрзб]. Доложить. 18.01.[19]19».

№ 4
Протокол допроса И.И. Рябова от 21.01.1919

ПРОТОКОЛ № 2

1919 года *января 21-го* в гор. *Омске я, чин для поручений* Центрального Отделения Военного Контроля при Штабе Верховного Главнокомандующего *В.А. Бабушкин* допрашивал в порядке военного положения *Ивана Иванова Рябова*, причем таковой показал:

Зовут меня *Рябов Иван Иванов[ич]*

Звание *Крест[ьянин] Тамб[овской] губ[ернии]. Член Учредительного Собрания от Тамбовской губ[ернии] по списку губернского съезда крестьян и партии Соц[иалистов]-Революционеров (правого крыла)*

Вероисповедания *Православного*

Местожительство *с. Незнановка Б. Двойневской волости, последние годы – г. Тамбов*

На предложенные мне вопросы отвечаю: *прочитав 21 января сего года резолюцию на моем заявлении, я сообщаю:*

Сведения о состоянии армии большевиков на балашовском фронте.

Сведения мною получены: 1) путем личных наблюдений, 2) путем наблюдений моих товарищей.

Количественно армия на балашовском фронте велика. По моему мнению, от 150 до 200 тысяч (в момент моего отъезда из России, конец октября). По преимуществу это рабочие Москвы и Петрограда, но есть много матросов и латышей, за последнее время стали прибывать мобилизованные кр[естьяне] Московской и Тверской губ[ерний]. Попытки посылки местных мобилизованных провалились (2 года мобилизованных Борисоглебского уезда разбежались целиком).

Дисциплина в армии плохая. В штабах высокая. Связи частей и согласования действий нет. Часты столкновения между отдельными частями, за последнее время (после назначения командного состава и отмены выборов) между командным составом и нижними чинами. Вооружены хорошо. Очень много пулеметов, но подвоз снаряжения налажен плохо, все рассчитано на маршрутные поезда и подвоз во время операций. В трудные моменты перебрасывают латышские и матросские части. Базы снабжения: 1) Тамбов (куда эвакуировано много снаряжения с юго-западного фронта), 2) артиллерийские склады у ст. Пушкари, 3) пороховой завод у ст. Кандауровка.

Тыл

Ж[елезно]-д[орожные] линии Ртищево-Балашов, Тамбов-Балашов, Грязи-Борисоглебск. Крестьяне Камышинского, Балашовского, Кирсановского, Борисоглебского и Тамбовского уездов настроены резко противобольшевистски. Не смотря на страхи, которые большевики распространяют про ту сторону фронта,

много бегут к казакам[17] и если взяться за организацию отрядов и согласование их выступлений, то сделать можно многое. У мостов ж[елезно]-д[орож]ных и простых раньше караула не было, запасных рельс и шпал нигде не было. Запасных паровозов на промежуточных больших станциях тоже не было. Поэтому во многих местах среди солдат-фронтовиков было единодушное желание прекратить работу большевиков по снабжению фронта и не выполнено это только из-за отсутствия указаний на полезность этого (от антибольшевистского Правительства). Но с начала Сентября (по моему мнению, с момента поступления на командные[18] должности офицеров) были установлены везде[19] у мостов караулы, усиленно развозятся запасные рельсы и шпалы, и даже к некоторым мостам запасные части, на больших станциях ставятся паровозы. До моего отъезда совершенно был в забвении отдел заготовки продуктов для армии в прифронтовой полосе. Рассчитывали главным образом на реквизиции на местах и подвоз маршрутными поездами в нужное время.

Сведения о хвалынском фронте теперь не имеют цены потому, что фронт уже не на том месте. Точных сведений куда ушли оперировавшие там части нет и поэтому сообщаю только имеющие ценность. На этот фронт главным образом посылают мобилизованных крестьян, рассчитывая на то, что кр[естьяне] Сибири не будут воевать с крестьянами России. Не знаю точно, но, по некоторым сведениям, по таким же соображениям на пермский район посылают рабочих.

По пути моего следования сюда через Саратов-Ершово, Николаевск, с. Перелюб, с. Украйна, хутор Быков-Пономарев я узнал следующее. Базами снабжения служат Покровск, Ершов, Глушица. На участке с. Перелюб-Соболев находились 1-й Саратовский пехотный полк, 1-й Николаевский кавалерийский и Краснокутский полки. К Русской Таловой будто [бы] расположены Балашовский и 2 Новоузенских полка (точно не узнал). Было большое недовольство в Саратовском полку, 1-й Николаевский отказался идти в наступление (первые числа Декабря). Полки, в особенности Краснокутский, страшно безобразничают. И настроение кр[естьянства] этой прифронтовой полосы, ранее сознательно не обираемое большевиками, и теперь разоряемое, из резко сочувственного быстро превращается в резко несочувственное настроение.

В газетах последнего времени поднят целый вой о союзнической империалистической опасности. С широким распространением слухов о наступлении союзников с севера и юга, добровольцы-красноармейцы усиленно дезертировали, считая все потерянным и опасаясь близкой расплаты. И вообще среди добровольцев за последнее время охладел пыл к войне потому, что главные мотивы грабеж и дикий разгул отпали почти совсем. Среди мобилизованных около 50% совершенно не желающих воевать за большевиков и они наверное бы перешли на эту сторону, если бы не были запуганы большевиками, что всех переходящих сюда расстреливают. Восстания при мобилизации очень часты (фактические подробности напечатаны в «Яицкой воле» за 25 ноября ст[арого] ст[иля]) и почти везде для того, чтобы установить в казармы мобилизованных их раза 3-4 призывают и распускают, пока они не успокоятся (пример – призыв 5 лет в Аткарском, Сердобском, Тамбовском и Кирсановском уездах).

[17] Слова «к казакам» вписаны сверху над строкой.
[18] Перед словом «командные» зачеркнуто слово «службу».
[19] После слова «везде» зачеркнуто слово «кар[аулы]».

Часто эти волнения принимают вооруженный характер, за последнее время это участилось. Как общее правило, мобилизованным не дают нигде оружия, пока не отправят на фронт.

О настроении крестьян

Крестьяне Тамбовской, Саратовской, части Воронежской (северные уезды) и Рязанской (южные уезды) выведены окончательно из терпения. По моему мнению до 90 % настроено против большевиков. Причины: бесконечные реквизиции и конфискации хлеба, скота и др[угих] продуктов, дикие расправы за сопротивления, бессудные расстрелы, аресты, порки (Кирсановский уезд) и т. п.

Сейчас такое сильное недовольство такого количества кр[естьян] не имеет как будто виду. Причины. Полная неосведомленность крестьян о положении дел. Кроме демагогической реплики большевиков, расписывающих страхи о союзниках и вообще о той стороне фронта, сведений никаких в кр[естьянстве] нет. Отсюда представление у кр[естьян] полной безвыходности, ибо с одной стороны произвол большевиков, с другой угрозы монархии, порок, расстрелов и вечной эксплуатации империалистов-союзников (газеты большевиков). Потом несогласованность выступлений и жестокие расправы за них. Хотя последнее обстоятельство заставляет кр[естьян] все больше организовываться и лучше вооружаться и за последнее время в этом отношении в пределах Саратовской и Тамбовской губерний сделано очень много. Напр[имер], после восстания в г. Тамбове 4/17 июня большевики недосчитались свыше 20 000 винтовок и громадного количества патрон, много пулеметов («Известия Тамб[овского] губ[ернского] Совета»).

Очень разумною частью крестьянства являются прибывающие военнопленные.

Исходя из вышеизложенных[20] данных, я думаю, что если сейчас в противовес дьявольски организованной демагогической агитации большевиков противопоставить широкое осведомление как армии большевиков, так и тыла о действительном положении дел, указать, что переходящие сюда здесь не расстреливаются, то результаты будут следующие: Крестьяне, узнав о действительном положении дел, ободрятся, восстания участятся, много самых недовольных побегут через фронт сюда. Причем самое недовольство выльется наружу и при поразительном умении большевиков теряться в опасную минуту окончательно подорвется возможность мобилизации и всеобщего обучения. Часть мобилизованных красноармейцев, не довольных большевиками, побежит через фронт. И как только эти явления примут более заметный характер, то добровольцы, опасаясь близкой расправы (как это уже и было несколько раз в тревожные минуты), побегут. Для практического проведения этой меры в жизнь людей среди крестьян можно найти сколько угодно.

Исходя из того: 1) что у большевиков (до моего отъезда) плохо был поставлен отдел связи и снабжения на самом фронте[21], и все рассчитано на переброску маршрутными поездами надежных частей и снабжения, 2) резко антибольшевистского настроения среди передового крестьянства и достаточного количества офицеров-специалистов, живущих по деревням[22] в укрывательстве от преследований большевиками, готовых каждую минуту с оказанием своих услуг, по

[20] После слова «вышеизложенных» зачеркнуто слово «сооб[щений]».
[21] Слова «и снабжения на самом фронте» вписаны сверху над строкой.
[22] Слова «по деревням» вписаны сверху над строкой.

моему мнению необходимо наладить организацию партизанских отрядов в Центральной России, действующих по указанию и в согласии с планами здешнего Высшего Командного состава. Людей, оружия и всего необходимого для этого там можно найти в достаточном количестве. В частности, несколько офицеров специалистов-подрывников просили меня указать[23] на следующее обстоятельство: весь балашовский фронт питается оружием и др[угим] из Тамбова. Прекращение движения (проведение в жизнь этого с имеющимися у них людьми и средствами легко) по линии Тамбов-Балашов, Тамбов-Ртищево и Тамбов-Козлов, при резко антибольшевистском настроении крестьян этой местности, окончательно расстроит весь балашовский фронт. Они мне заявляли определенно: «Если бы нам Командный состав Народной армии приказал это выполнить, то мы бы это сделали».

По моему мнению, если на эту сторону обратить серьезное внимание, то[24] насколько я знаю обстоятельства, я могу определенно сказать, что такими отрядами, действующими по указанию здешнего командного состава, можно окончательно расстроить снабжение большевистского фронта. И внеся расстройство и смятение в Советы этих местностей, дать возможность для широкого крестьянского восстания.

Член Учредительного Собрания *Иван Ив. Рябов*

Показания снимал чин для поручений *Бабушкин*

РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 322. Л. 13-16. Подлинник. Рукопись. Бланк протокола допроса.

№ 5

Постановление начальника Центрального отделения Военного контроля при штабе Верховного Главнокомандующего подполковника Н.П. Злобина № 2а от 24.01.1919 об освобождении из-под стражи И.И. Рябова

ПОСТАНОВЛЕНИЕ *№ 2а*

1919 года Января 24 дня в гор. Омске я, Начальник Центрального Отделения Военного Контроля при Штабе Верховного Главнокомандующего, Подполковник ЗЛОБИН, принимая во внимание, что самоличность бывшего Члена Учредительного Собрания от Тамбовской губернии, из крестьян этой же губернии и уезда, Беломестно-Двойневской волости, деревни Незнановки, Ивана Иванов[ич]а Рябова не внушает сомнения и что дознанием не установлена активная противоправительственная его деятельность, ПОСТАНОВИЛ: гражданина Ивана Иванов[ич]а Рябова из-под стражи освободить.

ПОДПОЛКОВНИК *Злобин*

РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 322. Л. 17. Подлинник. Машинопись.

[23] Перед словом «указать» зачеркнуто одно слово.
[24] После слова «то» зачеркнуты слова «при», «по имею[щимся]».

Список литературы

Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. 463 с.

Черкасов А.А. Комитет освобождения Черноморской губернии (1 декабря 1919 – середина мая 1920 г.) (Продолжение) // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 3 (17). С. 88-95.

ОТТЕНКИ ЗЕЛЕНОГО.

К ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ПОЛКОВНИКА СУХЕНКО В АПРЕЛЕ 1920 Г.

Аннотация. Публикациz представляет собой ряд документов советского происхождения. Они вызваны к жизни восстанием кавалерийских частей Красной армии в апреле 1920 г. на юге России. Специфика сюжета заключается в том, что эти части были недавними воинскими частями белой армии, которые перешли на сторону победителей. Документы показывают, как развивались события, позволяют увидеть роль недавнего заслуженного офицера белой армии полковника Сухенко в качестве красного командира, а затем и руководителя восставших. Публикация снабжена предисловием и примечаниями.

Ключевые слова: Гражданская война, Кубань, казачество, восстание.

Abstract. Publication are a number of documents of Soviet origin. They are caused to life by revolt of cavalry units of Red army in April, 1920 in the South of Russia. The specifics of the plot is that these units were recent military units of the white army that defected to the victors. Documents show how events developed, allow to see the role of the recent honored officer of the white army Colonel Sukhenko as a red commander, and then the leader of the rebels. The publication is provided with a preface and notes.

Key words: The Civil war, the Kuban region, the Cossacks, rebellion.

Публ. С.И. Дробязко (Москва)

События, известные как «Новороссийская трагедия», и в целом отступление войск ВСЮР к морю, широко отражены в мемуарах, являлись и предметом исследовательского интереса. В Русском Зарубежье долго продолжался спор о «предательстве» верховным командованием казаков, брошенных на побережье. Так или иначе, в процессе отступления и в последующие недели десяткам тысяч донских и кубанских казаков предстояло менять судьбу. Какие-то части переходили на «зеленое» положение, некоторые уходили в горы. Сдавшимися массово пополнили красные конные соединения. Через немногие недели ряд полков с большим процентом недавних казаков-деникинцев перешел на сторону поляков и пополнил антибольшевистские русские части. На Кубани наступил краткий звездный час сотника Пилюка, который, видимо, вполне всерьез собирался командовать параллельно с красными своей зеленой вооруженной силой.

На фоне этих событий представляет интерес эпопея боевого кубанского офицера полковника А. Сухенко[1], который со своими полками «перевернулся»,

[1] Сухенко Антон (Лаврентьевич), казак х. Старокорсунского Кавказского отдела Кубанского казачьего войска. В начале Первой мировой войны урядник 1-го Уманского конного полка. В 1915 г. окончил 4-ю Тифлисскую школу прапорщиков. В 1917 г. сотник конно-пулеметной команды 1-й Кавказской казачьей конной дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-м Запорожском конном полку, с 13 ноября 1918 г. подъесаул. В феврале 1920 г. есаул, командир партизанского отряда в районе ст. Новоминской. Награжден британским орденом Военный Крест. В марте 1920 г. полковник, командир 1-го Запорожского полка и Запорожской бригады. С 27 марта по 23 апреля 1920 г. (н. ст.) командир 2-й бригады кавалерийской дивизии тов. Екимова РККА. Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки Кубанского войска в Великой, гражданской войнах и эмиграции. Чины конных полков, пластунских батальонов, артиллерийских батарей, особых сотен, военно-учебных заведений и войсковых структур. В 2-х томах. Т.2. М., 2017. С.545.

внеся вклад в хаотизацию белого отступления, но вскоре поднял восстание со своими прежними подчиненными, выйдя их красных рядов.

Вот как развивались события. Накануне падения Новороссийска, когда добровольцы оборонялись на подступах к городу, 12(25) марта 1920 г., 1-й и 2-й Запорожские полки Кубанского войска с артиллерийской батареей под командованием полковника Сухенко объявили себя зелеными и заняли станицу Неберджаевскую, оседлав шоссе, ведущее к морю. Незадолго перед этим, 25 февраля (9 марта), Сухенко совершил удачный налет на станицу Новоминскую, где взял 350 пленных и повесил большевистский совдеп. Видимо, не надеясь покинуть побережье, полковник пытался спасти свои полки и себя «своевременным» вкладом в успех победителей. Действительно, Дроздовская, Алексеевская, 8-я Донская дивизии, двигавшиеся на Новороссийск через Неберджаевскую, были остановлены восставшими кубанцами Сухенко. Им с трудом удалось прорваться в обход Неберджаевской на ведущее к морю шоссе, бросив часть артиллерии и обозов[2].

Кубанцы Сухенко дали о себе знать через месяц. 23 апреля в станице Уманской Сухенко поднял восстание, призвав 1-й и 2-й Запорожские полки численностью в 700 - 1000 сабель стать под зеленое знамя с лозунгами «Долой войну, долой коммуну!», «Да здравствует Советская власть и Учредительное собрание!» К восставшим якобы присоединились 1-й и 2-й Уманские и Закубанский кавалерийские полки. Восставшие обезоружили гарнизон, арестовали ревком и коммунистов и призвали население к мобилизации против красных. Однако на следующий день мятежники частью разошлись по домам, а частью передислоцировались во главе с Сухенко в сторону Стародеревянковской, и там были рассеяны красными частями[3].

Публикуемые документы обрисовывают, как служили в Красной армии недавние Запорожцы, и как восстали эти же люди через несколько недель. В этом малоизвестном сюжете потребности выживания, казачий демократизм, антибольшевизм определили сложную линию поведения хорошего офицера и его полков.

Документ 1.
Приказ войскам кавалерийской дивизии №1[4] 27 марта 1920 года

г. Новороссийск

1.

Сего числа я вступил в командование дивизией, которой впредь именоваться «Кавалерийская дивизия тов. Екимова».

Основание: приказ командарма 9 за № 9406.

2.

Приказываю из 1 кавполка и полков, перешедших на сторону Красной Армии в станице Смоленской и в г. Новороссийске сформировать 3 бригады.

---

[2] Дробязко С.И. Эвакуация войск ВСЮР с Кавказского побережья (январь – май 1920 г.) // Мемориал Донские казаки в борьбе с большевиками. Альманах. №4. Станица Еланская. 2009-2010. С.29-30.

[3] Зайцев А.А. Бело-зеленое движение на Юге России в поисках третьего пути (1920-1922 гг.) // Культурная жизнь Юга России. 2009. №2(31). С.64.

[4] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.7744. Оп.1. Д.2. Л.1.

I бригада – 1 и 2 Уманские конные полки 1 Кубанской дивизии армии Деникина и повстанческий полк тов. Пилюка.

II бригада – 1 и 2 Запорожские конные полки и 21 кавполк, которому впредь именоваться Сибирским кавполком.

III бригада – 1, 2 и 3 сводные Донские полки, перешедшие на сторону Красной Армии в г. Новороссийске.

Справка:[5]

3.

Командование бригадами возлагаю: первой тов. Ровенского с 27 марта, 2-й тов. Сухенко с 27 марта и 3-й тов. Дьяченко с 27 марта.

[…]

Начальник дивизии Г. Екимов
Военный комиссар С. Кабанов
И.д. начальника штаба Медведев

Документ 2[6]

Совершенно секретно в собственные руки

Доклад

О ходе операции по подавлению восстания 1 и 2-го Запорожских полков 2-ой бригады 21 дивизии

23 апреля [в] 22 часа Уездвоенком Ейска донес, что в районе Уманской восстала расположенная там дивизия тов. Якимова в составе Уманской бригады (2-х полков. состава), Запорожской бригады (2-х полк. состава) и Кавалерийского Кубанского полка. Восставшие арестовали Ревком, разоружили гарнизон и порвали всю телефонную и телеграфную связь, идущую на Уманскую. Указанное донесение было лично доложено Командфронта Командующим Севкавказокругом. В 1 час. 10 минут 24 апреля Командвойск Севкавказского округа получил лично приказ Командфронта за № 5975/с. По дополнительным донесениям в 22 часа 45 минут, в 1 час 20 мин. и в 5 часов 30 минут, полученных от Комбрига Образцово[й], Комбрига и Военкома 1 бригады 21 дивизии, выяснилось, что в Уманской восстала дивизия не целиком, а частью в составе 1-го и 2-го Запорожских полков 2-ой бригады дивизии т. Якимова под предводительством комбрига 2 бывшего полковника Сухенко. Ввиду изложенного и на основании приказа Комфронта № 5975/с Командвойск отдает в 9 часов 10 минут приказ № 1/с. В 7 часов 20 минут получен приказ Командфронта 5976/с. В 11 часов 5 мин. Командвойск Севкавокруга отданы приказы 2/с и 3/с.

24 апреля [в] 16 часов 30 минут наштадив 15 донес, что Уманская на рассвете 24/4 занята разведкой 1-ой бригады. Власть в Уманской восстановлена. Восставшие полки ушли в направлении на Каневскую. Ввиду изменившейся обстановки в 19 часов 35 минут 24 апреля был издан приказ войскам Севкавказского военного округа № 4/с. 16 дивизии дабы не дать возможность восставшим проникнуть в район плавней, что к югу от Посад-Ахтырский, в этом

[5] В деле отсутствует.

[6] РГВА. Ф.25896. Оп.3. Д.1. Лл.1-2об.

приказе было дано указание двигаясь широким фронтом в направлении Крыловская, Каневская и Новоминская, Новодеревянковская, Новощербаковская, произвести по пути следования поголовный осмотр станиц и хуторов, имея задачей поимку повстанцев. Кроме того той же дивизии 24 апреля [в] 23 часа 20 минут было отдано приказание ни в коем случае не допустить просачивания повстанцев в плавни, для чего к 12 часам 25 сего апреля разъездами достаточной силы выйти на линию желдороги от Посад-Ахтырский до Бурноса. [В] 15 часов 25 сего апреля от начдива 15 были получены сведения, что части 2-й бригады дивизии (тов. Якимова), не принимавшие участия в восстании, а именно 1 Закубанский (Черноморский) полк и Черкесская сотня, двигаются на Ростов, но не исключена возможность их движения на юг или на запад к плавням, что к югу от Посада-Ахтырский, и по имевшимся в Полевом штабе сведениям к указанному времени находились в районе Старо-Леушковская – Ирклиевская. Не будучи уверен в благонадежности указанных частей, командвойск Севкавказского округа издан приказ № 5/с 25 апреля 17 часов 10 минут, где частям, входившим в его подчинение в оперативном отношении (15 стрелковой дивизии, 1-ой Кавказской кавалерийской дивизии, 2-й кавдивизии и 16-й кавалерийской дивизии) была дана задача задержать эти части, обезвредить и распылить между своими частями в случае их неблагонадежности. Если же части окажутся благонадежными и боеспособными, то влить целиком в свои части. Бронепоезд 35 имеет своей задачей курсировать впредь до отмены распоряжения между станциями Кущевка – Тихорецкая. В отмену приказа № 2/с 24 апреля 23 часа 30 минут начдиву 21 стрелковой было отдано распоряжение не выдвигать 4-ую кавалерийскую бригаду его дивизии в район Батайска ввиду трудности переброски указанной бригады, сосредоточенной в районе Новочеркасска, дабы не проследить выход и дальнейшего движения из района Кущевская в направлении на Матвеев Курган (выполняющей приказ Кавфронта), идущей на присоединение к конной армии 1-ой кавбригады кавдивизии т. Якимова, командвойск вошел в соглашение с находящимся в то время [в] Кущевской начдив отдельной кавалерийской 1-й конной армии, имеющей в своем распоряжении 2-ой кавполк вверенной им дивизии.

По полученным утром 26 сего апреля сведениям, отряд повстанцев тов. Сухенко 24/4 остановился на ночлеге в Гарбузовской балке, что в 7 верстах от Роговской. В отряде осталось около 200 человек, остальные разошлись по домам. По показаниям разоруженных казаков, в станице Переяславской отряд имеет намерение двинуться к переправе у ст. Славянская. Задача по поимке повстанцев (отряда Сухенко) возложена на начдива 16 кавалерийской [на основании] телеграммы от 26 апреля в 11 часов за № 13083, донесений от которого в штабе войск еще не имеется.

Приложение: Копии всех отданных приказов и распоряжений.

Начальник штаба войск Северо-Кавказского военного округа
Военком
Начоперотделения
[Подписи]

Документ 3[7]

Начштаба войск Северо-Кавказского округа. Копия Командфлотилии Доно-Азовской.

[7] РГВА. Ф.25896. Оп.3. Д.1. Лл3-3об.

Оперативная сводка Штаба войск Северо-Кавказского округа к 16 часам 24 апреля 1920 года.

Ростов Дон 24 апреля 1920 года.

Из запросов в Штабе Образцовой бригады казаков 1-го Запорожского полка и донесений комбрига и военкома 1-й бригады 21-й дивизии, а также из донесений Образцовой бригады выяснилась следующая картина восстания в Уманской: 24/4 [в] 8 утра комбриг 2 Сухенко явился к комбригу 1 и жаловался, что его бригада не желает идти на фронт и грозит разбежаться из Уманской, что в Уманскую он привел не более 200 сабель без пулеметов, так как пулеметная команда в составе 7 пулеметов во главе с начальником команды ушла из ст. Каневской неизвестно куда. В штадив он не является, так как боится суда трибунала за допущенную им распущенность в бригаде и кроме того боится подвести комбрига первой, так как бригада его – Сухенко, состоящая из кубанцев, разбежалась, а его признают за это контрреволюционером, таковым же признают и комбрига 1-ой, так как его бригада тоже из кубанцев. В 9 часов утра комбриг 1-й выступил в Кущевку, куда и прибыл в 2 часа дня. О 2-й бригаде в пути ничего не слыхал.

Далее. По словам военкома 1-го Запорожского полка, 2-ая бригада выступила из Уманской в 12 часов дня. Пройдя верст 5 из Уманской, бригада остановилась отдохнуть. Сухенко, собрав командиров полков, долго беседовал с ними о чем-то, после чего военкомы полков были обезоружены, комбриг приказал им идти в Кущевку, а сам обратился с речью к бригаде. По словам казаков 1-го Запорожского полка, Сухенко предлагал бригаде Зеленое знамя и объявил лозунг «Долой войну, долой Коммуну», «Да здравствует Советская власть». По вышеуказанным сведениям, силы Сухенко состоят из 700 сабель и 4 пулеметов. 1 и 2-ой Уманские полки, по сведениям, стоят в Кущевке, штадив – хутор Бурлацкий.

В 14 часов 30 минут наштабриг Образцовой Сперанский донес, что станица Уманская от восставших свободна, [бригада] ушла в Стародеревянковскую. Сейчас Уманскую занимает полуэскадрон Жлобы, который разоружил 14 человек из бригады Сухенко. Связь с Уманской восстановлена по жел. дороге.

Наштабриг Образцовой [в] 14 часов 50 минут донес: постами 2-го полка задержано 4 кавалериста 2-го Запорожского полка, которые показали, что по дороге на Кущевку бывший полковник Сухенко сделал митинг, на котором говорил: «Вы погибните, как погибла 3-я бригада, которую вырубили красные», и уговорил не идти на Кущевскую, а идти за Кубань, двигая авангардом на Стародеревянковскую с тем, чтобы к утру перебраться за Кубань. В голове идет хорунжий Ивченко с отрядом, имея целью срыв [на] пути проводов. НР /306/

Врид Наштавойск Северо-Кавказского [подпись – Малинин]
Военком /отсутствует/
Начоперотд.

Документ 4[8]

Разговор по прямому проводу 24 апреля 1920 года 17 часов 20 минут

[…]

По донесению военного коменданта 1 и 2 Запорожские полки прибыли вчера около 14 часов в станицу Уманская и собрались около управления коменданта в числе около 1000 сабель с лозунгом «Долой войну и коммуну», «Да здравствуют

[8] РГВА. Ф.25896. Оп.3. Д.1. Л.6.

Советы и Учредительное собрание», обезоружили коменданта и его команду, не причинив им никакого вреда, а затем выпустили на свободу их, а сами около 16 часов оставили станицу [и] отдельными группами разошлись в разные стороны большей частью в направлении на Каневскую. Комендант станицы собрал по их уходе 5 человек своей команды и арестовал 20 оставшихся всадников, которые были спешены, и сегодня нашими разведчиками направлены в Штаб 1-й бригады.

[…]

Документ 5[9]

Оперативная сводка Полевого штаба войск Севкавквоенокруга к 18-ти час. 25 апреля 1920 г.

Карта 10 верст в дюйме.

Полевой штаб войск Севкавквоенокруга 25 апреля 1920 года.

Район Каневская – по сообщению Предревкома Каневской, прибывшего в станицу Павловскую: 1-ый и 2-ой Запорожские полки в 22 часа 23 апреля заняли станицу Каневскую, разоружили милицию и разогнали Ревком. Утром 24 апреля 1-ый и 2-ой Запорожские полки ушли из ст. Каневская в неизвестном направлении. В 12 часов в станицу Павловскую прибыли квартирьеры Закубанского (Черноморского) полка в количестве 20 всадников, которые были задержаны 3-ей бригадой 15 дивизии и разоружены, так как Закубанский полк, также принадлежавший 21 дивизии, может двигаться с подобными намерениями. Большинство солдат в вышеуказанных полках носят белые ленты. Закубанский (Черноморский) полк разместился по квартирам станицы Старолеушковской. Для выяснения настроения полка и его задач в штабриг 3 15 дивизии вызван комполка. В станицах Уманской и Каневской спокойно.

От 16 кавдивизии сведений не поступало. НР 24/П

Начальник штаба войск Северо-Кавказского военного округа — Антонович
За военкома — Матвеев
Начоперотделения — Ивлиев

Документ 6[10]

Телеграмма военная срочная весьма секретно

Председателям Ревтрибунала 15 стрелковой дивизии, 16 кавдивизии, Образцовой бригады. Копия начдиву 15 стрелковой, копии начдиву 16 кавалерийской, комбригу Образцовой, копии Предреввоентрибунала Кавказфронта, копия Предреввоентрибунала Севкавказфронта.

Полевой штаб войск Севкавказвоенокр. 24 апреля 1920 года. Предлагаю выделить Особые полевые выездные сессии Трибунала, для разбора дел, касающихся восстания в станице Уманская. Относительно мест расположения сессий войти в соглашение с начдивом. При разборе сессиям иметь в основании приказ Командкавказ от 24/4 за Нр 5975/с о поголовном истреблении и смягчать наказания лишь в случаях особых смягчающих вину обстоятельств. НР 5/П

Командвойсками Севкавказвоенокр — Базилевич

[9] РГВА. Ф.25896. Оп.3. Д.1. Л.13.
[10] РГВА. Ф.25896. Оп.3. Д.1. Л.19.

Начальник штаба Антонович

Документ 7[11]

Только начдиву 16 кавалерийской Серия Г

Командвойск Сев-кавк, начдив 21, 15, командарм 9, 10 и Конной и начвосо Кавказфронта

Копия Главком

Ростов 24 апреля 1920 года 1 час 10 мин.

Карта 10 верст.

Расположенные [в] районе Уманская перешедшие [на] нашу сторону кавполки первый и второй Уманские, первый и второй Запорожские и Закубанский подняли восстание и обезоружили гарнизон. Ликвидацию восстания поручаю Командвойск Сев.-Кавк. округа, которому подчиняю 15-ю стрелковую, 16-ю кавалерийскую, 1-ю Кавказскую кавалерийскую и 2-ю кавалерийские дивизии, одну стрелковую и кавалерийскую бригады 21-ой дивизии под начальством начдива 21 (использовав время погрузки двух других бригад и снабжения). Командарму 10 установить с 1-ой Кавказской и 2-ой кавалерийскими дивизиями прочную связь и передавать им приказы Командвойск Северо-Кавказского. Командарму Конной направить в распоряжение Командвойск Северо-Кавк. в район станции Сосыка, Кущевская и Староминская три бронепоезда из района Тихорецкая. Начвосо фронта принять все меры [к] немедленной переправе на левый берег Дона стрелковой и кавалерийской бригад 21 дивизии. Командвойск Сев. Кавк. ликвидировать восстание в кратчайший срок, а восставших истребить поголовно. [О] получении и отданных распоряжениях донести. О положении [в] районе Уманская доносить ежедневно к 12-ти и 22 часам. 5975/с. НР 6/П

Командкавказ Тухачевский
Член РВС Трифонов
Наштафронта Пугачев

С подлинным верно: Начоперотделения Ивлиев.

Документ 8[12]

Начоперупр Р.В.С.Р.

Оперативная сводка Внутреннего фронта из штаба Кавказского фронта

к 15 часам 29/IV, карта 10 верст

Ростов 29 апреля 1920 года

[В] районе Павловская 1-й Закубанский полк кавдивизии Екимова около 150 сабель при 6-ти пулеметах с комполком во главе отказался выполнять приказание о выступлении и расположился на окраине Павловского, держа себя в порядке. Затем полк отправился [в] ближайшие хутора. По словам предревкома на Павловская ожидается нападение. По сообщению начгарнизона в Екатериновке неспокойно. Из района Тимошовская новых сведений не получено. 15 дивизия: 1-я бригада [в] движении на Уманская в Оселенковская, 2-я бригада без перемен, 3-я бригада расположилась [в] Новоминская, 4-я кавбригада без перемен. По

[11] РГВА. Ф.25896. Оп.3. Д.1. Л. 20.
[12] РГВА. Ф.25896. Оп.3. Д.1. Л.78.

дополнительным сведениям 26/4 [в] районе Крыговская 1/15 бригадой задержаны остатки от разбежавшегося 1 Закубанского полка в числе 110 человек, 5 пулеметов, 100 лошадей.

Документ 9[13]
Приказ войскам кавалерийской дивизии №7 30 апреля 1920 г.

ст. Покровская
1.
[…]
2.
1-й и 2-й Запорожские конные полки, увлеченные командиром 2 бригады Сухенко в преступную авантюру, не выполнили своего долга перед революцией и, будучи распущены на полевые работы, не присоединились к дивизии, а разбежались по Кубани.
Позор изменникам делу освобождения рабочих.
Слава сдержавшим свое слово Уманцам.

3.
Восставшие 1-й и 2-й Запорожские полки исключить из списков дивизии и со всех видов довольствия с 27 марта с.г.

[…]

Начальник дивизии Г. Екимов
Военный комиссар И. Воротский
Начальник штаба
Генерального штаба Потемкин

Документ 10[14]

Начоперупр Р.В.С.Р.
Оперативная сводка Внутреннего фронта из штаба Кавказского фронта
к 15 часам 1 мая карта 10 в.
Ростов 1 мая 1920

На участке 16 кавдивизии спокойно, сведений о пр[отивнике] не получено. Части кавдивизии расположены: 1 кавбригада [в] Новоджерелиевская, Отдельный стрелковый батальон [в] Роговской, 2, 3 кавбригады, штадив [в] Тимошовская. По сведениям местных жителей банды Сухенко скрываются [в] районе Новониколаевской (западнее Тимошовская), Полтавская. В Славянская настроение возбужденное, массы сочувственно относятся [к] Советской власти. От остальных частей сведений не получено. Нр 0672
Врид Начоперупр Кавфронта Стрыхарь
Военком Печерский

Верно: Помначоперод [подпись]

[13] РГВА. Ф.7744. Оп.1. Д.2. Л.7.
[14] РГВА. Ф.25896. Оп.3. Д.1. Л.83.

«ГОВОРЮ, ЕСЛИ ДЕРЕВНИ НЕ БУДУТ ЗАНЯТЫ, БУДЕТ РАССТРЕЛЯН КОМСОСТАВ»:

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ПОДАВЛЕНИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ВОССТАНИЯ 1921 Г.

Аннотация. Публикуются документы карательных частей, подавлявших Западно-Сибирское восстание на территории Камышловского и Курганского уездов. Документы свидетельствуют о деморализации отдельных частей Красной армии, участвовавших в подавлении восстания, о нежелании мобилизованных красноармейцев воевать с восставшими крестьянами, иллюстрируют методы, которыми красноармейцев заставляли идти в бой.

Ключевые слова: Западно-Сибирское восстание, Красная армия, ВЧК, повстанчество.

Abstract. Documents of the punitive military units suppressing the West Siberian revolt in the territory of Kamyshlov and Kurgan counties are published. Documents testify to demoralization of separate units of Red army participating in suppression of revolt, about unwillingness of the mobilized red army men to be at war with the risen peasants, illustrate methods by which red army men forced to go to battle.

Key words: West-Siberian rebellion, Red Army, the all-Russian Extraordinary Comission, insurgency.

Публ. М.И. Вебера (Екатеринбург)

Западно-Сибирское восстание 1921 г. – крупнейшее выступление крестьян в годы Гражданской войны против власти большевиков. Оно затронуло не только Сибирь, но и Урал. К восстанию присоединилось население Шадринского и Камышловского уездов Екатеринбургской губернии и Курганского уезда Челябинской губернии, поэтому активное участие в подавлении Западно-Сибирского восстания приняли войска Приуральского военного округа, в том числе 6-й запасной пулеметный батальон.

Публикуемый комплекс документов был выявлен в фонде 76 «Екатеринбургский губернский комитет РКП (б) (1918-1923 гг.)» Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Он состоит из доклада уполномоченной Особого отдела 1-й армии Труда о состоянии 6-го запасного пулеметного батальона и нескольких боевых донесений командования 6-го запасного пулеметного батальона, которые были приложены к докладу чекистки.

Эти документы появились при следующих обстоятельствах. Как известно, 6-й запасной пулеметный батальон, расквартированный в Екатеринбурге, 12 февраля 1921 г. в составе 700 штыков при 10 пулеметах был выгружен на станции Поклевская на линии железной дороги Камышлов-Тюмень и вместе с другими воинскими частями Камышловского боевого участка принимал активное участие в боях с повстанцами[1]. Эти бои, первоначально успешные для батальона, закончились в середине марта 1921 г. его разгромом. Как отмечалось в оперативной сводке штаба Помглавкома по Сибири за 18 марта 1921 г.: в ночь с 17 на 18 марта «повстанцы, прорвавшиеся на запад на участке 6-го зап[асного] пул[еметного] бата[льона] численностью до 1 000 пеших и 500 конных, совершили

[1] Сибирская Вандея. 1920-1921. Документы. В 2 т. / Сост. и науч. редактор В.И. Шишкин. М., 2001. Т. 2. С. 320-322.

внезапный налет на д. Карпуново[2], что около 70 верст юго-зап[аднее] ст[анции] Вагай, где захватили пол[евой] штаб пул[еметного] бата[льона] с огнеприпасами и большую часть марш[евой] роты, несшей сторожевое охранение и сдавшейся без боя. Приняты меры по ликвидации прорвавшихся повстанцев. Части зап[асного] пул[еметного] бата[льона], отошедшие [к] северу, подчинены комполка-187, а отошедшие [к] югу – комполка-209»[3].

Уполномоченная Особого отдела 1-й армии Труда выехала в расположение 6-го запасного пулеметного батальона, чтобы восстановить положение после прорыва повстанцев. То, что она увидела на месте, отражено в ее эмоциональном докладе.

Публикуемые документы рисуют яркую картину деморализации солдат 6-го запасного пулеметного батальона. Чтобы заставить солдат батальона занять уже оставленную противником без боя д. Селезнево, уполномоченной Особого отдела приходится привлечь отделение курсантов, которые угрозой применения оружия гонят солдат 6-го запасного пулеметного батальона вперед. Еще большие проблемы у красного командования возникают в реальном бою с повстанцами 20 марта 1921 г.: красноармейцы 6-го запасного пулеметного батальона отказываются наступать, выдумывая различные поводы и предлоги, чтобы не идти в бой. В результате помощник командира батальона Богомолов, сознавая свое бессилие, пишет рапорт, в котором указывает, что в сложившейся обстановке работать не может. Чтобы заставить бойцов батальона наступать, уполномоченной Особого отдела приходится применить некие, не названные в докладе репрессивные меры (предположительно, расстрелять перед строем несколько красноармейцев), а затем лично идти в атакующей цепи.

Стоит отметить, что низкий боевой дух и нелояльность значительной части красноармейцев, участвующих в подавлении Западно-Сибирского восстания, доставили немало головной боли военному командованию красных и были обусловлены не только военными неудачами, но и нежеланием мобилизованных в Красную армию крестьян участвовать в карательных акциях против деревни. В войсках, подавлявших восстание, были даже случаи открытого перехода на сторону противника с оружием в руках. Так, например, 2 марта 1921 г. в бою под д. Ярково Тобольского уезда на сторону повстанцев перешла 4-я рота 2-го батальона отдельного Казанского стрелкового полка[4]. На сторону повстанцев перешли также часть артиллерийского дивизиона 85-й бригады 29-й дивизии и батальон 253-го стрелкового полка[5]. Чтобы справиться с этим явлением, красному командованию приходилось прибегать к репрессиям и вести активную агитационно-пропагандистскую работу.

Публикуемые документы также показывают каким тяжелым бременем ложилось обеспечение частей Красной армии, подавлявших Западно-Сибирское восстание, на крестьянское население. Несмотря на получение централизованного довольствия, красноармейцы 6-го запасного пулеметного батальона требовали от крестьян в большом количестве печеный хлеб. Обременительной для крестьян была и подводная повинность – обоз батальона превысил все допустимые

---

[2] Так в документе. Правильно – Карпунино.

[3] Цит. по: Сибирская Вандея. 1920-1921. Документы. В 2 т. / Сост. и науч. редактор В.И. Шишкин. М., 2001. Т. 2. С. 433.

[4] Сибирская Вандея. 1920-1921. Документы. В 2 т. / Сост. и науч. редактор В.И. Шишкин. М., 2001. Т. 2. С. 353-354, 662.

[5] Сибирская Вандея. 1920-1921. Документы. В 2 т. / Сост. и науч. редактор В.И. Шишкин. М., 2001. Т. 2. С. 671.

пределы и разросся до 588 подвод. Несомненно, что все это настраивало крестьян против Красной армии и Советской власти и подталкивало сельское население пограничных с Сибирью уральских уездов к участию в восстании.

Документы публикуются с сохранением всех стилистических особенностей. Пропущенные в оригинале слова и части слов восстановлены и приведены в квадратных скобках.

Документ № 1

Доклад Уполномоченной Особого отдела 1-й армии Труда о 6-м запасном пулеметном батальоне от 08.04.1921

Особого Отдела Всероссийской Чрезвычайной Комиссии при
1-й Революционной Армии Труда

СВОДКА СВЕДЕНИЯ

о положении 6-го Заппульбата на боевом участке

После целого ряда переписки с комзаппульбата 6 и борьбы за командование[,] т. Фоминым была написана служебная записка[,] при сем прилагаемая[6][,] о подчинении тов. Дубровскому. Тотчас же я была направлена в с. Куртан для восстановления положения. Там помещалась 1-ая рота маршевиков. Посылаю заставу в д. Селезневку, из которой прибыла посланная мною разведка с сообщением, что противника там нет. Кр[асноармей]цы[-]маршевики отказываются идти. Собираю комсостав, приказываю идти под угрозой разоружения части и даю 1 отдел[ение] курсантов. Люди отправляются и[,] не дойдя 4 версты до деревни[,] отказываются идти, мотивируя «нас перестреляют, дайте нам роту». Курсанты, взяв винтовки на изготовку и направив их в маршевиков, заставили последних двигаться с ними в деревню. Из приложенных выше рапортов ясно положение части[7]. 6-му заппульбату было приказано занять дер. Крепость 20.03.[1921] и двигаться на д. Мокроусово со стороны Уваровской и Ляпуш[к]инской пойдет курсовой бат[альо]н, таким образом[,] неприятель окажется в кольце. Сидя в с. Куртан, жду до 10 ч. [–] нет донесений о ходе наступления. Застава доносит, что солдаты 6-го заппульбата бегут из с. Семискуль, приказываю не пускать их в Куртан. Еду в Семискулье – оказывается, что д[еревни] Дорохино и Карпунино оставлены пульбатовцами и [красно]армейцы в панике бегут на Куртан. Собираю [красно]армейцев через 2 ч[аса]. Приказываю наступать. В ответ, получается рапорт[8], что [красно]армейцы требуют хлеба, т. к. стоя в деревне были не евшие (абсурд). Приказываю безоговорочно накормить красноармейцев, наступать и донести мне через 1 час. Через ½ ч[аса] звоню по телефону и комрот[ы] Л[нрзб] докладывает, «хлеба у нас столько, что можно засыпать роты и их будет не видать из-за хлеба», солдаты идти не хотят. Говорю, если деревни не будут заняты[,] будет расстрелян комсостав и часть кр[асноармейце]в. Еду в Семискулье и репрессивными мерами заставляю [красно]армейцев идти, непосредственно нахожусь в цепи. За 1 ½ ч[асовой] бой истрачено было бесцельно 20 000 патр[онов] (13 000 пулеметом и 7 000 винт[овками]). Стрельбу открыли за 6 вер[ст] до

[6] В архивном деле отсутствует.
[7] См. док. № 5.
[8] См. документ № 3.

деревни, не обнаружив противника. Подошли же к деревне с незначительным количеством патрон. По моему приказу было выдано им 5 000 патрон, таковые т. Фомин даже брать не хотел, мотивируя, что слишком мало, и лишь после вторичного напоминания прислал за ними (рапорт[9] заворужием т. Анчугина). В результате укажу на колоссальное количество подвод, требованных для частей Пульбата, а именно, для обоза II разр[яда] околодка[10] и штаба – 588 подвод из окрестных Исполкомов, а также на недопустимое обременение крестьян выпечкой хлеба на 850 чел[овек] 400 пуд[ов] из муки крестьян. Довольствие же все части получали аккуратно из довольствующих полков. Такие поступки очень часто вызывали недовольство крестьян. По слухам, 6-му Заппульбату преподнесут за такую работу – Красное Знамя (слова т. Мутных)[11].

8 апреля 1921 года

Уполномоч[енная Особого Отдела] [*неразборчивая подпись*]

Приложение: переп[иска] на 13 лис[тах].

ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 307. Л. 62. Подлинник. Рукопись на бланке.

Документ № 2

Боевое донесение № 57 от 18.03.1921 помощника командира 6-го запасного пулеметного батальона Фомина начальнику командных курсов Всеобуч

Н[ачальни]ку комкурсов Всеобуч[12]

Д. Селезневка № 57 18 марта 1921 г
13 час[ов] мин[ут]

(карта 10 вер[ст] в д[юйме])

Последнее Ваше приказание исполняю, так как Вы являетесь командиром 6-го запульбата. Я прибываю в Ваше распоряжение с 3-ей ротой. О[б] исполнении доношу командиру 187[-го] полка[13].

Помкомзапульбата *Богомолов*

ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 307. Л. 65. Подлинник. Рукопись.

Документ № 3

[9] См. документ № 6.

[10] Так в документе. Правильно – «околотка».

[11] На документе имеется резолюция «Здела[е]шь [нрзб] выборку по существу дела для передачи тов. Мрачков[скому] на распоряжение. *Фивам*».

[12] Здесь и далее по тексту документа подчеркнуто синим карандашом неустановленным лицом, предположительно – начальником командных курсов Всеобуч.

[13] На документе имеется делопроизводственная пометка «Получил 18.03.[19]21 [в] 14 час[ов] 10 минут. [*неразборчивая подпись*]».

Боевое донесение № 74 от 20.03.1921 помощника командира 6-го запасного пулеметного батальона Богомолова начальнику Камышловского боевого участка, командиру 6-го запасного пулеметного батальона Фомину

Н[ачальни]ку Камышловского боевого
участка тов. Фомину

с. Карпунино № 74 20 марта 1921 г.
2 ч[аса] 30 м[инут]

(карта 10 вер[ст] в д[юйме])

Доношу, что прибыл в с. Карпунино. По прибытию посылаю один взвод 1[-й] роты вперед, который идти отказался, просят хлеба. Выслал разведку от 3[-й] роты из сторожевого охранения. После выяснения разведкой, буду продолжать дальнейшее выполнение задач.

П[одлинный] п[подписал] Помкомбатзаппульбата 6 Богомолов

Верно: Адъютант 3[-го] батальона [*неразборчивая подпись*]

ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 307. Л. 63. Копия. Рукопись.

Документ № 4

Рапорт № 79 от 20.03.1921 помощника командира 6-го запасного пулеметного батальона Богомолова командиру батальона Фомину

РСФСР Помкомбат заппульбата № 79 20 марта 1921 г. с. Карпунино	Командиру запульбата 6 тов. Фомину

Рапорт

Доношу, что при таком положении работать не могу. Посылаешь роту вперед – отказывается. Берешь подводы для другой роты – так же не дают. Пока работает 3[-я] рота. Комсостав 1[-ой] роты все время скулит. Политрук не работает между красноармейцами. В 1[-ой] роте получается полный развал.

П[одлинный] п[подписал] Помкомбатзаппульбата 6 Богомолов

Верно: Адъютант 3 батальона [неразборчивая подпись]

ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 307. Л. 64. Копия. Рукопись.

Документ № 5

Боевое донесение № 400 от 20.03.1921 командира 6-го запасного пулеметного батальона Фомина командиру 209-го полка и начальнику командных курсов Всеобуч

Телеф[онограма]

Командиру 209[-го] полка. Начкомкурсов[14].

20.03.[19]21 г. 13 час[ов] 5 мин[ут]. Село Семискулье. № 400 пароль. Кар[та] 10 [верст] в дюйме.

Сообщаю, что без боя занята дер. Жиляковка, М. Казатское, Крепость. 8-ая рота выступила из д. Крепость на д. Губино. По сведениям жителей, бандиты отступили по направлению на с. Казацкое и Ермутлинское. [В] 13 ч[асов] из Семискулья выступает лыжная рота для смены 1-ой, которая отводится в с. Мокроусовское, для лечения[15].

Комзаппульбат 6 Фомин

Передал Комаров

ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 307. Л. 66. Копия. Рукопись.

Документ № 6

Рапорт заведующего оружием 6-го запасного пулеметного батальона Анчугина начальнику командных курсов Всеобуч от 20.03.1921

Нач[альнику] курсов

Рапорт

Доношу что патроны из штаба полка получены в два часа 15 минут[,] тогда же было извещено шестому пульбату через штаб курсбата по телефону[,] но за получением патронов некто[16] не пришел до тех пор[,] покудов[а] через час я сам пошел кним[17] и второй раз просил[,] чтобы пришли за патронами[,] и только за патронами пришли и получили в 3 часа 35 мин[ут] 20-го сего марта.

Заворужием *Анчугин*

20.03.[19]21 г.

ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 307. Л. 67. Подлинник. Рукопись.

---

[14] Начальнику командных курсов.

[15] На документе имеются: 1) резолюция «В О[собый] О[тдел]. В архив [нрзб] материал. 17.04.[1921 *неразборчивая подпись*]» и 2) делопроизводственный штамп «[нрзб] 19 апр[еля] 1921 г. Вх. №__».

[16] Так в документе. Правильно – «никто».

[17] Так в документе. Правильно – «к ним».

КРАТКИЙ ОБЗОР БОРЬБЫ ПРОТИВ БАНД СЕРОВА В ПРИВОЛЖСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ ЗА ВРЕМЯ С АВГУСТА 1921 ГОДА ПО АПРЕЛЬ 1922 ГОДА

Аннотация. В публикации представлен архивный материал с кратким обзором активных боевых действий Красной армии и войск ВЧК против одного из самых успешных в годы Гражданской войны антибольшевистских повстанческих командиров В.А. Серова. Территорией, на которой велись боевые действия, стало Степное Заволжье и Уральская область. Публикация снабжена обширным предисловием и примечаниями.

Ключевые слова: Гражданская война, повстанчество, Поволжье, Серов.

Abstract. The publication presents archival material with a brief overview of the active combat operations of the Red Army and the Cheka troops against one of the most successful anti-bolshevik insurgent commanders during the Civil War V.A. Serov. The steppe Zavolzhye and the Ural region became the territory on which military operations were conducted. The publication is provided with an extensive Preface and notes.

Key words: Civil war, insurgency, Volga region, Serov.

Публ. А.А. Симонова, А.Н. Рыбакова (Саратов)

Историография вооружённого сопротивления крестьянства и казачества большевистскому режиму в Степном Заволжье[1] в годы Гражданской войны ещё достаточно скудна. Причина тому – слабая база введённых в научный оборот исторических источников. Имеющийся ряд сборников лишь частично компенсирует недостаточность документальных публикаций, посвящённых этой драматической теме[2]. До сих пор не установлены подлинные имена и происхождение некоторых повстанческих вожаков, слабо изучена география военных действий в Заволжье, их фактология и статистика.

Предлагаемый в публикации материал затрагивает в какой-то степени озвученные проблемы. В первую очередь он помогает увидеть суть повстанчества в период его неизбежного спада. Среди шагов советского руководства способствовавших этому – отмена продразверстки и замена её продналогом, жёсткие военно-полицейские меры, в том числе изоляция повстанцев от сельских баз снабжения, методичное преследование отрядов, амнистия сдавшимся. К концу 1921 г. партизанские вожаки перестали получать от населения добровольную помощь. Нельзя исключать и наступивший в Поволжье голод. Тем не менее, борьба повстанцев с советской властью уже потеряла идейную основу и неминуемо вырождалась в тривиальный уголовный бандитизм.

Доклад с кратким обзором 8-месячных и наиболее активных боевых действий против одного из самых успешных в годы Гражданской войны антибольшевистских повстанческих командиров В.А. Серова[3] был составлен начальником

[1] Под Степным Заволжьем понимается территория между реками Волгой и Уралом, принадлежащая ныне Астраханской, Оренбургской, Самарской и Саратовской областям Российской Федерации, а также Западноказахстанской области Республики Казахстан.

[2] Документы свидетельствуют: Сб. документов по истории локализации и пресечения бандитских и повстанческих проявлений в Саратовской губернии и области Немцев Поволжья в 1920-1921 гг. / Авт. сост. С.А. Овчинников, И.С. Овчинников. Саратов, 1996; *Сафонов Д.А.* Великая крестьянская война 1920 – 1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999; Крестьянское движение в Поволжье. 1919 – 1922 гг.: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2002.

[3] РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 146. Л. 3-11.

разведывательного отдела Приволжского военного округа[4] Носовым по горячим следам событий. Документ носит ярко выраженный фактологический характер и может служить хорошим дополнением для реконструкции событий повстанчества в Степном Заволжье. Географические названия в докладе соответствуют десятивёрстной карте издания военно-топографического отдела Генерального штаба 1918 г.

Несколько слов о самом Василии Алексеевиче Серове (1892 – 25.12.1923). Красный командир, затем в 1920–1923 гг. активный участник и один из руководителей повстанчества в Поволжье и на Южном Урале. Уроженец села Куриловка Куриловской волости Новоузенского уезда Самарской губернии, из крестьян, русский. Учился в церковно-приходской школе. Трудился подпаском, батрачил. В 1913 г. призван в армию. Участник Первой мировой войны, старший унтер-офицер, командир взвода. Награждён двумя Георгиевскими крестами, дважды ранен. После демобилизации организовал в родном селе вместе со старшим братом Иваном волостной красногвардейский отряд. В июне 1918 г. отряд объединился с красногвардейскими партизанскими формированиями соседних Новорепинской и Орловогайской волостей в Ново-Орлово-Куриловский советский полк (далее – Куриловский). Серов возглавил в нём батальон. Участвовал в боях с уральскими казаками на Новоузенском и Уральском направлениях.

В начале декабря 1918 г. в Куриловском полку произошёл бунт с убийством двух полковых и одного армейского политических комиссаров. Тогда конфликт быстро замяли, так как специальная комиссия РВС 4-й армии выяснила, что убийство стало «результатом неумелых и нетактичных действий» политработников. К тому же у армейского руководства явно не хватало карательных сил для усмирения бунтовщиков. Полк отделался «порицанием». В списке прощеных организаторов бунта значился и комбат В.А. Серов.

Следующий бунт куриловцев, перетекший в мятеж нескольких полков Николаевской дивизии случился в январе 1919 г. и стал угрозой решительному наступлению 4-й армии на Уральск. Мятежным частям было отправлено письменное воззвание РВС 4-й армии с обещанием прощения, но при условии выдачи «явных негодяев», среди которых опять же числился В.А. Серов. Вскоре выяснилось, что мятеж исподволь готовился подпольной эсеровской организацией и многие красноармейцы и командиры были использованы заговорщиками вслепую. Осознали это и куриловцы. Именно Куриловский полк стал основной карательной силой, восстановивший в дивизии «советский» порядок. Отличился и комбат Серов, назначенный, в ходе подавления мятежа полковым командиром куриловцев. Командовал полком до января 1920 г. (с 6 апреля 1919 г. – 193-й стрелковый полк 22-й стрелковой дивизии; с 15 июля 1919 г. – 448-й стрелковый полк 50-й стрелковой дивизии). Особенно полк отличился при штурме 2-3 января 1920 г. Царицына.

В начале 1920 г. Серов был откомандирован в распоряжение 4-й армии Туркестанского фронта. Назначен командовать отдельным коммунистическим 450-м стрелковым полком в Новоузенском гарнизоне (начальник гарнизона А.П. Сапожков). Перенёс тиф. В мае 1920 г. получил должность снабженца формируемой Сапожковым 2-й Туркестанской кавалерийской дивизии (9-й

[4] Приволжский военный округ (ПриВО) создан декретом СНК от 4 мая 1918 г. Решением СНК от 20 апреля 1920 г. территория ПриВО разделена на два военных округа: наряду с ПриВО был организован Заволжский военный округ (ЗВО). Приказом РВСР от 8 сентября 1921 г. ПриВО и ЗВО вновь преобразованы в единый ПриВО с постоянной дислокацией управления округом в Самаре (Краснознамённый Приволжский. Куйбышев, 1980. С. 105, 109).

кавалерийской дивизии). Активный участник выступления «Армии Правды» в июле 1920 г. (т.н. «сапожковщина») Поставлен повстанцами комендантом г. Бузулук и командиром перешедшего на сторону восставших Бузулукского запасного стрелкового полка. В сентябре 1920 г., после разгрома «Армии Правды» и гибели Сапожкова, сформировал собственный повстанческий отряд. Вёл вооружённую борьбу до августа 1922 г. Умело применял партизанскую тактику рейдового отряда. Зона боевых действий охватывала практически все районы Степного Заволжья. Численность отряда в разное время варьировалась от нескольких десятков человек до 3 тысяч. Многие повстанцы сопровождались семьями. 15 августа 1922 г. Серов добровольно сдался после переговоров с представителями ГПУ.

Повстанчество Серова имело четко выраженный идейный характер. Его борьба выходила за рамки обычного бандитизма и была созвучна программным идеям зарождавшегося НЭПа. На суде Серов заявил, что «знал ясно и определённо во имя чего он борется,.. был коммунистом и сейчас коммунист в душе»[5].

Приговорён Самарским губернским судом к расстрелу.

* * *

Во второй половине июля [1921 г.] в пределах Балаковского уезда [Самарской губернии] обнаружена банда Серова, численностью до 150 сабель. 19/7 банда Серова заняла Каменная Сарма (46 вёрст юго-восточнее Балаково). 20 июля разведка банды появилась в районе Сулак (40 вёрст юго-восточнее Балаково). Затем ядро банды вслед за разведкой заняло селение Сулак.

По донесению уездисполкома[6], банды 4 августа оставили селение Сулак и отправились на селение Березовое (22 версты юго-западнее Николаевска), где разграбили мучной склад.

В Березовое банды с участием граждан разбили продуктовые склады, разграбили продукты, разбили заготовительную контору, взяли 292 пуда 29 фунт[ов] муки, 69 пудов соли и других продуктов 29 пудов 2 фун[та]. Одновременно часть бандитов направилась по соседству в деревню [Большая] Сакма и далее на экономию Кольченко (25 вёрст юго-западнее Пугачевска[7]). Заведующего экономией избили плетьми, захватили имущество и скот.

5 августа банды Серова оставили Большую Сакму и через Сулак двинулись в юго-западном направлении на хутора Адеркисов[8] и Вышков 45 вёрст юго-западнее Пугачевска (район Савельевка) в намерении, якобы перейти желдорог[9] между ст[анциями] Ершово и Римско-Корсаковка.

Для ликвидации банды Серова 6 августа выслан Пугачевский эскадрон (коммунистов и милиционеров) в количестве 100 сабель при одном пулемете, с задачей двинуться через Рукополь и занять Савельевку. Для той же цели из Перелюба (65 вёрст севернее ст. Семиглавный Мар) выслан коммунистический

---

[5] Красноармеец (политуправление ПриВО). 1923. 23 декабря.

[6] Уездный исполнительный комитет – советский законодательно-распорядительный орган на территории своего действия.

[7] Географическое название «Пугачёвск» отсутствует на десятивёрстной карте Генштаба. Имеется в виду уездный г. Николаевск, переименованный в г. Пугачёв постановлением ВЦИК в ноябре 1918 г. Название «Пугачёвск» носит железнодорожная станция Пугачёва.

[8] Правильно – Адеркисский.

[9] Железная дорога

эскадрон, и из Карловка (50 вёрст юго-восточнее Пугачевска) отправился коммунистический отряд – оба в направлении движения банды.

По донесению начдива 27[10] банда (очевидно отколовшаяся группа от Серова) 4 августа заняла Криволучье (25 вёрст юго-восточнее Балаково). Для ликвидации её выступил Балаковский коммунотряд Захарова[11] в составе 30 сабель, 25 штыков, который вошел в соприкосновение с бандой у Большого Кушума.

Для содействия местным коммунчастям[12] Балаковского и Пугачевского уездов, начдивом 27 в Пугачевский уезд сел[ло] Милорадовка 7/8 выслана из Дергачей 9[-я] рота 242[-го] полка[13].

На участке Плес-Ершов курсировал бронепоезд №63.

По позднейшим сведениям Балаковского исполкома от 11/8, банды Серова (120 сабель 100 штыков 2 пулемета 100 повозок), преследуемые коммунотрядами Захарова из Балакова и Сурова[14] из Пугачевска, у колонии Магейм Федоровской волости, что 35 вёрст северо-восточнее ст[анции]Урбах, были настигнуты и разбиты. Остатки их через Пензенку бежали на юго-восток в пределы Новоузенского уезда Саратовской губ[ернии], потеряв до 100 убитых и раненых, 50 повозок с хлебом и два табуна лошадей.

Остатки банды по сведениям от 13/8 вышли из Орлов-Гай.

20/8 банда заняла д[еревни] Питерка и Морша (10 и 20 вер. Севернее ст[анции] Питерка) захватив в плен 15 человек ЧОН[15]. Для ликвидации банды из Красного Кута в районе восточнее ст[анции] Гмелинская 24/8 было выслано 100 штыков 241[-го] полка[16], на ст[анции] Питерка находился бронепоезд №70, после обстрела которого банда пошла в восточном направлении и 25/8 была обнаружена у Дмитриевка, что 20 вёрст севернее Новоузенска. Высланный из последнего на автомобилях отряд ЧОН Косачева в 75 штыков и 35 сабель в тот же день напал на банду севернее Дмитриевка и, после короткой стычки, заставил её отходить на Новотроицкая, где обстреливаясь банда переправилась через р[еку] Б[ольшой] Узень. Уничтожив за собой мост, задержала отряд Косачева. Последний, продолжая преследование, 27/8 настиг банду в 40 верстах восточнее

---

[10] Начальник 27-й стрелковой дивизии – Витовт Казимирович Путна (1893–1937).

[11] Николай Парменович Захаров (? – 1925), председатель Балаковского уездного исполкома, бывший начдив 14-й стрелковой дивизии, краснознамёнец.

[12] Коммунистические части – военно-партийные отряды, предназначавшиеся для оказания помощи органам советской власти в борьбе с контрреволюцией, охраны общественного порядка и важных государственных объектов. С марта 1919 г. формировались исключительно из коммунистов. Подчинялись партийным комитетам, а не армии. Действовали в тесном контакте с органами ВЧК. С марта 1921 г. входили в состав милицейских частей РККА. 26 августа 1921 г. ЦК РКП(б) утвердил положение о частях особого назначения (ЧОН) и коммунистические части вошли в их состав (*Плеханов А.А, Плеханов А.М.* Всероссийская чрезвычайная комиссия СНК. Краткий справочник. М., 2011. С. 442).

[13] 242-й Волжский стрелковый полк 81-й стрелковой бригады 27-й Омской стрелковой дивизии.

[14] Суров Пантелей Алексеевич (1894–1931), участник Первой мировой войны, вахмистр. Член РКП(б) с 1918 г. В 25-й Чапаевской стрелковой дивизии командовал кавалерийским полком. Награждён двумя орденами Красного Знамени.

[15] Части особого назначения (ЧОН) утверждены принятием ЦК ВКП(б) положения о ЧОН 26 августа 1921 г. Заменили собой коммунистические части, приняв на себя их функции с расширенными полномочиями. В ЧОН активно привлекались комсомольцы и молодые коммунисты (*Плеханов А.А, Плеханов А.М.* Всероссийская чрезвычайная комиссия СНК. Краткий справочник. М., 2011. С. 442).

[16] 241-й Крестьянский стрелковый полк 81-й стрелковой бригады 27-й Омской стрелковой дивизии.

Новотроицкая и заставил её в панике разбежаться, потеряв 3 пленных и около 100 голов рогатого скота. Косачев, считая свою задачу выполненной, вернулся в Новоузенск. Высланный 27/8 из Алтата отряд 242[-го] полка, 29/8 нащупал собравшуюся банду в районе её рассеивания и, после часовой перестрелки, захватив двух пленных, погнал в западном направлении, но вследствие усталости лошадей и отсутствия фуража, принужден был возвратиться в Алтата. Для уничтожения банды 31/8 в район Мары Песчаные из Алгая[17] выслано было 100 штыков, 20 сабель при 4 пулеметах 243[-го] полка[18], которые за необнаружением банды, 3/9 были возвращены в Алгай.

9/9 были получены сведения о нахождении банды Серова в районе уроч[ища] Акуш-Копа. Высланными частями банд в указанном районе обнаружено не было.

В середине сентября (точно не установлено) в районе между оз[еро] Балыкта[19] и ст[аница] Сламихинская произошло объединение банд Серова, Сарафанкина[20], Матрасова (Катушкова) и Мартынова действовавших в районе уральских степей к юго-западу от Уральска. Объединившиеся банды под общим командованием Серова, численностью свыше 100 хорошо вооруженных всадников, 15/9 произвели нападение на Сламихинская и отрезали находившиеся там две роты 243[-го] полка и сенозаготовительный отряд 27-й дивизии. Вследствие количественного превосходства бандитов и малой устойчивости красноармейцев гарнизона, состоявшего из только что прибывшего пополнения, комбату[21] 1-го [батальона] 243[-го] полка удержать за собой с[таницу] Сламихинская не удалось. 3-я рота [243-го] полка с пулеметом во главе с комротой[22] сдалась в плен. Комбат с группой старых красноармейцев отошел в направлении ст[аницы] Байтурган где присоединился к прибывшему из Алгая 2-му батальон 243[-го] полка. Группа оставшихся в Сламихинской красноармейцев засела в домах, в которых держалась всю ночь; израсходовав патроны и, будучи изгнанной из облитых керосином зажженных домов, была взята в плен. После 3-х часового боя 2-м батальоном 243[-го] полка [Сламихинская] была занята, бандиты отошли в северо-восточном направлении. Наши потери – 2-е убитых, 6 раненых и 120 попавших в плен. Бандитами захвачены запасы продуктов и канцелярия 1-го батальона, в станице сожжены пять больших домов, разбит телеграф и произведены грабежи граждан. Бандиты отойдя к северу-востоку от ст[аницы] Сламихинская, вёрст 20 – 25, повернули на юго-восток, уйдя в степи в направлении форп[ост] Кисык-Камышинский (60 вёрст юго-восточнее ст[аницы] Сламихинская).

---

[17] Сокращённое название села Александров-Гай.

[18] 243-й Петроградский стрелковый полк 81-й стрелковой бригады 27-й Омской стрелковой дивизии.

[19] Другое название – Рыбное Озеро.

[20] Сарафанкин Сергей Никифорович (1897 – ?) – уроженец села Балаши Натальинской волости Новоузенского уезда, крестьянин. Унтер-офицер русской армии. Чапаевец, служил в кавалерийском дивизионе 25-й стрелковой дивизии. В 1920 г. дезертировал и присоединился к повстанческим отрядам П. Аистова, где занимал должность заведующего хозчастью. По слиянии с отрядами Серова назначен членом Реввоенсовета Пяти представителем банды Аистова. Сформировал кавэскадрон в количестве 45 – 50 человек и, встав во главе его, отделился от групп Серова, Пятакова и других. В течение четырех месяцев действовал в Новоузенском и Дергачевском уездах. В марте 1922 г. арестован за конокрадство, приговорен к трем годам ИТЛ. Из лагеря бежал. 22 августа 1922 г. добровольно сдался в Дергачевском уезде. Самарским губернским судом 18 – 25 декабря 1925 г. приговорен к трем годам лишения свободы (Крестьянское движение в Поволжье. 1919 – 1922 гг. С. 830; ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 538. Л. 3).

[21] Командир батальона.

[22] Командир роты.

Отступившие бандиты преследовались 2-м батальоном 243[-го] полка, которым во время преследования [пленные] красноармейцы, возле станицы Сламихинская, были отбиты. 19/9 второй батальон 243[-го] полка достиг форп[оста] Кисык-Камышинский (70 вёрст восточнее Сламихинская), не обнаружив банд. В виду ухода последних в степи, батальону приказано было вернуться [в станицу] Сламихинская.

По донесению комполка 243[23] от 25/9 отмечено движение означенных банд во главе с Серовым снова в район [города] Новоузенск [с] направлением на Таловка (55 вёрст западнее Сламихинская), через которую прошли в направлении на Петропавловка 27/9. В Таловке часть батальона во главе с Сарафинкиным откололась и ушла в юго-западном направлении. 5/10 банда Серова на х[уторе] Айдарлы (10–15 в[ёрст] южнее Новоузенска) расположилась на отдых. Здесь её настиг 2-й батальон 241[-го] полка, преследовавший банду Пятакова[24] (со стороны ж[елезной] д[орги] Джаныбек – Палласовка) и оторвавшийся от неё. Банда Серова, приняв боевой порядок, встретила наступающий батальон ружейно-пулеметным огнем и после 2-х часового боя отошла в северо-восточном направлении. Пройдя 4 версты, банда перешла в контратаку и, значительно превосходя численностью, охватила батальон в кольцо. Ружейно-пулеметным огнем эта атака и дальнейшие три были отбиты. Банда, потеряв 13 человек убитыми и много ранеными, отошла в восточном направлении. Батальон, израсходовавший все патроны и запасы продовольствия, отошел на Савинки.

На другой день утром в районе хут[ора] Айдарлы произошло слияние ядра банд первого объединения – банды Серова с бандами, действовавшими последние месяцы в районе левобережья Волги к юго-востоку от Камышина (западнее желдороги[25] Паласовка – Эльтон), а именно с бандами Пятакова, Маслова, Аркина, Шувалова (Шаповалова). В помощь 2-му батальону 241го полка, находящемуся в данном районе, для совместных действий, был выслан со ст[анции] Малоузенск эскадрон 27[-го] кавполка[26]. Не доходя 4-х вёрст до х[утора] Айдарлы, в полдень 6/10 эскадрон вошел в соприкосновение с бандой Серова, которая в результате боя отошла на Айдарлы. Продолжая преследование, эскадрон наткнулся на объединение банды Серова, Пятакова, Маслова, Аркина, и Шаповалова численностью до 700 – 800 сабель, 180 – 200 человек пехоты при 8 пулеметах. Эскадрон был охвачен с флангов и, неся потери убитыми и ранеными, под давлением превосходящих сил бандитов, не прерывая боя, начал отход. В результате боя потерял 7 человек убитыми и около 20 пленными, 1 пулемет. Банда, отойдя от х[утора] Айдарлы, сначала в восточном направлении вёрст на 15, повернула затем на юго-запад, направившись по прямой дороге, идущей к р[еке] Горькая. Учитывая указанные маневр, из района Савинка выступил второй батальон 241[-го] полка, имея задачей пересечь путь движения банде и уничтожить её. Со стороны Новоузенска 7/10 на банду повела наступление сводная группа из 3-го эскадрона 27[-го] кавполка, 1–го батальона 241[-го] полка и 3-го батальона

---

[23] Командир 243-го Петроградского стрелкового полка.

[24] Пятаков Михаил – уроженец села Колышкино Старо-Полтавской волости Новоузенского уезда. Офицер в старой армии. Зимой 1921 г. поднял восстание против советской власти в селе Черебаево Новоузенского уезда, где заведовал ссыпным пунктом. Осенью 1921 г. добровольно сдался с отрядом в 76 сабель советским властям, амнистирован. В конце 1920-х гг. проживал в Иваново-Вознесенской губернии (Там, где был Пятаков // Трудовая правда (АССР Немцев Поволжья). 1927. 27 октября).

[25] Железной дороги.

[26] 27-й кавалерийский полк 27-й Омской стрелковой дивизии.

243[-го] полка. Последний 9/10 в районе Таткен (50 вёрст западнее Паласовка) за небоеспособностью был возвращен. Банда, группировавшаяся в это время в 10 – 12 вер[стах] юго-западнее Таткен, под давлением наших частей стала отходить в юго-восточном направлении. 13/10 наши части достигли аула Каракул, что 40 вёрст южнее Таловка. На рассвете 14/10 эскадрон 27[-го] кавполка и 1-й батальон 241[-го полка] атаковали Хазбан-Камыш-Кул (на карте нет, 15 вёрст северо-восточнее Кара-Кул), где ночевали банды. Оставив свыше 70 человек зарубленными, исправный пулемет, 33 шашки, 39 лошадей с 11 сёдлами и часть обоза, бандиты в панике бежали на север, преследуемые нашими частями.

Приблизительно в эти же дни и в этом же районе банда Пятакова с его спутником Шуваловым и другими отклонилась от банды Серова и двинулась на запад в район ст[анции] Джаныбек, преследуемая вышеуказанными частями. Банда Серова повернула на юго-восток преследуемая 2-м и 1-м эскадронами 27[-го] кавполка и 2-м батальоном 241[-го] полка. Следуя за бандой, наши части настигли её 27/10 в районе уроч[ища] Куады-Кары, что 35 вёрст западнее Лбищенска. В 40 верстах севернее этого урочища завязали с бандой перестрелку. Успевшая здесь объединиться с бандой Катушкова и, составляя общей сложностью 400 – 500 сабель при 5 пулеметах, банда Серова продолжила поспешно отходить на север.

В связи с полученными сведениями о движении банды на Широков, что 20 вёрст юго-восточнее Шипово, 1-й эскадрон 27[-го] кавполка двинулся в этот район, остальные же части отряда, в виду появления бандитов с юга, задержалась Соленая Лощина (20 вёрст ю[го]-в[осточнее] Широков). 29 октября конница бандитов [в] 100 сабель, занимавшая Широков, была атакована 1-м эскадроном и, бросая обоз, поспешно стала отходить на юго-восток, преследуемая эскадроном, зарубившим до 25 бандитов. У Жемчужины Колки (7 вёрст ю[го]-в[осточнее] Широков) 1-й эскадрон был атакован с флангов двумя отрядами бандитов, выступившими из Жемчужины Колки. Эскадрон с боем стал отходить на Широков, и был атакован вторично с трех сторон трижды превосходящими силами противника. Пользуясь полною истощенностью лошадей эскадрона, бандиты врезались в него, рубя и забирая в плен красноармейцев. Преследуемый бандитами, эскадрон в беспорядке отступил на юго-восток, но атакой подошедших со стороны Соленая Лощина 2-го эскадрона 27[-го] кавполка и 2-го батальона 241[-го] полка, бандиты были отброшены назад, и после 3-хчасового боя Широков был занят вторично. Понеся большие потери, бандиты двумя группами ушли в северо-восточном направлении.

Для ликвидации объединенной банды Серова и Катушкова 4/11 из Уральска выступил в район Лагашин, что 15 вёрст ю[го]-в[осточнее] Шипово, ударный отряд 242[-го] полка. 7/11 банды Серова и Катушкова, объединившиеся уже с бандой Горина[27], общей численностью до 600 сабель при 6 пулеметах и обозе, преследуемая из района Широков нашими частями, перешла в 17 верстах восточнее Шипово желдорогу и заняла Малаховку, что 20 вер. с[еверо]-з[ападнее] Шипово. Утром 13/11 банда Серова, Горина и Чапаева[28], доходившая [до] 800 сабель при 8 пулеметах и, следуя с юга, ворвались в Пугачевск, где встретили 4-х

[27] Горин Елисей – уроженец хутора Кондукторовский (Горин) Смоленской волости Николаевского уезда. Бывший чапаевец, командир эскадрона. Командовал повстанческим отрядом в 500 человек. В начале 1923 г. сдался советским властям, амнистирован (ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 538. Л. 2-3).

[28] Башкир по кличке «Чапаев». Погиб в ноябре 1921 г. при захвате Пугачёва отрядом Серова (ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 538. Л. 3).

часовое сопротивление местного отряда ЧОН, который отступив на 5 вёрст ю[го]-в[осточнее], был окружен бандой Катушкова, и после рукопашной схватки должен был отойти на Беленка (10 вёрст южнее Пугачевска). Вместе с подоспевшим отрядом ЧОН из Н[ижняя] Порубежка, отступивший ЧОН перешел в наступление на Пугачевск, где противника уже не оказалось. Потери в стычках до 70 человек убитыми и ранеными, причем среди убитых был один из главарей банды Чапаев. Разграбив в Пугачевске склады упродкома[29] и отделение райсоюза[30], банды отошли в с[еверо]-в[осточном] направлении на Порубежка. Минуя Пугачевск, оба отряда ЧОН продолжили преследование бандитов и 14/11 выбили их из Н[ижняя] Порубежка. Потеряв до 25 убитыми и невыясненное количество раненых, бандиты отошли на Рахмановка, откуда 15/11 были выбиты снова и отошли на юго-восток. В силу изданного приказа по войскам округа[31], борьбы с бандитизмом на территории Самарской губернии была передана комвойсками ВЧК по ПриВО[32]. 13/11 из Самары на 4-х автомобилях в районе Рахмановка и далее был выброшен отряд ВЧК Кравченко в 100 штыков при 6 пулеметах. 14/11 из Пугачевска навстречу движения банды выступил 2-й батальон 242[-го] полка. Поспешно уходившая от преследования банда, 13/11 в районе ст[анции] Озинки перешла желдорогу, южнее которой разбилась на две группы, занимая 18/11 одною группою форп[ост] Чижинский и другою район Паника. Ближайшее преследование первой группы велось из форп[оста] Чижинский 1-м батальоном 242[-го] полка, и второй группы из района ст[анции] Челыкла двумя ротами 242[-го] полка. Остальные части 81[-й] бригады[33] и 27[-й] кавполк, подчиненные начвойск ВЧК по ПриВО, стремились нащупать объединившиеся банды Серова, Катушкова, Горина и Иванаева, действуя из районов Алгая, оз[ера] Балыкта и Уральска. Для усиления их, из Пугачевска желдорогой в Уральск и далее на Лбищенск перебрасывался отряд 30[-го] батальона ВЧК[34], и из района Грачев Куст (70 вёрст западнее Пугачевска) в район северо-западнее Лбищенска – отряд 34-го батальона ВЧК. К 1/12 начвойск ВЧК Булгакову приказано было ликвидацию банды Серова передать комполка 242[35]. Части ВЧК распоряжением полномочного представителя ВЧК по ПриВО

---

[29] Уездный продовольственный комитет – исполнительный советский орган, подчинявшийся наркомату продовольствия.

[30] Районный союз – орган в системе потребительской кооперации.

[31] Немногим позже, в декабре 1921 г. на основании совместного приказа РВСР и ВЧК № 2792/483 от 9 декабря 1921 г. ликвидация бандитизма была возложена на местные органы и войска ВЧК (ГПУ) с привлечением в необходимых случаях полевых войск. За военным командованием оставалось право оперативного руководства действиями всех войск в «наиболее серьезных случаях проявления бандитизма». Для Степного Заволжья таким случаем стала ликвидация банды Серова (Крестьянское движение в Поволжье. 1919 – 1922 гг. С. 779).

[32] Начальник войск ВЧК ПриВО – Булгаков.

[33] 81-я стрелковая бригада 27-й Омской стрелковой дивизии состояла из 241-го, 242-го, и 243-го стрелковых полков. Переброшена в Саратов из под Петрограда в конце марта – начале апреля 1921 г.

[34] Войска ВЧК являлись самостоятельными войсками и подчинялись Управлению войск ВЧК. На местах эти войска подчинялись председателю губ. ЧК. Войска ВЧК состояли из 11 пограничных бригад, 3 отдельных полков, 63 отдельных батальонов, 4 отрядов, 3 авиаотрядов, 7 кавалерийских эскадронов, 4 отдельных рот (*Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 110-111*).

[35] Командир 242-й Волжского стрелкового полка 81-й стрелковой бригады 27-й Омской стрелковой дивизии.

Иванова[36] возвращались на места своих стоянок, части же 81[-й] бригады, преследовавшие банды, были сосредоточены в районе Лбищенск – Горячинский – форп[ост] Мергеневский, но в связи совершившейся в районе Лбищенск переправы банд на левый берег Урала и ухода их в Уральские степи, части стягивались к местам своего расквартирования.

7/12 банда Серова в количестве 700 сабель при 8 пулеметах повела с юга и востока наступление на Калмыково и овладела его южной частью, после двухдневной перестрелки. 8/12 банда, понеся большие потери, энергичным ударом гарнизона Калмыковска была отброшена на форп[ост] Гребенщиковский. В ночь на 17/12 банда произвела налет на Гурьев, где в бою с 34-м батальоном ВЧК потеряла более 150 человек. Отойдя от Гурьев[а], [предприняла] вторичное наступление и, после упорного сопротивления, заняла его северо-западную окраину. На другой день банды из Гурьева были выбиты и отброшены на с[еверо]-в[осток]. Для ликвидации банды из Уральска были отправлены два экспедиционных отряда. 9 января банды Серова и Матросова находились в районе кр[епости] Горская, что 45 вёрст южнее Калмыковска. 10 января отряд 34-го батальона ВЧК, занимавший форп[ост] Гребенщиковский, был окружен бандой, но после боя банда была отброшена на север, потеряв 108 убитых, 38 пленных, 3 пулемета, 200 винтовок и 80 подвод. Преследуемая отрядом, банда была с тракта Уральск – Гурьев сбита, отошла на восток и 18/1 с боем заняла укрепление Уильское. Из последнего Серов вёл переговоры об условиях сдачи с Саратовским штабом ВЧК, комбригом 81[37], а затем 19/1 с замкомвойск тов. Артеменко[38], прибывшим в Уральск для руководства операциями против банды. 2/2 Серову было предложено выступить из укр[епления] Уильского на Уральск, сложив в Джамбейтинской ставке оружие. После злоумышленной со стороны Серова порчи 4/2 связи и получения сведений о приготовлениях его к активным действиям, комполка 242, руководивший в это время операциями, привел свои части в боевую готовность. Тракт Уральск – Гурьев был обеспечен 1-м и 2-м батальонами 242[-го] полка в районе Сахарная – Калмыковск, свободным дивизионом 27[-го] кавполка под командой Турышева в Сахарная, и 38[-м] батальоном ВЧК с эскадроном в форп[осте] Гребенщиковский. В Джамбейтинской ставке находился 97[-й] отд[ельный] эскадрон. Для обеспечения восточного направления из Оренбурга на ст[анцию][39] Джурун 10/2 было переброшено два батальона 289[-го] полка[40]. 17/2 конные части были направлены для одновременного удара на укр[епление] Уильское с севера, запада и юга. Для содействия им с востока выдвинут был отряд 289[-го] полка. 27/2 конные части, подчиненные общему командованию Турышева, повели наступление на укр[епление] Уильское и, к исходу суток, выбили из последнего банду Серова, двинувшуюся в северо-восточном направлении. Чрезмерная усталость наших частей не давали возможности преследовать банду немедленно же. Для усиления охраны Ташкентской дороги и противодействию

---

[36] Полномочный представитель Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, преступлениями по должности, шпионажем и бандитизмом по ПриВО и председатель Самарской губ. ЧК Иванов Георгий Матвеевич (1890-1942) (*Плеханов А.А, Плеханов А.М.* Указ. соч. С. 175-176)

[37] Командир 81-й стрелковой бригады 27-й Омской стрелковой дивизии – Уваров Николай Михайлович (1896 – 1938).

[38] Заместитель командующего войсками ПриВО – Артеменко Николай Филиппович (? – 1937).

[39] Станция на Оренбургско-Ташкентской железной дороге.

[40] Бывший 81-й стрелковый полк расформированной в октябре 1921 г. 9-й стрелковой дивизии.

движения банды на восток 5/3 из Оренбурга в Ак-Булак были выброшены две роты 289[-го] полка и сводный отряд Кавалевского в составе 3[-х] Оренкавкурсов[41], 18[-й] пехшколы[42] и 35[-го] батальона ВЧК. 1-й батальон 289[-го] полка со ст[анции] Джурун перебрасывался в Актюбинск. Изменившаяся обстановка заставила руководство ликвидацией банд Серова передать начвойск ВЧК по Кир[гизской] респ[ублике]. 8/3 отряд кавчастей Турышева занял Ново-Алексеевский (Шикуновский, 78 верст южнее Ак-Булак, откуда банда, не принимая боя, стремительно отступила в северо-восточном направлении, преследуемая кавотрядом. Чрезмерное истощение лошадей отряда Турышева заставила отряд возвращаться в Ново-Алексеевский. Сводотряд[43] Кавалевского, достигший района Красноярский (50 вёрст южнее Илецка), 10/3 был атакован авангардом банды Серова. Все атаки авангарда бандитов, усиленного в последствии главными силами банды, были отбиты и после 8-ми часового боя Серов в панике отступил на Илецкий городок, потеряв 74 убитых, более 200 подобранных и увезённых с собою раненых, 126 убитых лошадей и 30 винтовок. Преследовать банду из-за утомленности сводотряд был не в состоянии. 12/3 для обеспечения северо-западного направления из Уральска в Генварцевское был переброшен 1-й батальон 242[-го] полка, и из Генварцевское в Илецкий Городок части 27[-го] кавполка. Ища выход, банда Серова 19/3 из Григорьевский (60 вёрст ю[го]-з[ападнее] Илецкого Городка) свернула на юг и через 5 – 7 вёрст пошла на северо-запад. В тот же день банда повела наступление на Бурлинский (20 вёрст южнее Иртецков), завязала с находившимся там 1-м батальоном 242[-го] полка перестрелку, длинной до полудня. 20/3 под совместным натиском батальонов, подошедшими частями 27[-го] кавполка и 22-й ротой ЧОН, банда бросилась на ю[го]-в[осток], откуда 3 версты стремительно отходила на северо-восток. Пройдя 6 вёрст целиной без дорог, потеряв 16 убитых, 11 раненых и 2-х пленных, 11 лошадей, 1 верблюда, и пять повозок банда, преследуемая по пятам нашими частями, вышла.

22/3 банда была настигнута частями [27-го] кавполка у Болдырева (12 вёрст севернее Бородинское) и, после полуторачасового боя, отошла на Семенов, что 7 вёрст севернее, где через час была вновь настигнута, и после часового боя отступила на Ташлинский. Неотступно преследовавший банду [27-й] кавполк настиг банду снова и, после 2-х часового боя, выбил её из Ташлинского. Общие потери банды за 22/3 – убито 110, и раненных 87, из которых 50 банда забрала с собой. Лошадей убитых 72 и ранено 18.

24/3 достигнув Богдановка (40 вёрст южнее Тоцкая), банда круто повернула на запад и 26/3 из Андреевка (50 вёрст западнее Богдановка) – на юг, в район Соболев. Предполагаемое намерение Серова выйти через Соболев в Пугачевский уезд и далее в Разливы Чижинское, было комбригом 81 учтено, для чего частям 81-й бригады, Саратовскому батальону курсантов[44] и второму полку Самарских курсантов приказано было занять линию наблюдения и активно действовать в случае обнаружения противника по рекам Таловка, Камелик и [Большой] Иргиз. Заняв 27/3 Соболев, банда 29/3 через [...] вышла в Зайкин (20 и 40 вёрст ю[го]-з[ападнее] Соболев), в районе которого 30/3 нашими частями был настигнут арьергард банды. Часть арьергарда была захвачена, часть уничтожена, а

[41] 3-е Оренбургские кавалерийские курсы.
[42] 18-я Оренбургская пехотная школа комсостава.
[43] Сводный отряд.
[44] Батальон курсантов 20-й Саратовской пехотной школы комсостава.

уцелевшие в панике бежали к своим главным силам, находившимся в уроч[ище] Кузьмин-Отрог, в 10 верстах ю[го]-в[восточнее] Зайкин.

С рассветом 31/3 банда поспешно направилась на запад по р[еке] Таловка и заняла Таловый, откуда после 6-ти часового боя выбита 2-м батальоном 242[-го] полка и, преследуемая им, бросилась сначала на северо-запад, а затем повернула на юго-запад на Таловка, в 8-ми верстах от которой на рассвете 2/4 наткнулась на 1-й батальон 241[-го] полка. После часовой перестрелки в панике, минуя дороги, целиной бежала на юго-восток. Выброшен желдорогой 3-й батальон 242[-го] полка и 1-й батальон 5-го Уральского полка[45] достигли в тот же день ст[анции] Шипово, но выбывший из Уральска через 3 часа эшелон с конотрядом Турышева на 337 версте, вследствие разобранного бандитами пути, сошел с рельс. В 4-х верстах западнее банда Серова переходила железную дорогу. Энергичным ударом частей кавотряда Турышева банда Серова была перерезана на двое и после 8-ми часового боя, потеряв свыше $^{2}/_{3}$ своего обоза и более 200 убитыми, ранеными и пленными, незначительные остатки банды Серова были отброшены в юго-западном направлении на хутора, что южнее Шипово. 4/4 высланные из Шипово [1-й и 2-й] батальоны 5-го полка достигли линии Ширяевский и разбили остатки банды Серова [на] выходе в Чижинские Разливы. Одновременно кавотряд Турышева настиг остатки банды и, после короткого боя, заставил её, потеряв 20 убитыми и 31 пленного, рассеятся и в панике искать выхода в юго-восточном направлении. У х[утора] Буланы, что в районе буквы «И» в слове «Разливы» Дхоринские[46], банда Серова 7/4была окончательно рассеяна и отошла одиночными и мелкими группами в разных направлениях. Сам Серов, минуя северную оконечность оз[ера] Балыкта, направился в район Буланы.

Отколовшаяся 3/4 от банды Серова часть под командой Кисилёва[47] в количестве 100 бандитов, 5/4 в районе дер[евни] Переметная под обстрелом бронепоезда №85 панически перешла желдорогу, бросилась на юго-восток в район Кожехаровский. Около 7/4 сам Кисилев был убит и банда его уничтожена. В настоящее время проводится очищение района последних операций банды Серова от отдельных бандитов.

Начразведотд – Носов.

---

[45] Входил в состав 2-й Саратовской отдельной запасной стрелковой бригады.

[46] Речь идёт о необозначенном объекте на десятивёрстной карте Генштаба.

[47] В разведсводке оперативного управления штаба ПриВО № 01005/раз от 15 марта 1922 г. говорилось, что «Киселев — офицер, служивший у белых в атаманском дутовском дивизионе» (Крестьянское движение в Поволжье. 1919 – 1922 гг. С. 816).

О ПОДДЕРЖКЕ ПОВСТАНЦЕВ

Аннотация: В публикации воспроизводится текст письма бывшего депутата Государственной думы Григория Алексинского представителю Временного Приамурского правительства в США Иосифу Окуличу в декабре 1921 г. В комментарии к публикации охарактеризована политическая обстановка, побудившая социал-демократа Алексинского искать помощи у Белого движения на Дальнем Востоке России в деле помощи карельским повстанцам.

Ключевые слова: гражданская война, карельское восстание, временное приамурское правительство, белое движение, зелёное движение, повстанчество.

Abstract. The publication reproduces the text of a letter from former State Duma deputy Grigory Aleksinsky to representative of the Provisional Priamur Government in the United States, Joseph Okulich, in December 1921. In a commentary to the publication, the author describes the political situation that prompted the Social Democrat Aleksinsky to seek help from the White Movement in the Russian Far East in helping Karelian insurgents.

Key words: Civil war, east Karelian uprising, Provisional Priamur government, white movement, green movement,

Публ. Ф.А. Попова (Москва)

С исходом Русской армии генерала Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г. Гражданская война перешла в новую фазу. Тамбовское, Кронштадское, Западно-Сибирское восстания продемонстрировали большевикам крайнюю непопулярность политики военного коммунизма в крестьянской среде. С внедрением радикальных обобществительных мер в сельской местности главным врагом большевиков стали не «белые», а «зеленые». Тем не менее, Белое движение не прекратило своего существования на территории России и, более того, старалось учесть допущенные ошибки. Владивостокский переворот 26 мая 1921 г. привел к власти Временное Приамурское правительство (далее – ВПП) С.Д. Меркулова, опиравшегося на зажиточное («несоциалистическое») населения Приморья и армию каппелевцев. При несомненной правой окраске данного правительства, выражавшейся, помимо прочего, в резком неприятии не только большевиков, но и прочих социалистических партий, меркуловский режим подчеркивал свою демократичность. В частности, было открыто Народное Собрание, куда попало несколько оппозиционных депутатов, в ходе судебной реформы введен суд присяжных.

В идеологическом пространстве ВПП предприняло попытку соединения стандартных национально-государственнических лозунгов Белого движения с риторикой «бело-зеленого» повстанчества. Во владивостокской монархической газете «Слово», неофициальном рупоре Несоциалистического съезда, еще до переворота 26 мая стали появляться статьи, посвященные трактовке «антоновщины» и Кронштадского восстания. В статье «Третья революция», автор, скрывающийся под псевдонимом «Изгоев», так описывает разворачивающиеся события: «И в этой революции, по счету третьей за сравнительно короткий четырехлетний промежуток времени, мы видим несомненную угрозу существованию ставшей столь ненавистной ныне русскому народу советской власти. Мы видим в ней явление, которое имеет несравненно больше шансов на успех, нежели те хирургические операции, которые производились несвоевременно, хотя чистыми, но недостаточно искусными руками Корнилова,

Деникина и Колчака, при содействии своекорыстных иноземных сил, и закончились для них кровавой катастрофой. На этот раз, власть взорвана внутри, руками русского народа, штыками тех красноармейских войск, матросов, рабочих и крестьян, которые еще не так давно одни, в безумном ослеплении, другие, перед ужасом бесчеловечного террора, шли на бессмысленный убой, под звуки чуждого интернационала. Опора рушится, и не отрядами закупленных ландскнехтов и наймитов возможно погасить бушующий пожар» («Слово», 17 марта 1921 г., № 256. С. 2 – 3).

Военные операции против Дальневосточной республики ВПП планировало с учетом общероссийской тенденции на «повстанчество». Так, начатое в ноябре 1921 г. наступление каппелевских войск на Хабаровск было объявлено независимой акцией «Белоповстанческой армии» (по сути те же капеллевцы, подчинявшиеся правительству Меркулова). Подобный шаг имел целью, с одной стороны, представить атаку на ДВР стихийным действием, не направляемым из Владивостока, и, с другой, высветить народный, «повстанческий» характер борьбы с большевизмом на Дальнем Востоке.

В этом же контексте «бело-зеленого» синтеза стоит рассматривать публикуемое письмо бывшего депутата второй Государственной думы Г.А. Алексинского[1] представителю ВПП в США И.К. Окуличу[2]. Антибольшевистски настроенный социалист Алексинский обратился к уполномоченному правого владивостокского правительства с просьбой о финансировании вспыхнувшего в ноябре 1921 г. Карельского восстания. Из письма видно, что Алексинский уже высказывал эту идею парижским кругам русской эмиграции, но отклика не нашел. Очевидно, сложившийся вокруг Приморского государственного образования ореол

---

[1] Алексинский Григорий Александрович (16 сентября 1879, Ботлих, Андийский округ, — 4 октября 1967, Париж) — политический деятель, в 1900-х гг. социал-демократ, примыкал к большевикам, участник революционных событий 1905—1907 гг. депутат 2-й Государственной думы. Участник Штутгартского (1907) и Базельского (1912) конгрессов II Интернационала. С 1909 член социал-демократической группы «Вперёд», организатор партийных школ на Капри (1909) и в Болонье (1910—1911), выступал против В. И. Ленина. В годы Первой мировой войны занимает «оборонческую» позицию, издаёт в Париже социал-патриотический журнал «Призыв». После Февральской революции примкнул к возглавляемой В.Г. Плехановым социал-демократической группе «Единство». В июле 1917 вместе с правым эсером В.С. Панкратовым обнародовал в газете «Живое слово» показания прапорщика Ермоленко, призванные изобличить В. И. Ленина в связях с германской разведкой. В 1918 г. арестовывался ВЧК, но был выпущен на поруки, устроился на советскую службу. В 1919 года переехал в Эстонию. В эмиграции вошёл в константинопольский Русский Совет. В 1920 году заочно судим Верховным ревтрибуналом по делу «Тактического центра», признан виновным в контрреволюционных заговорах и лишён права въезда в Советскую Россию. Сотрудник газет «Общее дело», «Русская газета» и др.

[2] Окулич Иосиф Константинович (1 ноября 1871 — 21 января 1949, Ванкувер) — из енисейских казаков. В 1894 г. окончил политехникум в Цюрихе, получив диплом инженера-агронома. С 1896 — на государственной службе в министерстве земледелия в качестве агронома Томской губернии. Действительный статский советник, директор департамента сельского хозяйства, член Совета министров. Совершил ряд заграничных командировок для ознакомления с европейским опытом в сельском хозяйстве. Содействовал развитию кооперации в Сибири. В 1919 г. выехал в США в качестве дипломатического представителя Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. В 1921-1922 гг. представитель Временного Приамурского правительства в США. В эмиграции публиковался в общерусской и казачьей прессе. В своих статьях в «Общеказачьем журнале» (Нью-Джерси) проводил мысль о федеративном устройстве будущей России, считая федерацию единственным способом удержать российские народы в едином государстве. Сотрудник музея русской культуры в Сан-Франциско. Занимался фермерством в Британской Колумбии.

«последнего очага борьбы» побудил Алексинского связаться с Окуличем. Однако истощенное в финансовом отношении ВПП едва ли могло позволить себе оказать какую-либо помощь повстанцам, оперирующим на другом конце страны под чуждыми Белому движению сепаратистскими (профиннскими) лозунгами. Письмо в рукописном виде отложилось в фонде Р942 Государственного архива Российской Федерации (Управление иностранными делами Временного Приамурского правительства)[3] и публикуется впервые.

***

Многоуважаемый г. Окулич!

Я пишу Вам, не будучи лично с Вами знаком. Но дело – не личного свойства.

Я посылаю это письмо из Стокгольма, – по пути из Парижа в Финляндию. Я был в Финляндии и других странах Прибалтики 3 месяца, в августе – октябре. В ноябре вернулся в Париж, а сейчас пришлось экстренно вернуться в Финляндию, в связи с известиями о крестьянском восстании против большевиков в Карелии. Из Карелии это восстание (очень серьезное) перебросилось в Архангельскую губ. Мурманская дорога в двух пунктах (мост на Свирь и ст. Кемь) перерезана восставшими. Одновременно начались серьезные волнения в Петроградской губ (Гдовский уезд).

Когда я приехал в Париж в ноябре, я говорил тамошним русским деятелям, что на Севере и Северо-Западе надо <нрзб> <нрзб> движении против большевиков, но они отнеслись к этому невнимательно.

Сейчас я еду туда, в качестве корреспондента французской и бельгийской прессы. Хочу, чтобы Европа знала, что борьба против большевиков продолжается и по-прежнему имеет вооруженный характер. Думаю, что события в этих местах могут дать большие результаты.

Так как Вы, насколько я знаю, связаны с Владивостокским правительством, то я хочу привлечь Ваше внимание на необходимость экстренной материальной поддержки движения на Севере и Северо-Западе. Даже самая небольшая поддержка сейчас имеет огромное значение, особенно в виду состояния местной валюты (1 доллар = 60 финских и 300 эстонских марок). Парижские круги ничего не дают: говорят что не могут! Для Владивостока же поддержка этого движения имеет практическую важность, – будет <нрзб> большевистских сил.

Хотел бы иметь от Вас удовлетворительный ответ. Адрес: Gregoire Alexinsky, Hotel Fennia, Helsingfors, Finland.

С совершенным уважением
26/ XII [1]921 Г. Алексинский
Стокгольм Б. член Госуд. Думы

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р 942, Оп.1. Д.49. Лл.51-52 (с об.)

РУССКИЕ СУДЬБЫ XX ВЕКА

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ И.П. РОМАНОВСКИЙ: СТРАНИЦЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ БИОГРАФИИ

Аннотация. Статья посвящена русскому военному деятелю, который прежде всего известен по событиям Гражданской войны. И.П. Романовский был начальником штаба Вооруженных сил Юга России. Он имел много врагов и недоброжелателей, многие в Добровольческой армии воспринимали его в качестве «злого гения» армии. Весьма важно выстроить биографию столь неоднозначной персоны. Статья освещает дореволюционную карьеру этого офицера.

Ключевые слова: Русская императорская армия, военная служба, офицерство, генерал И.П. Романовский, биография.

Abstract. The article is devoted to the Russian military figure, who is primarily known for the events of the Civil war. I.P. Romanovsky was chief of staff of the Armed forces of Southern Russia. He had many enemies and detractors, many in the Volunteer army perceived him as the «evil genius» of the army. It is very important to build a biography of such an ambiguous person. The article highlights the pre-revolutionary career of this officer.

Key words: Russian Imperial army, military service, officers, General I.P. Romanovsky, biography.

Р.М. Абинякин (Орел)

Иван Павлович Романовский родился 16 апреля 1877 года[1] в городе Луганске в семье подполковника-артиллериста. Сословная принадлежность – из дворян Владимирской губернии[2] – не позволяет с достоверностью судить, принадлежал ли он к давнему потомственному дворянству или к выслужившемуся из военной среды. О его семье и ранних годах сведений практически нет.

Военное образование Романовский начал с самой первой ступени, поступив во 2-й Московский кадетский корпус. По воспоминаниям однокашника, будущего дроздовца-походника, затем генерал-лейтенанта Н.Д. Неводовского (Невадовского), это был «не по летам серьезный, несколько застенчивый и замкнутый, кадет с большими способностями». Впрочем, вряд ли совершенно нелюдимого подростка в старшем классе корпусное начальство назначило бы фельдфебелем, то есть на деликатную роль «связующего звена между офицерами-воспитателями и кадетами». Между тем эти обязанности Иван исполнял «с большим тактом и чуткостью».[3] Поневоле на ярком контрасте вспоминается юнкер-фельдфебель Михаил Тухачевский, который «прославился» в Александровском военном училище жестокой требовательностью поистине держимордовского уровня, доводившей подчиненных в буквальном смысле до самоубийств.

Видимо, именно тогда стали оформляться качества характера, необходимые хорошему начальнику штаба, который должен быть одновременно кладезем

[1] Все даты приведены по старому стилю.

[2] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. ПС 154-301 (Подпоручик Романовский И.П.). Л. 1.

[3] Доброволец: Издание Союза добровольцев. – 1937. - № 2. – С. 5.

военных знаний, мыслителем, дипломатом и руководителем. Похоже, что глубокая увлеченность военными науками сочеталась в Романовском с весьма разносторонними личностными качествами.

После успешного окончания корпуса Романовский 5 сентября 1894 года поступил в Константиновское артиллерийское училище в качестве юнкера рядового звания на правах вольноопределяющегося I разряда. Карьера артиллериста требовала прежде всего высоких интеллектуальных способностей для проведения сложных математических расчетов. Вместе с тем, константиновцы традиционно отличались добротным, но далеко не всегда высококачественным составом. Старательный и не очень общительный юнкер, обращавший на себя внимание постоянными успехами в науках и серьезностью почти взрослого человека, 26 июня 1895 года получил унтер-офицерские лычки. Через полгода, 14 декабря, Романовский стал портупей-юнкером[4].

Закончив училище одним из первых[5], 13 августа 1897 года Романовский был произведен в подпоручики по полевой пешей артиллерии со старшинством с 12 августа 1895 г. и прикомандирован к лейб-гвардии 2-й Артиллерийской бригаде[6]. Похоже, что «дорогая» служба в гвардии не вызывала серьезных материальных затруднений. С другой стороны, гвардейская артиллерия не имела традиции столь роскошных амбиций и безрассудных фанаберий, как Кавалергардский, лейб-гвардии Гусарский, Кирасирские и др. полки. Жалованье Романовского в это время составляло с учетом столовых и квартирных денег 1066 руб. в год.

После четырехнедельного отпуска молодой офицер прибыл к месту службы. 13 сентября он был прикомандирован к 4-й батарее, а уже 2 октября переведен в 6-ю. Прикомандирование было, как правило, своеобразным испытательным сроком, и 6 августа 1898 года Романовский был Высочайшим Приказом переведен в бригаду окончательно (вскоре его сослуживцем оказался Сергей Леонидович Марков – один из будущих вождей Белого движения.) Несомненно, организаторские и деловые способности молодого подпоручика проявились достаточно быстро, так как уже 18 января 1900 года его утвердили адъютантом 2-го дивизиона лейб-гвардии 2-й Артиллерийской бригады с переводом в штат его управления.

Это стало своеобразной ступенькой для откомандирования в августе в Николаевскую Академию Генерального Штаба. Успешно сдав сложнейшие экзамены и избежав весьма свирепого отсева, 12 октября 1900 года Романовский был зачислен в Академию, куда поступил и Марков. С этого момента он оказался в родной стихии, где началась шлифовка способностей штабного оператора. Характер, задатки и интересы нашего героя как нельзя более соответствовали жесткому напряженному режиму академического образования того времени. 6 декабря 1901 г. Романовский был произведен за выслугу лет в поручики со старшинством с 13 августа.

Блестяще окончив 2 класса Академии по I разряду, он был причислен к Генеральному Штабу и в числе немногих 3 сентября 1902 года переведен на дополнительный курс. 23 мая 1903 г. поручик Романовский успешно окончил обучение и за отличные успехи в науках был произведен в штабс-капитаны[7]. Немногие офицеры могли похвалиться двумя производствами в следующий чин за неполные три года академического образования! 27 мая Романовский

---

[4] РГВИА. Ф. 409. ПС 154-301 (Подпоручик Романовский И.П.). Л. 1 об.
[5] Доброволец: Издание Союза добровольцев. – 1937. - № 2. – С. 5.
[6] РГВИА. Ф. 409. ПС 154-301. Л. 1 об.
[7] Там же. Лл. 3-3 об.

прикомандирован к штабу Петербургского военного округа, в группе чинов которого участвовал в первой в своей жизни полевой поездке офицеров Генерального Штаба. Подобные командировки, являвшиеся подлинной практической работой настоящего штабного офицера, в дальнейшем стали для него постоянными и, судя по всему, вызывали неподдельный интерес. Сразу после поездки, 29 сентября 1903 года, Романовский прикомандирован на два года к лейб-гвардии Финляндскому полку для командования 7-й ротой, для ценза, как это обычно практиковалось у выпускников Академии.

В 1903 году Иван Павлович женился на дочери мелкого чиновника, коллежского секретаря, девице Елене Михайловне Бакеевой, вероисповедания православного. Как видим, сословные рамки для дворянина Романовского имели весьма условное значение. 1 апреля 1904 г. у них родился сын Михаил[8].

Однако уже 18 сентября 1904 года, приказом по Генеральному Штабу он был откомандирован от полка ранее двух лет «с зачетом неоконченного командования ротою за установленный законом командный ценз». Подобная спешка объяснялась просто: командование стремилось, чтобы как можно большее число офицеров с академическим образованием получило практический опыт руководства войсками и штабного планирования в ходе русско-японской войны. Назначение в штаб войск гвардии и Петербургского военного округа было чисто номинальным и промежуточным, и уже через три дня Романовский был переведен из гвардии в Генеральный Штаб с переименованием в капитаны и назначен обер-офицером для особых поручений при штабе 18-го армейского корпуса[9]. Таким образом, с начала офицерской службы Романовский за семь лет получил четыре чина и стал капитаном в 27 лет. По тем временам это было очень быстрым продвижением и свидетельством более чем удачной карьеры.

Еще через пять дней он был командирован в распоряжение командующего 1-й Маньчжурской армией. С 12 ноября 1904 г. Генерального Штаба капитан Романовский назначен временно исполняющим должность старшего адъютанта по строевой части штаба 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, а 22 мая 1905 г. утвержден в этой должности. Дивизия входила в состав I Сибирского корпуса генерал-лейтенанта барона Г.К. Штакельберга, который постоянно действовал на самых важных участках, таких, как Хейгоутай и Мукден. Во время Мукденского сражения именно I Сибирский корпус, разделенный на несколько частей, в составе разных «отрядов» остановил натиск армий японских генералов Оку и Ноги.

Трижды с января по сентябрь 1906 года Романовский временно исполнял должность начальника штаба дивизии в течение времени от двух недель до полутора месяцев. С 15 сентября 1905 года по 3 января 1906 года Романовский находился в командировке при штабе 1-й Маньчжурской армии. Затем, после краткого отпуска, из которого он вернулся на 6 дней раньше срока, последовало утверждение в должности старшего адъютанта штаба 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, но с оставлением при штабе корпуса[10]. Заметно, что энергичного и ответственного офицера стремились заполучить вышестоящие штабы – факт, говорящий не только в пользу Романовского, но и о нехватке настоящих штабных организаторов.

При этом он никак не соответствовал образу штабиста, зарывшегося в бумаги и избегающего порохового дыма. Красноречив перечень орденов, полученных Романовским «за отличия в делах против японцев»: Св. Анны 4-й степени, Св.

[8] Там же. ПС 179-296 (Генерального Штаба капитан Романовский И.П.). Л. 44 об.
[9] Там же. Лл. 41-41 об.
[10] Там же. Л. 43.

Станислава 2-й степ. с мечами, Св. Анны 2-й степени с мечами и, наконец, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом[11]. Иван Павлович явно принимал непосредственное участие в боях, действуя не только умело и продуманно, но решительно и храбро. Подобным образом действовали и другие молодые штабные офицеры. Например, будущий патрон Романовского А.И. Деникин, начальник штаба Забайкальской казачьей дивизии, неоднократно просился в бой и во время Цинхеченского боя заменил одного из командиров полков. Утверждение наград Высочайшим приказом произошло намного позже: так, орден Св. Владимира – лишь 20 мая 1907 года.

Впрочем, уже 6 января 1906 года Романовский получил назначение обер-офицером для поручений при штабе Туркестанского военного округа, куда прибыл 1 марта. После русско-японской войны данное направление считалось стратегическим, и к службе в Туркестане привлекали наиболее энергичных и перспективных офицеров Генерального Штаба, имевших опыт современной войны. Не случайно до войны штаб-офицером для поручений в Туркестанском военном округе служил Л.Г. Корнилов, о немыслимых разведках которого уже тогда рассказывали легенды. Служба вдали от центров цивилизации не нарушала гармонии в семье Романовского, и 12 ноября 1906 года у него родился второй ребенок – дочь Ирина. Молодой офицер обожал свою семью, но главным для него, как сообщают знакомые офицеры, была не личная жизнь, а интересное дело.

Интересной и важной деятельности в российских владениях в Средней Азии и особенно на сопредельных территориях хватало. Только за два года Романовский трижды командировался в полевые поездки офицеров Генерального Штаба Туркестанского военного округа. С 19 августа по 17 сентября 1907 года он побывал в Восточной Бухаре, причем вскоре получил бухарский орден Золотой Звезды 3-й степени.[12] Хотя в послужном списке об этом упоминается вскользь, без описания конкретных заслуг, но сам этот факт заставляет полагать, что орден не был «дежурным» награждением высоких гостей. С 18 июня по 9 августа 1908 года Иван Павлович побывал в командировке на Памире.

Вскоре, в январе 1909 года, Романовский был назначен исполняющим должность старшего адъютанта Мобилизационного отделения штаба Туркестанского военного округа. Через неполных два месяца, 29 марта, он был утвержден в этой должности и произведен в подполковники со старшинством с 6 декабря 1908 года. Затем последовала командировка в Санкт-Петербург для разработки мобилизационного расписания 1910 года, где наш герой был замечен. Спустя два месяца после возвращения, с 28 июля по 8 сентября 1909 года новоиспеченный подполковник участвовал в полевой поездке в Семиреченскую область и Кашгарию (Восточный Туркестан)[13]. Очевидно, что служебный график Романовского в это время был весьма напряженным, а сам он мало напоминал кабинетно-штабного чинушу.

Венцом его служебной активности в Туркестане стал перевод в октябре 1909 года в Главное Управление Генерального Штаба на должность помощника делопроизводителя мобилизационного отдела. Это означало признание, карьерный взлет и широкие перспективы. Через год Романовский назначен помощником начальника отделения в отделе дежурного генерала Главного Штаба, а затем начальником 2-го отделения[14]. Одновременно, не становясь штатным

---

[11] Там же.

[12] Там же. ПС 171-026 (Генерального Штаба подполковник Романовский И.П.). Л. 111 (5).

[13] Там же. Лл. 113 об. - 114 (7 об. - 8).

[14] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 238. Л. 2.

преподавателем, он читал лекции в Павловском военном училище – главной кузнице офицеров гвардейской пехоты, – где приобрел всеобщее глубокое уважение. В марте 1912 года Романовский произведен в полковники и затем возглавил 4-е отделение Главного Штаба[15], ведавшее назначением начальников отдельных частей. По сути, в его руках оказалась кадровая политика всей армейской машины, что требовало недюжинных способностей. Службу на новом поприще можно оценивать двояко: с одной стороны, небывалая ответственность и приобретение навыков кадровых перемещений, с другой же – явный отход от непосредственного оперативного планирования и руководства войсками.

С началом Первой Мировой войны при развертывании войск в ходе мобилизации полковник Романовский получил назначение начальником штаба 25-й пехотной дивизии, входившей в состав 3-го армейского корпуса генерала от инфантерии Н.А. Епанчина 1-й армии генерала от кавалерии П.К. Ренненкампфа Северо-Западного фронта, которым командовал генерал Жилинский. Именно эти войска первыми приняли участие в боях в Восточной Пруссии уже в начале августа 1914 года. По признанию военных историков, армейские корпуса, наступавшие в центре порядков 1-й армии, двигались едва ли не вслепую, не имея вначале конкретной задачи.

Боевой путь 25-й пехотной дивизии начался боем у Сталупенена с германским корпусом генерала Х. фон Франсуа. Несмотря на слабость Епанчина как командира корпуса, Сталупенен был взят благодаря, скорее всего, умелой организации боя начальником штаба 25-й дивизии Романовского, тогда как начальник дивизии генерал-лейтенант П.И. Булгаков был вполне заурядным, да и очень немолодым военачальником. Впрочем, гораздо важнее было широко известное (и неоправданно восторженно оцененное, можно сказать, разрекламированное иными историками) сражение под Гумбинненом 7 августа, когда 25-я и 27-я пехотные дивизии, действуя на центральном участке почти как на полигоне, одержали решительный успех: германский 17-й корпус генерала Макензена был буквально расстрелян и в панике бежал с поля боя. Мощные успехи русского наступления спасли от падения Париж, и вполне заслуженно признать, что «геройские полки и батареи 25-й и 27-й дивизий своей блестящей работой на гумбинненском поле решили участь всей Мировой войны!»[16]

Однако это были единственные крупные события войны, в которых приняли участие войска под началом Романовского. Уже к 14 августа весь 3-й армейский корпус был «прикреплен» к Кенигсбергу, что и вывело его из основного хода Восточно-Прусской операции (и тем спасло от разгрома), и оказалось явно непосильной задачей. Кенигсберг по праву считался одной из самых мощных крепостей Европы, в отношении которой были тогда невозможны ни штурм, ни даже длительная осада.

В октябре 1914 года разгромленная 1-я армия была воссоздана, но 3-й армейский корпус в полном составе был передан 10-й армии генерала от инфантерии А.М. Сиверса, вторично занявшей в начале месяца Сталупенен. На протяжении осени шли бои местного значения. Только в начале 1915 года вся 10-я армия оказалась под пристальным вниманием германских стратегов, планировавших в отношении нее «Канны», то есть окружение и полный разгром. В январе 1915 года немцы начали широкое комбинированное наступление в Карпатах, угрожая Варшаве и стремясь разгромить правый фланг русского Северо-

[15] Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). – М., 1997. – С. 207.

[16] Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. Т. 3. – М., 1994. – С. 187.

Западного фронта. Мечтой германских стратегов были «Канны» именно для 10-й армии. В ходе страшных боев, закипевших с 21 - 23 января, 3-й армейский корпус – во многом по недомыслию командующего фронтом генерала Н.В. Рузского – был буквально уничтожен. Уже в ходе первых демонстрационных ударов немцев 21 - 23 января 25-я пехотная дивизия понесла тяжелые потери. К началу февраля весь 3-й армейский корпус был сметен и полностью выбыл из строя.

Поразительна косность военно-бюрократической машины, когда в ходе этого страшного разгрома начальник 25-й пехотной дивизии генерал Булгаков, непосредственный командир Романовского, получил назначение командиром 20-го корпуса, а затем – и командующим 2-й армией. Это объяснялось лишь старшинством выслуги военачальника, не обладавшего никакими иными достоинствами. Начальники и соседи (Н.А. Епанчин, А.П. Будберг) отзывались о нем глухо или нейтрально, а историки – как эмигрантские, так и современные – резко критически (А.А. Керсновский, А.Г. Кавтарадзе). Впрочем, следует признать, что, несмотря на порой чисто номинальных командиров, в действительности почти всегда «сражение было стратегическим единоборством их способных начальников штабов»[17]. Очевидно, оперативные способности Романовского неплохо маскировали бесталанность Булгакова…

Дальнейшая волна переформирований и переводов офицеров подхватила Романовского и бросила в строй. Полковник Романовский в августе 1915 года принял командование 206-м пехотным Сальянским полком. Эмигрантский военный историк А.А. Керсновский, отличавшийся как высокими аналитическими способностями и эрудицией, так и беспощадной категоричностью, резко критически оценивал назначение офицеров Генерального Штаба на должности полковых командиров. В результате полки меняли по 2 - 4, а то и более 10 командиров при подавляющем отсутствии боевых потерь. Генштабисты-«моменты» либо отбывали службу, слабо зная строй и полевую практику руководства полком, либо использовали ее для получения соответственной «статусной» награды. Ориентировочно в это время и Романовский получил орден Св. Георгия 4-й степени (чего так и не удалось другому генштабисту от гвардии – М.Г. Дроздовскому).

Однако следует подчеркнуть, что данная награда у Романовского была дважды заслуженной и за блестящее непосредственное руководство боями в Восточной Пруссии, и за исключительную храбрость в бытность командиром сальянцев. Порой Иван Павлович даже перебарщивал, демонстративно обходя позиции сильно простреливаемой тропинкой – как с уважением говорили солдаты, «кратчайшая дорога-то есть, да по ней ходит только наш командир»[18]. Как неплохой психолог, он понимал настороженное отношение к себе полковых офицеров в силу традиционного корпоративного соперничества «строевиков» и «генштабистов». Прохладные отношения удалось растопить, и даже солдаты говорили о нем с искренним уважением и преклонением перед смелостью командира. Да и почти годовое командование полком слабо вяжется с краткосрочной честолюбивой и поверхностной стажировкой.

В июле 1916 года Романовский произведен в генерал-майоры и назначен начальником штаба 13-го армейского корпуса, а в октябре – генерал-квартирмейстером штаба все той же 10-й армии – теперь уже в составе Западного фронта[19]. Первые же дни в новой должности принесли тяжелые испытания: 20

[17] Там же. С. 216.
[18] Доброволец: Издание Союза добровольцев. – 1937. - № 2. – С. 5.
[19] Рутыч Н.Н. Указ. соч. С. 207.

июля у Сморгони армия подверглась мощной газовой атаке. Непонимание опасности и удальство офицеров нередко приводили к снятию противогазных масок и отравлениям, что приходилось предотвращать. Романовский вновь и вновь оказывался на позициях, предпочитая лично ознакомиться с обстановкой, а не воспринимать ее постоянные изменения по докладам в штабной тиши.

План кампании 1917 года предполагал нанесение главного удара по Австро-Венгрии силами Юго-Западного фронта. На Западном фронте ударное положение занимала 10-я армия, которая должна была наступать на Вильну – Молодечно. Штаб армии получал под свое начало 28 дивизий, хотя не все они были укомплектованы артиллерией полностью. Однако Февральская революция полностью спутала карты…

НИКОЛАЙ МАТВЕЕВИЧ ИЗОФАТЕНКО (1882 - 1921)

Аннотация: Статья посвящена судьбе одной из видных персон Тамбовского восстания 1920 – 1921 гг. – Н.М. Изофатенко. Он один из немногих иногубернских активистов восстания. В статье выясняется жизненный и боевой путь Изофатенко, предполагаются мотивы его участия в восстании. Освещена также история семьи Изофатенко. Основой для подготовки статьи стало уголовное дело, хранящееся в центральном архиве службы безопасности.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Тамбовское восстание 1920 – 1921 гг., Главный оперативный штаб, Изофатенко.

Abstract. The article is devoted to the fate of one of the prominent persons of the Tambov rebellion in 1920 – 1921 – N.M. Izofatenko. He's one of the few non-Tambov activists of the uprising. In the article it turns out life and fighting way of Izofatenko, assumed the motives of his participation in the uprising. Lit also a family history of Izofatenko. The basis for the preparation of the article was a criminal case, stored in the Central archive of the security service.

Key words: Civil War in Russia, The Tambov rebellion of 1920 – 1921, the Main operational headquarters, Izofatenko.

М.Ю. Зайцева (Тамбов)

Несмотря на занимаемую Н.М. Изофатенко высокую должность помощника начальника Главного оперативного штаба 1-й партизанской армии, его имя в исследованиях и публикациях на тему восстания в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг. практически не упоминалось.

Николай Матвеевич Изофатенко был одним из немногих повстанческих руководителей, не являвшихся коренными жителями Тамбовской губернии. Родился он 17 ноября[1] 1882 года в православной крестьянской семье, проживавшей в деревне Язвинковские Дворики Жеребычской волости Витебской губернии[2].

Окончил курс Жеребычской церковно-приходской школы.

21 ноября 1904 г. зачислен в 5-й Финляндский стрелковый полк в 4-ю роту молодым солдатом.

6 сентября 1905 г. зачислен в учебную команду полка.

К концу 1906 года дослужился до звания младшего унтер-офицера и был утвержден в должности ротного каптенармуса.

В 1907 году за состязательную стрельбу из винтовок на меткость награждался денежным призом; присвоен 1-й стрелковый разряд[3].

Николай Матвеевич хорошо зарекомендовал себя на военной службе в Императорской армии и в 1908 году был уволен в запас старшим унтер-офицером.

После возвращения из армии он проживал и работал в Лифляндии. В том же 1908 году женился на двадцатилетней девице, Матрене Тимофеевне Зюльковой. В браке родились 5 детей: в 1909 году – Надежда, затем Борис (12.06.1911 г.), Евгения (27.07.1913 г.), Глеб (6.02.1916 г.) и Владимир, появившийся на свет весной 1921 года.

---

[1] По другим данным – 20 ноября 1882 года.

[2] Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ). Д.Н-1392. Т.1. Л.90.

[3] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.409. Оп.1. П\с 88-405. Л.2.

Сразу после начала Первой мировой войны Николай призван в 1-й Финляндский стрелковый полк и на фронте проявил себя храбрым воином. Уже в июле 1915 года за боевые отличия Н.М. Изофатенко произведен в прапорщики[4].

За взятие 25 августа 1915 в Галиции возле деревни Настаново в плен роты австрийцев с 3 офицерами и двумя действующими пулеметами награжден в октябре 1915 года орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 степени.

5 октября 1915 года назначен командиром 4 роты 1-го Финляндского стрелкового полка[5].

25 ноября 1915 года произведен в подпоручики.

В декабре 1915 года Н.М. Изофатенко награжден Георгиевским оружием за мужество и храбрость, проявленные в боях с 17 по 22 октября 1915 года[6]. Из-за ранения командира батальона Николаю Матвеевичу пришлось принять командование батальоном на себя, и он выполнил боевую задачу с честью, отбив 10 яростных атак противника, захватив при этом 400 пленных и 2 линии обороны противника.

Вот как описывал его подвиг командир 8 роты:

«19 октября 1915 года в бою у дер. Семиковцы Изофатенко, командуя 4 ротой, при обстоятельствах исключительной трудности, а именно: под ураганным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем неприятеля переправлялся через речку Стрыпа на сторону неприятеля. Овладел окопами противника, несколько раз лично отбивал яростные контр-атаки многочисленных австрогерманцев, причем каждый раз забирая пленных австрогерманцев. Не дав противнику опомниться, прапорщик Изофатенко после упорной атаки занял вторую линию сильно укрепленных окопов. Причем прапорщик Изофатенко находился во главе и первым бросился в неприятельские окопы. Когда неприятель получил подкрепление и перешел в контратаку, прорвав наш левый фланг, прапорщик Изофатенко, видя угрожающую опасность, личной храбростью и мужеством своей роты и соседних частей под убийственным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем несколько раз бросался в контратаку, останавливая наступающие колонны неприятеля и сам лично захватил два действующих против себя неприятельских пулемета и около пяти тысяч патронов австрогерманцев и удержал в течении 12 часов западную окраину дер. Семиковцы до подхода подкреплений»[7].

Фотография Николая Матвеевича и заметка о его подвиге были напечатаны в январе 1916 года в 73-м номере журнала «Летопись войны 1914 – 1915 – 1916 гг.» На фотографии он кавалер ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и полный кавалер Знака отличия Военного ордена.

Скупые строки архивных документов свидетельствуют о его участии в сражениях Первой мировой войны вплоть до 1918 года:

22 августа 1916 года ранен.

27 августа 1916 года произведен в поручики.

16 апреля 1917 года вновь попал в госпиталь из-за контузии[8].

В 1917 году Н.М. Изофатенко за боевые заслуги на Западном и Юго-Западном фронтах получил чин штабс-капитана[9].

---

[4] РГВИА. Ф.400. Оп.12. Д.27012. Л.243-244.
[5] РГВИА. Ф.400. Оп.12. Д.27012. Л.243-244.
[6] РГВИА. Ф.400. Оп.12. Д.27012. Л.9об.
[7] РГВИА. Ф.400. Оп.12. Д.27012. Л.245-237.
[8] URL: http://old.gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/2246012/
[9] ЦА ФСБ. Д.Н-1392. Т.1. Л.93.

В декабре 1917 и январе 1918 гг. он сражался против поляков под Оршей в Могилевской губернии.

В начале 1918 года, согласно декрету о демобилизации действующих полков, отправился в г. Тамбов для демобилизации. Прослужив в 1-м финляндском стрелковом полку до 30 апреля 1918 года, был уволен в отставку и уехал из Тамбовской губернии. В конце июля того же года вернулся, привезя в относительно спокойный и сытый Тамбов жену и 4 детей. 25 октября 1918 года, как военный специалист, поступил на службу в Красную армию инструктором по Всевобучу.

В начале 1920 года уже и в Тамбове стало трудно прокормить детей, поэтому в марте 1920 года Николай Матвеевич попросил перевести его в уезд, где было легче прожить с семейством. В результате был назначен военным инструктором по Каменской волости[10] Тамбовского уезда. Обучение военному делу велось до 1 мая 1920 года, а с 1 мая все инструктора, в том числе и Изофатенко, были вызваны в село Знаменку для обработки огорода полка, где они работали вплоть до уборки урожая. В конце августа он снова был откомандирован в Каменку, где вскоре вспыхнуло крестьянское восстание.

Согласно его показаниям на допросе в ВЧК в июле 1921 года, в восстании он до середины января 1921 года не участвовал и старался не посещать митинги и сходы повстанцев в селе. За это Николая Матвеевича и его жену односельчане, по его словам, называли шпионами. В тех же показаниях Николай Матвеевич поведал, что в конце октября – начале ноября 1920 года он пробрался в Тамбов и попросил перевести его в губернский город, так как жить в Каменке ему стало опасно. Однако, получив разрешение, выехать из села с семьей он так и не решился, объяснив этот факт следователям ВЧК страхом жены быть убитыми: по ее словам, все, кто из Каменки уезжал, погибли. Так как паек Николаю Матвеевичу советская власть с начала восстания не давала, то он обеспечивал свою семью, изготавливая валенки, а жена вязала на заказ кофты.

Отвечая на вопросы следователей ВЧК после своего ареста в 1921 году, Николай Матвеевич рассказал, что в середине января, согласно объявленной партизанами мобилизации офицеров, военных чиновников и учителей, его под дулом револьвера заставил прийти в штаб партизан сам командарм 1-й партизанской армии, Дмитрий Михайлович Егорчев, по прозвищу «Шуршак».

Несомненно, привлечение боевого офицера уровня штабс-капитана[11], к тому же известного своими высокими наградами и ратными подвигами, было престижно для повстанческой армии. Уже через несколько дней, 15 января 1921 года, он присутствовал на собрании командиров полков, организованном Г.Н. Плужниковым (Батько) и И.А. Губаревым[12] На этом собрании его избрали членом Главного Штаба и помощником Губарева - начальника штаба. Следует отметить, что в первой половине января 1921 года существовали два штаба армии, называвшихся в документах «Главными Штабами». Первый Главоперштаб Единой Партизанской Армии Тамбовского Края был сформирован в середине ноябре 1920 года. Его руководителем стал А.С. Антонов, в состав Главоперштаба входили: Александр Васильевич Богуславский, Иван Архипович Губарев, Петр Михайлович Токмаков и Митрофанович.

---

[10] ЦА ФСБ. Д.Н-1392. Т.1. Л.93.

[11] По данным автора, среди командиров партизанской армии не было ни одного человека выше чином. Штабс-капитаном был также командир Особого полка П.Т. Эктов и начальник штаба 1-й армии И.А. Губарев (по другим данным, Губарев был поручиком).

[12] ЦА ФСБ. Д.Н-1392. Т.1. Л.98.

К концу декабря численность партизан значительно возросла, и объединившиеся под руководством И.А. Губарева командиры и организаторы Тамбовского и Борисоглебского уездов начали говорить о создании отдельной, 1-й партизанской армии со своим штабом. В начале января 1921 года, наряду с приказами Главоперштаба за подписью начштаба А.С. Антонова и командарма П.М. Токмакова[13], появились приказы по партизанской армии от имени Главного штаба за подписью начштаба И.А. Губарева и врид командарма Егорчева. Стараясь выйти из-под руководства А.С. Антонова, представители повстанцев Борисоглебского и южной части Тамбовского уездов под руководством Г.Н. Плужникова провели 15 января 1921 года объединенное заседание губкома, Главного военного Штаба, командиров частей и политических работников. На нем обсуждались вопросы о создании 1-й и 2-й армий, удержании за 1-й армией контроля над Главным оперативным Штабом Армий. В заседании не принимали участия представители повстанцев Кирсановского и части Тамбовского уездов. Вероятно, и А.С. Антонов был извещен только о результатах принятого на заседании решения о создании 1-й Армии со своим Главным штабом, а созданный ранее Главоперштаб под руководством Антонова постановили считать 2-м штабом Армии. Связующим звеном между штабами по замыслу Г.Н. Плужникова должен был стать тамбовский губком. Это заседание фактически лишило А.С. Антонова руководства восстанием, передав управление председателю губкома СТК Г.Н. Плужникову и начальнику штаба 1-й армии И.А. Губареву. Именно на этом заседании Н.М. Изофатенко был выбран в Главоперштаб 1-й армии[14]. Попавший в эпицентр политической борьбы Изофатенко был вынужден вместо своего начальника Губарева ехать на встречу с разъяренным Антоновым, узнавшим о произошедшем переделе власти. Вот как описывал последующие события Изофатенко на допросе: «Губарев выдал мне удостоверение, что я помощник его и должен ехать в Штаб в Пановы кусты, куда вызвал Батько[15] Губарева на заседание с Антоновым. Губарев сказал, что он больной и ехать не может. Выехали мы втроем: командующий армией[16], заведующий оперативной сводкой[17] и я. Приехавши в Паново была полная комната народу. На собрании был страшный спор Батько Плужикова с Антоновым за Главный Оперативный [Штаб]. Антонов говорил: «Вызвать Губарева, я его застрелю! Он мой помощник, как он смел уйти от меня!» Тогда Батько и другие, которые были на собрании, я их не знал, говорили, что нужно уладить вопрос. Дальше мы были выметены частью из комнаты, в том числе попали мы втроем. Через 15 или 30 мин выходит Батько с Антоновым и говорит, что можете ехать домой, то есть в Штаб. На след день был получен приказ от Антонова в котором сказано что Главный Штаб остается при его армии и нужно назначить 3 человека от Первой армии, так как видно было, что с Батькой согласился: Губаревская первая армия, Антоновская вторая армия»[18].

Николай Матвеевич до конца марта 1921 года постоянно был в разъездах, активно участвуя в работе и решая боевые задачи совместно с Губаревым, Плужниковым и штабом 1-й армии. По его показаниям, штаб 1-й армии около полутора месяцев находился в Туголуково, потом переезжал в Чикаревку,

---

[13] «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С.227.

[14] ЦА ФСБ. Д.Н-1392. Т.1. Л.97.

[15] Батько – Г.Н. Плужников, член губкома СТК

[16] Командующий армией – Д.М. Егорчев

[17] заведующий оперативной сводкой – С.Д. Богомолов

[18] ЦА ФСБ. Д.Н-1392. Т.1. Л.98.

Березовку, Остроухово, Б-Лазовку, Тютчево, Серединовку, Охлябино, Пустоваловку, Федоровку, Петровское (от Жердевки в 7 верстах), Сосновку, Журавлевку, Ржаксу, М-Алабушки, Братки.

Довелось встретиться Изофатенко и с воронежским командиром И.С. Колесниковым, прибывшим в феврале 1921 года из-под Богучара с отрядом около 700 человек (500 кавалеристов и 200 пехотинцев) на Карпов хутор в Охлябинский район. При встрече Колесников говорил, что он прибыл для связи от самого Махно, который разделился на две армии, одна из которых пошла на Полтаву. На встречу с Колесниковым были вызваны И.А. Губарев, Г.Н. Плужников и командиры полков. На собрании командиров сводной армии прошли выборы нового командного состава объединенной армии. Командармом был выбран И.С. Колесников, помощником - И.М. Кузнецов, начальником штаба А.В. Богуславский. Николай Матвеевич Изофатенко из состава штаба выбыл и в дальнейшем ездил при штабе в качестве писаря. В конце марта 1921 года 1-я партизанская армия под командованием И.С. Колесникова была разбита. Колесников предложил уйти на Дон, но антоновцы отказались. Примерно в этот же период в семье Н.М. Изофатенко родился сын, и он вернулся в Каменку[19], где и жил до ареста.

По данным тамбовской губчека, в апреле - мае 1921 года Н.М. Изофатенко в партизанской армии занимал должность помзаввоентыла губкома[20]. В архивных документах не отразились сведения о том, что входило в его обязанности весной - летом 1921 года, но его фамилия практически не упоминалась в показаниях рядовыми участниками восстания. При захвате Каменки отрядом Переведенцева 22 - 26 июня 1921 года было арестовано или убито при задержании более 70 человек. Большинство задержаний произошло 23 июня. Изофатенко же оставался на свободе до 26 июня, что говорит об отсутствии сведений о нем в губчека; его арестовали, получив информацию непосредственно в Каменке.

После ареста отправлен в Москву, в ВЧК.

В своих показаниях на допросах Николай Матвеевич заявляет о вынужденном участии в восстании, о том, что ему не приходилось брать в руки оружия или заменять в период отсутствия командарма Губарева. 25 июля 1921 года он написал заявление о готовности «оказать Советской власти все зависящие от меня услуги по поимке известных мне бандитов. Даю свою подписку в том, что я на деле докажу советской власти свою преданность путем выдачи тех бандитов»[21]. Но его показания в ВЧК сочли «скромными» и «не заслуживающими никакого доверия», назвав его двойным предателем, променявшим врученную ему Советской властью Революционную звезду на звание «работника из-за угла». Предложенные им услуги по поимке командиров 1-й партизанской армии и членов СТК были для ВЧК не интересны, так как большая часть из них к тому моменту была нейтрализована.

Через месяц после ареста, в начале августа 1921 года, Н.М. Изофатенко написал заявление уполномоченному 2-го секретного отделения ВЧК с просьбой о добавлении ему пищи, переводе в Бутырскую тюрьму и оказания продовольственной помощи семье[22].

Судя по тому, что 21 августа 1921 года он был переведен из Лефортовской тюрьмы во 2-ю Лефортовскую тюремную больницу, его просьба о дополнительном питании не была удовлетворена[23].

---

[19] ЦА ФСБ. Д.Н-1392. Т.1. Л.93.
[20] ЦА ФСБ. Д.Н-1392. Т.1. Л.62.
[21] ЦА ФСБ. Д.Н-1392. Т.1. Л.92.
[22] ЦА ФСБ. Д.Н-1392. Т.1. Л.61.
[23] ЦА ФСБ. Д.Н-1392. Т.1. Л.63.

3 сентября 1921 года Изофатенко был приговорен к расстрелу. В заключении следователя было отмечено, что Изофатенко являлся во военной линии повстанцев третьим лицом после Антонова, а «такая карьера дешево не достается, и потому надо считать что обвиняемый свое бандитское дело выполнил с достаточной очевидностью»[24]. 26 января 2001 года Н.М. Изофатенко реабилитирован решением Генеральной прокуратуры РФ.

Трудно определенно сказать, при каких обстоятельствах и в какой период восстания Н.М. Изофатенко действительно примкнул к повстанцам. Так как с конца октября 1920 года по февраль 1921 года[25] советской власти в селе Каменка не существовало, то можно предположить, что Изофатенко действительно не смог уехать с семьей из очага восстания и присоединился к повстанцам только в январе 1921 года не по доброй воле. Но объективности ради надо признать, что без искреннего сочувствия идеям повстанческого движения его не избрали бы в члены штаба 1-й Армии. Его показания и заявления на допросах, его попытки отмежеваться от повстанческого движения – это последний шанс остаться в живых и вернуться к семье. Судьба Н.М. Изофатенко является примером того, как события Гражданской войны втягивают в свой водоворот ярких и энергичных людей, не давая возможности остаться в стороне. Несмотря на свою оторванность от крестьянства, Изофатенко нашел в политической программе восставших идеи, на защиту которых он и встал в ряды партизан.

Дата расстрела и место его захоронения остались неизвестны, как и судьба почти всех его родных. Удалось найти сведения только о 4-ом ребенке, Глебе Николаевиче Изофатенко. Родился он в городе Або (Финляндия), куда семья эвакуировалась в годы 1 Мировой войны из Лифляндии. Там базировался 1 Финляндский стрелковый полк, в котором служил в это время Н.М. Изофатенко. Его сын, Глеб Николаевич Изофатенко участвовал в Финской войне и закончил 2 Мировой войну в звании майора, сотрудника отдела контрразведки СМЕРШ 2 ударной армии. Глеб Николаевич Изофатенко был награжден Орденом Красной Звезды и орденами Отечественной войны 1 и 2 степени за «очистку частей от враждебных элементов и агентуры противника»[26]. Непрофессионализм и халатность отдела кадров НКВД помогли Глебу Николаевичу скрыть семейную тайну. Остается только догадываться, чем он руководствовался, выполняя указания начальства, и помнил ли он о судьбе отца.

---

[24] ЦА ФСБ. Д.Н-1392. Т.1. Л.75.

[25] ЦА ФСБ. Д.Н-1392. Т.1. Л.121.

[26] URL:http://nkvd.memo.ru/index.php/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82:%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BC_%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B0_%E2%84%96_0870/%D0%BD_%D0%BE%D1%82_30.06.1945

URL:https://nkvd.memo.ru/index.php/%D0%98%D0%B7%D0%BE%D1%84%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE,_%D0%93%D0%BB%D0%B5%D0%B1_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87

URL:http://nkvd.memo.ru/index.php/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82:%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BC_2_%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%B8_%E2%84%96_032/%D0%BD_%D0%BE%D1%82_13.02.1944

URL:http://podvignaroda.mil.ru/?#id=26661031&tab=navDetailManAward

URL:http://podvignaroda.mil.ru/?#id=1371837062&tab=navDetailManCard

ЛЕОНИД БАЙДАК: СОЛДАТ ШЕСТИ АРМИЙ[1]

Аннотация. В статье прослеживается жизненный и боевой путь русского летчика Л.И. Байдака. Как офицер Русской императорской армии, он участвовал в Гражданской войне и после ее окончания ушел в эмиграцию. Летчик не оставил своей профессии, в результате успев послужить в армиях шести государств. Он проявил себя умелым пилотом, имел награды. Финальная служба Л. Байдака – авиация Русской освободительной армии на протяжении 1944 – 1945 гг.

Ключевые слова: Первая мировая война, Гражданская война в России, Югославия, Вторая мировая война, военная служба, Леонид Байдак

Abstract. The article traces the life and combat path of Russian pilot L. I. Baidak. As an officer of the Russian Imperial army, he participated in the Civil war and after its end went into exile. The pilot did not leave his profession, as a result of having to serve in the armies of six States. He proved to be a skilled pilot, had awards. The final service of Baydak L. – air force of the Russian liberation army during 1944 – 1945.

Key words: World War I, Civil War in Russia, Yugoslavia, World War II, military service, Leonid Baydak.

А.А. Самцевич (Владимир)

Русская эмиграция дала миру значительное количество авиаторов, чьи достижения, к сожалению, больше известны за рубежом, чем в России. Одним из них, без сомнения, является Леонид Иванович Байдак, чье имя в межвоенный период было достаточно широко известно в авиационных кругах Европы.

Он родился 8 марта (23 февраля по новому стилю) 1894 г. в Одессе. Свою военную карьеру Леонид начал в годы первой мировой войны: известно, что в 1915 г. он числился вольноопределяющимся 5-го запасного артдивизиона, а затем окончил ускоренный выпуск Чугуевского военного училища в Харькове (с присвоением звания прапорщика). Получив назначение в 499-й Ольвиопольский пехотный полк, он прибыл на фронт 16 июня 1916 г., но уже 17 июля получил общую контузию при захвате села Юльяновка в ходе кровопролитных боев на реке Стоход. После излечения в одном из тыловых лазаретов Одессы молодой офицер перевелся в авиацию, окончив военную авиационную школу в Гатчине (сдал летный экзамен 27 февраля 1917 г.) и пройдя дополнительное обучение в ее одесском отделе. В Действующую армию он вернулся уже в период республики: с 22 марта 1917 г. служил в XXIX корпусном, а затем, с конца года до февраля 1918 г., – в 5-м истребительном авиаотрядах. «За отличия в делах против неприятеля» 20 июля 1917 г. летчик был награжден орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом[2].

---

1 Автор выражает искреннюю благодарность за помощь и предоставленный материал Амиру Обходжашу (Загреб, Хорватия) и Марату Хайрулину (Москва, Россия).

2 Журнал военных действий 499-го Ольвиопольского полка с 1 марта по 30 июня 1916 г. / Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. 3038. Оп. 1. Д. 106. Л. 31; Журнал военных действий 499-го Ольвиопольского полка с 1 июля по 31 августа 1916 г. / Там же. Д. 107. Л. 9; Карточка на прибывшего прапорщика Леонида Ивановича Байдака / Там же. Картотека бюро учета потерь в первой мировой войне (офицеров и солдат). Ящик 7355-А. Л. 320; Приказ Главнокомандующего армиями Северного фронта

Летом 1918 г. подпоручику Байдаку удалось пробраться из Москвы в занятый англо-американо-французскими войсками Мурманск, где в конце июля британским командованием начал формироваться добровольческий Славяно-британский легион, включавший в том числе одноименный авиакорпус (далее – СБАК) в составе двух эскадрилий. Командные должности в формировании занимали английские офицеры, а русский личный состав принимался на службу Его Величества по специальным контрактам с присвоением британских званий, но без права ее продолжения вне рамок легиона. Военнослужащие были обмундированы в британскую униформу с единственным отличительным признаком в виде российских кокард. Летчики СБАК вместо них носили на фуражках погонный знак российских ВВС (орел с распростертыми крыльями, держащий в лапах скрещенный меч и пропеллер), а на подбородном ремешке – диагональную бело-сине-красную ленточку[3].

Зачисленный во 2-ю эскадрилью СБАК с присвоением звания первого лейтенанта Байдак вместе со всем подразделением прибыл на Двинский фронт 11 сентября, а первый известный эпизод его службы относится к 5 марта 1919 г., когда новый командир корпуса лейтенант-колонель Кеннет Рейд Ван дер Спай впервые появился на аэродроме Двинский Березник и, несмотря на пургу, немедленно приказал дежурному экипажу осуществить вылет на разведку. На возражения, что погода нелетная и вылет крайне опасен, он ответил, что для британских пилотов не существует погоды, а есть только приказ. В итоге аэроплан «Сопвич» потерпел аварию на взлете и оба члена экипажа погибли. Но Ван дер Спай отдал приказ на вылет следующего самолета – в этом случае пилот смог взлететь, но был вынужден вернуться через несколько минут. Третьим взлетал Байдак, который так же не смог пробиться через буран и вернулся через 15 минут, свалившись при посадке на крыло. Когда к разбившейся машине подбежали солдаты аэродромного персонала, пилот стоял рядом, его лицо и руки были залиты кровью, а вместо губ было кровавое месиво с розовыми пузырями[4].

Долго командовать Ван дер Спаю не пришлось: уже 24 апреля он попал в плен при вынужденной посадке. Назначенный на его место сквадрон лидер Робин Грэй сразу же едва не повторил его судьбу, когда при перелете на аэродром Обозерская на большой высоте пролетел над ним и продолжил следовать в сторону фронта. На его «перехват» был немедленно поднят «Ньюпор» Байдака, которому удалось успешно организовать посадку командира.

Летом Леонид продолжал активно участвовать в боях вплоть до эвакуации британского экспедиционного корпуса. Если за весь период с 27 сентября 1918 по 19 мая 1919 гг. его общий боевой налет был 92 часа 35 минут, то лишь за июль 1919 г. этот показатель составил уже 34 часа (наибольший личный показатель в обеих эскадрильях). Вместе с большей частью личного состава СБАК он покинул Архангельск 4 сентября того же года и в числе остальных 3 октября через Англию прибыл

от 20 июля 1917 г. № 532 / Там же. Ф. 2031. Оп.2. Д. 463. Л. 187; Письмо Марата Хайрулина автору от 17 июля 2019 г. / Личный архив автора (ЛАА).

3 *Дерябин А.* Белая армия на севере России 1918-1920 гг. М., 2002. С. 5, 11.

4 *Хайрулин М.А., Кондратьев В.И.* Военлеты погибшей Империи. Авиация в Гражданской войне. М., 2008. С. 125; *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А.Власова 1944-1945. М., 2009. С. 183.

в Новороссийск, где был прикомандирован к Управлению начальника авиации Вооруженных сил юга России (ВСЮР)[5].

Служба на севере принесла летчику ордена св. Анны 2-й степени с мечами (награжден за боевые отличия приказом генерал-майора Иродиона Данилова от 5 июля 1919 г.) и св. Георгия 4-й степени (приказом генерал-лейтенанта Евгения Миллера от 26 августа 1919 г.). Известны обстоятельства второго награждения: 23 декабря предыдущего года Байдак в условиях тумана, под сильным огнем противника с высоты 150 м осуществил бомбардировку кораблей большевиков у деревни Троица и, выполнив задачу, смог довести поврежденную машину до базы. Кроме того, 19 января при 20-тиградусном морозе, несмотря на сильное обморожение лица, он осуществил глубокую разведку, снова действуя под сильным обстрелом на малой высоте, и смог добыть ценные разведданные[6].

Зачисленный в ряды ВСЮР в звании подпоручика, Байдак был сразу же командирован для участия в формировании авиаотряда в родную Одессу. С 3 декабря служил в 4-м авиаотряде, был прикомандирован к 7-му, эвакуирован в марте 1920 г. из Новороссийска в Крым[7].

Летом 1920 г. подпоручик Байдак служил в IV авиаотряде Русской армии генерал-лейтенанта Петра Врангеля на должности заведующего технической частью. Новый случай отличиться представился ему 15 июня, когда, выполняя авиаразведку района Великий Токмак – Вербовое – Пологи – Берестовое – Ногайск, летчик заметил большое облако пыли на дороге у деревни Поповка. Сменив маршрут и снизившись до 400 м, он начал обследовать район и обнаружил кавалерийскую колонну до 3000 всадников с артиллерией, направлявшуюся на Великий Токмак, со стороны которой по самолету был открыт винтовочно-пулеметный огонь. Прекратив по собственной инициативе выполнение задачи, Байдак смог предупредить об угрозе штаб Донского корпуса, приземлившись прямо на неприспособленном ржаном поле, а затем, уже в сумерках, сбросил донесение штабному поезду Главнокомандующего. В итоге, благодаря его действиям, прорвавшая фронт советская кавалерийская группа комкора Дмитрия Жлобы была своевременно обнаружена и уничтожена, в немалой степени силами авиации армии Врангеля. В последующие дни, до 21 июня, Байдак выполнил 10 боевых вылетов общей продолжительностью 32 часа 45 минут, сбросив на головы противника 135 бомб общим весом около 1,4 т[8].

Успешная деятельность летчика привела к его стремительному служебному росту – 12 сентября 1920 г. он уже был произведен в капитаны (звание штабс-капитана получил накануне, а поручика – еще днем раньше). Кроме того, уже после эвакуации из Крыма за свои действия в боях с группой Жлобы, приказом Главноко-

---

5 *Куликов В.* Славяно-Британский авиакорпус на севере России // «Авиамастер» №3, 1999 г. С. 2, 9; Письмо Марата Хайрулина автору от 17 июля 2019 г. / ЛАА.

6 Байдак Леонид Иванович / Офицеры Русской императорской армии. http://ria1914.info/index.php?title=%D0%91%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B0%D0%BA_%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B4_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 Режим доступа: 29.10.2017.

7 *Александров К.М.* Офицерский корпус… С. 181.

8 *Хайрулин М.* Одна из боевых командировок Ткачева на фронт // «Мир авиации». №1 (11), 1996. С. 5.

мандующего от 2 августа 1921 г., Байдак был награжден орденом св. Николая Чудотворца II степени[9].

Необходимость устраивать свою жизнь в эмиграции привела летчика в ряды ВВС Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (будущей Югославии). С 11 сентября 1922 г. Леонид был зачислен в их состав в качестве нижнего военно-технического чиновника IV класса, а 25 декабря того же года стал чиновником I класса. С 1926 г. он был аттестован уже в звании полноценного офицера – поручника, 14 июня получив назначение на должность пилота в авиационную мастерскую 1-го авиаполка[10].

С сентября того же года в Югославии под патронатом военной авиации начала проводиться престижная гонка на приз «Кубок короля». Она проходила в трех категориях: одиночная гонка пилотов на одноместных истребителях, гонка экипажей (пилот и наблюдатель) на двухместных учебных и боевых машинах, а также в сопутствующих программах – показательные полеты, прыжки с парашютом и другие. При этом Байдак сразу же отличился, выиграв первую гонку на биплане «Поте» 25 в паре с наблюдателем хорватом Павлом Центичем, а в следующем году, снова участвуя в соревновании, занял второе место в «одиночке».

Настоящую известность на поприще авиаспорта Леонид получил в том же 1927 г., когда вместе с сербским пилотом, капитаном I класса Тадией Сондермаером, на «Поте» 25 совершил перелет по маршруту Париж – Белград – Алеппо – Багдад – Басра – Часк – Карачи – Бомбей и вернулся в Земун. Весь полет прошел в 15 этапов и занял 11 суток (в период с 20 апреля по 8 мая), на протяжении которых за 89 часов эффективного лета авиаторы преодолели в общей сложности 14800 километров[11].

В 1929 г. русский летчик принял участие в третьей авиационной гонке стран «малой Антанты» (Румыния, Чехословакия, Югославия) и Польши. Особенностью соревнования этого года стало то, что организатор – Румыния – отошел от обычной практики, когда участникам разрешалось выступать исключительно на двухместных машинах и в гонке участвовали пилоты на одноместных истребителях (по шесть самолетов от каждой из стран-участниц). В течение 6-7 сентября пилотам предстояло преодолеть расстояние общей протяженностью 3111,728 км по маршруту Бухарест – Яссы – Львов – Варшава – Краков – Прага – Брно – Загреб – Белград – Бухарест. Соревнование проходило в условиях шторма, бури и постоянных ливней, из-за чего только 11 самолетов смогли достичь Праги и лишь девять прилетели к финишу. Байдак на истребителе BH-33E-SHS занял третье место, набрав в сумме 80,369 очков (при средней скорости 231 км/ч). Первое и второе места заняли чехословацкие летчики штабные капитаны Йозеф Калла (85,517 очков, средняя скорость 250,066 км/ч) и Карел Мареш (80,718, скорость 231 км/ч)[12].

---

9 *Лампе А.А., фон* Орден святителя Николая Чудотворца // Пути верных. Париж, 1960. С. 145.

10 «Службени војни лист» 1922. С. 1691-1692, 2349-2350; 1926. С. 993-994.

11 *Aralica T., Čopec R., Jeras M., Kinjerovac Z., Haramінčić T.* Sto godina ratnog zrakoplovstva u Hrvatskoj. Zagreb, 2012. S. 101-102.

12 *Vrany J.* Avia BH-33. Bučovice, 2006. S. 19-20.

В 1928 г. Байдаку была присвоена квалификация «пилот-истребитель». Спустя два года, в июне 1930 г., он получил звание капитана II класса, 12 ноября того же года заняв пост командира 51-й эскадрильи 1-го полка. 4 января 1932 г. стал командиром 403-й эскадрильи, а 14 ноября того же года принял под свое командование 252-ю эскадрилью. С февраля 1933 г., дополнительно к занимаемой должности, состоял в следственной комиссии по изучению обстоятельств несчастных случаев при полетах. В конце июня 1933 г. был повышен до капитана I класса. Важным шагом в его карьере стало назначение 23 декабря 1933 г. исполняющим обязанности шефа 1-го отделения авиационной испытательной группы[13].

На этой должности Байдак участвовал в тестовых полетах значительного количества закупаемых или предполагаемых к закупке для ВВС Югославии самолетов. Так, 22 апреля 1935 г. в Земуне он совершил испытательный полет на опытном образце истребителя IK-L1 югославской разработки. На следующее утро, во время второго полета, Леонид выполнил на нем все фигуры высшего пилотажа, но после посадки было обнаружено отхождение полотна обшивки на крыльях, что сочли следствием недостаточного высыхания лака. Несмотря на это, во время третьего испытательного вылета, 24 апреля, Байдак продолжал выполнять на самолете маневры с перегрузками и ввел машину в крутое пике с высоты 1000 м, из которого вышел слишком резко. Ослабленная ткань обшивки оторвалась от правого крыла и начала свободно развиваться в воздухе, что было хорошо заметно с земли. В итоге пилот не справился с потерей мощности и был вынужден покинуть сорвавшуюся в штопор машину с парашютом. Авария была признана следствием некачественной сборки[14].

В 1937 г. имел место другой примечательный эпизод, связанный с Байдаком, являвшимся яростным противником концепции истребителя-моноплана. Несмотря на положительные результаты учебных боев, которые провел на новом истребителе IK-2 пилот Янко Дубникар (по национальности – словенец, будущий летчик ВВС независимой Хорватии), он продолжал выражать свое скептическое отношение относительно самолета. При очередном эпизоде раздраженный Добникар вызвал Байдака на своеобразную воздушную «дуэль» на следующих условиях: взлет и набор высоты до 4000 м над земунским аэродромом, гонка по маршруту Белград – Нови-Сад – Белград (в общей сложности – 140 км) и воздушный бой над Земуном. Добникар участвовал в ней на IK-2, а Байдак – на истребителе-биплане Хоукер «Фьюри» Mk.II. «Икарус» добился заметного преимущества уже на первом этапе соревнования, за которым последовал зрелищный воздушный бой, в ходе которого целью пилотов было сесть на хвост самолету противника. Несмотря на свой опыт, Байдаку никак не удалось добиться этого в отличие от Добникара, легко справившегося с задачей. Русскому пилоту пришлось признать не только свое поражение, но и неверность концепции превосходства биплана над монопланом[15].

В мае 1940 г. в Скопье Леонид, вместе с поручником Альбином Старцом, участвовал в тестировании итальянского бомбардировщика «Капрони» Ca.310. Кро-

---

13 «Службени војни лист» 1928. С. 1757-1758; 1930. С. 1333-1334, 2371-2372; 1932. С. 89-90, 2239-2240; 1933. С. 259-260, 923-924, 2039-2040.

14 *Miklušev N.* Ikarus IK-2 – kraljevska priča // «Maketar Plus» №3, 2013. S. 7.

15 Isto. S. 8.

ме того, он участвовал в тестовых полетах на самолетах, выпускавшихся на авиационном заводе в Кральево[16]. Продолжался и служебный рост русского авиатора: 6 сентября 1936 г. Байдак получил звание майора, а спустя четыре года – подполковника[17].

Из негативных эпизодов в летной карьере Леонида за этот период можно привести инцидент 15 марта 1938 г., когда только что полученный из Германии бомбардировщик «Дорнье» Do-17 Ka-1 при выполнении демонстрационного полета в Земуне разбился и загорелся на взлете. Члены экипажа (пилот майор Байдак, штурман поручник Боян Пресечник и механик наредник Бранко Чупина) не пострадали, но пассажиры, включая командующего югославской королевской авиацией бригадного генерала Боривое Мирковича, получили многочисленные переломы конечностей[18].

Активная служба русского офицера в королевских ВВС была отмечена значительным количеством наград. Первую из них – югославский орден Белого орла V степени – он получил уже в октябре 1926 г., а вторую (тот же орден IV степени) – в день окончания перелета Париж – Бомбей – Земун. Успех на международных соревнованиях в швейцарском Цюрихе – в категории двухместных машин его экипаж (наблюдатель – поручник Казимир Жиданик) занял четвертое место среди 13 участников – принес ему 1 августа 1932 г. орден Югославской короны V класса[19].

Кроме того, Байдак получил ряд наград европейских государств: согласно его журнальному некрологу, он был кавалером английского, польского, чешского и румынского орденов[20], но конкретными данными мы почти не располагаем. В третьем случае речь идет о чехословацком ордене Белого льва IV класса (награжден 17 марта 1931 г.), а относительно английского отличия можно предположить, что оно было получено ранее, в период гражданской войны. Кроме того, на одной из фотографий Леонида хорошо виден польский авиационный значок.

На момент начала войны с Германией, в 1941 г., подполковник Байдак занимал должность командира 5-го истребительного авиаполка (35-я авиагруппа на аэродроме Косантич в Лесковаце и 36-я на Рожановачкой косе под Куманово). В его задачи входило прикрытие территории Македонии и южной Сербии, в частности Ниша и Скопье, а также истребительное сопровождение самолетов 3-го бомбардировочного полка. Для их решения полк располагал лишь 29 устаревшими истребителями Хоукер «Фьюри» Mk.II и штабным самолетом Bf-108.

Если 36-я группа в первый день войны, 6 апреля, практически в полном составе была уничтожена в воздушном бою над своим аэродромом, то 35-я и штаб полка оказались не готовы к началу боевых действий – накануне ночью все женатые военнослужащие были отпущены домой к своим семьям. Кроме того, по утверждениям сербского историка Златомира Груйича Байдак и его заместитель майор Франьо Джал (член хорватского Усташского движения и будущий командир хорватских

---

16 *Ciglic B., Savic D.* Dornier Do 17 the Yugoslav Story: operational record 1937-1947. Belgrade, 2007. P. 12; *Филиповић М.* Kraljevski avioni: fabrika aviona u Kraljevu 1927–1942. Kraljevo, 1995. S. 89.

17 «Службени војни лист» 1936. С. 1803-1804; 1940. С. 2159-2160.

18 *Ciglic B., Savic D.* Dornier Do 17 the Yugoslav Story… P. 13.

19 «Службени војни лист» 1926. 2001-2002; 1927. С. 951-952; 1932. С. 1409-1412.

20 Незабытые Могилы // «Часовой» №533 (11), ноябрь 1970. С. 26.

летчиков-истребителей на Восточном фронте) распустили среди личного состава слух о прибытии на аэродром новых истребителей «Мессершмидт» Bf-109. В итоге, когда в воздухе появились аналогичные самолеты Люфтваффе, пилоты приветственно махали им руками и вылет на перехват был организован с опозданием[21].

По крайней мере, точно известно, что в первый день войны Байдак принял участие в боевом вылете, поднявшись во главе нескольких бипланов 110-й эскадрильи с Косантича на перехват группы немецких Bf-109E. Но догнать их не удалось, а в районе Пирота «Фьюри» попали под огонь своей же зенитной артиллерии и были вынуждены повернуть назад[22].

Еще в одном источнике утверждается, что Леонид полностью отказался от вылетов самолетов своего полка на обеспечение противовоздушной обороны, в результате чего немецкая авиация беспрепятственно бомбила объекты в Пироте, Бела Поланке и Нише, а также югославские войска на Нишском направлении. После прорыва немцами фронта в районе Ниша Байдак покинул полк и выехал в Сараево[23]. Вместе с тем имеется и другая информация, согласно которой 12 апреля он приложил все усилия для обеспечения перегона с аэродрома в Кральево трех находившихся там бомбардировщиков Do-17 в Горобиле. Располагая всего одним квалифицированным пилотом, он в районе Ужицкой Пожеги остановил идущий на Горобиле эшелон 209-й эскадрильи и смог набрать еще двух летчиков-добровольцев для выполнения задачи, добавив к ним трех пилотов своего полка, вызвавшихся выполнять функции наблюдателей[24].

Далее в жизни Байдака была служба в ВВС Независимой державы Хорватия (НДХ). Согласно ряду исследований, он пополнил их ряды в марте 1942 г. и в звании подпуковника был зачислен в штаб 2-й авиационной базы в Сараево. Но уже в следующем месяце Леонид чудом остался жив и лишился глаза в произошедшей в результате саботажа катастрофе бомбардировщика Ca.310, а после выздоровления с июня 1942 г. руководил 1-й авиашколой пилотов[25].

По данным официальной периодики Министерства вооруженных сил НДХ, 24 марта 1943 г. пуковник 2-й авиабазы Байдак «*за храбрость, проявленную в боях в Боснии, где в авиационной акции потерял правый глаз, и за успехи при создании авиашколы 2-й авиационной базы*» был награжден орденом Короны короля Звонимира II класса с дубовым венком. Приказом от 1 июля 1944 г. Леонид был переведен в благотворительный фонд помощи личному составу ВВС, а 30 октября он вышел на пенсию[26].

Дальнейший путь Байдака лежал в формирующиеся ВВС Комитета освобождения народов России (КОНР), где он в феврале 1945 г. в звании полковника занял

---

21 *Грујић З.* Авијација Србије и Југославије: 1901-1994. Београд, 1997. С. 114, 129.

22 *Shores C., Cull B., Malizia N.* Air War for Yugoslavia, Greece and Crete 1940-41. London, 1987. P. 181.

23 *Terzic V.* Slom Kraljevine Jugoslavije 1941. Uzroci i posledice poraza, II. Beograd, Ljubljana, Titograd, 1982. S. 509.

24 *Ciglic B., Savic D.* Dornier Do 17 the Yugoslav Story… P. 41.

25 TKO je tko u NDH: Hrvatska 1941-1945. Zagreb, 1997. S. 18; *Aralica T., Čopec R., Jeras M., Kinjerovac Z., Haramінčić T.* Sto godina ratnog zrakoplovstva u Hrvatskoj… S. 101.

26 «Vjestnik Ministarstva oružanih snaga NDH» 1942. S. 966; 1943. S. 545; 1944. S. 1274, 2330.

должность командующего 1-м авиационным полком. По данным историка Кирилла Александрова, уже в октябре 1944 г. он служил в штабе оберста Бауэра, координировавшего деятельность по передаче в их состав русских кадров из рядов Люфтваффе, а также добровольцев из числа «восточных рабочих» и военнопленных. В следующем месяце прибыл в распоряжение штаба командующего ВВС КОНР генерал-майора Виктора Мальцева, где первоначально занял должность начальника учебного центра на аэродроме Эгер[27]. Точно известно, что 4 февраля, приказом командующего вооруженными силами КОНР генерала Андрея Власова, Леонид был награжден неустановленной наградой[28].

В последние дни войны полковник Байдак, вопреки решению командования ВВС КОНР, предпочел не капитулировать перед американцами и покинул остатки частей. Наибольшую известность получила версия мальцевского адъютанта поручика Бориса Плющова. По ней, во второй половине дня 29 апреля 1945 г. стало известно, что три офицера-эмигранта – полковник Леонид Байдак, майор Борис Климович (так же бывший бойник ВВС Хорватии) и подпоручик интендантской службы Голеевский – с семьями и багажом на штабных автомобилях покинули место дислокации в городе Ноерн и скрылись в неизвестном направлении[29].

Но по послевоенным показаниям самого генерал-майора Мальцева, данным советскому следствию, Климович в побеге не участвовал и после капитуляции по распоряжению американских властей был оставлен в местечке Цвизель в составе группы из 20 военнослужащих КОНР для организации устройства русского гражданского населения. Про Голеевского Мальцев не говорил ничего, а Байдак, по его словам, накануне эвакуации штаба ВВС из Ноерна смог где-то достать легковую машину и выехал в неизвестном направлении[30].

Как «русско-хорватский» летчик смог легализоваться в западной Европе – в настоящий момент неизвестно. Точно можно сказать лишь то, что впоследствии он перебрался в США и скончался в калифорнийском Сан-Франциско 16 сентября 1970 г[31].

Таким образом, за время своей службы Леонид Байдак служил в шести различных армиях – российской, британской, белогвардейских войсках на юге России, ВВС Югославии, Хорватии и КОНР. За это время он записал на свой счет целый ряд боевых и спортивных успехов в авиационной сфере, что позволяет с уверенностью отнести его к числу заметных, хотя и незаслуженно забытых, фигур в истории отечественной авиации.

---

27 *Александров К.М.* Офицерский корпус… С. 182.

28 Главнокомандующий – у русских авиаторов / «Воля народа» №12 (25), 18 февраля 1945. С. 1.

29 *Плющов Б.* Генерал Мальцев. История Военно-Воздушных Сил Русского Освободительного Движения в годы Второй Мировой Войны (1942-1945). Сан-Франциско, 1982. С. 85.

30 Стенограмма протокола допроса В.И. Мальцева // Генерал Власов: история предательства. Т. 2. Кн. 1: Из следственного дела А.А. Власова. М., 2015. С. 496.

31 Незабытые Могилы // «Часовой» №533 (11), ноябрь 1970. С. 26.

НАЧАЛЬНИК ВОЙСКОВОГО СНАБЖЕНИЯ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ГРИГОРИЙ ЕВЛАМПИЕВИЧ ГРЯЗНОВ: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ КАЗАКА, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ, ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ*

***(**Благодарю за помощь в подготовке статьи специалиста по истории Сибирского кадетского корпуса Евгения Юрьевича Тюлькова – создателя наиболее полной базы персоналий постоянного и переменного состава данного корпуса.**)**

Аннотация. Статья обрисовывает основные вехи судьбы сибирского казака, предпринимателя Г.Е. Грязнова. В годы Гражданской войны он, давно расставшись с военной службой, оказался связан с большим военно-организационным начинанием. Он стал во главе снабжения сибирских казаков в трудные месяцы для режима А.В. Колчака. Автор показывает трудности снабжения с помощью различных инстанций, отмечает белые пятна в биографии своего героя.

Ключевые слова: Сибирь, казачество, Гражданская война, предпринимательство, история семьи.

Abstract. The article describes the main milestones of the fate of the Siberian Cossack, entrepreneur G.E. Gryaznov. During the Civil war, he, having long parted with military service, was associated with a large military-organizational endeavor. He became the head of the supply of Siberian Cossacks in difficult months for the regime of A.V. Kolchak. The author shows the difficulties of supply with the help of various authorities, notes the white spots in the biography of his hero.

Key words: Siberia, Cossacks, Civil war, entrepreneurship, family history.

В.А. Шулдяков (Омск)

Общим местом рассуждений о Великой Российской революции стало критическое отношение к буржуазии, которую обвиняют в социальном эгоизме и ограниченности политического мышления. Дескать, Пожарских тогда было много, а вот Мининых… Не отрицая нередких фактов корысти, пассивности, трусости, вместе с тем укажем на неоднородность российского торгово-промышленного класса и на наличие примеров совершенно противоположного рода.

Особой категорией буржуазии являлись предприниматели, принадлежавшие к казачьему сословию. Сибирское казачье войско как военно-хозяйственная организация было создано для охраны и обеспечения госграницы России в Западной Сибири, и сибирские казаки как первые насельники фронтира в полной мере извлекли выгоду из своего посреднического положения между русским рынком и кочевым населением. Среди тех, кто стал специализироваться на закупке скота в степи и продаже мяса «в Россию», были и некоторые казаки станицы Николаевской Омского уезда, расположенной на Горькой линии Сибирского казачьего войска, в 112 верстах к западу от г. Омска.

В начале XX века «крупнейшим омским скотопромышленником, оптовым торговцем мясом, маслом и хлебом»[1] являлся Г.Е. Грязнов, который, несмотря на богатство, приобретенное на русско-киргизской торговле скотом, не вышел из казачьего сословия, а продолжал числиться казаком Николаевской станицы[2].

[1] *Сорокин А.П.* Выборная служба казачьего депутата Иннокентия Павловича Лаптева (1872 – 1917) // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее. Омск, 2003. С. 163-164.

[2] Сибирские войсковые ведомости (Омск). 1917. № 25. С. 3.

Григорий Евлампиевич Грязнов родился 17 ноября (ст. ст.) 1863 г. в консервативной, религиозной[3] семье мелкого казачьего чиновника, выслужившегося из простых писарей и вышедшего в отставку коллежским регистратором[4]. Это был самый низший чин «Табели о рангах» (XIV класса), стоявший на одну ступеньку ниже чина прапорщика (XIII класс). Не исключено, что отставной коллежский регистратор Евлампий Грязнов занимался самым доходным у казаков-николаевцев промыслом: скупкой скота, – и, вероятно, именно он сколотил тот первоначальный капитал, который позволил сыну Григорию сделать хороший старт в предпринимательской деятельности.

В 1876 г. Г.Е. Грязнов поступил в Сибирскую военную гимназию – сразу в 3-й класс[5]. Согласно семейным преданиям, Григорий в увольнительные ходил к омскому купцу Степанову, а на летние каникулы уезжал к родителям в станицу Николаевскую. Во время учебы в Омске он оказался замешан в распространении запрещенной литературы, за что был нещадно выпорот отцом[6]. Гимназическое начальство, видимо, решило, что этого наказания достаточно и не стало ломать юноше жизнь. В июне или июле 1881 г. кадет Грязнов 1-й (так он проходил в списках учащихся) нормально, по 1-му разряду, окончил 7-й – выпускной – класс военной гимназии. Причем в аттестационном списке выпуска 1881 года он был шестым[7]. То есть учился юный вольнодумец весьма прилично, и по поведению ему оставили достаточно хорошую оценку. Впрочем, по преданиям потомков, данная выпускнику гимназии характеристика отразила непростой характер будущего предпринимателя: учился хорошо, умён, любознателен, но скрытен, хитёр, способен на интриги[8]. Согласно приказу начальника Главного управления военно-учебных заведений Военного министерства № 24 от 29 июля 1881 г., Г.Е. Грязнов был предназначен к распределению в 1-е военное Павловское училище в Санкт-Петербурге[9]. Однако в действительности его зачислили в Михайловское артиллерийское училище, располагавшееся также в столице, в которое переводили выпускников военных гимназий с высокими выпускными оценками по математике.

Однако отучиться в столице и пойти по офицерской стезе, о чем, наверное, мечтал отец, Григорию Евлампиевичу было не суждено. Уже к 20-м числам октября 1881 г. он «за неблагонадёжность» был отчислен из военно-учебного заведения. Причем одновременно с ним из военных училищ были отчислены еще два выпускника Сибирской военной гимназии, но не 1881-го, а 1880 года: Николай Андреевич Михайлов из 2-го военного Константиновского в Петербурге и Александр Юдин из 3-го военного Александровского в Москве. Первый из них был сыном горнозаводского урядника, а второй – сиротой[10]. Причины и обстоятельства этого изгнания в общих чертах известны. Уже в Петербурге Григорий Грязнов дал новый повод усомниться в своей верности Престолу.

К тому времени военные училища дали России несколько видных революционеров. Так, в 1876 г. из Павловского военного училища «ушел в народ»

---

[3] Архив автора. Запись беседы с Т.В. Бутаковой 15.08.1993 г.

[4] Государственный Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 209. Л. 4; Д. 205. Л. 56-58.

[5] ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 185. Л. 5-11; Д. 190. Л. 5-12.

[6] Архив автора. Запись беседы с Т.В. Бутаковой 15.08.1993 г.

[7] ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 205. Л. 56-58; Краткий исторический очерк Первого Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. 1813 – 1913. М., 1915. С. 408.

[8] Архив автора. Запись беседы с Т.В. Бутаковой 15.08.1993 г.

[9] ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 202. Л. 6-7.

[10] ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 209. Л. 4.

А.И. Баранников (1858 – 1898) – один из основателей «Земли и воли», член террористической группы «Свобода или смерть» и исполкома «Народной воли», организатор и участник целого ряда терактов, в том числе покушений на царя, приговоренный к смертной казни, замененной потом пожизненной каторгой[11]. После убийства 1 марта 1881 г. террористами-народовольцами императора Александра II Освободителя власти, видимо, решили очистить военно-учебные заведения от социально сомнительных и подозрительных элементов. В частности, был усилен контроль за частной жизнью юнкеров. 13 сентября 1881 г. при обыске в московском Александровском военном училище у юнкера-сибиряка А.С. Юдина обнаружили несколько писем от Г.Е. Грязнова, «заключавших в себе недовольство автора своим общественным положением, а также крайне неприличные и дерзкие отзывы» о новом императоре Александре III. Ввиду этого при Петербургском жандармском управлении было начато дознание «по обвинению в государственном преступлении». Был определен круг общения и переписки Грязнова. Всего к дознанию привлекли десять лиц. С началом дознания Григорий Евлампиевич был «подчинен особому надзору полиции» и исключен из Михайловского артиллерийского училища «без именования воинским званием»[12].

Как знать, быть может, это исключение оказалось своевременным и предохранило Грязнова от большего несчастья? Как раз в 1880 – 1883 гг. пыталась распространить свое влияние на юнкеров и кадет Военная организация «Народной воли», ядро которой составляли молодые офицеры Армии и Флота; она создавала подпольные кружки в воинских частях и учреждениях с целью нейтрализации регулярных войск в момент захвата власти революционерами[13].

После фиаско в столице Григорию Грязнову не оставалось ничего другого, как вернуться домой к родителям. Уже в октябре 1881 г. он прибыл на родину в станицу Николаевскую. Здесь над ним, согласно циркуляру департамента полиции от 28 января 1882 г., установили негласное наблюдение. В дальнейшем по Высочайшему повелению от 17 марта 1882 г. Грязнов был «подчинен гласному надзору полиции по месту его родины на три года с воспрещением всякой отлучки в течение того же срока», а уже в апреле 1882 г. (надо полагать, с разрешения полиции) он переехал в Омск. Впрочем, под бдительным оком полиции бывший юнкер находился недолго. По докладу министра внутренних дел, Высочайше утвержденному 10 ноября 1883 г., к нему был применен Манифест 15 мая 1883 г., в силу которого гласный надзор был прекращен[14].

Остаются открытыми два вопроса: избежал ли Г.Е. Грязнов отбывания казачьей воинской повинности; если нет, где он служил действительную: во 2-м Сибирском казачьем полку на русско-китайской границе или в казачьих, войсковых и отдельских, учреждениях Омска?

---

[11] Баранников Александр Иванович // URL // http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/barannikov.php (дата обращения: 17.09.2018).

[12] Грязнов Григорий Евлампиевич // URL // http://glossword.info/index.php/term/,6ea3ab6f59585cae956054a6569bac5d596155b062a2a45656936aa95e9fac71959c7158a25f5caeb0935e9b6cac9355536c98ae63a4ae546e5754a3a0b09f5361536da4589fa46058.xhtml (дата обращения: 21.09.2018).

[13] Военная организация Народной воли // URL // http://russiahistory.ru/voennaya-organizatsiya-narodnoj-voli/ (дата обращения: 17.09.2018).

[14] Грязнов Григорий Евлампиевич // URL // http://glossword.info/index.php/term/,6ea3ab6f59585cae956054a6569bac5d596155b062a2a45656936aa95e9fac71959c7158a25f5caeb0935e9b6cac9355536c98ae63a4ae546e5754a3a0b09f5361536da4589fa46058.xhtml (дата обращения: 21.09.2018).

Так или иначе, но в конечном итоге Григорий Евлампиевич занялся скупкой скота в степях Акмолинской и Семипалатинской областей и продажей мяса в города. Благо строительство Транссибирской железнодорожной магистрали открыло в конце XIX в. большие возможности по вывозу сельхозпродукции в европейскую часть страны. В Акмолинске, Атбасаре, Каркаралинске, Зайсане и других местах Г.Е. Грязнов обзавелся связями с казахскими баями, владевшими большими стадами. Ежегодно в июне он лично проезжал по степным городкам и заключал несколько крупных сделок по покупке скота. Затем его приказчики принимали товар у продавцов, собирали купленный скот в большие гурты и с помощью гуртовщиков вели их на север – к железной дороге. Гурты гнали медленно (по 5 – 10 вёрст в день), делая через каждые двое – трое суток обязательную днёвку, чтобы, пасясь в пути, скот к моменту прибытия к местам назначения достигал наибольшего нагула и при забое давал максимум мяса. В июле – августе первые партии скота начинали подходить к Омску и Петропавловску и в окрестностях этих городов продолжали выпасаться до осени. Незначительная часть мяса сразу отправлялась на рынки сбыта в железнодорожных вагонах-ледниках, но это было дорого, делало товар мало конкурентно-способным, да и таких вагонов не хватало. Поэтому, как и другие скотопромышленники региона, Григорий Евлампиевич предпочитал забивать основную часть своего скота поздней осенью – с наступлением морозов. В замороженном виде мясо хранилось всю зиму и постепенно партиями продавалось на российском рынке, главным образом, в города Европейской части России. Чтобы не делиться прибылью, Грязнов обзавелся в Омске собственной большой скотобойней.

Выпас скота возле железной дороги требовал соответствующих пастбищ, и Григорий Евлампиевич являлся одним из крупнейших арендаторов войсковых запасных земель у Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска. Так, в 1900 г. он арендовал у войска на пять лет в районе своей родной станицы Николаевской пять участков общей площадью 14 339 десятин[15].

Левая газета в 1917 г. называла его «крупным земельным собственником»[16]. Не исключено, что Грязнов действительно купил какие-то офицерские участки в частную собственность. В 1920 г. на его землях была организована коммуна «Сибирский коммунар»[17]. Но, возможно, то был не частновладельческий участок, а войсковые запасные земли, которые арендовались Грязновым длительное время и на которых были его хозяйственные постройки.

Наличие оборотных средств и налаженных контактов с чинами Войскового хозяйственного правления позволяло Григорию Евлампиевичу зарабатывать и на аренде так называемых оброчных статей Сибирского казачьего войска. В частности, он выигрывал на торгах лесные участки, проводил на них вырубку леса и заготавливал из него как строительные материалы, так и дрова (как для себя, так

---

[15] *Киселев А.Г.* Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов). Омск, 1995. С. 28; *Киселев А.Г.* Грязнов Григорий Евлампиевич // URL // https://ok.ru/nikolaevskaya/album/54541517455478/861490869366 (дата обращения: 03.09.2018); Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. Новосибирск, 1994. Т. 1. Кн. 2. С. 100; *Девятьярова И., Селюк В.* Прогулки по старому Омску. От архиерейского подворья до Атаманской улицы. Омск,1991. С. 14-15; *Шель В.К., Селюк В.И.* Муниципализированный фонд города Омска 1923 – 1925 годов: Справочник. Омск, 2014. С. 82, 28, 64, 67.

[16] Революционная мысль (Омск). 1917. 26 сентября.

[17] *Кротт И. И.* Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы): монография/ И. И. Кротт. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. – С. 224-225.

и на продажу). Войсковое хозяйственное правление рассматривало его как крупного и успешного лесопромышленника и в 1905 г. даже предложило ему купить лес не на отдельных участках, а на всех сдающихся войском в тот период (на общую сумму 33,7 тыс. руб.)[18].

Со строительством Транссиба и, как следствие, расширением в Степном крае хлебопашества и маслоделия Г.Е. Грязнов занялся также оптовой торговлей зерном и сливочным маслом.

Прибыли от торговли позволили ему обзавестись солидной недвижимостью в самом центре Омска. До революции Г.Е. Грязнову принадлежали в городе несколько домов на Артиллерийской улице (в одном из которых он и жил[19]: Артиллерийская, д. 3[20]), а также большой доходный дом на Любинском проспекте[21].

Этот доходный дом представлял собой трехэтажное кирпичное здание в стиле поздней эклектики с чертами барочной стилизации. Построено оно было в 1905 – 1906 гг. на месте некогда существовавшей Любиной рощи купцом 2-й гильдии Г.В. Тереховым по проекту известного омского архитектора И.Г. Хворинова. На первом этаже и в подвалах здания Терехов разместил магазины (включая свой собственный) и склады, а на втором и третьем – гостиницу, которой дал звучное и гордое название: «Россия». В гостинице было сорок дорогих номеров из трёх – пяти комнат, хорошо меблированных, с ванной и всеми удобствами. В доме также были ресторан и парикмахерская. Очень быстро гостиница приобрела хорошую репутацию у материально обеспеченных приезжих. В 1911 г. Г.Е. Грязнов купил доходный дом с «Россией» не то у самого Г.В. Терехова незадолго до его смерти, не то уже у его наследников. Новый владелец инициировал декорирование дома, а затем и строительство пристройки к нему[22]. В 1913 г. Грязнов установил на крыше «России» первую в Омске световую рекламу (установку провели киномеханики Я. Быков и М. Мистевич)[23].

Высказывалось мнение, что пристройку к доходному дому с размещением в ней кинозала сделал не Григорий Евлампиевич, а следующий владелец. Якобы после пожара в здании, случившегося в 1911 г., Грязнов продал дом[24]. Однако в «Памятных книжках Акмолинской области» на 1915 и 1916 годы гостиница

---

[18] *Киселев А.Г.* Грязнов Григорий Евлампиевич // URL // https://ok.ru/nikolaevskaya/album/54541517455478/861490869366 (дата обращения: 03.09.2018).

[19] Памятная книжка Акмолинской области. На 1916 год / Составитель – *М.Н. Соболев*. Омск: Изд-е Акмол. обл. стат. комитета, 1916. Отд. 2. С. 15.

[20] Список абонентов Омской телефонной сети на 1915 год. – Томск: Изд-во Квасневского, 1915. – С. 17.

[21] *Киселев А.Г.* Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов). Омск, 1995. С. 28; *Киселев А.Г.* Грязнов Григорий Евлампиевич // URL // https://ok.ru/nikolaevskaya/album/54541517455478/861490869366 (дата обращения: 03.09.2018).

[22] *Лосунов А.* Гостиничный бизнес старого Омска // URL // http://nb-media.ru/main.php?id=1&nid=1381 (дата обращения: 11.10.2018).

[23] *Киселев А.Г.* Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов). Омск, 1995. С. 28; *Киселев А.Г.* Грязнов Григорий Евлампиевич // URL // https://ok.ru/nikolaevskaya/album/54541517455478/861490869366 (дата обращения: 03.09.2018).

[24] *Романова В.* Первый омский «небоскреб» // Комсомольская правда – Омск. 2007. 1 – 9 марта. С. 37.

«Россия» (Любинский пр., д. 3) продолжала фигурировать как «дом Грязнова»[25]. И честь расширения комплекса, несомненно, принадлежит Григорию Евлампиевичу.

В 1914 г. он решил расширить свой доходный дом, сделав к нему большую пристройку, для чего купил соседний с «Россией» свободный участок на Санниковском проспекте. Чтобы повысить доходность, решено было возвести пристройку в четыре этажа и разместить на первом и втором этажах кинотеатр, а на третьем и четвертом – гостиничные номера и конторские помещения. Как и «Россию», пристройку проектировал архитектор И.Г. Хворинов, выполнивший её также в стиле поздней эклектики. Получился единый архитектурный комплекс с одинаковым фасадным членением первых трех этажей, с богатым лепным декором. Часть внутренних помещений была украшена лепниной, созвучной с декором фасада. Внутри кинематограф был спроектирован по театральным принципам. На первом этаже – вестибюль, кафе, двухъярусное фойе с обходным балконом и кружевным металлическим ограждением. Зрительный зал состоял из партера, амфитеатра, бельэтажа и балкона. На балкон можно было попасть только со второго яруса фойе, это было спроектировано специально, чтобы заранее, еще до входа в зал, разделить состоятельную и бедную публику. Г.Е. Грязнов хотел сделать кинотеатр роскошным, под стать гостинице «Россия», и на украшении его не экономил. Так, в холле кинозала был сделан фонтан в виде бронзовой наяды (нимфы рек и ручьев), из которой вода по двум чашам стекала в бассейн. Видимо, это первый в Омске фонтан, установленный внутри помещения; он до сих пор украшает внутреннее убранство грязновской пристройки – ныне органного зала.

Но дело не только в стремлении красотой и роскошью привлечь внимание обеспеченной публики – потенциальных клиентов, потребителей будущих услуг. Пристройка и технически была очень продуманной. Отапливалась она, как и весь доходный дом с «Россией», от собственной домовой котельной, расположенной в подвале. Но кирпичную дымовую трубу котельной встроили в стену пристройки (со стороны двора), что позволило в дополнение к водяному отоплению обогревать помещения пристройки через стену горячим дымом из топки. Впрочем, для того времени это было достаточно распространенное техническое решение. А вот изготовление межэтажных перекрытий из железобетона – это было новшество, наверное, впервые примененное в Омске. Традиционные деревянные перекрытия при пожаре усиливали его размах и, соответственно, ущерб. Новый же кинотеатр стали рекламировать в газетах как «построенный по последнему слову техники из железобетона, ввиду чего совершенно безопасен в пожарном отношении». Руководить строительством Грязнов пригласил опытного инженера Ф.А. Черноморченко, выпускника Петербургского института гражданских инженеров, десять лет до того служившего городским архитектором Самары.

Кинотеатр назвали «Кристалл-Палас». Его открытие состоялось 6 декабря 1916 г. – демонстрацией немого фильма «Ночь мести». Весь сбор этого первого дня был пожертвован на благотворительные нужды Сибирского казачьего войска (ведь 6 декабря по старому стилю – не только день Николы Зимнего, но и войсковой праздник сибирских казаков). «Кристалл-Палас» стал самым оборудованным и престижным кинематографом в городе и давал хорошую выручку. Трудно не согласиться с В.Н. Панасенковым, сделавшим вывод, что Г.Е. Грязнов более столетия назад «организовал в комплексе зданий под одной крышей первый в

[25] Памятная книжка Акмолинской области на 1915 год. Омск: Изд-е Акмол. обл. стат. комитета, 1915. Отдел 2. С. 60; Памятная книжка Акмолинской области. На 1916 год / Составитель – М.Н. Соболев. Омск: Изд-е Акмол. обл. стат. комитета, 1916. Отдел 2. С. 101.

Омске гостинично-торговый и концертно-досуговый центр по высшему разряду»[26]. В эпизоде со строительством «Кристалл-Паласа» и расширением гостиницы «Россия» Григорий Евлампиевич предстает как предприниматель-новатор.

Кроме того, Г.Е. Грязнов имел в Омске небольшую типографию.

Бизнес требует свободы манёвра финансами, оборотных средств, и Григорий Евлампиевич выступал как постоянный клиент омских отделений двух больших банков: Государственного и Волжско-Камского. По данным А.Г. Киселева, кредит Грязнова в Госбанке составлял в 1906 г. 75 тыс. руб., в 1907 – 20 тыс., в 1917 – 75 тыс. Это один из самых высоких показателей среди омской клиентуры банка. В 1908 – 1909 гг. предприниматель держал в Волжско-Камском банке гарантированные процентные бумаги на сумму в 5,4 тыс. руб., т.е. он не только брал кредиты, но и сам пытался зарабатывать на ценных бумагах[27].

По оценке А.Г. Киселева, ведущего специалиста по истории предпринимательства в дореволюционном Омске, Г.Е. Грязнов в период Первой мировой войны входил в пятерку крупнейших торгово-промышленников города. Одна его омская скотобойня в 1916 г., при обороте в 1 млн. руб., дала 200 тыс. руб. годовой прибыли[28]. О степени влияния предпринимателя в городе, а также о его стремлении ко всему новому, говорит хотя бы то, что в списке абонентов центральной городской телефонной станции Григорий Евлампиевич имел аппарат под номером шесть[29].

Нельзя не упомянуть о благотворительной деятельности Г.Е. Грязнова. Например, он пожертвовал из личных средств 500 рублей на постройку школы в станице Мельничной Омского уезда. По этому поводу войсковой наказный атаман генерал от кавалерии Е.О. Шмит писал в приказе Сибирскому казачьему войску № 7 от 13.01.1914 г.: «Я весьма рад, что среди казачьего населения находятся такие отзывчивые и стремящиеся к просвещению своего брата-казака люди, и по долгу службы объявляю мою искреннюю благодарность Григорию Евлампиевичу Грязнову и г[оспоже] Саковской за их щедрое пожертвование на школьное строительство в войске»[30].

В свое время А.Г. Киселев сетовал на то, что «общественные связи Грязнова установить не представляется возможным»[31]. Исследователю удалось выяснить только, что Григорий Евлампиевич был членом Омского биржевого общества и гласным Омской городской думы[32].

В действительности, Г.Е. Грязнов принимал активное участие в общественной жизни Сибирского казачьего войска, особенно в 1-ю русскую революцию 1905 –

---

[26] *Панасенков В.* От «Кристалл-паласа» до органного зала // URL // http://www.arch-omsk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=31:-l-r-&catid=5:history-architect-of-omsk&Itemid=19 (дата обращения: 11.10.2018).

[27] *Киселев А.Г.* Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов). Омск, 1995. С. 28.

[28] *Киселев А.Г.* Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов). Омск, 1995. С. 28-29.

[29] Список абонентов Омской телефонной сети на 1915 год. – Томск: Изд-во Квасневского, 1915. – С. 17, 1.

[30] ГИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 78. Л. 16. Госпожа Саковская, вдова подъесаула Сибирского казачьего войска, поселка Изылбашского, пожертвовала на школу в своем поселке 50 руб.

[31] *Киселев А.Г.* Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов). Омск, 1995. С. 28.

[32] *Киселев А.Г.* Грязнов Григорий Евлампиевич // URL // https://ok.ru/nikolaevskaya/album/54541517455478/861490869366 (дата обращения: 03.09.2018).

1907 гг. и в 1917 – 1919 гг. В частности, в феврале 1907 г. на избирательном съезде в Омске по выборам депутата от Сибирского войска во II Государственную думу был в качестве выборщика от станицы Николаевской[33]. Причем, судя по всему, придерживался он либеральных взглядов. 65-тью баллотировочными шарами из 73-х выборщики избрали во II думу, как и в I-ю, И.П. Лаптева, неизменно примыкавшего во время 1-й революции и после неё к либеральным партиям: Партии демократических реформ, Партии мирного обновления, Партии прогрессистов, наконец, Партии народной свободы (кадетов). Наказ, данный выборщиками Лаптеву во II думу, требовал установления в России конституционной монархии, широкой политической амнистии, отмены смертной казни и военного положения[34].

На период 1914 – 1918 гг. Григорий Евлампиевич был выбран гласным Омской городской думы[35].

С началом Великой Российской революции Г.Е. Грязнов деятельно включается в политику. 18 марта 1917 г. участвует в «войсковом круге» в Омске, избирается им на Общеказачий съезд и на следующий день, 19-го, выезжает в столицу[36]. С 25 по 30 марта заседает в Петрограде на Общеказачьем съезде[37]. А по возвращении в качестве депутата Николаевской станицы участвует в 1-м съезде депутатов Сибирского казачьего войска[38], проходившем в Омске 10 – 24 апреля 1917 г.

На 2-м большом войсковом круге, с 11 по 22 сентября 1917 г., вновь представляет свою родную Николаевскую станицу[39], причем выступает на заседаниях как ярый сторонник сохранения казачьего сословия[40] и избирается депутатами в состав ревизионной комиссии круга[41]. Вершины своего политического влияния в войске Григорий Евлампиевич достигает в ноябре, когда председательствует на Чрезвычайной сессии малого войскового круга (Омск, 10 – 24.11.1917)[42]. Этот малый круг решительно осудил Октябрьский переворот и высказался за создание, в целях ликвидации объявленной большевиками гражданской войны и созыва в срок Учредительного собрания, коалиционного правительства из представителей земских, городских и войсковых самоуправлений[43].

---

[33] *Сорокин А.П.* Выборная служба казачьего депутата Иннокентия Павловича Лаптева (1872 – 1917) // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее. Омск, 2003. С. 163.

[34] *Шулдяков В.А.* Иннокентий Павлович Лаптев: провинциальный политик-либерал из сибирских казаков // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. науч. тр. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2016. – С. 415-416, 420.

[35] Памятная книжка Акмолинской области. На 1916 год/ Составитель – *М.Н. Соболев*. Омск: Изд-е Акмол. обл. стат. комитета, 1916. Отд. 2. С. 15.

[36] Сибирские войсковые ведомости. 1917. № 23. С. 4-5; Омский вестник. 1917. 22 марта.

[37] Труды Общеказачьего съезда с 23 по 29 марта 1917 г. в Петрограде. – Пг., 1917. – С. 8; Сибирские войсковые ведомости. 1917. № 25. С. 3.

[38] ГИАОО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 15. Л. 53-54.

[39] ГИАОО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 14. Л. 64-67.

[40] Революционная мысль. 1917. 26 сентября.

[41] Постановления 2-го войскового круга Сибирского казачьего войска. Б.м., 1917. С. 18, 19; Сибирская речь (Омск). 1917. 20 сентября.

[42] Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1992. Ч. 1. С. 133.

[43] ГИАОО. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 125. Л. 102, 112.

В 3-м большом войсковом круге, работавшем в Омске с 15 (2) марта по 9 апреля (27 марта) 1918 г.[44] и признавшим ленинский Совнарком, Г.Е. Грязнов уже не участвовал. При «первой советской власти Сибири», в результате большевистской национализации, предприниматель лишился большей части своих предприятий и недвижимости[45]. Терзали его и реквизициями, конфискациями, например, как-то реквизировали большую партию ранее заготовленных дров[46].

Поэтому весной 1918 г. Григорий Евлампиевич включился в нелегальную работу по свержению советской власти, а именно: вошел в состав так называемого «Каргаловского кружка», возглавляемого присяжным поверенным Д.С. Каргаловым и председателем Омского военно-промышленного комитета Н.П. Двинаренко[47]. Этот «кружок», состоявший в основном из правых кадетов (сторонников конституционной монархии), вступил в контакт с посланцем Добровольческой армии генералом от инфантерии В.Е. Флугом и положил в основу своей деятельности привезенную им «Политическую программу генерала Корнилова». «Кружок» рекомендовал Флугу поставить во главе объединенной тайной военной организации полковника Сибирского казачьего войска П.П. Иванова (Ринова), наладил финансирование этой офицерской организации торгово-промышленными кругами Омска (первый месячный взнос составил сто тысяч рублей), разработал совместно с П.П. Ивановым план восстания и персональный состав будущего временного правительства региона[48].

Проехав всю Сибирь, генерал В.Е. Флуг констатировал, что в Омске «торгово-промышленный класс был представлен лицами с более широким в политическом и экономическом отношениях кругозором», чем, например, в Иркутске. В результате, в Омске рядовому офицеру-подпольщику минимальный оклад был установлен в 250 руб. в месяц, а в Иркутске максимальный – не более 100 руб.[49]

После свержения «первой советской власти» Г.Е. Грязнов в качестве депутата Николаевской станицы участвовал в заседаниях двух больших чрезвычайных кругов Сибирского казачьего войска: 4-го – в июле 1918 г., 5-го – в августе 1919 г.[50] На 4-м круге он вновь, как и на 2-м, был выбран на год (по июль 1919 г.) в состав ревизионной комиссии круга[51].

Григорий Евлампиевич являлся председателем «Комитета и Совета объединенных торгово-промышленных организаций Омска» и в этом качестве выступал как горячий сторонник установления национальной военной диктатуры. Именно он от имени этих организаций в ноябре 1918 г. (не позднее 24-го числа) приветствовал Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака следующими словами: «С первых же дней свержения большевистской власти Объединенные

---

[44] Далее даты по новому стилю.

[45] *Панасенков В.* От «Кристалл-паласа» до органного зала // URL // http://www.arch-omsk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=31:-l-r-&catid=5:history-architect-of-omsk&Itemid=19 (дата обращения: 11.10.2018).

[46] Вольный казак (Омск). 1918. 15 (02) марта.

[47] ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 16. Л. 21, 22, 50.

[48] *Шулдяков В.А.* Тайные военные организации Омска в декабре 1917 – начале июня 1918 гг.: материалы к истории // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 21. – Омск: ОГИК музей, 2018. – С. 69-71, 76-79.

[49] *Флуг В.Е.* Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году // Архив русской революции. – Берлин: Изд-во: «Слово», 1923. – Т. IX. – С. 261.

[50] Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрополи, 1917 – 1997. М., 1999. Т. 2. С. 258.

[51] Постановления 4-го Чрезвычайного войскового круга Сибирского казачьего войска. Г. Омск 4 – 18 июля (21 июня – 5 июля) 1918 г. – Омск, 1918. – С. 33.

Торгово-промышленные организации Омска громко заявили о необходимости создания сильной власти в одном лице, видя в этом залог воссоединения ныне распавшихся областей и восстановления единства Государства. Ныне, приветствуя в Вашем лице осуществление чаяния всех слоёв населения, коим дорога целость Государства, Комитет и Совет Объединенных Торгово-промышленных организаций выражает радость по поводу принятия Вами бремени власти и будут счастливы оказать посильные услуги в Вашем труде в деле воссоздания России»[52].

После прихода к власти А.В. Колчака Г.Е. Грязнов, судя по всему, возглавлял работу по сплочению и организации омских предпринимателей с целью улучшения снабжения армии, для чего было решено создать специальный выборный орган – «Заготовительное бюро». Для избрания бюро 3 декабря 1918 г. состоялось собрание омских предпринимателей. В тот же день председатель этого собрания Г.Е. Грязнов послал Верховному Правителю телеграмму: «В сознании ответственности перед Родиной Чрезвычайное собрание торгово-промышленного класса г. Омска счастливо засвидетельствовать перед Вашим Высокопревосходительством, что раскрепощение торговли даст возможность каждому приложить свои знания и опыт в деле возрождения экономической мощи России и, прежде всего, в неотложном деле снабжения армии всем необходимым. Избранное Заготовительное бюро уже действует, и общее собрание твердо верит, что армия под Вашим водительством будет сыта и одета. Да благословит Господь-Бог Ваши начинания»[53].

С 27 января 1919 г. Григорий Евлампиевич являлся членом Омского областного (затем Временного Центрального) военно-промышленного комитета[54].

Не забывал предприниматель и о благотворительности. Так, летом 1918 г. Г.Е. Грязнов пожертвовал от концерта, устроенного им на курорте Карачи, 2500 руб. в пользу «Сибирского общества помощи больным и раненым»[55].

В августе 1919 г. в связи с вторжением в Сибирь Красной Армии в Сибирском казачьем войске была проведена тотальная мобилизация. Вдобавок к шести полкам сибирцев, действовавшим в составе Сводно-казачьего корпуса (Конной группы 2-й армии), войско выставило еще девять конных полков, которые должны были составить Отдельный Войсковой Сибирский казачий корпус. Для усиления боевого состава этого конного корпуса началось формирование артиллерийских дивизионов, пластунских батальонов, конно-инженерных сотен, а также частей и учреждений материально-технического обеспечения. Формирование и снабжение казачьих частей и соединений проходило в условиях жесточайшего дефицита всего и вся. Командование не могло удовлетворить самые насущные потребности строевых частей. Тогда было решено в помощь корпусным интендантствам создать Войсковое снабжение Сибирского казачьего войска. Оно должно было на денежные авансы, отпускаемые от интендантства, заготавливать вещевое

---

[52] Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.: Сб. док. / Сост. и науч. ред. *В.В. Журавлев*. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. – С. 39-40.

[53] Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.: Сб. док. / Сост. и науч. ред. *В.В. Журавлев*. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. – С. 62-63.

[54] Иртыш. Омск, 1919. № 9. С. 17.

[55] Сибирская речь (Омск). 1918. 30 августа.

довольствие и снабжать им Войсковой Сибирский и Сводный казачьи корпуса[56]. Управление Войскового снабжения разместилось в Омске[57] (видимо, в грязновской гостинице «Россия»).

Начальником Войскового снабжения был назначен Григорий Евлампиевич Грязнов[58] – человек, прекрасно знавший экономические ресурсы региона и производственные возможности местных предприятий, имевший широчайшие связи в предпринимательских кругах и опыт их консолидации для решения поставленных задач. В фонде Главного законодательно-финансового управления Военного министерства Российского правительства отложилось несколько документов, подписанных Г.Е. Грязновым.

Среди них – «Ведомость предметов интендантского довольствия, предположенных заготовить в период с 1 октября 1919 г. по 1 января 1920 г. для частей Сибирского казачьего корпуса». Согласно этой ведомости, в корпусе к 1 октября состояло 30 319 чел. Войсковое снабжение планировало изготовить на каждого из этих офицеров и нижних чинов шинели, телогрейки и шаровары на вате, папахи, сапоги, рубахи, исподние брюки, портянки, утиральники, носовые платки и пр. На заготовку всей этой массы предметов требовалось 84 816 799 руб. 45 коп. Расчет этой суммы был проведен Войсковым снабжением согласно ценам, установленным приказом по интендантскому ведомству № 122 от 26.08.1919 г. Однако со дня этого приказа «цены на все предметы повысились на 50 %», поэтому Грязнов просил Главное законодательно-финансовое управление (Главзакфин) повысить требуемую корпусу сумму, «с округлением», до 126 млн. руб.[59]

Конечно, снабжение войск не ограничивается одним вещевым довольствием. Всего расходы на содержание Войскового Сибирского казачьего корпуса, а также Управления Войскового снабжения и Конского запаса Сибирского казачьего войска на период с 1 октября 1919 г. по 1 января 1920 г. были исчислены в 335 141 010 руб., и Г.Е. Грязнов испрашивал эту сумму в «Перечне кредитов» у Военного министерства[60].

Управление Войскового снабжения получало немалые суммы, например, к 11 сентября 1919 г. – 10 млн. руб. по смете Главного интендантского управления на заготовку обмундирования для пластунских батальонов и артиллерийских частей[61]. Однако этого было недостаточно, учитывая масштабы формирования Войскового корпуса. 16 сентября 1919 г. Управление Войскового снабжения просило Главзакфин в срочном порядке отпустить авансом еще 10 млн. руб.[62], однако встретило с его стороны сопротивление. В ответе Главного законодательно-финансового управления говорилось: «…не только относительно Управления снабжения, но также Сибирского казачьего корпуса нигде нет указаний о порядке открытия и распределения этими войсковыми организациями кредитов, т.е. признается ли каждая из них первостепенным распорядителем кредитов». В Главзакфине обещали прояснить этот вопрос у 3-го генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем[63]. Естественно, Г.Е. Грязнов требовал (23.09.1919 г.), чтобы и Главное законодательно-финансовое управление, и

[56] РГВА. Ф. 40153. Оп. 1. Д. 10. Л. 90, 90 об., 92.
[57] ГАРФ. Ф. Р-150. Оп. 3. Д. 68. Л. 131.
[58] ГАРФ. Ф. Р-150. Оп. 3. Д. 68. Л. 125, 131, 145, 162; Д. 69. Л. 13.
[59] ГАРФ. Ф. Р-150. Оп. 3. Д. 68. Л. 160-162.
[60] ГАРФ. Ф. Р-150. Оп. 3. Д. 68. Л. 138-145.
[61] ГАРФ. Ф. Р-150. Оп. 3. Д. 69. Л. 23-25.
[62] ГАРФ. Ф. Р-150. Оп. 3. Д. 69. Л. 10.
[63] ГАРФ. Ф. Р-150. Оп. 3. Д. 69. Л. 12.

Главное казначейство признали начальника Управления Войскового снабжения первостепенным распорядителем кредитов[64].

22 октября 1919 г. Григорий Евлампиевич констатировал: «В настоящее время как в Управлении Снабжения, так и у Корпусного интенданта совершенно нет денег», – и, указав на приближение холодов и необходимость закупки для Войскового Сибирского казачьего корпуса предметов вещевого довольствия и продовольствия, просил Главзакфин открыть Войсковому снабжению кредит на октябрь 1919 г. на сумму 70,4 млн. руб.[65]

С провалом так и не состоявшегося казачьего «рейда на Курган» и с потерей веры верховной власти в спасительную роль войскового атамана сибирцев генерал-лейтенанта П.П. Иванова-Ринова и его казаков резко уменьшилось и финансирование Войскового корпуса. Был понижен статус соединения: корпус перестали считать отдельным и подчинили штабу «Московской группы». Видимо, вместо денег Управление Войскового снабжения получило указание получать необходимое от «Московской группы». 28 октября 1919 г. Г.Е. Грязнов с явным раздражением писал в Главное законодательно-финансовое управление, что ни корпусной интендант, ни Управление Войскового снабжения «совершенно не знали, что Сибирский казачий корпус не будет отдельным корпусом, и поэтому установить какие-либо соглашения с Начальником снабжения Московской группы не имели возможности»[66].

После разгрома Белого движения в Сибири Г.Е. Грязнов оказался в Китае, в городе Харбине, – где, по сведениям потомков, обзавелся собственной мельницей[67]. Умер Григорий Евлампиевич в этом городе 26 апреля 1929 г. и был похоронен на Новом кладбище[68].

Из устного источника известно, что у Г.Е. Грязнова было три сына: Всеволод, Виктор и Иван[69]. Казак Николаевской станицы Всеволод Григорьевич Грязнов учился в Московском коммерческом институте. В 1914 г. он должен был поступить на действительную военную службу (т.е. был 1893 года рождения), но ему и еще нескольким студентам-сибирцам дали отсрочку от призыва для окончания образования «впредь до особого распоряжения о привлечении их для отбывания воинской повинности»[70]. По сведениям потомков, Всеволод Григорьевич погиб при переходе китайской границы (наверное, в Гражданскую войну). В семейных преданиях сохранилась фамилия его «красавицы-невесты»: Остроумова. Виктор и Иван эмигрировали в Америку[71]. Возможно, у Григория Евлампиевича был еще один сын: Сергей Григорьевич Грязнов, скончавшийся в 2003 г. в США и погребенный на знаменитом Сербском кладбище в г. Колма близ Сан-Франциско[72].

Григорий Евлампиевич имел сестру Марию и брата Александра.

---

[64] ГАРФ. Ф. Р-150. Оп. 3. Д. 69. Л. 13.

[65] ГАРФ. Ф. Р-150. Оп. 3. Д. 68. Л. 131.

[66] ГАРФ. Ф. Р-150. Оп. 3. Д. 68. Л. 125.

[67] Архив автора. Запись беседы с Т.В. Бутаковой 15.08.1993 г.

[68] Русское слово (Харбин). 1929. № 956. 28 апреля; Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрополи, 1917 – 1997. М., 1999. Т. 2. С. 258.

[69] Архив автора. Запись беседы с Т.В. Бутаковой 15.08.1993 г.

[70] Приказы 2-му отделу Сибирского казачьего войска за 1914 г. – Омск, 1914. – Пр. № 250, 17 декабря, § 4.

[71] Архив автора. Запись беседы с Т.В. Бутаковой 15.08.1993 г.

[72] Список русских людей, похороненных на кладбищах окрестностей Сан-Франциско и Сакраменто // URL // http://www.mrcsf.org/ru_collections/ (дата обращения: 01.10.2018).

Мария Грязнова вышла замуж за Павла Дмитриевича Сургутского (казака станицы Атаманской[73], одного из пригородов Омска) и родила ему двоих детей: Евлампия и Еликаниду. Купив доходный дом на Любинском проспекте, Г.Е. Грязнов назначил П.Д. Сургутского управляющим гостиницей «Россия»[74]. Мария Евлампиевна была одной из омских домовладелиц[75]. Более о ней пока ничего не известно.

Сын Марии Евлампий Павлович Сургутский родился 7 марта 1896 г. (ст. ст.), получил домашнее образование, затем при Омском четырехклассном городском училище выдержал испытание за курс городского училища. 4 сентября 1914 г. он был принят чертежником в межевое отделение Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска «с переименованием в нестроевые младшего разряда и с утверждением в правах по образованию 3-го разряда»[76]. И хотя до призыва на военную службу у девятнадцатилетнего Евлампия Сургутского еще было время, он «по собственному желанию» переводится 3 июня 1915 г. из Войскового хозяйственного правления в строй, а именно: в дислоцированную в Омске 2-ю Сибирскую казачью запасную сотню[77]. Затем была учеба во 2-й Иркутской школе для подготовки офицеров в военное время. 22 сентября 1915 г. приказом войскам Иркутского военного округа Е.П. Сургутский был произведен в прапорщики армейской пехоты. Это производство было утверждено Высочайшим приказом 18 апреля 1916 г. Свою офицерскую службу новоиспеченный прапорщик начал в той же 2-й Сибирской казачьей запасной сотне[78]. Дальнейший служебный путь Евлампия Сургутского пока не прослежен. Несомненно, он – участник Гражданской войны. Затем, по сведениям потомков, белоэмигрант в Китае и США.

Дочь Марии Еликанида Павловна, согласно тому же устному источнику, жила и работала в Москве (возможно, юристом), в обиходе её называли Еленой.

Младший брат Григория и Марии Александр Евлампиевич Грязнов (1872 – 1930), по сведениям потомков, окончил Сибирский кадетский корпус. Однако ни в опубликованных списках выпускников, ни в документах архивного фонда корпуса в Государственном Историческом архиве Омской области найти подтверждения этому не удалось. Возможно, Александр Грязнов учился в корпусе, но не окончил. Согласно семейным преданиям, Александр Евлампиевич вопреки воле родителей женился на простой крестьянке, был лишен наследства и работал мелким служащим на железной дороге к востоку от Омска. В Гражданскую войну находился во Владивостоке. Колебался, эмигрировать из России или нет. Якобы уже поднялся на пароход, который отправлялся за океан, но сошел на берег, дескать, «языка не знает, куда ехать». Умер он в г. Никольск-Уссурийске от воспаления легких.

У Александра Евлампиевича была одна дочь – Анна. Училась она на Женских курсах в Москве, по юридическому отделению, но не доучилась один год. В мае 1918 г. она вернулась в Омск на каникулы, а вскоре началась Гражданская война. Анна Александровна Грязнова вышла замуж за Василия Михайловича Лозовских.

---

[73] Приказы Сибирскому казачьему войску за 1914 г. – Омск, 1914. – Пр. № 193, 4 сентября.

[74] Архив автора. Запись беседы с Т.В. Бутаковой 15.08.1993 г.

[75] *Шель В.К., Селюк В.И.* Муниципализированный фонд города Омска 1923 – 1925 годов: Справочник. Омск, 2014. С. 94.

[76] Приказы Сибирскому казачьему войску за 1914 г. – Омск, 1914. – Пр. № 193, 4 сентября.

[77] Приказы Сибирскому казачьему войску за 1915 г. – Омск, 1915. – Пр. № 164, 3 июня.

[78] Приказы Сибирскому казачьему войску за 1916 г. – Омск, 1916. – Пр. № 266, 2 июня; Сибирский казак: Войсковой сб. Вып. 2. Харбин, 1941. С. 316.

Жили супруги во Владивостоке, откуда Василий Михайлович угодил на Белое море – был осужден.

Дочь Анны Александровны и Василия Михайловича Лозовских москвичка Татьяна Васильевна, в замужестве Бутакова, и выступила в роли хранителя семейных преданий сибирского казачьего рода Грязновых, поведав их в августе 1993 г. автору сих строк[79].

Судьба Григория Евлампиевича Грязнова удивительна. Сын бывшего писаря, кадет и юнкер, недовольный своим общественным положением, читающий и обсуждающий с товарищами запрещенную литературу, критикующий императора, переживает внутренний кризис, вызванный исключением из военного училища, полицейским надзором и несомненным осуждением со стороны всех родственников и общественного мнения одностаничников. Юношеский максимализм исчез, а либеральная настроенность, судя по выборам в I и II Государственные думы, по участию в 1918 г. в кадетском «Каргаловском кружке», сохранилась на всю оставшуюся жизнь.

Скорый и неожиданный крах военной карьеры, очевидно, вынудил бывшего вольнодумца искать новое поприще для приложения своих сил и для добывания хлеба насущного. И на этом пути несостоявшийся офицер вырос в крупного оптового торговца, в предпринимателя-новатора, в одного из богатейших людей г. Омска и Степного генерал-губернаторства. Чем только Г.Е. Грязнов ни занимался! Скупал и перепродавал мясо, хлеб, сливочное масло. Выпасал и забивал скот. Осуществлял вырубку лесов, заготовку и продажу древесины. Зарабатывал на ценных бумагах и особенно на недвижимости. Строил дома и сдавал их в аренду. Перед революцией успешно осваивал новые направления бизнеса: гостиничный, кинотеатральный, типографский.

Любопытно, что ни обида на пресечение военной карьеры, ни большие успехи в предпринимательской деятельности, не знающей сословных границ, не привели Григория Евлампиевича к отчуждению от всего казачьего и к легко доступному при его деньгах выходу из казачьего сословия. Видимо, дело здесь не только в коммерческой или политической выгоде. При сдаче с торгов лесных паёв и запасных участков под выпас скота и запашку Войсковое хозяйственное правление учитывало не сословную принадлежность претендентов, а исключительно предложенную цену. Кто давал больше денег, тот и выигрывал торги. В 1917 г., как утопающий хватается за соломинку, так и либералы всех мастей вспомнили о казачестве как государственно-охранительной силе и пытались использовать его против «углубления революции» социалистическими партиями. Представляется, что в отличие от большинства либералов Г.Е. Грязнов изначально не считал казачество анахронизмом, а полагал, что несколько реформированное оно вполне может вписаться в новую Россию. Отзывчивость Григория Евлампиевича к нуждам казачьих школ, его стремление «к просвещению своего брата-казака», приурочивание открытия кинематографа к дню войскового праздника и пожертвование выручки первого дня «Кристалл-Паласа» на благотворительные нужды Сибирского казачьего войска, – все это говорит о том, что Грязнов, как и многие другие казаки-предприниматели, не потерял духовной связи с войском, с одностаничниками, с роднёй.

Воспитание в казачьей семье, станичной школе, военной гимназии не могло совсем не сказаться. Любил ли, принимал ли Григорий Евлампиевич армию и военный образ жизни, мы не знаем. Но, во всяком случае, значение вооруженной

[79] Архив автора. Запись беседы с Т.В. Бутаковой 15.08.1993 г.

силы, порядка, государства он, конечно, понимал. И в силу своих морально-волевых качеств ни собственный бизнес, ни всю Россию сдавать без боя большевикам не собирался. Важна роль Г.Е. Грязнова как председателя Чрезвычайной сессии малого войскового круга, когда малый круг и Войсковое правительство пытались остановить распространение советской власти на территорию Сибирского казачьего войска и способствовать воссозданию центральной общероссийской власти путем объединения усилий земских, городских и войсковых самоуправлений. Активное участие в нелегальном правокадетском и прокорниловском «Каргаловском кружке» и в финансировании предпринимателями Омска местной объединенной офицерской тайной организации, деятельность по сплочению деловых кругов сначала для создания сильной единоличной власти, затем – для улучшения снабжения Российской армии адмирала А.В. Колчака, председательство в «Комитете и Совете объединенных торгово-промышленных организаций Омска», наконец, руководство Войсковым снабжением в самый ответственный момент вооруженной борьбы, – все это говорит о том, что Г.Е. Грязнов действительно был предпринимателем, говоря словами генерала В.Е. Флуга, с «широким в политическом и экономическом отношениях кругозором».

Невыясненной остается роль Григория Евлампиевича в системе военно-промышленных комитетов периодов Первой мировой и Гражданской войн. Но, учитывая его давние связи с казахскими баями и наличие собственной скотобойни, трудно предположить, что он остался в стороне от заготовок мяса для армии.

Самым спорным эпизодом в жизни Г.Е. Грязнова, несомненно, является его руководство Войсковым снабжением Сибирского казачьего войска. Вообще, опыт привлечения войсковым атаманом сибирцев генерал-лейтенантом П.П. Ивановым-Риновым к руководству непосредственным снабжением армии лучших представителей деловых кругов Омска очень интересен и требует специального изучения. Постановление колчаковского Совмина от 12.06.1919 г. и приказ о трудовой повинности дали командованию широкие права привлекать гражданских лиц к военной службе по их основной специальности. Так, исполняющим должность интенданта (начальника снабжения) Войскового Сибирского казачьего корпуса 1 августа 1919 г. был назначен Семён Иванович Рысев[80]. Он работал в Омске доверенным торгового дома «Вогау и К°»[81] – одной из мощнейших российских корпораций второй половины XIX – начала XX вв. (германского происхождения), владевшей в 1917 г. акциями двух десятков крупнейших торговых, промышленных и финансовых компаний России[82]. Был известен С.И. Рысев и своей общественной деятельностью: избирался, как и Г.Е. Грязнов, на период 1914 – 1918 гг. гласным Омской городской думы[83], а в революционную пору являлся членом городской управы (1917 – 1918 гг.)[84]. Не исключено, что как раз Грязнов и порекомендовал Иванову-Ринову Рысева в корпусные интенданты.

Предприниматели после большевистских экспериментов и полумер демократической контрреволюции, естественно, выступали за «раскрепощение

[80] ГИАОО. Ф. 1531. Оп. 1. Д. 10. Л. 6, 11.

[81] Список абонентов Омской телефонной сети на 1915 год. – Томск: Изд-во Квасневского, 1915. – С. 46.

[82] Торговый дом «Вогау и Ко» // URL // https://ru.wikipedia.org/wiki/Вогау_и_Ко (дата обращения: 15.10.2018).

[83] Памятная книжка Акмолинской области. На 1916 год/ Составитель – *М.Н. Соболев*. Омск: Изд-е Акмол. обл. стат. комитета, 1916. Отд. 2. С. 15.

[84] ГИАОО. Ф. 172. Оп. 2. Д. 2. Л. 10.

торговли» и максимальное развитие частной инициативы, полагая, что таким образом удастся накормить и одеть армию. Во всяком случае, в конце 1918 г. они надеялись на это. Однако масштабы вооруженной борьбы, разрыв фронтами внутреннего российского рынка и деградация его фрагментов, трудности и ограниченность поставок из-за рубежа, – все это делало невозможным обеспечение армии чисто рыночными средствами. Сами же торгово-промышленные круги в погоне за прибылью поднимали цены на свои товары. Войсковой штаб Сибирского казачьего войска в отношении в Главное интендантское управление от 7 августа 1919 г. указывал: «Цены всё время взвинчиваются (и, видимо, не будет предела)», – и просил отпускать авансы на довольствие людей и лошадей в три раза больше ранее исчисленных[85]. Полагаться только на «ответственность перед Родиной» было наивно, на такую сознательность было способно лишь меньшинство предпринимателей. Хотя, возможно, её демонстрировали лучшие представители этих кругов – люди типа Г.Е. Грязнова и С.И. Рысева. Но в какой степени они готовы были жертвовать своими прибылями и основными капиталами в те дни трагического перелома в борьбе, – вопрос остается открытым.

Войсковое снабжение, корпусные интенданты, казачьи дивизии и полки требовали дополнительных денег на закупки потребного по реальным рыночным ценам. Но таких денег у государства просто не было. Создание наряду с общеармейским интендантством автономного казачьего, несомненно, вносило путаницу и до крайности усложняло денежные расчеты. В динамичной боевой обстановке казачьи части все равно были вынуждены обращаться в общие интендантские магазины[86].

Фактически Сибирские казачьи части и соединения получали снабжение из разных источников: от интендантства, от Управления заготовок («Упрзагот»)[87], от своего Войскового снабжения. Закупки производили на местах и сами формирующиеся части, причем как на отпущенные казенные суммы, так и на пожертвованные частными лицами и организациями деньги. Кроме того, производились и реквизиции, как законные – платные, так и незаконные – бесплатные или с выплатой сумм, которые были значительно ниже установленных приказами «справочных» расценок. В результате, Войсковой Сибирский казачий корпус, пусть не в полном составе, выступил на позиции и принял участие в тяжелых боях на южном фланге Восточного фронта[88]. Однако выяснить реальный вклад в формирование и обеспечение корпуса со стороны Управления Войскового снабжения Сибирского казачьего войска и его начальника Григория Евлампиевича Грязнова пока не представляется возможным, для этого недостаточно известных источников.

---

[85] ГАРФ. Ф. Р-150. Оп. 3. Д. 69. Л. 35.

[86] ГАРФ. Ф. Р-150. Оп. 3. Д. 69. Л. 35 об.

[87] ГАРФ. Ф. Р-150. Оп. 3. Д. 69. Л. 49 об. – 50.

[88] *Шулдяков В.А.* Войсковой Сибирский казачий корпус: планы, реалии и мифы (август – сентябрь 1919 г.) // Казачество России в Белом движении / Белая Гвардия. № 8. – М.: «Посев», 2005. – С. 243-250.

СОЛДАТ НА ВОЙНЕ:
ИЗ АВТОБИОГРАФИИ Ф.Г. ИВАНОВА[1]

Аннотация. Публикация представляет собой отрывок из автобиографии краеведа-энтузиаста Камышинского уезда Саратовской губернии. Крестьянин Ф.Г. Иванов прожил трудную жизнь, но активно занимался историей своего родного села. В автобиографии он рассказывает о годах Первой мировой войны, о своем пребывании в плену.

Ключевые слова: локальная история, документы личного происхождения, биографика, Первая мировая война, плен.

Abstract. The publication is an excerpt from the autobiography of the local historian-enthusiast of Kamyshin district of Saratov province. Peasant F.G. Ivanov lived a difficult life, but actively engaged in the history of his native village. In his autobiography, he tells about the years of the World war I, about his stay in captivity.

Key words: local history, documents of personal origin, biography, World War I, captivity.

Публ. М.Н. Луночкина
(р.п. Чернышковский
Волгоградской обл.)

Имя Федора Герасимовича Иванова (17.02.1893 г.- 9.08.1991) навсегда войдет в историю села. Родился он в крестьянской семье в селе Нижняя Добринка Камышинского уезда Саратовской губернии (ныне Жирновского района Волгоградской области). Здесь Федор в 1905 г. на отлично окончил сельскую церковно-приходскую школу и одноклассное начальное министерское училище. Участник Первой мировой войны, он побывал в австрийском плену, принимал активное участие в становлении Советской власти в годы гражданской войны. В годы коллективизации партийные органы часто направляли его – коммуниста, на трудные участки. Он работал председателем нескольких сельских советов, руководил колхозом, редактировал газету, а когда подорванное здоровье не позволило занимать руководящие должности, то трудился в колхозе на различных должностях.

15 марта 1945 года, по ложному доносу своей жены, - за, якобы, кражу семенного зерна, - Федор Герасимович был осужден на пять лет. Амнистия, объявленная по случаю окончания Великой Отечественной войны, этот срок сократила до двух с половиной лет.

Сознавая, что он невиновен, Федор обжаловал приговор в высшей инстанции. Дело было пересмотрено, однако Иванову все же определили наказание – три месяца со снятием судимости.

Три месяца в колонии села Дворянское Камышинского района и два года после освобождения (как вольнонаемный) он работает садоводом. В дальнейшем трудится в нескольких колхозах в должности пчеловода и садовода.

В Нижнюю Добринку Федор Герасимович вернулся лишь в 1959 году, - когда вышел на пенсию. Остаток жизни он прожил в родном селе, на улице Садовой, в доме 17. В его семье было пятеро детей: трое сыновей и две дочери. Старший сын – Юрий, старший лейтенант, командир батареи противотанкового истребительного дивизиона, коммунист, погиб в 1944 г. под Минском.

[1] Название дано публикатором.

Воспоминания ветерана не раз публиковались в местной районной газете. Он хорошо знал деревенскую жизнь, всех односельчан поименно и был участником многих событий бурного XX века. Все это подвигло Ф.Г. Иванова на склоне лет к мысли написать историю своего поселения. Он начинает собирать сведения и факты к «Материалам по истории Нижней Добринки», охватывающие период с середины XVIII века и по 80-е годы XX века с упоминанием народных преданий и легенд об образовании села. Автор старался обрисовать положение крестьян в начале XX столетия, его участие в революционном движении, установлении и упрочении Советской власти. При этом Иванов умалчивал о раскулачивании, о тяжелом положении крестьян в период сплошной коллективизации, писал об этом вскользь...

Закончив сбор материалов к 1981 году, он перепечатал свой труд, озаглавив его «История села Нижняя Добринка». Как оказалось, эта рукопись существует в двух редакциях: «Материалы по истории Нижней Добринки» и «История села Нижняя Добринка». При сравнении текстов видно, что более полная и окончательна версия – последняя, которая ныне хранится в сельской библиотеке, а «Материалы…» можно встретить в семейных архивах некоторых сельчан.

Возможно, кто-то из учителей-словесников, редактировавших рукопись, посоветовал Федору Герасимовичу включить в нее главы этнографического характера. Условно их можно назвать «детские годы» и «крестьянский быт». Они-то и придают его труду особую прелесть и ценность.

«История села Нижняя Добринка» содержит 107 страниц машинописного текста, при этом экземпляр, хранящийся в сельской библиотеке, имеет утраты, - две страницы отсутствуют.

Однако выяснилось, что в библиотеке хранится и автобиография Федора Герасимовича[2]. Отрывок из нее и предлагается вниманию читателя.

В 1915 году [я был] призван на военную службу – в Самару <…>, в инженерный батальон, а затем 9 месяцев был на передовой линии фронта. Окончил учебную команду и был в команде разведчиков. Во время разведки наскочил на мину и был тяжело ранен [и] меня подобрал неприятель – австрийцы. Это [случилось] 12 ноября 1916 года, в Карпатах. Часть наша [входила в состав] 74-го Ставропольского полка[3], [а] главнокомандующим армией был генерал Брусилов[4].

В плену я был всего два года и из них: четыре месяца в лазарете, восемь месяцев в лагерях в [г.] Бургштале[5], и около года [батрачил] у помещика Шнурс[а] – в Польше.

Когда находился в лагерях, мне удалось прочитать много политической литературы. В лагере была богатая библиотека и для меня [это] было очень удивительно, что там свободно можно было читать о политике. Вот [там] я впервые услышал о Ленине. В лагере часто [происходили политические] споры-диспуты, [так как] многие из военнопленных хорошо разбирались в политике. В спорах с

[2] Благодарю за предоставленные материалы Лелякову Н.Н. - библиотекаря Нижнедобринской библиотеки.

[3] 74-й Ставропольский пехотный полк входил в состав 19-й пехотной дивизии Русской императорской армии. Место стоянки – г. Умань. Дивизия входила в состав XII армейского корпуса

[4] Генерал от кавалерии А.А. Брусилов командовал 8-й армией, с 17 марта 1916 г. – Юго-Западным фронтом.

[5] Видимо, имеется в виду населенный пункт в австрийской Штирии недалеко от Граца.

офицерами они [рядовые солдаты и унтер-офицеры] стояли за Ленина, тогда как офицеры были за Керенского. Это мне служило своего рода школой [политграмоты].

В лагере была страшная голодовка. Из четырех тысяч пленных ежедневно умирали не менее 10 человек. Выживали только крепкие – притом не курящие, т.к. курящие [обменивали свою] часть пайки хлеба на табак.

[Часть пленных батрачила в хозяйствах бауэров – авт.] У помещика пленным было тоже нелегко, [так как] помещик выжимал из нас все что мог. Нас, пленных, было десять человек, из [них] мне жилось относительно лучше, благодаря тому, что я знал столярное и колесное дело. Мне [платили] больше, а остальным - 50 коп[еек] в месяц, [так как] они были чернорабочими. Питание было [скудным].

Я выписывал газету «Неделя» на русском языке, [которая] выходила раз в неделю - ее издавали русские меньшевики. Кроме этого, я выписал календарь для пленных, где было указано, какими правами должен пользоваться пленный!

На основании этого я стал настоятельно требовать от помещика улучшения бытовых условий для моих пленных товарищей. По ночам нас охранял пост[овой], присланный помещику из армии. С ним я вел все время споры на политические темы и [однажды] дело дошло до того, что он пытался меня приколоть штыком. [Охранник] и помещик по национальности были евреями, а поэтому пост[овой] передавал [ему] о наших спорах и меня [однажды даже] арестовывают. Жандарм скрутил назад руки и надел мне наручники, но под арестом меня продержали всего одни сутки. [За] это время ко мне, по очереди, приходили агитировать: законницы, это вроде наших бывш[их] монашек, только они имели среднее образование; затем жандарм; затем управляющий и наконец сам помещик, он же раввин; чтоб я отказался от [выдвинутых] мною требований.

Конечно, они со мной не стали бы так нянчится, если бы не моя работа, которая была для помещичьего хозяйства очень дефицитная. Я это чувствовал.

Они грозили мне, что отправят [обратно] в лагерь, но я знал, что не отправят, [но все же] пошел на некоторый компромисс. [Мне удалось] все же добиться улучшения товарищам – нам сменили постели, улучшили питание и одежду.

В 1918 году в Австрии [возникла] революционная [ситуация] - их солдаты бросили фронт и эшелонами ехали домой. Вот в это время и мы, вместе с ними, добрались до границы, а [затем] уже до Киева.

В Киеве на станции скопилось очень большое количество пленных - поезда не успевали разгружать. В [городе] свирепствовал атаман Петлюра. Петлюровцы устраивали на станциях митинги, стараясь сагитировать пленных и завербовать [их] в свою армию. [Однако] из тысяч пленных я не видел, что бы кто согласился вступить [в их ряды].

Немцы в то время оккупировали Украину - вплоть до Харькова.

Когда я находился в [здании] Киевского вокзала [к перрону] подошел германский поезд с классными вагонами. В дверях вокзала сразу [была выставлена] германская охрана, но один проход [остался свободным]. Я быстро сообразил, что надо [покинуть] вокзал. [Выйдя на перрон, заметил, что] на путях стоит поезд, примерно из восьми вагонов, вдоль [них] прохаживается охрана. [В вагонах, кроме последнего, зажгли] свет. [Воспользовавшись] моментом я вскочил в вагон. В одном из купе [был] слышен немецкий разговор, [но я осторожно] влез на верхнюю полку. Поезд через несколько минут тронулся, [а] я тут же уснул, потому что был измучен дорогой.

Проснулся на рассвете, [когда] поезд остановился, [и], ни кем незамеченный, быстро выскочил [из вагона].

Вскоре я добрался до Харькова – до распределительного пункта, [где] нам [пленным солдатам] выдали проездные билеты. Я получил билет [до] Саратова. [По приезду в пункт назначения бывших] пленных обмундировали и каждого направили по месту своего жительства. [В Камышин] я прибыл пароходом – в ноябре 1918 года…[6].

[6] Вместе с Ф.Г. Ивановым в Нижнюю Добринку в 1918 г. вернулся и другой пленный – Павел Фролович Бочков.

ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ

ВОЕННЫЕ ЦЕРКВИ И ВОЕННОЕ КЛАДБИЩЕ САРАТОВА

Аннотация: в статье представлена инфраструктура и история военных церквей Саратова конца XIX – начала XX вв., приведены фамилии и условия жизни священников. Освещена также история военного кладбища Саратова, ныне не существующего, планы постройки на нем храма-памятника героям Великой войны.

Ключевые слова: Саратов, военные церкви, военное кладбище, духовенство.

Abstract. The article presents the infrastructure and history of military churches of Saratov in the late XIX – early XX centuries, given the names and living conditions of priests. The history of the military cemetery of Saratov, which does not exist now, plans to build a temple-monument to the heroes of the Great war are also covered.

Key words: City of Saratov, military churches, military cemetery, clergy.

С.А. Бондарь (Саратов)

Различные военные части, дислоцировавшиеся в Саратове до революции, имели свои церкви. Это были не капитальные постройки, а переносные сооружения типа больших палаток. Так, в 1890 году в «Саратовских епархиальных ведомостях» упоминаются Николаевская церковь Имеретинского и Троицкая церковь Кутаисского полков[1]. Эти церкви попадали в Саратов вместе с полками и с ними же уходили из города.

Александро-Невская церковь

Первая по времени основания Александро-Невская полковая церковь была построена по решению военного совета, утверждённому Императором Александром III, 9 декабря 1893 года. Церковь эта, как говорится в клировых ведомостях, находилась в каменном здании, «пристроенном к арендуемым городом для войск казармах». Эти казармы располагались в доме наследников купца В. В. Гудкова на Камышинской (с 1940 г. им. В.Г. Рахова) улице, на территории современной школы №18 и дальше вглубь участка почти до Мирного переулка.

Строительство полковой церкви на 500 человек шло в течение 1894 года, и 29 января 1895 года Александро-Невская церковь была освящена. В тот же день священнодействован антиминс.

В 1898 году про эту церковь сказано, что она временно находится «в отдельном каменном здании на дворе городского дома ввиду окончательнаго устройства здания в 1899 году». Но и в 1899 году церковь всё ещё временно находилась во дворе, где были разные части саратовского гарнизона.

Наконец, новая церковь была построена при новых казармах на Московской улице, на углу Московской и Губернаторской (ныне им. С. Разина). Строили этот храм на средства города. В новом здании могло находиться 600 человек.

[1] Саратовские епархиальные ведомости. 1890. № 10. Неофиц. отдел. С. 414, 418.

Освящена церковь 21 мая 1900 года на старом антиминсе, очевидно, взятом из прежней церкви в казармах на гудковском месте.

Престол в церкви был один: во имя святого благоверного Великого Князя Александра Невского (память 30 августа), по желанию чинов 57-й резервной бригады — тезоименитый Императору Александру III.

С 1 января 1894 года казна начала отпускать на содержание церкви 85 рублей 75 копеек серебром в год.

Приказом по военному ведомству от 1 октября 1904 года Александро-Невская церковь была закрыта, её содержание 85 рублей 75 копеек серебром и штат причта ликвидированы. Закрытие подразумевало не ликвидацию капитального здания церкви, а то, что службы для военных будут проводиться здесь по мере необходимости.

Очевидно, и Саратовская епархия имела на Александро-Невскую церковь свои виды. В сентябре 1915 года к ней был прикомандирован псаломщик-диакон А.М. Норкин, назначенный к 90-му запасному батальону. А весной 1918 года в Александро-Невский храм был командирован протоиерей Вячеслав Травинский.

Закрыли церковь в 1925 году. Губернский музей в своём отчёте за этот год писал: «В отчётном году ликвидированы 2 церкви: Александро-Невская, бывшая военная, и Киновийская», ибо, по мнению музейщиков, не представляли ни художественной, ни исторической ценности. Утварь обеих церквей передали в Сретенскую церковь и Александро-Невский собор[2]. То, что церковь была закрыта именно в 1925 году, подтверждается личным дело её протоиерея Вячеслава Александровича Травинского, в котором сказано, что он служил в этом храме с 1918 по 1925 годы, после чего перешёл в Сретенскую церковь Саратова[3].

Александро-Невская церковь сохранилась до наших дней в сильно перестроенном виде (Московская, 161, угол улицы им. С. Разина).

Приписные церкви

Приписная к главной церковь, тоже Александро-Невская, была освящена епископом Саратовским и Царицынским Николаем (Налимовым) 27 февраля 1894 года[4]. Антиминс священнодействован в день освящения. Вместимость церкви составила 400 человек. Причта при ней не было положено. Приписана к Александро-Невской церкви распоряжением Духовного правления при протопресвитере от 11-12 апреля 1895 года. Эта была церковь 228-го Хвалынского резервного батальона, входившего в 57-ю бригаду и находившегося в городских казармах. Храм располагался в одной комнате. По сведениям В.И. Давыдова, эта церковь находилась в военном городке, то есть в районе бывшего ракетного училища[5].

При обеих Александро-Невских церквях, главной и приписной, были устроены хоры церковных певчих из нижних чинов, каковые хоры пели при богослужении под руководством офицеров.

---

[2] Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.Р-1103. Оп.1. Д.6.

[3] Протоиерей Вячеслав Александрович Травинский. Саратовский епархиальный архив. Личное дело.

[4] Саратовские епархиальные ведомости. 1894. № 6. Неофиц. отдел. С.289-290; краткое сообщение об этом см.: там же. № 7. Офиц. отдел. С.98.

[5] Саратовское высшее военное командно-инженерное Краснознамённое ордена Красной Звезды училище ракетных войск имени Героя Советского Союза генерал-майора А.И. Лизюкова (СВВКИУ РВ), расформировано в 2003 г.

С 1904 года приписная Александро-Невская церковь в клировых ведомостях не отмечается. Вместо неё пишется про походную Петропавловскую церковь с переносным престолом. Эта церковь была освящена 25 июля 1904 года[6]. Антиминс её священнодействован 6 июля 1904 года епископом Гермогеном (Долганёвым). Церковь устроена на средства военных 57-й бригады с употреблением на неё 600 рублей из сумм бригадной церкви. Храм деревянный, крыт железом, с шестью щитами в стенах, которые, в случае надобности, при богослужении поднимаются.

Причт церкви и его содержание

Причт составляли священник и псаломщик. Священник с 1894 по 1897 годы получал 932 рубля серебром, в 1898 году 1123 рубля 50 копеек серебром, с 1899 года 1291 рубль 50 копеек серебром, с 1902 года 1330 рублей 50 копеек серебром. Доходы его складывались из жалованья, столовых и квартирных на общем основании «наравне с капиталом ротным командирам». Позже священник столовых не получал, а имел деньги «за выслугу первого десятилетия по силе приказа по В[оенному] В[едомству] 1888 года за №45».

Псаломщик с 1894 года получал 240 рублей серебром, с 1898 года 360 рублей серебром. Доходы его складывались из жалованья плюс из квартирных денег.

Фактически вышло так, что в церкви был один постоянный священник, а обязанности псаломщика исполнял кто-то из солдат.

Единственным настоятелем Александро-Невской церкви был Василий Константинович Борисоглебский. Он родился 28 января 1852 года в Покровской слободе Новоузенского уезда Самарской губернии в семье псаломщика. В 1874 году окончил Самарскую духовную семинарию по 2-му разряду. Священник Крестовоздвиженской церкви села Ивановки Новоузенского уезда (1877 — 1880). С 13 февраля 1880 года служил по духовному ведомству. С 23 февраля 1894 года — настоятель Александро-Невской полковой церкви Саратова (не позднее 1905). После упразднения церкви, Духовным правлением при протопресвитере военного и морского духовенства (распоряжением от 30 октября-5 ноября 1904 года) оставлен при этой церкви до 1 января 1905 года.

К 1894 году был вдов, детей не имел. В Саратове о. Борисоглебский жил в наёмной квартире.

По сведениям И.Н. Плешакова, протоиерей Борисоглебский в 1905 году отправился на войну с Японией, а потом до конца жизни служил во Владивостоке гарнизонным священником.

Приход Александро-Невской церкви

	военные		статские		Всего
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	
1894	2132	78	11	8	2229
1896	2259	152	12	15	2438
1900	2186	216	14	15	2431
1904	21	8	2	—	31

[6] Саратовские епархиальные ведомости. 1904. № 17. Офиц. отдел. С. 538.

Михаило-Архангельская церковь в военном городке

В начале XX века в северной части Саратова, над верховьями Глебучева оврага, за Воскресенским кладбищем, по проектам архитектора Карпенко были построены здания военного городка. В значительной степени эти постройки сохранились до наших дней в виде жилых и общественных зданий на Артиллерийской улице и улице Навашина, а также попавших на территорию артиллерийского (впоследствии ракетного) училища. Последней дореволюционной постройкой военного городка стала Михаило-Архангельская церковь. Подробности её строительства неизвестны, а освящена она была епископом Петровским, викарием Саратовской епархии, Дионисием (Прозоровским) 6 ноября 1915 года[7].

Михаило-Архангельская церковь, как находящаяся на территории военных, была закрыта почти сразу после революции. 19 июля 1921 года заведующий губполитпросветом известил церковную секцию отдела юстиции губисполкома, что «церковь в Военном Городке Саратовским Губполитпросветом использована не будет, а посему передается в Ваше ведение». В свою очередь, военный комиссар комкурсов бригады саратовского военного округа Гринштейн просил о передаче церкви в ведение 2-й запасной бригады комкурсов, «в состав коей входят двое пехотных курсов, одни артиллерийские и одни кавалерийские». «Не имея ни одного подходящего помещения для общей читальни Бригады, — писал Гринштейн, — Политотдел просит о предоставлении на этот предмет помещения церкви, вполне отвечающей требованиям библиотеки-читальни». И добавил, что уполномоченным по ведению переговоров с отделом юстиции от политотдела бригады назначен комиссар вторых пехотных курсов Новиков[8]. Чем кончилась эта история, неизвестно.

Позднее Михаило-Архангельская церковь была снесена. Историк А.П. Сидоровичев установил, что стояла она на месте жилого дома по адресу улица Артиллерийская, 1, построенного в 1958 году.

Район бывшего ракетного училища в Саратове до сих пор в просторечии именуется Военным городком.

Военное кладбище

До революции с северо-западной стороны от Воскресенского кладбища, впритык к нему находилось военное кладбище, на котором хоронили всех военнослужащих, умерших в Саратове. Кладбище это было небольшим: судя по карте 1912 года, оно тянулось от Воскресенского кладбища на всю ширину от железной дороги до Глебучева оврага, которые в этом месте очень близко подходят друг к другу. Ещё дальше, в районе моста через новую дорогу у нынешнего Студгородка, находился аэродром. На военном кладбище стояла каменная часовня (имя её неизвестно), построенная в 1888 году. Часовня эта была приписной к Александро-Невской полковой церкви Саратова.

16 декабря 1916 года в покоях епископа Палладия (Добронравова) собрались губернатор С.Д. Тверской, саратовский городской голова М.Ф. Волков, воинский начальник, начальник Саратовского управления земледелия и государственных имуществ М.Г. Гуржия, старший советник Саратовского губернского правления

[7] Атаевский Михаил, священник. Архиерейские служения // Саратовские епархиальные ведомости. 1915. №32. С.1363; там же. №33. С.1389.

[8] ГАСО. Ф.Р-546. Оп.1. Д.117. Л.80, 81-81об.

статский советник Н.М. Коханский, архитектор М.Г. Зацепин, секретарь консистории П.П. Львов и особая комиссия духовного ведомства. По предложению Преосвященного был решён вопрос о месте для возведения церкви-памятника героям войны. В тексте «Саратовских епархиальных ведомостей» оно обозначено так: «место 90 квартала православного кладбища г. Саратова, между военным и воротами православного кладбища».

«Храм-памятник решено построить на видном месте кладбищенской ограды, где памятник будет видим и с поезда железной дороги, и с полотна трамвая, пролегающего в Монастырскую слободку». От духовенства в комитет по строительству вошли архимандрит Феофил (Богоявленский), протоиерей Е. Шкенёв и священники И. Востриков и М. Платонов. Протоиерею Шкенёву было поручено составить подробный список всех умерших с 19 июля 1914 года в городе Саратове воинов. «Имена их с точным обозначением происхождения и дня смерти каждого воина будут написаны в храме-памятнике для вечного поминовения». Под церковью предположили устроить склепы для могил воинов. Вопрос о строительстве храма должен быть внесён на ближайшее рассмотрение городской думы, после чего откроется подписка для сбора пожертвований на её строительство[9].

Зимой 1916-17 гг. на военном кладбище собирались строить церковь в память Великой (Первой мировой) войны. Церковь возвести не успели, так как началась революция, а вскоре исчезло и само военное кладбище. Точное время его уничтожения неизвестно, но это произошло ещё до Второй мировой войны. Косвенным свидетельством этому могут служить даты захоронений на окраинных участках Воскресенского кладбища, разместившихся на месте военного: это три послевоенных десятилетия, начиная со второй половины 40-х годов и кончая закрытием кладбища в 1977 году. Старейшей могилой здесь можно считать захоронение игумении Антонии (Заборской), умершей в 1942 году (ныне её тело перенесено на территорию женского монастыря на 1-й Дачной остановке). Не исключено, что и современные братские могилы также раскинулись поверх захоронений дореволюционных военных.

Сейчас на месте военного кладбища находится часть вагоноремонтного завода, отрезок Соколовой улицы, переходящей здесь в улицу имени А.П. Шехурдина, и весь нынешний северо-западный угол Воскресенского кладбища, которое в советские годы было расширено в эту сторону, поглотив значительную часть военного погоста.

[9] *Ъ.* Храм-памятник второй отечественной войны в городе Саратове // Саратовские епархиальные ведомости. 1917. № 1. С. 33.

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ В ИМЕНАХ КОРАБЛЕЙ ВОЕННОГО ФЛОТА

Аннотация. Автор предлагает взгляд на мемориализацию исторических событий в России и СССР. Этот процесс связан с победной мифологией и рассматривается автором на материале названий кораблей военного флота. В статье показано, как влияли те или иные события в жизни страны на именования кораблей. Названия кораблей рассматриваются как важные символические позиции со значительной смысловой нагрузкой.

Ключевые слова: Россия, СССР, военный флот, название, символическое пространство

Abstract. The author offers a look at the memorialization of historical events in Russia and the USSR. This process is associated with the victorious mythology and is considered by the author on the material of the names of ships of the Navy. The article shows how certain events in the life of the country influenced the naming of ships. The names of the ships are seen as an important symbolic position with significant meaning.

Key words: Russia, USSR, navy, name, symbolic space

Лапин В.В. (Санкт-Петербург)

С древнейших времен разного рода мемориальные сооружения играли роль долговременных монументальных презентаций доминирующих политических установок, прославляя деяния правителей. Эти памятники обычно занимали центральные пункты символического пространства (главные площади и улицы главных городов, площадки в границах правительственных резиденций и т.д.). Нередко они сами, превращаясь в объекты поклонения, создавали такие пункты. Они становились своеобразными вехами, обозначающими основные контуры национальных (государственных) исторических мифов. Ранжирование памятников по различным критериям («почетность места», размер и художественная ценность, включенность в коммеморативные ритуалы и т.д.) позволяет различить акценты, которые расставлялись в различные исторические эпохи.

Кроме строений из бронзы и камня роль памятников успешно играли суда. Сама корабельная архитектура редко кого оставляет равнодушным, даже в скромных речных пароходах много притягательного. А боевые башни линкоров, высокие стройные мачты фрегатов, изящные контуры миноносцев и подводных лодок придают боевым кораблям вид сооружения, притягивающего взгляд.

Во многих случаях монументы в честь какой-то персоны не имеют с таковой портретного сходства, и важнейшим идентификационным признаком являются надписи на постаменте. Поэтому нет принципиальной разницы между обелиском и судном с «историческим» именем на борту, - оба вполне могут считаться средством увековечивания памяти о человеке или о событии.

В дореволюционном флоте России примерно каждый пятый крупный корабль (линейные корабли, фрегаты и корветы) служил своеобразным плавучим памятником, указывавшим на торжество русского оружия: «Нарва», «Полтава», «Севастополь», «Чесма», «Гангут». Таким же указанием являлись линейные корабли «Пантелеймон-Виктория», «Сисой Великий». Первый был назван в честь побед при Гангуте (27 июля 1714 г.) и Гренгаме (27 июля 1720 г.), в день поминовения этого святого. «Сысой Великий» напоминал о Готландском сражении 6 июля 1788 года, когда русский флот взял верх над шведским флотом. Кроме того, в ходу была «передача» имени корабля, отличившегося в боях, но погибшего или

пришедшего по старости в негодность, новому судну («Евстафий», «Двенадцать Апостолов», «Императрица Мария», «Память Азова», «Память Меркурия»). Менее распространенной, но устойчивой была практика использования имени некогда захваченного неприятельского корабля. Во время Выборгского сражения 23 июня 1790 года шведы спустили флаг на 64-пушечном «Ретвизане» (швед. Rättvisan – справедливость), который затем вошел в состав Российского флота. После того, как срок его службы закончился, это имя, а вместе с ним и память о Выборгской победе перешло к двум парусным линейным кораблям, одному винтовому и, наконец, к броненосцу, погибшему в Порт-Артуре во время Русско-Японской войны 1904-1905 гг.[1]

Эскадренные броненосцы «Пересвет» и «Ослябя», построенные на рубеже XIX - XX вв. предназначались для действия в Тихом Океане против Японии. Они строились в атмосфере информационной кампании по поводу так называемой «желтой опасности», что объясняло присвоения им имен иноков Троице-Сергиевой лавры, сложивших головы в битве с монголами на Куликовом поле[2].

Сложилась устойчивая традиция давать «славные» или «воинственные» названия только крупным кораблям. Остальным выбирали имена из географии, фауны, вооружений или явлений природы: «Уссури», «Сестрорецк», «Касатка», «Ерш», «Пантера», «Кольчуга», «Шквал». Малые суда (гребные, парусные и паровые) довольствовались номерами[3]. В каронимике прослеживается иерархизация: самые крупным кораблям давали самые «громкие» имена. Так, четыре линкора постройки 1911 - 1917 гг. назвали «Гангут», «Полтава», «Севастополь», «Петропавловск». На Черноморском флоте к тому времени еще не были списаны на металлолом устаревшие броненосцы «Синоп» и «Чесма».

Взгляд на ментальную карту «российской морской славы» позволяет выделить на ней шесть именно эти шесть основных пунктов: Гангут, Чесма, Наварин, Петропавловск, Синоп и Севастополь. Эти события по упоминаемости в исторических произведениях всех жанров занимают безусловно лидирующие позиции в отечественном военно-историческом мифе. Победа при Гангуте над шведами в 1714 году имеет явную связь с превращением России в великую морскую державу. Разгромы турок при Чесме в 1770 г. и Наварине в 1827 г. подтверждали этот статус. Герои сражений Крымской войны 1853 - 1856 гг. при Севастополе, Синопе и Петропавловске были героями стратегического противостояния Западу, покусившемуся на это величие.

Единственными персонами (не легендарными личностями и не членами августейшей фамилии) в честь которых были названы боевые корабли высшего класса (эскадренные броненосцы), в дореволюционной России оказались Г.А. Потемкин и А.В. Суворов, что полностью соответствует «первым номерам» этих людей в списке отечественных полководцев.

Имена людей, вошедших в отечественный военный пантеон, оказались на бортах фрегатов, кораблей, стоявших в национальном историческом мифе «на вторых позициях». Все эти корабли были построены в пореформенное время

---

[1] Балакин С.А. Эскадренный броненосец «Ретвизан». М., 2005.

[2] Гузей Я.С. «Желтая опасность»: представления об угрозе с Востока в Российской империи в конце XIX – начале XX в. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. СПб. 2014.

[3] Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872; Vladimir Lapine. Les noms des navires de guerre // Les sites de la memoir russe. T.1. Geographie de la memoire russe. Sous la direction de Georges Nivat. Paris. 2007. P.333-353; Моисеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М., 1948.

(1860-е гг.), что полностью совпадает с уровнем «либерализации» эпохи Александра II («Адмирал Спиридов», «Адмирал Грейг», «Адмирал Лазарев», «Адмирал Чичагов», «Князь Пожарский», «Минин»). В 1880-е гг. в списках флота и в рамках так называемого «севастопольского культа» появляются крейсера 1-го ранга «Адмирал Нахимов» и «Адмирал Корнилов». Это также отвечало тенденции «расширения круга» значимых исторических деятелей, извлечения из забвения многих событий отечественной истории. Здесь уместно вспомнить многофигурный памятник «Тысячелетию России», воздвигнутый в 1862 году в Великом Новгороде. Развитие исторического отечественного мифа привело к тому, что вспомнили фигуры полководцев и флотоводцев, оказавшихся по разным причинам в своеобразной коммеморативной тени. В 1892 - 1894 гг. в списки флота были зачислены три однотипных броненосца береговой обороны «Адмирал Сенявин», «Адмирал Ушаков», «Генерал-адмирал Апраксин». По своему классу они были «ровня» крейсерам.

Но в целом во второй половине XIX – начале XX вв. по-прежнему линейным кораблям давали имена в честь побед и монархов («Севастополь», «Гангут», «Императрица Мария», «Александр III»), крейсерам 1-го ранга имена полководцев «1-го ранга» («Адмирал Макаров», «Адмирал Грейг»), а кораблям менее значительным – названия драгоценных камней, античных богов и героев, а совсем незначительным – из области флоры и фауны. Когда судно переходило из разряда боевых в разряд портовых, использовался как мастерская, причал или склад, его также лишали громкого имени и присваивали номер.

Поскольку борьба за публичное пространство всегда и везде считалась важнейшим полем боя между противостоящими силами (политическими, национальными, религиозными и т.д.), существование на них враждебного монументального символа считалось чем-то совершенно неприемлемым. В этой связи памятники, становившиеся неугодными, демонтировались или перестраивались до неузнаваемости.

Символическое «перепосвящение» корабля, не имевшего ни малейшего внешнего сходства с историческим лицом или событием, производилось предельно просто: его переименовывали. Когда после дворцового переворота 25 ноября 1741 года стирали из памяти Ивана VI, несчастного заложника династических игр, заточенного еще младенцем и в заточении же убитом, линейный корабль «Иоанн» переименовали в «Святой Петр». Нет ясности в причинах переименования Павлом I 66-пушечного корабля, заложенного под именем «Граф Орлов», в «Святого Михаила». Но сам слух о том, что император не пожелал иметь в списке своего флота судно, увековечивавшее память об одном из убийц его отца, царя Петра III, свидетельствует о большой символической значимости имени на борту.

В 1905 году после восстания на броненосце «Потемкин Таврический» его имя стало символом освободительной борьбы. Поэтому в борьбе на символическом пространстве корабль переименовали в «Пантелеймон», но после свержения царизма ему в апреле 1917 года вернули революционное имя. Однако фамилия царского вельможи плохо вязалась с политической обстановкой в России, и уже в мае корабль стал «Борцом за свободу». Крейсер «Очаков», на котором лейтенант П.П. Шмидт поднял красный флаг, в наказание был переименован в «Кагул», в марте 1917 года снова стал «Очаковым». В 1919 году, когда Белое движение стало формировать свой миф, корабль, попавший в руки борцов с большевизмом,

назвали «Генерал Корнилов»[4]. Продолжением дореволюционной практики «экзекуционного» переименования стал случай с «Петропавловском» и «Севастополем», которые в 1921 г. стали «Маратом» и «Парижской коммуной». Своего родового имени эти дредноуты лишились за участие в Кронштадтском антибольшевистском восстании[5]. Экипаж линкора «Гангут», не принимавший участия в восстании, тем не менее, стал «Октябрьской революцией».

Накануне и особенно во время Великой Отечественной войны шел активный процесс «возвращения к корням», выражавшийся в частности в том, что из забвения извлекались российские герои прошлых веков, - герои и их подвиги. В 1943 году это выразилось в возвращении «Петропавловску» и «Севастополю» их прежних названий, но «Гангут» остался с новым именем. Это произошло скорее всего потому, что статус событий 25 - 26 октября 1917 года в Петрограде был значительно выше победы над шведским флотом в 1714 году.

Война с Японией в 1904 - 1905 гг. была уникальной в том смысле, что российские армия и флот не одержали в ней ни одной победы. Даже в Крымской войне, по результатам которой Александр II был вынужден после падения Севастополя заключить невыгодный мир, русское оружие торжествовало несколько раз: турецкая эскадра уничтожена в бухте Синоп, в Закавказье взяты сильнейшие крепости Карс, Эрзерум и Ардаган, турецкие войска наголову разбиты при Башкадыкляре. А вот в Манчжурии и на Тихом океане одна неудача сменяла другую, еще более обескураживающую. Не без оснований общество винило в происходящем высший командный состав. При этом настоящими героями объявлялись офицеры, которой своей кровью «смывали позор поражения». В 1905 в строй вступили эсминцы «Капитан Юрасовский» и «Лейтенант Сергеев». Эти имена в годы войны были известны всей России: Юрасовский командовал миноносцем «Страшный», Сергеев – миноносцем «Стерегущий». Оба корабля практически при одинаковых условиях погибли в неравном бою с японцами, но затем «Стерегущий», благодаря легенде о затоплении корабля оставшимися в живых членами экипажа, стал символом героизма моряков. Внимание к этим событиям было так велико, что справедливым признали присвоение кораблям имен других офицеров, погибших вместе с этими миноносцами. Так под Андреевским флагом появились эсминцы «Лейтенант Малеев», «Инженер-механик Анастасов», «Инженер-механик Дмитриев». Инженер-механик В.В. Зверев, служивший на миноносце «Сильный», погиб в бою 14 марта 1904 г. Снарядом пробило паропровод в машинном отделении, и все, кто в нем был, сварились заживо. Мученичество и героизм в военно-историческом мифе являлись практически синонимами, и название миноносца «Инженер-механик Зверев» стало еще одним тому подтверждением.

Построенные на добровольные пожертвования миноносцы «Донской казак», «Амурец», «Уссуриец», «Забайкалец», «Охотник», «Пограничник», «Сибирский стрелок» были знаком общественного признания боевых заслуг казаков Донского, Амурского, Уссурийского и Забайкальского войск, а также офицеров и солдат Сибирских стрелковых корпусов, пограничной стражи и членов особых команд охотников-добровольцев.

В 1910 - 1917 гг. было построено несколько эскадренных миноносцев типа «Новик». Часть из них была названа в память о победах русского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова («Фидониси», «Корфу», «Занте»), а часть – по

[4] Мельников Р.М. Крейсер «Очаков». Л., 1986.

[5] Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С.243.

именам моряков, отличившихся в войнах России. Поскольку эти герои почти все были в невысоких чинах, корабли стали называть «эсминцы-лейтенанты», что воспринималось как форма отдания чести «простым офицерам» флота, бездарно погубленным по вине командования. Но правила без исключения не бывает. Два военачальника высшего ранга были «назначены» героями этой войны. В армии таковым стал генерал-майор Р.И. Кондратенко, во флоте - вице-адмирал С.О. Макаров. Они также не одержали победы, но сложили головы на боевом посту рядом со своими подчиненными, и этого уже оказалось достаточным для увековечивания их памяти в названиях боевых кораблей (эскадренный миноносец «Генерал Кондратенко» и крейсер «Адмирал Макаров»).

В 1917 г. началось переименование кораблей в духе эпохи: «Свободная Россия», «Республика», «Террорист», «Лейтенант Шмидт», «Коминтерн», «Карл Маркс», «Гарибальди», «Карл Либкнехт», «Карбонарий», «Декабрист» и т.д.[6] Этот процесс носил поистине тотальный характер. Броненосец Черноморского флота «Евстафий» в 1921 г., буквально за месяц до отправки на слом, был переименован в «Революцию».

Процесс переименования кораблей являлся частью символической революции, когда стихийно и целенаправленно убирались знаки «царских» побед, военачальников и героев, которым уже не было места в контуре нового, уже советского, героического мифа.

Навстречу «красной» волне переименований шла «белая» волна. Линкор «Император Александр III», переименованный в 1917 году еще Временным правительством в «Волю», в 1918 году стал «Генералом Алексеевым» по имени одного из основателей Добровольческой армии. В 1919 - 1920 гг. речные канонерские лодки «белых», действовавшие на Волге, назывались «Адмирал Макаров», «Доброволец», «Каледин». Против них сражались такие же боевые единицы «красных» - «Ваня-коммунист», «Каляев», «Емельян Пугачев», «Сталин»[7]. В 1919 году Днепровскую «коммунистическую» флотилию пополнили речные канонерки, представлявшие собой вооруженные пароходы «Стенька Разин» и «Троцкий»[8]. По мере того, как росла политическая фигура И.В. Сталина, по мере того, как он в истории Советской России превращался в главного организатора победы в Гражданской войне, повышался и ранг кораблей, названных в его честь. Первым стал эсминец «Самсон». Случайно или сознательно для этой цели был выбран корабль, напоминавший о подвиге библейского героя, разорвавшего руками льва, неизвестно. Самсон в аллегорической системе XVIII столетия означал Россию, побеждающую Швецию (лев - геральдический знак этого королевства). Поэтому на заре советской власти такое превращение должно было быть лестным для Сталина. Но таких эскадренных миноносцев, почти неотличимых друг от друга в морской дымке по причине однотипности, в российском флоте было более четырех десятков. С 1922 года в море выходил и его близнец, эсминец «Ленин» (бывший «Лейтенант Изыльметьев»), с 1926 г. – «Яков Свердлов» (бывший «Новик»), «Карл Либкнехт» (бывший «Капитан Белли»), «Карл Маркс» (бывший «Изяслав»), Калинин (бывший

[6] Колоницкий Б.И. Указ. соч. С.233-244.

[7] Черников И.И. Тяжелые канонерские лодки Днепровской военной флотилии. // Судостроение. 1999. №5; Гражданская война в СССР. Материалы и документы. Под редакцией флагмана 2-го ранга доцента Н.А.Бологова. Ч.6, Л., 1939. С.29, ч.7 и 8, С.39, 88, 93-94.

[8] Черников И.И. Тяжелые канонерские лодки Днепровской военной флотилии. // Судостроение. 1999. №5.

«Прямислав»), в 1921 г. «Володарский» (бывший «Победитель»), «Энгельс» (бывший «Десна»), с 1926 г. «Дзержинский» (бывший «Калиакрия»).

После Великой Отечественной войны эсминец всего в 1500 тонн водоизмещения уже никак не соответствовал званию генералиссимуса, и кораблю без лишнего шума вернули его историческое имя «Самсон».

Во время Гражданской войны 1917 - 1921 гг. в России значительную часть экипажей бронепоездов обеих противоборствующих сторон составляли военные моряки, считавшие свой бронепоезд неким сухопутным кораблем. Под красным флагом сражались «Борец за свободу», «Пугачев», под белым – «Адмирал Непенин», «Адмирал Колчак», «Дмитрий Донской», «Князь Пожарский».[9] В последнем случае мы видим, что в символическом ряду Белого движения смешиваются названия, традиционные для дореволюционного русского флота, и знаки антибольшевистских сил.

В 1919 году эсминец «Лейтенант Ильин» назвали «Гарибальди», а в 1922 году председатель Реввоенсовета Лев Давыдович Троцкий получил новогодний подарок: 31 декабря этот эсминец был переименован в его честь. Здесь можно усмотреть сильный символический ход. Ради его возвеличивания на борту боевого корабля закрасили фамилию не какого-то «золотопогонника», а человека, который входил в первую десятку героев-борцов за счастье трудящихся всего мира! Дальнейшую историю корабля предугадать нетрудно: как только «льва революции» окончательно разжаловали в «гиену контрреволюции», то пары ведер серо-голубой краски хватило для того, чтобы его имя исчезло, а на его месте стала красоваться надпись «Войков». Так в военном флоте СССР появился корабль в честь революционера П. Войкова, убитого в 1927 году в Варшаве. Тогда же в известной песне «Красная армия всех сильней» слова «С отрядом флотских //Товарищ Троцкий// Нас поведет в смертельный бой», заменили на соответствующие моменту: «И все должны мы// Неудержимо // Идти в последний смертный бой!». Бывшего кумира вырезали из фотографий, его книги изымались из библиотек, на карте РСФСР вместо города Троцк (до 1922 г. Гатчина) появился город Красногвардейск.

Количество кораблей с одинаковым памятным названием также является свидетельством важности события (лица) для отечественного военного мифа. В 1712 году со стапеля Петербургского адмиралтейства был спущен 54-пушечный корабль «Полтава» - первый линейный корабль, построенный на берегах Невы, в проектировании и строительстве которого принимал личное участие Петр I. Затем это имя было присвоено линейным парусным кораблям, построенным в 1743, 1754, 1808 и 1829 гг. Потом «Полтавой» назвали броненосец, пароход Добровольного флота и линейный корабль дредноутного типа. Вряд ли найдется человек, сомневающийся в особом месте Полтавской битвы в военной истории России. В 1996 году в честь 300-летия российского флота Банк России выпустил серию из 15 юбилейных монет, каждая из которых была посвящена одному из кораблей российского флота. В составе серии вышла и монета номиналом в 100 рублей, на реверсе которой изображён линейный корабль «Полтава». В 2017 году под крылом Газпрома началась реализация проекта «Полтава» (… «достоверное воссоздание в музейных целях первого крупного корабля Российского военно-морского флота, спущенного на воду в Санкт-Петербургском Адмиралтействе»). 6 марта 2015 года на Воскресенской набережной в Санкт-Петербурге был открыт памятник «Полтаве».

[9] Кадесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы под андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917 - 1922 гг. СПб., 1991. С.30, 49.

Многое значила для России успешная осада Нарвы в 1704 году: был взят реванш за унизительное поражение 1700 года, обеспечена безопасность Ингерманландии – исторического района, примыкающего к юго-восточному побережью Финского залива и обеспечивавшего свободный выход к морю. Не случайно поэтому под Андреевским флагом последовательно плавали восемь кораблей «Нарва» и пять – «Ингерманланд».

В XVIII веке войска под командованием П.А. Румянцева и А.В. Суворова громили турок на суше, а флот под руководством Ф.Ф. Ушакова – на море. Ларга, Кагул, Измаил, Очаков, Кинбурн, Керчь, Тендра, Калиакрия, Фидониси – стали новыми символами воинской славы, но новыми именами для боевых кораблей они стали гораздо позднее. Можно предположить, что причиной тому было сдержанное отношение высшего морского начальства к Ф.Ф. Ушакову, стремление Павла I притушить блеск деяний свой матери, нежелание Александра I вспоминать об обоих предшествующих царствованиях.

Поскольку флот в сражениях с наполеоновской Францией 1812 - 1814 гг. играл скромную роль, плавучими памятниками стали корабли, названные в честь побед армии: «Березино», «Красный», «Бородино», «Берлин», «Париж», «Фершампенуаз», «Лейпциг», «Бриен».

Победное шествие российских войск за Балканы в 1828 - 1829 гг., взятие нескольких крепостей заметно увеличило список «памятных имен»: «Бургас», «Силистрия», «Варна», «Агатополь», «Сизополь», «Мидия», «Коварна», «Кулевчи», «Пендераклия», «Адрианополь», «Энос», «Мессемврия», «Браилов». Не остались без внимания другие военные успехи царствования Николая 1 – «Варшава» (взятие польской столицы в 1831 г.), «Остроленка» (поражение польской армии в 1831 г.) «Вилагош» (капитуляция венгерских инсургентов в 1849 г.), «Эривань» и «Ленкорань» (взятие персидских крепостей в 1828 г.). Название линейного корабля «Воля», названного так в память о штурме восточного пригорода Варшавы 25 - 26 августа 1831 года, специальным приказом стало писаться с другим окончанием – «Вола», что не совсем точно передавало польский топоним, но зато исключало из списков императорского флота корабль с двусмысленно звучащим именем[10].

В 1829 году бриг «Меркурий» под командой капитан-лейтенанта А.И. Казарского достойно выдержал бой с двумя турецкими линейными кораблями. Эта удача позволила сгладить впечатление от произошедшей за несколько дней до того позорной сдачи линейного корабля «Рафаил». Казарский стал национальным героем, а во флоте по императорскому указу появилось новое «бессмертное» имя – «Память Меркурия». Хотя Крымская война 1853 - 1856 гг. закончилась поражением России и унизительным Парижским миром, запрещавшим ей иметь военный флот на Черном море, она дала три ярких примера героизма российских воинов. Первый – уничтожение турецкого флота в бухте Синоп, второй – оборона Севастополя, третий – оборона Петропавловска. В 1861 - 1914 гг. в списках флота состояли 8 кораблей с такими надписями на борту. Кроме того, в национальную память прочно врезались имена Нахимова, Истомина, Корнилова – руководителей обороны Севастополя. В их честь было названо 5 кораблей императорского флота.

В 1915 году два эсминца были переименованы еще на стапеле: «Капитан Кинсберген» в «Капитан 1 ранга Миклуха-Маклай», а «Лейтенант Ломбард» - в «Мечислав». Это позволяло убить сразу четырех зайцев: во-первых, из списков русского флота исчезали два корабля с нерусскими именами, что было весьма

[10] Головнин Ю.И. 84-пушечные парусно-винтовые линейные корабли // Судостроение. 1995. №7. С.67.

актуально в связи с кампанией борьбы против «германского засилья». Во-вторых, отмечалось 10-летие со дня гибели командира броненосца береговой обороны «Адмирал Ушаков»; в-третьих, фамилия француза-лейтенанта, отличившегося в Русско-турецкой войне 1768 - 1774 гг. звучала курьезно для русского уха, и корабль с таким именем был обречен стать предметом насмешек всего флота. Наконец, миноносец в память о Яне Гендрике ван Кинсбергене, который после подвигов под русским флагом неоднократно отличался в боях против англичан[11], выглядел странно в списке флота союзников.

Серия речных мониторов, построенных в 1930-е годы, стала называться именами моряков - героев Гражданской войны – «Железняков», «Жемчужин», «Левачев», «Мартынов», «Ростовцев», «Флягин». В 1940 году два монитора, называвшиеся ранее в честь героев Гражданской войны «Симбирцев» и «Лазо», стали называться «Перекоп» и «Хасан» в честь побед Красной Армии над войсками белого генерала Врангеля в 1920-м и над японцами в 1938-м.

В советском военно-морском флоте сохранилась традиция давать имена кораблям в зависимости от их класса. Крейсера, большие противолодочные корабли, авианосцы назывались в честь побед и героев разных поколений («Ворошилов», «Перекоп», «Михаил Кутузов», «Сталинград», «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов»), эскадренные миноносцы – различными прилагательными («Сметливый», «Пылкий»), а небольшие суда получали только номера. Исключение составляли корабли, построенные на пожертвования трудящихся. Для поощрения гражданского подвига и символа единства народа и армии, подводным лодкам, бронекатерам, тральщикам и торпедным катерам давали имена («Героический Севастополь», «Герой Советского Союза Одинцов», «Старший лейтенант Лекарев», «Герой Советского Союза Федя Фомин». Из 270 подводных лодок различных классов, построенных в 1930 - 40-е годы, только 2 получили «памятное» имя, причем обе субмарины – «Героический Севастополь» и «Герой Советского Союза Нурсеитов» - создавались на деньги, собранные населением. В годы Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. 10 бронекатеров (из 313-ти, состоявших в списках флота), три торпедных катера (из 660-ти) и 5 тральщиков различных типов получили имена Героев Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны иногда имели место труднообъяснимые метаморфозы: гражданские суда, имевшие до мобилизации «героические» имена – рыболовные сейнеры «Раскова» (знаменитая женщина-летчик, командир авиационного полка в годы войны) и «Суворов» получили номера, как большинство малых кораблей.

В 1940 году «Петропавловском» назвали приведенный из Германии недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов». Поскольку существование в одном флоте двух кораблей с одинаковыми названиями было неудобным, в сентябре 1944 года этот крейсер переименовали в «Таллин», отдавая одновременно должное и защитникам столицы Эстонии в 1941 году, и освободителям ее в 1944-м.

В ряде случаев мы видим как своеобразную эстафету символических значений, так и их слияние: в названии «Азов» соединилась память о победе Петровской эпохи (взятие турецкой крепости в 1696 году) и о героизме экипажа корабля «Азов» в Наваринском сражении 1827 года. Крейсер «Киров», названный по имени одного из коммунистических лидеров 1930-х годов, стал одной из знаковых фигур в истории обороны Ленинграда в 1941 - 1944 гг. «Севастополь»

[11] А.В. О некоторых именах судов Нидерландского флота // Морской сборник. 1862. №7. Смесь, с.5-8.

напоминает о трех героических эпизодах в истории этой главной морской базы Черноморского флота – обороне в период Крымской войны в 1854 - 1855 гг., обороне в 1941 - 1942 гг. и освобождении города в апреле 1944 года.

Традиция сохранения имени корабля в советском военно-морском флоте проявилась в передаче имени лидера «Ташкент», отличившегося в обороне Севастополя в годы Великой Отечественной войны, сторожевика «Туман», погибшего в неравном бою с немецкими эсминцами недалеко от Мурманска, эсминца «Безупречный», погибшего со всем экипажем 26 июня 1941 года на подходе к Севастополю. Эсминец «Гремящий», прославившийся в ходе боевых операций Северного флота в 1941 - 1945 гг., и его собрат «Сообразительный» в боях под Одессой, Севастополем, Феодосией и Новороссийском после вывода из состава боевых эскадр передали свои славные имена большим противолодочным кораблям, построенным в 1960 - 70-е гг.

Для первых десятилетий советской власти характерен демонстративный разрыв с дореволюционным прошлым, полная девальвация прежних ценностей. Во второй половине Великой Отечественной войны наблюдается обращение к славным именам дореволюционного прошлого при условии жесткого ограничения списка реабилитированных «слуг царизма»[12]. Частичное возвращение к традициям, характерное для последнего десятилетия сталинского правления, со всей определенностью проявилось в названиях кораблей, построенных в послевоенную эпоху. Из 25-ти легких крейсеров (типы «Чапаев» и «Свердлов») 12 напоминали о подвигах дореволюционного русского оружия и 5 – советского. Тяжелые крейсера, которые строились под личным контролем Сталина, и по замыслу генералиссимуса должны были стать визитной карточкой советского ВМФ, отражали две великих победы над немецкими войсками – «Сталинград» и «Москва».

Названия последней серии крупных артиллерийских кораблей (крейсера серии 68-бис) в целом отражают установившуюся «систему ценностей» послевоенного времени. Было построено 14 крейсеров – «Свердлов», «Дзержинский», «Орджоникидзе», «Жданов», «Александр Суворов», «Михаил Кутузов», «Адмирал Нахимов», «Адмирал Сенявин», «Адмирал Лазарев», «Адмирал Ушаков», «Александр Невский», «Дмитрий Пожарский», «Мурманск», «Молотовск». В 1959 году было прекращено строительство еще семи кораблей этого проекта, находившихся в разной степени готовности – «Варяг», «Щербаков», «Кронштадт», «Таллин», «Адмирал Корнилов», «Козьма Минин», «Дмитрий Донской». При всей разности этих имен, они образуют схему, полностью соответствовавшую тогдашним взглядам на «героическое прошлое» советского народа.

В советское время, так же как и ранее, не было стройной и жестко логической линии в присвоении имен. В 1962 году ракетный крейсер «Сообразительный» переименовали в «Варяг», что не помешало тогда же переименовать однотипный корабль «Стерегущий» – культовое имя для российских моряков - во «Владивосток». Среди названий в 1960 - 70-е годы чаще стали появляться имена советских морских военачальников – «Адмирал Зозуля», «Вице-адмирал Дрозд», «Адмирал Фокин», «Адмирал Головко», «Адмирал флота Лобов», «Адмирал флота Советского Союза Горшков», «Маршал Устинов», «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов». В 1979 году вспомнили о героическом корабле Черноморского флота в годы Великой Отечественной войны – «Червона Украина». Самыми

[12] Востоков Е.И. Из истории советских военных музеев // Труды НИИ Музееведения. Вып. 4. М. 1962. С.208-209, 227, 233.

представительными единицами флота были большие противолодочные корабли, составлявшие основную ударную силу надводных соединений СССР. Из 34-х кораблей этого класса 33 имели памятное имя (5 – дореволюционных и 28 – советской эпохи). Здесь мы имеем ситуацию «извлечения из забвения», поскольку, кроме всем известных имен («Маршал Ворошилов», «Маршал Василевский», «Василий Чапаев», «Адмирал Нахимов) использовались названия, которые предполагали большую или меньшую историческую эрудицию («Адмирал Юмашев», «Ташкент», «Адмирал Виноградов»). Аналогичная ситуация была в начале XX века, когда для заполнения памятными именами нескольких серий эсминцев были мобилизованы полузабытые имена моряков и побед русского флота в войнах против Турции и Франции XVIII - начала XIX вв.

Одной из характерных черт постсоветской России стало возвращение прежних «некоммунистических» наименований, чем преодолевалась символика прежнего режима. Четыре атомных ракетных крейсера - «Киров», «Фрунзе», «Калинин», «Юрий Андропов» в 1992 году были переименованы в «Адмирал Ушаков», «Адмирал Лазарев», «Адмирал Нахимов», «Петр Великий».

Странным выглядело бы в начале XXI столетия в условиях повсеместного «обращения к истокам» отсутствие в составе корабельного состава флота носителей имен «незаслуженно забытых». В числе таковых оказались царские адмиралы И.К. Григорович и Николай Оттович фон Эссен. Первый «Адмирал Григорович» - головное судно из серии фрегатов дальней морской зоны (проект 11356М) водоизмещением 4000 тонн, способный благодаря своему разнообразному вооружению бороться с надводными, подводными, воздушными и береговыми целями. В планах министерства обороны РФ – строительство трех таких судов для Черноморского и трех – для Балтийского флота. Обращает на себя внимание последовательность присвоения имен практически неотличимым друг от друга кораблям: «Адмирал Григорович» (зав. № 01357) — заложен 18.12.10; «Адмирал Эссен» (зав. № 01358) — заложен 08.07.11; «Адмирал Макаров» (зав. № 01359) — заложен 29.02.12; «Адмирал Бутаков» (зав. № 01360) — заложен 12.07.13; «Адмирал Истомин» (зав. № 01361) — заложен 15.11.13. Нет прямых свидетельств, но очевидна непосредственная связь очередности с повышением внимания к Первой мировой войне. Очевидно, что министерство обороны предполагало включить торжественные церемонии, связанные с рождением «мемориальных» кораблей, с празднованием 100-летия начала этого эпохального события. «Григоровича» успели спустить на воду весной 2014 года в присутствии внучки адмирала О.В. Петровой, разбившей традиционную бутылку шампанского о стальной борт.

Попытка выстроить «систему ценностей» российской военно-морской памяти, исходя из названий кораблей, сопряжена с целым рядом оговорок. Во–первых, не удалось обнаружить материалов о механизмах выработки решений о том или ином наименовании корабля. Только в трех случаях – при сохранении во флоте имени «Меркурий», «Азов» и при спуске дредноута «Императрица Мария» власти открыто объясняли выбор названия. Приказ по Морскому ведомству от 19.10. 1913 года о спуске дредноута «Императрица Мария» гласил: «… считаю своим долгом напомнить, что только что спущенный корабль носит славное имя двух кораблей, оставивших в истории нашего флота неизгладимо-блестящую память. Боевые подвиги этих кораблей под Варной, Сизополем, Ахиолло и Синопский бой – доказали беззаветную храбрость черноморцев, а победа над самым сильным и беспощадным врагом – морем парусного корабля «Императрица Мария» в дни жестокого шторма с 4 по 6 октября 1828 года - навсегда останутся

доказательством бесподобного знания этими моряками своей трудной и тяжелой службы.

Славное минувшее прошлое парусных кораблей, одноименных со спущенным, бессмертные подвиги их экипажей – наших отошедших в вечность товарищей-моряков, да будет нам вечно памятным заветом исполнять наш долг перед царем и родиной, умело и безупречно, как в мирное время, так и в дни военных испытаний…»[13]. Решение о том, какое имя будет носить корабль, принимал император, дававший письменно, устно или специальным указом соответствующее распоряжение, однако неизвестно, как и кем готовились эти распоряжения. Небольшие суда назывались по решению Адмиралтейств-коллегии. Во время своего всевластья фаворит Екатерины II Г.А. Потемкин единолично выбирал названия для кораблей Черноморского флота. Не найдено документов о подготовке соответствующих приказов в советском флоте, а также в морских силах Белого движения. Практически во всех случаях приходится довольствоваться констатацией видимой связи названия корабля с господствующими веяниями эпохи.

В XVIII и первой половине XIX века российское правительство не подвергалось воздействию общественного мнения. Во второй половине XIX-начале XX вв. стремительное и подчас труднообъяснимое формирование культовых персонажей благодаря воздействию прессы вплотную подводило руководство флотом к мысли о необходимости увековечить то или иное имя на борту боевого корабля. Так, например, появились эсминцы, названные в честь моряков, погибших в Русско-японской войне, причем в честь именно тех моряков, фамилии которых в те годы были известны всем россиянам.

На каронимику влияли изменения в кораблестроении. Миноносцам стали писать на бортах имена героев и места сражений после того, как служба на них стала престижной, а сами они образовали один из важнейших классов боевых кораблей. В начале XX века действия миноносцев превратились из опасного аттракциона в важную составляющую морских операций, а сами корабли за два десятилетия увеличились в 10 - 15 раз в размерах и мощности вооружения. Если миноносцы первых поколений имели только номера или имена представителей фауны («Сокол», «Дельфин»), то их более крупные собратья – ставшие затем традиционными грозные «прилагательные»: «Молодецкий», «Стерегущий». Следующим этапом «повышения в ранге» стало получение памятного имени. Первым в 1885 году стал «Лейтенант Ильин». Ситуация с именами миноносцев демонстрирует явную зависимость названия корабля от его представительности как боевой единицы. Так, из 42-х линкоров (эскадренных броненосцев, дредноутов и линейных крейсеров) 27 (64%) имели боевые имена, из 37 крейсеров 1 ранга – 14 (38%), из 29 мореходных канонерских лодок – 7 (24%), из 205 эскадренных миноносцев – 41 (20%)[14]. Аналогичная картина была и в период парусного флота: героические имена давали линейным кораблям, фрегатам и бригам. Крупные корабли состоят в строю гораздо дольше мелких и средних, что прибавляет им значимости как мемориальным объектам. Анонимный автор в сборнике «Российский императорский флот» писал по поводу масштабных кораблестроительных программ начала XX века: «…важно, чтобы все вновь закладываемые корабли в целях утверждения исторической преемственности и сохранения боевых традиций воспринимали свои наименования согласно

[13] Цит. по: Крючков Ю.С. Имя на борту. М., 1989. С.106 - 107.

[14] Подсчеты производились по справочнику: С.П. Моисеев. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М., 1948.

следующим принципиальным положениям. Корабли крупного тоннажа – линейные корабли, броненосцы и легкие крейсера получают в наименование священные имена российских императоров и особ царствующего дома, имена наиболее отличившихся боевой деятельностью линейных кораблей, фрегатов и крейсеров, имена славных полководцев и знаменитых морских и сухопутных побед… Боевое прошлое нашей морской силы настолько богато именами, которыми флот может и должен гордиться, что в настоящее время едва ли встречается нужда в отыскании новых наименований…»[15].

Решения о том, как будет называться судно, принимались на самом высоком уровне, но в архивных фондах не удалось обнаружить материалы, позволяющие раскрыть механизмы подготовки и принятия таких решений. На выбор имен огромное влияние оказывали политические и социокультурные реалии. Имена кораблей Российского флота на протяжении трех столетий являлись одним из инструментов формирования военного мемориального комплекса.

[15] Российский императорский флот. СПб., 1914. С.171.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ПАРТИЗАНЫ И КОЛЛАБОРАНТЫ

«В БОЕВОМ СОДРУЖЕСТВЕ С ПАТРИОТАМИ ПОЛЬШИ»

Аннотация. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) сохранились неопубликованные ранее воспоминания Героя Советского Союза Николая Архиповича Прокопюка, в виде переплетенной рукописи. В советское время они могли бы «очернить» советско-польскую дружбу и потому не были опубликованы. Между тем, это бесценные страницы истории Великой Отечественной войны, которые проливают свет на заслуги советских партизан в освобождении Польши от гитлеризма. Сегодня, когда в Польше вандалы при попустительстве властей разрушают надгробья советских воинов и сносят памятники героям-освободителям, только истина может послужить уроком политикам, так и не научившимся разграничивать национализм и патриотизм. Это во все времена довольно тонкая и деликатная тема.

Воспоминания Н.А. Прокопюка возвращают нас к боевым действиям советских и польских партизан в Липском лесу 14 июня 1944 года, которые в истории войны предстают как крупнейшее сражение партизан на польской земле и могут послужить историческим уроком.

Ключевые слова: партизанская борьба, «партизанка», «малая война», бандеровцы, Украинская Повстанческая Армия (УПА), «Охотники», Армия Крайова, Армия Людова, Билгорайская трагедия.

Abstract. The Russian state archive of socio-political history (RGASPI) has preserved previously unpublished memoirs of the Hero of the Soviet Union Nikolai Arkhipovich Prokopyuk, in the form of a bound manuscript. In Soviet times, they could «blacken» the Soviet-Polish friendship and therefore were not published. Meanwhile, these are priceless pages of the history of the Great Patriotic war, which shed light on the merits of the Soviet partisans in the liberation of Poland from Hitlerism. Today, when vandals in Poland, with the connivance of the authorities, destroy the tombstones of Soviet soldiers and demolish monuments to heroes-liberators, only the truth can serve as a lesson to politicians who have not learned to distinguish between nationalism and patriotism. This is at all times a rather delicate and delicate topic.

N.A. Prokopyuk's memoirs return us to the fighting of Soviet and Polish partisans in the Lipsky forest on June 14, 1944, which in the history of the war appear as the largest battle of partisans on Polish soil and can serve as a historical lesson.

***Key words*:** partisan struggle, «guerrilla», «small war», Bandera, Ukrainian Insurgent Army (UPA), «Hunters», The Craiova army, The Ludova army, Bilgora tragedy.

В.И. Боярский (Москва)

На завершающем этапе Великой Отечественной войны особая роль отводилась разведывательно-боевым действиям советских партизанских формирований и организаторских групп за рубежом, особенно в Польше, Чехословакии, Венгрии и Румынии, территории которых к лету 1944 г. стали оперативным, а в ряде случаев и тактическим тылом гитлеровских войск. Так, на польской земле действовали соединения и отряды И.Н. Банова, Г.В. Ковалева, С.А. Санкова, В.П. Чепиги и многие другие. В их числе были формирования, организованные по линии ОМСБОНа. Партизанскими они не назывались. О них

говорили как о группах или отрядах специального назначения, присваивали им кодовые наименования, например, «Олимп», «Борцы», «Славный», «Вперед». Нередко они становились ядром крупных партизанских отрядов. Одной из таких групп, которой было присвоено кодовое наименование «Охотники», командовал Николай Архипович Прокопюк. Еще в период пребывания на территории Украины его группа выросла в бригаду, которой довелось совершить легендарный рейд по тылам немецких войск на территории Польши и Чехословакии.

После войны Героя Советского Союза Н.А. Прокопюка избрали членом Советского комитета ветеранов войны и членом правления Общества советско-польской дружбы. Его посылали на международные конференции по проблемам движения Сопротивления: в 1959 и 1962 годах в Вену, в 1961 году в Милан, затем в Варшаву, Никосию. Выступления Н.А. Прокопюка всегда вызывали особый интерес, ибо выступал он и как участник событий, и как историк-исследователь, убедительно и доказательно.

…Известно, что успешность действий во вражеском тылу, успех партизанской борьбы в целом напрямую зависят от участия в ней профессионалов, людей, владеющих специальными военными знаниями и опытом. Такие знания и опыт к июлю 1941 года были не у многих. Самородки, подобные Сидору Ковпаку, идеалом которого был Нестор Махно, явление исключительное. Грамотно воевали те, кто партизанил во времена гражданской, чекисты и разведчики, оказавшиеся в окружении командиры, а также прошедшие накануне войны специальные курсы. Не случайно именно они вошли в когорту прославленных партизанских командиров, мастеров «малой войны». В этой категории выделяется прослойка людей с особым характером. За плечами у них совсем не случайно оказывалась школа партизанской войны в горячих точках и как кульминация, - проверка знаний на практике. Такую жизненную школу прошел Николай Архипович Прокопюк.

Родился он 7 июня 1902 года на Волыни (где, кстати, довелось воевать), в селе Самчики Старо-Константиновского уезда в крестьянской семье. С двенадцати лет работал. В 1916 году, самостоятельно подготовившись, он экстерном сдал экзамен за шесть классов мужской гимназии. В шестнадцать лет добровольно вступает в вооруженную дружину завода.

В 1919 году участвовал в «сове́тско-по́льской войне» (в современной польской историографии она имеет название «польско-большевистская война»), в составе 8-й Червоно-Казачьей дивизии. Затем работал в Старо-Константиновском уездном военном комиссариате, принимал участие в борьбе с дезертирством и бандитизмом.

В 1921 году Николая Прокопюка направляют на работу в уездную Чрезвычайную комиссию. Это стало поворотным пунктом в его судьбе. Одной из крупнейших диверсионно-террористических банд, в уничтожении которой принимал участие Николай Прокопюк, была банда Тютюнника, засланная польской разведкой на территорию Советской Республики. В 1924 году Николая Архиповича направили в пограничные войска. До 1929 года он - на разведывательной работе. В эти годы и происходит его становление как разведчика и контрразведчика.

Зарубежные разведки забрасывали в Советский Союз диверсантов и агентуру. А контрабандная деятельность наносила огромный ущерб экономике СССР. Не прекращался и политический бандитизм.

Прокопюк организовывал проникновение разведчиков в зарубежные антисоветские центры. Они старались создавать в бандах, окопавшихся в приграничных районах, атмосферу безысходности, рядовых бандитов убеждали в

бесполезности борьбы против Советской власти, склоняли к добровольной явке с повинной.

В 1931 году Прокопюка направили на работу в центральный аппарат ГПУ Украины. Сначала заместителем, а затем и начальником отдела. Это было повышение в должности, которое не исключало личного участия в боевых операциях. Параллельно с основной работой он начинает заниматься подготовкой кадров для партизанской борьбы на случай войны.

Партизанство, как «второе средство борьбы» с врагом постоянно совершенствовалось и с самого начала возможной войны должно было оказать значительную поддержку нашим регулярным войскам в решении задач как оперативных, так и стратегических. Но прежде был опыт войны в Испании.

Советское правительство разрешило выезд в Испанию добровольцев - военспецов, в которых остро нуждалась республиканская армия.

Из личного дела Н.А.Прокопюка:

...«Совершенно секретно. Начальнику... отдела УГБ НКВД УССР майору государственной безопасности... рапорт. Имея опыт разведывательной работы и руководства специальными и боевыми операциями... и теоретический опыт партизанской борьбы и диверсий... прошу Вашего ходатайства о командировании меня на специальную боевую работу в Испанию... Н. Прокопюк. 4 апреля 1937 г. Киев».

Выезд разрешили. В Испании он стал советником и командиром партизанского формирования на Южном фронте. Его стали называть «команданте Николас». Под его руководством испанские партизаны провели не одну успешную диверсионную акцию в тылу войск франкистов.

Военное командование республиканцев долго недооценивало возможностей партизанской борьбы в тылу мятежников и не создавало всех условий, необходимых для развертывания этой борьбы. Официально сформирован был всего лишь один партизанский спецбатальон (под командованием Доминго Унгрия). И лишь в конце 1937 года решили объединить все силы, действовавшие в тылу противника, в 14-й специальный корпус. С марта по декабрь 1938 года Николай Архипович был старшим советником этого корпуса. А когда стало очевидным поражение республиканцев, и интернационалисты постепенно стали покидать Испанию, Николай Архипович отплыл на пароходе из Валенсии на Родину.

Его направляют на работу в центральный аппарат органов государственной безопасности. В 1939 г. заместитель начальника внешней разведки НКВД СССР Павел Судоплатов, знавший Прокопюка еще по работе в органах ГПУ Украины, предложил назначить его начальником отделения Иностранного отдела НКВД УССР, ведавшего подготовкой сотрудников к ведению партизанских операций в случае войны с Польшей и Германией**.** Это предложение не прошло. Ранее, в мае 1938 г., по обвинению в контрреволюционной деятельности был арестован брат Николая Прокопюка Павел, занимавший ответственный пост в Наркомпросе УССР. В итоге Прокопюк остался на низовой должности в центральном аппарате внешней разведки, а в октябре 1940 г. был направлен в Хельсинки для работы в резидентуре в Финляндии. Здесь его и застала война.

Прокопюк не сразу попал в партизаны. В этом ему помог П.А. Судоплатов. В сентябре 1941 г. Прокопюка назначили командиром 4-го батальона 2-го полка ОМСБОНа. Батальон держал оборону на одном из участков фронта между Ленинградским и Волоколамским шоссе.

С ноября 1941 по июнь 1942 года Н.А. Прокопюк - начальник оперативной группы 4-го управления НКВД СССР при штабе Юго-Западного фронта, организует подготовку диверсионных и партизанских групп для боевых действий в тылу врага. Оперативная группа вела глубокую разведку в тылу противника на Киевском направлении.

В начале июня 1942 года Николая Архиповича вызвали в Москву для подготовки к выполнению специального задания в качестве командира спецгруппы. Вместе со своей группой он должен был десантироваться в глубокий тыл противника. Пребывание в тылу никаким сроком определено не было.

В течение месяца он отобрал в ОМСБОНе шестьдесят четыре прошедших подготовку бойцов, среди которых были чекисты, пограничники, минеры, радисты, медицинские работники, получил необходимые инструкции и снаряжение и к 1 августа доложил о готовности к выполнению задания. Группа получила название «Охотники».

В ночь на 1 августа 1942 года первый эшелон «Охотников» в количестве 28 человек десантировался на парашютах в 800 километрах от линии фронта, в районе города Олевска Житомирской области. До 18 августа туда же были переброшены второй и третий эшелоны.

Первую зиму Николай Архипович со своей группой вел боевую работу в западных районах Киевской области. Вскоре группа выросла в отряд за счет притока местных патриотов.

В начале апреля 1943 года Прокопюк уводит отряд в Цуманьские леса. Об этом периоде своей жизни, о пребывании на территории Польши и Чехословакии, Прокопюк (Сергей) напишет в своих воспоминаниях «Цуманьские леса» и « Отряд уходит на запад». Текст подкреплен воспоминаниями участников боев. Там же рецензия, написанная в 1959 году Прокопюком на книги польских историков, в частности, на работу В. Тушинского «Партизанские бои в Липских, Яновских лесах и Сольской пуще», изданной в Варшаве в 1954 году. В рецензии под названием «В боевом содружестве с патриотами Польши» он уточняет детали проведенных боевых операций, называет участников событий. В последующем при описании событий мы будем придерживаться этих неопубликованных текстов.

К географическому понятию «Цуманьские леса» партизаны в годы войны относили все леса, расположенные на обширной территории в треугольнике Сарны - Ровно - Ковель. Места эти привлекали партизан возможностью эффективной боевой работы. Отсюда было совсем близко до Ровно, Луцка, Ковеля. Рядом пролегали две важные железнодорожные магистрали, по которым двигались эшелоны из Германии к фронту. Параллельно проходило шоссе Брест - Киев. Здесь воевали многие партизанские формирования: 1-й батальон соединения А.Ф. Федорова, спецотряд майора В.А. Карасева, отсюда уходило в Карпатский рейд соединение С.А. Ковпака. А севернее железной дороги Сарны - Ковель начинался сплошной партизанский край, где обосновались отряды А.П. Бринского, Г.М. Линькова (Бати), И.Н. Баннова (Черного), и позже основные силы соединений А.Ф. Федорова (Черниговского), В.А. Бегмы, И.Ф. Федорова (Ровенского). Еще севернее были обширные территории, освобожденные от оккупантов партизанами Белоруссии. По сути, это был партизанский край.

Отряды кружили, петляли, передвигались и маневрировали, то изготовляясь к нанесению ударов, то просто уходили из-под докучливых налетов вражеской авиации, которая из-за нехватки у оккупантов наземных сил долгое время в единственном числе дарила их своим вниманием.

В Цуманьских лесах - а это была Волынь - отряд действовал девять месяцев, оседлав железную дорогу Ровно - Ковель. Прокопюк систематически отправлял группы в 3-5 человек подрывать вражеские эшелоны с живой силой и боевой техникой. Немцы в ответ значительно уменьшили скорость поездов. Это привело к снижению эффективности диверсий. Тогда он решил, что минирование нужно сочетать с налетами на вражеские эшелоны. После захвата подорванного эшелона партизаны уносили трофеи с собой, а все оставшееся в вагонах и на платформах поджигали. Подобные операции проводились за 15 - 20 минут. Горевшие поезда загромождали пути, и таким образом противнику наносился не только материальный ущерб, но и снижалась пропускная способность железной дороги.

Приведем запись за сентябрь 1943 г.: «В ночь на 1-е подорван поезд, следовавший на восток. 14-го пущен под откос эшелон с пополнением. 28-го взорван спецпоезд, 13 классных вагонах. Все они разбиты. По немецким данным, убито 12, тяжело ранено 100 офицеров. По уточненным несколькими железнодорожниками данным, убито 90 офицеров, тяжело ранено до 150 фашистов. Место взрыва - перегон Киверцы - Рожице».

Не раз гитлеровцы и сами, и с помощью украинских националистов пытались выжить партизан из Цуманьских лесов, но безрезультатно. Отряд провел в период мая по ноябрь 1943 года около двадцати боев с карателями, заканчивавшихся поражением последних.

В ноябре 1943 года отряд по приказу из Центра, который предписывал уклоняться от затяжных боев, на время покинул Цуманьские леса. Карательной экспедицией тогда руководил гитлеровский генерал, названный «мастером смерти» - Пиппер. 0сновной бой между батальонами Пиппера и отрядом Д.Н. Медведева произошел 7 ноября 1943 под Берестянами, который закончился поражением гитлеровцев. В то время отряд Прокопюка базировался у села Великие Целковичи, в 15 километрах от стоянки соединения А.Ф. Федорова.

В Цуманьских лесах партизаны впервые в своей практике столкнулись с польскими вооруженными формированиями. В мае I943 года их насчитывалось четыре группировки. Они базировались на Гуту Степаньскую и колонию Галы (у Сарн), в селе Пшебродзь (в просторечии Пшебражже) и местечке Рожище (у Луцка). Все они возникли стихийно в порядке самообороны от националистических банд ОУН. Полъский гарнизон в селе Гута Степаньская в какой-то мере был связан с советским партизанским соединением Григория Линькова, дислоцировавшимся севернее железной дороги Сарны - Ковель. Вторая польская группировка на севере в колонии Галы, по воспоминаниям Прокопюка, ориентировалась на поддержку со стороны немцев и последними была частично вооружена. Связи отряда Прокопюка с поляками в Гуте Степаньской и колонии Галы не получили развития (северное направление партизан Прокопюка мало интересовало в оперативно-боевом отношении). В последующем многие поляки из этих гарнизонов ушли в активно действовавшие против гитлеровцев отряды и соединения. Оставшиеся сориентировались на акковцев (Армия Крайова) с присущей им практикой лавирования, выжидания и сохранения своих сил.

О контактах советских партизан с польскими гарнизонами следует сказать особо. Так, своеобразные отношения сложились у Прокопюка с комендантом села Пшебродзь (около 10 тысяч жителей). Цыбульским (лесник из Камень–Каширска). Одно время он был в группе советских партизан Льва Магомета. Потом то ли случайно оторвался, то ли сознательно ушел. Цыбульский вел политику лавирования между оуновцами, советскими партизанами и немцами. То было время острого противостояния поляков и оуновцев.

30 августа была наголову разбита группа ОУН, пытавшаяся напасть на село Пшебродзь. Поляки отождествляли ОУН и УПА со всем украинским местным населением. С приходом отряда Прокопюка вылазки поляков против украинских сел прекратились.

5 ноября 1943 года, чтобы отвести от себя даже малейшую тень подозрения о связях с советскими партизанами, Цыбульский инсценировал бой с отрядом Прокопюка. Инсценировка была выдана за чистую монету. Были даже инсценированы похороны врача и офицера, якобы погибших в бою. Мнимые покойники благополучно убыли в Варшаву. При встрече с Прокопюком Цыбульский признался, что хотел обелить себя в глазах карателей. Прокопюк дал согласие на инсценировку еще одного боя, хотя это дискредитировало советских партизан в глазах поляков. Но это был выход для беспомощного гарнизона, который каратели могли в любой момент стереть с лица земли. Цыбульский пообещал Прокопюку, что в будущем устно и печатно опровергнет эту провокацию. До 1957 года Цыбульский так и не выполнил своего обещания. Похоже, что он вообще не собирался его выполнять.

Предвзятое отношение к советским партизанам польских формирований было очевидно. В Армии Крайовой распространялась установка о двух врагах Польши, отражавшая курс польского правительства в эмиграции.

Газета «народовцев» «Мысль паньствова» пророчила: «К концу войны не немцы, покидающие Польшу, будут являться главной политической военной проблемой, но наступающие русские. И не против немцев мы должны мобилизовать наши главные силы, а против России…Немцы, уходящие из Польши перед лицом наступающих русских не должны встречать препятствий со стороны поляков…В условиях создания оккупации немцев не может быть речи ни о каком антинемецком восстании, речь может идти только о восстании антирусском…».

Отряд Прокопюка все время перемещался, и это осложняло ситуацию с ранеными. Но вскоре у Прокопюка сложились дружеские отношения с партизанским командиром А.Ф. Федоровым[1], и появилась возможность передавать раненых в госпиталь его соединения, а иногда даже пользоваться его аэродромом для отправки на Большую землю тяжелораненых и пленных.

Широкие связи с местным населением позволили отряду создать разведывательные позиции в крупных населенных пунктах, в том числе в Ровно.

Боевую деятельность на Волыни партизанским отрядам приходилось вести в сложной обстановке. У немцев была здесь многочисленная агентура. Украинские националисты сковывали передвижение партизанских формирований, часто охраняли железные дороги, нападали на мелкие группы партизан и на базы отрядов. Местное население, распропагандированное националистами, в подавляющем большинстве отнюдь не сочувствовало партизанам, которых нынешние исследователи партизанской борьбы в отличие от местных украинских и польских называют советскими партизанами. Все это требовало выработки определенной линии поведения.

Ни постоянные перемещения, ни стремительный, «короткий» характер ударов по военным объектам противника не оберегали отряд Прокопюка от боевого соприкосновения с карательными экспедициями фашистов. Как уже говорилось, с мая по ноябрь 1943 года таких боев было двадцать, и всякий раз враг проигрывал.

---

1 Алексей Фёдорович Фёдоров (30 марта 1901 года — 9 сентября 1989 года) —один из руководителей партизанского движения в Великой Отечественной войне, дважды Герой Советского Союза (1942, 1944), Генерал-майор (1943).

В ноябре Николай Архипович получил приказ из Центра временно покинуть Цуманские леса. Втягиваться в затяжные бои для отряда значило сковывать себя ситуацией, навязанной немцами, и идти на нежелательные потери. К 25 декабря немцы сняли блокаду, и отряд Прокопюка вновь возвратился в Цуманьские леса. Это было время, когда фронт значительно приблизился к партизанам.

Регулярные советские войска приступили к освобождению правобережной Украины. В конце декабря - январе начались Житомирско-Бердичевская, Кировоградская, Луцко-Ровненская, Корсунь-Шевченковская и Никопольско-Криворожская операции. Цуманьские леса оказались в полосе наступления войск правого крыла 1-го Украинского фронта. Партизаны были уверены, что закончился их полуторагодичный партизанский путь. Но это были только иллюзии.

5 января 1944 года Прокопюк получил радиограмму из Центра, которая гласила: «С приближением фронта, не дожидаясь дальнейших распоряжений, двигаться на запад в направлении города Брест».

Командование, штаб, личный состав, который к тому времени насчитывал около 500 бойцов (отряд Прокопюка вырос в бригаду), начали подготовку к рейду. Нужно было пять суток, чтобы собрать все находившиеся на заданиях подразделения.

10 января 1944 г. выступили на запад. К вечеру 12 января вышли к реке Стырь в районе села Четвертни. Как раз в это время, как сообщила Прокопюку разведка, в городе Камень-Каширский состоялось совещание представителей ОУН с гитлеровцами, на котором фашистское командование сообщило бандеровцам о своем решении передать им перед оставлением города все склады немецкого гарнизона с боеприпасами, медикаментами и продовольствием. Это делалось для того, чтобы обеспечить активные подрывные действия националистических банд в тылу советских войск. Бандеровцы быстро вывезли содержимое складов из города и спрятали в схронах (потайных ямах-амбарах) в селе Пески на реке Припять. Однако, как доложили разведчики, нашлись люди, готовые показать схроны. Прокопюк принял решение задержаться.

25 января Николай Архипович во главе двух рот сам провел операцию по изъятию содержимого схронов, блокировав на рассвете село Пески. Подогнали 35 пароконных саней и загрузили их военным имуществом, медикаментами, боеприпасами. Продовольствие отдавали крестьянам, с собой решили взять только 300 пудов сахара. Когда к селу подошли банды УПА (Украинской Повстанческой Армии), их встретили партизанские заслоны, завязался бой. В этом бою было уничтожено 70 бандитов, в том числе руководитель северного «провода» Сушко. Партизаны потеряли трех бойцов, еще трое были ранены.

…Напомним, что Советский Союз на протяжении всей войны оказывал разнообразную помощь движению Сопротивления многих стран. В СССР готовились кадры для национальных партизанских формирований. Советская сторона заботилась об обеспечении их оружием, боеприпасами, медикаментами, о лечении раненых. В апреле 1944 года по просьбе польской эмиграции в СССР только что созданному Польскому штабу партизанского движения были переданы партизанские бригады и отряды, состоявшие из поляков. Большая часть этих отрядов, сформированных в западных районах Украины и Белоруссии, вскоре перешла на территорию Польши. Одновременно в Польшу стали переходить и наиболее опытные советские партизанские формирования.

В конце марта 1944 г., как писал Николай Архипович, перед началом рейда по территории Польши Прокопюк встретился с направлявшимися в Москву представителями Краевой Рады Народовой Марианом Спыхальским, Эдвардом

Осубка-Моравским, Яном Хонеманом и Казимиром Сидора. Встречи с ними дали возможность правильно понять и оценить обстановку в Польше. А ситуация там складывалась следующим образом. В стране действовали внутренние силы в лице многочисленных партий и союзов. Силы эти в условиях войны и оккупации делились на два лагеря. С одной стороны, партии и союзы, стоявшие на позициях непримиримой борьбы с фашистами и солидаризировавшиеся в этой борьбе с Советским Союзом. Этот лагерь возглавлялся Польской рабочей партией. С другой стороны - партии и организации, занимавшие выжидательную позицию в войне и враждебную по отношению к первому лагерю и Советскому Союзу. Руководящим органом второго лагеря было эмигрантское правительство Польши в Лондоне.

С учетом политического положения в стране и расстановки польских сил Сопротивления командование бригады во главе с Прокопюком определило политическую линию поведения в ходе рейда как бригады в целом, так и каждого бойца в отдельности.

Бригада выходила на территорию Польши четырьмя эшелонами. 12 мая эшелоны соединились.

Рейд подразделений бригады по территории Польши продолжался до 19 июля. За это время было проведено 11 встречных боев, осуществлено 23 диверсии, в которых был подорван и пущен под откос 21 вражеский эшелон и разрушено 3 железнодорожных моста. Было выведено из строя 38 фашистских танков, захвачено много оружия разного калибра и автомашин. Кроме того, по разведывательным данным бригады авиация Дальнего Действия Красной армии (АДД) осуществила ряд воздушных налетов на военные объекты врага. В частности, в ночь на 17 мая 1944 года по целенаводке партизан АДД нанесла бомбовый удар по скоплению эшелонов противника на станции Хелм, в результате чего были разбиты два эшелона с живой силой и подвижный состав с горючим; уничтожены местная база горючего и крупный склад зерна; повреждено несколько паровозов, стоявших в депо.

Все это данные из архива, и цифры говорят сами за себя. Если посчитать, то получается, что «Охотники» совершали приблизительно одну диверсию в неделю, уничтожали в неделю один эшелон, в день - 13 солдат противника ...

В конце мая в связи с предстоящим крупным летним наступлением Красной армии Центр отдал приказ передислоцироваться в Липско-Яновские леса. Прокопюк, оценив обстановку, решил провести бригадой стремительный марш в назначенный район по степной местности в обход города Люблина с востока. Чтобы дезинформировать противника, днем 27 мая бригада начала рейд в северо-западном направлении, а ночью резко повернула на юг и, обходя населенные пункты, броском двинулась к цели.

1 июня 1944 года бригада в полном составе сосредоточилась в Липско-Яновском лесу. К тому времени в ней было 600 бойцов.

В начале июня 1944 года в этих лесах находились также советские партизанские соединения В. Карасева и В. Чепиги, отдельные отряды В. Пелиха, М. Наделина, С. Санкова, И. Яковлева, польско-советский отряд Н. Куницкого, польские партизанские бригады имени Земли Любельской и имени Ванды Василевской Гвардии Людовой, отряд Армии Крайовой под командованием Конара (Болеслава Усова). В общей сложности группировка насчитывала 3 тысячи человек.

Совокупность обстоятельств оказалась такой, что немцы неминуемо должны были принять меры к очищению этих мест от партизан. Во-первых, слишком уж

быстро росло партизанское движение в восточных областях Польши, а во-вторых, территория эта постепенно превращалась в непосредственный оперативный тыл немецких войск на Восточном фронте.

6 июня Николай Архипович, связавшись с Центром по радио, попросил ускорить высылку людей для укомплектования группы майора Коваленко, которая предназначалась к выходу на территорию Чехословакии, и параллельно сообщил: «Обстановка здесь такова, что задерживаться не придется; противник кровно заинтересован в занимаемом нами плацдарме на реке Сан и Висле и, как свидетельствуют приготовления, намерен заняться нами всерьез».

Решение Прокопюка покинуть Липско-Яновский лес было, безусловно, правильным: лучше несколько неподорванных эшелонов, чем открытые бои с регулярными частями противника. Но было уже поздно. Немцы разработали операции «Штурмвинд-1» (на первом этапе) и «Штурмвинд-П» (на втором этапе) и начали окружение партизанской зоны.

Отряд Прокопюка стал центром, на базе которого проводились встречи командного состава партизанских отрядов и соединений. Вот и 7 июня в штабе собрались на совещание командиры, комиссары и начальники штабов всех отрядов, находившихся в Липском лесу. Присутствовавшие были в большей или меньшей мере осведомлены о карательной экспедиции и решили: действовать сообща, взаимно информировать друг друга об обстановке, не покидать лес в порядке односторонних решений, в затяжные бои в одиночку не ввязываться, чтобы не распылять сил, а под напором превосходящих сил противника отходить к деревне Лонжек - пункту общей концентрации партизанских отрядов в Липском лесу. Было также решено дать карателям бой, если это потребуется. Николай Архипович подчеркивает в своей рукописи, что «такая договоренность была достигнута на паритетных началах, а не в порядке чьего бы ни было старшинства».

Столкновения с карателями начались 9 июня. Вплоть до 13 июня они носили характер боевого прощупывания партизанских сил, 11 июня определился замысел противника, пытавшегося замкнуть партизан в Липском лесу. Разгадав это намерение, партизанская группировка переместилась восточнее, в район Порытовой высоты на реке Бранев, где к рассвету 13 июня были заняты более выгодные в тактическом и оперативном отношении позиции.

В тот же день взяли в плен гауптмана (капитан немецкой армии) и доставили в штаб. Прокопюк допросил его и получил ценные сведения о составе немецкой карательной экспедиции и ее планах на ближайшее время. Наступление немцев было назначено на 14 июня.

Вечером 13-го было создано объединенное командование польско-советской партизанской группировкой во главе с подполковником Прокопюком. В своей рукописи Прокопюк вновь подчеркивает, что ни о каком приоритете его отряда и его старшинстве по отношению к другим командирам не было и речи. Все принимаемые решения были плодом коллективной мысли. Забегая вперед следует отметить, что в последующем на совещании командиров отрядов, комиссаров и начальников штабов получила признание точка зрения о принятии боя на месте и по существу был решен вопрос о составе объединенного командования: командующий Прокопюк, заместитель Карасев, начальник штаба Горович. Все польские командиры единодушно поддержали решение о принятии боя на месте и изъявили готовность стать под руководство объединенного командования.

В партизанскую группировку входили:

– Отряд связи ЦК ППР под командованием «Яновского» (Л. Касман) - 60 человек;

– Первая бригада имени Земли Любельской под командованием капитана «Вацека» (И. Боровский) - 380 человек;

–Бригада имени Ванды Василевской под командованием Шелеста (зам. А. Кремецкий) - 300 человек;

– Смешанный полько-советский отряд имени Сталина под командованием Куницкого – 160 человек;

– Отряд Прокопюка - 540 человек;

– Отряд Карасева - 380 человек;

–Отряд имени Буденного под командованием капитана Яковлева - 180 человек;

–Отряд имени Кирова под командованием Наделина - 60 человек;

–Отряд имени Суворова под командованием С. Санкова - 60 человек;

–Отряд имени Хрущева под командованием В. Чепиги - 280 человек;

–Сводный отряд (в составе отдельных групп В. Галицкого, А. Филюка и Василенко) под общим командованием подполковника В. Гицкого - 90 человек;

– Отряд группы военнопленных во главе с А.Зайченко - 15 человек;

– Отряд Армии Крайовой под командованием поручика «Конор» (Б.Усова) –93 человека.

В этот список не включены радисты, медицинский персонал, ездовые, ординарцы, раненые и больные - еще 540 человек.

Со стороны немцев в карательной операции участвовали: 154-я резервная дивизия под командованием генерал-лейтенанта Ф. Альтрихтера, 174-я резервная дивизия под командованием генерал-лейтенанта Ф.Эбергардта, часть 213-й охранной дивизии под командованием генерал-лейтенанта А. Хоешена, Калмыцкий кавалерийский корпус, 4-й учебный полк группы армии «Северная Украина», 115-й полк стрельцов Крайовых, 318-й полк охраны, 4-й полк полиции совместно с подразделениями жандармерии и обеспечения, один моторизованный батальон СС и несколько других частей вермахта и полиции. Общее руководством осуществлял командующий Генеральным Военным Округом Губернаторства генерал З. Хенике.

Общая численность немецких войск составляла 25 - 30 тысяч против 3 тысяч партизан. Кроме того, группировку поддерживала артиллерия, бронепоезд и авиация 4-й немецкой воздушной армии.

Судя по содержанию приказа по осуществлению карательной экспедиции, захваченному у немецкого офицера, немцы точно определили количество замкнутых в кольцо окружения партизан - «разрозненных советских и польских банд» и их численность. Штурмовым группам предписывалось расчленить партизанскую группировку и подавить сопротивление изолированных очагов. В случае необходимости авиация вызывалась тремя красными ракетами в зенит. При этом передний край карателей следовало выложить белыми полотнищами клиньями в сторону партизан. Если немецкие части попадали под свой артиллерийский или минометный огонь, сигналом служила белая ракета в зенит, означавшая – «свой».

При изучении приказа был сделан вывод, что нужно сорвать регламентированную часть операции и подвести ее к 13 - 14 часам, когда вступит в действие «если». Было и другое: приказ игнорировал возможность такого развития событий, когда операция могла затянуться до ночи. Это и был непоправимый просчет немецкого командования. Ведь приказ предписывал в 7.00

войти в соприкосновение с противником, в 9.00 навязать противнику свою инициативу, в 11.00 доложить о ликвидации партизанской группировки, при этом предписывалось «предпочесть пленение главарей и радистов».

Партизаны заняли круговую оборону, которая представляла собою эллипс и была разделена на 11 секторов - по количеству входивших в группировку формирований. К утру 14 июня были полностью завершены работы по оборудованию всех позиций, определены стыки и порядок связи как между соседними отрядами, так и всех отрядов и бригад со штабом объединенного командования.

…Утром начался бой. Немцам сразу же удалось вклиниться в позиции партизан на стыке участков обороны отряда связи ЦК ППР и бригады имени Ванды Василевской. Создалось угрожающее положение, поскольку этот частный успех противника в начале боя не только нарушал общую систему обороны, но и мог оказаться решающим по своему психологическому воздействию.

Майор Карасев и его сосед слева командир польского формирования Леон Касман прибыли на командный пункт и доложили Прокопюку о неспособности локализовать прорыв собственными силами. Прокопюк бросил на ликвидацию прорыва 80 человек из оперативного резерва.

Немцы не выдержали контратаки и отошли на исходные позиции.

В 12 часов дня образовался еще один прорыв в связи с потерями, понесенными 1-й ротой бригады Прокопюка. В прорыв было введено 120 человек резерва, и немцы были опять отброшены.

Третий прорыв обороны случился около 23 часов на участке отрядов С. Санкова и М. Наделина. На ликвидацию прорыва Прокопюк бросил взвод, одно отделение комендантского взвода, а также польский отряд Армии Крайовой -всего около 150 человек, опять же из оперативного резерва. Прорыв был быстро ликвидирован, и положение восстановлено.

В ходе многочисленных и безуспешных атак в течение 15 часов немцы потеряли три с половиной тысячи человек убитыми и ранеными, а партизаны - около 210 человек. Этот успех был прежде всего обеспечен умелой организацией, блестящим командованием партизанской группировкой. Сыграла свою роль оперативная информация, полученная от плененного накануне этих боев немецкого офицера. Пользуясь ею, партизаны неоднократно дезориентировали фашистскую авиацию, выкладывая белые полотнища клиньями в сторону карателей, вследствие чего фашистские летчики сбрасывали бомбы на свои войска. А когда гитлеровцы белыми ракетами подавали сигнал воспрещения огня, партизаны присоединялись к этому фейерверку.

После войны боевые действия партизан в Липском лесу 14 июня 1944 года войдут в историю как крупнейшее сражение партизан на польской земле.

Весьма значительной по своим последствиям явилась завершающая контратака на позициях бригады Прокопюка.

Противник начал атаку на фронте бригады одновременно с ударом в других секторах. Немцы уже чувствовали, что «захлебываются», и предприняли последнюю в тот день попытку достигнуть перевеса. Под руководством начальника объединенного штаба старшего лейтенанта А. Горовича атака была отбита.

Преследуя фашистов, партизаны вклинились более чем на 300 метров в глубину и по фронту во вражеское расположение и, пользуясь наступившей темнотой, закрепились в прорыве. Николай Архипович с нетерпением ждал этого момента, и когда ему доложили, что в кольце окружения образован достаточный

коридор, он тотчас отдал приказ выводить из леса все блокированные партизанские отряды и эвакуировать госпиталь. Выход закончился в 01.00 час 15 июня. Из окружения вышли без единого выстрела.

Боевой день 14 июня закончился полной победой партизан. План противника покончить с партизанами одним ударом за каких-нибудь 3 - 4 часа, как это предполагал командующий германской группировки генерал Кенслер, потерпел провал. Партизаны заставили Кенслера подтянуть второй и третий эшелоны. Гитлеровцы понесли громадные потери. Но даже при этом армия оставалась армией. Они не сомневались в своем абсолютном превосходстве, над замкнутыми в кольцо партизанами. Расчет на то, что каратели отстанут, как это было не раз, здесь себя не оправдывал. Боеприпасы у партизан кончались. Нужно было уходить и уходить немедленно этой же ночью, что и было сделано, сделано блестяще благодаря опыту и таланту Прокопюка.

Выходили в южном направлении, где в коридоре шириной чуть более 300 метров по докладу разведки Горовича немцев не было. Идти на запад означало обрекать себя на постоянную настороженность карателей и угрозу собственных завалов и минных ловушек, которые партизаны щедро наставили при отходе. Не все сразу же согласились с таким решением Прокопюка. Никто тогда не знал, что вопреки общему решению остались с небольшими группами Чепига и Василенко. Они попытались прорваться на запад, попали под губительный огонь карателей и почти все погибли.

Ранее была достигнута договоренность, что под объединенным командованием партизаны действуют до выхода на линию реки Букова, а в дальнейшем - по своему усмотрению. Не доходя до села Шелига, отряды разобрали раненых и разделились. Здесь формально прекратило свое существование объединенное командование. Оно могло бы позитивно проявить себя и дальше. Но так не случилось.

Забегая вперед, отметим, что по-иному было во второй половине июня в Билгорайских лесах (Сольская пуща), когда картели вновь окружили партизан Прудникова, Карасева и две польских бригады Армии Людовой. Здесь же по соседству оказалась однотысячная группировка Армии Крайовой под общим командованием майора «Калины» (Эдвард Маркевич) – инспектора Армии Крайовой Люблинского округа. Однако «Калина» уклонился от «союза с советскими» перед лицом равноценной опасности и сделал это не из-за недоверия к военным способностям советских командиров, а потому, что ему «не по пути» было с советами («даже на одну ночь») политически. Не удалось с ним объединиться и командованию обеих польских бригад Армии Людовой. Посыльному был дан ответ, что «пан спит». Прокопюк специально послал к «Калине» своего заместителя Галигузова. «Калина» отклонил предложение об оперативном подчинении, сославшись на то, что «у него нет полномочий на взаимодействие с советами».

Прокопюк в своей рукописи приводит слова свидетеля переговоров Анны Дануты Бор Пжичинкувны, дочери квартийместера Армии Крайовой Бора:

«…В пятницу 23 июня пополудни еще раз приехали в лагерь командиры советской «партизанки». Состоялись переговоры, к которым мы с Ксантурой прислушивались. Советы предлагали, чтобы еще ночью вместе ними пробиться и хотели возглавить командование полком. Их было две тысячи, а нас около тысячи. Инспектор «Калина» на это не согласился, обольщаясь надеждой, что немцы будут преследовать советские отряды и минут нас. Согласие не состоялось. «Советы отбыли»…»

Калиновцы пренебрегли предложением Прокопюка, остались в лесу и не воспользовались брешью, которую ночью пробили в кольце окружения советские партизаны. Отряды Прокопюка и Карасева, польские бригады Армии Людовой вырвались из «котла». Потери партизан составили 22 бойца и командира и 30 раненых.

Войдя в лес, каратели нашли деморализованных калиновцев и уничтожили их поголовно. Вырвались с десяток бойцов поручика «Вира», вышел ротмистр «Меч», погиб «Калина», только и успевший предупредить своих подчиненных, чтобы его называли не «пан майор», а «пан капрал». Очевидно, что просчет «Калины» стоил жизни десяти сотен польских солдат, павших жертвой безрассудного руководства Армии Крайовой, в игре которого и сам «Калина», и все его павшие бойцы были всего лишь пешками.

«А ведь, в сущности, - пишет Прокопюк, - майор «Калина» был, безусловно, антигитлеровцем. Эдвард Маркевич — это его настоящее имя - имел за плечами много лет деятельности в подполье. Его родной брат - поручик «Скала» был зверски замучен при допросе в гестапо… В этом роде многое можно сказать о других
офицерах-аковцах. И уж, конечно, ничего дурного не было за душой сотен поляков - рядовых и сержантов Армии Крайовой. Но для таких офицеров как «Калина» и многих других, им подобных, были характерными гонор и слепое повиновение, унаследованные от бездумного офицерского корпуса «санационной» Польши; кастовая замкнутость глухой стеной отгораживающаяся от интересов своего народа. И даже сегодня таким свидетелям билгорайской трагедии как «Меч», «Вир» и другим, которым удалось спастись 24 июня, даже сегодня им недостает непосредственности Анны Бор Пшычникувны, ни гражданского мужества и мужества вообще, сказать правду о тайне Осуховского кладбища (жертвы Билгорайского побоища захоронены в селе Осухи). Наоборот, предпочли и предпочитают хранить молчание, а порой даже пытаются выдать судьбу этих жертв за результат совместных боевых действий с советскими партизанами (такое имело место на десятитысячном траурном митинге в селе Осухи 23-го июня 1957 года, посвященном тринадцатилетию событий в Билгорайских лесах. Плохая, скажем так, услуга истории… Билгорайская трагедия — волнующая тема периода второй мировой войны. Она навсегда останется позорной страницей деяний реакции, не останавливавшейся ни перед чем, когда речь заходила о принижении роли народного движения сопротивления Польши гитлеровской оккупации. Об этой странице истории еще не все сказано…»

Переход бригады в Сольскую пущу сопровождался целым рядом встречных боев. Особо острое столкновение произошло 15 июня у деревни Шелига, где партизаны разгромили вражескую группу преследования и полностью истребили два дивизиона его конницы.

21 июня немцы вновь окружили партизан. Николай Архипович и руководители других отрядов решили не доводить дело до нового сражения и покинуть блокированную пущу, поскольку, ввязываясь в подобные бои, партизаны безусловно проигрывали, не имея резервов. Польско-советская группировка разделилась.

В ночь на 24 июня в исключительно трудной ситуации партизаны пробили брешь в окружении, преодолели три линии вражеского заслона и с боем форсировали труднопроходимую, заболоченную речку Танев. К вечеру 25 июня группировка достигла Янов-Львовского леса. Последующие тринадцать дней партизаны умело маневрировали между Япов-Львовским и Синявскими лесами,

уклоняясь от главных сил противника и громя отдельные группы карателей во встречных боях.

8 июля в Янов-Львовском лесу удалось принять большой транспортный самолет «Дуглас». На этом самолете и нескольких По-2, прилетавших из-за линии фронта в период с 25 июня по 7 июля, были наконец эвакуированы все раненые. Вслед за эвакуацией наступило новое разделение. Большинство отрядов вышло в обратный рейд на Люблинщину, где они вскоре соединились со вступившими на территорию Польши частями Красной Армии.

Бригада Прокопюка, соединение Карасева и польско-советский отряд под командованием Н. Куницкого направились в Карпаты. 19 июля бригада Прокопюка форсировала реку Сан в ее верхнем течении и обосновалась на горе Столы (высота 967). Здесь бригада была доукомплектована специальными десантами, предназначавшимися для действий в Чехословакии, и с 1 августа 1944 года начала свою деятельность на территории восточных районов Словакии. Так закончилась для Николая Архиповича Прокопюка боевая работа в Польше.

В мае 1944 года в Советском Союзе начали подготавливать специальные кадры из чехословацких патриотов. После кратковременного обучения в июле - августе несколько групп было переброшено на территорию Чехословакии. В их состав входили и советские партизаны. Всего было десантировано 24 организаторские партизанские группы, руководимые в основном чехами и словаками. Вслед за десантом на территорию Словакии перебазировалось несколько советских партизанских формирований.

Рейд бригады Прокопюка в Чехословакии продолжался два месяца. Маневрируя в районе Снина, Гуменне, Медзилаборце на сравнительно небольшой территории, партизаны нарушали связь и снабжение врага, неожиданно появлялись в самых уязвимых для противника местах. Последний бой в Чехословакии в конце сентября бригада вела в тактическом взаимодействии с нашими наступавшими войсками.

В ночь на 26 сентября силами своей бригады Прокопюк занял хребет на участке между высотами 811 и 909 общей протяженностью 2,9 километра и выслал разведчика, чтобы доложить советскому командованию о своем решении. Разведчик должен был служить проводником для наших частей. Он был уроженцем закарпатского села и хорошо ориентировался в горах.

Утром противник двинул свой батальон на хребет. К 11 часам немцы – около 200 человек - достигли линии обороны бригады Прокопюка. Но, не успев развернуться, они были смяты партизанами и обращены в бегство. Операция закончилась к 14.00, и в этот день попыток к овладению хребтом Бескид противник больше не предпринимал. Утром бригада, занимавшая оборону на хребте, подверглась атакам немцев с запада, со стороны высот 698 и 909. Бой продолжался в течение всего дня, и в ходе него атаки пехоты врага чередовались с крупными артиллерийскими налетами.

Партизаны отбили все атаки и продолжали удерживать занятую позицию. В 6 утра 28 сентября на хребет прибыли первый и второй батальоны 869-го полка 271-й дивизии под командованием старшего лейтенанта Пыхтина и капитана Полинюка. Батальонам была придана минометная батарея старшего лейтенанта Шушина из 496-го горновьючного Остропольского дважды Краснознаменного полка Резерва Главного Командования.

Первый батальон Прокопюк расположил на западе, а второй на востоке хребта вместе со своими подразделениями. В течение двух последующих суток партизаны при поддержке прибывшего подкрепления удерживали свои позиции,

несмотря на ожесточенные попытки противника занять хребет. Так, например, 28 сентября немцы предприняли 16 атак, причем две атаки были ночные. Наступлению пехоты всякий раз предшествовал артиллерийско-минометный налет.

Имея связь с 271-й дивизией, Николай Архипович получил от командира этой дивизии заверения, что к ним идет поддержка. Помощь необходима была потому, что прибывшие батальоны из-за своей малочисленности и слабости огневых средств не представляли собой существенной силы. Но вечером 29 сентября командир 271-й дивизии сообщил Николаю Архиповичу, что направленные ему части пробиться к хребту не могут, партизанам предлагалось самим изыскать пути к соединению с частями Красной армии. Позиции на Бескидах было приказано оставить.

Прокопюк составил из своих подразделений группу прорыва, а во втором эшелоне поставил кавалерийский эскадрон, который эвакуировал раненых. Замыкали колонну батарея Шушина и оба батальона 271-й дивизии.

Оторвавшись от противника незамеченными в 02.00 30 сентября, партизаны и красноармейцы после шестикилометрового марша перешли линию фронта в районе села Воля Михова. При этом группа прорыва стремительным ударом с тыла уничтожила пять дзотов, несколько пулеметных гнезд и минометную батарею противника. Эта операция заняла 15 минут, и в образовавшийся коридор вышли подразделения Прокопюка и части 271-й дивизии, эскадрон эвакуировал 50 раненых.

Всего в боях за хребет Бескид потери партизан составили 6 человек убитыми и 34 человека ранеными. Без вести при прорыве пропало 8 человек. Обо всем происшедшем на хребте Бескид Николай Архипович доложил рапортом командующему 4-м Украинским фронтом генерал-полковнику И.Е. Петрову.

1 октября 1944 года бригада Николая Архиповича соединилась с нашими войсками. Схватка на хребте Бескид была последним боем Прокопюка в Великой Отечественной войне.

290 бойцов и командиров бригады, созданной на базе спецгруппы «Охотники», были награждены орденами и медалями. Кроме того, 75 человек удостоились наград Польской Народной Республики и 125 человек – Чехословацкой Социалистической Республики. Николаю Архиповичу Прокопюку было присвоено звание Героя Советского Союза. Кроме того, он награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени и медалями, а также восемью иностранными орденами - польскими и чехословацкими. В энциклопедиях Николаю Архиповичу Прокопюку посвящено несколько скупых строк.

Источники и литература

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф.17. Оп.1. Д.401. Лл.8-11.

Ф.71. Оп.25. Д.11914. Лл.2-45.

Российский государственный военный архив (РГВА).

Ф.38963. Оп.1. Д.59.

Медведев Д. Сильные духом. М.: Молодая гвардия, 1979.

Старинов И.Г. Мины замедленного действия. Альманах Вымпел. Москва, 1999.

Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Федоров А.Ф. Подпольный обком действует. М.: Воениздат, 1956.

Чекисты. М.: Молодая гвардия, 1987.

Попов А. Лубянка. Диверсанты Сталина. Яуза. ЭКСМО. Москва. 2004.

КОММУНИСТЫ И КОМСОМОЛЬЦЫ ПОД ОККУПАЦИЕЙ: ПАТРИОТЫ ИЛИ ПОСОБНИКИ НАЦИСТОВ?

Аннотация. Статья посвящена судьбам и поведению членов коммунистической партии и комсомола, оставшихся на оккупированной территории в начальный период Великой Отечественной войны. Автор, привлекая значительный фактический материал, показывает, что эти категории граждан могли вполне удачно вписываться в оккупационный порядок в качестве низшего управленческого звена. При этом партийные функционеры воспроизводили привычную им систему управления. Автор ставит вопрос о соотношении правды и пропаганды в утверждениях о необычайной стойкости коммунистических убеждений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупационный режим, коммунисты, комсомольцы, партизанское движение.

Abstract. The article is devoted to the fate and behavior of members of the Communist party and the Komsomol, who remained in the occupied territory in the initial period of the Great Patriotic war. The author, attracting considerable factual material, shows that these categories of citizens could quite successfully fit into the occupation order as a lower management level. At the same time, party functionaries reproduced their usual system of governance. The author raises the question of the correlation between truth and propaganda in assertions about the extraordinary persistence of communist beliefs.

Key words: The Great Patriotic war, the occupation regime, the Communists, the Komsomolists, the guerrilla movement

И.Г. Ермолов (Брянск)

Одним из главных мифов истории Второй мировой войны является утверждение, что победа над Германией была достигнута именно благодаря мудрому руководству коммунистической партии. В рамках этого мифа как в советскую эпоху, так и сейчас хрестоматийным было и остается утверждение, что именно коммунисты и комсомольцы были первыми на фронтах войны, а в тылу врага проявляли небывалую стойкость. Разумеется, скрывать факты сотрудничества советских граждан с врагом, даже в условиях партийного диктата, было бесполезно. Поэтому советские историки и мемуаристы были объединены правилом преуменьшать масштабы этого сотрудничества, представлять его крайне несвойственным советскому народу, тем более упоминать в числе пособников оккупантов коммунистов. Так, Л.В. Котов указал, что «на руководящие посты в этом аппарате (в органах местного самоуправления – И.Е.) назначались прибывшие в обозе гитлеровской армии белоэмигранты, в том числе члены белогвардейской организации «национально-трудовой союз» (НТС), находившейся на службе у фашистов… Они всячески помогали германской армии… Но советские люди не мыслили свободы своей Родины без ее верных сынов-коммунистов»[1]. Фундаментальный сборник документов «Партизаны Брянщины» посвящает деятельности коммунистов в оккупации самую объемную главу с красноречивым, говорящим за себя названием: «Коммунистическая партия – организатор и руководитель борьбы трудящихся против оккупантов»[2]. В

[1] *Котов Л.В.* В тылу группы армий «Центр» // Герои подполья: сб. статей. - М., 1970. С.6.

[2] Партизаны Брянщины: сб. документов и материалов / под ред. В.К. Соловьева. – Брянск, 1962. – Т.2. – С.83-513.

собранных здесь документах коммунисты представлены самыми дисциплинированными, стойкими, храбрыми участниками партизанского движения, «безгранично преданными делу Родины и партии Ленина». А все успехи партизан отнесены на счет мудрого руководства компартии, при этом подчеркивается «исключительно большая работа» коммунистов[3]. Характеризуя поведение членов ВЛКСМ на оккупированной территории Орловской области за полтора года оккупации, один из документов указанного сборника утверждает, что «среди комсомольцев не оказалось трусов, малодушных»[4], напротив, члены ВЛКСМ являли «образцы смелости и бесстрашия»[5]. В другом документе того же сборника говорится, что среди брянских комсомольцев не было ни одного сомневавшегося в победу Красной армии[6]. Согласно докладной записке помощника начальника политотдела объединенных партизанских бригад западных районов Орловской области А. Бакина от 25 декабря 1942 г., «во всех подразделениях комсомольцы занимают ведущее место, как передовые бойцы», «показывают изумительную храбрость, доблесть и мужество» [7].

В стремлении придать ВКП(б) соответствующую, явно раздутую роль, подчеркнуть ее связь с народом, советские авторы допускали явные перегибы, доходившие до смешного. Так, журналист коммунистической газеты «Орловская правда» С. Венчалов, описывая жестокости немцев в деревне Кокоревка, упоминает об изнасиловании семнадцатью немецкими солдатами жены советского летчика. По описанию автора, женщина во время акта насилия славила Ленина и Сталина, сопровождая дифирамбы в адрес вождей выкриками: «Есть у нас великая партия Ленина-Сталина!»[8].

Любопытно, что даже в наше время, в начале XXI века, несмотря на признание негативной роли коммунистической партии в истории нашей страны, Правительство РФ не спешит отказываться от парадигм сталинской эпохи. Так, в изданном 60-тысячным тиражом объемном труде Ш.Н. Мунчаева и В.М. Устинова, рекомендованном Министерством общего и профессионального образования РФ в качестве учебника для вузов, причины победы СССР над Германией объясняются следующим образом: «Организатором и вдохновителем победы советского народа явилась Коммунистическая партия, рядовые коммунисты»[9].

Однако при рассмотрении деятельности коммунистов и комсомольцев на оккупированных территориях с научно-объективистских позиций, вырисовывается картина, ни в малейшей степени не соответствующая идеологическим штампам. Внезапность нападения Германии на советский Союз и высокий темп продвижения вермахта вглубь советской территории, достигавший нескольких десятков километров в сутки, не позволил провести, особенно в первые недели войны, организованную эвакуацию. В результате за линией фронта остались все слои советского населения во всем его вертикальном разрезе. Страх перед оккупантами с одной стороны и давление нацистской пропаганды, внушавшей, что советская

---

[3] Там же. С.297,299,359.

[4] Там же. С.257.

[5] Там же. С.379,393-409,431-439.

[6] Там же. С.274.

[7] Центр новейшей истории Брянской области (ЦНИБО). Ф.1650. Оп.1. Д.186. Лл.102-103.

[8] *Венчалов С.* Трагедия в деревне Кокоревка // Орловская правда. – 1943. – 12 июля. По этому поводу мы побеседовали с сотрудниками прокуратуры Тверской области, Калининского следственного СУ СК при прокуратуре РФ по Тверской области, ОВД Центрального района г. Твери. Ни один из опрошенных даже не допускает мысли, что женщина во время акта насилия может славить государственных лидеров или какую-либо политическую партию.

[9] *Мунчаев Ш.М., Устинов В.М.* История России. Учебник для вузов. – М., 2004. – С.388.

власть больше не вернется – с другой, заставляли гражданское население изыскивать способы существования в новых условиях. Это касалось не только рядовых граждан, но и членов ВКП(б), ВЛКСМ, партийных и советских работников. Сложившаяся к началу Великой Отечественной войны ситуация выглядела таким образом, что на руководящие должности во всех отраслях народного хозяйства назначались преимущественно члены ВКП(б). В силу этого в глазах части населения Советского Союза коммунистическая партия выглядела как необходимый для карьерного роста институт. С другой стороны, с началом гитлеровской агрессии качественный состав ВКП(б) изменился в худшую сторону. Партийная прослойка, считавшаяся самым устойчивым ядром советского общества, в первые месяцы войны сильно поредела ввиду мобилизации коммунистов и ухода многих из них добровольцами на фронт. Так, к декабрю 1941 г. множество обкомов ВКП(б) констатировало резкое ослабление работы парторганизаций с колхозными кадрами, а также, вследствие этого, повсеместное «засорение состава председателей колхозов случайными и неблагонадежными людьми». Например, в Кировской области с 1 июля по 1 сентября 1941 г., по причине призыва в РККА, состав председателей сельсоветов сменился на 41,2%. А из 7 658 председателей колхозов было мобилизовано 3 718, то есть 48,5%. Райкомы ВКП(б) перестали проводить тщательный подбор новых кадров, будучи убеждены, что до окончания мобилизации такая работа не имеет смысла. Секретари ряда райкомов так запустили кадровую политику, что не знали председателей даже крупных колхозов. В результате на руководящие должности во многих колхозах «пробрались» бывшие «кулаки», твердозаданцы, неблагонадежные элементы, разгильдяи и лодыри[10]. Руководители райкомов в колхозах бывали редко, не выступали перед крестьянами, а, пустив кадровую и политическую работу с председателями и сельским активом на самотек, не владели ситуацией[11].

Что касается ухода части членов ВКП(б) на фронт, как по призыву, так и добровольцами, это вовсе не означает, что в их лице Красная армия получала наиболее стойкий и морально выдержанный контингент. Так, в военных коллаборационистских процессах равным образом приняло участие немало членов ВКП(б). Достаточно указать, что из числа 11 наиболее активных сторонников генерала А.А. Власова, казненных вместе с ним 1 августа 1946 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР, 9 чел., включая самого Власова, перешли на сторону немцев, будучи членами ВКП(б), причем, трое состояли в партии с 1919 г., а генерал-лейтенант Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР) Г.Н. Жиленков до войны занимал должность первого секретаря Росткинского райкома ВКП(б) г. Москвы, являлся членом Московского райкома ВКП(б), в РККА исполнял должность члена Военного совета 32-й армии, имел звание бригадного комиссара[12]. Любопытно, что массовую трусость и растерянность фронтовых партработников констатировал сам коммунист № 1 И.В. Сталин. По крайней мере, в его приказе № 0019 от 16 июля 1941 г. (полный текст не опубликован) говорится, что «на всех (!) фронтах… число

[10] *Посадский А.В.* Военно-политическая самоорганизация российского крестьянства в 1905-1945 гг.: дис… докт. ист. наук. – Саратов, 2004. - С. 368.

[11] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.88. Д.573. Лл.126-127,149.

[12] *Колесник А.Н.* Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. – Харьков: Простор, 1991. - С.113-114.

стойких комиссаров (!) и командиров не слишком велико»[13]. Данная оценка совпадает со свидетельствами бывших красноармейцев. Так, один из них, попавший на какое-то время со своей воинской частью в окружение, вспоминал: «Как из села выходить, 2-3 человека недосчитываемся… Даже парторг (комиссар? – И.Е.) наш бросил оружие и сказал: «Да буду я эту советскую власть защищать, она меня всю жизнь гоняла!»[14].

С началом оккупации, оставшиеся за линией фронта советские руководители и коммунисты, не влившиеся в партизанское движение, оказались в таком же положении, как и все гражданское население. Давление нацистской пропаганды, внушавшей, что с советской властью покончено навсегда, заставило членов ВКП(б) приспосабливаться к новым условиям. Так, в каждом райцентре Калининской, Курской, Орловской, Смоленской областей добровольно проходило регистрацию в немецких комендатурах в среднем от 80 до 150 коммунистов, большинство из которых до войны работало на ответственных должностях. Около 70% из них в период оккупации добровольно работало на немцев. В этом отношении показательны данные по Суражскому району Орловской области на 1 января 1943 г., согласно которым всего зарегистрировалось 93 члена ВКП(б), в том числе 34 чел. – по г. Сураж[15]. Из них:

- председателей колхозов – 16;
- председателей сельских советов и их заместителей – 8;
- бригадиров, мастеров, начальников участков – 7;
- счетоводов колхозов, сельпо, бухгалтеров, статистов – 6;
- педагогов – 5;
- председателей сельпо – 2;
- секретарей сельских советов – 2;
- секретарей парторганизаций –1;
- народный судья – 1;
- начальник тюрьмы – 1;
- прочих советских специалистов – 7[16].

Из этого количества лишь 3 чел. ушли в партизаны[17], 2 чел. были арестованы немцами и отправлены в лагерь[18], 1 чел. расстрелян немцами[19]. Остальные стали авангардом коллаборационизма, работая на ответственных должностях, в основном в органах местного самоуправления. В апреле 1942 г., в период, когда райцентр Дятьков Орловской области временно был захвачен партизанами, был произведен учет коммунистов, оставшихся на оккупированной территории района. Из 394 членов районной парторганизации, включавшей 77 кандидатов и 317 членов ВКП(б), на учетный период осталось всего 134 чел. Из остальных членов ВКП(б) 193 чел. уничтожили свои партбилеты, 66 чел. было исключено из партии[20].

Оккупировав Смоленскую область, немецкие власти летом 1941 г. провели собрания местных коммунистов, на которых присутствующие не только

[1313] *Ермолов И.Г.* Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941-1944 гг.: дис… канд. ист. наук. – Тверь, 2005. – С. 63.

[1414] *Савинков В.* Пусть нас на русских березах вешают! // Сибирская газета (г. Барнаул). – 1991. – Июль. - № 25(72).

[15] Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф.2608. Оп.1. Д.17. Лл.50-52об.

[16] Там же.

[17] Там же. Л.51-51об,52об.

[18] Там же. Л.52об.

[19] Там же. Л.51об.

[20] ЦНИБО. Ф.1668. Оп.1. Д.1. Л.13.

зарегистрировались, но и каждый дал подписку об отказе борьбы с новой властью[21]. Многие из не прошедших регистрацию смоленских коммунистов прятали либо уничтожали партийные и комсомольские билеты[22]. Осенью 1943 г. из допрошенных немцами не зарегистрировавшихся 137 коммунистов Почниковского района, все они отказались от своей принадлежности к ВКП(б)[23]. После освобождения Смоленской области Красной Армией, запятнавшие себя коммунисты давали однотипные объяснения: «Мы малограмотные, с нами никто не работал, мы не знали, что делать и уничтожили партийные документы»[24]. В результате, только по Дзержинскому району Смоленщины за недостойное поведение в период оккупации из партии было исключено 155 человек[25]. Согласно докладной записке организационно-инструкторского отдела Ставропольского крайкома ВКП(б) от 29 декабря 1943 г., 2 917 коммунистов в период оккупации уничтожили свои партбилеты, а 116 – сдали их в полицию или гестапо. Тот же документ констатирует массовую растерянность коммунистов с наступлением оккупации, многочисленные случаи их добровольной работы на немцев[26].

Данные цифры говорят о том, что повсеместно более половины коммунистов, оказавшись на оккупированной территории, проявляли трусость и растерянность, всеми силами пытаясь отказаться от своего компрометирующего прошлого, каковым теперь становилось членство в ВКП(б). И уж, разумеется, в обстановке, когда само существование советской власти оказалось под угрозой, далеко не всегда являли собой образец морально-политического единства советского народа.

Схожая ситуация сложилась и в рядах комсомольцев. В этом отношении показателен пример Воронежской области, после оккупации которой по 9 районам учтено 1 445 комсомольцев, переживших оккупацию, у 980 из них не оказалось комсомольских билетов. Согласно их объяснениям, они сами уничтожили свои комсомольские билеты при приближении немцев, будучи абсолютно уверены, что те пришли навсегда. Выявлено 400 членов ВЛКСМ, прошедших регистрацию в немецких комендатурах и находившихся на легальном положении. По сообщению Воронежского обкома ВКП(б), многие из них работали полицейскими, а девушки-комсомолки сожительствовали с итальянскими и немецкими офицерами[27]. Не менее любопытно, что комсомольский актив, находившийся в период оккупации на подпольной работе, также не бедствовал. Так, должностной оклад секретаря подпольного окружкома комсомола составлял 750 рублей в месяц, в редких случаях – 700 рублей в месяц[28]. В период оккупации о таком материальном благополучии никто не мог даже мечтать. Так, «гитлеровские пособники», занимавшие руководящие должности, жили куда скромнее. Зарплата секретаря районной или городской управы составляла 650 рублей в месяц, столько же получал заведующий отделом управы, оклад волостного старшины составлял –

---

[21] Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф.2355. Оп.3. Д.8. Л.3.

[22] *Красильников И.Б.* Состояние образовательных и культурно-просветительских учреждений Смоленской области в период немецкой оккупации // Известия Смоленского государственного университета – 2009. - № 1(5). – С. 199.

[23] Там же.

[24] Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф.6. Оп.1. Д.893. Л.7.

[25] Там же.

[26] Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф.1. Оп.2. Д.435. Лл.1,48.

[27] Независимая газета. - 2001. - 22 июня. - № 079(4320).

[28] ЦНИБО. Ф.1650. Оп.1. Д.178. Лл.109-110.

600 рублей, главврача больницы – 500 рублей, начальника районного отделения полиции – 650 рублей, его заместителя, начальника волостного отделения полиции – 300 рублей, сельского старосты – 300-450 рублей[29]. К сожалению, обремененные высокими окладами комсомольские работники не всегда их отрабатывали. Вот один пример, когда пьянство и половая распущенность комсомольской активистки вылились в комичную ситуацию. Согласно рапорту комиссара 2-го партизанского отряда им. Жданова 10-й Калининской партизанской бригады Волкова от 27 апреля 1944 г., в отряд прибыла второй секретарь Красногородского подпольного райкома ВЛКСМ М. Орлова. В ее задачу входило передать командованию отряда списки комсомольцев района для их мобилизации в партизанские отряды (как видно, добровольно комсомольцы района в партизаны не шли – пришлось прибегнуть к мобилизации, а что эти члены ВЛКСМ делали в течение двух с половиной лет оккупации, непонятно). Однако в ходе пьяных оргий Орлова потеряла в лесу сумку со списками комсомольцев, где ее нашел немецкий патруль. Обнаружив списки, немцы выловили по ним комсомольцев района и отправили их на работу в Германию[30]. То есть, своим пристрастием к спиртному и тягой к изголодавшемуся по женской ласке мужскому полу сотрудница райкома ВЛКСМ Орлова оказала оккупантам неоценимую помощь: красногородская молодежь, вместо того, чтобы пополнить ряды партизан, стала работать на Германию.

Оккупационные власти и созданные ими органы местного самоуправления, в очевидном расчете на то, что среди оставшихся на оккупированной территории коммунистов немало советских работников, специалистов, в ряде случаев создавали определенные условия для их привлечения на путь коллаборации. Так, бургомистр Клинцовского округа (Орловская область) Грецкий наставлял подчиненных районных бургомистров о необходимости привлечения членов ВКП(б) к участию «в строительстве новой жизни», недопущении применения к коммунистам угроз уничтожения и всего того, что могло бы обусловить их переходы к партизанам[31].

Что касается практического использования оккупантами советских и партийных работников, именно они составили незаменимый контингент в деле формирования органов местного самоуправления и других оккупационных структур. В частности, партийные работники и советские руководители в процессе организации оккупационных управленческих структур использовались на всех их уровнях – от сельских старост до обер-бургомистров округов. Так, докладная записка представителя партизанского штаба на Брянском фронте старшего майора госбезопасности Матвеева и заместителя начальника разведотдела майора Быстрова в Центральный штаб партизанского движения от 1.12.42 констатирует, что «обычно старостами немцы ставят… предателей из числа бывших советских работников – председателей колхозов, сельсоветов, бывших членов ВКП(б)»[32]. Согласно той же докладной записке, «иногда сельские старосты избираются населением или назначаются немецкими властями из честных советских людей, пользующихся авторитетом у населения»[33]. Один из партизанских документов ЗШПД утверждает, что часть оставшихся за линией

[29] Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф.Р-2757. Оп.1. Д.1. Лл.1об-3,9-10, 21,32об; Ф.Р-2758. Оп.1. Д.3. Л.40; РГАСПИ. Ф.69. Оп.1. Д.909. Лл.151-152.

[30] Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф.479. Оп.2. Д.899. Л.157.

[31] ГАБО. Ф.2608. Оп.1. Д.15. Л.44об.

[32] РГАСПИ. Ф.69. Оп.1. Д.909. Л.151.

[33] Там же.

фронта членов ВКП(б) добровольно изъявила желание сотрудничать с оккупантами[34]. Согласно выводам А.Ю. Попова, определенная часть работников советского аппарата управления стала активно сотрудничать с оккупантами, а на должности старост довольно часто попадали именно председатели сельских советов и колхозов[35]. Причем, в некоторых случаях бывшие председатели колхозов сами предлагали немцам свои услуги, выдвигая свои кандидатуры на должности старост[36].

В этой связи любопытно, что занявшие должности старост бывшие председатели колхозов и сельских советов повторяли все пороки, характерные для советских руководителей низшего звена в период коллективизации и после ее завершения. В частности, это отмечает одна из публикаций в «Погарской газете» (Орловская область), вышедшая в мае 1942 г. В ней констатируется «поток жалоб на незаконные действия некоторых старост», весьма схожих с теми, которые поступали до войны на председателей колхозов[37]. Статья заканчивается предостережением просоветски настроенным старостам: «Придет время, когда народ, сбросивший цепи большевистского рабства, произнесет свой суровый приговор над негодными членами общества»[38].

Что касается контингента волостных старшин, уже цитировавшаяся докладная записка Матвеева и Быстрова сообщает, что наряду с людьми, пострадавшими от советской власти и антисоветски настроенных элементов «на должность волостного старшины немцы назначают обычно людей, раньше работавших на партийно-советской работе (агрономы, землемеры, районные работники, председатели с/с, учителя) и хорошо знающих свой район…»[39]. Так, согласно донесению политотдела 43-й армии от 30 апреля 1942 г., «на должность старшины Знаменского района Смоленской области был назначен предатель Чикачев К.Ф., бывший главный агроном райзо исполкома, член ВКП(б)»[40]. В Калининском районе на 1 апреля 1942 г. из 138 колхозов 95 находились в оккупации, из их председателей только 18 эвакуировались и 5 находились в партизанах. Основное же количество председателей исполняло свои прежние обязанности в качестве старост и старшин. Так, старостой стал бывший председатель колхоза «Борьба» С. Харитонов, усердно выполняя все задания немецких властей. Бывший председатель Скворецкого сельсовета, член ВКП(б) Н. Лукин дезертировал из партизанского отряда, сдал оружие немцам и стал старшиной волости. Дезертировал из партизанского отряда и бывший председатель сельсовета Н. Назаров, также став волостным старшиной[41].

На должности районных бургомистров и структурных подразделений райуправ – отделов обычно назначались лица из местного населения, преимущественно из числа советских и партийных руководителей. Лишь при отсутствии или недостатке таковых на руководящие должности в райуправах назначались бывшие рабочие, колхозники, представители интеллигенции, не имевшие отношения к экономике. Так, упомянутую Красногородскую райуправу

---

[34] ГАНИСО. Ф.8. Оп.2. Д.106. Л.49.

[35] *Попов А.Ю.* НКВД и партизанское движение. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С.73.

[36] Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф.Р-1925. Оп.1. Д.10. Л.15.

[37] Староста – первый и достойнейший член общины // Погарская газета. - 1942. - 17 мая.

[38] Там же.

[39] РГАСПИ. Ф.69. Оп.1. Д.909. Лл.152-153.

[40] Цит. по: *Пережогин В.А.* Вопросы коллаборационизма \\ Война и общество, 1941-1945: в 2-х кн. - М., 2004. - Кн. 2. - С. 293.

[41] *Мангазеев И.А.* Коллаборационисты // Вечерняя Тверь. - 2005. - 18 февраля.

возглавил учитель пения П.И. Горицкий, однако его первым заместителем стал бывший член ВКП(б) И.В. Сатунин[42].

Довольно многочисленную группу руководящих работников городских управ составили бывшие советские технические специалисты, иные категории советской интеллигенции и руководителей, в том числе члены ВКП(б). Так, заместителем бургомистра г. Брянска работал И.И. Плавинский, до оккупации служивший инженером дорожно-мостового отдела Брянского горсовета, финансовый и строительный отделы Брянской горуправы возглавляли члены ВКП(б) Дудкин и Мирошниченко соответственно. Бургомистром Брянска Южного (один из районов г. Брянска) стал бывший инженер завода «Красный Профинтерн» П. Соколов[43], бургомистром г. Феодосии – активный до войны член ВКП(б) Грузинов[44]. Бургомистром райцентра Погар Орловской области был назначен бывший директор МТС Шлапак, а начальником полиции в том же районе – бывший секретарь поселкового совета Синицкий. Обзор списков лиц немецких пособников и формулярных дел органов НКВД дает основания утверждать, что не менее 30% служащих аппарата самоуправления составляли советские и партийные работники. Так, из 140 «бывших немецких ставленников», взятых на учет Почепским РО НКВД Брянской области на 10 августа 1944 г., 50 чел. – бывшие советские и партийные работники, 2 – крестьяне-единоличники, 13 – рабочие, 3 – безработные, 1 – официантка, 81 – рядовые колхозники[45]. Советские партизаны также констатировали наличие в управленческом аппарате немалого числа членов ВКП(б). Так, одна из партизанских сводок, характеризуя кадровое состояние органов местного самоуправления в Стародубском районе Орловской области, сообщает: «Характерно, что немцы таких «коммунистов» не боятся, а вполне им доверяют»[46]. Итак, если принять, что коммунисты заняли около 30% мест в коллаборационистском административном аппарате, уместно вспомнить, что на начало войны численность ВКП(б) вместе с кандидатами в члены партии составляла менее 2% от населения СССР. Так, на дату последнего довоенного XVIII съезда ВКП(б) партия включала 1 588 852 члена и 888 814 кандидатов.

Не менее интересно, что служащие аппарата самоуправления после оккупации в большинстве своем остались на ответственных должностях. В некоторых случаях заняли более высокие, нежели до войны, должности. Так, почепский учитель М.И. Полессков в период оккупации служил начальником паспортного стола, после освобождения Почепского района стал заведующим Районным отделом народного образования. Бывшие счетоводы, писари, землемеры, служившие в оккупацию старостами, в большинстве стали председателями колхозов. А секретари сельских советов, бывшие в оккупацию волостными старшинами, в ряде случаев заняли должности председателей сельских советов[47]. Такой парадокс можно объяснить острой нехваткой руководящих кадров, в результате чего приходилось мириться с компрометирующим прошлым данной категории руководителей. Массовое

---

[42] ГАБО. Ф.2608. Оп.1. Д.122. Лл.8-8об.

[43] Там же.

[44] *Ковалев Б.Н.* Проблемы типологии отечественного коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке: сб. статей / под ред. А.А. Здановича, М.Н. Петрова, В.Н. Хаустова. - М.: Общество изучения истории отечественных спецслужб, 2006. – С.51.

[45] ГАБО. Ф.2608. Оп.1. Д.21. Лл.74-75об,76-81.

[46] ЦНИБО. Ф.1650. Оп.1. Д.93. Л.160.

[47] ГАБО. Ф.2608. Оп.1. Д.21. Лл.74-75об,76-81.

исключение данных категорий коллаборационистов из рядов ВКП(б) в период с 1944 по 1948 гг. далеко не всегда служило основанием для снятия их с руководящих должностей.

Однако следует отметить, что в числе сотрудников оккупационных управленческих структур оказалось немало лиц, оказывавших помощь партизанам и советскому подполью. Так, в полосе действия Калининского фронта, согласно докладу о состоянии разведывательной работы в партизанских бригадах Калининского фронта, на июнь 1943 г. агенты партизан из числа бургомистров, волостных старшин составляли довольно многочисленную группу – 47 чел., что уступало лишь количеству агентуры из числа крестьян (212 чел.) и служащих германских учреждений (60 чел.)[48]. Наличие в коллаборационистских управленческих структурах большого числа «ненадежных» элементов не было секретом для германского командования. Так, в секретном сообщении Главного командования Верховного командования сухопутных сил (ОКХ), относящемуся к весне 1943 г., говорится: «В создаваемых германскими войсками органах управления действуют коммунисты… Они натравливают население на германские оккупационные власти и поддерживают сношения с бандитами (партизанами) и коммунистами»[49]. Здесь речь не идет об особой категории «коллаборационистов» - советских подпольщиках, занявших руководящие посты по заданию партизан, а о тех коммунистах, которые вели двойную игру, стремясь угодить и оккупантам и партизанам. Это подтверждается наличием заведенных на них после войны органами НКВД формулярных дел и исключением их из партии, от чего этих «двойных предателей» не спасало вынужденное сотрудничество с партизанами.

Следующей сферой использования советских специалистов и партийно-комсомольского актива стали созданные оккупантами органы вспомогательной гражданской полиции. На руководящие посты в полиции и на ответственные должности в ее структурных подразделениях обычно назначались лица из местной интеллигенции, знающие местность, представители гражданского населения, а также лица, знакомые с юриспруденцией[50]. Так, начальником районной полиции г. Россошь был бывший адвокат Филиппов, начальником городской полиции – бывший бухгалтер аптечной базы Стотик[51], в полиции Калининского района работала бывший народный судья, член ВКП(б) с 1927 г. А.В. Сергеева[52]. Нередко на ответственные должности в полиции попадали члены ВКП(б) и ВЛКСМ, в прошлом ответственные советские работники. Так, только в составе Ветринской полиции (Калининская обл.) начальником 2-го отдела служил бывший член ВЛКСМ А.И. Колтунов, следователем – член ВКП(б), бывший директор хлебозавода В.Т. Коляденок, помощниками начальников 3, 4 отделов – бывший председатель колхоза И.Н. Бельский и бывший бухгалтер сельпо Н.А. Равдышко соответственно[53]. Любопытно, что бывших работников милиции в органах вспомогательной полиции практически не встречается.

---

[48] ТЦДНИ. Ф.479. Оп.1. Д.637. Л.11.

[49] *Загорулько М.М., Юденков А.Ф.* Крах плана «Ольденбург»: О срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированных территориях СССР. – М.: Экономика, 1974. – С. 206.

[50] ТЦДНИ. Ф.479. Оп.2. Д.16. Л.83.

[51] *Смыслов О.С.* Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. – М.: Вече, 2006. – С. 103.

[52] *Пережогин В.А.* Вопросы коллаборационизма // Война и общество, 1941-1945: сб. статей. В 2-х кн. - М., 2004. Кн.2. - С. 293.

[53] ТЦДНИ. Ф.479. Оп.1. Д.284. Л.2об.

Помимо штатных сотрудников полиции, ее добровольными помощниками, оплачиваемыми агентами становилось немало сотрудников органов местного самоуправления. В июне 1943 г. в Усвятском районе Смоленской области партизанским отрядом Ермолаева были расстреляны кандидат в члены ВКП(б) В.Т. Буков (бывший председатель колхоза «Красный Путиловец»), А.Л. Шитиков (бывший бригадир колхоза), П.Ф. Шутров (бывший бригадир полеводческой бригады), члены ВКП(б) М.И. Миронов (бывший завуч средней школы), П.П. Прошин (бывший старший механик МТС), Р.Л. Шандаевский (бывший зав. РАЙФО Усвятского района). Все они, поступив на должности старост и волостных старшин, за исключением А.Л. Шитикова, служившего полицейским, являлись агентами полиции, принимали участие в вылавливании партизан, неоднократно водили карательные отряды в места дислокации партизан[54]. Нередко германские спецслужбы и органы полиции использовали легально проживавших на оккупированных территориях коммунистов и комсомольцев для вылавливания советских партизан, разведчиков, искоренения подполья. Выразительно охарактеризовал суть подобных операций бежавший из немецкого плена старший лейтенант РККА В.И. Силанев: «Тайная агентура вербовалась преимущественно из бывших коммунистов и комсомольцев и актива советской власти с той целью, если появятся местные партизаны и разведчики – они будут заходить, а зная их как хорошо преданных советской власти, вы, дескать, к этому времени сообщите нам, т. е. немецкой комендатуре»[55].

Что касается коллаборационизма в промышленной сфере, по указанию оккупантов была восстановлена и пущена в работу часть предприятий, в основном добывающей и обрабатывающей промышленности. В некоторых случаях предприятия возобновляли свою работу практически без смены кадрового состава, при прежнем руководстве, причем, руководящие должности нередко занимали члены ВКП(б). Так, согласно донесению политотдела 43-й армии от 30 апреля 1942 г., начальником механических мастерских в Знаменском районе Смоленской области стал бывший директор МТС, член ВКП(б) С.Л. Маник[56]. Уникальная ситуация сложилась на Старицком льнозаводе Калининской области, где над восстановлением и пуском в работу предприятия после занятия района немцами в полном составе работала партийная организация во главе с ее секретарем (парторгом)[57].

В области политико-пропагандистских мероприятий, проводившихся под патронажем германских властей, последним нередко приходилось прибегать к помощи членов ВКП(б). Именно коммунисты, будучи в ряде случаев хорошо знакомы с внутренней политикой СССР, зная настроения советских граждан, нередко становились незаменимым контингентом для составления текстов листовок, подготовки радиопередач, работы в средствах массовой информации. Любопытно, что при этом членам ВКП(б) позволялось использовать некоторые коммунистические лозунги, идеи Коммунистического интернационала, имя В.И. Ленина. Так, в ноябре 1942 г. группа членов ВКП(б) составила листовку-обращение к трудящимся СССР, широко распространявшуюся как среди гражданского населения Орловской, Курской и Смоленской областей, так и среди советских военнопленных. При помощи авиации обращение разбрасывалось над местами

[54] Там же. Оп.2. Д.157. Лл.2,3,6,7,11,12,14,15,28,41,46.

[55] РГАСПИ. Ф.69. Оп.1. Д.983. Л.9.

[56] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф.398. Оп.9329. Д.217. Л.445.

[57] Независимая газета. – 1991. – 27 авг.

скоплений партизан. В обращении разъяснялось, что И.В. Сталин и советское правительство своими действиями перечеркнули ленинские идеи, став, по сути, врагами коммунистической идеологии. В частности, Сталину и его «шайке» ставился в вину союз с англо-американскими капиталистами. На них же перекладывалась ответственность за развязывание «второй империалистической» войны. Обращение подводит итог: «В интересах трудящихся Ленин в 1917 году требовал немедленного прекращения первой империалистической войны. Тем настоятельнее он потребовал бы прекращения нынешней, второй империалистической бойни». Подпись под обращением гласит: «Члены ВКП(б), оставшиеся верными заветам Ленина»[58].

Что касается возникших в период оккупации антисоветских партий и организаций, у руля создания многих из них стояли члены ВКП(б). Выразительным примером является созданная осенью 1941 г. в Брасовском районе Орловской области Национал-социалистическая партия России (НСПР), основной стержень которой составили следующие представители районной партийно-советской элиты:

- М.В. Васюков – член ВКП(б), председатель Брасовского райплана;
- С.Н. Павлюченко – член ВКП(б), председатель Брасовского райисполкома;
- В.И. Королев – член ВКП(б), директор швейной мастерской, член ВЦИК в 1929-1934 гг.;
- С.В. Мосин – заведующий Брасовским районным отделом народного образования;
- М.И. Морозов – бухгалтер Брасовского райпотребсоюза[59].

Сферами гражданского коллаборационизма, свободными от влияния коммунистов, стали религия, а также созданная на оккупированных территориях РСФСР судебная система. Согласно изданному в конце 1942 г. документу под названием «Судопроизводство в русских органах управления», содержащему общие рекомендации по вопросам организации судов и нормы процессуального права[60], категорически запрещалось назначать на судейские должности бывших членов коммунистической партии[61]. В то же время данных о практическом следовании данному запрету нигде не содержится, а в анкетах работников судов данные об их партийной принадлежности отсутствуют.

Апологеты коммунизма часто указывают на вклад коммунистов в партизанское движение, деятельность подполья. Однако детальное рассмотрение этого вопроса открывает совершенно иную картину. Одним из характерных примеров является оккупированная территория Воронежской области, где коммунисты фактически провалили партизанское движение. На 1 июля 1942 г., то есть к началу оккупации районов области, на ее территории, согласно постановлению Воронежского обкома ВКП(б) № 20/13740, было создано 150 партизанских отрядов, в которые вошли 3 126 будущих партизан[62]. Казалось бы, партизан достаточно, чтобы бороться с оккупантами. Однако когда немцы заняли 30 районов области, оказалось, что в них остался всего 51партизанский отряд, а

---

[58] Личный архив И.Г. Ермолова (ЛАЕ) // Товарищи! – Листовка-обращение XI.42 / Типогр. экз. Подлинник.

[59] Ермолов И.Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. – Орел: Орловский государственный университет, 2008. – С. 32.

[60] ГАБО. Ф.2608. Оп.1. Д.2. Лл.200-205об.

[61] Там же. Лл. 201об-202.

[62] Центр документации новейшей истории Воронежской области (ЦДНИВО). Ф.3478. Оп.1. Д.7. Л.11.

общее количество бойцов составило 1 267 чел.[63], остальные при приближении гитлеровцев просто разбежались. Однако и с оставшимся количеством партизанской борьбы не получилось. По советским меркам эти отряды должны были стать более чем надежными: в них состояло 930 коммунистов и 85 комсомольцев[64], то есть около 80% партизан составляли самые идейные и стойкие бойцы. Однако в течение первого же месяца оккупации эти «идейные» и «стойкие» разбежались, партийные органы области с тревогой констатировали, что ввиду трусости и бегства коммунистов и комсомольцев в советский тыл, партизаны остались всего в шести районах области – 11 отрядов со 199 бойцами[65]. Комиссар одного из оставшихся отрядов под названием «Орлик», член ВКП(б) Тихонов фактически сдал отряд немцам, а сам струсил и бежал[66]. Командование отряда «Ворон» - командир Исаев и комиссар Пархоменко, оба члены ВКП(б) – струсив, отсиживались на конспиративной квартире, предложив своим партизанам разбегаться кто куда. Отряд, таким образом, фактически прекратил свое существование. Его бойцам не оставалось ничего как явиться в немецкую комендатуру и зарегистрироваться, а один из них – член ВКП(б) Сидельников – стал сельским старостой[67]. Схожая судьба постигла отряды «Стальной» и «Родина»: командование проявило растерянность, а бойцы зарегистрировались в немецкой комендатуре. Более того, комиссар отряда «Родина» коммунист М.И. Бровко выдал немцам все тайники с оружием и продовольствием, а также 7 наиболее активных бойцов, которые по его доносу были расстреляны[68]. 12 июля 1942 г. из отряда «Мститель» дезертировал член ВКП(б) Острый, он вызвался вести к месту дислокации отрядов немецкое карательное подразделение. По пути следования немцы уничтожили случайно встретившийся им отряд курских партизан, бойцы же отрядов «Стальной» и «Родина», услышав стрельбу, струсили и разбежались[69]. Из отряда «Таня» 12 июля дезертировал член ВКП(б), комиссар Овчинников, который под видом установления связи с подпольным райкомом ВКП(б) ушел домой, зарегистрировался в комендатуре и устроился на работу счетоводом. Затем коммунист Овчинников присвоил себе содержимое партизанских тайников с продовольствием, а тайники с оружием и типографской машиной выдал немцам. Узнав об этом, по примеру комиссара из отряда дезертировал еще ряд бойцов. Оставшиеся 12 партизан через некоторое время также разошлись по селам. Однако 15 августа был арестован немцами секретарь подпольного райкома ВКП(б) Серых, который и выдал имена разошедшихся партизан, в результате через два дня все они были арестованы[70].

Партийное руководство Воронежской области, будучи шокировано сложившейся ситуацией, решило поправить положение, в августе-сентябре перебросив в оккупированные районы 7 партизанских отрядов общим количеством 82 чел.[71]. На этот раз отряды состояли исключительно из лиц, окончивших курсы подготовки партизанских кадров при Воронежском обкоме ВКП(б), около 90%

---

[63] Там же. Д.2. Л.6.

[64] Там же.

[65] Там же. Д.166. Л.26; Ф.3. Оп.1. Д.4560. Л.3об.

[66] Там же. Ф.3478. Оп.1. Д.156. Лл.20-20об.

[67] Там же. Лл.21об-22.

[68] Там же. Ф.3. Оп.1. Д.4560. Лл.15об.,13.

[69] *Филоненко Н.В.* Немецко-фашистский режим на временно оккупированных территориях Воронежской области и его крах: дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 2003. – С. 112.

[70] Там же. С.16.

[71] ЦДНИВО. Ф.3478. Оп.1. Д.2. Лл.11,13; Д.10. Л.23; Д.12. Л.40об.; Д.15. Л.24; Д.132. Л.6об.

курсантов были членами и кандидатами в члены ВКП(б), комсомольскими работниками. Однако в первые же дни пребывания в немецком тылу из отрядов дезертировали коммунисты Салов и Остроушко. Они выдали немцам местоположение партизан. В результате отряд рассеялся, бойцы ушли в глубокое подполье, 7 чел. зарегистрировались в комендатуре и перешли на легальное положение. В дальнейшем несколько партизан пытались вести борьбу с оккупантами, однако результаты оказались более чем скромными – убийство 9 немцев и 8 повреждений линий связи. В ноябре 1942 г. в результате нового предательства остатки партизан были полностью уничтожены итальянскими войсками[72].

В дальнейшем за трусость и преступную халатность в деле организации партизанской борьбы были отданы под суд Военного трибунала первый секретарь Острогожского райкома ВКП(б) Макаров, первый секретарь Белогорьевского райкома ВКП(б) Кошарный, второй секретарь Острогожского райкома Коротчин (дезертировал с поста первого секретаря подпольного райкома), комиссар партизанского отряда Иванов, председатель Землянского райисполкома Иконин, заведующий райзо Хохольского исполкома Лыков[73].

Таким образом, попытку развернуть в оккупированных районах Воронежской области широкомасштабное партизанское движение можно считать провалившейся, причем, ответственность за это всецело ложится на партийное руководство области и рядовых коммунистов, показавших образцы трусости и малодушия. Интересны данные одного из документов Воронежского обкома ВКП(б), в которых указывается лишь два «подвига» партизан Алексеевского, Евдаковского, Михайловского, Кантемировского, Острогожского и некоторых других районов области: восстановление советской власти после прихода Красной армии и выявление изменников Родины[74].

Коммунисты и комсомольцы, будучи воспитаны в духе карьеризма, соответствующим образом проявили себя и в период оккупации. Трусость, малодушие перед лицом врага, стремление сделать карьеру в любых условиях – вот неполный перечень того вклада, который внесли в борьбу с немецкими оккупантами члены ВКП(б) и ВЛКСМ. Так, в гражданских коллаборационистских процессах на оккупированных территориях РСФСР приняли участие все слои советского общества во всем его вертикальном разрезе. При этом члены ВКП(б) и советские работники не составили исключения, напротив, довольно часто занимали высокие посты во всех органах, созданных германской оккупационной администрацией. И если определенным категориям коллаборационистов нельзя отказать в идейности, искреннем желании побороться против советского режима, пусть в союзе с внешним врагом, то коммунистов и комсомольцев вряд ли можно подвести под эту категорию. Стоит обратить внимание и на то, что автором мифа о небывалой стойкости коммунистов была сама коммунистическая партия. Приложив немало усилий к тому, чтобы выдать желаемое за действительное, ВКП(б)-КПСС, по сути, занималась самохвальством. Можно с уверенностью утверждать, что распространенные домыслы об особой стойкости коммунистов в период оккупации являются не более чем идеологическим мифом, не имеющим никакого отношения к исторической науке.

---

[72] *Филоненко Н.В.* Указ. соч. С.122.

[73] Там же. С.129-130.

[74] ЦДНИВО. Ф.3478. Оп.Д. 162а. Лл.1-2.

КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются причины, развитие и последствия военного коллаборационизма на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны. Автор рассматривает состав вооруженных формирований на службе немецких военных и полицейских инстанций, их боевые действия против партизан и подпольщиков, переход коллаборационистов на сторону партизан и Красной армии. Использованы преимущественно источники, возникшие в процессе деятельности партизанских соединений Калининской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, коллаборационизм, Калининская область, партизанское движение, вспомогательная полиция.

Abstract. The article discusses the causes, development and consequences of military collaboration in the Kalinin region during the Great Patriotic war. The author examines the composition of the armed formations in the service of the German military and police authorities, their fighting against the partisans and underground workers, the transition of collaborators to the side of the partisans and Red army. The sources which have arisen in the course of activity of guerrilla connections of the Kalinin area are used mainly.

Key words: Great Patriotic war, collaborationism, Kalinin region, guerrilla movement, auxiliary police.

А.В. Цветков (Тверь)

Сведения о коллаборационистских формированиях, действовавших на территории Калининской области, часто отрывочны и неточны. Многие формирования (например, лжепартизанский отряд Мартыновского) не действовали на территории Калининской области постоянно.

Тем не менее, собранные сведения позволяют описать подробно деятельность целого ряда коллаборационистских формирований, о которых ранее почти нигде не упоминалось.

Коллаборационистские формирования на территории нашей области в годы Великой Отечественной войны можно условно разделить на следующие категории:
-

1.Антипартизанские и карательные.

2.Охранные.

3.Политико-пропагандистские.

Данное деление условно в силу того, что одни и те же формирования выполняли разные функции. Например, карательные формирования «ЕКА» и несли охранную службу, и вели антипартизанские действия.

Некоторые формирования действовали только декларативно. Так, Российское национал-социалистическое движение (РНСД) вопреки планам и целям его создания никогда не действовало на территории не то что всего СССР, но даже Калининской области.

Основным содержанием деятельности коллаборационистов на территории области в годы Великой Отечественной войны была борьба с советским подпольем и партизанами. Многочисленные источники и мемуары участников событий свидетельствуют о постоянных боевых столкновениях и карательных акциях. Следует учитывать, что на территории Калининской области бои проходили с 1941-го по 1944-й гг., - почти три года. Постоянная близость фронта заставляла

немцев вести в области активную борьбу с партизанами, советским подпольем и забрасываемыми из советского тыла агентами, а также активно проводить политику террора по отношению к мирному (особенно просоветски настроенному) населению и максимально использовать помощь всевозможных коллаборационистов. Более того, коллаборационистов для службы на территории области привозили из многих регионов СССР и даже из других стран.

Советское руководство также не могло не понимать всю действительную или потенциальную опасность, исходившую от коллаборационистов, и предпринимало все усилия для разложения таких формирований. Их участников переманивали на свою сторону либо уничтожали. В начале войны немцы не были заинтересованы в создании крупных формирований из советских коллаборационистов, так как были уверены, что выиграют войну и без их помощи. Серьёзным препятствием на пути к развитию взаимоотношений между немцами и теми людьми в СССР, которые готовы были им помогать, была расовая доктрина гитлеровцев.

Тем не менее, коллаборационисты сопровождали гитлеровских оккупантов практически с момента их появления на территории области. Особенно много было латышских коллаборационистов, которых часто использовали в качестве гражданских специалистов. Например, в паровозном депо в поселке Идрица, по свидетельству секретаря Идрицкого райкома В.А. Дунаева, в 1943 г. среди рабочих депо в основном были немцы и латыши. По словам пережившего оккупацию Калинина Юрия Ивановича Иванова, с немцами в городе было большое количество латышей. Одеты они были в немецкую форму, но у большинства из них не было оружия.

Почти все латыши знали русский язык. Служили они у немцев в основном конюхами, денщиками, шоферами и переводчиками. То же подтвердил в личной беседе с автором переживший оккупацию и ныне проживающий в Твери Борис Михайлович Феоктистов. По его словам, с немцами в оккупированном Калинине было ещё много поляков, одетых в немецкую форму. Русского языка они почти не понимали; между собой разговаривали по-польски, а с немцами по-немецки.

Немцы доверяли латышам ответственные административные посты. В Идрице, как явствует из партизанских источников, немцы назначили районным начальником латыша Либика (Либиха), проживавшего в этом поселке до войны[1]. Либик был кандидатом в члены ВКП(б). Из латышей формировали и строительные части. В деревне Пустошки Калининской области в первой половине 1943 г. находилась строительная часть из латышей, численностью около 200 человек. Они были заняты на оборонных работах[2].

Немецкие оккупанты активно формировали из коллаборационистов полицейские, диверсионные, охранные и воинские формирования. В них набирались как местные жители, так и привезенные из отдаленных областей и даже других стран.

Наиболее известным был лжепартизанский отряд Александра Мартыновского. Официальное его название «Ваффен СС Ягд Фербанд «ОСТ», («Истребительное подразделение войск СС «Восток»). Отряд действовал против партизан очень эффективно, захватывая постоянно во время своих вылазок двух-трех партизан. Отличить их от настоящих партизан было крайне трудно. Некоторые местные партизанские отряды пытались устраивать засады против врага, но это не приносило им успеха. Лжепартизаны заранее распространяли ложные слухи о пути своего следования, а сами появлялись там, где их не ждали. Помимо борьбы с

[1] Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф.479. Оп.3. Д.45. Л. 11.
[2] Там же. Л.89.

партизанами и советскими агентами, этот отряд под видом партизан терроризировал местное население, дабы вызвать у него ненависть к партизанам. В 1944 - 1945 гг. этот отряд служил под командой Отто Скорцени и принимал участие в штурме дворца регента Венгрии Хорти.

Численность данного формирования колебалась в пределах двухсот человек[3]. Некоторые источники говорят о ста[4]. Жестокость в этом отряде проявлялась не только по отношению к партизанам и мирному населению, царила она и внутри отряда. Александр Мартыновский и Игорь Решетников, его заместитель, были уголовниками, как и многие в их отряде. Однако находились в отряде люди, перебегавшие к партизанам; тех же, кому это не удалось, в случае поимки ждали пытки и казнь. Мартыновский лично расстреливал всех, кто пытался бежать к партизанам[5].

Возможно, что звериная жестокость, царившая в этом отряде, служила еще и пропагандистским целям. Делалось это не только для устрашения местного населения и партизан, но и для того, чтобы отбить охоту у бойцов этого лжепартизанского отряда перебегать к партизанам. Так, про одного перебежчика распространялись слухи, что партизаны казнили его без суда, едва он к ним пришел. О том, каковы были нравы в отряде, свидетельствует тот факт, что уже в Польше Решетников застрелил Мартыновского, польстившись, видимо, на большое количество награбленного добра[6].

Немцы смотрели на все эти жестокости сквозь пальцы. Во всяком случае, Игорь Леонидович Решетников не только не понес никакого наказания, но и занял место убитого им Мартыновского. Отряд Мартыновского-Решетникова первоначально формировался в Ленинградской области под городом Лугой, потом пополнялся в тех местах, где действовал. Помимо Калининской и Ленинградской областей, этот отряд действовал на Псковщине, в Белоруссии и в Польше[7].

В начале 1945 г. значительная часть отряда была разгромлена советскими войсками. Взятые в плен лжепартизаны были расстреляны[8].

Разумеется, этот лжепартизанский отряд не был на территории нашей области единственным. Так, в Себежском районе действовал еще один лжепартизанский отряд. В отличие от отряда Мартыновского, действовал он эпизодически. Например, группа лжепартизан в этом районе активизировала свои действия зимой 1944 г. Во время массовых немецких карательных акций лжепартизаны уничтожили деревню Клевино (10 домов) и заживо сожгли 12 жителей этой деревни. Эта же группа лжепартизан вступила в контакт с настоящими партизанами и, захватив двоих, увезла их в Себеж[9]. Но далее об этой группе партизанские источники не сообщают. Возможно, немцы расформировали ее или она действовала в других районах, или сведений о ее дальнейшей деятельности не сохранилось. Численность и командный состав данной группы остаются неизвестными.

В 1943 г. в Идрицком районе действовала группа русскоязычных коллаборационистов, выдававших себя за передовой отряд наступающих частей

---

[3] Терещатов В.И. 900 дней в тылу врага. 3-е изд., перераб. и доп. М, 1990. С.267.
[4] ТЦДНИ.Ф.479.0П.2.Д.13..Л.199.
[5] Терщатов В.И.Указ соч. С.282.
[6] Там же. **С.** 288.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] ТЦДНИ. Ф.479. Оп.3. Д.98. Л.5.

Красной армии. Участники этого формирования были одеты в советскую форму и носили советские награды. Группа занималась сбором сведений о партизанах[10].

Лжепартизанские отряды действовали и в других районах области. В партизанском крае, возникшем летом 1943 г. в западной части Невельского и южных частях Пустошкинского, Идрицкого и Себежского районов, действовали одновременно несколько лжепартизанских отрядов. Одновременно, как и везде, здесь действовало большое количество гитлеровских диверсантов и разведчиков[11]. Во многих районах в ряды партизан засылались диверсанты из числа коллаборационистов под видом перебежчиков. Их целями были разведка, диверсии и разложение партизанских отрядов. Этих агентов обучали в особой школе в Линидорфе на территории Германии[12].

Следует признать, что далеко не все коллаборационисты были верны немцам. Случаи их перехода к партизанам в отчетах руководителей партизан отмечаются достаточно часто. Комиссар 5-й Калининской партизанской бригады А. Кулеш пишет, что диверсанты «не могли служить верной опорой Гитлеру, так как многие из них в тайне желали вернуться к своим».

Наибольшую известность среди формирований коллаборационистов на территории области, как и везде, приобрели карательные отряды. В первую очередь здесь следует упомянуть отряды «ЕКА» («Einwohner- kampfabteilung» - «местные боевые отряды»). Они подчинялись полевой жандармерии. Эти отряды создавались повсеместно в немецком тылу. Согласно справке, составленной НКВД на основании показаний арестованных участников «ЕКА», в задачи отрядов входили:

1) вооруженная борьба с партизанами;
2) проведение репрессивных мер по отношению к просоветски настроенным гражданам;
1) охрана военных объектов и коммуникаций в немецком тыну;
2) содействие в проведении мероприятий немецких властей на оккупированных территориях[13].

Структура «ЕКА» не отличалась от структуры германских воинских подразделений. Численность их была различной. Например, в районе Великих Лук численность отрядов «ЕКА» в среднем составляла 150 человек. Отряды, в свою очередь, делились на взводы, а взводы - на подразделения. Так, Локнянский отряд «ЕКА-4» делился на 9 взводов (отрядов), которые действовали самостоятельно на различных участках Локнянского района. Подразделения «ЕКА» назывались по населенным пунктам, где они постоянно дислоцировались: Локнянский, Липшанский, Ольховский, Нарковский, Дунянский, Грибановский, Вережинский и др.

Некоторые отряды «ЕКА» делились на две команды, одна из которых занималась борьбой с партизанами и советскими патриотами, а другая несла службу по охране объектов и коммуникаций. Назывались они «ягдкоманда» и «вахткоманда». Однако подобное деление было весьма условным. В большинстве случаев вахткоманда также принимала непосредственное участие в борьбе с партизанами.

Отряды «ЕКА» комплектовались в основном бывшими советскими военнослужащими – недавними пленными или вернувшимися по домам окруженцами. Этими отрядами командовали, как правило, также бывшие советские

---

[10] Там же. Оп.2. Д.13..Л.199.
[11] Народная война в тылу врага. Калинин, 1971. С.67.
[12] ТЦДНИ Ф.479. Оп.3. Д.98. Л.40.
[13] От ЧК до ФСБ. Тверь, 1998. С.279.

военные, назначенные немецкой полевой жандармерией, реже командовали немцы. Командиры взводов и отделений назначались из числа наиболее отличившихся бойцов «ЕКА» и утверждались немецким командованием.

За службу в «ЕКА» выдавалось ежемесячное вознаграждение - 240 рублей холостым, 500 рублей семейным. Личный состав «ЕКА» имел на вооружении винтовки, автоматы, пулеметы, гранаты, командный состав - пистолеты. Оружие в основном трофейное, то есть советское. Бойцы носили зеленую форму со светло-зелеными с черной окантовкой погонами. На головных уборах размещалась кокарда с изображением орла и свастики. Получали бойцы «ЕКА» и нательное белье. Всеми делами каждого «ЕКА» ведала ортскомендатура.

Командный состав «ЕКА» проходил обучение в полицейских школах, главным образом в Германии[14].

Борьба с партизанами и их сторонниками была основной задачей «ЕКА». Нередко антипартизанские акции бойцы «ЕКА» проводили совместно с сотрудниками СД и полевой жандармерией, а также регулярными немецкими частями и другими коллаборационистскими формированиями.

В основном бойцы «ЕКА» базировались в казармах в населенных пунктах. А во время акций могли располагаться в деревнях в домах местных жителей.

Отряды «ЕКА» действовали не только на территории своего района, но могли перебрасываться далеко и надолго от мест постоянной дислокации. Так, Подберезинский карательный отряд действовал, кроме своего, в Локнянском, Бежаницком, Кудеверском, Холмском и Опочецком районах[15].

Как уже упоминалось, отряды носили названия тех местностей, где постоянно базировались. На территории современного Великолукского района было 9 отрядов «ЕКА»: Бежаницкий, Идрицкий, Красногородский, Кудеверский, Локнянский, Опочецкий, Подберезинский, Пустошкинский, Себежский. Однако отряды имели и порядковые номера. Подберезинский отряд назывался «ЕКА-5», Локнянский - «ЕКА-4». Судя по сохранившимся сведениям, отряд «ЕКА-5» наиболее прославился своими зверствами. Возможно, именно поэтому его и перебрасывали много раз в другие местности. В этом отряде было около 200 человек. Приведем описание некоторых операций этого отряда.

Осенью 1942 г. он провел крупную операцию против партизан в районе деревни Черелипа Бежаницкого района. В ходе боев убито 40 партизан.

Летом 1943 г. в течение недели отряды «ЕКА-5» производили в районе села Ратча Холмского района поиски партизан. За это время были расстреляны и замучены 35 мирных жителей и сожжено 2 деревни[16].

Весной 1944 г. каратели из «ЕКА-5» орудовали в Кудеверском районе. На сей раз партизан они не нашли, однако позже в том же районе 7 человек было казнено как партизаны. Всего «ЕКА-5» сжег более 20 деревень.

Впрочем, старались не отставать и другие отряды «ЕКА». Локнянский отряд «ЕКА-4» только за несколько месяцев уничтожил в своем районе в 1942 г. 180 человек и еще 60 арестовал. Бежаницкий отряд «ЕКА» только осенью 1943 г. угнал более 1510 голов крупного рогатого скота. В декабре 1943 г. и в январе 1944 г. этот же отряд полностью сжег все населенные пункты на территории Завещевского сельсовета. Жителей деревень сжигали заживо в их домах и хозяйственных

[14] Там же. С.280.
[15] Там же.
[16] Там же. С.281-285.

постройках. Тех, кто пытался выбраться из горящих строений, расстреливали из пулеметов[17].

«ЕКА» участвовали в насильственной отправке людей в Германию; только с территории Кудеверского района в Германию при помощи местного «ЕКА» были угнаны 600 человек.

Сохранилось мало данных о командирах «ЕКА». «ЕКА» Себежского района возглавлял некто Чидра (по другой версии - Радэ). Судя по фамилии - венгр. Где он жил до войны, в каком звании был, и что стало с ним после войны, неизвестно. Начальником Опочецкого отряда «ЕКА» был оберфельдфебель Тинельт, немец по национальности. Пустошкинский «ЕКА» возглавлял немецкий офицер Шиллинг, а затем какой-то немецкий лейтенант[18].

При отступлении немцы старались эвакуировать бойцов «ЕКА». Но все же некоторые из них попали в руки советского правосудия. Так, 9 участников отряда «ЕКА-5» 14 - 15 октября 1946 г. были арестованы и осуждены на различные сроки каторжных работ[19].

Партизаны, судя по всему, ненавидели коллаборационистов больше, чем немцев. Ненависть к ним сквозит сквозь сухие строки отчетов партизанских командиров. Партизаны предпринимали и акты возмездия по отношению к полицейским и карателям. Предположительно в октябре 1943 г. идрицкие партизаны обстреляли больницу и общежитие в Себеже, где жили и лечились полицейские. Общежитие в результате этого было разрушено. Этот факт описывается в отчете партизанского руководства Идрицкого района. На акции каратели выезжали на автомашинах[20], то есть немцы не жалели средств материально-технического обеспечения для проведения карательных акций.

Случаи, когда партизаны жестоко расправлялись с коллаборационистами, происходили нередко. Война ожесточала людей. Один из партизанских командиров, чей отряд действовал на территории Кудеверского и Опочецкого районов, заявлял, что он лично расстрелял 13 полицейских[21].

На территории Калининской области действовали и коллаборационисты из далеких стран. В докладной записке начальнику IV управления НКВД СССР старшему майору госбезопасности Судоплатову 11 августа 1942 г. сообщалось, что на территории области 28 - 29 июля 1942 г. был взят в плен кандидат в офицеры из добровольческого голландского легиона. Он дал показания о наличии новых видов вооружения у немцев и о том, что сам в Германии проходил военно- химическую подготовку. Однако документ не сообщает, в каком количестве в области действовали голландцы и когда они сюда прибыли[22].

Немцы формировали в области и гораздо более крупные воинские части из коллаборационистов. В Идрицком районе действовал отдельный батальон №382. Сведения о нем партизаны получили от перебежчиков Бабушкина и Трофимовича в ноябре 1943 г. Батальон квартировал поротно в различных населенных пунктах. Других сведений о нем в партизанских источниках нет. В ночь на 1 декабря 1943 г. специально созданная ударная группа партизан, куда вошли Трофимович и Бабушкин, разгромили одну из рот этого батальона. Это была та самая рота, где раньше служили Трофимович и Бабушкин. Командир роты был убит, ее штаб

[17] Там же. С.283.
[18] Там же. С.283-284.
[19] Там же. С.285.
[20] ТЦДНИ. Ф.479. Оп.2. Д.138. Лл.65-67.
[21] Там же. Д.890. Л.7.
[22] От ЧК до ФСБ… С.269.

разгромлен. Согласно отчету партизан, перебежчики дрались геройски, Бабушкин был ранен в ногу[23].

На территории Идрицкого района действовал и другой коллаборационистский батальон. В отчете комиссара 1-й Калининской бригады В.А. Дунаева упоминается боестолкновение с 283-м русско-латгальским батальоном. Судя по названию, в нем должны были состоять как русские, так и латыши. 16 января 1944 г. группа из 50 чинов этого батальона пыталась проникнуть в лагерь партизан, но была замечена дозорными. В ходе боя, согласно партизанским источникам, коллаборационисты отступили, потеряв несколько человек убитыми или ранеными. Партизаны потерь не имели[24].

Случай этот, когда немцы включали в одно формирование представителей разных национальностей, далеко не единственный на территории области. Так, в 1943 г. на территории Себежского района в деревнях Зародищи, Лавищи и Кременцы действовал немецко-эстонско-латышский отряд. Он выполнял охранные функции[25].

В Себежском районе действовал армянский добровольческий батальон. Помимо охранных действий, он вел разведывательную работу. Так, 28 февраля 1944 г. боец Арустан Акопович Арустамян 1922 года рождения, уроженец Нагорно-Карабахской области, добровольно сдался немцам, находясь на боевом посту у партизан. Ранее он был лейтенантом РККА, но, попав в плен, поступил на службу в армянский добровольческий батальон и стал начальником гарнизона села Ладыгино Опочецкого района. 26 мая 1943 г. во время боя с партизанами он вместе с группой товарищей перешел к партизанам и был зачислен в их отряд. После его вторичного предательства партизаны расстреляли его сожительницу Октябрину Степановну Архипову, так как считали ее соучастницей предательства[26]. Неизвестно точно, была ли Архипова предательницей, но Арустамян, судя по всему, был заслан к партизанам немцами под видом перебежчика или просто пожалел о своем переходе к партизанам.

Сохранились сведения о крупном бое партизан с армянами-коллаборационистами. Произошел он 26 мая 1943 г. в Себежском районе. Армяне из гарнизона села Ладыгино атаковали партизан из отряда им. Никонова, который возглавлял Леонов. Сначала армяне выбили партизан из деревни Козаново, но затем вынуждены были отступить. В плен к партизанам попало несколько человек, в том числе начальник ладыгинского гарнизона. Кто он, партизанские источники не сообщают. Возможно, это и был Арустамян. Не спасла армян и подошедшая к ним поддержка. Победа осталась за партизанами[27].

В Сережинском районе действовала группа лжепартизан, которых партизаны называли чернорубашечниками. Об этом формировании следует рассказать особо. Эта группа часто выдавала себя за бойцов Красной армии и партизан. Набиралась группа из дезертиров-красноармейцев, действовала под контролем немецкой контрразведки и была вооружена автоматическим оружием. Отрывочные сведения о данном формировании содержатся в партизанских источниках за зиму 1941 - 1942 гг. Из них становится известно, что отряд, помимо своей основной деятельности - выявления оставшихся в тылу советских работников и антипартизанских действий, - по собственной инициативе занимался грабежом

[23] ТЦДНИ. Ф.479. Оп.2. Д.138. Л.80.
[24] ТЦДНИ.Ф.479.0п.2.Д.139. Л.25.
[25] Там же. Оп.3. Д.98. Л.78.
[26] Там же. Л.102.
[27] Там же.Л.16.

населения под видом партизан и красноармейцев-окруженцев. Судя по всему, немцы чернорубашечникам очень доверяли, - по сведениям партизан, в районе действия этой группы не было ни одного немца. Хотя немцы редко доверяли своим пособникам действовать самостоятельно и редко их хорошо вооружали[28].

Наибольшее количество коллаборационистских формирований создавалось немцами в западных районах нашей области. Там оккупация была дольше, у немцев оказалось больше времени на их создание. В 1943 г. оккупанты все больше стали привлекать коллаборационистов на службу вследствие того, что понесли к тому времени очень большие людские потери. Особенно усиливали немцы формирование коллаборационистских частей в конце 1943 г. в связи с активизацией деятельности партизан и развитием наступления советских войск на фронтах. Согласно партизанским источникам, именно в это время в область прибыло большое количество коллаборационистов из других местностей - поляки, латыши, литовцы и эстонцы. Усилили набор и среди русского местного населения. Часть из этих людей пошла служить добровольно, а часть была немцами мобилизована[29].

Судя по всему, среди этих коллаборационистов было больше всего латышей, не считая русских. О них чаще всего упоминается в партизанских источниках, в том числе о написании пропагандистских обращений на латышском языке[30]. Такие обращения на латышском писались сотнями[31], об обращениях на иных языках партизанские источники не сообщают. Правда, были обращения к самим немцам[32].

Воззвания к коллаборационистам с призывом переходить к партизанам или бить немцев партизаны использовали очень часто. Результаты бывали различные. Иногда к партизаном переходило немного людей, а иногда - большое количество. После того как партизаны 1-й Калининской бригады в мае 1943 г. распространили среди коллаборационистов более 180 экземпляров «обращений к власовцам о переходе с оружием в руках на сторону партизан», в этом же месяце к партизанам перешло более ста коллаборационистов, с оружием и без оружия. По национальности это были в основном армяне и украинцы[33]. Известен случай, когда в бригаде Бобакова было зафиксировано сразу девять пленных поляков. К сожалению, источник не сообщает, сами они сдались или были взяты в плен в бою. Но этот факт однозначно свидетельствует о наличии определенного количества поляков на немецкой службе на территории Калининской области[34].

Обращения партизан к украинцам и казакам[35] позволяют сделать вывод, что казачьи и украинские коллаборационисты также служили на территории области. Партизанские источники мало сообщают о характере и количестве коллаборационистских частей, где служили казаки и украинцы. Упоминания о казаках встречаются довольно часто в списках безвозвратных потерь партизан, - когда говорится о причинах гибели или пленения[36]. Упоминание о казаках встречается в одной из статей К.И. Тяпиной. По ее утверждению, отряд казаков во главе с немецким капитаном Бойтельснахером действовал на границе Братского партизанского края. Эти казаки выступали и как лжепартизаны[37].

---

[28] Там же. Ф.147. Оп.3. Д.141. Л.31.
[29] Там же. Ф.479. Оп.2. Д.138. Л.77.
[30] Там же. Лл.110-111.
[31] Там же.
[32] Там же. Л.17.
[33] Там же.
[34] ТЦЦНИ.Ф.479.0п.2. Д.13. Л.228.
[35] Там же.Д.138.Лл.17-18.
[36] Там же. Оп.1. Д.275. Лл.83,115,136.
[37] Тяпина К.И. Народные мстители – не бандиты // Вече Твери. 2009. 18 июня.

Впрочем, не все коллаборационистские формирования на территории Калининской области вели разведывательную, карательную, охранную или диверсионную деятельность. Иногда задачей таких формирований была идейно-политическая и агитационная работа. Так, в июле 1943 г. в Себеж прибыл добровольческий русский отряд численностью 120 человек, русских по национальности. В основном это были представители в прошлом командного и начальствующего состава РККА. Агентура партизан связалась с ними и, выяснив настроение членов этого отряда, предложила им бежать к партизанам. Замысел сорвал один полковник, бежавший раньше намеченного срока. В результате к партизанам ушли всего 20 человек, прочих разоружили и отослали в Латвию. Перебежчиков партизаны распределили по отрядам, где они давали командованию информацию о неприятеле.

Следует сказать о некоем Викторе Семеновиче Бончковском, который до войны был доцентом в Днепропетровском университете. Он показал, что гестапо создало из числа пленных командиров РККА так называемый «политический центр борьбы с большевизмом». В нем ссотояло около 200 человек. Руководство осуществляли генерал-майоры Бессонов и Будыхо, полковник Любимов, подполковник Бродников и сам Бончковский, который дал много ценной информации об этой организации. В частности, Бончковский показал, что многие из нее желают вернуться к своим[38].

Следует упомянуть и полицейские формирования, создававшиеся немцами во всех крупных населенных пунктах. Полиция в Калинине и во многих других местах была немногочисленна. В Калинине в полицию вступили лишь 173 человека. Это были люди самых разных профессий, не имевших отношения к службе в советской милиции или царской полиции. Преобладали представители более старшего возраста, хотя возрастной разброс был велик - от 1885 до 1923 года рождения [39].

Сохранилось донесение на имя секретаря Калининского обкома Бойцова, сделанное начальником НКВД по Калининской области Токаревым, в котором описана структура и деятельность Ржевской полиции. Структурно полиция входила в административный отдел. Начальником отдела был Митрофан Прокофьевич Лапин, бывший экспедитор «Трансторгпита» станции Ржев, убежавший впоследствии с немцами. Его заместителем - бывший бухгалтер кинотеатра Николай Иванович Загорский, который также бежал с немцами. В отделе работали 3 - 4 полицейских, переводчица, уборщица, машинистка и делопроизводитель. При отделе в качестве подотдела функционировал паспортный стол, который возглавлял бывший технорук артели «Самопомощь» Михаил Яковлевич Поспелов. По одной из версий, он был расстрелян немцами[40].

Ржев делился на четыре участка, каждый из которых курировала группа полицейских во главе со своим начальником. Среди прочих обязанностей начальники этих участков должны были через квартальных старост собирать сведения об оставшихся в городе коммунистах, советском активе, евреях, партизанах и всех неблагонадежных для немцев лиц. Сведения они должны были передавать в местное гестапо.

Точное число полицейских, работавших на каждом участке, не указывается. Среди руководителей Ржевской полиции нет ни одного бывшего милиционера

---

[38] ТЦДНИ. Ф.479. Оп.3. Д.98. Лл.39-40.

[39] Архив УФСБ по Тверской области. Ф.2. Оп.150. Д.13а. Лл.41-49.

[40] ТЦДНИ. Ф.147. Оп.3. Д.1152. Л.178.

или сотрудника НКВД. Возможно, что таким людям немцы не доверяли и назначали на эти посты лишь по соображениям лояльности.

Задачами полиции были также сбор сведений о настроениях населения, охрана административных зданий и городской управы, наблюдение за появлением в городе партизан и коммунистов, проведение обысков и арестов нелояльно настроенных по отношению к немцам жителей города, поиск оружия у населения и его изъятие, расследование уголовных преступлений.

Паспортный стол проводил перерегистрацию паспортов населения Ржева.

Немцы придавали определенное значение подготовке полицейских. Например, в Идрице для полицейских организовали десятидневные подготовительные курсы при местной комендатуре. На эти курсы старшины должны были откомандировывать по три человека из своих волостей. Оружие, патроны, посуду, предметы для умывания и чистки обуви полицейские брали с собой.

Как правило, несколько полицейских были в подчинении у каждого старосты. Как и другие помощники старост, они имели право передвигаться в пределах волости без пропусков. В отличие от прочих жителей деревни, они могли покидать свои дома и в темное время суток. За свою службу они получали хлебный паек (около пуда зерна в месяц) и 240 рублей жалованья. Размер оплаты зависел и от количества жителей в селе или деревне. Полицейские имели и налоговые льготы. Деятельность полиции на селе курировал начальник волостной полиции. В его непосредственном подчинении был отряд полиции из местного населения. Численность отрядов полиции везде была разной. Местная полиция подчинялась, как правило, немецкой полевой полиции[41].

В некоторых городах области и в самом Калинине существовали должности квартальных старост. Квартальные выполняли одновременно и полицейские функции, а также следили за настроениями местного населения из своего квартала. Зачастую деятельность квартальных старост должны были оплачивать местные жители. В некоторых местностях в задачи полиции входило ведение переписи населения и сбор статистических данных. Так, в Торопце полиция совместно с местной оккупационной администрацией провела учет горожан по национальному признаку. Считали не только количество людей той или иной национальности, но и их процент от общего числа жителей города. Сведения о евреях заносили в отдельную графу. Согласно проведенному учету, в Торопце оставались евреи в основном старшего возраста – 50 - 55 лет, или дети. Все остальные покинули город еще до прихода немцев. В том же Торопце, как и во многих других оккупированных городах, в ведении полиции был и еврейский вопрос в целом. Полиция обязана была отслеживать, носят ли евреи нарукавные знаки (вероятно, повязку со звездой Давида. - авт.). В Торопце полиция по распоряжению оккупационной администрации должна была в течение одного дня переселить всех евреев города в отдельный квартал. Приказ был датирован 20 сентября 1941 г. Полицейские также выискивали скрывавшихся красноармейцев. Если найденные красноармейцы были ранены, их могли направить в госпиталь для военнопленных[42]. Иногда их отпускали домой или передавали немцам, могли взять на службу в полицию или иные коллаборационистские формирования. Дисциплина в полиции и других учреждениях, организованных немцами, нередко была просто

[41] Ермолов И.Г. Три года без Сталина. М., 2010. С.50.

[42] Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф.Р-2757. Оп.1. Д.2. Л.15.

ужасной. Известны случаи, когда даже работники городских управ постоянно опаздывали или вовсе прогуливали службу[43].

Иногда перебежчиков-партизан награждали высокими постами в полиции. Так, крупный пост в калининской полиции занимал бывший партизан Липчик. Полицейских могли назначать на ответственные посты в оккупационной администрации[44].

В Калинине активно действовал отдел охраны городской управы, состоявший из отдела управления делами, отделов безопасности, уголовно-следственного, паспортного, тюремного и пожарного. Все отделы занимались вербовкой агентуры из местных жителей. Из них же набирался и штат отделов. Действовали все эти службы под контролем гестапо, тайной полевой полиции и жандармерии[45]. Активно использовали немцы коллаборационистов в качестве диверсантов и разведчиков, забрасываемых в советский тыл.

Так, с июня 1941 по ноябрь 1942 г. калининские органы госбезопасности ликвидировали 9 гитлеровских резидентур, объединявших 39 агентов. Из них смогли скрыться лишь шестеро. На территории области органы НКВД за тот же период выявили ещё 580 немецких агентов-одиночек[46]. Хотя, возможно, не все из них являлись таковыми, а оговорили себя под давлением сотрудников НКВД.

Не считаясь с потерями, немцы в 1942 г. усилили заброску своих агентов-парашютистов в советский тыл. Однако многие агенты из числа бывших красноармейцев добровольно являлись в НКВД. Только с апреля 1942 по март 1943 г. добровольно сдались властям 52 агента-парашютиста[47].

Наиболее интересным экспериментом гитлеровцев было создание в Калинине так называемого Российского национал-социалистического движения (РНСД). Возглавлял его офицер немецкой армии В.Ф. Андриас, сын крупного помещика, эмигрировавшего из России в Германию в 1918 г. О деятельности этой организации в НКВД узнали в декабре 1941 г.

Дело поступило в производство секретно-политического отдела УНКВД. Сотрудники отдела установили, что программа организации предусматривает создание с помощью немцев «самостоятельного русского государства», восстановление частной собственности. По замыслу руководителей, тайные ячейки РНСД должны действовать по всей стране, вовлекая главным образом молодежь. В дальнейшем РНСД планировалось реорганизовать в национал-социалистическую партию. Судя по всему, НКВД выявило большую часть членов РНСД. Наиболее активными были И.С. Зверьков, происходивший из семьи крупного землевладельца и работавший товароведом облпотребсоюза, В.М. Имшенецкий, высланный из Ленинграда по приговору особого совещания при НКВД СССР как социально-опасный элемент, а также бежавший с немцами начальник административно-хозяйственного отдела городской управы СИ. Галанин.

По делу этой организации было арестовано 13 человек. В мае 1942 г. военный трибунал приговорил трех членов РНСД к высшей мере наказания, а прочих - к различным срокам тюремного заключения[48].

---

[43] Там же. Л.11.

[44] Ермолов И.Г.Указ. соч. С.63.

[45] Ирлицин В.И. Деятельность органов НКВД в годы Великой Отечественной войны, июнь 1941 - ноябрь 1942 гг. (на материалах Калининской области): дис... канд. ист. наук. Тверь, 1999. С.143.

[46] Там же. С.149.

[47] Там же.

[48] Там же. С.150-151.

В ряде случаев бывшие пособники оккупантов оставались на освобожденной от гитлеровцев территории. Их деятельность тесно переплеталась с бандитизмом. Эти бандформирования состояли из 10 - 50 человек, имели на вооружении гранаты и различное стрелковое оружие. Наибольшее количество таких банд действовало в прифронтовой полосе, - в Великолукском, Нелидовском, Плоскошском и Осташковском районах, но были и в тылах, например в Бежецком, Максатихинском, Нерльском, Лесном районах, богатых лесами. Независимо от того, держали ли связь эти бандиты с немцами или нет, были ли они идейными борцами с советской властью или просто уголовниками, вред они наносили большой. Их деятельность приводила к жертвам среди военнослужащих, сотрудников НКВД, вызывала чувство страха и паники у населения, приносила экономический ущерб. Все это, разумеется, было на руку немцам.

Наиболее известной была банда бывшего полицейского М.Ф. Дроздова. В ней состояло более 50 человек, в основном они, как и Дроздов, служили у немцев и боролись с партизанами, проводили карательные акции. Например, Н.А. Кудрявцев был немецким разведчиком и дважды забрасывался в советский тыл для установления дислокации советских частей.

Оставшись в советском тылу, «дроздовцы» занимались убийствами и грабежами. Для конспирации банда делилась на мелкие группы по 3 - 5 человек, но общее руководство осуществлял Дроздов. После его ареста летом 1942 г. оставшиеся бандиты продолжили свою деятельность. Большая часть из них была арестована НКВД 22 июля 1942 г., когда пыталась перейти линию фронта к немцам. Всего был арестован 51 и убито 6 бандитов из группы Дроздова. Пойманных преступников передали в особый отдел НКВД 5-й Ударной армии Калининского фронта.

Борьбу с действовавшими в советском тылу диверсантами и бандитами на территории Калининской области вели отдел борьбы с бандитизмом (ОББ), а также сотрудники милиции, госбезопасности, бойцы 6-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР, истребительные батальоны. Широкую помощь оказывала общественность. Нередко и сами участники бандформирований, раскаявшись или уверовав в смягчение наказания, помогали органам НКВД в поимке своих товарищей или склоняли их к добровольной сдаче[49].

Действовали на территории области и части РОА. В основном они сосредоточивались в районах, прилегавших к линии фронта 3-й Ударной армии. Один из них - 443-й кавалерийский батальон РОА 3-х эскадронного состава. Он действовал против партизан в Кудеверском и Новоржевском районах. В батальоне было 285 человек. 273-й полк РОА около месяца (с 10 мая по июнь 1943 г.) находился в районе р. Мозули. Учитывая, что полк находился в этом районе так мало времени и партизаны, всегда тщательно фиксировавшие род деятельности врага, на этот раз не указали на какие-либо действия полка, можно предположить, что полк был на отдыхе. Затем он отбыл на фронт. 623-й и 723-й батальоны РОА действовали против партизан. 623-й батальон входил в Терскую казачью бригаду под командованием белоэмигранта фон Рентельна. Командиром 623-го батальона был немец Бренер. В самой бригаде было 4 батальона по 5 рот. В каждой роте - до 110 человек. Основной задачей бригады являлась борьба с партизанами. Было большое количество более мелких частей РОА. Значительное число русских коллаборационистов размещалось небольшими группами по немецким частям.

[49] Там же. С.131-133.

Данные о русскоязычных частях, в первую очередь - частях РОА, известны из секретной докладной записки начальника оперативной группы партизанского движения при военном совете 3-й Ударной армии подполковника Соколова от 2 июня 1943 г. Со ссылкой на разведку партизан бригады Ахременкова он приводит следующие данные о частях русских коллаборационистов на территории Калининской области в районе действия 3-й Ударной армии весной - летом 1943 г.:

В дер. Заваруй близ оз. Невель восточный батальон из русских военнопленных численностью 263 человека.

В дер. Кайки южнее ст. Езерище кавалерийский эскадрон РОА. В Пустошке и в населенных пунктах к югу от Пустошки - до 3 000 власовцев.

Русские «добровольцы» имелись во всех восьми транспортных колоннах 331-й немецкой пехотной дивизии, по 80 человек в каждой колонне.

В Идрице кавалерийский батальон из русских, относящийся к 281-й охранной дивизии, и русский полицейский батальон.

В Себеже в 1943 г. действовала школа гестапо, в которой обучались также русские для борьбы с партизанами.

В докладной записке упоминалось не только о русских коллаборационистах, но и об армянских. Это 198-й армянский полк, который с 10 мая по 11 июня 1943 г. дислоцировался в районе Опочка - Мозули. Ввиду массового перехода бойцов полка к партизанам его остатки были разоружены и выведены предположительно в Остров для расформирования. Полк входил в состав 281-й охранной дивизии.

Наиболее массовый переход армян состоялся 1 июня 1943 г., когда 73 легионера перешли в бригаду Бойдина, принеся с собой 1 миномет, 60 винтовок, 6 пулеметов. Перед уходом они перебили немецкий командный состав, находившийся при них.

Дезертировали не только армяне. Только 14 марта 1943 г. в Городецком районе из состава РОА на сторону партизан перешли 1000 человек из Волго-татарского легиона. Впрочем, в партизанском отчете, описывающем это событие, возможно, допущена неточность, так как в РОА в 1943 г. Волго-татарский легион не входил[50].

28 марта 1943 г. к партизанам перешел с оружием артиллерийский дивизион РОА (строго говоря – РННА – авт.) в 125 человек во главе со своим командиром майором Прудниковым. Перед уходом они взорвали 2 артиллерийских склада и вывели из строя артиллерию дивизиона. 14 апреля 1943 г. в бригаду Бобакова перешел 41 человек. Это были русские военнослужащие из «восточных» рот 331-й и 290-й пехотных дивизий. В первый же день после прибытия в бригаду эти люди отличились в операции по разгрому противника, было уничтожено два вражеских гарнизона[6] . Вообще партизанские источники к концу 1943 г. отмечают массовые переходы на территории области служащих РОА на сторону партизан и их широкое участие в разгроме немецких гарнизонов[51].

Даже если считать приведенные данные преувеличением, все равно ясно, что коллаборационисты на территории области были настроены негативно к немцам и за редким исключением не могли служить им серьезной опорой. Данные о переходе коллаборационистов разных национальностей из различных частей встречаются практически во всех отчетах партизанских командиров, чьи бригады действовали на территории области. Указания на большое количество перебежчиков содержат и немецкие источники. Многие стали дезертировать с августа 1943 года, то есть

[50] ТЦДНИ. Ф 479. Оп.2. Д.899. Л.31.

[51] Там же.Д.138. Л.74.

после разгрома немцев под Курском. Из отчета руководства немецкими охранными войсками, который перехватила советская разведка, следует, что в районе действия Центральной армейской группы за август 1943 г. из местных, охранных и добровольческих войск дезертировали 458 человек, тогда как в июле дезертировало 297 человек. Количество же дезертиров из партизанских отрядов за указанный период сократилось в семь раз. В том же документе отмечается, что местные коллаборационисты, как военные, так и гражданские, стали крайне ненадежными, а местное население совершенно равнодушно к мероприятиям оккупационных властей и совсем им не помогает. Подобное положение вещей объяснялось активными действиями партизан и слабостью немецкой оккупационной власти.

В ряде случаев установить точное число дезертиров практически невозможно не только из-за неточности в сохранившейся документации, но и из-за того, что и немцы, и партизаны указывали своих дезертиров как без вести пропавших[7'].

Согласно агентурным данным, во Пскове немецкое руководство подготовило 150 девушек-убийц. Они должны были использоваться для устранения партизанских руководителей на территории Калининской области во время карательной экспедиции в Себежском, Опочецком и Красногородском районах зимой 1943 – 1944 гг. Одним из руководителей этой карательной экспедиции был власовский полковник Соколов. Он же организовывал сбор подвод для доставки карателей на место. Женщины действительно встречались в коллаборационистских формированиях. 9 мая 1943 г. партизанские отряды Леонова и Степанова провели удачный бой в деревне Забелье в Себежском районе и взяли в плен двух женщин-полицейских[52]. Дальнейшая их судьба неизвестна. Можно предположить, что они были вскоре казнены: в своих отчетах партизанские руководители подробно писали о сведениях, полученных на допросах, и судьбе пленных, в данном же случае таких сведений нет.

Действовали на территории нашей области и латышские эсэсовцы из 2-й бригады СС под командованием Шульца. В марте 1944 г. она базировалась в Красногорском районе после понесенных больших потерь. Эти данные приводятся в разведсводке №22 штаба партизанского движения, они получены от взятого партизанами Вараксова 19 марта 1944 г. при нападении партизан на автомашину близ деревни Шумилино латышского солдата-эсэсовца. Положение латышских коллаборационистов и взаимоотношения немцев с латышами особо беспокоили советское командование. В связи с этим партизанское командование давало калининским партизанам (а возможно, не только калининским) особые задания для разведгрупп, отправлявшихся на территорию Латвии. Им предписывалось тщательно собирать сведения о формированиях из латышей, а также о настроениях населения Латвии и о политике немцев в Латвии. Ведение разведки среди латышских коллаборационистов старались поручать латышам или русским, до войны жившим в Латвии[53].

О слабости коллаборационистских формирований на территории Калининской области свидетельствуют частые и многочисленные переходы коллаборационистов на сторону партизан и советского подполья. Были и исключения, например, отряд Решетникова-Мартыновского, хотя дезертиры имелись и там. Еще менее успешно действовала созданная немцами в Калинине политическая коллаборационистская организация РНСД. Из-за быстрого освобождения города советскими войсками ее, по всей вероятности, толком не успели сформировать. Ненадежность

[52] Там же. Оп.3. Д.98. Л.15.
[53] Там же. Оп.1. Д.219. Лл.4-12.

коллаборационистов, по крайней мере после разгрома немцев на Курской дуге, отмечается и самими немцами.

Довольно трудно установить степень эффективности действий коллаборационистов из-за путаности сведений о них в партизанских источниках. Например, сведения о казаках являются столь отрывочными и противоречивыми, что возникает ощущение: казаками партизаны называли всех конных коллаборационистов, а полицаями и власовцами вообще всех коллаборационистов.

Что касается мотивов, побудивших достаточно большое количество советских граждан пойти на службу к оккупантам, то идейных среди них было не очень много, о чем свидетельствует большое количество перебежчиков, особенно в последние годы и месяцы оккупации. Здесь явно видна попытка приспособиться и оказаться на стороне победителя.

Многие люди пополняли ряды пособников оккупантов в силу того, что были мобилизованы или шли на службу к немцам, стремясь избежать худшей участи - смерти или концлагеря. Большинство этих людей при первой возможности бежало к своим. Впрочем, нельзя отрицать, что среди коллаборационистов на территории области, как и везде, были идейные борцы с советской властью, среди которых было много белоэмигрантов.

«НАПРАВЛЕНИЕ ВСЕЙ ПРОПАГАНДНОЙ РАБОТЫ – ЭТО УЧАСТИЕ В БОРЬБЕ ПО СВЕРЖЕНИЮ БОЛЬШЕВИЗМА»:

ВОЕННАЯ ПЕЧАТЬ ВЛАСОВЦЕВ

Аннотация: В статье трактуются вопросы выявления и оценки военных коллаборационистских изданий. Автор предлагает критерии, по которым можно атрибутировать собственно военную печать власовцев. Статья имеет приложение. В нем представлен список выявленных автором печатных изданий, которые могут быть отнесены к власовским.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Русская освободительная армия, власовская печать, военные издания.

Abstract. The article deals with the issues of identification and evaluation of military collaborationist publications. The author offers criteria by which it is possible to attribute actually the Vlasov"s military press. The article has an Appendix. It presents a list of identified by the author of publications that can be attributed to Vlasov.

Key words: Great Patriotic War, Russian Liberation Army, Vlasov Newspapers and magazines, military publications.

И.В. Грибков (Москва)

Военно-политические формы коллаборационизма, без сомнения, играли ведущую роль в таком явлении, как сотрудничество населения оккупированных территорий СССР с противником в годы Второй мировой войны. Именно поэтому военному коллаборационизму, то есть участию в боевых действиях на стороне немцев и их союзников с оружием в руках, уделяется основное внимание в российской историографии. Периодическая печать, в том числе военная, являясь в то время основным средством пропагандистского воздействия на сторонников и противников, также по праву занимает серьезное место как объект исследования.

Нельзя сказать, что военная печать коллаборационистов не рассматривалась специалистами. Однако достаточно подробно изученной на данный момент можно назвать только печать украинских коллаборационистских формирований[1]. Известны попытки изучения ведущих изданий казачьих[2], белорусских[3] и калмыцких[4] военных формаций. Современный российский исследователь А.Н. Белков в своих работах рассмотрел несколько военных изданий для русских коллаборационистов[5]. Но общей оценки данному корпусу периодических изданий пока дано не было.

---

[1] См.: Курилишин К. Українська легальна преса періоду німецької окупації (1939-1944 рр.): Історико-бібліографічне дослідження. В 2 т. Львів, 2007.

[2] Борисов (Ильин) И.В. Казаки в изгнании и борьбе. М., 2007; Семенов К. Журнал «На казачьем посту» на службе у нацистской пропаганды // Эхо войны (Москва). 2008. №3. С.48-49.

[3] Грыбоўскі Ю. «Беларус на варце» – часопіс беларускай дапаможнай паліцыі ў Генеральнай акрузе Беларусь (1943 - 1944 гг.) // ARCHE. 2013. №3(120). С. 224-238.

[4] Борисов (Ильин) И.В. Военная пресса калмыков (журнал «Калмык»). М., 2009.

[5] Белков А.Н. «Родина» изменников: история печатного органа Русской Национальной Народной армии (1942 - 1943 гг.) // Вестник Академии военных наук. 2015. №4. С. 156 - 161; Он же. «Боевой путь» – печатный орган русских карателей // Вопросы истории. 2017. №1. С.133-140.

В настоящей работе мы попробуем рассмотреть военную печать структур, связанных с именем генерал-лейтенанта А.А. Власова. Сами понятия «власовское движение» (или «власовцы») и «власовская печать», как производная от него, являются достаточно расплывчатыми. Не вдаваясь в дискуссии по этому вопросу, мы отметим только один принципиальный момент: невозможность отождествлять понятие «власовское движение» с понятием Русская освободительная армия (РОА). Долгое время РОА являлась не более чем пропагандистским конструктом, который никогда не был институциализирован. Единственные формирования, реально подчиненные А.А. Власову, возникли в конце 1944 г. – Вооруженные силы Комитета освобождения народов России (ВС КОНР).

Таким образом, под термином «военная печать власовцев» мы понимаем совокупность периодических изданий, созданных для военных структур или формирований, которые были непосредственно подчинены А.А. Власову. Также мы относим сюда те военные издания, в формировании которых власовские офицеры принимали непосредственное участие или на деятельность которых они оказывали непосредственное влияние.

Таким образом, власовская военная печать представляет собой достаточно малоизученный и трудноопределяемый комплекс изданий. Более того, даже наличие в названии издания аббревиатуры «Русская освободительная армия» (РОА) не дает основания отнести данное издание к категории «власовских». Например, газета Восточного запасного полка «Боец РОА» (Бобруйск) или «Блокнот солдата Русской Освободительной Армии» (Дно) издавались органами военной пропаганды без всякого участия власовского штаба.

Иногда аббревиатуру РОА использовали гражданские структуры КОНР, например, Главное управление пропаганды («Блокнот пропагандиста. Еженедельный бюллетень пропагандистов РОА»).

Военную печать власовцев стоит отделять от иных изданий, предназначенных для русских коллаборационистских военных формирований. Главным отличием этих двух групп была принципиальная разница в мотивационной направленности. Безусловно, мотивирующая функция оставалась ведущей функцией для военных коллаборационистских изданий в течение всей войны, но сам набор мотивов отличался кардинально. Во всех невласовских изданиях доминировала негативная мотивация («война против большевизма») и, прежде всего, мотив личной мести. Власовцы вместо этого пытались предложить позитивную программу («война за…»), то есть власовские издания пытались политически и идейно мотивировать своих читателей.

Общее количество власовских военных изданий, в связи с вышеизложенным, может являться предметом дискуссии. Кроме того, в процессе научного поиска постоянно выявляются новые издания. В одной из наших ранних публикаций количество власовских изданий, военных и гражданских, определялось как 33 газеты и 5 журналов[6]. В приложении к настоящей публикации мы приводим 40 только военных изданий (29 газет, 6 журналов, 5 бюллетеней). Например, в ходе сплошного просмотра картотеки Российской государственной библиотеки нами обнаружен литературно-публицистический журнал «Родина», который не фигурирует ни в одном списке или библиографии. В справочниках он сливается с

[6] Грибков И.В. Власовская печать: структура, состав, эволюция и взаимоотношения с другими коллаборационистскими изданиями (1942 - 1945 гг.) // Пражский манифест КОНР. По материалам Международной конференции к 70-й годовщине провозглашения Пражского манифеста КОНР, которая состоялась 14 - 16 ноября 2014 года в Праге, в Рудольфовой галерее Пражского Града. Прага, 2015. С.165.

другим одноименным журналом, издававшимся в Вустрау. Этот же журнал издавался в лагере раненых и легионеров-инвалидов «Утрата» в районе г. Лодзь. Помощником начальника лагеря являлся Е.И. Гаранин, который оказывается выпускником Дабендорфской школы пропагандистов и членом Народно-Трудового Союза Евгением Ивановичем Гараниным[7], то есть скорее всего одновременно был и редактором данного издания.

Иная ситуация с газетой «Доброволец». Долгое время считалось, что под этим названием выходило одно-единственное издание. Сейчас же можно с уверенностью сказать, что под этим названием выходило 3 различных издания, каждое из которых имело свое отдельное место издания, редакцию и нумерацию. Дополнительным аргументом в пользу такого вывода является то, что каждое издание подчинялось отдельному курирующему немецкому ведомству. При этом мы говорим именно об изданиях с названием «Доброволец», так как многочисленные «информационные листки» и газеты учтены нами как отдельные самостоятельные издания, которыми они и являлись.

В одной из работ автор предложил периодизацию власовской печати, выделив 4 этапа в ее развитии[8]. Однако, применительно к военной печати власовцев, данная классификация, на наш взгляд, не отражает специфику эволюции рассматриваемых изданий, поэтому ее стоит уточнить, сохраняя общие принципы и методологические подходы. На наш взгляд, в своем развитии власовская военная печать прошла 3 этапа:

Первый этап: январь – сентябрь 1943 г. С момента выхода первого собственно власовского издания – газеты «Доброволец», можно отсчитывать официальное начало власовской военной печати. В этот период создается первая собственно власовская структура – Дабендорфская школа пропагандистов, в рамках которой начала функционировать Объединенная редакция во главе с М.А. Зыковым, которая выпускала два издания – газеты «Доброволец» и «Боевой путь». Кроме того, в этот период возникает несколько изданий журнального формата при других лагерях подготовки пропагандистов.

Второй этап: сентябрь 1943 г. – осень 1944 г.. 20 сентября 1943 г. вышел №1 «Офицерского бюллетеня РОА», который позиционировался как издание, предназначенное для всех русских антисоветских коллаборационистских формирований из представителей оккупированных территорий СССР. На данном этапе происходит определенная унификация военных изданий, связанная с тем, что в редакции стали массово поступать выпускники курсов пропагандистов РОА (Дабендорф и другие), которые работали в едином стиле. В ходе общей централизации пропаганды власовцы постепенно берут под контроль небольшие издания, предназначенные для восточных войск вермахта, прежде всего, издания для восточных добровольцев, перебрасываемых на запад.

На этом же этапе происходит очень важный для усиления влияния власовцев процесс. В ходе наступления Красной армии и освобождения территории СССР происходила ликвидация всех альтернативных власовцам русских коллаборационистских центров и формирований.

---

[7] Полчанинов Р.В. Молодежь Русского Зарубежья. Воспоминания 1941-1951. М., 2009. С.180.

[8] Грибков И.В. Власовская печать… С.160-164.

Возможности власовской пропаганды даже в условиях немецкого отступления были продемонстрированы весной - летом 1944 г. в ходе курировавшейся структурами СС операции «Скорпион-Восток», которая предполагала массированное применение средств печатной пропаганды на наступающие советские войска.

Третий этап: ноябрь 1944 г. – апрель 1945 г. связан с военной печатью ВС КОНР. Несмотря на приближающийся очевидный конец войны, власовские пропагандисты готовились развернуть широкую издательскую программу. В дополнение к имеющимся газетам и журналам предполагалось создать единую газету для армии («За Родину. Военный орган КОНР») и газеты для отдельных регионов – Австрии («Голос воина»), Италии («Информационный листок для русских частей в Италии»), Дании (на базе газеты «На дальнем посту»), Норвегии (создана не была), Польше (видимо, на базе фронтовой газеты «За Родину»), Прибалтике (возобновлено издание «За Родину»)[9]. Намечалось создание военных газет на национальных языках, но из-за отказа националистов сотрудничать с власовцами эта идея потерпела крах.

Заметим, что «наполеоновские» планы власовских пропагандистов удалось осуществить там, где была возможность переформатировать уже имеющиеся в наличии издания. Единственной газетой, которую удалось создать «с нуля», стали «Наши крылья», орган ВВС КОНР, которые располагались в глубоком тылу на территории Германии.

Стоит, однако, отметить, что власовским структурам не удалось консолидировать русскую военную печать. Часто единую пропагандистскую линию на популяризацию А.А. Власова и власовского движения путают с подчинением Власову, что является серьезной ошибкой. Значительное количество изданий по различным причинам власовцам передано не было. Например, редакция газеты Русского Охранного корпуса (РОК) «Борьба» вместе со всем соединением была передана в подчинение генерал-майора Б.А. Смысловского. Редакционная группа в составе 10 человек во главе с лейтенантом вермахта Г.Л. Симон-Томиным походным порядком выдвинулась на соединение с частями Смысловского и в итоге в апреле 1945 г. присоединилась к отступающим частям 1-й Русской национальной армии[10]. В руках немецких военных пропагандистов остался русский выпуск военного журнала «Сигнал»[11], выходивший в 1942 - 1945 гг.

Весь период своего недолгого существования власовские пропагандисты боролись с катастрофической нехваткой квалифицированных кадров. Публично декларировалась готовность принять всех антибольшевистски настроенных авторов: «…[для работы] пригоден каждый, кто верит в наше дело борьбы, кто честно отдает свои силы на эту работу…необходима четкая и ясная мысль для беседы с человеком»[12]. В реальности ситуация с привлечением кадров была иной. Сами власовцы считали, что «подобрать состав редакции было делом не очень сложным. Журналистов было много…выбирать было из чего». Однако тут же

---

[9] Казанцев А. Третья сила. М., 1994. С.236.

[10] Грибков И.В., Жуков Д.А., Ковтун И.И. Особый штаб «Россия». М., 2011. С.303-304, 335-336. Авторы данной работы считают, что официальное присоединение РОК к ВС КОНР в настоящий момент является дискуссионным вопросом. Подробнее о печати РОК см.: Белков А.Н. Всегда за Россию! История периодической печати Русского охранного корпуса. М., 2016.

[11] Издательство и типография: Deutscher Verlag, Berlin, SW68, Kochstr., 22-26. Главный редактор – В. Реете, заместитель главного редактора – Г. Мёсланг. Редактор русских номеров – доктор Т. фон Вихерт (с №5 1943). Тираж – 100.000 экз. (с начала 1944 г.).

[12] О пропаганде и пропагандистах // В помощь пропагандисту. №1. С.2.

признавалось, что «были имена, которые, по крайней мере, на первое время, нельзя было привлечь к работе: слишком германофильским духом своих статей они создали себе плохую славу…им места быть не могло»[13]. Подобная непримиримая позиция отталкивала от власовцев в ходе войны многих коллаборационистов, а в конце войны сотрудничество с власовскими изданиями мало кого привлекало: большинство стремилось просто сохранить себе жизнь, бежав на Запад.

Аналогичной ситуации с кадрами была и проблема формирования собственной материально-технической базы. В этом вопросе военная печать власовцев полностью зависела от структур немецкой военной пропаганды, которые поставляли типографские ресурсы, а иногда и технические кадры. Военные коллаборационистские издания находились в гораздо худшем положении, чем гражданские, которые могли, во-первых, получить ресурсы, лавируя между различными ведомствами, а, во-вторых, использовать ресурсы оккупированных территорий. Военные издания этих возможностей были лишены, что предопределяло довольно невысокое качество и относительно небольшие тиражи этих изданий.

Таким образом, не приходится говорить, что военная печать власовцев сыграла какую-либо значительную роль в истории Второй мировой войны. Тем не менее, она занимает заметное место в пропагандистской войне на оккупированных территориях и является важным источником для понимания сути военно-политического коллаборационизма. Для понимания масштабов этого явления мы публикуем Приложение, содержащее список выявленных нами периодических изданий, которые мы относим к власовской военной прессе.

Приложение.

Список изданий власовской военной прессы

1. [Журнал Подготовительных курсов РОА в г. Люккенвальде] (Люккенвальде), 1943. Редактор – В. Брандт (В.И. Кривошапов; «создал на Курсах ежемесячный журнал»). Существование данного журнала неоднократно зафиксировано в материалах полковника РОА В.В. Позднякова[14]. Периодичность – 1 раз в месяц.

2. Боевой путь. Еженедельная красноармейская газета, 1942 - 1943. Периодичность – 2 раза в неделю. Газета для распространения над позициями советских войск и в тылу. Выпускалась нерегулярно. Девизы: «Большевизм погибнет, Русский народ будет жить»; «Смерть Сталина Спасет Россию!».

3. Бюллетень добровольцев РОА (Дабендорф), 1944.

4. Бюллетень пропагандистов (Дабендорф), 1943 - 1944. Ответственный редактор – ротмистр Э.К. фон Деллингсхаузен. Периодичность – 1 раз в месяц.

5. В помощь пропагандисту. Материалы для пропагандистов Н-ской танковой армии (Витебск), 1944. Редактор – майор Доров. Издатель – русская рота feldpost №10792.

---

[13] Казанцев А. Третья сила. С.244.

[14] Поздняков В.В. Рождение РОА. Пропагандисты Вульхайде-Люккенвальде-Дабендорфа-Риги. Сиракузы (США), 1972. С.28, 34.

6. В штыки! Газета частей РОА [с 1944 – Газета для русских частей], 1943(?) - 1944. Редактор – А.И. Катков. Периодичность – выходила по 5, 10, 15, 20, 25 и 30 числам месяца; 1 раз в неделю (1944). Девиз: «На красных палачей – за Новую Россию!».

7. Верные соратники. Еженедельный боевой листок для бойцов РОА, легионеров и добровольцев Германской армии (Крым), 1943 - 1944. Редактор – Г.З. Барятинский.

8. Вперед, за Родину! (п/п №1021230), 1944 - 1945.

9. Голос воина. Добровольческая газета одной войсковой группы (п/п №27361 [Вена]), 1944 - 1945. Редактор – поручик К.А. Быкович. Периодичность – 2 раза в неделю.

10. Голос Правды (п/п №09657 [Харьков; Львов; Бухарест; Будапешт]), 1943 - 1945. П/п издательства №00680. Девиз: «Трудящиеся всех стран, объединяйтесь для борьбы с большевизмом». №1 вышел 12 мая 1943. Вышло не менее 123 номеров.

11. Доброволец. Еженедельная газета войск Освободительного Движения (п/п №28264 [Берлин-Дабендорф]), 1943 - 1944. Руководитель объединенной редакции – М.А. Зыков. Главный редактор – генерал-лейтенант Г.Н. Жиленков, ответственный редактор – Владимир Мухин (с №16), Г.З.(А.) Эристов (Сидамон-Эристов) (с лета 1944), редактор, ответственный за сообщения из Северной России – Григорий Хроменко, заместители редактора – майор П. Федоров, Г.М. Муромцев. Периодичность – 1 - 2 раза в неделю. Вышло 117 номеров. Тираж – 40-60 тыс. экз., отдельные номера – до 200 тыс. экз. [апрель 1943 – 20.000]. Адрес редакции: Russische Zeitung «Dobrowolez» Feldpost №28264.

12. Доброволец. Еженедельная газета войск Освободительного Движения [Местный информационный листок газеты] (Псков, Рига), 1943 - 1944. Главный редактор – Владимир Мухин. Редактор, ответственный за сообщения из Северной России – Григорий Хроменко. Издательство и редакция: Псков, ул. Башенная, д. 46; с марта 1944 – Рига, ул. Рихарда Вагнера, д. 57. Периодичность – 1 раз в неделю, по субботам; в Риге – по воскресеньям. Содержание идентично «берлинскому», но с добавлением местных новостей. Имел отдельную нумерацию.

13. Доброволец. Еженедельная газета войск Освободительного Движения [Фронтовая газета] (п/п №38716 [Украина], 1944. Главный редактор – В. Румнэк. По-видимому, фронтовые выпуски для Украины в период операции «Скорпион». Имел отдельную нумерацию. Вышло не менее 38 выпусков. Периодичность – 1 раз в неделю. Выпускался до декабря 1944 г.

14. Добровольческий вестник. Газета танковой роты пропагандистов РОА (п/п №41070), 1944.

15. За мир и свободу. Орган Народного Антибольшевистского комитета: фронтовой выпуск [Львов], 1943(?) - 1944. Ответственный редактор – полковник В.И. Боярский. Издательство – Скорпион. Девизы: «Смерть большевизму!» и «Счастливую и свободную жизнь народам!». 1944 г. заявлен как второй год издания. Вышло не менее 50 номеров.

16. За Родину. Орган уполномоченного на Курляндском фронте Главнокомандующего вооруженными силами КОНР (Виндава), 1942 - 1944, 1944 - 1945. Главный редактор – майор РОА Л. Львов. Возникла в 1942 г. как одноименная газета в Пскове. С конца 1944 издавалась Управлением уполномоченного КОНР в Виндаве (Вентспилсе) в Курляндии.

17. За Родину! Военный Орган Комитета Освобождения Народов России =Russische Zeitung «Sa Rodinu» («Für Heimat») (Берлин; п/п №28264), 1944 - 1945.

Главный редактор – полковник Н.В. Пятницкий. Периодичность – 2 раза в неделю, по средам и воскресеньям.

18. За Родину. Русская прифронтовая ежедневная газета (4-й год издания), 1944. Под редакцией М.Ф. Шуммер (1941). Ответственный редактор – Я. Белевский. Возникла в августе 1941 г. как Дновская областная ежедневная газета. В 1944 выходила с продолжением нумерации. Тираж: 85.000 (04.44), 14.500 (06.44).

19. За Родину против Сталина =Für die Heimat gegen Stalin. Газета для русских добровольцев, сражающихся под знаменами Германской армии (Мариуполь), 1943.

20. Иллюстрированный Боевой Путь. Приложение к еженедельной красноармейской газете «Боевой путь» (Берлин), 1943. Периодичность – 1 раз в месяц. Девиз «Большевизм погибнет, Русский народ будет жить!». Вышло не менее 8 номеров.

21. Информационный листок газеты «Доброволец» для русских частей в Италии, 1943 - 1944. Ответственный редактор – полковник Р.Ф. Риль (В.Ф. Кабанов), Волжанин (подполковник РОА В.И. Кривошапов; с весны 1944; возможно один из редакторов или временный).

22. Информационный листок Добровольческих частей (Париж, f/p №03069FS), 1943 - 1944. Ответственный редактор – поручик РОА Н.Ф. Лапин (с октября 1943 до лета 1944). До 1 декабря 1943 г. выходил как «Информационный листок газеты «Доброволец». Подготовка корреспонденции и публикаций – офицер-пропагандист поручик РОА Н.С. Давиденков. Периодичность – ежедневно. Вышло 195 номеров (?)

23. К победе. Газета РОА и добровольческих частей одной танковой армии (п/п №10792 [Витебск]), 1943. Ответственный редактор – ефрейтор Н.А. Нарейкис.

24. На дальнем посту. Орган добровольческих частей в Дании (Хобро), 1943 - 1945. Ответственный редактор – полковник РОА И.К. Сахаров. Заместитель ответственного редактора, сбор и редактирование материалов – капитан РОА Л.А. Самутин. Технический редактор и корректор – М.А. Григорьев. Тираж – 100 экз. Первоначально выходила с подзаголовком «Военно-информационный бюллетень».

25. На посту. Еженедельная газета для добровольческих соединений (фельдпост №58236; Одесса), 1943-1944. Ответственный редактор – А. Думанский, Д. Михайловский. №1 вышел 4 декабря 1943 г.

26. Наши дни. Ежемесячный литературно-художественный и общественно-публицистический журнал (Вустрау), 1943 - 1944. Редактор – доцент Е. Тензоров. Последний (вероятно?) номер №7-8 вышел в декабре (осенью?) 1944 г.

27. Наши крылья. Орган Военно-Воздушных сил Комитета Освобождения Народов России (Мариенбад, Германия; Эгер, Прага-2), 1945. Издательство Отдела Пропаганды ВВС ВС КОНР. Ответственный редактор – майор А. Альбов. Главный редактор Ар. Усов (А.И. Булдеев) Военный корреспондент, фотограф (с №3) – подпоручик Жюно (К.Е Шпицляй). Газета выпускалась Отделом пропаганды ВВС КОНР: начальник – майор А.П. Альбов (ответственный редактор), заместитель – майор Н. Каюков, помощник – подпоручик С. Соколов, офицер-пропагандист – капитан Чернышев. Выходила с девизом: «Рожденный летать не будет ползать». В №2 корреспонденцию просят направлять по адресу: «Naschi Krilja», Prag II,

Viktoriastrasse 20. Периодичность – 1 раз в неделю, по воскресеньям. №1 вышел 18 марта 1945 г. Вышло 4 номера.

28. Наш путь. Газета для добровольцев (адрес редакции – фельдпост №48776), 1944. №1 вышел 27 марта 1944. Периодичность - 2 раза в неделю. Вышло не менее 27 номеров.

29. Офицерский Бюллетень РОА. Орган Офицерского Корпуса Русского Освободительного Движения (п/п №28264 [Дабендорф]), 1943 - 1944. Ответственный редактор – полковник В.И. Боярский (с сентября 1943), полковник РОА М.А. Меандров (с апреля 1944). Периодичность – 1 - 2 раза в месяц. №1 вышел 20 сентября 1943 г. Вышло не менее 7 номеров.

30. Помощник (Вульхайде), 194?. Издавалась на курсах пропагандистов в Вульхайде. Ротатор.

31. Пропагандист Восточного фронта (Дабендорф), 1943 - 1944. Редактор – полковник РОА М.А. Меандров.

32. Путь на Родину. Орган Штаба Вооруженных сил КОНР, 1945. Вышло 2 номера (апрель 1945 г.).

33. Родина. Ежемесячный литературно-художественный и политический журнал (Вустрау), 1944. Главный редактор – доцент Е.В. Тензоров, заместитель – В. Викторов. Периодичность – 1 раз в месяц. Известны №1 (август) и №2 (сентябрь) за 1944.

34. Родина. Литературно-публицистический журнал = «Das Vaterland». Der Lagerzeitschrift Des Kriegsversehrtenlagers UTRATA (лагерь «Утрата» [лагерь раненых и легионеров-инвалидов], район Лицманштадта) 1944. Издавался в 1944 г. на ротаторе. Вышло не менее 2 номеров. №2 (апрель - май 1944) – «ежемесячный журнал коллектива лагеря Утрата».

35. Русский Вестник. Газета для добровольцев народов России на Балканах [Хорватия], 1945. Редактор – Виктор Крунский. Вышло 7 номеров.

36. Русский листок (Виндава), 1944. Редактор – проф. Л.И. Львов. Выходил с осени до декабря 1944.

37. Сообщения для офицеров Русской Освободительной Армии, 1943. В подзаголовке «Для служебного пользования». Выходил 2 раза в месяц. №1 вышел 18 мая 1943.

38. Товарищи по оружию. Еженедельная фронтовая газета войск освободительного движения (п/п №18330), 1944.

39. Фронтовой листок для добровольцев. Газета Войск Освободительного Движения (п/п №30952), 1943 - 1944. Ответственный редактор – И. Афанасьев. Периодичность – 1 раз в неделю. Выходила также под названием «Фронтовой листок».

40. Юмористический листок. Издание для русских частей в Италии (Италия), 1944.

ИСТОРИЯ «РУССКОГО ОТРЯДА» ПРИ АБВЕРГРУППЕ-209 (ПО МАТЕРИАЛАМ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР)

Аннотация. В статье рассказывается об истории одного из коллаборационистских подразделений, созданных немецкими оккупантами из числа бывших советских военнослужащих. Это подразделение действовало в составе военной разведки нацистской Германии. Оно просуществовало с 1943 по 1944 годы и своей активной разведывательно-диверсионной деятельностью нанесло немалый ущерб войскам Красной Армии, а также белорусским партизанам. Всё время своего существования «русский отряд» при абвергруппе-209 формально считался воинской частью «Русской Освободительной Армии» (РОА).

***Ключевые слова**:* Великая Отечественная война, абвер, диверсанты, разведка, РККА, РОА, государственная безопасность.

Abstract. The article tells about the history of one of the collaborationist units created by the German occupiers from among the former Soviet servicemen. This unit operated as part of Nazi Germany's military intelligence. It existed from 1943 to 1944 and its active reconnaissance and sabotage activities caused considerable damage to the troops of the Red Army, as well as the Belarusian partisans. Russian detachment under abergruppe-209 was formally considered a military unit of the «Russian Liberation Army» (ROA) all the time of its existence.

Key words: Great Patriotic war, Abwehr, saboteurs, intelligence, Red army, Russian Liberation army, state security.

В.И. Андрюхин (Нижний Новгород)

Деятельность спецслужб нацистской Германии является одной из самых спорных (и даже мифологизированных) страниц Великой Отечественной войны — её оценки даже в трудах историков спецслужб носят нередко диаметрально противоположный характер. Автор этих строк придерживается мнения, что в канун войны немецкой разведке по большому счёту так и не удалось проникнуть вглубь СССР, ибо, во-первых, военное и политическое руководство гитлеровской Германии и не ставило таких задач, рассчитывая на так называемый блицкриг или быструю войну — после разгрома частей Красной Армии в приграничных сражениях ожидалась капитуляция самого советского государства. Во-вторых, осуществлять глубокую разведку не позволял предельно жёсткий контрразведывательный режим, который существовал в СССР. Даже провал блицкрига и изменение немецких разведывательных планов с прицелом на глубокое проникновение в советский тыл мало повлияли на положение дел[1]. В 1945 году начальник штаба Верховного главнокомандующего вооружёнными силами Германии генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель признался на допросе:

«До войны и в её ходе данные, поступавшие от нашей агентуры, касались только тактической зоны. Мы ни разу не получали сведений, оказавших бы серьёзное воздействие на развитие военных операций. Например, нам так и не

[1] СЕРГЕЕВ Ф. Тайные операции нацистской разведки. 1933-1945. М: Издательство политической литературы, 1991. С. 155-181.

удалось составить картину, насколько повлияла потеря Донбасса на общий баланс военного хозяйства СССР»[2].

Гораздо более драматичная ситуация сложилась в той самой тактической зоне, о которой упомянул Кейтель, или в зоне прифронтовых районов. Здесь немцам сопутствовал определённый успех, — разведка передовых линий советских войск, захват «языков» и документов, диверсии в ближнем тылу РККА стали довольно распространённым явлением военной поры...

Как известно, ведущая шпионская роль в нацисткой Германии отводилась военной разведке - Абверу, которым руководил адмирал Вильгельм Канарис. Благодаря его личным усилиям, небольшой отдел военного министерства Германии - Абвер (в переводе - «отпор, защита») превратился к началу Второй мировой войны в мощное разведывательное ведомство. Центральное управление военной разведки, именовавшееся «Абвер-заграница», подразделялось на Абвер-1, Абвер-2 и Абвер-3. Абвер-1 ведал организацией сбора разведывательной информации, Абвер-2 осуществлял диверсионные и террористические акты, Абвер-3 занимался контрразведывательной деятельностью и борьбой с антифашистским подпольем и партизанским движением на оккупированной территории.

Для непосредственного руководства полевыми органами Абвера, приданными армиям вторжения, в июне 1941 года Канарис создал оперативный штаб «Валли», размещавшийся в Варшаве. Структура этого штаба в целом повторяла организационное строение всей службы. «Валли» подчинялись действовавшие на советско-германском фронте многочисленные абверкоманды и абвергруппы. Почти каждая из этих групп имела свои школы по подготовке разведчиков и диверсантов. В тесном взаимодействии с ведомством Канариса также работали разведывательные отделы «1-Ц» штабов армий, аналоги советской фронтовой разведки, которые вели шпионскую работу в прифронтовой зоне...

Об активности немецких разведчиков свидетельствуют регулярные и строжайшие приказы по войскам Красной армии по усилению охраны тыла, о передвижении по прифронтовым дорогам только в составе подразделений или больших групп, о выделении старшим командирам дополнительной охраны. Дело доходило до того, что воинские пароли и отзывы для часовых и патрулей во фронтовых условиях нередко приходилось менять ежедневно: вражеские диверсанты вели за советской системой допуска настоящую и порой небезуспешную охоту.

Большого успеха немцы достигли в изготовлении поддельных документов, коими снабжали свою агентуру. Немцы создали целую сеть засекреченных структурных подразделений, занимавшихся изготовлением разного рода бумаг в полном соответствии с легендой, под которой будущему лазутчику предстояло выступить за линией фронта. Речь идёт о солдатских книжках, офицерских удостоверениях, командировочных предписаниях, вещевых и продовольственных аттестатах, справках из госпиталей и т. д. Обычно эти «документы» были выполнены безукоризненно, порой даже лучше оригиналов. Такие бумаги были способны ввести в заблуждение даже опытных людей. Поэтому сотрудникам советских военных комендатур и органов государственной безопасности требовался особый профессиональный навык и даже особое чутьё, чтобы обнаружить фальшь как в проверяемых документах, так и в людях, которые приходили в советский тыл по заданию врага[3]...

---

[2] Там же, С. 217.

[3] Там же, С. 255-261.

Очевидно, что своими успехами немецкая фронтовая разведка была обязана прежде всего прямому содействию советских граждан, согласившихся на сотрудничество с немцами. Оставляю за скобкой причины такого сотрудничества, — им посвящена довольна большая литература[4]. Скажу коротко: причин было много, — невыносимые условия плена, толкавшие советских солдат на любой шаг по выходу из лагеря военнопленных; растерянность некоторых бойцов от успехов германской армии в первые месяцы войны и неверие в конечную победу СССР; безразличие к вопросу, кому и зачем служить... Ну и, конечно же, антисоветские настроения, ставшие следствием раскола общества после Октябрьской революции и Гражданской войны. Преодолеть этот раскол советскому обществу к началу войны до конца не удалось.

В данном материале я подробнее остановлюсь на деятельности так называемого «русского отряда», действовавшего при абвергруппе-209 (позывной - «Буссард»). Эта абвергруппа являлась составной частью абверкоманды-203 группы армий «Центр». Согласно данным, опубликованным в «Сборнике справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941 -1945 г.г.»:

«Абвергруппа 209 была сформирована в июле 1942 года в Берлине и придана 9-й немецкой армии. Полевая почта № 34500, а со второй половины 1944 года-64543. Группа условно именовалась «Пехфогель» (позже «Буссард»)... Абвергруппу 209 последовательно возглавляли, обер-лейтенант Генпигс Отто, капитаны Эгерс Гюнтер и Дрегер Гуго.

Группа проводила диверсионно-разведывательную работу в ближнем тылу Центрального участка советско-германского фронта и борьбу с партизанским движением. В ее подчинении была рота из военнопленных, именовавшаяся «Русский особый отряд». Во главе роты стоял поручик РОА — Чвала. Личный состав роты подбирали из военнопленных в лагерях в Белостоке, Ченстохове, Кромах, Новгороде. Набор проходил на добровольных началах под видом службы в «Русской Освободительной Армии» (РОА) изменника генерала Власова. Служившие в роте экипировались в форму военнослужащих немецкой армии и имели звания, установленные в РОА.

Абвергруппа использовала состав роты для захвата в плен военнослужащих Советской Армии на переднем крае обороны, для борьбы с партизанами, в качестве агентов-диверсантов в советском тылу, а также по минированию мостов, железнодорожного полотна и зданий при отступлении немецкой армии. Ряд агентов направляли в попавшие в окружение советские части с заданием склонять военнослужащих к переходу на сторону немцев или под видом вывода из окружения приводить их в расположение немецких войск.

Перед заброской в советский тыл разведчики-диверсанты проходили специальную подготовку по подрывному делу. В течение 3-10 дней они изучали взрывчатые и зажигательные вещества, их применение и обращение с ними. Разведчиков-диверсантов обучали поведению в тылу Красной Армии и способам сбора разведывательных данных... При отступлении немецких войск агентов оставляли на оседание в тылу частей Красной Армии для проведения диверсионно-разложенческой работы»[5].

---

[4] Работы Б.Ковалёва, Д.Жукова, И.Ковтуна, А.Окорокова, К.Александрова и многих других исследователей истории коллаборационизма.

[5] Интернет-ресурс на сайте «Исторические материалы». http://istmat.info/node/28437 Эта книга для служебного пользования была составлена в 1952 году приказом МГБ СССР Сергея

Командиром «русского отряда» был Павел Тарасович Чвала, 1920 года рождения. Родился и вырос он на Украине, в селе Бутова Долина Полтавской области[6]. На своей малой родине закончил среднюю школу и поступил учиться в дорожно-механический техникум в Полтаве. В 1940 году его призвали в Красную армию. Весной 1941 года в числе ещё нескольких отличников боевой и политической подготовки Чвала был направлен на учёбу в Московское военно-инженерное командное училище и в сентябре того же года окончил его в звании лейтенанта РККА. Во время учебы он стал кандидатом в члены ВКП(б).

После выпуска Чвала получил назначение в 9-ю авиадесантную бригаду 4-го воздушно-десантного корпуса на должность командира сапёрной роты; в начале 1942 года получил звание «старший лейтенант». Весной 1942 года Павел Чвала вместе с личным составом корпуса принял участие в десантной операции под Вязьмой, где в кольцо окружения попали бойцы 33-й армии генерала Ефремова и кавалерийского корпуса генерала Белова. Им на помощь и были брошены советские десантники. После четырёх месяцев непрерывных боёв с немцами корпус понёс большие потери и практически был рассеян. Чвала вместе с небольшой группой десантников попытался выйти из окружения, но 1 июля 1942 года около деревни Зуевка попал в плен и был направлен в Борисовский лагерь для пленных советских офицеров.

В начале августа 1942 года Чвала дал согласие на вступление в ряды коллаборационистской «Русской народно-национальной армии» (РННА), провозгласившей своей целью борьбу с «кровавым сталинским режимом». Причин вербовки, как уже после войны рассказывал сам Чвала, было несколько. Во-первых, на него лично произвёл тяжёлое впечатление тот факт, что его, советского командира, немцам в плен выдали русские жители Зуевки, а во-вторых, в лагере он, как и все пленные, был подвергнут жёсткой антисоветской обработке: «кто не пожелал служить в РННА, тот был отправлен в штрафные лагеря. Отказаться от службы в этой армии, как это сделали многие другие, я не смог, смалодушничал. Таким образом я стал добровольно служить в РННА. Здесь же принял присягу на верность борьбе с большевиками под предводительством немцев»[7].

В рядах РННА Чвала прослужил несколько месяцев, пока в октябре 1942 года его не откомандировали в распоряжение немецкой разведки. Там он недолго преподавал минное дело в одной из разведывательно-диверсионных школ рядом со Смоленском. А в январе 1943 года оказался в абвергруппе-209. Из послевоенных показаний Чвалы:

«При абвергруппе-209 была организована из русских военнопленных группа, которая производила фронтовую разведку в обороне частей Красной Армии. Эта разведгруппа насчитывала первое время 13 человек, командовал которой лейтенант Куташев. Вскоре его начальник абвергруппы-209 капитан Эгерс отстранил за пьянство и отправил в Смоленск. А на его место был назначен я. Таким образом, с начала марта 1943 г. по август 1944 г. разведывательной группой при абверкоманде-209 командовал я. Воинское звание — поручик (обер-лейтенант) РОА.

ВОПРОС. Сколько человек разведчиков входило в вашу группу?

Игнатьева для облегчения работы сотрудников госбезопасности по поимке нацистских преступников.

[6] Архив УФСБ Нижегородской области. Архивно-следственное дело №13439 по обвинению П.В. Чвала и других агентов абвергруппы-209, 1945. Л.36.

[7] Там же, Л.47.

ОТВЕТ. Первое время было 13, затем было приказано увеличить состав группы за счёт людей, находившихся в Восточных батальонах и частью из лагерей военнопленных. В виду этого число разведчиков увеличилось от 68 до 100 с лишним человек»[8].

Поначалу отряд действовал в районе Духовщины Смоленской области против 42-ой стрелковой дивизии РККА: диверсанты вели визуальное наблюдение за передовой, переодевшись в форму Красной армии, ходили на захват «языка», собирали нужные немцам документы. А в мае 1943 года группа, которая стала именоваться «русским отрядом», была переброшена на Орловское направление и расположилась в деревне Мерцалово. С началом сражения на Курской дуге отряду поставили задачи вести диверсии в советском тылу, проникать в расположение подразделений РККА, склоняя красноармейцев на сдачу в плен, вербовать новых бойцов. Насколько успешно всё это выполнялось?

Сегодня судить об этом сложно, - на допросах в советских следственных органах бывшие сотрудники абвергруппы-209 всегда старались приуменьшить свою вину и соответственно принизить значение тех или иных операций. Тем не менее, сохранились другие свидетельства. Так, попавший весной 1944 года в «русский отряд» водитель абвергруппы (бывший лейтенант РККА) Мстислав Бататин рассказывал после войны, что в отряде было «много разведчиков, которые неоднократно перебрасывались в тыл Красной Армии для проведения диверсий и разведки. Эти люди имели по многу немецких наград…»[9]. Вот только некоторые из этих опытных и заслуженных с точки зрения немцев диверсантов:

Никулин Василий Афанасьевич, 1920 года рождения, уроженец Харьковской области; бывший лейтенант РККА. Находясь в лагере военнопленных в городе Орша, дал согласие на вербовку в немецкую разведку. В «русском отряде» служил заместителем Чвалы по строевой подготовке, подпоручик РОА. Неоднократно участвовал в разведке передней линии советских войск. Руководил захватом «языков». Награждён немцами бронзовой и серебряной медалью для восточных народов.

Петров Александр Михайлович, 1908 года рождения, уроженец Ярославской области. В мае 1943 года по причине антисоветского настроя добровольно перешёл к немцам с оружием в руках. Трижды успешно ходил в советский тыл. Награждён бронзовой медалью и званием ефрейтор.

Зубков Борис Андреевич, 1920 года рождения, уроженец Ярославской области. В 1942 году сдался в плен, в сентябре того же года поступил на службу в Восточный батальон, или «Ост-батальон», состоявший из изменников Родины, в составе которого не раз участвовал в боях с партизанами. С марта 1943 года - сотрудник абвергруппы-209. Вплоть до апреля 1945 года неоднократно забрасывался в советский тыл.

Куринский Василий Петрович, 1923 года рождения, уроженец Полтавской области. В плену с октября 1942 года. Добровольно вступил в немецкую армию, завербован в разведку, абвергруппа-209. На Курской дуге не раз ходил в советский тыл, четыре раза участвовал в захвате «языков», принимал участие в подрыве железнодорожного полотна в районе Орла.

Филиппов, он же Боганюк, Иван Иванович, 1905 года рождения, уроженец Воронежской области. В плен попал под Вязьмой, осенью 1941 года. В 1942 году — в «Ост-батальоне», активный каратель. В апреле 1943 года завербован в качестве сотрудника абвергруппы-209. Присвоено звание фельдфебеля РОА.

[8] Там же, Л.50.

[9] Там же, Л. 51, 152.

Являясь старшиной «русского отряда», принимал личное участие в диверсионных актах в тылу советских войск. Именно он командовал группой, взорвавшей железную дорогу на линии Нарышкино - Орёл. В июле 1943 года Филиппов дважды выезжал в лагерь военнопленных в город Кромы Орловской области, где им было завербовано около 80 человек в качестве агентов абвера[10]...

Однако сражение под Курском закончилось поражением немцев, началось их стремительное отступление. Два взвода «русского отряда» были брошены в качестве обычных пехотных подразделений на оборону города Севска. Они понесли в тех боях большие потери, что оказало деморализующее впечатление на оставшихся в живых. Из показаний Чвалы:

«В августе месяце 1943 года, когда абвергруппа находилась в деревне Неготино, один из агентов Эгерса донёс ему о том, что группа русских из моей роты собирается перейти на сторону партизан. Эгерс приказал мне со взводом надёжных людей арестовать эту группу. Нами было арестовано 20-25 человек. Люди были переданы мною немцам и в последствие были направлены в лагеря»[11].

Вместе со всей абвергруппой Чвала и его люди отошли в Белоруссию, где остановились в посёлке Дуриничи под Бобруйском. И вот тут диверсионные задачи отряда временно ушли на задний план, а на первое место встала борьба с партизанами. Стоит привести подробности этой борьбы, о которой Чвала откровенно поведал на допросе в СМЕРШе:

«В октябре 1943 года Эгерсом в лес были направлены три агента из моей роты - Турков, Карпов, Басов - с заданием проникнуть в партизанский отряд, установить его местонахождение и численность. При отправке этих агентов я участвовал в составлении легенды для них. Задание ими было выполнено. Возвратившись, они доложили, что партизаны готовили операцию против местной полиции, а затем отошли, оставив в лесу машину. Эгерс приказал взять эту машину. В лес был послан отряд в составе моей роты - 60 агентов и 20 немцев. Машина нами была захвачена. Я выезжал на эту операцию в составе своей роты.

В ноябре 1943 года под моей командой был арестован командир партизанского взвода по фамилии Царёв. Произошло это так: группа немцев была в разведке и в районе деревни Топорки обстреляла группу партизан, вышедших из леса. Во время стрельбы Царёв побежал в деревню Дуриничи, так как там находилась его мать. Возвратившись из разведки, немцы доложили о том, как в направлении Дуриничей побежал один из обстрелянных ими партизан. Я с группой агентов пошёл по направлению, указанному нам немцами, и недалеко от деревни в кустарнике обнаружил Царёва, который и был нами арестован. После ареста Царёва допрашивал зондерфюрер Миндель, затем его направили в Борисовский лагерь...

Примерно в декабре 1943 или январе 1944 года я принимал участие в значительной операции против партизан. Немцы вели наступление на партизанское село Каминичи. Я во главе своей роты участвовал в этой операции. Моё участие заключалось в том, что во время боя немцев с партизанами, моя рота охраняла дорогу, ведущую из деревни. В этой операции было убито 6 партизан и пленено 4, среди них двое раненых. Во время боя в деревне был сожжён один дом. Пленённые нами партизаны были направлены лейтенантом Бухгольцем в Бобруйск, что с ними было дальше, я не знаю.

---

[10] Архив УФСБ Нижегородской области. Материалы к архивно-розыскному делу по розыску агента германской разведки В.Витовского. 1945-1963. Л.12

[11] Архивно-следственное дело №13439, Л. 60.

В течение февраля 1944 года под моим руководством было произведено три разведки. Руководил этими разведками непосредственно я. В одной из операций группой фельдфебеля Иванова было убито два партизана и один пленён. После этого я участвовал ещё в трёх разведках на деревни Мотовилово и Осередок. В ходе проведения операции в деревне Мотовилово нами был сожжён один дом партизана. Во время операции нами был убит один партизан. Партизанами были убиты два солдата из моей роты. Когда на рассвете сюда прибыли немцы и узнали об этом, они приказали в отместку за двоих убитых солдат моей роты сжечь партизанские дома. В тот день были сожжены два дома - один в Мотовилово и один в Осередке...

За действия против партизан я получил от немцев две серебряные медали 2-го класса и одну медаль в золоте 2-го класса. Позднее, 20 апреля 1945 года (день рождения Гитлера), был награждён Железным крестом 2-го класса»[12].

Здесь же, под Бобруйском, вместе со всей ротой Павел Чвала вступил в ряды «Союза борьбы против большевизма». Инициатором создания Союза был некий Михаил Октан, русский эмигрант, который ещё до начала войны тесно сотрудничал с немецкой разведкой. Во время оккупации города Орла Октан редактировал пронацистскую газету «Речь». После бегства из Орла Октан на какое-то время осел в Бобруйске, где и приступил к созданию своего антибольшевистского Союза. Чего добивался этот Союз, можно судить по его временной программе, составленной лично Октаном:

«Приступая к осуществлению своей программы, мы даём клятву верности освободителю русского народа и объединителю новой Европы Адольфу Гитлеру:

1. Первым и священным долгом является непримиримая борьба против иудобольшевизма во всех его проявлениях, со всем прямо или косвенно мешающим восстановлению нашей родины.

2. Священным долгом является полная поддержка Германии и органов германской армии в их священной борьбе против иудобольшевизма и его союзников.

3. Самым почётным долгом является вооружённая борьба против большевизма и его союзников – капиталистов и плутократов до окончательной победы над ними. Долгом является непримиримая борьба с любым проявлением еврейского влияния…»[13].

Впрочем, несмотря на борьбу с партизанами и участие в политических организациях, в абвергруппе всё же продолжилась и подготовка новых диверсантов. Весной 1944 года в советский тыл с самолётов было заброшено сразу несколько групп. Судя по всему, без особого успеха. Так, 2-го марта 1944 года при попытке взорвать железную дорогу на линии Гомель - Речица советским воинским патрулём были задержаны опытные диверсанты из «русского отряда» Василий Куринский и Константин Тюриков — на допросе в СМЕРШе они много чего интересного поведали об абвергруппе-209[14].

В апреле в район Гомеля была заброшена ещё одна группа, главным образом из числа тех, кого завербовали на Курской дуге. Будущих диверсантов свозили на экскурсию в Германию, дабы солдаты могли сравнить жизнь там и у себя на родине.

---

[12] Там же, Л. 171-173.

[13] ОКОРОКОВ А. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М: Русский путь, 2007, С.222.

[14] Материалы к архивно-розыскному делу по розыску агента германской разведки В.Витовского, Л. 27.

Им пообещали, что по выполнении задания их снова отвезут в рейх, но только уже на более длительный отдых. Из показаний немецкого агента Ивана Бодина:

«...Краузе вручил нам по три свёртка с взрывчатым веществом и запалы к каждому заряду. Объяснил, как ими пользоваться и велел после проникновения в советский тыл взорвать штаб или склад какой-либо из частей Красной Армии. Объект диверсии велено выбирать самостоятельно. Кроме того, согласно выданным нам фальшивым документам, мы должны были проникнуть в 399-ю советскую стрелковую дивизию.

Там мы должны были изучать настроения красноармейцев, выявлять таким образом недовольных службой, давать им читать власовские листовки и склонять их на сторону немецких войск, при этом восхвалять жизнь в Германии, убеждая красноармейцев сдаться в плен. По выполнении задания, где-то через 20 - 30 дней, при удобном моменте нам было приказано вернуться к немцам, желательно с несколькими перебежчиками. При переходе линии фронта и встрече с немцами назвать пароль.

ВОПРОС. Какой?

ОТВЕТ. При встрече с немецкими солдатами нужно поднять руки вверх, и когда они подойдут, сказать им: "Фельдпост 34500". Это адрес полевой почты нашего русского отряда. После этого следовало просить немцев отправить нас в штаб 9-й полевой армии, в разведывательный отдел "1-Ц"»[15].

Перед заброской агенты получили документы: красноармейские книжки, справки о ранении, денежные и вещевые аттестаты, а кое-кто даже партийный билет. Их выбросили на парашютах в ночь на 22-е апреля в районе Гомеля. Двое из агентов — Иван Бодин и Владимир Витовский — под видом прибывших из военного госпиталя вместе явились на один из пересыльных пунктов Белорусского фронта, откуда их отправили в 4-й запасной полк, в распределительный батальон. Документы оказались настолько искусно сработаны, что не вызвали ни у кого подозрений. Скоро Бодин убыл из батальона в другое подразделение, а Витовский остался в запасном полку. Больше они никогда не виделись.

Иван Бодин был разоблачён уже после войны, в ноябре 1945 года, когда органы госбезопасности разбирали захваченные архивы абвергруппы-209. Задержанный агент заверил чекистов, что задания немцев выполнять не стал, но являться с повинной испугался. Так и продолжал служить в Красной армии под своей вымышленной агентурной фамилией. А вот с Витовским всё оказалось гораздо сложнее. Он словно в воду канул. Его упорно и настойчиво искали на протяжении многих лет. Но увы, агента обнаружить так и не удалось. В 1963 году дело агента Витовского сдали в архив. Что стало с ним, до сих пор неизвестно[16]...

«Русский отряд» прекратил своё существование в августе 1944 года, когда началось масштабное советское наступление в Белоруссии. Абвергруппа-209 тогда уходила в арьергарде отступавших немецких войск.

Из показаний водителя абвергруппы:

«Перед отступлением немецких войск из Белоруссии в конце июня 1944 года, Абверкоманда-209 и «русский отряд» были разбиты на две партии. При этом начальник команды обер-лейтенант Дрегер взял с собой примерно человек 30-ть и выехал вперёд. С остальным личным составом сзади ехал командир отряда Чвала. Таким образом, мы ехали на Минск, Волковыск, Вильно и Белосток. Там обе партии соединились вместе.

ВОПРОС. Вы с кем ехали?

---

[15] Там же, Л.42.

[16] Там же, Л. 51.

ОТВЕТ. Я почти всё время ехал с отрядом Дрегера.

ВОПРОС. Сколько с вами было автомобилей?

ОТВЕТ. Три грузовых и несколько легковых.

ВОПРОС. Для какой цели вы имели столько машин, если вас, как вы говорите, было всего только 30 человек?

ОТВЕТ. Я должен сказать, что отряд Дрегера по пути отступления выполнял особые задания немецкого командования по минированию военных объектов, зданий и мостов. Поэтому мы на имевшихся в нашем распоряжении автомашинах подвозили взрывчатое вещество.

ВОПРОС. Вы какое участие принимали в этой диверсионной работе?

ОТВЕТ. Я находился в особой подрывной группе и выполнял задания Дрегера. В должности шофёра развозил диверсантов, оставляемых в тылу Красной Армии. В пути движения я два раза на автомашине ездил в район города Волковыска на немецкий склад взрывчатых веществ и привозил оттуда тол. Всего мною было привезено около тонны тола, который закладывался на объекты.

ВОПРОС. Какие объекты были взорваны вашей группой?

ОТВЕТ. Группа Дрегера занималась не только взрывами того или иного объекта, но и минированием затянутого действия с расчётом дать возможность отступить немецкой армии. Таким образом, были заминированы железнодорожные мосты, дороги и другие объекты военного значения. Кроме того, мне известно то, что в г. Волковыске были взорваны: здание какого-то учреждения, колбасный завод, мост через реку Нарев»[17].

Из показаний Павла Чвалы:

«Во время отступления я с русской ротой пешим строем отступал до Белостока. За Белостоком был приказ оставить из числа моей роты диверсионные группы для действий против частей Красной Армии. Я лично принимал участие в оставлении этих групп. Всего нами было оставлено около 45 агентов, остальных отправлял лейтенант Ренгмайер. При оставлении агентов мы давали задания диверсионного характера - взрывать мосты, железные дороги...»[18].

В августе 1944 года в Белостоке отряд был расформирован. Часть бойцов, имевших в Красной Армии офицерское звание, была направлена в специальный лагерь РОА близ города Летцен (Восточная Пруссия), где начала проходить командирскую переподготовку для пополнения вооруженных сил образованного в ноябре 1944 года «Комитета Освобождения Народов России» (КОНР), возглавленного генералом Власовым. Ещё часть попала в разведывательные органы войск КОНР. Командир отряда Чвала, как украинец, был откомандирован в Данию на должность командира роты 3-го украинского батальона 599-ой гренадерской бригады Вермахта. С собой он взял ещё трёх бывших бойцов «русского отряда». В этом подразделении Вермахта они и прослужили до дня капитуляции Германии 9 мая 1945 года[19].

Павел Чвала прекрасно понимал, что ждёт его на Родине. По словам сослуживцев по 599-ой бригаде, он после немецкой капитуляции развернул яростную агитацию за то, чтобы не возвращаться в Советский Союз. Он убеждал товарищей, что пощады за измену им не будет никакой, что лучше остаться в Дании под защитой занявших эту страну англичан. Однако его мнения на сей счёт никто не собирался спрашивать: английское командование, согласно Ялтинским договорённостям, приняло решение передать изменников советской стороне...

---

[17] Архивно-следственное дело №13439, Л. 170.

[18] Там же, Л. 182.

[19] Там же, Л. 200.

Осенью 1945 года Чвала вместе с ещё несколькими диверсантами из «русского отряда» предстали перед судом военного трибунала Группы советских оккупационных войск в Германии. Последние слова бывшего командира «русского отряда» были на редкость сумбурными и сбивчивыми:

«Я всегда в своих действиях внутренне чувствовал, что совершаю тяжёлое преступление... Я верил в победу Красной Армии, но боялся ответственности за свершённые мною преступления и продолжал их... Теперь я раскаиваюсь во всём совершённым мною, но в то время целиком находился под влиянием антисоветской пропаганды...»[20].

Раскаяние не помогло, — 17 октября 1945 года Павел Тарасович Чвала был приговорён к расстрелу. Остальные его сослуживцы по «русскому отряду» получили приличные лагерные сроки — от 10 до 20 лет лишения свободы. Впрочем, ещё многие годы после войны «русский отряд» находился в прицеле советских органов госбезопасности. Государство исходило из того, что такого рода изменники должны в полной мере ответить за свои преступления. Кроме того, неразоблачённые активные пособники немцев являлись потенциальным кадровым резервом для деятельности иностранных разведок, ставших своеобразными преемниками Абвера на поле тайной войны против Советского Союза. О резонности таких опасений прямо свидетельствует дело бывшего лейтенанта РККА, офицера Абвера Игоря (Олега) Жуковского, после войны ставшего агентом западногерманской разведки БНД, — в 1959 году он был переброшен в Советский Союз для оживления «спящей» немецкой агентуры на юге страны[21]. Что же касается «русского отряда», то люди, прошедшие хорошую диверсионную подготовку на стороне врага, потенциально были вдвойне опасны для советского государства.

Некоторых «отрядников» удалось выявить в конце 40-х - начале 50-х годов. Так, в 1948 году органами госбезопасности Воронежской области был обнаружен и задержан опытный немецкий диверсант, старшина «русского отряда» Иван Филиппов (Боганюк). Его приговорили к 25 годам лишения свободы[22]. Однако не всегда розыск был успешен, - как уже говорилось, агента Витовского искали долго и безуспешно, его розыскное дело КГБ СССР закрыл только в 1963 году. И таких «пропавших без вести» немецких диверсантов, судя по всему, было немало...

---

[20] Там же, Л. 209.

[21] Подробности этой истории изложены в моей книге: АНДРЮХИН В. По следу Вервольфа. Горький против абвера. Нижний Новгород: Литера, 2015.

[22] Материалы к архивно-розыскному делу по розыску агента германской разведки В.Витовского, Л. 27.

ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

ВОИНЫ-«АФГАНЦЫ» ШАХУНСКОГО РАЙОНА ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

Аннотация. В статье рассказывается о воинах-«афганцах» Шахунского района Горьковской области, участвовавших в Афганской войне в 1979 - 1989 гг., в том числе погибших, помещены воспоминания ветеранов, вернувшихся с войны.

Abstract. The article describes the Afghan soldiers of the Shakhun district of the Gorky region, who participated in the Afghan war from 1979-1989, those who died and the memories of veterans who returned from the war.

Ключевые слова: Шахунский район, Горьковская область, Афганистан, война, 1979-1989 гг.

Keywords: Shakhunskiy district, Gorky region, Afghanistan, war, 1979-1989.

Завьялова А.А., Завьялова С.В.
(Нижний Новгород)

Длительное время о событиях в Афганистане в нашей стране умалчивалось. Когда же была отодвинута завеса секретности, появилось столько измышлений об этих событиях, что непосвященные люди подчас приходили в смятение. Такая информация обычно поступала от лиц, которые никогда не были в Афганистане и знали о войне понаслышке или были там очень непродолжительное время и не могли разобраться в происходивших там событиях.

Вместе с тем опыт минувших войн показывает, что даже участники боевых операций той или иной войны не всегда полно и точно знают обо всех обстоятельствах и фактах, которые оказывали влияние на ход или исход тех или иных событий. Полная их картина может быть раскрыта не по горячим следам, а после окончания войны, в результате работы историков и исследователей.

Из Горьковской области[2] в Афганистане погибло 160 человек, из них 5 шахунцев: лейтенант В.А. Кислов, прапорщик Е.Б. Ершов, младший сержант С.Н. Миронов, рядовые Н.А. Мухачёв и В.Н. Прытов.

В честь **Александра Степановича Кислова (1964 - 1986 гг.)** установлена мемориальная доска на школе № 14. Он родился в деревне Городищи Борского района Горьковской области.

В детстве и юности Александр увлекался чтением и спортом. Особенно любил лыжи, футбол и хоккей. За успехи в этих видах спорта имел почетные грамоты. Мечтал стать военным, как дедушка, погибший в Великую Отечественную войну.

---

[1] До 2011 г. составлял Шахунский район, в настоящее время городской округ город Шахунья.

По материалам: Киселев В.П., Хриченко К.И. Книга памяти. Афганистан 1979 - 1989. – Н. Новгород: БИКАР, 2008; Жуков Б.Н. Поклонись кресту «афганца»: Книга Памяти Нижегородских воинов-интернационалистов, погибших в Афганистане в 1979 - 1989 годах. **Нижний Новгород:** Нижполиграф, 2003; Завьялова С.В. По афганским дорогам. Народный фольклорно-этнографический музей г. Шахунья, 2009; Кислова Т.С. Воспоминания о брате. Шахунья, 2009; материалы Вахтанского историко-природного музея, музея Шахунского агропромышленного техникума, военного комиссариата Шахунского района; личный архив Кисловой Т.С.

[2] Исторические названия – Нижний Новгород, Нижегородская область – возвращены после окончания Афганской войны, в 1991 г.

Отличался настойчивостью в достижении цели. Часто повторял отцу: «Хочу воевать за деда. Не могу спокойно жить, когда мои ровесники там гибнут».

В 1981 г. поступил в Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. А.М. Прошлякова. В 1985 г. успешно окончил училище и в звании лейтенанта начал службу в должности командира взвода разминирования в 271-м отдельном инженерно-саперном батальоне 108-й мотострелковой дивизии 40-й общевойсковой армии. Обзавестись семьей не успел…

С мая 1986 г. командир инженерного взвода разминирования лейтенант Александр Кислов служил в Афганистане. Перед отъездом в Афганистан, чтобы не расстраивать родных, он сказал маме, что ему вместо техники дают солдат.

Из воспоминаний сестры Татьяны: «Мы провожали Сашу. Аэропорт города Горького. Оказалась неполадка у самолета, он все кружил над аэропортом. Саша стоял в проеме и отдавал честь, как бы прощался с нами».

Из письма Александра: «Когда вылетали из Горького, поломалось колесо у самолета. Взлетели на 40 мин. позже. В Москве со своими ребятами встретился. Потом, после звонка из Ташкента, полетели в Фергану. Из Ферганы мы вдвоем уехали 2 мая, а двое там остались. Где я и почему индекса нет, написать нельзя. Сами понимаете почему. Здесь с моей училищной роты вместе с нами 5 человек, так что живем мы тут прекрасно. Все у нас есть. А что насчет вещей, то тут их нельзя носить. Деньги тоже тут не нужны. Полное вещевое и пищевое обеспечение.

Живем тут хорошо. У вас там, наверное, еще ничего нет, а у нас уже все готово к употреблению. Вообще-то абрикосов, бананов у нас в Шахунье вообще не бывает. Кроме всего этого в столовой кормят хорошо. А главное тут есть своя баня с парилкой и бассейном. Моемся 2 раза в неделю. Правда березы тут не растут, зато есть какое-то дерево вроде ивы. Ладно, хоть это есть».

В каждом письме Александр успокаивал родителей: «Живём как всегда нормально. Теперь уже окончательно будем сидеть на одном месте, может изредка, будем ездить как раньше. Сейчас пишите мне так: 083596 Полевая почта в/ч 83596. Кольке там дайте этот адрес. Я им уже написал с Ташкента, а вам звонил. Вы на даче с отцом были. У меня-то все хорошо, как вы там сами-то? Теперь буду чаще писать, а звонить реже. Скоро может, пришлю фотографии, а пока только открытку. У нас только такие тут есть.

Всем там знакомым привет от меня, Тарасенко особенно. Больше то писать и нечего. Целую, Всех. Саша».

«Что-то пишу Вам второе письмо, а Вы молчите.

Живём хорошо. Всё у нас есть, только погода немного испортилась. Ветер задул прохладный. Но всё-таки виноград, персики чифаним каждый день. Скоро вообще всё созреет.

Со службой всё хорошо. Сашке написал, Кольке написал, вам тоже. Поповым только не писал. Всё времени нет. Сейчас учёба идёт со страшной силой. Так что некогда пока, да и что писать-то. Всё одинаково каждый день. Я уж, наверное, четвёртое письмо вам пишу, а получил только пока одно. Может быть позже придут. Живём мы хорошо, только жарко тут у нас.

Правда есть бассейн. Купаемся частенько. Витаминов много, фруктов разных. Да и в столовой разная зелень есть всегда. Особенно картошка есть, правда без молока.

От Сашки писем нет, от Кольки нет; я тоже перестану им писать. Думал, хоть из дома будет нормально. И тут тоже письма задерживаются.

Ходили тут на концерт. Приезжало «Пламя». Скоро Пугачёва должна быть.

Больше писать-то нечего. Лучше буду чаще и поменьше. А то пишу письмо уже 40 минут.

Как у Вас дела?

Всем привет.

Целую. Саша.

Мама, С Днём Рождения».

За два месяца службы в Афганистане Александр приобрел славу замечательного специалиста саперного дела. Со своим подразделением обезвредил около 80 всевозможных мин и фугасов. Двадцать шестого июня 1986 г., готовя площадку для стоянки техники, обнаружил в земле противотанковую мину неизвестного образца. Удалив подчиненных на безопасное расстояние, приступил к ее демонтажу. И уже было справился с задачей, как раздался взрыв: сработала не замеченная им вторая мина…

Из письма от однокурсника по военному училищу в Тюмени Олега Буянова: Уважаемые Мария Семеновна, Степан Александрович и Татьяна.

Получил от Вас письмо, в котором Вы благодарите меня за фотографии. Не надо меня за это благодарить это был мой долг, долг перед Александром. Я долгое время искал адрес его полевой почты, что бы отправить эти фотографии ему, но не успел. Да мы все разъехались в разные концы нашей необъятной России, но постоянно искали друг друга. И когда почта принесла известия о том, что Саша погиб я отправил эти фотографии. Вы задаете мне вопрос, почему мы не отговорил Сашу от его рапорта?

В этом не было надобности, т. к. рапортов с просьбой об отправки в Афганистан было только от нашей роты около 50. Но командование распорядилось иначе и в Афганистан поехало 15 человек. Это были первые 15 с нашей роты. Мы все знали, что Афганистан для нас неизбежен. Всем нам суждено побывать там рано или поздно. Александр, как и многие другие, решил пройти эту школу огня сразу. Среди тех, кто уехал в Афганистан были и Павел Швец, Юрий Язевич, Борис Крылов, Сергей Кантышев, Александр Зееман и многие другие. С давних пор в нашем офицерском корпусе есть одна традиция - выпить третий тост, молча, не говоря ни слова, стоя. Этим тостом мы поминаем своих друзей и товарищей, всех тех, кого нет с нами, тех, кто не сядет с нами уже за один стол. Среди них уже: Николай Куропаткин – погибший в декабре 1985 г. от автоматной очереди в упор в ГДР, Костя ?, Новонашин, Валерий Бондарев сгоревший заживо в подбитой машине. Мы не знаем всех тех, кто уже погиб, но время от времени наша почта приносит известия, что кто-то еще уже вычеркнула старуха смерть из наших рядов.

Я хочу сказать спасибо Вам, за то, что вы воспитали в Саше – человека. Человека с большой буквы хорошего товарища и друга.

С поклоном к Вам его друзья и сокурсники те, кто служит рядом со мной - это Валерий Ружьев, Владимир Филатов, и я.

9 мая 1987 г.».

А.С. Кислов за мужество и отвагу посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Отец - Степан Алексеевич, умер в 1995 г., мать – Мария Семеновна, - в 2002 г. Младшая сестра – Татьяна Степановна.

Мухачёв Николай Аркадьевич (1963 - 1982 гг.) родился 14 июля 1963 г. в поселке Вахтан Шахунского района Горьковской области. Окончил Вахтанскую среднюю школу в 1980 г. В школе был активен. Занимался спортом (волейбол, футбол, баскетбол), участвовал во всех мероприятиях школы и класса. Характеризовался только положительно, слыл заводилой класса, обладал

здоровым чувством юмора. После окончания школы пошёл работать в Вахтанский леспромхоз в кабельный цех. Мечтал работать водителем. По исполнению 18 лет получил права водителя категорий В, С. Работал водителем в леспромхозе. Весной 1981 г. был призван в ряды Советской армии. Проходил службу в учебной части, затем попал служить в автобатальон, доставлявший грузы в Афганистан. С января 1982 г. рядовой Николай Мухачёв служил в ДРА. Участвовал в 11 рейсах по перевозке боеприпасов в различные районы Афганистана. Зарекомендовал себя исключительно стойким и смелым солдатом.

На его последнем письме домой стоит дата: 3.11.82 г. В этот день он погиб. Писал, что все хорошо, но погода испортилась – дожди, что скучает по дому и домашней пище, что месяц стоял на ремонте, год уже отслужил, по всем скучает. Письмо очень короткое, - видимо, торопился.

Третьего ноября 1982 г. в тоннеле под перевалом Саланг возникла нештатная ситуация: движение автомобилей было заблокировано в обоих направлениях из-за поломки двух транспортных единиц. Тоннель находился на высоте 5,5 тыс. м. над уровнем моря, поэтому содержание кислорода в воздухе много меньше нормы. В таких условиях и согласно инструкции глушить двигатель автомобиля не разрешалось, так как его повторный запуск затруднён. В тоннеле в этих условиях возникла повышенная загазованность выхлопными газами. Длина тоннеля была 3300 км. Мухачёв Николай принял активное участие в эвакуации водителей автоколонны из тоннеля, но вследствие того, что его пребывание в тоннеле было продолжительным, получил отравление угарным газом.

За мужество и отвагу посмертно награждён орденом Красной Звезды.

У Н.А. Мухачёва остались родители: мать – Любовь Анатольевна, пенсионерка, инвалид 1 группы по общему заболеванию опорно-двигательной системы, отец – Аркадий Иванович, братья – Александр Аркадьевич, Анатолий Аркадьевич. В 1990 г. родственникам была выделена отдельная двухкомнатная квартира, на втором этаже, а его мама была направлена на санитарно-курортное лечение – санаторий «Красный Яр» в Урене.

Похоронен Николай в родном поселке. Одна из улиц Вахтана названа именем Николая Мухачёва и в Вахтанском историко-природном музее хранится память о Николае, собраны его личные вещи.

Фаина Павловна Несветаева, классный руководитель: «Знаниями, полученными в школе, Николай не ограничивался: посещал факультативы, проявлял интерес к истории, английскому языку. Принимал активное участие в общественной жизни класса, к поручениям относился добросовестно».

Тамара Васильевна Мельчакова, соседка по дому: «Николай был парнем отзывчивым, веселым, никогда не отказывался в помощи. Семья Мухачевых была дружной и трудолюбивой. Дом их был гостеприимным, всегда в нем было много друзей Николая».

Надежда Васильевна Мухачева, жена старшего брата Николая: «Он часто помогал колхозникам на уборке урожая. За хорошую работу был награжден знаком «Ударник – 79». Николай был находчивым парнем, имел много друзей, всегда был душой компании».

Из воспоминаний мамы: «В день проводов сына в армию у Шахунского райвоенкомата собралось 23 призывника. Напутственное слово перед товарищами пришлось держать Коле. Я запомнила его слова: «Мы не посрамим свою Родину и наш родной край. Нашему военкомату не будет стыдно за отправленных в армию защитников Родины, и что потребует Родина, сделаем все, защитим честь и совесть своей отчизны, ее авторитет». О его хороших качествах есть письмо от

командира. В части его ценили и уважали все. Сослуживцы Коли говорили, что когда он был вместе с ними, им было весело, а временами даже забывали, что где-то на земле гремят взрывы, льется кровь. Он никогда не падал духом и своей находчивостью умел поднять боевой дух своих товарищей».

Ершов Евгений Борисович (1956 - 1987 гг.) родился 27.12.1956 г. в поселке Сява Шахунского района, Горьковской области. Жил с родителями: мать Ершова Вера Николаевна, отец Ершов Борис Иванович. Это была дружная, сплоченная семья. Кроме него в семье было еще 3 сына, Евгений был предпоследним. Братья между собой очень дружили, в трудных ситуациях всегда помогали друг другу. В 1963 г. Женя пошел в школу. В школе проявил средние способности, но всегда был успевающим учеником. В старших классах начал увлекаться спортом, особенно лыжным. Часто участвовал в местных и районных соревнованиях, занимал призовые места. В 1973 г. закончил Сявскую среднюю школу и поступил в Сявское СПТУ на шофера. После окончания работал шофером на подстанции. В 1975 г. пошел в армию. Служил в Тбилиси – шофером. После окончания службы в армии устроился на работу в Сявский лесохимический завод на железную дорогу – составителем. В 1977 г. познакомился с будущей женой. Он очень красиво ухаживал, дарил цветы на свиданиях и небольшие подарки. При встречах ходили в кино и на танцы. В 1978 г. Евгений с Алевтиной решили узаконить свои отношения. Двадцатого июля 1978 г. у них была свадьба. В 1979 г. родился сын Николай, так как Женя был очень близок со своими братьями, сына он назвал в честь своего брата. Евгений с Алевтиной жили в деревянном четырехквартирном доме. Со всеми соседями были хорошие дружеские отношения, было и свое натуральное хозяйство, держали поросят, сажали огород. Алевтина работала в столовой №1 ОРСа. В 1984 г. у них родилась дочь Евгения, когда родилась девочка, она была очень похожа на Евгения, поэтому ее так и назвали Евгения Евгеньевна. Время шло, дети подрастали. Сын Николай пошел во второй класс, а дочери было около трех лет, когда Евгений принял решение учиться на прапорщика и принести пользу Родине своей службой в вооруженных силах. Он хотел, чтобы его дети гордились им. Женя хотел дать своим детям достойное воспитание и образование. На прапорщика он учился в Севастополе. С ноября 1986 г. старший техник инженерно-саперной роты прапорщик Евгений Ершов служил в Афганистане. Принимал участие в 4 боевых операциях и 8 сопровождениях автотранспортных колонн. Был высококлассным специалистом и мужественным воином. Двадцатого апреля 1987 г. в бою в районе «зеленой зоны» провинции Кандагар был смертельно ранен осколками мины. Жена Алевтина осталась с двумя маленькими детьми на руках. К этому времени Аля работала в детском саду «Солнышко». Руководство лесохимзавода приняло решение дать ей квартиру в центре поселка. Сыну Николаю было 8 лет, когда погиб отец, но он очень хорошо помнил своего отца, и когда пришло время выбирать профессию, он твердо знал, что будет работать шофером, как отец. Шофером работает и по настоящее время, профессию менять не собирается, хотя ему приходится очень рано вставать, в четыре часа утра. Николай работает на хлебной машине, он считает, что утром у людей уже должен быть свежий ароматный хлеб, поэтому у него всегда в порядке машина. Он гордится своей профессией. Дочь Евгения была еще мала, чтобы помнить своего отца, но она никогда не расстается с его фотографией. Пока училась в школе, в начальных классах очень часто плакала и тосковала по отцу. Ей очень хотелось, чтобы у нее тоже был папа, как у подруг, но погибшего папу не вернешь. Пришлось смириться со своей судьбой. В данное

время Евгения замужем, у нее подрастает сын. Работает Женя в детском саду воспитателем.

Помнят о своих выпускниках, служивших в Афганистане, в Шахунском агропромышленном техникуме, бывшем СПТУ №9. В музее техникума имеется экспозиция об «афганцах».

Миронов Сергей Николаевич (1965 - 1985) родился 24 мая 1965 г. в городе Шахунья. Первого сентября 1980 г. поступил в городское СПТУ №9 г. и 18 июля 1983 г. окончил полный курс среднего профессионально-технического училища по профессии тракторист-машинист широкого профиля с умением выполнять работы слесаря-ремонтника и водителя автомобилей. Решением экзаменационной комиссии получил право работ на тракторе Т-150К. До призыва на военную службу больше года трудился в вагонном депо стропальщиком. По отзывам тех, кто с ним работал, Сергей был очень ответственным, обязательным, честолюбивым, всегда отстаивал правду и сам никогда не лгал, не искал выгоды для себя, готов был отдать последнее. В октябре 1983 г. Сергей Миронов был призван в ряды Советской армии. Служить попал в танковые войска. Это была учебная часть в Балашихе Московской области.

С апреля 1984 г. командир отделения младший сержант Сергей Миронов был направлен в Демократическую Республику Афганистан. В своем письме родным он сообщает: «У меня все нормально, жив, что и вам желаю. Погода у нас все такая же жаркая, а у вас уже лето, зелень, красота одним словом. А я когда вырвусь на кусочек зелени – это для меня счастье.… Ну что еще написать, сегодня у нас знаменательная дата – 100 дней до приказа, а так ничего больше нет».

«… Попал я в ДРА Шиндан. Место очень хорошее: тепло, хотя зелени не так много, как под Москвой, но мне здесь нравиться больше, кормят так же, как и в Подмосковье. Кино здесь кажут каждый день. Да фильмы такие показывают хорошие, что и в союзе такие не всегда посмотришь».

Во время службы Сергей думает о будущем: «вернусь домой, ведь придется учиться, вероятнее всего буду поступать в морское»; все больше хотелось домой.

Принимал участие в 6 боевых операциях, выказав незаурядную смелость и отличные командирские способности. В письме родным писал: «Вчера только приехал из рейда, впервые увидел смерть и понял, как можно легко потерять друга, который стоит рядом... Но вы не переживайте, все будет хорошо. Ведь я в рембате, это не так страшно. А в рейде намного интересней, чем в батальоне».

В перерывах между боями Сергей был на рыбалке: «рыба здесь крупная, и ее очень много, правда, ловлю я не удочкой и не спиннингом, а при помощи автомата или гранат».

В каждом из писем Сергей заботится о родителях: «то-то с огородом вам тяжело, я вас понимаю». Наказывает брату Андрею: «самое главное как можно больше помогай Папке с Мамкой, ведь им нелегко делать одним».

Родители получили и благодарственное письмо за подписью командира войсковой части 93986 Тамарцева и заместителя командира по политической части Попова. С.Н. Миронов погиб в бою 10 августа 1985 г., о чем командир воинской части подполковник Шкарбут, начальник штаба воинской части капитан Бережной сообщили родителям Сергея.

С.Н. Миронов за мужество и отвагу посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Из воспоминаний мамы: «Сережа всегда стремился учиться, всем интересовался. Во время учебы в СПТУ был награжден Почетной грамотой за отличную учебу и работу. Преподаватели всегда ставили его в пример другим. Он

хотел стать достойным человеком. Всегда помогал родителям, был обязательным, исполнительным, не по годам рассудительным. Работал всегда с шутками и прибаутками. После учебы до армии оставалось два месяца, но он время не терял, пошел работать. Сам всегда был занят работой и маленьких братьев приучал, а сестер берег. Корову сам доил, а часто всю скотину дома сам кормил. Перед армией Сережа сам связал рукавицы и носки и брата Андрея учил вязать. Но тот не был так усидчив. Вязать у него получалось лучше, чем у меня. Сережа с отцом построили баню, потом он сам ее топил и маленьких ребятишек мыл. Когда Сережу забирали в армию, мы купили ему новую куртку, но он сказал: «Мама ничего не надо, вернусь, у меня все будет». Любил с сестрами и братьями ходить в лес. В детстве Сережа увлекался музыкой, хорошо играл на гитаре, рисовал».

Андрей Миронов, брат Сергея: «Сергей всегда учил нас быть сильными и смелыми. Всегда с нами возился. Учил меня на турнике заниматься, говорил: «Тебе скоро в армию, а ты как мешок висишь». После сенокоса водил нас на рыбалку. Благодаря брату теперь это мое любимое хобби».

Павел Николаевич, брат Сергея: «Если я баловался или не слушался, Сергей говорил: «Я сейчас тебя смою водой!», а я пугался».

Наталья Николаевна, сестра Сергея: «Сергей в письмах писал: «Наталья почерк у тебя красивый, но ошибок много делаешь, я за тебя краснею».

Александр Кузнецов, друг детства: «На Сергея всегда можно было положиться, он никогда не отказывал в помощи, был настоящим другом. Всегда был на стороне слабых и беззащитных. Он был спортивным парнем, крепким и сильным. Дурных привычек у него не было. Я горжусь, что у меня был такой друг».

Двадцать седьмого декабря 2011 г. в шахунской школе №1 им. Д. Комарова открыта мемориальная доска выпускника школы № 1 им. Д. Комарова Миронова Сергея Николаевича.

Владимир Николаевич Прытов (1966 - 1986 гг.) родился в поселке Терешинский Шахунского района Горьковской области. Первого сентября 1981 г. поступил в СПТУ №9 г. Шахуньи, а 18 июля 1984 г. окончил его, получив квалификацию тракториста-машиниста III класса. Работал слесарем в совхозе «Авангард». В ноябре 1984 г. призван в ряды Советской армии. Окончил учебную часть, получив квалификацию механика-водителя БМП III класса. Выпускные экзамены сдал на «отлично».

В августе 1985 г. механик-водитель БМП рядовой Владимир Прытов был направлен в Афганистан.

Во время службы писал домой. В своих письмах он заботился не только о родственниках, но и о боевых товарищах: «… у меня друг увольняется в мае. Он с Кировской области - поселок Ленгасово. Может быть, он заедет к Вам. Примите его как положено».

Владимир очень беспокоился о своём брате Серёже: «учись лучше, это тебе в будущем пригодиться; Серёжа, а тройку ты исправь, что бы за годовую были все четверки»; старался успокоить родителей: «У меня все нормально, жив, здоров, чего и вам желаю», «служить уже немного осталось, еще лето, а осенью уже домой».

Прытов участвовал в 14 боевых операциях, совершал поездки на территории ДРА. Проявил себя стойким и мужественным воином.

Погиб 8 апреля 1986 г. в бою у кишлака Баладжари, подорвавшись на мине. Посмертно награжден орденом Красной Звезды.

У В.Н. Прытова остались родители пенсионеры, мама Алевтина Сергеевна, инвалид 2 группы, папа Николай Михайлович, инвалид 2 группы, сестра Татьяна Николаевна и брат Сергей Николаевич.

Из воспоминаний мамы: «Сын всегда был внимательным, часто приходил ко мне на работу, а я работала на ферме дояркой, и помогал управляться. Когда у него времени не было помочь, просто встречал с работы и спрашивал: «Мама, ты устала?». Если ссорились, всегда первым извинялся и говорил: «В следующий раз буду думать». В письмах часто просил отца беречь меня. В нашей семье было шестеро детей, и сын сразу после школы стал работать в колхозе. Сначала трудился помощником комбайнера, а позже вместе с отцом – механизатором. Хорошо разбирался в технике, чем завоевал уважение опытных механизаторов. Володя был работящим, общительным и ответственным человеком, с уважением относился к родителям, старался во всем быть нам помощником».

Татьяна Николаевна Смирнова, старшая сестра: «Володя и Сережа были в семье младшими, но Володя старшим братьям и сестрам никогда ни в чем не уступал, всегда все делал сам. Задуманное или сказанное доводил до конца. Если когда делал или говорил плохо, всегда просил прощение. К себе был самокритичен. У него было много друзей. Плохо о нем никто никогда не отзывался. Спортом не увлекался, времени у него на это не было. До армии у Володи была девушка Людмила. В последнем письме часто писал, что приедет из армии и женится. Мечтал построить свой дом, иметь большую и дружную семью, такую же, в какой вырос сам. На вопрос о службе в письмах не отвечал, только очень коротко: «Все хорошо, служба идет».

Надежда Николаевна, сестра: «Однажды брат написал, что подорвался на мине, повредил пальцы рук, просил маме не говорить. Володя нас сестер любил. От работы не отлынивал. Даже когда у него не было водительских прав, брал у отца трактор без разрешения и уезжал в поле работать».

Виктор Пантелеев, друг: «Володя был хорошим товарищем. Мы вместе росли, учились. В армию пошли вместе. Только я попал служить в Германию, а он в Афганистан. Ходили на рыбалку, леску наматывали на палец и ловили окуней, когда в деревне сделали пруд, то сделали плоты и плавали на них по реке. Зимой любили кататься на лыжах, делали трамплины, где катались все деревенские ребятишки».

Воины-«афганцы» села Хмелевицы Шахунского района

Смирнов Павел Михайлович родился 5 июля 1967 г. в деревне Ершово Шахунского района Горьковской области. Родился и рос в большой семье. Семья состояла из девяти детей. Павел был последним ребенком. Учился в Хмелевицкой средней школе. Окончил 8 классов и продолжил обучение в СПТУ №9. Затем работал в селе трактористом. Десятого октября 1985 г. призван в армию; попал в учебную часть в Узбекистане. Затем последовал перевод в Афганистан. Награжден медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа» 17 февраля 1989 г. в соответствии с указом Президента Республики Афганистан от 15 мая 1988 г.

Письма Павла из Афганистана домой:

Здравствуйте мои дорогие, родные папа, мама и Федя. Во первых строках моего письма прошу вас извинить за столь долгую задержку. Я был в командировке как вам уже, наверное, написали. Как приехали командиры сразу же на меня налетели. Почему, мол, ты такой-секой письма домой не пишешь, жалобы говорят, на нас поступали и в «Красную звезду», часа два мне мозги вправляли. Ну, вы уж меня извините, я знаю каково вам там одним тяжело, но я, ни как не мог написать,

верней написать, то бы мог но, как и где отправлять ведь здесь командировки не такие как в союзе. Ну ладно ещё раз извините меня дурака, ладно. Теперь пару строк …

Привет из Афганистана:

Здравствуйте мои дорогие папа, мама и Федя. Черкну пару строк о себе. Письмо ваше ещё не получил, так как я снова езжу на радийке в сопровождение и в данный момент нахожусь в рейсе. Здоровье у меня отличное, чего и вам желаю. Сейчас наверное снова меня выругают, потому что никому не отвечаю на письма, аж ведь не знаю от кого мне письма лежат в части, вот когда приеду получу их и тогда всем отвечу, а сейчас пока даже и не знаю кому писать. Погода отличная +60, +40. Да там уже Андрюха Соловьёв наверное домой пришел, передайте ему привет если увидите. И вообще передавайте всем по привету, кого …

Привет из Минданда:

Здравствуйте мои дорогие папа, мама и все кто у нас в гостях. Вот, наконец, получил от вас долгожданное письмо. Долгожданное оно потому, что я уже наверное с седьмого июля не получал не от кого писем, вот только сегодня получил от вас, а остальные уже меня все забыли, никто не хочет писать. Ладно, уж как-нибудь перетерплю оставшиеся дни и без писем. Я уже привык, все-таки уже почти два месяца никто не пишет. Черкну пару строк о себе. Здоровье у меня отличное чего и вам желаю. Служба тоже тянется не спеша.

Из Шахунского района служили в Афганистане около 100 человек. Среди них Пискозубов Виктор Георгиевич, Астафуров Виктор Аполлонович, Овчинников Александр Петрович, Бобров Александр Викторович.

Пискозубов Виктор Георгиевич - участник боевых действий в Афганистане с июня 1988 г. по 15 февраля 1989 г. Председатель Шахунской районной организации, Нижегородской областной организации, общероссийской организации – союза ветеранов войны в Афганистане, заместитель главы Городской Думы г. Шахуньи.

Пискозубов Виктор Георгиевич родился 26 августа 1946 г., в д. Харламовцы Шахунского района. В многодетной семье железнодорожника. Учился в Шахунской средней школе № 14. Окончил Коломенское артиллерийское военное училище. Семейное положение: женат, двое детей. Сын - офицер, окончил Московское пограничное училище. Дочь – медицинская сестра ЦРБ. Награды: медаль за отличие, медаль за боевые заслуги, орден Красной Звезды за организацию вывода войск.

В.Г. Пискозубов был комбатом с июня 1988 по 15 февраля 1989 гг., командовал мотоманевренной группой, среди подчиненных были ранения, погибших не было. Задача заключалась в сопровождении колонн по территории Афганистана. В Шахунье увековечена память о погибших в локальных войнах, благодаря усилиям союза ветеранов построена часовня на территории парка.

Сейчас даже не припомнить, кто из присутствующих на офицерском собрании десять лет назад положил первую сторублевку для строительства в г. Шахунье часовни в память о наших земляках, погибших в локальных конфликтах, - вспоминает В.Г. Пискозубов, председатель правления Шахунской районной организации ветеранов войны в Афганистане, события десятилетней давности.

В 2001 г. был заложен под будущую часовню первый камень. Однако выше фундамента дело не пошло. И лишь в 2005 г. часовня была возведена под крышу. А дальше, как говорят, с миру по нитке. Частные предприниматели О.А. Левин, В.П. Некаев, А.К. Акопян, А.А. Мешков оказали значимую помощь, предоставив

необходимые строительные материалы и оборудование для внутренней и наружной отделки помещения. Внесли свою лепту и офицеры запаса. Например, В.Г. Груздев 400 рублей, выданных в качестве компенсации, вложил в строительство.

Пятого августа 2006 г. в череде праздничных мероприятий, посвященных 75-летию Шахунского района и Дню города, это долгожданное событие наконец-то состоялось. По случаю открытия часовни настоятель храма Покрова Божией Матери иерей Иоанн отслужил панихиду.

Мэр города Шахуньи Р.В. Кошелев от имени Российского союза ветеранов Афганистана вручил ветеранам-афганцам А.В. Боброву и В.А. Астафурову медали «За заслуги».

Из воспоминаний В.Г. Пискозубова:

Еще со школы у меня была мечта стать врачом или военным, или военным врачом. Я поступил и окончил Коломенское артиллерийское военное училище. В 1970-ых в г. Ашхабад в пограничных войсках из артиллерийских частей стали набирать офицеров в минометные батареи. Окончил школу сержантского состава.

Как я оказался в Афганистане – это самое яркое мое воспоминание. Перед тем как отправить нас в Афганистан, всех отправили в учебный центр в г. Кирки. Отрабатывалась посадка – высадка с вертолета. Одно из учений решили провести в Афганистане. Прилетели мы, а мне через три дня менять моего предшественника начальника мотоманевренной группы майора Одинцова Владимира Петровича. Решил сходить с ним познакомится. Сидим, разговариваем, чай пьем, слышу – вертолеты странно зашумели. Говорю: « Наверно без меня улетели», - «да нет, не могут без командира улететь», - говорит майор Одинцов. А шум вертолетов стихает. Вышли, смотрим, а они к границе летят. Поехали на поле, где вертолеты приземлялись, а там стоит мой чемоданчик. «Что делать! – Принимай подразделение», - сказал мне Владимир Петрович.

Пограничные войска охраняли государственную границу с внешней стороны. Наша задача сопровождение наших специалистов нефтяников, газовиков. Гражданские оказывали помощь в разведке газовых месторождений – местному населению. А мы их сопровождали. На том участке, где они работали, мы брали его под охрану. Было, конечно же, несколько засад, но мы предусматривали эти моменты, принимали меры, для того, чтобы не произошло столкновение, чтобы все прошло мирно.

За время службы в Афганистане в моем подразделении ни один солдат, ни один офицер не погибли. Хотя ни один раз были нападения, но все обошлось.

Служил я в городе Шиберган. Солдаты жили в полевых землянках, офицеры в вагончиках.

Мирное население относились к нам хорошо, даже за помощью приходили. Просили продукты. Из Союза привозили безвозмездную помощь.

Однажды сопровождали колонну с провизией по всем близлежащим населенным пунктам, в основном детская обувь, постель, одеяла. Местные сами говорили, кому раздать, кто бедная семья, кто многодетная семья.

За время службы был еще один интересный случай: ночью спать ложимся и вдруг звук: «бах – бах». Звоню дежурному: «Что такое, что случилось?», а он: «У нас все спокойно, товарищ подполковник, все хорошо». «Опять этот звук», - слышишь? На что мне дежурный отвечает: «Это дневальный дрова рубит». А у нас все вагончики между собой соединены, все грохочет и трясется. Тогда я дежурному сказал: «Пусть на улице рубит».

Астафуров Виктор Аполлонович родился 17 апреля 1951 г. в селе Двуречье Сахалинской области. Через 25 лет семья вернулась в Шахунью. Окончил среднюю школу № 14 в 1961 г. В 1969 г. поступил в высшее военное авиационное летное училище в г. Балашове. В 1973 г. успешно окончил его и был направлен для прохождения службы в город Мелитополь Запорожской области. С 1973 по 1981 гг. прошел ступени от лейтенанта до майора в вооруженных силах Советского Союза.

В марте 1979 г. был направлен в Демократическую Республику Афганистан. Во время нахождения в Афганистане налетал 400 часов. Осуществлял доставку оружия, боеприпасов, продовольствия наземным войскам, медикаментов, перевозил раненых, больных, погибших (последних более 300), грузы.

Из воспоминаний Астафурова Виктора Аполлоновича:

Командирован в Афганистан я был в 1982 г., а работу уже начали с 1979 г. Сначала проходили подготовку. Служил я тогда в г. Мелитополь Запорожской области. И не знали мы даже, что в Афганистан полетим. 20 марта 1979 г. вылетели в г. Фергана, где были в течение дня, готовились к вылету на территорию Афганистана. Получили необходимые данные по аэродрому. Двадцать первого марта был выполнен перелет с аэродрома Фергана на аэродром Каши, где произвели погрузку оружия, боеприпасов. Ночью вылетели и уже в час ночи высадились на территории Афганистана. Вылетели в порядке один выше самолетов. Полет между самолетами – 1 минута в режиме радиомолчания, с потушенными бортовыми огнями. Полет длился один час 15 минут от момента взлета до момента посадки. Количество самолетов в полку 24. В боевом порядке на высокогорном аэродроме была произведена посадка. После посадки самолеты выстроились друг за другом под разгрузку. Взлетали в режиме радиомолчания с погашенными бортовыми огнями. Подготовка была на высочайшем уровне. В эту же ночь происходили боевые действия на земле, был свергнут режим Амина, захвачен дворец, операция длилась скоротечно, американцы не успели среагировать, узнали на следующий день. Погибло два человека из спецназа.

Служил в Кабуле заместителем командира эскадрильи – майором. У нас был смешанный развернутый полк, около 700 человек. Жили мы в сборных домиках, называемых модулями, а солдаты – в казармах, так как у них немного другая специфика службы. Наша задача – доставка материальных средств из тыла к фронту, боеприпасов, вывоз раненых и больных, обеспечение всех военных операций, которые проводились на территории Афганистана, причем во всех погодных условиях есть летный минимум, т.е. условия, в которых может летчик летать.

Рабочий день был по 18 - 20 часов в день. У меня на территории Афганистана 400 вылетов, и все они считаются боевыми.

Люди, конечно, погибали, попадали под обстрел. С моей эскадрильи погиб экипаж, состоящий из семи человек. С ними был инспектор воздушной армии, инспектировавший в данный момент экипаж, и еще 4 человека пассажиров. При вылете в Джалал-Абад их обстреляли.

С обеспечением питания особых проблем не было, так как мы летали на территорию Советского Союза, в Ташкент. Если чего-то не доставало, привозили мы с ташкентского рынка. С медицинское обслуживанием тоже было все в порядке. В нашем полку был батальон с полным набором врачей, начиная с врача части и заканчивая зубным врачом. Я летал на пяти типах самолетов: Л29, Л14, Л76, АН26 и АН12. В город выходили крайне редко, с населением общались только по службе – перевозке продуктов питания и продовольствия. Бывало, прибегали мальчишки

на территорию полка, но с ними вообще было запрещено общаться. Для выполнения рейсов по перевозке гражданских афганцев, нужно было иметь разрешение. В основном работали в своем полку и со своими войсками.

Назначение у транспортной авиации очень широкое. Мы выполняли все виды задач – начиная с мирных и кончая военными. Мы выполняли задачи по спасению и по поиску. Осуществлялась доставка оружия, боеприпасов, продовольствия наземным войскам, медикаментов, перевозка раненых, больных, вывоз грузов (300 погибших). Бомбить не бомбили, другая задача – транспортировка. Защищали интересы своей страны, своих рубежей.

Война никогда не бывает без потерь. Погибло 15000 человек и порядка 80000 раненых, больных и инвалидов. Мне была поставлена задача – вылететь в Кундуз. В 4 часа я подготовил самолет, и мы вылетели. Позывной у меня был 08999. он позволял общаться с диспетчерской службой и другими наземными средствами связи. Перелетел я перевал, связываюсь с Кундузом, запрашиваю условия на посадку. Идет борт с Ферганы. А у него позывной 09999. мы с ним над перевалом расходимся, поприветствовали друг друга. Я спрашиваю: «Куда идешь?» Он отвечает: «У меня посадка в Джалал-Абаде». Слышу, что он тоже запрашивает аэродром – на одном канале работали. Я зашел на посадку, сел, подхожу к диспетчеру, а он мне говорит: «Сейчас только что борт шел и перед заходом на посадку в Джалал-Абаде его сбили». И называет мою фамилию. Я стою и говорю: «Не может быть такого». «Как не может быть, - говорит он. – Сейчас только передали». Называет фамилию, имя, год, позывной 0999. А я на это отвечаю: «Позывной у меня другой». Вот такая была ситуация. До нас никто не летал ночью. Было запрещено. Мы первые, кто начал летать ночью на территории Афганистана, заходить на посадку. Ведь не позволяли условия, уровень подготовки. Все - равно начали летать. Полетели мы в Кандагар, загрузились там и полетели в Шинданд, заходим на посадку, нас обстреляли, все-таки сели. Я посадил самолет. Самолет почти не управлялся. Когда осмотрели его и начали разбираться. Чудом не убили штурмана, пуля прошла рядом в двух см, но попали в рулевые тяги. И таких случаев было не один.

Во время нахождения в Афганистане было налетано 400 часов.

Овчинников Александр Петрович в 1975 г. окончил школу №3, а в 1979 г. – Красно-Баковский лесохозяйственный техникум. С 1979 – 1981 гг. служил в воздушно-десантных войсках. В Афганистане служил с декабря 1979 г. по июль 1981 г. Старшина срочной службы. Ввод в Афганистан солдатам объясняли так:

1) интернациональная помощь, поддержка правительства;

2) не вошли бы наши войска, были бы американцы;

3)Афганистан подразумевали на перспективу чуть не 16 союзной республикой.

В дивизион входило около 200 человек. Командовал генерал-майор И.Ф. Рябченко. Охраняли столичный аэродром на окраине Кабула. Жили в палатках. Части дивизии принимали участие в боевых действиях в горах по уничтожению банд. Выступала колонна с техникой (зенитная установка ЗУ 23), поддерживаемая вертолётами.

Питание, вооружение доставлялось с помощью самолётов. Очень многие солдаты переболели гепатитом, малярией.

Александр Петрович прослужил в Афганистане 1,5 года, награжден медалью «За отличие в воинской службе» 2 степени.

Сморкалов Алексей Сергеевич родился 30 марта 1966 г. в поселке Гагаринский Тоншаевского района. Восемь классов окончил в поселке Мало-

Каменский, а старшие классы - в поселке Тоншаево. Учился в Шахунье на шофера от военкомата. В 1984 - 1986 гг. служил рядовым 350-го полка воздушно-десантных войск в Кабуле. На сегодняшний день работает в ОАО «Молоко» слесарем. Женат, двое детей.

Из воспоминаний А.С. Сморкалова:

Призвали меня в армию 23 апреля. Сразу попал в учебку в Фергане. Полгода был там. После окончания всем сказали, что отправят в Афганистан. Я оказался в Кабуле. Наша дивизия была на его окраине. Кабул находился во впадине между горами. Я служил в воздушно-десантных войсках в 350 полку водителем на К-66, возил снаряды, сухие пайки и провизию. Сначала машины с продуктами загружали в дивизии, потом отправляли. Когда продукты кончались, и машина становилась пустой, мы подъезжали к самолетам, которые привозили снаряды, загружали боеприпасы и ехали обратно в дивизию. Солдаты с гор спускались, забирали оружие и уходили снова в горы в разведку. Бывало, что вообще не находились на территории дивизии.

Мы охраняли дивизию, рыли окопы, закладывали камнями колеса машин. С местным населением общаться, обижать их было запрещено. Везде по периметру была протянута колючая проволока, освещения не было. За колючую проволоку без ведома выходить было нельзя. С этим очень строго.

Как-то поехали на боевые в Кандагар. По пути было много потерь: и солдат, и машин. Дороги были заминированы, и машины взрывались то в начале, то в середине, то в конце.

Конечно, по началу было страшно, но потом мы привыкли. Мне даже приходилось трупы вывозить. Их загружали в машину, я ехал на площадку к самолетам для отправления. Погибшие были и без головы, и без ног.

Голубев Сергей Игнатьевич родился 3 октября 1960 г., в деревне Кузьминка Тонкинского района. Учился в Шахунье. После окончания 10 класса поступил в Краснобаковский техникум, выучился на техника лесного хозяйства.

В 1981 - 1983 гг. – участник боевых действий в Афганистане, после окончания учебного подразделения в Шепетовке. Служил в войсковой разведке в провинции Кундуз. Гвардии сержант, кавалер ордена Красной Звезды.

Из воспоминаний С.И. Голубева:

Сначала было страшно конечно, потом привыкли. Летом в засадах, а зимой колонны сопровождали. Брали 65 боевых и 6 караванов. Каждый третий солдат погибал при обстреле, а в нашей роте погибло 17 человек.

В провинции Баглан есть такое место – Черные скалы. Наша рота сопровождала колонну. Моя машина БМП-2 стояла на блоке. Впереди нашу колонну начали обстреливать. Я получил задание – обойти сзади и сбить гранатометчика. Пошли впятером. Подобрались, увидели в окопе гранатометчика двух автоматчиков. Закидали их гранатами и заняли окоп. Мы оказались наверху, а банда внизу. Начали по ним вести огонь. Они развернулись и пошли на нас. Я несколько раз вызывал на помощь. На помощь никто не шел, так как нужно было сначала колонну провести. Двое убитых, все раненые. На помощь пришла третья рота, когда колонна уже прошла. Их выбрасывали с вертолета. Я попал в госпиталь. А после него снова в Афганистан. Получил Орден Красной Звезды.

С 2000 г. в Шахунском районном Дворце культуры работает **клуб ветеранов Афганистана «Виктория»**. В клуб входят 53 участника в возрасте от 35 до 60 лет, а руководит им подполковник запаса В.Г. Пискозубов. Основной задачей клуба является патриотическое воспитание молодежи района.

Члены клуба работают в тесном сотрудничестве с районным военным комиссариатом, районным отделом образования и отделом молодежи, муниципальным центром социальной защиты населения, детским реабилитационным центром и детским домом. Работа направлена на объединение людей и организаций с общими интересами в единую систему патриотического воспитания, психологическую и социальную реабилитацию участников локальных конфликтов, оказание реальной помощи семьям погибших, а также организацию благотворительных мероприятий, средства от которых пошли на возведение часовни в память о погибших в локальных конфликтах, на ремонт и восстановление мест захоронения погибших.

Участники клуба каждый год организуют фестиваль солдатской песни «Виктория», вместе со школьниками открывают вахту памяти у Вечного огня 9 мая; 15 февраля, в день вывода войск из Афганистана, возлагают венки на могилы погибших товарищей, встречаются с их родственниками, ухаживают за могилами погибших солдат и офицеров.

Приложение

Список ветеранов боевых действий – уроженцев Шахунского района, проходивших службу в Республике Афганистан[3]

№ п.п	Фамилия, имя, отчество, год рождения	Воинское звание
1	Аплеев Юрий Викторович 1962	рядовой
2	Астафуров Виктор Апполонович 1951	майор
3	Балитов Владимир Павлович 1966	младший сержант
4	Березин Александр Борисович 1966	ефрейтор
5	Бобров Александр Викторович 1959	старшина, старший лейтенант
6	Бушуев Юрий Викторович 1965	рядовой
7	Васенев Юрий Александрович 1961	рядовой
8	Веселов Михаил Николаевич 1968	рядовой
9	Веселов Петр Григорьевич 1962	рядовой
10	Ветюгов Александр Вячеславович 1961	старший сержант
11	Ветюгов Сергей Геннадьевич 1966	младший сержант
12	Вечерков Николай Юрьевич 1963	рядовой
13	Воронцов Юрий Валентинович 1968	рядовой
14	Вылегжанин Сергей Геннадьевич	рядовой
15	Галкин Владимир Алексеевич 1967	сержант
16	Гарифьянов Ринат Накипович 1962	рядовой
17	Голубев Сергей Игнатьевич 1960	сержант
18	Давыдов Павел Варфаломеевич 1960	рядовой
19	Дурнев Евгений Геннадьевич 1964	рядовой
20	Душеин Андрей Александрович 1965	младший сержант
21	Журавлев Василий Леонидович 1965	рядовой
22	Зайцев Александр Витальевич 1964	рядовой
23	Зайцев Николай Александрович 1961	рядовой
24	Зверев Александр Рафаилович 1965	рядовой
25	Зиновьев Леонид Александрович 1961	рядовой
26	Золотарев Владимир Иванович 1963	младший сержант
27	Иванцов Сергей Михайлович 1966	сержант
28	Кирилычев Валерий Алексеевич 1953	майор
29	Киселев Николай Михайлович 1960	рядовой
30	Ковязин Владимир Алексеевич 1960	сержант
31	Колпаков Юрий Павлович 1964	рядовой
32	Комаров Павел Владимирович 1962	рядовой
33	Копылов Сергей Витальевич 1963	рядовой
34	Кошкин Леонид Александрович 1961	рядовой
35	Крашенинников Владимир Михайлович 1969	сержант
36	Крупинов Владимир Александрович 1968	рядовой
37	Кузнецов Михаил Николаевич 1963	сержант
38	Кунгуров Александр Константинович 1963	рядовой
39	Курбатов Иван Вадимович 1961	капитан медицинской службы
40	Лугинин Николай Сергеевич	рядовой
41	Майский Михаил Николаевич 1960	старший сержант

[3] Список ветеранов боевых действий, проходивших службу в Республике Афганистан по Шахунскому району / Отдел культуры Шахунского района.

42	Миронов Николай Иванович 1956	подполковник
43	Морозов Николай Николаевич 1966	ефрейтор
44	Мохорин Николай Десанович 1963	рядовой
45	Никитин Александр Анатольевич 1960	старшина
46	Новокшонов Владимир Павлович 1960	старший прапорщик
47	Овчинников Александр Петрович 1959	старшина
48	Овчинников Василий Винокентьевич 1967	рядовой
49	Овчинников Николай Константинович 1964	сержант
50	Перминов Виктор Васильевич 1960	рядовой
51	Перминов Юрий Геннадьевич 1968	рядовой
52	Пискозубов Виктор Георгиевич 1946	подполковник
53	Попарча Евгений Георгиевич 1964	капитан
54	Пронин Николай Леонидович 1963	младший сержант
55	Русинов Николай Иванович 1963	рядовой
56	Рыжов Александр Валентинович 1963	рядовой
57	Саадаков Валерий Иванович 1960	рядовой
58	Сидоренко Николай Васильевич 1967	рядовой
59	Синявин Александр Валентинович 1963	рядовой
60	Сионов Станислав Михайлович 1967	рядовой
61	Смирнов Александр Николаевич 1964	ефрейтор
62	Смирнов Андрей Аркадьевич 1968	сержант
63	Смирнов Евгений Витальевич 1963	рядовой
64	Смирнов Николай Петрович 1960	рядовой
65	Смирнов Павел Николаевич 1964	рядовой
66	Смирнов Сергей Александрович 1964	рядовой
67	Смирнов Сергей Владимирович 1966	рядовой
68	Сморкалов Алексей Сергеевич 1966	рядовой
69	Соколов Алексей Александрович 1964	старший сержант
70	Соловьев Андрей Сергеевич 1967	рядовой
71	Спиглазов Юрий Витальевич 1968	рядовой
72	Тютиков Алексей Павлович 1968	рядовой
73	Углицких Владимир Иванович 1964	младший сержант
74	Удалов Сергей Борисович 1961	рядовой
75	Ульянов Николай Валерьевич 1963	младший сержант
76	Фоминых Олег Николаевич 1967	младший сержант
77	Хасанов Табрис Мухамадалиевич 1968	старший сержант
78	Хлебников Владимир Владимирович 1957	майор
79	Цепаев Владимир Петрович 1963	сержант
80	Чиркин Александр Викторович 1963	ефрейтор
81	Шамаков Николай Анатольевич 1964	сержант
82	Швадченко Виктор Васильевич 1950	подполковник
83	Яблоков Юрий Михайлович 1961	младший сержант
84	Шишмаков Сергей Витальевич 1960	ефрейтор
85	Шихов Николай Николаевич 1966	сержант
86	Юферев Павел Сергеевич 1965	рядовой

РЕЦЕНЗИИ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ – ЯЗЫКОМ ЦИФР

Нелипович С.Г.
Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1914.
М.: Квадрига, 2017. 282 с., с илл.

Соколов Б.В. (Москва)

Новая книга известного историка Первой мировой войны Сергея Нелиповича посвящена исследованию людских потерь, понесенных Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Россией – с другой, на Русском фронте Первой мировой войны в кампанию 1914 года. Историк совершил настоящий научный подвиг. В течение многих лет работая в архивах и библиотеках России, Австрии, Венгрии и Германии, он заново произвел подсчет потерь сторон по полковым именным спискам и получил наиболее близкие сегодня к действительности цифры. В книге разобраны потери сторон в Восточно-Прусской операции, Галицийской битве, в Октябрьской кампании и в Лодзинской кампании. Каждая глава сопровождается приложениями-таблицами, где показаны потери армий трех государств в каждом сражении, вплоть до дивизионного уровня.

Очень надеюсь, что Нелиповичу хватит жизни написать подобные же монографии по потерям сторон на Русском фронте в 1915, 1916-1917 и 1918 годах, а потом объединить все эти книги в одну большую монографию, посвященную потерям России, Австро-Венгрии и Германии на Русском фронте Первой мировой войны за все время его существования.

К этому гипотетическому будущему изданию и адресованы мои замечания, которые в нем можно попытаться учесть. Начну с самых простых. На стр. 44 явной опечаткой является утверждение, будто в Галицийской битве «по корпусу Войрша к погибшим или отставшим следует отнести еще 38 офицеров и 36 536 солдат». На той же странице сообщается, что в русский плен из корпуса Войрша было взято 5 офицеров и 1050 солдат, и помещена таблица «Соотношение потерь сторон в Галицийской битве», где потери корпуса Войрша пропавшими без вести показаны в 53 офицера 4703 рядовых. 4703 – 1050 = 3653, и именно числом 3653 должно быть обозначено число солдат среди пропавших без вести, которое следует отнести к погибшим или отставшим. Что же касается данных по офицерам, то здесь тоже есть опечатка, но определить ее может только сам автор. Либо число захваченных в русский плен офицеров должно быть не 5, а 15, и тогда число офицеров из числа пропавших без вести, относящихся к погибшим и отставшим, действительно будет равно 38, а общее число пропавших без вести офицеров – 53. Либо, если число 5 правильное, равно как и число 53, к погибшим и отставшим из числа пропавших без вести должно быть отнесено 48 офицеров. Наконец, если предположить, что вместо 53 должно быть 43, то число пленных офицеров 5 и число погибших и отставших из числа пропавших без вести офицеров 38 следует считать правильными. Также на стр. 93 ошибочно утверждение: «итак, потери австро-венгерских войск в октябрьских боях превышают 214 тыс. человек, в том

числе безвозвратные 119,4 тыс., или 55,8%», непосредственно следующее за таблицей «Потери австро-венгерских войск Северного фронта в боях 20 сентября – 24 октября (3 октября – 6 ноября) 1914 г. по данным боевых реляций, утренних рапортов о состоянии войск и именным спискам потерь». В этой таблице общие потери австро-венгерских войск определены в 221 185 человек (2813 офицеров и 218 372 рядовых), а безвозвратные потери – в 123 172 человека, включая 1130 офицеров. Это составляет 55,7% всех потерь. Вероятно, автор внес коррективы в последнюю редакцию таблицы, а комментирующий текст оставил без изменений.

Есть и более серьезные замечания. Из таблицы «Общие потери русских армий в Варшавско-Ивангородской операции (Октябрьские бои 1914 г.)» на стр. 84 следует, что в потерях армий Северо-Западного фронта, сражавшегося только против германских войск, на 2710 офицеров приходится 151 775 солдат, или 56 солдат на одного офицера. В потерях же армий Юго-Западного фронта, сражавшихся преимущественно против австро-венгерских войск, на 2842 офицера приходится 224 914 солдат, или 79,1 солдат на одного офицера. Получается, что в потерях ЮЗФ на 1 офицера приходилось в 1,41 раза больше солдат, чем в потерях СЗФ. Это наводит на мысль, что у русских армий, сражавшихся против германских войск в октябре 1914 года, был значительный недоучет потерь, вызванный тем, что величина потерь этих армий относительно их численности была выше, чем в борьбе против австро-венгерских войск. Как известно, потери офицеров считают значительно точнее, чем потери солдат. Если предположить, что в действительности в потерях СЗФ на 1 офицера приходилось примерно столько же солдат, сколько и в потерях ЮЗФ, то потери СЗФ можно оценить в 214,5 тыс. солдат и 2710 офицеров, что дает недоучет примерно в 62,7 тыс. солдат. В реальности недоучет должен быть несколько выше, поскольку наверняка не было учтено и некоторое число офицеров и приходящееся на них соответствующее число солдат. Следовательно, в Октябрьских боях потери русских ЮЗФ и СЗФ были практически равны между собой, а не были больше в 1,5 раза на ЮЗФ, как это следует из цифр Нелиповича. Можно предположить, что недоучет потерь происходил прежде всего за счет убитых и пропавших без вести. Доля пропавших без вести в потерях СЗФ составляет 34,9%, а в потерях ЮЗФ – 35,4%, т. е. почти столько же, при том, что немцы в Октябрьских боях захватили 62 тыс. пленных, а австрийцы – только 42 732, т. е. в 1,5 раза меньше (С. 87).

Нелипович указывает, что для проведения завершающей фазы Лодзинской операции германское командование перебросило с Западного фронта 7 пехотных дивизий, но, в отличие от переброшенных ранее кавалерийских дивизий (5-й, 6-й, 8-й, 9-й), не называет их номеров. (С. 144-145). Для того, чтобы определить нумерацию этих дивизий, приходится сравнивать боевое расписание германских войск в Октябрьских боях и в Лодзинской операции. Это сравнение позволяет заключить, что переброшены были не семь, а восемь дивизий: 3-я, 4-я, 26-я пехотные, 5-я, 6-я, 25-я, 48-я резервные дивизии с соответствующими корпусными частями усиления в составе 9-й германской армии и 47-я резервная дивизия в составе 4-й австро-венгерской армии. Поиск этих дивизий имеет значение. И вот почему. Как отмечает Нелипович, подводя баланс германским потерям за 1914 год, «полученные данные могут отличаться неточностью в сторону увеличения по частям, принимавшим участие в Лодзинской операции в декабре 1914 г., так как именные списки по ним нередко включают потери во Фландрии в октябре – ноябре 1914 г., которые невозможно вычленить. В этом случае принят принцип действия «лучше переучесть, чем недоучесть». (С. 222-223). Этот принцип представляется нам неверным. Для исследователя одинаково плохо как недоучесть, так и

переучесть потери. Но на практике никакие оценки не могут определить потери со 100-процентной точностью. Почти всегда они в той или иной степени либо завышают, либо занижают истинную величину потерь. Исследователь просто должен по возможности оговаривать, завышает или занижает данная оценка действительную величину потерь.

Попробуем оценить, насколько фактор Западного фронта завышает величину германских потерь в Лодзинской операции. Потери семи переброшенных с Запада пехотных дивизий вместе с приданными частями усиления в Лодзинской операции, по данным Нелиповича, составили в сумме 29 593 человек, а потери четырех переброшенных с Запада кавалерийских дивизий вместе с приданными частями усиления – 1770 человек. Если предположить, что две трети указанных потерь пехотных дивизий и примерно половина потерь кавалерийских дивизий пришлось на Западный фронт, то германские потери в Лодзинской операции следует уменьшить примерно на 20,6 тыс. человек.

При подведении итогового баланса за 1914 год Нелипович сравнивает потери германской армии по данным санитарных отчетов (20 049 убитых, 100 041 раненых и 30 195 пропавших без вести, а всего – 150 285 человек) и по именным спискам (48 796 убитыми и умершими от ран, 156 595 раненых и контуженных и 51 117 пропавших без вести, а всего – 256 426) (С. 222-223), отмечая, что расхождение именных списков с санитарными отчетами «превышает 100 тыс. человек». (С. 222). Но на самом деле разница не столь велика.

Начнем с того, что Нелипович неправильно провел суммирование убитых и умерших от ран, раненых и контуженных и пропавших без вести группы Войрша, 8-й и 9-й армий. На самом деле правильное число убитых и умерших от ран меньше на 2203 человека и составляет 46 593. Число раненых и контуженных также оказалось меньше на 5663 человека и составило 150 932 офицеров и солдат. Реальное число пропавших без вести меньше, чем посчитал Нелипович, на 1140 человек и составляет 49 977 солдат и офицеров. Таким образом, истинная величина германских потерь по именным спискам – не 256 426, а только 247 420 человек, что меньше на 9006 человек итоговой цифры Нелиповича.

Надо также учесть, что потери по санитарным отчетам посчитаны за период с 1 августа по 31 декабря 1914 года, а потери по именным спискам – за период с 1 августа 1914 года по 13 января 1915 года. 13 январских дней составляют 7,8%, поэтому логично на эту долю уменьшить суммарные потери по именным спискам, чтобы сделать их сопоставимыми с потерям по санитарным отчетам. Тогда общие потери по именным спискам сократятся на 24 820 человек – до 222 600 человек. Но в потерях по санитарным отчетам не включены потери группы Войрша, которые в период до 13 января 1915 года составили 24 324 человека. В период до конца 1914 года их можно оценить в 22 427 человек. Тогда потери 8-й и 9-й германских армий составят 200 173 человека. Следует также отметить, что в подсчете по именным спискам увеличены безвозвратные потери, поскольку к убитым добавлены умершие от ран. Также там может присутствовать двойной счет, если за указанный период кто-то из солдат или офицеров был ранен дважды или сначала был ранен, а потом убит. Однако за срок в 4 с небольшим месяца такие случаи вряд ли могли составить статистически значимую величину. В германской армии смертность от ран в Первую мировую войну составляла 5,4% от числа раненых (Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 173). Из 150 932 раненых могло умереть от ран 8150 человек. За их вычетом число убитых можно оценить в 38 443, а за вычетом потерь убитыми группы Войрша – в 35 094 убитых. Если вычесть из 200 173 предполагаемые потери на Западном

фронте, за исключением 47-й резервной дивизии, уже учтенной в группе Войрша, то потери по именным спискам уменьшатся еще на 17,4 тыс. человек, до 182,8 тыс. человек. За счет этого число убитых может уменьшиться примерно на 3277 человек – до 31 817, что в 1,6 раза больше, чем число убитых по санитарным отчетам. Общее же число пропавших без вести, за вычетом группы Войрша, можно оценить в 38 855 человек, что больше числа пропавших без вести по санитарным отчетам в 1,3 раза. Если учесть, что при подсчете по именным спискам к раненым добавились контуженные, разница с результатом подсчета по санитарным отсчетам будет даже меньше, чем 32,5 тыс. человек. Но и 32,5 тыс. человек составляют лишь 21,6% от результата оценки потерь по санитарным отсчетам. Это говорит о том, что данные санитарных отчетов – источник достаточно надежный, хотя подсчеты по именным спискам дают более точные результаты, превышающие результаты подсчетов по санитарным отчетам, в том числе, за счет более полного учета потерь гарнизонных войск.

Согласно уточненным подсчетам С.Г. Нелиповича, включающим дополнительно два полка 68-й пехотной дивизии, один полк 43-й дивизии и один полк 54-й дивизии, потери 1-й армии в Восточной Пруссии составили 99 511 человек, в том числе 9114 убитых и 65 720 пропавших без вести. (С. 24-27, табл. 1.1.) Таким образом, потери 4 полков увеличили общие потери на 12 546 человек. Остались неизвестны потери 3 полков 43-й дивизии и 3 полков 54-й дивизии. Потери этих 6 полков можно оценить как в 1,5 раза превышающие потери 4 полков, добавленные в 2017 г., т.е. в 18,8 тыс. человек, тогда все потери 1-й русской армии в Восточно-Прусской операции до середины сентября 1914 г. можно оценить в 118,3 тыс. человек. Между тем, ранее Нелипович оценивал их в 107 тыс. человек. (Нелипович С.Г. Первый блин комом. Восточно-Прусская операция 1914 года. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. С. 69.) Потери 2-й русской армии в Восточной Пруссии Нелипович оценивает в 120 219 человек, включая 5522 убитых и 75 435 пропавших без вести. При этом не посчитаны потери солдат 16-го пехотного Ладожского, 21-го пехотного Муромского, 22-го пехотного Нижегородского, 23-го пехотного Низовского пехотного, 30-го Полтавского пехотного полков, 1, 4, 6, 8-й артиллерийских бригад, 13, 15, 29-го мортирных дивизионов, 21-го Донского и 2-го Оренбургского полков. Нет данных о потерях 38-го Донского казачьего полка и 28-й Донской казачьей сотни и очень неполны данные о потерях офицеров окруженных 13-го и 15-го корпусов. (С.С. 28-30, табл. 1-2.) Практически все эти части оказались в окружении и по большей части были взяты в плен. Их безвозвратные потери можно оценить примерно в полторы пехотные дивизии, т. е. приблизительно в 32 тыс. человек. Потери 10-й русской армии в Восточной Пруссии Нелипович определяет в 3636 человек, в том числе 449 убитых и 1429 пропавших без вести. (С. 31, табл. 1-3.) Общие потери русских войск в Восточной Пруссии в августе и в первой половине сентября 1914 г. можно оценить примерно в 274,1 тыс. человек. Если предположить, что среди 18,8 тыс. человек, предположительно потерянных 3 полками 43-й дивизии и 3 полками 54-й дивизии 1-й армии, доля безвозвратных потерь примерно такая же, как в потерях 68-й дивизии той же армии (3754 из 4794 человек), то среди 18,8 тыс. человек общих потерь этих 6 полков на безвозвратные должно приходиться 14,7 тыс. человек потерь. Тогда безвозвратные потери русских армий в Восточной Пруссии в августе – первой половине сентября 1914 г. можно оценить в 204,4 тыс. человек. Если число русских в германском плену вслед за Нелиповичем оценить в 135 тыс. человек, то число убитых составит около 69,4 тыс. человек.

Согласно последней оценке С.Г. Нелиповича, германская 8-я армия потеряла в Восточной Пруссии в августе – первой половине сентября 1914 г. 7056 убитыми, 8852 пропавшими без вести и 26 722 ранеными, а всего 42 630 человек. (С. 32-37, табл. 1-4.) Из числа пропавших без вести 3083 оказались в плену (С. 22.), так что общее число убитых можно оценить в 12 825 человек. Соотношение потерь убитыми составляет 5,4:1 в пользу немцев.

Итоговая же цифра германских потерь за период с 1 августа 1914 года по 13 января 1915 года составит, по моей оценке, 226 800 человек. Итоговые же цифры российских потерь, полученные Нелиповичем, в 1 519 761 человек (С. 224), должны быть увеличены на 81,5 тыс. солдат, предположительно недоучтенных в ходе Октябрьских боев, - до 1 601,3 тыс. человек. Если же добавить австро-венгерские итоговые потери в период с 1 августа 914 года по 10 января 1915 года в 741 133 человека (здесь Нелипович точен в подсчетах), то общее соотношение потерь будет 1,66:1 в пользу Центральных держав.

Отмечу, что издание снабжено редкими архивными фотографиями.

Герои на чужой войне

Лякін У.А. Ліцвіны ў гвардыі Напалеона / Уладзімір Лякін; прадм. У. Бржэскага; пер. з рас. А. Ансім. – Мн.: Тэхналогія, 2017. – 335 с.

И.В. Грибков (Москва)

Отечественная война 1812 г. является одной из ярчайших страниц нашей истории. Как и любое великое событие, эта война имеет много граней и аспектов, подчас неожиданных, а иногда и неприятных, для российского читателя.

Рассматриваемая работа В. Лякина посвящена истории участия уроженцев Польши, Литвы и Белоруссии в многочисленных кампаниях Наполеона. Тема коллаборационизма, ставшая уже привычной при разговоре о Великой Отечественной войне, совершенно не типична для войны 1812 г. Эта книга рассказывает о том, что огромное количество людей не смирилось с разделами Речи Посполитой и решило продолжить борьбу за восстановления своего государства в армии Наполеона.

Официальным началом этой истории стало формирование 6 апреля 1807 г. гвардейского польского полка шеволежеров на французской службе. Эта «польско-литвинско-галицкая формация» положила начало богатой истории участия выходцев из бывшей Речи Посполитой в многочисленных кампаниях Наполеона на его «дорогах славы». Непривычным для нас термином «литвины» в современной белорусской историографии именуется славянское население Великого княжества Литовского, которое стало основой современного белорусского этноса. И автор решил показать боевой путь «литвинов» в наполеоновской армии.

Структура книги достаточно типична для подобного рода изданий.

В кратком вступлении «С Наполеоном Бог, и мы с Наполеоном!» автор кратко описывает концепцию книги. И это описание сразу порождает главный вопрос: как отделить «литвинов» от поляков? Единственным признаком «литвинства» для некоторых старших командиров является упоминание того, что они являлись выходцами из литовской шляхты, были уроженцами территории нынешней Белоруссии или владели там землями.

Глава «На службе императора» рассказывает краткую историю польских и «литвинских» гвардейских формирований. Помимо вышеупомянутого 1-го полка (от 4 до 7 эскадронов), это 3-й полк шеволежеров-улан (5 эскадронов), 3-й полк

улан-разведчиков (4 эскадрона), Татарский гвардейский эскадрон, Легион Вислы и малочисленная Почетная гвардия Великого Княжества Литовского (от 20 до 60 человек). Несмотря на значительные потери, польские (а в тексте работы они фигурируют именно как польские) формирования регулярно восстанавливали свою численность за счет многочисленных эмигрантов, добровольцев с оккупированных французами российских территорий и даже перебежчиков.

Следующий блок из трех глав («Жизнь гвардейца», «Вооружение и обучение», «На линии огня») посвящен бытовой стороне жизни улан.

Большую часть книги занимает военный раздел с главой «На полях славы», описывающей более 40 крупных сражений с участием героев книги. Небольшая глава «В кампании 1815 года» повествует о двух последних великих сражениях у Катр-Бра и Ватерлоо.

Отдельно стоит сказать о приложениях. В первом приложении приводятся имена и краткие биографии 1108 генералов, офицеров, подофицеров и рядовых, служивших в рядах гвардии. В приложении №2 автор поместил боевой путь всех воинских частей гвардии, упоминаемых в тексте работы

Отметим безусловные достоинства рецензируемой книги. Прежде всего, это техническое качество издания. Богатые и разнообразные иллюстрации сами по себе могут многое рассказать по исследуемой теме. Стоит заметить, что иллюстрации и карты подобраны очень качественно и точно соответствуют соседствующему тексту. На наш взгляд, автор избежал главной опасности при описании многочисленных сражений и походов – сухости рассказа. Разнообразные источники, цитаты из мемуаров разного стиля, хороший язык рассказа, – все это позволяет читателю не терять интерес к повествованию.

Однако нельзя не отметить и главный недостаток данной работы, о котором уже говорилось. На всем протяжении книги фигурируют практически одни поляки, польские интересы, польские формирования... В этом рассказе нет белорусов, нет «литвинов». Лишь иногда мелькают «уроженцы». Кроме того, автор избегает негативных аспектов службы, вроде дезертирства из польских частей при отступлении армии Наполеона. Даже при описании огромных потерь автор избегает говорить о причинах - плохом вооружении и слабой обученности добровольцев, - которые вытекают из описания процесса подготовки и формирования польских частей.

И все же у автора получилось написать прекрасную работу, посвященную выходцам из Речи Посполитой в армии Наполеона и их участию в великих кампаниях Наполеона. Исследовать же место уроженцев Белоруссии в этих кампаниях, возможно, удастся в будущем.

Столица Самара

Под знаменем Комуча (Самарский край, июнь – октябрь 1918 г.): Сборник документов и материалов (науч. ред. А.В. Калягин, сост. О.В. Зубова (отв. сост.), А.В. Калягин (отв. сост.), Н.М. Малкова, А.Ю. Маркелов, К.В. Фролова, С.А. Фунтикова. Самара, 2018)

А.В. Посадский (Саратов)

Рассмотрение событий Гражданской войны в территориально-государственном аспекте представляется весьма продуктивным. Совместными усилиями сотрудников Самарской областной научной библиотеки и Центрального государственного архива Самарской области подготовлен к печати объемный

сборник документов и материалов по истории Комуча. Комитет членов Учредительного собрания сделал попытку стать всероссийской властью в борьбе с большевизмом. Власть Комитета распространялась на несколько губерний. В данном случае в центре внимания составителей Самарская губерния. При этом в названии сборника разумно обозначен «Самарский край», так как речь в публикуемых документах идет и о соседних губерниях также.

Особенностью сборника является акцентировка не на политике Комуча, а на общей ситуации, которая складывалась в регионе в контексте политики власти Учредительного собрания и реалий гражданской войны. Предложенный составителями подход позволяет не только представить жизнь региона, но и более комплексно оценить деятельность Комуча.

1462 документа сборника организованы в 14 разделов. Среди них есть те, которые посвящены традиционным проблемам государственного строительства – военным вопросам, социально-политическим процессам, экономическому развитию, проблемам организации власти, отношениям с союзниками. Наряду с этим, составители выявили и представляют читателям массив документов по многим социальным, культурным, бытовым сюжетам. Это и самоуправление, и проблемы гражданской жизни, досуга, охраны правопорядка и другие. В июне в Самаре открывался чемпионат по французской борьбе (док. №1106). Вегетарианцы сошлись на организационное собрание (док. №1013). Подобные совсем «невоенные» события показывают все богатство жизни даже в разрушенной революцией стране и на этом фоне – усилия властей Комуча по организации этой жизни. Вполне, казалось бы, проходной документ (док. №848) позволяет оценить масштаб концентрации пленных, как можно понять, и Великой войны, и красноармейцев, в Тоцком лагере, условия их содержания и окарауливания.

Впечатляет обширная источниковая база сборника: составителями использованы материалы 33 архивных фондов, 24 газет и журналов, обширный круг опубликованных документов и мемуаров очевидцев и участников событий. Благодаря этому обстоятельству многие события представлены комплексно, целым рядом документов, что позволяет проследить динамику этих событий и их результаты. Например, – забастовка служащих магазина Биткова в Самаре (док. №710, 712, 716, 719, 729, 744). Документы о раскопках мордовского могильника на Барбашиной поляне не только свидетельствуют о существовании археологической жизни в Самаре, несмотря на гражданскую войну, но и отражают профессиональную деятельность археологов: прослеживается изменение по ходу раскопок оценок даты обнаруженных захоронений (док. № 1121, 1126, 1134, 1190).

Документы сборника убеждают в том, что между территориями, находившимися под контролем противоборствующих режимов, наблюдались тесные отношения в разных сферах. Так, на Серноводском курорте лечились рабочие и служащие не только с территорий Комуча, но и с Сормовского завода в Нижнем Новгороде (док. № 955), располагавшегося на территории РСФСР. Целый ряд документов свидетельствует о транзитном движении по Волге, несмотря на боевые действия: в Самару из Саратова на пароходе прибыл В.М. Чернов (документ № 1325), плавучая сельскохозяйственная выставка путешествовала через территории Комуча из Нижнего Новгорода до Саратова (док. № 492).

Материалы сборника дают новые возможности для оценки административных и рыночных механизмов регулирования хозяйственной жизни. Власти Комуча проделали эволюцию от рыночного регулирования к законодательному разрешению принудительного отчуждения хлеба (док. № 901). Эффективной

продовольственной политики не получилось, хлебопроизводящий регион вынужден был даже обращаться к французской миссии за помощью в поставках хлеба из Сибири (док. № 862, 885, 902, 928).

Сборник имеет информационно насыщенные приложения. Особо стоит отметить публикацию материалов VI Самарского губернского крестьянского съезда, дошедших до нас в форме газетных отчетов (приложение 2). Их публикация позволяет детализировать обстановку в самарской деревне и, соответственно, более точно осмыслить крестьянскую политику Комуча.

Научно-справочный раздел сборника помимо традиционных указателя имен (отметим - кратко аннотированного) и списка сокращений и аббревиатур включает в себя словарь малоизвестных, устаревших и вышедших из употребления слов, что облегчает современному читателю работу с материалами сборника. Вместе с тем, сборник выиграл бы в случае дополнения научно-справочного раздела указателем географических названий.

Новое издание создаст хороший повод и откроет богатые возможности для дальнейшего исследования темы. Подготовленный к публикации сборник можно оценить как весомый вклад в обеспечение дальнейшего изучения Гражданской войны в России. Можно ожидать, что выход рецензируемого сборника подвигнет научные сообщества иных регионов, которые находились под властью Комуча, реализовать у себя подобные проекты.

Следуетотметить,чтоможнобылобы болееактивно использовать материалы ГАРФ, хотя такого рода претензия может быть предъявлена к сборникам на очень многие темы, связанные с Гражданской войной!

Издательство «Русские Витязи» в серии «Гражданская война» выпускает в свет книги, посвященные участию красной авиации в Гражданской войне и последующих локальных военных конфликтах. Авторами являются Николай Зиновьев и Владимир Конев, книги выходят под редакцией М.А. Хайрулина[1].

В первой книге повествование охватывает период с 1918 года до окончания советско-польской войны 1920 года.

На основе многочисленных архивных документов (сводок боевых действий, рапортов авиаторов, представлений к награждению и приказов), личных воспоминаний непосредственных участников описываемых событий и материалов семейных архивов исследуются обстоятельства совершения подвигов. Кроме широко известных ранее авиаторов — героев Гражданской войны, в книге впервые рассказывается о подвигах пилотов, наблюдателей, механиков, мотористов и военных комиссаров, упоминания о которых можно было найти только в списках награжденных. Впервые со всей возможной полнотой рассказывается о практике награждения авиаторов времен Гражданской войны в России орденом Красного Знамени РСФСР — высшей на то время наградой за боевой подвиг.

Продолжением стала вторая книга, в которой описана боевая работа красных авиаторов на Южном фронте в 1920 году, Кавказском фронте в 1920–1921 годах и Туркестанском фронте в 1918–1921 годах. Вторая часть книги посвящена участию авиаторов в подавлении мятежей и очагов бандитизма в 1921–1922 годах.

Кроме награждения авиаторов орденом Красного Знамени РСФСР,

[1] Конев В., Зиновьев Н.

Красные авиаторы на фронтах Гражданской войны. 1918–1920. М.: Фонд «Русские Витязи», 2017; Конев В., Зиновьев Н. Красные авиаторы на фронтах Гражданской войны. 1918–1922. М.: Фонд «Русские Витязи», 2018.

затрагивается тема вручения орденов Красного Знамени других советских республик – Азербайджана, Армении и Грузии.

Книги иллюстрирована уникальными фотографиями, многие из которых публикуются впервые, снабжена таблицами, схемами, именным указателем и библиографией.

Готовится к печати заключительная часть трилогии с рабочим названием «Красные авиаторы в конфликтах 1920-х годов».

Данное издание завершает трилогию о практике награждения первых красных (советских) авиаторов орденом Красного Знамени РСФСР – высшей на то время наградой за боевой подвиг. Хронологически книга охватывает период с начала 1923 г. до апреля 1930 г. и повествует о боевой и мирной деятельности покорителей пятого океана в небе Туркестана, Северного Кавказа, на Дальнем Востоке, на Севере и в Арктике и других странах – Китае, Афганистане, Персии.

О многих авиаторах упоминается впервые. Затрагивается тема награждения авиаторов орденами Трудового Красного Знамени РСФСР и СССР, а также боевыми и трудовыми орденами других советских республик: Бухарской, Хорезмской, Узбекской, Таджикской и Туркменской.

В послесловии рассказывается о дальнейших судьбах некоторых авиаторов, их участии в становлении советской военной и гражданской авиации в тридцатые годы. Не обойдена вниманием тема сталинских репрессий тридцатых - сороковых годов и участие авиаторов в Великой Отечественной войне и других конфликтах и войнах.

В Минске (Республика Беларусь) вышла книга гродненского историка Андрея Чернякевича о Белорусской Народной республике[2], к столетию ее провозглашения. История БНР воссоздана с привлечением широкого круга источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, из Национального архива Республики Беларусь, Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства, Литовского центрального государственного архива, Государственного архива Российской Федерации. Белорусская государственность 1918-го года вырастала из войны, в условиях смены властей и оккупации, поэтому военные вопросы оказались в центре внимания правительства, претендовавшего на власть в белорусских губерниях.

[2] Чернякевич А.Н. БНР. Триумф побежденных. - Минск: А.Н. Янушкевич, 2018. — 302 с., [24] л. ил.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абинякин Роман Михайлович (Орел), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева.

Андрюхин Вадим Игоревич (Нижний Новгород), главный редактор газеты «Новое Дело. Областной выпуск» (Нижний Новгород).

Бажанов Денис Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

Бондарь Сергей Александрович (Саратов), независимый историк церкви.

Боярский Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, полковник в отставке (Москва).

Булгаков Алексей Олегович (Балашов Саратовской области) – методист муниципального центра дополнительного образования «Созвездие».

Вебер Михаил Игоревич, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург).

Волков Владимир Алексеевич (Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета Московского педагогического государственного университета.

Галямичев Александр Николаевич (Саратов) – доктор исторических наук, профессор института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Герман Аркадий Адольфович (Саратов) - доктор исторических наук, профессор института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Грибков Иван Владимирович (Москва) – кандидат исторических наук, доцент кафедры Социальных наук и технологий, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС».

Грищенко Алексей Николаевич (Новочеркасск Ростовской области), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института им. А.К. Кортунова.

Дробязко Сергей Игоревич (Москва), кандидат исторических наук, военный историк, реконструктор.

Ермолов Игорь Геннадиевич (Мценск Орловской области), кандидат исторических наук, преподаватель Московской семинарии евангельских христиан.

Жевахов Александр Борисович (Париж) – историк, представитель Русского Зарубежья (Париж).

Завьялова Александра Арефьевна (Нижний Новгород), учитель истории и обществознания высшей категории школы №60 Нижнего Новгорода.

Завьялова Светлана Владимировна (Нижний Новгород) – кандидат исторических наук, преподаватель филиала Самарского государственного университета путей сообщения в Нижнем Новгороде.

Замулин Валерий Николаевич (Курск), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Юго-западного государственного университета

Лапин Владимир Викентьевич (Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории (дома Н.П. Лихачева) Российской академии наук.

Луночкин Михаил Николаевич (рабочий поселок Чернышковский Волгоградской области), историк, директор Чернышковского казачьего музея, заслуженный работник культуры.

Нуждин Олег Игоревич (Екатеринбург), кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета.

Попов Федор Алексеевич (Москва), аспирант Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Посадский Антон Викторович (Саратов) – доктор исторических наук, профессор Поволжского института управления – филиала РАНХ и ГС в Саратове.

Рабинович Яков Николаевич (Саратов) - кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского.

Ренев Евгений Геннадьевич (Ижевск), кандидат исторических наук, доцент Ижевского государственного технического университета им. М.Т. Калашникова.

Рыбаков Александр Николаевич (Саратов), магистрант Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского.

Самцевич Андрей Андреевич (Владимир), историк.

Симонов Анатолий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского.

Соколов Борис Вадимович (Москва), независимый исследователь.

Соловьев Юрий Павлович (Брянск) историк-краевед, кандидат филологических наук.

Тарасов Константин Андреевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург).

Усенко Олег Григорьевич (Тверь) – кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой отечественной истории Тверского государственного университета.

Хайрулин Марат Абдулхадирович, исследователь (Москва), историк авиации.

Хохлов Илья Владимирович (Великий Новгород), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Новгородского музея-заповедника, член Совета отделения Российского исторического общества в Великом Новгороде.

Цветков Александр Владимирович, соискатель кафедры отечественной истории исторического факультета Тверского государственного университета (Тверь).

Чернякевич Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, сотрудник Центра белорусских исследований в Варшаве (Гродно, Республика Беларусь).

Шулдяков Владимир Александрович (Омск) – кандидат исторических наук, доцент кафедры технического обеспечения (и тактики) Омского филиала Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва МО РФ.

Яковенко Владислав Алексеевич (Москва) - магистрант Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Научное издание

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ

Сборник научных трудов

Выпуск 12-13

Подписано в печать 24.12.2019. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Уч.-изд. л.: 18.8. Усл.-печ. л.: 56,26 (60.5).
Тираж 100. Заказ № 4266-036.

Издательство «Техно-Декор»,
Саратов, Московская, 160, тел.: 77-08-48,
sar-print.ru